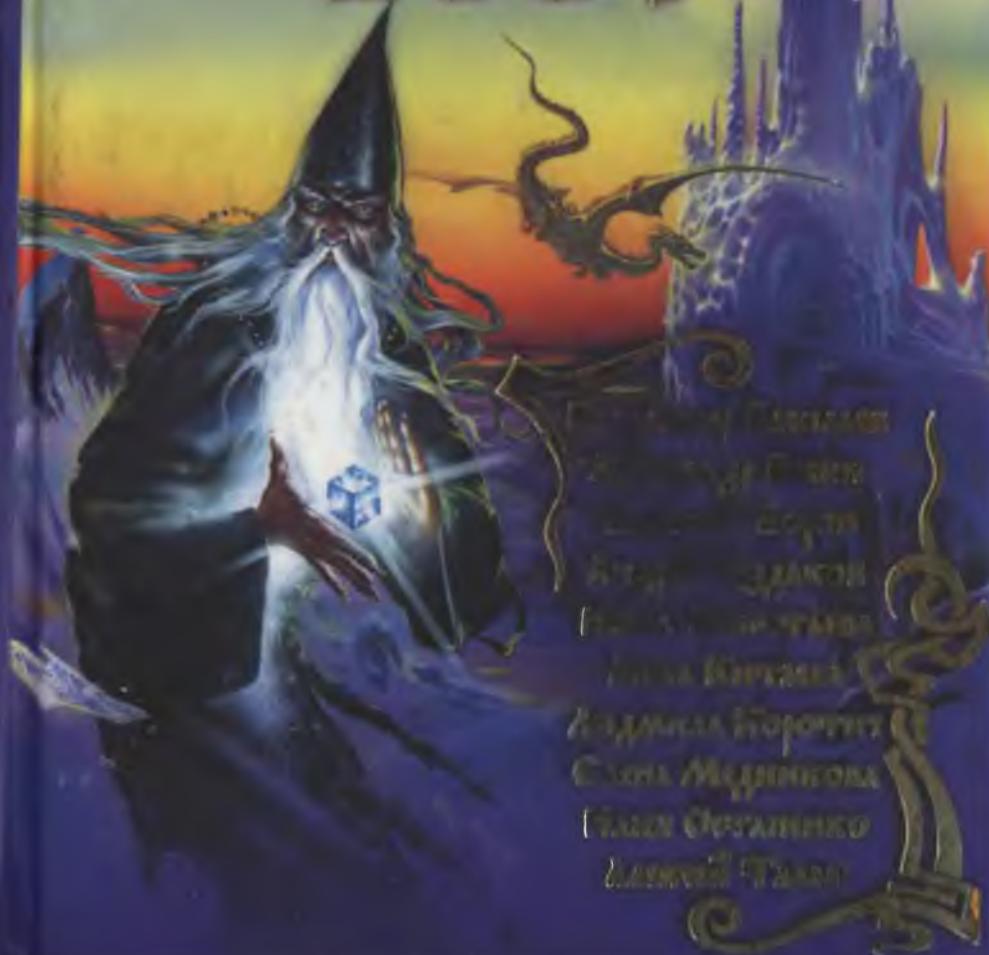

РУССКАЯ ФЭНТЕЗИ

Заключенные миры

ДВА КРЫЛА

РУССКАЯ
ФЭНТЕЗИ
2007

акт
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д22

Серия «Заклятые миры» основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Баландин

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Подписано в печать 29.06.07. Формат 84x108 1/12.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 4000 экз. Заказ № 5450 Э.

Два крыла. Русская фэнтези. 2007 : [сб.]. — М.: ACT: ACT
Д22 МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 605, [3] с. — (Заклятые миры).

ISBN 978-5-17-044670-4 (ООО «Издательство ACT»)
ISBN 978-5-9713-5644-8 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-3718-6 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Один из самых любимых жанров авторов и читателей фантастики в нашей стране. Фэнтези — во всем ее многообразии. Озорной юмор — и вполне серьезные проблемы.

Увлекательные приключения — и оригинальные философские концепции. Мистические городские легенды — и неожиданные, таинственные повороты истории...

Многообразие сюжетов и образов, персонажей и ситуаций.

Повести и рассказы, относящиеся ко всем возможным стилям и направлениям фэнтези.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

СОДЕРЖАНИЕ

1

Инна Живетьева ДВА КРЫЛА	9
Василий Ворон ОБРАЩЕННЫЙ К НЕБУ	15
Андрей Ездаков ПУТЬ «ОБОРОТНЯ»	133

2

Владимир Васильев МАТАДОР	257
Анна Китаева ТОЛЬКО СОН	305
Александр Васин ЖИЗНЬ ВУРДАЛАКА	329
Людмила Коротич ЖИЗНЬ НА ВКУС	351

Алексей Сергеевич Талан	
ГОРА СМЕРТИ	441
Юлия Остапенко	
ЛЮТЫЙ ОСТРОВ	488
Елена Медникова	
НЕ-ГЕРОЙСКИЕ ДОРОЖКИ	593

1

Инна Живетьева

ДВА КРЫЛА

Небо над степью как еще одна степь — бескрайнее. Улетают птицы за горизонт, и в Ярке зудит предвкушение полета. Стелется трава под ветром, идет волнами, колышется — точно дышит степь полной грудью. Звенит многоголосый хор кузнецов, брызгами из-под ног разлетаются.

Широкие отцовские ладони подхватили Ярку за бока, усадили на Гнеда. Конь покосился на легкого всадника, тряхнул головой. Гнед — жеребец серьезный, ему отец жизнь свою доверяет.

— Бойшься?

— Вот еще!

Но подтрењивает у Ярки под ребрами. Хочется вцепиться в гриву, намотать на кулак длинные пряди, но мальчишка выпрямляется, сжимает лошадиные бока коленями. Насмешливо качает головой конь: ему Яркины усилия — что кузнецик на круп запрыгнул.

— Вперед! — Отец хлопает Гнеда по крупу — и солнце несется навстречу, огромное красное солнце. Бьет в лицо ветер, перехватывает дыхание. Степь сливается в желто-зеленую гладь — вот оно, Яркино небо. Грохот копыт и биение сердца выступают лучшую на свете музыку. Э-ге-гей! Э-э-эй!

Сам не понял, как оказался на земле. Поменялись местами зелень и синь, и сразу ударило в плечо, хлестнула трава — покатился Ярка. Р-р-раз — остановился носом в землю. Ш-ш-ш, больно-то как.

Подбежал отец, быстро ощупал ребра, тронул разбитый локоть.

— Цел? — Обнял, пахнуло на Ярку отцовским запахом — табаком да потом, порохом да травой.

Мальчишка мотнул головой так, что рыжий чуб упал на глаза.

— Цел, конечно! — Оглянулся: Гнед стоит неподалеку, траву прихватывает. Даже глаз не скосит полюбопытствовать: как там неудачливый всадник. — Ууу, какой! — Ярка погрозил жеребцу кулаком. Сердится притворно: слишком уж хорош Гнед, и слышна еще та чудесная музыка — перестук копыт и сердца.

…Года не прошло, как вернулся Гнед один. Тяжело вздымались бока, смотрел конь виновато. Оставил он хозяина на изрытой копытами, увлажненной кровью земле. Хорошо погиб Ярков отец — в бою, с собой немало Адаровых бандитов прихватил. Страшно выла мать, обливая слезами шелковистую шкуру жеребца и цепляясь сухими пальцами за гриву.

Эх, сейчас бы Гнеда сюда! Хоть и постарел, а все одно бы вынес. Но нет коня, и руки за спину вывернули, стянули веревками, Ярка их уже и не чувствует. Широка степь, но нет больше воли. Попался Ярка в зубы Адаровым псам. Вон сидят у костра, посмеиваются, на пленника глядя. Ничего, скальтесь, все один вам конец. «Не бывать степи под вами, не бывать», — шепчет Ярка. Закрывает глаза, чтобы не видеть рож противных.

Как глупо попался! Хоть землю грызи от отчаяния. Три года дурил Ярка-разведчик Адаровы банды, тенью неслышной ходил, из таких переделок возвращался, что потом в байках расходились по всей степи. А тут у Старого брода, на своей земле, налетели, захлестнули арканом, сбросили на землю.

— Да нешто он? — цыкнул тогда кто-то.

Ярка вскинул голову, обтер разбитый подбородок о плечо.

— А кого вам надо-то, дяденьки? — Морду поглупее сделал, а сам глазами ощупал: эх, плотно стоят всадники! Кони добрые, догонят. Главарь нагайкой играет, смотрит, как охотник на зайца. Не нравится добыча.

— Сопляк. — Плюнул, сверкнув железными зубами. — Что с того, что рыжий? Вон у нас Фалька, — кивнул на соседа, — тоже лисьей масти.

Знают, собаки. Давно знают, недаром командир стал не-охотно Ярку в разведку пускать.

— А мы проверим, — соскочил с коня рыжий, пошел к пленнику, ножом поигрывая.

Напружиnilся Ярка — вскочить да деру, но навалились со спины. Рыжий ножом рубаху вспорол. Вот она — Яркина отметина, шрам поперек лопатки. По весне ввязались в бой у Серой балки. Углядели там рыжего мальчишку да пальнули. Повезло тогда. А сейчас — выдала отметина.

Расцвел главарь, щерится на Ярку как солнышко:

— Знаешь, сколько Адар за твою голову обещает? Тебе, малец, и не снилось.

— За меня-то золотом дают, а за тебя и деръмом не заплатят, — отбрил Ярка.

Побагровел железнозубый, свистнула нагайка, достала кончиком пленника. Ярка лишь выдохнул сквозь зубы. Глупо попался!

— Вяжите его.

Почти день везли, ближе к вечеру лагерем встали у редень-
кого перелеска. Пленника развязывать не стали, так у костра
бросили. Адара ждут, вот-вот атаман появится. А значит, умрет
Ярка еще до того, как солнце сядет. Обложили Адара, не станет
он долго возиться.

Обидно Ярке умирать, жизнь и не прожита — только начата. Хоть бы раз еще по степи промчаться, как птица вольная, ветер губами словить. Но другие птицы Ярку ждут — прилетят стервятники. Вон кружит один, расправил широкие крылья, плывет кругами в темнеющем небе. Хотя нет, не похож на стервятника, сощурился пленник. А может, это и не птица вовсе, а Роско из отцовской сказки? Еще без штанов Ярка бегал, когда услышал первый раз о храбром воине. Раненного, пленили его вороги. Привели на обрыв и живого столкнули вниз, на острые камни. Но крикнул Роско: «У меня два крыла!» — и обернулся птицей. Прилетает к тем, кому смерть в плenу обещана, надежду дарит, выстоять помогает.

«У меня два крыла», — шепчет Ярка. Но стянуты руки, не улететь. Отец говорил, Роске крылья ненависть дала, но разве Ярка не плакал злыми слезами, глядя на одинокого Гнеда? Разве не клялся отомстить за отца? Разве нет его, Яркиной, крови в земле, что не хочет под Адаром быть? Разве зря порох изводил и шашку точил? Зря ночами замученные и казнен-

ные снились, деревни сожженные, поля, давно не паханные, а боями растерзанные? Зря уговаривал командира: «Ничего, что ростом не вышел. Зато там пройду, где никто не сможет. Возьмите, моя ненависть, может, посильнее какой взрослой будет»?

Лучше бы и не вспоминал — заскребли слезы. Как не хочется умирать! Сейчас умирать, когда загнали Адара, обложили, как пса бешеного.

Как матери-то скажут? Придет командир, снимет шапку... От отца у нее рубаха праздничная, малиновая, осталась да купленный на ярмарке в подарок кувшинчик расписной. От Ярки же — и вовсе ничего. Не берегут мальчишки одежду, и другие у них радости-сокровища. Улететь бы к маме, хоть на минутку увидеть, повиниться за все. Шепчет Ярка: «Ненависть моя, у меня два крыла», — и гулом отзывается земля. Скачет Адар с приспешниками, все короче Яркина жизнь. Вон и солнце край за горизонт опустило, уже не желто-зеленая, черным да красивым покрывается степь. Тянутся алые лучи далеко-далеко, туда, где ждет сейчас командир, волнуется, кусает ус. И дальше, к низенькой хатке. Обливает теплом завалинку, на которой сидит после трудов вечерних мама, уронив на колени руки с набрякшими венами.

Суeta поднялась в лагере, заржали кони, загремели голоса. Поверх всех ложится густой, дымом прокопченный:

— Показывай добычу! — Перед Яркими глазами заблестели хромовые сапоги. — Глянь, Петка, в этого ты палил?

— Он, гаденыш. — К пленнику наклонился мужик с черной бородой, ухватил за грудки. — Это же ты навел на Осиную падь! Скольких тогда порубали! — рычит связанному в лицо. — Брата моего от плеча развалили. Ах ты... — Тяжелый кулак прилетел Ярке в глаз. Вспыхнул красноватый рассвет, рассыпался алымиискрами.

— Поднимите, — приплыл Адаров голос.

Подняли, встряхнули, поставили. Вот он — кто степь насиливует, кто хочет ее под своей нагайкой держать. Седина ранняя в волосах серебрится, глаза умные, да холодные.

— Что, Адар, твои псы одного мальчишку боятся? — Насмешка в Яркином голосе так и брызжет. — У себя в лагере обступили и даже руки не развязуют.

Ночь идет на степь, только бы вырваться из этого круга, а там — укроет. Страшно умирать. Обступили бандиты, шашки у них поблескивают. Дадут приказ — разом покрошат.

Смотрит атаман. Не верит, что этот сопляк дурил им головы. Смотрит и Ярка. Нет, не убежать. Но развязали бы руки, как волчонок вцепился бы в Адарово горло, чтоб не смел больше землю поганить.

— Расстрелять.

Вот и все, Ярка, кончилась твоя жизнь.

Одна радость, что ведут в любимую степь. Чем дальше от лагеря, тем гуще вечерний воздух, замешанный на травах. «У меня два крыла, ненависть моя», — твердит беззвучно, лишь бы не полонил страх. Шаг да шаг, да еще один. Ложится под ноги трава, пригибается-стелется. Парит над головой птица, вольно ей в небе. А Ярку не поднимает ненависть, как поднимала она его шашку в смертельный полет. Может, отец ошибся, может, молва людская, но не расправляются крылья. Шаг, один да второй, да еще один. Тени длинные под ногами. Брань за спиной. «Ненависть моя, что ж ты крылья не дашь?»

Пришли. Овраг неглубокий, еще не изъеденный весенними ручьями. На будущий год проточит сильнее дно, рассыплет края. А Ярки — уже не будет.

— Что, рыжий, умирать не хочется?

Ярка повернулся, узнал Адарова прихвостня Петку. Щерится, ружье поглаживает:

— Брату моему тоже жить бы да жить. Детей строгать, шашку держать.

— Не хочется, — кивнул Ярка. — Да только все одно всем помирать, а моя смерть, может, краше твоей будет.

Скривил губы палач:

— От дурак! Смерть — она смертушка и есть.

Вскинул ружье, глянул на пленника. Властью своей упивается.

«У меня два крыла. — Но держат, держат веревки. — Ненависть моя, неужто мало тебе?»

— Стреляй, не тяни, — понукнул конвой.

Не на палача смотрит Ярка, на закатное солнце, и слышится ему перестук копыт и сердца, отцовский запах — трава да пот, табак да порох. Жесткая грива коня полощется, желто-

зеленая гладь стелется, конца и края ей нет. «У меня два крыла», — шевельнул пересохшими губами, без надежды — мало ненависти для полета.

Не услышал выстрел. Огнем толкнуло, жаром горло закупорило. Закружилась перед глазами степь, рванула — э-ге-гей, ветер в лицо!

У меня два крыла! Два широких крыла, что подняли в небо, обняли ветер. У меня два крыла, что несут над степью.

Одно — ненависть, как солнце жаркая.

Другое — любовь, широкая, как степь.

...охнул Петка, перекрестился. Показалось — толкнулась под ногами земля. Почудилось — вылетела из оврага птица, поднялась в закатное небо.

Василий Ворон

ОБРАЩЕННЫЙ К НЕБУ

...истоки былинного эпоса о великом воине,
защитнике земель славянских, Илье Муромце...
(вариант реконструкции)

*Не думайте, что Я пришел при-
нести мир на землю; не мир пришел
Я принести, но меч...*

Иисус из Назарета
(от Матфея, 10:34)

ПРОЛОГ

Ехать было славно: по дороге мерно катились телеги, кряхтя на ухабах, судачили обозники, намечая загодя, как действовать на киевском торге, кто-то гнусил себе под нос песню, оставил думки на потом либо уже имея себе на уме нужный расклад. Илья ехал на мерине Туче у самой последней телеги, слушая, как старик Улыба травит очередную небылицу на потеху дядьке Кнуту да пареньку Тюре, пооставшему от своего воза и шедшему, чтоб поразмять кости, рядом.

Когда отсмеялись да притихли, Тюря спросил:
— А правду говорят, будто в местах этих разбойник Соловей лютует?

Кнут фыркнул, как кот, которому велели наловить мышей в леднике, а Улыба отозвался:

— А ты думал, люд потешается над простаками вроде нас, проезжих?

Кнут сказал:

— Именно что потешается. Никто этого разбойника не видал.

— А еще не видали тех, кто по лесам здешним пройти решил, — проскрипел под стать колесным стуницам Улыба и хихикнул, видя, как зябко передернул плечами Тюря. — В леса хаживали, да назад не возвращались.

— Ладно врать-то, — лениво отозвался Кнут, метким щелчком срезая слепня, что норовил усесться на круп его гнедой. — Потому и не возвращались, что не ходил никто. Соловей какой-то! В одиночку с прохожими людьми справиться — виданное ли дело?

— А может, он не в одиночку, может, он главарь целой ватаги? — с радостью пугаясь, предположил Тюря.

— Да полно! — тряхнул головой Кнут. — Какой же дурак тут орудовать станет, хоть и с целой шайкой? Почитай, Киев недалече, дружиинники враз признают, а поймают, батогами отделять не станут — сразу кровь пустят.

— Так еще поймать надо! — воздел к небу палец Улыба и зашелся своим прерывистым колючим смехом.

И тут Туча под Ильей прянул ушами, фыркнул и стал на дыбы.

— Куда?! — зашипел Илья, с трудом удерживаясь в седле и норовя осадить коня, но без толку — Туча хоть и встал на все четыре, взрыкивал, прядал ушами и старался, как чувствовал Илья, гнать куда-нибудь без разбору.

— Эй-эй, милай! — натянул вожжи и Кнут: с его крапчатой творилось то же самое. Да и весь обоз залихорадило: кони повсюду рвались с места в карьер, норовя выпрыгнуть из хомутов да оглобель. Повсюду слышались осаживающие окрики возчиков, ржание и удары копыт по передкам телег. Лишь только Илье удалось успокоить коня, стало ясно, что и все остальные лошади угомонились: больше не рвали, но покой потеряли, дрожа и взбрыкивая.

— Эй, славяне! — раздался голос старшего. — А ну — хватай ножи с топорами!

— Неужто бирюки?.. — вытягивая из-за пазухи тесак, приглушенно проскрипел Улыба, а Кнут, изготовив для удара кнутовище, проворчал:

— Да уж конечно, не твой разбойник Соловей...

Илья погладил Тучу по шее, чувствуя, как колотится у того сердце, вытянул из ножен меч и хотел было тронуть коня к голове обоза, как тут снова что-то случилось. Нет, не волки это были. Илья не услышал — почуял всем своим существом удар. И тотчас впереди загомонили снова, а потом кто-то жутко и пронзительно, по-бабьи, закричал. Илья ударил пятками Тучу по бокам и рванул вдоль выстроившегося по дороге обоза к голове, уже пряча меч обратно в ножны — он знал, что именно следует делать дальше, потому что незнамо как, но ведал: откуда пришла беда...

...Я уже хотел было оставить их в покое, предоставив самим себе, как вдруг понял, что сейчас что-то случится. И что не зря я притащился сюда, повинуясь своему внутреннему пониманию, хоть и думал, что блахъ это, что я словно мать стараюсь выглядеть в ребячьем гурте свое дитятко — кабы чего не случилось. (Тоже мне дитятко...) А вот наше вам: случилось. И сразу понял я — здесь не какие-то там муромские разбойнички, здесь покрепче будет. Здесь сразу запахло кровью — страшной и неудержимо льющейся. И страшной вовсе не потому, что я ее давно не нюхал...

Хорошо, что Илюшка ехал в хвосте обоза. Потому что тот, кто ударил, напал в лоб — и сделал бы это еще более неожиданно, если бы был исправен. Первый удар у него не получился: пар буквально ушел в свисток, только зверье напугал. Но эти неполадки, чувствуется, у него уже бывали — привычен он был к ним, — и поэтому после неудачной попытки собрался и...

Я успел увидеть, как это у него вышло во второй раз.

Второй удар оказался гораздо сильней, чем требовалось. Снесло сразу троих, оказавшихся на одной линии: лошадь, запряженную во вторую телегу, мужика, шедшего рядом, и седока первой. Я видел, как у них оторвало внутренние органы. Внешне тоже все выглядело не лучше: у того, кто оказался впереди, лопнули оба глаза. У всех троих брызнуло и потекло все, что можно, из всех предусмотренных и непредусмотренных природой отверстий, плюс множественные гематомы, от чего кожа сразу теряет при-

вычный, живой цвет, и так далее в духе военно-полевой медицины. Ждать следующего удара было немыслимо, однако я недооценил своего ученичка.

К этому времени я уже владел ситуацией настолько, чтобы прекратить все немедленно. Я уже засек его — он сидел на дереве и готовился ударить снова. А увидев, понял, что его неполадки не позволяют этому случиться, по крайней мере в ближайшие секунд сорок. И я предоставил право действовать Илье.

Парень знал, что делать. И он тоже видел его. Еще не глазами, но все равно — видел...

...Илья не смотрел туда, где в ужасе двигались люди: кто метался над поверженными несчастными, кто намеревался спасаться, кто безуспешно выискивал врага. Он догадался спрыгнуть с Тучи и рванул прямо в лес, пригибаясь от хлестких ударов веток и на ходу заряжая лук. И когда увидел лиходея, спустил стрелу, сейчас же выхватывая из колчана другую.

Темная грузная тень отделилась от дерева, прыгая вниз. «Неужто леший?!» — с ужасом подумалось Илье небывалое. Но зря возводил он на лесного хозяина напраслину — человеком был неведомый разбойник: улепетывая в чащу леса, тот обернулся, и в косых послеполуденных лучах солнца, прорвавшихся сквозь плотную листву, Илья смог разглядеть его.

Это был горбун в черных засаленных кожах по всему крахмистому телу. Если бы не был он увечным, а ходил прямо, то опередил бы Илью на целую голову, и тому даже подумалось, что же это он удирает, ведь мог бы и помериться с противником силой в открытом бою. Горбун, однако, и не думал прятаться, а, отбежав от Ильи шагов на десять, обернулся и как-то странно присел, прижав огромные руки к горлу. Никакого оружия у него Илья не заметил, но понял, что странное приседание разбойника не к добру. Смекнув про это, он тотчас спустил вторую стрелу. И пока она медленно пронзила сквозь густой воздух лесного сумрака, Илья понял, что задуманное у злодея не вышло (только заряжали позади на дороге, как в первый раз, лошади), а горбун присел еще ниже и, опережая полет стрелы, взлетел на ближайшее дерево. Он ловко уцепился своими корявыми, будто ветви ветлы, руками за сук и полез все выше, унося в правой ноге, ниже колена, стрелу Ильи.

Никогда еще Илье не доводилось видеть, чтобы человек так лазал по деревьям. Он и не лазал даже, а перелетал с ветки на ветку что твоя белка, и еще Илья отчетливо услышал, как твердо и жутко вгрызались в кору ногти разбойника. Призыывать на помощь богов было некогда, и Илья снова вскинул лук. И вовремя — лиходей как раз замер на одной из веток в дюжины саженей над землей и снова зачем-то приставил обе ладони к горлу. Илья отчего-то знал, что этого никак нельзя позволить ему сделать, и третья стрела, коротко пропев в воздухе, с глухим стуком вонзилась разбойнику прямо в правый глаз. Человек покачнулся, растопырил обе руки, отняв их от горла, и, более не сделав ни одного движения, рухнул вниз. Он так ударился оземь, что Илья решил, что если его и не убила стрела, то такого падения ему не пережить. Но ошибся.

Разбойник был не в себе. Он тупо смотрел уцелевшим глазом на подошедшего Илью, лежа точно в такой позе, в которой только что стоял на ветке. Илья ждал, что будет дальше, но такого не ожидал: разбойник очень быстро весь подобрался, выпрямился и оказался на ногах. Илья пришлось бы плохо, если бы не выучка всегда быть начеку; к тому же, подходя к поверженному разбойнику, он спрятал лук и обнажил меч. Лиходей с места, лишь вскочив на ноги, по-звериному прыгнул на Илью. Отступив в сторону и крутанувшись на одной ноге, Илья полоснул мечом, сообщив ему вращением дополнительную силу. Он поразил противника режущим ударом по горбу, но если для любого другого такой удар оказался бы смертельным, то на разбойнике это никак не отразилось. Илья смотрел во все глаза, стараясь разобрать, как тому удалось уцелеть, но заметил только рассеченную черную кожу разбойничьей одежды на горбе. Лиходей же ловко развернулся, никакого внимания не уделяя торчавшим у него из головы и голени стрелам, и снова бросился на Илью, расставив огромные руки в стороны. На этот раз Илья не стал уворачиваться, а сам решил атаковать. Пара выводных взмахов мечом и один сильнейший удар в горло. И только тогда разбойник замер вновь, уронил руки вдоль тела и упал лицом вперед, подмяв собой листья папоротника и сломав древко стрелы, торчавшей из вытекшей глазницы.

Илья опустил меч и только теперь позволил себе удивиться всему произошедшему и еще тому, как же огромен был поверженный горбун. Огромен и могуч. И совсем не походил он ни своими повадками, ни даже обличьем на человека.

Вокруг Ильи уже стали собираться обозники, позабыв про оружие, кто какое захватил, и жадно разглядывая недавно поминаемого досужими словами Соловья-разбойника, оказавшегося таким грозным воючию...

...Я только слышал о них и уж никак не думал, что могу по-встречать одного здесь, где появиться он никак не мог. Выходит, одного позабыли. Уцелел-таки...

Их завезли еще во времена третьего посещения, большей частью высадив на обоих Американских континентах и совсем уж немного на территории Магриба. Единственное литературное упоминание о них принадлежит Гомеру, так как индейцы письменностью не обладали, а узелковым письмом кипу не очень такое и запишешь. Однако старина Гомер превратил этих чудовищ явно мужского полу в энергичный феминистический образ сирен, с коими довелось столкнуться Одиссею. Однако великий слепец Гомер, похоже, не сознательно исказил этот страшный образ, скорее всего такими дошли до него сведения. (Знать бы, от кого он услышал эти байки... Впрочем, в том, что это были моряки, сомневаться не приходится.) Что ж, губительные песни сирен куда поэтичнее того жуткого способа расправы, который на самом деле был присущ этим чудовищам. Мне тоже, к слову, приходилось встречать тех выживших моряков. И выживших из ума — тоже...

Я хорошо смог его разглядеть среди спин не решавшихся подойти ближе мужиков-обозников. Дьявольское все-таки создание. Жуткое оружие, похожее на человека. Кстати, если отбросить на время мысли о гуманности, эту машину можно было бы назвать совершенной. Очень изящная конструкция, что ни говори. Резонатор, замаскированный под горб (в обычном «теле» он бы не поместился), и концентратор в зобу. Но чтобы подвести импульс, его бы потребовалось сделать гораздо большим, а они просто вынесли два подводящих потока в конечности, и он перед «выстрелом» просто приставлял руки к горлу. Гениально. И при этом всем — невероятная маневренность: если бы я не видел, как

он гимнастом скакал с ветки на ветку, не поверил бы. А окажись он полностью исправен — и я, может, не успел бы. Эх, Илюшка, знал бы ты, каким чудом жив остался...

...Вокруг Ильи собирался обозный люд, а он неподвижно стоял, вперив взгляд в битого врага и опустив меч к самой земле.

Долго никто не смел подойти ближе: стояли, разглядывая поверженного супостата, под которым расползлась черная лужа. Потом осмелели, придвигнувшись к остывающему телу, стали дивиться вслух:

— Эвон, с двумя стрелами по веткам скакал!..

— Да скакал-то с одной, той, что в ноге, — сам видел! А когда Муромец ему в глаз засадил — сверзился.

— Ну да, еще и после не сразу уgomонился.

— Справно ты его, Илья. Добрый из тебя будет дружиинник.

Самые храбрые принялись переворачивать мертвеца на спину:

— Ба, да он аж горячий!

Народ отшатнулся.

— А ну как еще жив?..

— Да нет, кончился... Не дышит. И хоть горячий, а косте-
неть начал. Эвон, лапищи не разогнуть!

Перевернули на спину и заохали:

— Да кто ж это? Лицом вроде не славянских земель...

— Хазарин, должно. Темный весь. Да в кожах. Тыфу, поганы!..

— А может, нежить? — робко подал голос Тюря.

На него замахали руками:

— Да ты что, парень?! Ты эту погань с нежитью-то не мешай. Не к добру так говорить. Лешака прогневиши еще!

— Выскользя догада! — поддержали с другой стороны. — Поди портки отстирай сперва. Да кабы он нежитью был, сейчас бы уже перекинулся хоть в хорька, хоть в волка, а то и вороной обернулся бы. Вона кровь течет. Где ты у нежити кровь видал? Эх...

— Славяне! Да это и на кровь не похоже... Черное что-то... пахнет не так. Смоля вроде... Чур меня береги, Чур-батюшка!

Из горла Соловья и вправду текло что-то густое и черное — на кровь хоть и похоже, но не то. Люди вновь попятались от тела.

— Сожжем его, что ли... Перед огнем все равны, — предложил кто-то.

Хмурый Клёст — голова обозников — сказал:

— Смертью лютой убил он наших товарников. С собой возьмем, пускай подивится Владимир-князь, что за погань разгуливает по его вотчинам. Глядишь, князь не только с полюдьем места наши облезжать станет.

Обозники загалдели и стали обсуждать, на чьей телеге везти этакое чудище, — никому не хотелось.

Пережидая суету вокруг убитого Соловья, Илья вернулся на дорогу и приветил напуганного Тучу. Потом стал поодаль обоза, вонзил меч в землю и, став на одно колено, принялся творить молитву Леду — суровому богу-воину...

...Лучше бы сожгли. От огня они распадаются полностью. Но и то ладно. А Илюшка молодец — только в горло его и можно было поразить. Слабое место: выход резонаторного патрубка как-никак...

БЫТЬ ПЕРВАЯ: МЕЧ СТАРОГО ВИКИНГА

Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть...

Иисус из Назарета
(от Матфея, 24:6)

3

Дом, рубленный еще дедом Путятой, со временем разросся, вплетаясь в потемневшие серебряные бревна новыми, золотыми. Хозяйство, как и дом, было обширное и крепкое — сеяли жито, лен, держали дюжину коров да птицы без счета, отчего кряжистый Чебот и наладился ездить аж в Муром сбывать множившееся добро. Однажды он даже побывал с обозом

в самом Киеве, от суетного да многоречивого гула которого еще долго кружилась у него голова.

Когда Слава — единственная жена Чебота — была брюхатая, у них на подворье уже трудились два наемных работника. В очередной раз вернувшийся из Мурома Чебот поспел аккурат вовремя — когда Слава разрешилась от бремени сыном. Ломать голову над именем отцу было некогда, а поскольку киевский торговый поход так и сидел у него в голове, новорожденного назвали по-иудейски — Илюшкой: княжий город тогда так и кипел от обилия иноземцев от Персии до Чуди, и на берегах Непры-реки воздух был напоен речью немногословных викингов и болтливых эллинов.

Крепкий Илья статью пошел в отца, а норовом в мать — тихий да вдумчивый. Часто оставляя беспокойную непоседливую братию сверстников, он припадал к земле и с увлечением следил за удивительной жизнью всевозможных мелких тварей, снувших в траве и подчас совершенно не замечающих этакого пристального к себе внимания человеческого детеныша.

Привлекаемый сызмальства к работе, прежде чем браться за то же коромысло, он неторопливо изучал всю его незатейливую, но толковую деревянную сущность, чтобы потом уже совершенно этими подробностями не интересоваться, а просто использовать по назначению. И в каждой такой вещи привлекало его выношенное годами совершенство, с коим сработана была эта вещь на потребу людскую. Отец, бывало, серчал не на шутку на Илюшку за то, что из-за этого своего вдумчивого созерцания он казался неповоротливым недотепой.

— Давай ужо! — орал он, стоя у снаряжаемого коняги, пока Илья застыпал над хомутом, задумчиво скользя пальцами по супони. — Ну!

И часто получал шлепка по хребтине или мягкому месту, а Слава всегда, если была поблизости, вступалась за сына:

— Оставь, медведь! Что прицепился к мальцу?

— Да как же, мать?! — разводил лапищами Чебот. — Лапоть же растет!

— Верно, весь в отца, — улыбаясь, остужала мужа Слава. — Два чбота* — пара. И как бы он сафьяновым сапожком не стал.

* сапог, высокий башмак.

— Эх! Твоими бы устами... — махал рукой Чебот, но в душе соглашался с супругой: долгий на поучения Илья оказывался скор в деле, и уж если что освоил, то крепко, с корнем.

Их дом стоял с краю села, неподалеку от речки. И у реки как раз и было у Ильи свое место: тайное, тщательно оберегаемое от чужого догляда. Натащав ли из колодца воды для матери, подсобив ли отцу на гумне, или наигравшись с погодками, Илья, если возникала надобность побывать совсем одному, перелетал изгородь, обегавшую родительское подворье, несся по улице, взметая босыми ногами теплую невесомую пыль, пересекал пустошь, поросшую полынью да другой сорной травой, и скатывался меж кустов да ив к берегу.

Речка была невелика — саженей с десять в самом широком месте, но таиншая в себе глубокие омыты, — и вода в ней всегда была студеная, как в колодце. Это Илью не пугало, он непременно лез в реку, плавал, отфыркиваясь и задыхаясь от будоражащего восторга, нырял, норовя в вязкой мгле увидеть хоть что-нибудь, а потом лежал в траве на крутом бережку, отогреваясь на солнце и глядя в ласковую прозрачную синь неба. Жаворонок, бившийся скоморошьим бубенцом в этом воздушном омуте, тревожил его воображение, и он в такие минуты страстно желал стать птицей, чтобы вольно плескаться в этой синей, сродни воде глубине, чтобы быть быстрее всех, быть может, даже быстрее огненных стрел Перуна. И уже после такого ритуала Илья, согревшийся, с мокрой головой, шел в свое тайное место.

Оно было под берегом, в густой тени ив да малинника, верно охраняющего логово, неподалеку от старого, чудно изогнутого дуба. Нора не нора — один только Илья и мог там поместиться, заботливо укрытый зубчатыми листьями крапивы да когтистыми ветками кустов малины. И видна была из этой засвеченной дыры река, неторопливо огибающая противоположный берег, и немного сумрачный, словно задумавшийся лес, начинавшийся на том берегу. Мерно несла свое гибкое тело речка, играя с наступившимся отражением темных деревьев, полоскались ивовые ветки, расчерчивая воду клиньями, гомонили птицы. Небо пряталось за нависшими со всех сторон над логовом ветками, напоминая о себе порывами ветра в вершинах деревьев.

ев, и казалось Илье, что никого нет на этой заповедной земле, ни единого человека, да и земли будто нет, кроме вот этого леса да реки. И он будто растворялся в своей тайной норе, сливаясь с ее утрамбованными стенками, не смей пошевелиться, чтобы не нарушить этого зелено-голубого царства, где его телу будто и не было места, будто чужое оно было здесь. И он лежал в своем укрытии, ощущая себя не иначе как дырой, впитывая в себя вздохи ветра, неслышную речь воды и молчание леса на том берегу. И дядька Леший показывал ему время от времени свою поросшую мхом голову и неопределенно махал суковатой рукой — то ли приглашая к себе в гости, то ли предостерегая от этого.

Когда шло его двенадцатое лето, Илья с мальчишками затеяли сплав на плотах по реке и изрядно удалились вниз по течению. Дойдя до излучины с заводью, они решили выкупаться и долго плескались, разнося вокруг веселые крики. Вода в этом месте была теплая из-за отмели, плоты лениво тыкались в берег, привязанные к колышкам, и вылезать никак не хотелось. Илья, утомленный шумной возней, желая побывать в тишине, отплыл подальше, туда, где деревья по берегам стояли гуще, плотнее обступая реку. Здесь река в очередной раз начинала вползать в лес, над водой клонились все те же ивы, и Илью обжигали бившие в глубине холодные ключи. Сделав вплавь круг в сумеречной тиши, он задумал проплыть глубину, чтобы потом сигануть в воду с нависшей над самой рекой березы, и нырнул. Не найдя дна, Илья устремился вверх и вдруг почувствовал, что никуда не движется. Это было странно, потому что он привычно и сильно толкал воду ногами и руками, но все было без толку, река словно перестала быть упругой и даже как будто начала двигаться от него, чего никак быть не могло. Илья испугался, ощущив, что ему уже не хватает воздуха и понимая, что его затягивает в омут. Тотчас ему вспомнился водяной дядька, про которого все знали, что в самой глубине у него есть богатый дворец, где он правит подводным миром и, когда приходит срок, готовит себе смену из утонувшего мальчишки, коим и сам когда-то был. Жгучий шар страха взорвался в груди Ильи, заставив невольно хватануть ртом воды, и река, словно того и ждала,

сейчас же полезла тонким душащим щупальцем куда-то прямо в душу. Илья понял, что пришел его конец. Он уже падал к неведомому дну, все еще продолжая, как ему казалось, молотить ногами, когда что-то сильное схватило его за запястье и рвануло вверх, к солнцу, сонно мерцающему сквозь зеленоватую толщу. Он не успел ничего понять, как словно наполненный воздухом бычий пузырь вылетел на поверхность. Задыхаясь, он невесть как добрался до берега, прополз по отмели и перевернулся на бок, стараясь не разорваться от кашля и втягивая в себя по крохам живительный воздух. Вместе с чудовищным кашлем из него нехотя выползло страшное речное щупальце, превратившееся теперь в гадкую слизь бурого цвета. Придя в себя, он добрел до шумной ватаги товарищей, плескавшихся как ни в чем не бывало неподалеку, и рассказал все, что с ним приключилось. Мокрая братия, сидя на берегу, трепетно внимала, и в конце рассказа Ильи малец-полукровка по прозвищу Хвост выдал то, что и так было всем ясно:

— Знамо, водяной князь тебя чуть не заграбастал, — и уверенно сплюнул в траву.

Сын старосты, лopoухий Светич, сказал:

— Выходит, не глянулся ты ему чем-то, Илюшка, что выпустил он тебя.

Трясясь больше от пережитого страха, чем от холода, Илья, лязгнув зубами, мотнул головой:

— Не, братцы, он меня с водой затягивал, это меня русалка спасла, берегиня-матушка.

Он рубанул воздух правой рукой и в изумлении уставился на собственное запястье. И тут все увидели, как на бледной коже Ильи отчетливо проступает сочно-розовый отпечаток тонкой руки, будто и впрямь женской, не в пример широкой лапищи водяного, оттиски которой время от времени всем доводилось встречать на илистых потаенных бережках.

Плыть дальше после случившегося раздумали и после трапезы отправились берегом до дома. А перед этим Илья, не притронувшись к собственным припасам, отнес узелок со снедью в укромное место у омута, где прихватил его водяной, разложил на лопушке хлеб, печеные яйца да шмат сала и поклонился ветвям ивы, с которыми непременно играет безлунными ночами всякая русалка.

2

Через три года случился первый на памяти Ильи набег печенегов, да и то сказать, случайный в их местах — сельчане отделались легко. Озоровали кочевники где-то в стороне (сказывали, будто муромчане пострадали изрядно), а в село нагрянули походя, уже отяжелевшие от добычи, и всего только зарезали немого пастуха Свирию да уволокли две коровы. Первый раз тогда видел Илья пустое тело: лежал старый пастух ничком, с раскроенным черепом, застигнутый кривой саблей в безуспешной попытке убежать. В руке он сжимал свою всегдашнюю свирельку, что служила ему вместо голоса. Со свирелькой этой его и проводили, предав огню.

Обе коровы оказались со двора Чебота, однако тот только покачал головой, сказав, что могло быть хуже, и велел Илье до блеска начистить медные пластины, которыми были обиты длинные усы Велеса, что стоял вместе с богом Купало на родовой кумирне, слева от ворот. Жрец Путила, живший возле сельского капища, обошел все село, требуя подношений богам и страшная грядущими набегами поганых. Тем же вечером были принесены жертвы: с каждого дыма по петуху либо курице. Под водительством заросшего обильным волосом Путилы селяне умертвили жертвы и принесли истуканам Перуна, Велеса и Макоши, что невозмутимо взирали со своей высоты на жертвенный огонь, зажженный в их честь. Путила, неторопливо поедая причитающуюся ему часть курятинь, возвестил, что жертвы приняты и теперь можно надеяться, что поганые забудут дорогу к селу. Чебот же, решив, что жертва недостаточна, велел Славе притащить самого голосистого петуха, распотрошить его на родовой кумирне, и на потемневшем лице батюшки Велеса долго мерцали медные усы в отблесках жертвенного костра, обещая богатый урожай да защиту от напастей.

В то же беспокойное лето, уже в начале зимы в село пришел хромой викинг, почти старик, заросший рыжим волосом до самых глаз, метивший в Новгород и попросивший о зимовье. Староста, посоветовавшись с Путилой, позволил ему остаться, отдав домишко угодившего прежде времени в Навь пастуха Свири. Викинг назывался Сневаром Длинным, жившим в дотла разоренной деревне под самым Муромом. Обосновавшись в

доме пастуха, норманн оказался неприхотливым и ладным человеком. Не в пример своим сородичам с холодных берегов, был он горазд сказывать варяжские руны про дерзкие походы к северным да южным морям да иные презентные байки. Невысокого Сневара, как оказалось, за то и прозвали Длинным — не по росту, а за неутомимый язык. Первыми к нему, как к новому на селе человеку, повадились ходить мальчишки, в числе которых был и Илья, а потом стали приходить и взрослые селяне. Бабы носили ему еду (зима, а у пришлеца ни горсти жита, ни курицы), мужики помогли подправить углое Свирино хозяйство. Всем Сневар Длинный был благодарен — бабам за милосердие, мужикам за подмогу, мальчишкам — за истовое любопытство к его рассказам, в которых так и чувствовался крепкий ледяной ветер, натягивающий парус летучей варяжской ладьи. О себе самом он будто и не говорил никому, но ходили слухи, что был он в дружине самого конунга Свенельда Мудрого, ходившего на Балканы бить зазнавшихся эллинов. Молчаливым доказательством этого был укороченный меч, который Сневар осмелился показать после месяца пребывания в селе. Меч был истинно норманнский, тяжелый, с потемневшим от тяжких трудов крыжем, плотно охваченным кожаным ремнем. Староста Борич, осмотрев оружие, послал с оказией весть о том в Муром. Уже весной, когда Сневар Длинный решил жить на новом месте, оставил затею идти в Новгород, в село явился дружиный разъезд в полудюжину всадников, совершивший обычное полюдье. Хмурый десятник с обожженным лицом, кое-как закрытым бородой, расспросил викинга, осмотрел его меч да сказал старосте, что ничего подозрительного в пришлеце не видать, на шпиона да наймита, мол, не похож. Стар больно для таких-то дел. От разъезда же этого еще узнали, что Муром от прошлогоднего набега сильно не пострадал, а вот ближайшие деревни да слободки потрепали — иные и впрямь дотла, никакой дани не возьмешь, иначе вовсе ноги протянут. Сельчане удостоверились лишний раз, что им и впрямь повезло, и Путила снова правил принесением жертв богам-заступникам.

Мальчишки, распаленные оружием викинга да его сказами, понастругали себе деревянные мечи и щедро награждали друг дружку ссадинами да синяками, пока Сневар Длинный,

имеющий теперь вес неоспоримого доверия, сказал, что так не годится. Он достал свой меч, вышел, прихрамывая, на середину двора и велел Илье и Хвосту атаковать его с обеих сторон. Перехватывая поудобнее вспотевшими ладонями рукояти своих деревянных мечей, ребята потоптались, пошмыгали носами и, подбадриваемые криками сверстников, вставших поодаль в круг, бросились на Сневара. Тот, даже не подняв меча, легко, ничуть не хромая, увернулся и прикрикнул на мальчишек, чтоб не играли в бирюльки, а нападали всерьез. Разозлившись от хохота товарищей, Илья с Хвостом кинулись на викинга вновь и сейчас же неведомо как оказались на земле с жалкими обломками своих потешных деревяшек в руках. Ротозеи, стоявшие вокруг, от восхищения взывали. После сего дня вся ватага деревенских мальчишек, увиливая от домашних обязанностей, стала каждодневно наведываться на двор Сневара Длинного и постигать премудрости ведения боя. Синяков поубилось, деревянные мечи покрывались безобразными зазубринами да сколами, выстругивались заново и опять сшибались с глухим стуком, несшимся со двора, заставляя ворчать сельских баб да посмеиваться в бороды мужиков. Так прошло два года, в течение которых рвение одних мальцов поутишило, других (с Ильей заодно) — закалилось. Мальчишки взрослели, забот по хозяйству становилось все больше, и если они чересчур усердно упражнялись с мечами, забывая о страде, Сневар сам гнал их к родительским угодьям, шутейно грозя совсем прекратить боевую выучку. Это действовало безотказно, отцы да деды одобрительно кивали бородами Сневару при встрече, и в селе викинг прослыл толковым да добрым мужиком.

Не только мозоли от деревянного меча да отцовского плуга появились на ладонях у Ильи — в его сердце поселилась чудопитица Любовь.

Оляна оказалась в селе вместе с обозом пожарников из соседней деревни, появившихся в следующее лето после того, как пришел Сневар Длинный. На степняках вины не было — болтали, будто кто-то пустил красного петуха от давней жгучей обиды. Уцелело пять семей, в числе коих и Оляна с матерью и младшим братом (отец с бабкой сгинули в огне).

Увидев Оляну впервые, Илья сперва даже позабыл о занятиях у старого викинга. Она была ему погодком, с густыми,

темно-русыми, коротко остриженными волосами (после уже Илья узнал — косу, опаленную огнем и превратившуюся в ветревку, пришлось отрезать). Волосы едва доходили ей до плеч, и, смущаясь, она по-бабы повязывала голову платком, отчего казалась старше. Илья не знал, можно ли было назвать ее красавицей, потому что ни с кем об этой своей тайне не смел говорить, но для него она была краше всех. Одни только глаза с плавным, волной, разрезом казались ему чудом. Увидев ее глаза впервые, Илья уже не умел их позабыть — они смотрели на него сквозь мельтешение деревянных клинков и оставляли синяки под рубахой и сладкую дрожь в сердце. То, что она тоже при случае смотрит на него, он не видел — он это чувствовал кожей, как ощущают солнечные лучи. Он понимал — не разумом, но сердцем, — что их обоих тянет друг к другу неведомая великая сила. И не ошибся.

Тем временем всем миром срубили погорельцам избы на краю села — дальнем от дома Ильи. И как-то поутру он встретил Оляну у колодца. Она уже сливала воду из журавельной бадью в свое ведерко, когда он подошел и молча, не зная, что сказать, стоял рядом. Он тискал коромысло и не мог оторваться от девичьих лопаток, бойко ходивших под сарафаном. Она обернулась, прямо посмотрев ему в глаза, и просто и спокойно улыбнулась, будто старому знакомцу.

— Здравствуй, Илюшка, — сказала она, придерживая бадью и чуть отходя в сторону, уступая место Илье. Он шагнул к ней, хватаясь за мокрую посудину, и окунулся в ее глаза.

— Здравствуй, Оляна, — ответил он, чувствуя, как у него захватывает дух, будто он раскачивается на высоких качелях. Ему захотелось сейчас же, немедленно что-то сделать для нее, одарить чем-то замечательным, и еще не зная, что это будет, его язык сам вытолкнул из пересохшего рта:

— Хочешь, я покажу тебе *свое* место?

— Хочу. Да солнце высоко, недосуг еще. Перед вечерней зарей крикнешь у нашего дома утицей. Умеешь? — предложила она, и в ее глазах замерзал волшебный свет.

— Умею, — плывя к этому свету, ответил Илья и принялся опускать бадью к далекой воде колодца.

В своем тайном месте он не был с прошлого лета, и оказалось, что уютная нора обвалилась от натиска вешних вод. Рас-

строенный и сконфуженный Илья не нашел, что сказать, а Оляна рассмеялась и махнула рукой:

— Экая беда. Так часто выходит. Чудесное оказывается обыкновенным. И наоборот.

В ее глазах блеснули искры заходящего солнца:

— Когда я совсем малая была и увидела по весне одуванчики, они мне очень по нраву пришлись: желтые комочки на зеленой земле. Я думала, эти цветы такими и останутся, но они обернулись чудными белыми шариками. Мне было очень интересно, я помню, сорвала один, понюхала, а он ничем и не пахнет. Только в носу защекотало — я и чихнула. И чудесный цветок превратился в пыльное облако. Только рябая головка осталась.

Она звонко засмеялась, сорвала росший неподалеку яркий одуванчик и ткнула Илье в нос.

— Теперь у тебя от этого чуда желтый нос, — весело разглядывала она Илью, а ему было так легко и хорошо рядом с ней, словно они всегда были вместе, как брат и сестра, и это его тайное место было их общим.

Занятия у Сневара стали непостоянны, происходили время от времени, однако совсем не прекращались — даже ради Оляны Илья не мог поступиться ими. И она это понимала и была не против этих его упражнений, наоборот — если могла, всегда приходила на двор Сневара и, сидя у крыльца на завалинке, смотрела. А Илья и рад был лишний раз покрасоваться перед ней, да только не особенно это у него получалось: когда Сневар Длинный вставал против него, сам он чувствовал себя щенком возле волкодава. Не щенком даже, а котенком, к тому же слепым. И в это время Илья твердо обещал себе постигать воинскую науку дальше, чтобы стать таким же мечником, каким был старый викинг.

— Зачем тебе это, Илья? — спрашивала его Оляна. — У тебя ведь отец землю пашет.

— А я воином стану. Что же такого? Хлеб сеять будет кому и без меня.

— Воевать, значит, пойдешь? — спрашивала Оляна, и Илья слышал в ее голосе смуту. — А я как же?

— А что — ты? — смущался Илья. — Ты не бойся, Олянька, я тебя никогда не брошу.

— Иные из сечи не возвращаются, — еле слышно говорила она и замолкла.

Илья терялся, обнимал любимую за плечи, пытаясь заглянуть в повлажневшие глаза, и смущенно бормотал, стараясь обратить все в шутку:

— Ну перестань, милая... Я ведь не просто воином буду, а богатырем невиданным. Как Святогор. Даже еще пуще. Перестань, родная...

И продолжал ходить со своим деревянным мечом к Снегуре Длинному, а она продолжала терпеливо ждать, когда урок будет закончен.

Ночь на Купалу давно минула, и уже не горели на полянах костры, и не водили хороводы девушки с парнями, а Илья с Оляной ходили так, словно ночь волшебная все длилась, и какое дело им было до того, что огненное колесо Перуновой колесницы катилось по небу.

Они брались за руки — совсем как малые дети — и шли после подмоги родителям в лес. И пели соловьи, которых они стремились разглядеть в ветках, и солнце играло сквозь листву, трепещущую на ветру, и так далеко были люди, что казалось им, будто они одни на всей земле от края до края. И с них должен вновь пойти род людской...

Ее волосы пахли рекой, а ладони — травой и земляникой. И в глазах, расширенных от восторга, отражались небо и Илья, плывущий на крыльях счастья. И они тонули друг в друге, и им хотелось кричать от радости и блаженства, и жить они собирались вечно, потому что больше не гуляла по свету Морана-смерть, и они сами давно были в чудесной и невиданной земле — Нави, где не было ни горя, ни иных печалей, и не нужно было возвращаться в обрыдлую Явь.

И Илья смотрел в глаза любимой и никак не мог насмотреться, а Оляна смеялась и опять и опять припадала к его губам, как к роднику, из которого всё не могла напиться...

— Не пришел бы к нам в деревню «красный петух», никогда бы не встретились мы с тобой, Илюшенька... — шептала Оляна, обняв Илью за шею. — Матушка Берегиня!.. Страшно как...

— Не говори так, глупая, — гладил ее по чудесным, уже изрядно удлинившимся волосам Илья. — Ведь встретились!

— Не было бы счастья, да несчастье помогло... — улыбаясь Оляна и плакала от радости, а Илья сушил ее слезы губами.

1

Сневар Длинный и вправду был рассказчиком на славу. Знал он великое множество былин, баек да побасенок. Варяжские руны перекладывать на славянский манер ему было тоже не впервые, и сказывать их он мог особенно долго, а порой ребята видели, как в глазах старого викинга блестят слезы, однако даже тогда его голос не дрожал. Еще он знал житье многих народов — даже таких, о которых в славянских деревнях и не слыхивали.

Однажды, когда уже вовсю правили свою морозильную службу Перуновы помощники и в селе началась ленивая да степенная зимняя жизнь, в избушке у Сневара Длинного вечерили Оляна с Ильей, как всегда, слушая его рассказы с придвижанием. А Сневар, по обыкновению тачая шерстяной носок на деревянных спицах, вещал:

— Уже когда мы со Свенельдом возвращались с Балкан, приился к нам прохожий человек — тощий да грязный. Оказалось — мореход из Китая. Сказывал, будто судно их торговое в шторм разнесло в щепы, лишь немногие из его товарищей уцелели. Да и то, уже на суше, кого в полон взяли, кого порубили воины, что славят аллаха: за то порубили, что-де китайцы — варвары, идолам, стало быть, кланяются. Тот китаец только жив и остался, да к нам вот приблудился. Ну а нам что: мы тоже многим богам, как и они, поклоняемся, взяли его, обогрели да накормили. К тому же китайцы мореходы знатные, почти как мы, викинги, — как же нам было его не приветить? Так он с нами и остался до поры. По-нашему говорил справно, и много мы от него баек про житье их китайское услышали. Про императора, что им всем как отец родной, да про то, как простые крестьяне свою лямку тянут. Да еще байки разные сказывал. Они у них чудные, про змей превеликих, которых они драконами называют, да мудрецов всяких. А мудрецов столько, что отсюда в ряд поставь, так цепочка та до Китая вытянется.

Китайца нашего мы коротко назвали — Ли, потому как из всего имени только это и различали. Сказывал он нам, что-де живут у них там в Китае чудесные люди. Всего их восемь, и все они великие волшебники. Выглядят эти волшебники чудней чудного — у нас бы их сразу засмеяли, а там ничего. Один из них вообще неизвестно кто — то ли женщина, то ли мужчина. Другой — дряхлый стариk, который ездил всюду на осле задом наперед, а самого осла мог то ли складывать, то ли уменьшать, как игрушку. А потом мочил его водицей, и тот снова становился обычным ослом. Третий, вишь-ко, совсем будто нищий оборванец, да в придачу с остроконечной головой да еще и хрбмый. Сам он славится как чудесный лекарь, а звали его Железной Клюкой. Я-то сразу смекнул, что неправда это — ну какой же великий лекарь станет сам сувечной ногой ходить? Непременно первого себя вылечит. Ну так байка и есть байка. Но калекой-то этот самый Железная Клюка стал уже после, и вот как это случилось.

Был у него ученик. И однажды он, Клюка то есть, решил оставить свое тело да слетать по-быстрому куда-то далече, по делам, значит. И ученику наказал: коли он в семь дней не управится и не вернется, тело предать огню. Ну и улетел. А ученик то ли нерадивый оказался, то ли дела у него самого какие-то срочные тоже приключились: словом, не дождавшись положенного срока, он тело учителя и сжег. А Клюка возьми, да и вернись. Да уже поздно — духу его нет более пристанища земного. Но плох был бы из него волшебник, коли бы он так вот и остался. На его счастье да на свою беду, в тех краях нищий калека проходил, да и умер. Вот Железная Клюка в освободившееся тело и вошел. Так и стал хрбмым да с чудной головой.

Словом, все эти чудаки-волшебники кто во что горазд были — кто на дуде сладко играл, кто нищим деньги раздавал, кто еще что мог делать, но все как один чудеса невиданные творили: железо обращали в золото, гуляли по воде, обращались любым зверем или птицей да зрили в будущее. Из всех тех чародеев нам с товарищами один более других по нраву пришелся. По сказкам Ли он великим воином выходил: был у него чудесный меч, коим он владел отменно, да с нечистью разной бился бесстрашно. Нам бы его в дружины, с таким и пропасть не обидно. А еще Ли сказывал, будто у ихних мудрецов стано-

виться невидимым или бывать в одночасье в двух местах сразу дело обычное.

— Так уж и обычное? — хрюкло проговорил Илья. — А этот ваш Ли сам-то их видал, мудрецов этих?

Сневар пожал плечами и поддернул нитку с клубка:

— Мы тоже у него о том допытывались. А он отвечал, что его дядя как раз таким чудодеем и был. Правда, Ли ни разу с ним так и не встретился.

Сневар Длинный вдруг смолк, прервав свое вязание и прислушиваясь к морозной тишине за окном, потом вскинул голову и сказал:

— Беда.

— Чего там, Сневар? — отклинулась Оляна, но тот вместо ответа споро поднялся, откинулся постель с койки и достал свой меч в ножнах. Тогда Илья понял, что и вправду пришла беда.

— Кочевники? — спросил он, чувствуя, как в груди скакет от волнения сердце, и старый викинг только кивнул в ответ. И тут уже Илья с Оляной услышали густой стук копыт степных коней по селу.

— Прячьтесь, ребята. — В глазах Сневара яростно сверкнул отблеск задыхавшегося в очаге огня. — На улицу не суйтесь — пропадете. Здесь тоже не лучше, но вдруг свезет, не отыщут вас. Прощайте.

И он скользнул за дверь, вытягивая из ножен меч. Илья кинул на середину избы и, откидывая доски пола, сказал, срываясь с шепота:

— Полезай в подполье, Оляна. Авось не станут там искать.

— Ты ведь тоже, да? — испуганно распахнула глаза Оляна.

Илья призывно махнул рукой в черное нутро подпола:

— Вдвоем нельзя. Я тебя досками прикрою. Не бойся. И я скроююсь. Я место знаю.

Он неловко подмигнул ей, боясь, что она разгадает его вранье о том, что нет у него никакого места. Но она прыгнула в подпол, и Илья принялся класть доски на место, прислушиваясь к шуму на улице. Там уже слышалось гиканье степняков и крики проснувшихся селян. Последняя доска почти легла в проем, когда из щели высунулась ладонь Оляны и прихватила Илью за запястье:

— Берегись, Илюшенька!.. Я...

Послышался всхлип.

— Не смей. — Он перехватил ладошку, наклонился и коснулся губами теплой кожи. — Сиди мышкой.

И он приладил последнюю доску. Вскочил, метнулся глазами по тесному жилищу Сневара. Некуда схорониться. Он глянул в оконце. На дворе было еще пусто, и викинга тоже нигде не было видно. Илья бросился вон.

Луна щедро поливала уже проснувшееся заснеженное село, по которому метались верховые тени.

— Илюшка! — вдруг раздался совсем рядом приглушенный голос Сневара Длинного. — Цыц! Сигай назад!

Илья хотел было вернуться в избу, но тут вспомнил о щели под крылечком, где давно, еще при Свире, жил его пастуший кобелек Зарай (сгинул на службе, схлестнувшись с волками). Прыгнув с крыльца, Илья разметал нерасчищенный Сневаром снежок у самых досок, отодрал еще пару и полез внутрь.

Здесь пахло псиной, зато весь двор был как на ладони. Илья приник к щелям и постарался унять дыхание.

Ждать пришлось недолго. Щепоть общего шума отделилась от клубка свары и глухо протопала конскими копытами в их сторону. Хлипкая калитка неожиданно аккуратно была отворена, и уже затем в тесный, расчищенный от снега дворик ворвались три всадника.

Никогда еще Илье не доводилось видеть ненавистных степняков так близко. На хороших, но не слишком рослых конях, сами они тоже были небольшими, даже попросту маленькими, цепко и легко сидящие в чудных седлах. И лошадь, и всадник составляли одно целое, и все, что нужно было и лошади, и всаднику для того, чтобы жить в степи и сражаться в сече, находилось при них, ладно притороченное к седлу и спине человека. Один из них, в мохнатой укороченной шубейке и меховой островерхой шапке, отделился от крупа своей лошади и оказался на земле. Людская шутейная молва твердила, что степняки кривоноги, но этот как нарочно ничем таким не выделялся. Он хищно огляделся и немедля, в три шага, оказался у самого крыльца, где затаился Илья. Парень успел заметить теплые кожаные сапоги, что легко и бесшумно вознесли своего хозяина по ступеням. Илья проглотил выдох и замер. С коня снялся еще один вражина и тоже оказался над головой Ильи.

Оставшийся степняк сидел на своей вороной и крепко держал обе узды коней подельников.

Сневар Длинный смазал вечно скрипевшие при прежнем хозяине дверные петли, но не успела еще дверь неслышно впустить непрошеных гостей в избу, как тот, что оставался на лошади, негромко, но жутко крякнул и осел в седле, удерживаемый в нем прирожденной привычкой, оказавшейся сильней смерти. Приученный к этому неизбывному запаху крутых перемен конь только мотнул лохматой головой и чуть ступил в сторону, как позади него в лунном мертвом свете оказался старый викинг с обнаженным мечом, уже отведавшим крови. Илья вздрогнул. Таким он никогда не видел Сневара, даже когда тот обучал своему нелегкому ремеслу сельских мальчишек. И не потому, что делал это вполсилы — никогда он не позволял себе этого, — а потому, что поединщики его были теперь настоящими, и смерть ощутимо задышала в затылок, оставаясь, как всегда, позади и чуть слева, о чем всегда напоминал норманн и сейчас сам чувствовал Илья.

Двое на крыльце, так и не отворив дверь, мгновенно отреагировали — один скользнул со ступеней, а второй перемахнул через перильца и тоже оказался внизу, чуть загороженный от Сневара Длинного конем убитого всадника. Двинулись полу кругом, заходя с обеих сторон, но викинг не стал дожидаться и бросился к тому, что сошел со ступенек. Яростно сшиблась сталь, звонко лопнув игольчатым шаром под равнодушной луной. И пошло: дзинь, ш-ш-шанк (отвод полукругом), по дуге вверх и с оттягом вниз... Дзин-нь... Ш-шанк. Дзинь-дзинь, дз-з-зау. Илье было плохо видно, он жадно вслушивался в пение на два голоса кривой сабли и тяжелого обоядоострого меча. Вот еще одна сабля ввязалась в железную перебранку. Тут лошади отбрели еще дальше, а ратники отступили от крыльца, и Илья увидел все как есть.

Сневар превосходил ростом обоих разбойников, а те не уступали ему в искусстве владения мечом. Правда, работали они своими кривыми по-другому, но видно было, что это было не ново для викинга. Старый норманн легко танцевал между печенегами, и следа не было от его хромоты, будто и не было ее никогда. Но Илья помнил рваный шрам, увиденный как-то мельком, когда Сневар переодевался в чистое после

бани, и знал, что ох как больно ему ступать на искалеченную ногу.

Сталь в очередной раз не зазвенела, а глухо и страшно стукнулась обо что-то гораздо мягче железа.

Второй из степняков, потеряв свою остроконечную шапку, кулем осел на утоптанный снег в расколотом кожаном панцире, надетом поверх полушибка. Сневар развернулся к третьему, и они начали дугами обходить друг друга.

Басурманин держал изогнутое лезвие чуть наотмашь, слегка пошевеливая свободной левой рукой в толстой рукавице. Сневар шагнул к нему, и снова звон отточенной стали перечеркнул отдаленный шум переполоха в селе. Нарочито мощные удары Сневара Длинного утомили печенега, и когда степняк в очередной раз оказался спиной к крыльцу, Илья увидел, как его левая рука словно невзначай коснулась голенища. Мгновение — и в викинга страшной птицей полетел нож. Илья не успел испугаться, как послышался короткий глуховатый удар — Сневар успел заслониться мечом, и нож отлетел в снег у забора. Ответ викинга был скор: описав обманную дугу, норманнский меч скользнул под руку печенега, и едва успел Илья моргнуть, как в утоптанный снег ткнулся головой третий враг.

Илья не успел обрадоваться, как предвестник беды тонко и быстро рассек морозный воздух, и тогда вздрогнул Сневар Длинный, ужаленный в спину черной стрелой. В разом наступившей тишине, когда и шум в селе тоже будто притих, старый викинг отчетливо произнес еще живыми губами:

— Эннер суоре...

И упал лицом в снег.

А на двор уже ступила согбенная фигура лучника, таившегося до поры на улице. Илья, не в силах поверить в случившееся, не дыша и не отрывая пальцев от заиндевевших шершавых досок, расширенными глазами смотрел на тело викинга и все ждал, что тот вот-вот поднимется. Но зловеще неподвижно торчала оперением вверх вражья стрела, и уже шел к крыльцу проклятый степной лучник.

— Матушка-Берегиня... Боги заступники... — одними губами прошептал Илья. Сердце бешено ударяло в грудь, онемели губы, и мороза вовсе не чувствовалось, будто не зима стояла

на дворе. Лицо лучника зловеще осветила луна, и Илья хорошо разглядел его узкие глаза и скобу крепко сжатого рта. Наскоро надев лук на себя, он вытянул свой меч и ступил на крыльцо. Прошло непонятно сколько тягостно текущего времени, когда Илью ужалил испуганный крик Оляны.

Задыхаясь от волнения, Илья мигом выбрался из своего укрытия и очутился у ничком лежащего викинга. Присев и глотая текущие сами собой по щекам слезы, он принялся разгибать еще теплые пальцы: умерев, Сневар так и не выпустил меча из натуженной руки.

Крепко держа Оляну за волосы, на крыльце ступил печенег и замер.

— Отпусти, вражина, — прохрипел Илья, обеими руками подымая тяжелый меч и пока не чувствуя его тяжести. Освобожденная Оляна скатилась вниз по ступеням — лучник перехватил свою саблю ловчее, готовясь к схватке.

— Беги! — сдавленно крикнул Илья подруге, не спуская глаз с супротивника.

Оляна, стараясь не реветь, отступила к сугробу у забора, в ужасе глядя на норманнский меч в руках Ильи. Степняк сразу понял, что имеет дело с юнцом, лишь понаслышке знакомым с боевым оружием, и усмехнулся.

— Оляна! Кому сказал! — прикрикнул Илья, осторожно отступая назад. Оляна, не в силах раскрыть рта, лишь истово замотала головой. И то верно, куда же ей, подумал Илья: на улице слышалось гиканье и лошадиный топот. Тогда он перехватил меч поудобней и отвел руку для удара. С перепугу он сделал два выпада подряд, которые печенег легко парировал, успев покоситься на замершую неподалеку Оляну, должно быть, жалея, что выпустил ее из рук. Решив покончить с заминкой, не мешкая, лучник пошел на Илью.

Тяжеловат был для Ильи меч старого викинга. Однако ему удалось отразить атаку степняка, отступив, правда, на целых пять шагов назад. Кони убитых норманнов печенегов топтались посреди двора, и сражающимся приходилось их обходить. Лучник продолжил нападение, заставив Илью вновь отступить, укрываясь за крупами лошадей. Илья сразу почувствовал многолетнее умение степняка управляться со своим

кривым мечом и понял, что бессилен перед ним, как одуванчик под косой на покосе. И не на кого было надеяться, а вот опасаться, что во двор заглянут подельники степняка, — стояло. Но видел Илья испуганную фигурку Оляны за спиной лучника и знал, что должен защитить ее во что бы то ни стало, вопреки своему неумению и страху, точившему его изнутри и заставлявшему ладони потеть да ноги отступать все дальше. Но невелик был двор пастуха Свири, да еще толпившиеся кони умерили его изрядно.

Улучив мгновение, степняк легко и неожиданно вскочил на одну из подвернувшихся ему лошадей, и теперь удары сыпались на Илью свысока. «Сейчас зарежет», — решил он, уже не помышляя об ответной атаке. Лучник верхом на коне стал будто вдвое проворнее и сильнее и теперь словно играл с Ильей, как играет сытый амбарный кот с пойманным мышом. И тогда Илья понял, что печенег и не думает его убивать, ведь пленный юноша — хорошая добыча. Наугад отбиваясь мечом, Илья пошарил глазами вокруг: справа была стена избы с прислоненной к невысокой крыше лестницей-жердянкой. В последний раз отведя саблю печенега в сторону, Илья кинулся к лестнице, не понимая, что будет делать после того, как залезет на крышу.

Сневар хорошо обходился со своим жилищем, доставшимся ему от пастуха Свири, что молчаливо подтверждали не только смазанные дверные петли, но и многое другое. Крыша, подновленная им, была как раз недавно очищена от снега, поэтому, оказавшись на дерновом скате, Илья легко полез к коньку. Добравшись до противоположного ската, он обернулся и обмер: печенег и не подумал лезть за ним — сидя в седле коня, он как раз клал стрелу на тетиву. Илья, стоя в нелепой позе на четвереньках на самой крыше, был у него как на ладони. Степняк чуть натянул тетиву, прижал стрелу к древку лука и коряво крикнул Илье:

— Ходи вниз! Эй!

Илья знал, что это было приглашение отправиться в мерзлую степь на невольничьем аркане. Илья судорожно зашарил взглядом по двору, отыскивая Оляну. Она стояла по другую сторону от дома и, скавшись в струну, с ужасом смотрела на Илью. Он махнул ей рукой:

— Беги, глупая! Я тут... сам... Беги, говорю!..

Она не пошевелилась. Илья метнул взгляд на лучника. Тот снова что-то гаркнул ему, на сей раз непонятное, и стал цепляться. Илья заметался, не зная, что учинить теперь. Что-то остро и коротко свистнуло у самого уха — он посмотрел на печенега и понял, что это была упреждающая стрела: тот уже наложил вторую. Эта мимо не пройдет...

Прыгать по ту сторону дома, к Оляне, было нельзя. Степняк на коне живо окажется там же. Отчаянный взгляд Ильи зацепился за молодой дуб, росший на задах, почти вплотную к дому Свири, будто подсказывая, что делать. Меч Сневара помешал бы ему в задуманном — нелепом и отчаянном, но, как ему казалось, единственном решении.

Снизу грозил стрелой печенег, хищно прикрыв и без того узкие глаза. И тогда Илья, повинувшись внезапному порыву, швырнул клинок вниз, целясь в ненавистный взгляд. Лучник сбил прицел, тронув поводья, и конь шарахнулся в сторону. Меч старого викинга, сверкнув в лунном свете вытащенной из воды рыбой, жалко ухнуя в утоптанный снег рядом с ногами коня. Негоже было так унижать боевой меч, но раздумывать о том было некогда: пользуясь секундным замешательством лучника, Илья выпрямился, перепрыгнул через отверстие дымохода и побежал по верху крыши к самому краю. Чтобы допрыгнуть до дуба, нужно было оттолкнуться посильнее. Илья уже высматривал место среди веток, куда сидеть, как правую ногу что-то ужалило в икру. Он услышал, как вскрикнула внизу Оляна, с разгону наступил на раненную ногу, ощущив острую боль и слишком поздно поняв, что уже не допрыгнет. Крыша оборвалась под ногами, и Илья неволко взмахнул руками — ничто не могло удержать его на краю. Он успел заметить перьевый хвост стрелы, хищно торчащий из ноги, деревянный узорчатый знак Грома под охлупнем крыши, и на него опрокинулось черное небо, присыпанное звездами, и сквозь распахнутое око луны на него уже смотрел грозный Чернобог. Дух захватило, и тут же его страшно ударила по спине земля, впившись чем-то нестерпимо твердым в самый хребет, и тотчас же он перестал чувствовать свои ноги.

И тут снова закричала Оляна.

БЫТЬ ВТОРАЯ: ВЕЖДА

Тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой...

Иисус из Назарета
(от Марка, 2:11)

6

Доска у самой стены немного горбилась, а третья за ней дала трещину: небольшую, всего в два волоса. А сучок — тот, что над самой головой, — был похож на бобра: и хвост у него как у живого, и даже острые зубы немного видны на щекастой морде. По стене у потолка пролегала муравьиная тропа: по ней редко, но все же проходили маленькие красные трудяги, иногда что-то несшие в челюстях. Паук пытался сплести свою сеть в углу, но мать не дала — прогнала веником. А жаль: Илье было интересно смотреть, как он работает.

И еще часто и доски потолка, и бревна стены, и все-все остальное было *мокрым*. Ведь когда смотришь на мир сквозь что-нибудь мокрое — скажем, через бычий пузырь во время дождя, — весь мир кажется мокрым.

Когда доски потолка были изучены до мельчайшей трещинки, до самого последнего причудливо распластанного сучка, он попросил отца переставить лавку с постелью к окну. А там как раз начинала хозяйничать озорная девица Весна, беспощадно отвоевывая у смурной тетки Зимы владения. Эта постоянная битва всегда радовала его, но сейчас доставляла только боль — он знал, что навряд ли услышит веселые колокольца ручьев, и липкие почки на ветках будут оставлять терпкий запах не на его пальцах, и не ему придется удирать из лесу от первой грозы веселящегося Перуна.

И *не* для него зацветут маленькие обманщики — желтые одуванчики...

Из окна был виден край улицы, две сестрицы-березы у плетня и родовое капище. Он вглядывался в потемневший и совсем не веселый, как ему полагалось, лик Купало, в сверкающие усы Велеса, и оба они молчали в ответ на его безгласные,

постоянно мучившие теперь вопросы: «Почему? За что?» Он злился и не мог понять, почему они тогда не уберегли его, почему позволили всему случиться именно так. Иногда его посещала мысль, что если бы тогда он уцелел, то его наверняка уташили бы в полон. И он порой думал, что вместо того, чтобы бессильно лежать калекой дома, лучше было идти на аркане в чужую степь рядом с *ней*... Не лежать, а идти. Не одному, а рядом с *ней*.

...Не слушались ноги. Будто не было у Ильи ниже пояса ничего, как отрезано. Он с ужасом смотрел на такие близкие и знакомые с детства ступни, на ногти, что исправно отрастали, как ни в чем не бывало, и не верил, что этим ногам больше не суждено ступить по земле. Поначалу в безумных приступах отчаяния он ворочал непослушные ножищи руками, бил их, щипал, срываясь с угроз на мольбу, но все без толку. Ноги не были больше ногами, превратившись в бревна. Потом он перестал себя терзать. На смену отчаянию пришли тоска и равнодушие. В то время Илья не хотел видеть никого — даже приятелей, оставаясь безучастным ко всему. Он стал плохо есть, а то и вовсе отказывался от пищи. Крепкое еще недавно тело хирело, ввалились щеки на лице, вокруг глаз пролегли круги. Илья лежал навзничь в избе и невидящими глазами глядел даже и не в окно, а в потолок, но и его не видел.

И вот как-то среди ночи Илья проснулся. Луна норовила заглянуть в окно, любопытствуя, отчего это так тихо в избе — даже домового, старательного ночного труженика, не было слышно. Мать с отцом спали в другой половине горницы, и их тоже было не слыхать. Илья повернул голову и замер: посреди комнаты стоял человек.

— Ты кто? — сумел выдавить из себя Илья.

Человек не ответил. Все, что о нем можно было сказать, так это то, что ростом он не вышел. Илья судорожно соображал, что можно сделать, кроме как закричать, и тут человек сделал шаг и ступил в лунный луч. И сразу Илья узнал в нем ненавистного лучника, что убил старого викинга и увел его Оляну.

— Ты!.. — в жгучем желании разорвать вражину прохрипел Илья, пытаясь подняться на дрожащих от ярости руках. Лицо степняка скривилось в чудовищной улыбке, он вытащил откуда-то из-за спины свой лук, положил на тетиву стрелу и прице-

лился в Илью. Несколько гортанных слов вырвались из его кривого рта, превратившись в скрипучий, корябающий душу смех. Илья зачарованно смотрел на кончик стрелы, на котором мертвое светилась капля луны, и ждал спуска.

Давно уже он подумывал о том, что жить более не имело смысла. Он угрюмо прикидывал, что бы вышло, если б не упал он с крыши и не повредил хребет, но все равно потерял бы Оляну, и пришел к выводу, что и тогда жизнь оказалась бы пуста, как покинутое по осени птицами гнездо. Но только сейчас, увидев на кончике вражьей стрелы смерть, что обещала ему облегчение, Илья запротестовал. Он вдруг ясно ощутил, что хочет жить, что еще рано умирать, ибо осталось здесь нечто, им еще не выполненное, но обязательное к тому. А лучник все медлил, и слышно было только его хриплое дыхание да поскрипывание тугого изогнутого лука. И тут Илья понял, что умереть сейчас ему не суждено. И словно в подтверждение его догадки ненавистный супостат заговорил, чего обычно вручающий смерть не делает:

— Что, древлянин? Боишься? Подыхаешь? А ведь я и тебя сожру! Девку твою сожрал, и до тебя черед дойдет!

— Врешь! — горячо выдохнул Илья. — Не сможешь ты, поганая рожа, меня взять! Не выросли у тебя для меня зубы! Врешь!!!

Сверкнули в ответ глаза у степняка, и снова он засмеялся:

— Не хорохорься, калека! Твое время еще не настало! Жди!

Сказал так и исчез в темноте. А Илья все видел нацеленное на него жало стрелы, на котором светилась слюна самой смерти.

И никто не проснулся в доме, даже домовой не почуял чужого. Илья рухнул на лавку, и долго еще дрожали у него руки, которым так не хватало меча Сневара Длинного.

Поутру Илья позвал отца:

— Батя!

Чебот, у которого уже давно отросли и борода, и волосы, сбритые в одночасье с горя и в жертву Перуну, подошел. Теперь они с матерью отводили глаза, разговаривая с сыном, — стыдились непонятно чего, а скорее того, что их сын, надежда и опора, сам вдруг стал нуждаться в их опеке, что они снова ста-

ли нянчиться с ним, точно с грудным. Они чувствовали, как он мучается от этого, но от бессилия сделать что-нибудь для него им было стыдно...

— Что, сынок? — подошел к лавке Чебот, по привычке уставившись за окно.

— Ты вот что, батя... — Голос Ильи звучал тихо и как-то неуверенно. — Дай мне меч...

Отец вздрогнул.

...Когда отгремел ночной налет, были потушены пожары, посчитаны угодившие в плen и преданы священному погребальному огню убитые односельчане, он собственноручно отыскал в одночасье ставшую ненавистной железяку во дворе Сневара Длинного. Сперва хотел утопить в полынье, да передумал почему-то, да и снес ее к себе на двор и бросил неподалеку от отхожего места в сугроб. Меч жег ему руки, Чебот яростно ненавидел его, находя в нем причину несчастья, постигшего его сына. Илья знал, куда и с какими мыслями склонил меч отец (матушка рассказала), но до сего дня ни словом не оговарился о нем.

Чебот впервые за долгое время посмотрел прямо в глаза сыну:

— На что тебе?

Илья пожевал губами:

— Надо...

— Нету твоего меча! — вдруг взревел Чебот. — Утопил я его в нужнике!

Илья хмуро смотрел на отца, пережиная. В дверях появилась, услышав крик, мать, да и встала у косяка, сдерживая слезы.

— Надо было этим мечом и вторую ногу покромсать твоему викингу, чтобы не приваживал юнцов железом кровавым махать!

— Не тронь Сневара, батя, — глухо произнес Илья, стискивая кулаки. — Он спасал мне жизнь. Мне... ей... — Голос сорвался, поплыл. — Он... погиб как воин, и я... Хотел бы умереть так же, как он. В бою умереть... Я...

Голос Ильи окончательно пропал, и он зарыдал, отвернувшись к окну и закрыв лицо ладонями. Чебот уже отмяк, по-

крылся пунцовыми пятнами и стоял, не зная, что делать и о чем говорить. Он растерянно повел руками в стороны:

— Да ведь я... Да ты...

Он заметил в дверях Славу и забормотал:

— А ежели ты этим мечом себя, значит, того... Ну, значит... это...

Слава уже тоже плакала, уткнувшись в дверной косяк. Илья, не поворачивая головы, выдавил из себя:

— Эх, батя... Я же сказал — в бою... Как же я могу... Эх, батя...

На следующее утро, проснувшись, Илья обнаружил в своей постели, под боком, знакомый клинок в ножнах, заботливо отчищенный от грязи да ржи. Илья вложил потертый крыж в ладонь и сжал так, что побелели пальцы. Больше он не позволял себе смотреть на мир сквозь мокрое.

5

Когда березы украсили себя сережками, а усы Велеса засверкали под жарким солнцем, Илья подозывал отца и долго что-то ему втолковывал. А назавтра молчаливый теперь все время Чебот принял таскать тес и стучать топором во дворе. И скоро Илья лежал на новой скамье неподалеку от дома под сооруженным небольшим навесом, глядя на улицу и близкий лес. Здесь его лица и волос касался ветер, доносивший ему запах речки, аромат скошенной травы и голоса гуляющих вечерами неподалеку парней да девок. От этих голосов, давно, как ему казалось, позабывших его имя, ему становилось плохо, и он просил отца внести его обратно в дом. Но это случалось только под вечер.

Как же трудно было просить матерью с отцом о чем-нибудь для себя. Порой о самой мало-мальской чепухе или о чем-то, вообще не предназначенному для чыхих бы то ни было ни глаз, ни ушей, пусть даже и родительских. А вот приходилось... Поначалу он крепился как мог, терпел, борясь со стыдом и необходимостью свершить то, что было нужно его не послушному телу, пока или совсем не становилось невмоготу, или матушка либо отец сами не подходили, да не спрашивали, все ли так...

Полулежа-полусидя Илья торчал погожими деньками во дворе. Даже по осени, когда подули сырые зябкие ветры, он не спешил укрыться в доме: под крышей ему было куда как хуже, глаза мозолили ненавистные стены.

Его не забыли, как бы ему это ни казалось. Заходили приятели, с которыми прежде сплавлялись по реке, да еще мало ли чего выдумывали по малолетству. Но другое дело было на улице, там-то все больше народу повидаешь — нет-нет, да и пройдет кто-нибудь, поздоровается да заведет какой ни есть разговор; все не так одиноко Илье.

Из стародавних приятелей, правда, только Хвост не заходил к нему. Зато его мать, старая вдовица Сухота, нередко появлялась за плетнем, когда отправлялась полоскать белье на речку. Проходя мимо, она неизменно кивала Илье и долго смотрела на него, медленно шагая с корзиной. После той зимней ночи ее сына, приятеля Ильи Хвоста, убило печенежской стрелой, когда он кинулся на врагов с вилами в руках...

Однажды Сухота, по второй после тех событий весне, проходя мимо двора Ильи, где он сидел, жадно вдыхая сырой волнивший воздух, остановилась у плетня. Она невыносимо долго смотрела на Илью и так же невыносимо молчала. Илья, которому было не по себе от этих ее взглядов, отвернулся, сделав вид, что разглядывает грача, разгуливающего неподалеку. До него донесся тяжелый вздох, он скосил глаза в сторону ста-рухи, и тут она, по-прежнему глядя на него, сказала, будто вслух подумала:

— Пусть бы лучше, что ли, так же вот сидел, горемычный мой... Какой ни есть, а — живой... Уж он бы, ненаглядный, у меня как сыр в масле...

Илья, набычившись, исподлобья смотрел на нее и вдруг сорвался, зло бросив в ее сторону:

— Полно, тетка Сухота! Что говоришь-то? Да я бы, может, лучше как он, чем так... Да он бы на моем-то месте, поди, удавился бы! Как есть — удавился! Не жизнь это, слышишь?

Он потянул из-под старого тулупа, которым был накрыт, меч Сневара и, не вынимая из ножен, яростно махнул в сторону бабки Сухоты:

— Уходи, старая, не баламуть душу! Уходи!

Будто не услышав ни слова, старая Сухота глядела сквозь Илью, потом подхватила свою корзину и побрела к речке, что-то бормоча под нос.

— Не слушай ее, сынок, — сказала появившаяся у изголовья мать Слава. — Умом она тронулась. Доля-то материнская... Что с нее взять.

Она поправила тулуп поверх Ильи и пошла в дом.

Радость была одна: посидеть летом на дворе, послушать да посмотреть мир, как он двигался, шумел, играл, цвел и непостижимо молчал, тая в этом своем молчании все ответы на все вопросы, какие только могли быть в мире.

А по ночам в сумерках избы мелко топал и негромко сопел соседушка Домовой: волновался да переживал, что в доме несчастье. Он знал, что Илья часто по ночам не спалось, и ворчал в своем углу за печью, сетуя на невозможность заняться хозяйством со-гласно укладу, пока все спят. Илья ничем не мог ему помочь.

И не было никого, кто смог бы помочь ему.

День выдался жаркий. Илья задремал, разомлев на своей лавке, однако забыться не давал огромный слепень, гудевший рядом и желающий угоститься человеческой кровушкой. Взмахи рукой никак не действовали на наглую тварь, и Илья проснулся окончательно.

— Пошел прочь! — свирепо шипел Илья, но слепень невозмутимо реял над головой, не желая отступать. — Порублю, пакостник...

Илья вытянул из ножен меч Сневара и бешено рубанул воздух, но только вспотел еще пуще. Сила в руках Ильи не убывала — теперь он не позволял им слабеть, ежедневно подтягиваясь на особой жердинке, приложенной отцом над его головой, под навесом. Однако орудовать мечом сидя было неудобно, Илья злился все больше, продолжая безуспешно лопатить воздух вокруг, но проклятый слепень словно не замечал его грозных потуг.

— Прутком-то сподручнее, мил человек, — вдруг услышал Илья и только тут заметил, что за его нелепой возней следит старик, стоявший на улице.

Видно было, что шел он издалека: за спиной на двух пост-ромках висела потертая котомка. Старик был сед, с длинной,

но реденькой бородой и такими же волосами, рассыпанными по плечам. На нем была белая домотканая рубаха до колен и такие же портки. Старик опирался на долгий посох и ехидно смотрел на Илью. Парень не торопясь вдел меч в ножны, уложил рядом с собой и, стараясь не замечать слепня, продолжавшего кружить, ответил:

— Ты, знать, торговец добрыми советами. Да только мне нечем платить за твои советы, ступай себе дальше.

Старик с удовольствием улыбнулся, показывая белые крепкие зубы:

— Я не беру мэды за свои советы, так что этот прими за так.

Изловчившись, Илья наконец сграбастал в кулак ненавистного слепня и с силой бросил под лавку. Слепень глухо стукнулся о землю и затих.

— А я привык в долг не брать, — сдерживая участившееся дыхание, сказал Илья.

Старик согласно кивнул и отозвался:

— Ну, так одари путника водицей, добрый молодец. Деньто больно жаркий нынче.

Илья тяжело вздохнул, однако не гоже было грубить незнакомцу, да еще пожилому человеку. Да и нездешний он, сельских дел знать не может.

— Не могу я водицы тебе принести. Не обессудь.

— Что так? — удивился путник, вскинув седые кустистые брови.

Илья, еле сдерживая дрожь в голосе и играя желваками, процедил:

— Калека я, прохожий человек.

— Ай-ай-ай! — воздел брови домиком старец. — Неужто я ослеп на старости лет? Ноги вроде на месте у тебя, да и руками ты машешь справно. Что же с тобой, детинушка?

— Не твоего ума дело! — более не сдерживаясь, рыкнул Илья. — Ступай своей дорогой!

И отвернулся, пытаясь успокоиться. Старик, однако, и не думал уходить.

— Эвон как! — донесся его голос, в котором Илья не услышал ни капли вины. — А я-то думал, что ты головой недужен, что с мечом на глупое насекомое охотиться взялся. Ай-ай-ай!

Вот ведь старый хрыч, подумал Илья, свирепея. Он повернулся голову, чтобы сказать старику что-нибудь крепкое да по-путное, но замер, натолкнувшись на спокойный и далекий от насмешек взгляд человека у плетня.

— Хочешь подняться? — спросил старик совсем другим голосом, и у Ильи от него по спине пробежал холодок.

— Что? — неожиданно осипнув, переспросил Илья. Он уже откуда-то знал, что странный старик не насмешничает и ему с самого начала все было известно о беде Ильи.

— Подняться, говорю, хочешь? Ходить, бегать, вприсядку отплясывать — хочешь? Или собираешься тридцать лет сиднем просидеть на этой дурацкой лавке? Ну? Хочешь или нет? — повторил старик.

— Хочу! — страстно выдохнул Илья, не отрываясь от глаз старика.

— Вот и ладно, — просто кивнул тот.

— Что тебе, добрый человек? — услышали они и вместе повернулись на голос: на крыльце дома стояла Слава и тревожно взглядывала на старца.

— Да вот, милая, водицы хотел испить, — сказал старик.

Слава кивнула и ушла в дом. Илья смотрел на странника, а тот как ни в чем не бывало ему подмигнул и сделал рукой движение, могущее означать: погоди, мол. Из дома вновь вышла Слава, пересекла двор и протянула старику ковш. Тот с поклоном принял и с удовольствием принял пить. Напившись, он утер рукавом усы и протянул ковш Славе:

— Хороша водица. Спасибо, хозяйушка.

— Как звать-то тебя, дедушка? — спросила Слава, и на ее лице оставалась печать тревоги. Старик снова поклонился и ответил:

— Как назвали, так и величают. Вежда я.

Слава подошла к плетню, отделяющему их, вплотную и вдруг ухватила старца за руку. Он спокойно на нее смотрел и молчал. Илья весь подался вперед:

— Ты что, мама?

А Слава приблизила свое лицо к Вежде и спросила:

— Ты правду сказал, что поднимешь моего сына?

Вежда улыбнулся и кивнул:

— Правду, мать. Не переживай. Не сидеть ему больше на этой лавке.

Слава во все глаза смотрела на старика, и ей нравились даже не его слова, а то, что излучало его лицо: умиротворение и доброжелательство. Открыто Вежда смотрел ей в глаза, и эти глаза не лгали. Но тотчас в них словно искрами что-то заиграло, и старец добавил:

— Только не обессудь, матушка: он после и дома вряд ли усидит.

И Вежда озорно рассмеялся.

Илья сидел, не шевелясь, боясь поверить всему, только что случившемуся, но отчего-то твердо знал, что ждет его совсем скоро.

4

Бани сельчан вытянулись по реке, и здесь парильня Чеботов стояла, как и их изба, опричь остальных. Вежде это понравилось, ибо именно баню он наметил для предстоящего лечения.

— Вот что, — сказал он Чеботу. — Покурочу я твою баньку маленько.

— Ага... — почесал в затылке Чебот. — Покурочить, оно, конечно, можно. Да только не осерчал бы на нас банник...

— А у вас, стало быть, банник на этом хозяйстве?

— У нас тут, почитай, у всех банники. Это у старой Сухоты в бане обдериха. Да и то сказать, хорошо они уживаются. Не обижают друг другку.

Всем в селе был хорошо известен случай в близкой деревне, где в прошлую зиму обдериха наказала нерадивого мужика. Да и то верно: мало того что полез париться аж в пятую смену, так еще и налился, олух, хмельного меду до глотки. Порезала его тамошняя обдериха на лоскуты — сказывали, в нескольких бандьях выносили из бани то, что от бедолаги осталось. Когти-то у обдерихи с аршин, недаром кошкой оборачивается...

— Хорошо, — кивнул согласно Вежда. — Не обидим твоего банника.

Первым делом протопили баню да помылись для порядку в две смены — сперва Вежда с Ильей, а после Чебот со Славой.

На третью оставили к хорошему пару в придачу веничик новый да щелоку. На следующий день Слава отнесла в баню краюху хлеба да соли — будто в новую, только отстроенную. После в баню вошел Вежда. Пробыв там некоторое время, он появился на пороге, аккуратно прикрыл дверь и отправился на двор Чеботов.

— Ну вот, — сказал он Чеботу с Ильей. — Теперь за дело.

Начал Вежда с того, что собрался где-то в лесу на поляне накосить травы, наотрез отказавшись от помощи Чебота.

— Ты, доброхот, не мельтеши, — сказал ему Вежда. — Когда мне твоя или Славы помочь потребуется, я вас позвать не забуду, а до тех пор, как уговорились, лучше помалкивайте оба. Мне зоркие соседские глаза ни к чему. Плохое я не замышляю, но в этом деле лучше без лишней молвы обойтись. Серп ты мне дал — и благодарствуй, большего я пока не прошу.

— Косой-то сподручнее! — встрял было Чебот.

— Цыц! — пристукнул своим посошком Вежда. — Чем мне сподручнее, я сам знаю. Сказано серп, значит, так должно.

Срезанную траву Вежда высушил да набил духовитым сеном новый тюфяк, взятый у Славы. После на заднем дворе Вежда самолично сколотил чуднью крестообразную лавку: узкую, с двумя поперечинами для раскинутых в стороны рук и с прорубленным отверстием в изголовье. Той же ночью, хоронясь от чужого догляда, они вдвоем с Чеботом отволокли эту лавку в баню. Тогда же Вежда проверил оставленное для баника угощение и остался доволен: хозяин бани, судя по приметам, давал «добро» на необходимое беспокойство.

— Вот теперь и покурочим твою баньку, отец, — весело подмигнул Вежда Чеботу и на следующий день вынес оба затянутых бычьями пузырями оконца в предбаннике, где стояла чудная лавка.

Чебот на это только развел руками:

— И только? Я-то думал, ты ее по бревнышку разнесешь...

— Да ну? — расхохотался Вежда. — Постоит еще твоя банька, Чебот. Илья еще в ней сам париться будет.

— Ох, Перуну бы твои слова да в уши, — заволновался Чебот.

— Не бойся, родитель. Все будет правильно, — сказал Вежда и расстелил на лавке свой тюфяк с сеном.

…В первый же день Вежда назвался сельскому старосте странником без семьи да кровя и попросился в дом к Чеботу. Староста перечить не стал — калики перехожие да шедшие по миру старцы были делом хоть и нечестым, но обычным, и их старались приветить особо — все-таки люди убогие. Чебот, как только ему стало известно обещание Вежды, сперва нахмурился — он был человек тертый и не спешил верить словам незнакомого человека. А ну как проходимцем окажется, поживет на чужих харчах, да и удерет. К тому же мало верил Чебот, что такое вообще случится может — что его Илюха Чеботок на ноги снова встанет. Если б возможно это было, небось сам бы давно поднялся — потому как видно было, как отчаянно он этого хотел. Поэтому первые слова, которые сказал Чебот старику, назвавшемуся Веждой, были такие:

— Ты вот что, дед… Чинить тебе препятствий я не стану — делай то, что нужно, и с меня требуй того же, — но если в слова свои сам не веруешь, а на чужом горе нажиться хочешь, учти: я первый из тебя дух вышибу. Прямо за бороду возьму да вышибу. Не обессудь уж.

На слова эти Вежда, не переменившись в лице, согласно кивнул и добавил:

— Да разрази меня Громовержец! Да я, пожалуй, коли так выйдет, первый из себя дух-то выну да тебе поднесу: на, топчи! Только, сделай милость, не трогай бороду — уж я ее так растил, так холил! Дорога она мне. Привык!

Чебот изменился было в лице, но заметил хитрый огонек, мерцающий в глазах старика, и расхохотался:

— А ты шутить горазд, дед.

Вежда немедленно улыбнулся в ответ и сказал совсем другим голосом:

— Я не только языком воздух лопачу, хозяин. И от помохи твоей тоже не откажусь.

Чеботу старику, как ни странно это было ему самому, понравился.

Илья же, в одиночестве обдумывая события, только диву давался: расскажи ему кто еще накануне о предстоящем, прогнал бы вон — виданное ли дело на ноги поднять человека с увечной хребтиной? Но, глядя на Вежду, он тотчас забывал о всяких сомнениях и верил: этот — сможет. Было что-то особое

в глазах веселого старика, отчего слова его принимались на веру сразу и без усилий. Казалось, скажи он, что-де вот сейчас колодезный журавель обернется голенастой птицей да захлопнет крыльями, — все так и уставятся зреть чудо, сколько бы ждать ни пришлось. Однако Вежда строгого-настрогого наказал всем Чеботам молчать о его намерениях и вообще не болтать попусту на людях.

… Целый день ушел у Вежды на иные приготовления: он разложил неподалеку от летней печи, что была сложена на заднем дворе, костерок да принялся что-то варить в горшке, что был выдан ему Славой. В мешке у него оказались чудные тыквы-горлянки, что в здешних местах не росли, да мешочки поменьше, в которых оказались какие-то травы да семена. Других корешков он еще накануне насобирал в лесу да разложил для просушки во дворе. Дворовый пес Чеботов Васька, сразу признавший в Вежде своего, повсюду норовил ходить с ним, но, уходя в лес, старик велел ему не путаться под ногами, и, что удивительно, тот понял и не обиделся. Корешки, лежавшие после этого похода под навесом, Васька взялся охранять, с уважением приносясь к ароматам, исходившим от них.

Взяв у Славы еще пару крынок, к концу того дня старик Вежда наполнил их каким-то пахучим варевом и унес к себе в отгороженный уголок, что выделил ему для житья Чебот.

3

День выдался солнечный, но с закатной стороны, над дальним лесом, уже с утра начали толпиться густые черные тучи, обещая скорую грозу. Ветер, чувствую близкую потеху, налетал порывами, ероша верхушки елей по ту сторону реки, да морщил саму реку, донося к баньке ее свежее дыхание.

Слава с Чеботом стояли рядом, глядя на Вежду. Тот оглядел небо и сказал:

— Погода будет нам с руки. Подходяще. — Он повернулся к супругам: — Ну, родители, ступайте себе по делам. Да глядите, по уговору: никому ничего не сказывать. Да сами сюда не суйтесь — навредите только.

— Триглав Вседержитель!.. — пробормотал Чебот, а Слава всхлипнула.

— Цыц! — нахмурил седые брови Вежда. — Бояться и лить слезы не сметь! Слыкали?

Муж да жена испуганно кивнули.

— То-то. Ступайте. Сам после к вам приду, — сказал Вежда и, не говоря больше ни слова, скрылся в бане.

Чебот обнял жену, и они молча побрали к дому, стараясь не оглядываться.

— Вежда, ты зачем окна выставил? — спросил Илья, сидя на скамье, но глядя не на окна, а на странную лавку, что стояла, раскорячившись, посреди тесного предбанника.

— А чтоб воздуха больше было, — отозвался старик. Он вытащил из самой бани обе приготовленные накануне крынки и поставил на свободный крошечный уголок в предбаннике. Понюхав из одной и удовлетворенно крякнув, он плеснул из нее в кружку. Затем он развязал свой мешок, что в первую голову принес сюда, и достал пару фляжек из тыкв-горлянок. Привычно раскупорив одну, он высыпал на ладонь какой-то черный порошок и тут же бросил в кружку. Точно так он поступил и с другой флягой, только в ней оказались рыхлые комочки бурого цвета, от которых в тесном предбаннике сейчас же запахло болотом.

— Я это должен выпить? — спросил Илья, зачарованно наблюдавший за Веждой. Тот молча кивнул, завязывая свой мешок. Положив его под лавку, он вынул откуда-то из-за пазухи щепочку и принялся помешивать в кружке. Он так долго этим занимался, что Илья уже было подумал, не заснул ли тот, но Вежда, когда пришло время, щепочку вынул и плеснул в кружку из второй крынки. Илья приготовился пережидать очередное помешивание, но Вежда на этот раз сразу протянул кружку ему и сказал:

— Пей. Не вздумай нюхать, вливаи сразу. И постараися не стошнить.

Оробев, Илья со страхом принял кружку.

— Давай, давай. Не разглядывай, — поторопил старик, и Илья, зажмутившись, выпил большими глотками тягучую черную жидкость. Обожгло горло, ударило в нос чем-то нестерпимо терпким, и Илья часто задышал, стараясь не вызвать обратно только что выпитое.

— Ничего. Это цветочки, — усмехнулся Вежда, отбирая кружку, что прижимал к груди позабывший обо всем Илья. — Ягодки опосля.

Замолчали. Илья прислушивался к ощущениям в животе, а Вежда тем временем проделывал последние приготовления. Он унес обратно в баню обе крынки, взбил душистый тюфяк с сеном и, свернув плотным бубликом кусок ткани, обложил отверстие в крестообразной лавке.

— Сюда лицо опустишь, — пояснил он Илье. — Ничком лежать будешь. Руки раскинешь по сторонам. Самое простое, что тебе предстоит, это меня держать, потому как я сверху тебя лягу. Спина к спине.

Илья кивнул — ему было не до удивления.

— А сложное? — спросил он.

Вежда посмотрел ему в глаза:

— Увидишь. Словами тут и не объяснишь. Одно скажу: тugo будет. И еще скажу: следи за своим дыханием. Ровно дыши, стараясь не сбивать — так легче станет. Немного, но легче. Просто и ни о чем не думая: вдох — выдох. Понял?

Илья молча кивнул. Его тряслось, и он не заметил, как уже оказался на лавке лицом вниз, да еще без рубахи. Вежда тоже снял свою, оставшись в портках, затем выглянулся из оставленной нараспашку дверки. Тучи лишь чуть-чуть не добрались до солнца, но уже было слышно, как не так далеко раздавались каменные раскаты грома — гроза приближалась. Ветер перестал было метаться, затаился, словно кот, готовившийся к прыжку на охоте. Затишье ширилось, как молоко, которое вливают в воду, заволакивало все вокруг, и вот Перун где-то щелкнул своим кнутом, и могучий его конь Ветер рванулся и понес, терзая деревья и прижимая траву до земли.

— Вот и славно, — сказал Вежда и подпер подготовленной палкой дверь в баню, чтобы не захлопнулась. Вернувшись в предбанник, он прихватил свои седые космы тесьмой вокруг головы и помог Илье вернее улечься на лавке. Потом сказал: — Можно, конечно, было по-иному тебя на ноги поставить — не так долго да трудно, — но это, парень, для твоей же потребы. И так выйдет, что ты сам себя исцелишь, а я лишь подправлю, где надо... Ну, дыши давай. Остальное твое тело само знает. — И улегся сверху, как и обещал: спина к спине, затылок к затылку, и ладонями крепко взял запястья Ильи.

Сначала Илья ничего не заметил, кроме веса старика. Сам он был парнем крупным, и это далось ему без труда, разве что дышать было не очень удобно. Он старательно качал воздух, и ему представлялось, что он раздувает меха горна у сельского кузнеца Борыни в его кузне. И совсем как в кузне, ему становилось жарко. «Настой Веждин, наверно, по жилам бродит», — решил Илья, но скоро понял, что дело не только в настое. Стариk лежал сверху тихо, не шевелясь, только было слышно его дыхание, не по-стариковски мерное да мощное. «Старик-то, верно, волшбой промышляет», — успел подумать Илья, и тут его окатило настоящим жаром. Он сбил дыхание, но Вежда, который и уснул будто, сейчас же негромко, но твердо напомнил:

— А ну дыши!

Первая волна жара немного ослабла, но Илья понимал, что это ненадолго, и продолжал старательно вдыхать свежий предгрозовой воздух и еще подумал, какой Вежда молодец, что догадался выставить окна и оставил открытой дверь, иначе здесь было бы совсем нечем дышать. Но скоро от этих мыслей не осталось и следа: Илья почувствовал себя в кольце огня. Он ощущал его повсюду, и ему сперва даже показалось, что баня по-настоящему загорелась и пора спасаться, а не творить колдовство дальше.

— А ну не шебуршись! — долетел до него натужный голос Вежды. — Путём все. Знай дыши!

Но жар не отступал. Илья хватал ртом воздух, и ему нестерпимо хотелось поджать руки, до которых добирался бушующий кольцом огонь. Он не мог даже посмотреть на сторону, чтобы удостовериться, что огня нет, — лицо было втиснуто в дыру на лавке. И от этого ему казалось, что обманывает его Вежда и что баня занялась на самом деле. Тут он услышал совсем близкий удар грома и решил, что молния еще раньше угодила прямо в баню, и дела действительно плохи. Сосредоточенно дыша, он скоро потерял счет времени, и ему уже казалось, что он на самом деле в Борыниной кузне раздвигает могучие меха, и сам кузнец Борыня орет ему от горна, что, мол, давай веселей, не спи, мол! И он, обжигаясь, все ворочал меха, и ему становилось все жарче, и пот уже заливал глаза, и хотелось пить, а еще пуще — бежать из кузни, бежать прочь, к ледя-

ной реке, под струи бушующего за стенами ливня. Но он не мог, ведь кузнец на него надеялся, кузнец ковал что-то очень необходимое, нужное, горячо ожидаемое им, Ильей, нужное прежде всего самому Илье. Ведь это он его, кузнеца, попросил об этом, это ему что-то было очень нужно, в его помощи нуждался он. И поэтому он старательно терпел невыносимую жару и качал рукоятку мечов, качал, качал...

И вот уже исчезли стены Борыниной кузни, снесло их, но не бушующим ливнем, а гигантским кольцом огня, по сравнению с которым огонь в кузничном горне был слабым лепестком. И понял Илья, что настала пора ему спасаться, что ждет его погибель, да только не мог он двинуться с места, потому что не было у него ног. И вспомнил Илья, что он калека и в самом деле не может никуда идти, а еще он посмотрел вниз, но даже и ног своих немощных не увидел — не было их у него. Лежал он беспомощный на полу в кольце огня, и не было ему спасения. Он хотел было кричать, но и для крика не осталось у него ни сил, ни даже воздуха. Сгорел весь воздух, лишь тонкая его струйка еще добиралась до Ильи неведомо откуда, только ею одной был он еще жив.

А кольцо огня все сжималось, подбиралось все ближе, вот уже Илья весь был в его власти и хотел только одного: чтобы сознание вовсе покинуло его и он не чувствовал этого жара. Но мысли все метались в голове, как выводок мышей, застигнутый на гумне котом, все доносили до Ильи страшные ощущения, будто неумолимый огонь уже добрался до него самого, и уже не только ног не чуял Илья, но и руки будто превратились в пепел, и жег огонь его спину, проникал в самый хребет, и не кровь теперь текла в лоскутах его жил, а пламя. И грозно и оглушительно гремел огонь, хохотал, пожирая Илью.

...Удар чего-то плотного, но невероятно приятного вернул его из жуткого забытья. Илья вдруг вспомнил, что ему нужно дышать ровно и глубоко, и втянул в себя воздух. И сейчас же закашлялся. И открыл глаза.

В предбаннике было темно, а снаружи бушевал страшный ливень, и не огонь вовсе хохотал там, а сам Перун рвал густые черные тучи, полосая их истощными сполохами своих молний.

Рядом с Ильей, лежащим уже почему-то на спине, стоял мокрый лоснящийся Вежда в одних портках и с бадьей в руках.

— Очухался, что ли? — спросил он, глядя на Илью. — Или еще окатить?

Илья с натугой дышал, стараясь не закашляться снова. Тело болело всё, будто его отколотили со всех сторон сразу.

— Кожа цела? — еле слышно спросил он, с трудом разлепив спекшиеся губы.

— Чего? — наклонился над ним Вежда.

— Кожа... Горело же все...

Вежда в ответ расхохотался, и ему тотчас ответил близкий удар грома. Илья попытался пошевелить рукой, и это ему, к его удивлению, удалось. Страшно хотелось пить, и нестерпимо чесались ступни обеих ног. Илья поморщился, и вдруг его обожгла догадка, удивительно совпав с вспышкой молнии за выставленными окнами, — ноги! Он ЧУВСТВОВАЛ свои ноги!

Дрожа от волнения, он приподнял голову и попытался взглянуться туда, где зудели его ступни. Еще одна молния милосердно подсветила ему, и он увидел свои ноги в мокрых портках.

— Ну, чуешь? — спросил Вежда, присев сбоку, и пощекотал подошвы Ильи. Тот ошарашенно кивнул и... заплакал.

Старик сидел возле него на корточках и улыбался. Илья нащупал в полутьме его ладонь и попытался поцеловать. Вежда не дал, выпростав руку, и погладил его по мокрым волосам:

— Не надо, сынок. Побереги нежность-то. Для подходящих дел побереги. Не надо.

Илья беззвучно ревел и шептал, не переставая:

— Спаси тебя боги, дедушка... Триглав Вседержитель... Спаси бог...

2

Сказывать о свершившемся «чуде» селянам Вежда счастливым родителям отсоветовал:

— Ну, растреплете, народ понабежит, а увидит что? Илюшка ходить-то разучился, его еще этому заново учить надо. Переполох только устроите. Обождите пока.

Но не утерпела Слава, разболтала-таки соседке. И пошло. На двор Чеботов народ стал стекаться, чтобы самолично убедиться в «чуде». Однако, как и предупредил Вежда, ничего особылого не находил. Илья по-прежнему лежал на лавке, а «святой старец», как прозвали было Вежду в селе, продолжал возиться с какими-то отварами то в доме, то на заднем дворе и внимания на ходоков не обращал. Слава расплачивалась за незадержанность в языке сама: селяне решили, будто «tronулась баба умом с горя», и перестали наведываться.

Вежда тем временем клал Илью на лавку — то ничком, то на спину — и тщательно разминал дряблые мышцы своими сухими крепкими руками. Потом начинал чудить: доставал из своего мешка ворох тоненьких иголок и бесстрашно ввинчивал их в какие-то тайные, лишь ему ведомые места на теле Ильи. Лежал он в этих иглах, словно еж, однако не то что не страдал от боли, но даже улыбался приходившим подивиться на этакую затею Вежды родителям. Старик строго велел Илье «не валять дурака», и тот тотчас переставал их замечать и лежал на лавке смирно, как покойник.

Сколько ни были странными дела Вежды, ни Чебот, ни тем более Слава в его пользу для сына не сомневались. Мало того, считали его чародеем, посланным для них богами. Лишь только они узнали, что Илья снова «чуэт свои ноженъки», как бухнулись перед Веждой на колени, да нуреветь на радостях. «Святой старец» в сердцах чуть не плонул, велел сейчас же подыматься и впредь наказал перед ним «шапки не ломать» и за святого и чародея не держать.

— Поклонились, да будет, — сердито сказал он. — Я вам не истукан и не жрец, жертвы да почет мне от вас ни к чему.

Несколько дней Вежда удерживал Илью от рьяных попыток подняться.

— Рано еще, неслых! Два года с лишком сиднем сидел, а за один день встать порешил? Так быстро ходить не выучишься. Научись-ка сперва терпению.

Через одну седмицу, показавшуюся Илье необыкновенно долгой, Вежда помог ему впервые встать с лавки. Для начала, крепко держась за старика, Ильяостоял всего ничего. Но и этого ему хватило, чтобы понять самому — не то что ходить, но и стоять теперь предстояло учиться заново.

Дни тянулись хоть и медленно, но уж теперь гораздо бойчей, чем всего лишь месяц назад. Вежда продолжал разминать отучившиеся от движения ноги Ильи, так же втыкал в него чудные иглы и без устали потчевал своими загадочными настоями да отварами. Кроме всего прочего, он заставлял его совершать руками особые движения и учил правильно дышать.

— Да ты смеешься, что ли, Вежда? Что же я, дышать, по-твоему, не умею?

— Не умеешь, — кивал Вежда. — Да и мало кто умеет.

И он объяснял да показывал ошалевшему от его слов Илье, как надо.

— Не грудью да плечами, чудило, а животом надо, — говорил старик и, задирая белую рубаху, показывал свой живот — без лишних складок, маленький и аккуратный, словно у юноши. Илья удивился и старательно повторял.

— А зачем это — дышать «правильно»? — спросил он как-то Вежду.

Старик приподнял седые брови и ответил:

— Да чтоб болеть меньше. Да жить полной чашей. Ты вот матушкину кашу ешь, а зачем, сказать можешь?

— Да как же? — удивился Илья. — Без каши-то я ноги пропяну.

— Вот и воздух — та же каша.

— Но и так ведь дышат все! Чего еще-то?

— А то, что кашу эту невидимую вы не полными ложками в себя запихиваете! Едите-то вроде едите, да по полмиски, почттай, оставляете нетронутым. Матушке Славе такое понравилось бы с ее кашей?

Илья покрутил головой.

— То-то же! Так что ешь да помалкивай. Глубже ешь! — улыбнулся Вежда.

Медленно да помалу, но Илья уже ходил по двору сам, вставив под мышки пару ловко сработанных Веждой подпорок. И вот теперь уже сам собой облетел село слух о подвиге переходящего старца, получившего времененный приют у Чебота со Славой. Стали приходить не столько удостовериться в том, что покалеченный две зимы тому назад Чеботов парень поднялся на ноги, сколько подивиться на старого чудодея. Заходили в

избу, робели, если Вежда был там, да маялись у порога, пялясь не него во все глаза. Вежда лишь здоровался с ними и более не обращал на вошедших никакого внимания. Но тут всегда выручал либо Чебот, либо Слава, без устали делившиеся своей радостью с гостями.

В доме, где долгое время царила скорбная тишина, напитанная слезами, теперь было совсем по-иному. Чебот со Славой не то чтобы стали прежними, какими были до того бедственного набега печенегов, они будто вовсе стали моложе на десяток лет. Если Чебот и вообще-то был мужиком немногословным да не слишком улыбчивым, то теперь его было не узнать — то с соседом на улице остановится побалакать о том о сем, то Славу озорно шлепнет пониже спины, покуда никто не видит. Да, кстати, и было отчего — Слава похорошела, исчезли куда-то морщинки, появившиеся было у переносья, походка стала легче, будто у девки незамужней да еще не рожавшей. Словом, вернулось в дом простое людское счастье.

Илья скоро стал ходить без Веждиных подпорок, но ноги были еще слабыми: после особенно усердных хождений подвигу, а то и по улице — уставали. Переждав ставшие ему теперь привычными иголки, он торопился скорей подняться, но Вежда удерживал, велел еще полежать да «себя послушать». Как-то старик, давая понять, что уже можно подыматься, насмешливо спросил Илью:

— Ну и что «наслушал»?

— Слушалку чую богатырскую, — в тон ему огрызнулся Илья, и они оба захохотали.

Селяне тем временем осмелели да стали ходить на поклон к Вежде за подмогой от недугов. Слава богам, в селе особенным ничем не маялись, калек боле не было, не считая одногоного мастера плести лапти да сухорукого деда, что уже давно насыпал дровишек для своего последнего костерка. Чаще всего Вежда и не ходил никуда, просто спрашивая занедужившего о его хвори, но вовсе даже, как казалось тому же Илье, не слушавшего ответ, но смотревшего куда-то сквозь человека странными пустыми глазами. И не успевал очередной, животом скорбный проситель закончить свое

унылое повествование, как Вежда перебивал его, говоря прийти назавтра, а то и сразу приносил из своего уголка нужное снадобье.-

Случилось, правда, Вежде вместе со здешней бабой-повитухой и дитя принять. Послали за ним ночью, а уже утром он вернулся и, улыбаясь, поведал домашним:

— Двойня. Ну и тесно им там было, одна деваха пуповиной так и обвилась. Да обошлось: и матушка здорована, и девоньки.

А однажды пришла к Вежде молодуха со своей бедой — жили они с мужем вместе уже пятый год, но деток так и не было. Уж чего только не пробовали, все впустую. Вежда посмотрел в печальные, мокрые глазищи красы-девки, улыбнулся, да и погрузился, как и всегда, внутрь страдалицы своим пустым взглядом. Нахмурился, головой покачал да и велел ей позвать мужа. Молодому детинушке, нескладно разглаживающему непослушные вихры, Вежда, лишь увидев его на пороге, сейчас же сказал:

— Вот, стало быть, в чем загвоздка.

Потом разложил его прямо в светелке на сундуке, заставив «дышать ровно».

— Груньюшка, робею я, — прогудел детина молодой жене, стоявшей тут же и с тревогой наблюдавшей за Веждой.

Старик сейчас же отозвался:

— Цыц! Робеет он! А на землице сырой да на камушке в лесном бору посидеть не робел?

— Так ведь я... — испуганно прижал было к груди ручиши изумленный муженек, да Вежда оборвал:

— Цыц, говорю! Смиренно лежи.

И, положив обе свои ладони на живот парню, замер. Вытерпев недолго, детинушка оглушительно прошептал своей Груне:

— Чего это он, а, Груньюшка?..

Вежда поднял голову, убрал одну руку с живота да как щелкнет парня по носу — тот так затылком по крышке сундука и грохнул с перепуга. А старик, возвращая ладонь обратно на живот, сказал молодухе:

— Придержи-ка, свет-красавица, своего бычка, чтоб не мычал, да лежал смирно, не бодался.

Отпустив скоро пузо молодца, Вежда наказал Грунене прийти ввечеру да забрать снадобье, которое он к тому времени приготовит.

— А ты, пахарь, как примешь отвар, не спеши трудиться на своей жене. Обожди до новой луны. Понял ли? — спросил Вежда оправлявшего рубаху муженька, да, махнув рукой, оборотился к молодухе: — Слыхала, Груньюшка? Не подпускай этого олуха до себя, как я велел. А вот по сроку и начинайте. Ясно ли?

Заалевшая Груньюшка кивнула и спросила еле слышно:

— А детки-то, дедушка... Понесу ли?

Вежда засмеялся, любуясь девушкой, и ответил:

— Непременно, милая. Не бойся, теперь все правильно будет!

Груня ахнула и... повисла на шее Вежды.

— Ну, будет, будет... — ласково улыбнулся старик, по-отцовски бережно поглаживая девушку по спине.

Мзду за лечение Вежда ни с кого не брал. Разве приносил кто-нибудь туес лесных ягод — тут он не позволял себе обижать благодарившего, принимал.

1

Илья уже по мере сил помогал родителям по хозяйству и как-то раз, приводя в порядок конскую сбрую к страде, сидел на заднем дворе. Вежда тем временем колол дрова поблизости. Колол лихо, не по-стариковски, сняв рубаху и показывая крепкий торс и жилистые, цепкие руки. Работали молча, пока Илья не решился заговорить.

— Слыши, Вежда, — начал он нерешительно, потому что вопрос этот мучил его давно. — Ты ведь уйдешь, верно?

— Что, надоел? — по обыкновению шутейно ответствовал старик, устанавливая на колоду очередную чурку.

— Да ну тебя, — сердито буркнул Илья, прошивая толстой иглой ремень упряжи. — Шутки все шутишь... Так пойдешь или что?

— Пойду, — коротко отвечал Вежда, раскалывая колуном чурку.

Илья вскинулся:

— Да куда ты пойдешь-то, на зиму глядя?!

— Да как раньше ходил, так и пойду.

Илья плонул и, набычившись, умолк, скрепя кожаными ремнями. Вежда рассек очередную чурку и, подбиравая поленья, весело спросил:

— Ты лучше сам скажи, что делать надумал.

Илья нехотя поднял голову от своей упряжи:

— А что мне думать? Работы, поди, хватает.

— Ладно, не прикидывайся. Все по тебе видать.

— Правда?

Вежда кивнул, воткнул колун в колоду и присел рядом. С минуту Илья молчал, а потом сказал:

— К князю в дружины пойду.

— К здешнему?

— Нет. В Киев пойду.

Вежда рассмеялся:

— Много там таких. Коли повезет, может, со своими статями на пристань Непровскую возьмут — бочки по сходням катать да кули в трюмы складывать.

— Брось, Вежда! Я теперь не калека.

— А ты думал, что на пристани только калеки, пусть и вчерашие, работают? — хитро прищурился Вежда.

Илья сморщился, как от зубной хворобы:

— Перестань! Я, может, мечом владею.

— Может? — вскинул седые брови Вежда. — Это тем, которым в первый день слепню грозил?

— А что, плох меч, скажешь? Как-никак норманнский, в бою бывавший. — Сказав это, Илья бросил работу и убежал в сарай. Скоро он вернулся, держа в руках меч Сневара Длинного.

— Ну-ка, — принимая оружие, с интересом произнес Вежда. Он вытащил клинок из ножен, посмотрел на свет, повертел в руках. — Ага... А ну, покажи свое искусство, воин. — И он вернул оружие Илье, протянув рукоятью вперед, как делают либо полные неумехи в воинских делаах, либо настоящие бойцы, показывая свое доверие тому, кому меч отдают. Илья принял меч, решительно вышел на середину двора и принял боевую стойку. Вежда внимательно смотрел, не особо пряча в глазах насмешку. Заметив это, Илья разозлился и принялся кру-

житься по двору, умело поражая невидимого супостата. Он был невидим Вежде, но Илья различал его очень хорошо — это был тот степной разбойник, что увел за собой на аркане его Оляну... Илья яростно рубил его на куски, с удовольствием замечая, что за время, проведенное на лавке, умение, полученное от старого викинга, не слишком убавилось. Он воспламенялся все больше, он уже видел, как сам киевский князь привечает его и...

И тут его окатил с ног до головы хохот Вежды. Илья машинально закончил движение и замер, уставившись на старика.

Вежда хохотал как сумасшедший. Илья никогда не видел за полтора месяца, что стариk жил у них, чтобы он так смеялся, хоть и без того был смешливым человеком. Илья не знал, что делать и что думать, — ему казалось, что Вежда увидел что-то веселое, пока он показывал свое искусство. Может, Васька где затаился да отчебучил что-нибудь уморительное? Илья оглядел подворье, но пса нигде не было видно.

— Ты чего, Вежда? — совсем растерянно спросил Илья.

Стариk, вытирая мокрые глаза, просипел нечто неразличимое.

— Чего? — все еще не понимал Илья.

Вежда кое-как отышался и наконец сказал:

— Вот насмешил так насмешил... Благодарствуй. Ничего более нелепого я давно не видал.

Илья наливался яростью. Он был вне себя. Над ним смеялись, будто он прилюдно наложил в штаны! Давно его никто так не оскорблял.

— Да ты... Я... Да ты что, рехнулся? — выдавил он из себя, стараясь не заорать.

Вежда издевательски ухмыльнулся (Илья в этот миг его не-навидел) и сказал:

— Если ты собирался удивить этим князя, то, считай, тебе это удалось. Он возьмет тебя в свои хоромы скоморохом. И деревянный меч выдаст — боевым порежешься ненароком-то.

— Меня обучил викинг! — задыхаясь от ярости, прокричал Илья, но тут же вспомнил, с какой легкостью с ним игрался той морозной ночью печенежский воин. Но рассказывать об этом глупому старику он не собирался. Он сжал кулаки и готов был наговорить Вежде кучу оскорбительных слов. В нем клокотала обида пополам с гневом, и сдаваться он не желал.

Илья шагнул к старику, готовясь сказать что-то очень едкое, но Вежда, неожиданно став серьезным, поднялся на ноги и потребовал:

— А ну неси сюда свой деревянный меч.

Илья оторопел, но в сарай сбежал и принес оттуда старый уцелевший деревянный клинок.

— Дай сюда, — велел ему Вежда, и Илья швырнул ему деревяшку. — А теперь — нападай.

Перед Ильей стоял стариk с иссеченным и занозистым, вызывающим жалость мечом, стоял спокойно и вовсе не выказывал боевой сноровки. С таким же успехом он мог бы стоять со своей палкой или помелом, коим метут двор.

— Ну?! — задиристо крикнул Вежда и захочотал снова. И Илья, не помня себя, кинулsя на своего обидчика, норовя выбить деревяшку из его рук.

Меч Сневара Длинного рассек лишь воздух — в том месте, где только что был нелепый деревянный меч, ничего не оказалось. Да и Вежды поблизости тоже не было. Илья в боевом запале обернулся, выискивая его глазами, и сейчас же будто яркий шар звонко лопнул у него прямо перед глазами. Илья ошарашенно потряс головой и тут понял, что Вежда... огrel его своей деревяшкой! Илья совсем рассвирепел и снова кинулsя на старика, в прежней позе стоявшего неподалеку. Теперь он собирался раскроmать деревянный меч в щепы. Илья заметил, что стариk сделал какое-то движение, быстро и легко уходя в сторону, деревянный меч вскинулся, ловко и неожиданно мягко встретил стальной клинок, и вдруг рукоять выскользнула из рук Ильи. Он ахнул, останавливаясь и видя оба меча в руках Вежды. Стариk насмешливо смотрел на Илью, небрежно держа клинок Сневара, потом размахнулся и отшвырнул его под телегу, стоявшую у сарая.

— Держи! — сейчас же крикнул он и бросил Илье деревяшку. Илья поймал меч на лету, все еще не понимая, как могло случиться все, только что им виденное.

— Нападай! — приказал Вежда. Илья стоял столбом и глупо смотрел на него. — Оглох? Давай же! — требовал стариk.

— Но ты... безоружен, — успев немного остыть, ответил Илья.

— Трусишь?! — крикнул Вежда. — Нападай, тебе говорят! Княжье посмешище! Олух! Воитель, мать твою за ногу! Ну!

Илья нерешительно стоял, держа деревянный меч совсем как палку.

— Да как я могу?! — в отчаянии крикнул он.

— А как знаешь! А ну огрей меня! Давай, если сможешь! Я в обиде не стану. По крайности сломаешь мне руку — так все одно заживет. Нападай, говорю!

Илья, в котором все еще кипела досада, взял меч подобающим образом, мысленно плонул, да и пошел на старика, замахиваясь для удара, но все же стараясь стукнуть своего обидчика по возможности легче.

Он не помнил, как все перевернулось, и вместо Вежды он увидел небо, застывшее над ним. Илья ощупывал ладонями траву — меча в руках снова не было. И ничего не болело в теле, словно его бережно уложили на землю заботливые руки.

Полежав немного, Илья поднялся, сердито отряхнул портки и буркнул Вежде, как ни в чем не бывало стоявшему с его деревянным мечом неподалеку:

— Старец перехожий, значит... Нашел дураков.

Однако любопытство пересилило в нем обиду, и он нехотя, глядя исподлобья, спросил:

— Как ты это сделал-то?

— Объяснить, что ли? — хитро прищурил глаза стариик.

— А что, тайна? Или и это волшба твоя?

— Волшба, не волшба, но и ты этому обучиться можешь.

Вежда подошел к телеге, вытащил из-под нее меч Сневара Длинного и, вернувшись к сараю, аккуратно вдел в ножны. Повернувшись к Илье, он протянул ему оружие и сказал:

— Твой викинг был добрым воином. Но он только начал обучать тебя. Поэтому до настоящего искусства владения мечом тебе далеко.

Илья хмуро молчал, вертя в руках ножны с мечом.

— Ну, не раздумал в дружины идти? — спросил Вежда.

— Не раздумал. Коли обучить меня возьмешься — благодарен буду. А нет — найду иного наставника. Но в дружины пойду.

Вежда серьезно посмотрел на парня и сказал:
 — Молодец. Считай, наставника ты уже нашел.
 И он улыбнулся.

БЫТЬ ТРЕТЬЯ: ВЕЖДИНЫ ШИШКИ

...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их...

Иисус из Назарета
 (от Матфея, 7:14)

6

— Ну и хибary!.. — вырвалось у Ильи, когда лес расступился, и они с Веждой вышли на выселки.

Посреди вырубки, уже начавшей зарастать кустами да травой, угрюмо насупившись обветшавшими крышами, врастали в землю три избы. Вежда уже молча шагал к колодцу, торчавшему из бузины да крапивы, и Илья неохотно поплелся за ним.

Сбросив тяжелую котомку на землю, Илья сел на перевернутое рассохшееся корыто, давно брошенное здесь кем-то. Он надеялся, что сможет уговорить старика вернуться.

Вежда откинул крышку и заглянул внутрь колодца. Затем выволок из-под скамьи бадью, нашел ее чистой и принялся прилаживать веревку. Раньше у колодца был ворот, но теперь почему-то его не оказалось, и Вежда, бросив бадью вниз, стал вытягивать ее, выбирая веревку. Илья старался не смотреть на него и молчал. Старик ухватил тяжелую посудину, и Илья не удержался, взглянул. На лице Вежды мерцала хитрая улыбка — он держал в руках бадью, полную воды. Илья нахмурился: надежда на уговоры улетучилась.

— Чему ты радуешься? — хмуро буркнул он.

Вежда молча понюхал воду и тут же сделал два больших глотка. Илья проворчал:

— Зачем пьешь? А ну как отравлен?..

Вежда поставил бадью на скамью, вытер усы рукавом рубахи и широко улыбнулся:

— Ничего не отравлен.

И тут он неожиданно кашлянул, страшно выпучил глаза и, схватившись за живот, повалился на траву. Заорав от испуга, Илья кинулся к нему. Схватил за трясущиеся плечи, рванул, переворачивая, и тут увидел лицо Вежды: он неслышно хохотал, все так же держась за живот.

— Дурак! — гаркнул Илья, отпуская Вежду. — Напугал, старый...

И сел, сердитый еще пуще, обратно на корыто. Вежда отсмеялся и пристроился рядом. Илья покосился на него и сказал:

— Ты как малый, Вежда. Ну откуда ты знаешь, почему люди эти выселки бросили? Вдруг у них коровий мор начался, или вправду злой человек колодец отравил?

— Не было у них мора. И колодец никто не травил, — продолжая улыбаться, ответил Вежда.

— А тогда что?

Но ответить старик не успел, потому что из-за ближайшей избы вышел человек и направился к ним.

— Эвон! — негромко сказал Илья. — Да тут живут...

Человек на поверку оказался стариком, но гораздо древнее Вежды. Борода у него была огромна, нечесана и закрывала поллица. На такой же лохматой голове, несмотря на то, что стояло самое начало осени, сидела меховая зимняя шапка. Однако одет он был в справную одежду: в штаны без заплат, рубаху, да еще сверху был на нем кафтан дорогой, кушаком подпоясанный. Роста дедок был небольшого, шел легко.

Вежда тотчас поднялся и, кланяясь, сказал:

— Поздорову тебе, хозяин.

— И вам не болеть, — басом ответил дед, подходя. — Попрошо пожаловали?

— Мир вам, — запоздало произнес Илья, тоже поднимаясь и рассматривая старика.

— Да вот от людей удалились, чтобы уму-разуму поучить этого молодца, — звонко хлопнул Илью по плечу Вежда.

— Дело доброе, — кивнул дед, сверля Илью взглядом изпод косматых черных бровей.

— Найдется ли у тебя, хозяин, место для нас на этих выселках? — спросил Вежда.

Дед молчал, разглядывая Илью. Парню стало неуютно. Он не знал, куда девать руки, но глаз не опускал, стараясь выдергивать испытующий взгляд хозяина. Дед наконец отвел взгляд, посмотрев на Вежду, сверкнул потерянной в густой поросли улыбкой и ответил:

— Для хороших людей место всегда найдется. Живите с миром.

Сказал это и пошел назад. Когда он скрылся за избой, Илья недоуменно повернулся к Вежде:

— Хороший дед, да, видать, чудак. Толком не поговорил, не расспросил...

Вежда снова сел на корыто. Илья опустился следом и сказал:

— Ты ведь говорил, будто выселки эти брошены.

Вежда, блаженно щурясь на залитые солнцем желтеющие верхушки дубков, растущих неподалеку, сказал:

— Да так и есть.

Илья оторопело поглядел на него:

— А дед?

— А что дед? Он тут один.

— А отчего же другие отсюда ушли? С ним, что ли, не ужились?

— Да батюшка леший их выгнал.

— Леший? — понизив голос до шепота и опасливо оглядывая лес, переспросил Илья. — А почему?

— Почему — не ведаю. Может, мыта ему не платили, может, не по заповедям жили. Может,ссора какая вышла. Всяко бывает.

— Ну а мы как же? Коли он их выгнал, то и нам не обрадуется. Да и дед этот... — Илья снова перешел на шепот и покосился туда, где скрылся странный старичок.

Вежда повернул голову и посмотрел на Илью:

— Эх, ты, княжий дручинник. Ты хоть заметил, на какую сторону кафтан этого деда был запахнут?

Илья медленно, начиная что-то понимать, покрутил головой: не заметил, мол.

— А зря. Мы ведь с самим хозяином здешним — с лешим, значит, — договорились.

Илья потрясенно молчал.

— Эх, ты, — посмеиваясь, повторил Вежда.

— Триглав Вседержитель!.. — прошептал Илья. — А ведь и верно, кафтан-то противосолонь* запахнут был... Макошь-мачтушка!

5

Обойдя все подворья, Вежда нашел подходящей избу, что стояла меж двух других.

— Да ее легче заново отстроить! — возмутился Илья, осмотрев предстоящее жилье, и попробовал вновь уболтать наставника уйти: — Слушай, Вежда, пойдем до дому, а? Ну на кой тебе сдалось это зимовье? Дома-то, поди, сподручней будет... А?

Он умоляюще смотрел на старика, вынимающего из мешков пожитки. Тот повернул к нему серьезное лицо и неопределенно покачал головой:

— Сподручней, говоришь? — Надежда на возвращение снова вспыхнула в сердце Ильи. — Проще заново отстроить, говоришь? — Вежда хитро прищурился, и Илья понял, что над ним опять смеются. — Вот этим мы и займемся. Вот отдохнем маленько, да за топоры. Или ты свой умудрился дома оставить? — Илья угрюмо повертел головой. — То-то. Не то сейчас же обратно за ним побежал бы.

...Заново отстраивать, конечно, не пришлось. Да не так уж и плохи оказались у избы дела. Стоило лишь начать: ведь, как известно, глаза боятся, а руки делают.

Перестелили крышу, перетянули окна новыми пузырями, сколотили да навесили новую дверь. Заменили иные доски пола, законопатили щели. Очаг, неизвестно когда сложенный, даже не тронули — добрая оказалась работа. Одно было негоже для настоящего жилища — ушел отсюда вместе с людьми домовой, поэтому сиротской обещала оставаться изба. Потому особо приходилось следить за тем, чтобы не угореть да от грызунов защититься. Вот Илья и кланялся чаще Перуну да Веленю.

* справа налево.

су, чтобы не давали в обиду; за двоих ему приходилось к богам обращаться, поскольку Вежда никогда не молился.

— Что ты как не славянских земель человек? — ворчал на это Илья. — Отчего богов не славишь? Отчего гневишь?

На это Вежда говорил всегда одно:

— Я им по-иному молюсь.

— Как? — допытывался Илья, но старик всегда уморительно подпрыгивал, сгибаясь в три погибели, да нарочно шамкал:

— Через пень да кушак!

Перед тем, как браться за веники и выметать сор, Вежда попрысал каким-то отваром всю избу изнутри. Обождав немного за порогом, вошли внутрь, чтобы увидеть, как последние муравьи да иная мелюзга покидает жилье человека.

— Вот это ты дал, Вежда! — восхитился Илья. — У нас в селе на такое дело все больше времени уходило. Зелье-то небось особое. Никому, чай, не сказываешь, как его приготовить...

— Спросишь — отвечу, — пожал плечами Вежда, первым берясь за веник.

Приведя в порядок свое новое жилье (на что ушла седмица с лишком), Вежда сказал Илье:

— Пора нам закрома наполнять, не то к морозам голодными останемся.

Для начала Вежда подошел к лесу, поклонился до земли, да и сообщил об их намерении лесному хозяину, прося благоволения и удачи.

— Ты на охоту-то хаживал, добрый молодец? — спросил Вежда Илью.

Тот неохотно ответил:

— Какое там... Мы люди не промысловые, мы землепашцы. По грибы, по ягоды разве...

— Ну-ну, — усмехнулся Вежда в усы.

Сперва он научил Илью мастерить силки да ловушки на всякую лесную мелочь и не отступал до тех пор, пока ученик самостоятельно не сработал все до одной без подсказок и переделок. Попутно Вежда учил Илью ходить по лесу так, как ходят добытчик, а не досужий лоботряс. Илья поначалу обижался, на что Вежда смеялся, дразня его «княжым дружинничком».

— Вот станешь по лесу ходить как зверобой, который свое взять хочет, да лишнего тронуть не посмеет, так тебе леший сам поможет зверя пригнать — где в силки, а где и на стрелу твою каленую.

— Да я и лука хошь охотничьего, хошь боевого в руках не держал... — вздохнул на это Илья.

— Зверя мы стрелять не станем, — ответил на это Вежда. — Лучной стрельбе я тебя все одно обучу, но не сейчас. Для начала освой-ка вот это.

И он велел Илье выстругать из осинки острожку и повел его к речке, что пробегала в версте отсюда. Река была немногим больше той, возле которой стоял дом Чеботов. Там, попросив дозволения у водяного, Вежда надергал из воды с пяток рыбок, ловко и неуловимо орудуя своей острогой.

— Теперь ты, — сказал он Илье, отдал острогу и, велев наловить побольше, ушел домой. Вечером Илья приволок в садке другие пять рыбок, мал мала меньше. Вежда покачал головой, посмеиваясь.

Так в обязанности Ильи вошло каждодневное рыболовство, куда он неизменно был отправляем Веждой. С каждым днем улов увеличивался. Сидя над водой с острогой, Илья по-немногу учился выдержке, а выследив-таки рыбу — меткости.

Вдвоем с Веждой ходили они по грибы да ягоды. Собирали помногу, перебирали и сушили, нанизывая целые вороха на чердаке, где так же висела и рыба, обещая сытое зимовье. Ежедневно Вежда обходил силки и ловушки, принося домой добычу и все так же заготавливая мясо впрок.

— Маловато мяса-то, — вздохнул как-то Илья, оценивая запасы.

Вежда, цепляя очередную бечеву к балке, отвечал:

— Мяса будет столько, чтобы тебя жир не задушил.

Скоро Вежда, не появляясь трое суток кряду, вернулся из лесу и позвал с собой Илью. К вечеру они приволокли домой шматы мяса вепря, которого добыл Вежда. Пришлось делать еще две ходки — вепрь оказался огромен.

— Ну что? — поддел Вежда в конце третьей ходки Илью. — Теперь не отошашь?

— Эх, орехов бы, — вздыхал Илья. — Да ягод...

— Теперь на будущий год, — посмеивался Вежда. А однажды приволок домой соты с медом диких пчел. А потом еще и еще.

— Откуда? — удивился Илья.

— Леший подсказал, — улыбнулся Вежда и добавил: — Никогда не бери из гнезда всё — семью пчелиную погубишь да лешего прогневишь. Лучше малость недобрать, чем переусердствовать. Иначе когда-нибудь сам ни с чем останешься — мирто на круговых дорожках держится.

Так и текло время осенне — крутились Вежда с Ильей как белки по веткам в ореховую пору. Илья легко и безошибочно бил рыбу своей острогой, выбирая теперь лишь самую крупную — и вовсе не оттого, что боялся промахнуться. Силки с ловушками продолжали наполняться, а еще Вежда приносил из лесу жирных глухарей да уток, неизвестно каким образом добывая их без лука и доброй собаки.

Как-то раз, когда Илья сидел со своей острогой над ледяной рябью речки, что-то с силой врезалось ему в затылок. Илья охнул от неожиданности, потерял равновесие и бухнулся в воду. Отдуваясь и потирая затылок, он увидал плывущую по взбудораженной им воде словную шишку. И тут же до него донесся знакомый смех.

— Вежда! — зло крикнул Илья, выбиравшись из воды и трясясь от холода. — Ты сдурел, что ли?

Вежда подошел, улыбаясь во весь рот. Илья сердито смотрел на него, стягивая мокрую одежду.

— А ну как заболею? — едко спросил он старика, но Вежда ответил:

— Твердо обещаю, что до этого не дойдет. И еще обещаю, что это, — он указал на вторую шишку, которую держал в руках, — еще не раз поцелует тебя в затылок.

— А сейчас-то ты мне почто залепил?! — заорал Илья, бросая в сердцах мокрую одежду в траву.

Вежда терпеливо улыбнулся:

— Ни за что. Я просто застал тебя врасплох. А если бы это была стрела? — Он подбросил шишку на ладони.

Илья почесал мокрый затылок. Вежда принялся готовить костер и, выкрасав огонь, добавил к уже сказанному:

— Теперь ты должен быть готовым не только к какой-то там еловой шишке. Теперь ты должен быть готов ко всему.

После не раз Илья получал в голову то шишкой, то щепкой, то репой или еще чем-нибудь. И каждый раз это было хоть и не больно, но неожиданно и обидно.

Однажды Илья спросил:

— Слушай, Вежда, ты меня вроде обучать взялся, а мы тут только и делаем, что зверя промышляем.

— Ну и как, по-твоему, должно выглядеть обучение? — скрестил на груди руки Вежда.

Илья замялся:

— Ну, как... Уроки там какие-нибудь... Поединки, пробежки. Приседания, метания чего-нибудь... Бой на деревянных мечах. Кстати, мы ведь их еще даже не подготовили!

— Приседания да пробежки, говоришь? — прищурился Вежда, что-то прикидывая и глядя на Илью. Тот спохватился, попятился.

— Ой, я же забыл совсем! Мне же на реку пора, да еще силки... проверить... — пробормотал он, выскочил боком в дверь и, схватив в сенях острогу с садком, вылетел на двор. И уже там его настиг неудержимый хохот Вежды.

Присматриваясь к Вежде, Илья отметил, что тот был в работе первым и равных себе, пожалуй, не знал. Все, к чему он прикасался, словно только и ждало такого мастера, как он, не особенно даваясь кому-либо другому. Илья прикидывал в уме, сколько ремесел были Вежде подвластны: лекарское искусство он знал лучше любого знахаря, о каком слыхивал Илья; плотником был добрым — скорым на руку, аккуратным да умелым; воином тоже, по всему видать, был изрядным — что с мечом, что без онного. Охотником, опять же, был знатным. Да, такого наставника Илье бы поискать — за всю жизнь не нашел бы. Иногда Илья забывал обо всем этом: то когда сердился на его выходки, то когда попадался на его уловки, думая, что способен перехитрить или разжалобить старика. Бывало, что и люто ненавидел его за ту жесткость и даже жестокость, что порой проявлял Вежда. Однако, отойдя сердцем, Илья признавал, что старик был прав. И, несмотря на все это, Илья успел быстро

привязаться к нему и полюбить. С Веждой ему было не только надежно, словно сосунку рядом с мамкой-кормилицей, но и легко и весело, как не было ни с одним приятелем.

4

Скоро выпал первый снег, Илья с Веждой облачились в шубы нагольные*, в которых было сподручней и по лесу шастать, и иными выселковскими делами заниматься.

И вот как-то поутру, после обхода ловушек, Вежда подошел к Илье, начавшего было стряпать немудреный завтрак, и сказал:

— С едой погоди. Пора дело делать.

Илья поднял на Вежду недоуменный взгляд и сейчас же вспомнил, зачем они явились на эти забытые людьми выселки.

— ...слушай, Вежда, чуднō ведь: «Лохань разбрасывает апельсины», «Лохань обнимает Будду». Почему у этого великого человека такое странное прозвище — Лохань?

— А почему ты решил, что этот человек великий?

— Но раз он придумал эти упражнения, значит, был очень хорошим воином, а может, и волхвом.

— Одному человеку все это выдумать было не под силу. Тут трудилось немало людей, несколько поколений, отшлифовывая это искусство. А названы эти движения так потому, что их создатели хотели отметить, что в них особая сила. Только Лохань — это вовсе не корыто, в котором бабы стирают белье. Это слово китайское и звучит оно даже немного по-другому — алохань. От него родилось слово «архат». И означает оно «достойный». Лучше ты мне скажи — доводилось ли тебе слышать о Будде?

— Сказывал нам Сневар Длинный, что в том же Китае и еще где-то за высокими горами живут люди, почитающие одного человека, будто бы сравнявшегося с богами, и называют этого человека «разбуженным».

— Верно, — усмехнулся Вежда. — А почему разбуженный — знаешь?

* шуба навыворот, «дубленка».

— Да разбуженный этот вроде бы постиг, что Явь, в которой мы живем, и не явь вовсе, а сон, и все мы здесь, стало быть, спим и снимся друг другу... Чего ты хохочешь?

— «И в небе, и в земле скрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио!..» Ты смотри! А ведь в точку!

— Вежда! А много ты земель повидал?

— И много, и, что верней, долго.

— А в Китае долго жил?

— Многие годы.

— И все китайцы обладают теми знаниями и умениями, что и ты?

— Я? Тоже мне нашел эталон.

— Чего?

— Не важно. Нет, не все там такие. Этим умениям, как ты сказал, в основном посвящают себя монахи, последователи того самого Разбуженного. Еще к подобным знаниям стремятся тамошние мудрецы, а простой народ простодушно спорит, кто из них более всего в том превзошел.

— И кто же?

— И ты туда же. Не забивай-ка лучше себе голову, а постигай то, что я тебе показал. Тогда, со временем, может быть, и сам поймешь.

— Погоди, ты ведь говорил, что обучаешь меня стилю... стилю этого самого Лохания. Выходит, есть и другие стили?

— Так и есть. Иные называются не так возвышенно. Например, стиль Обезьяны или Медведя.

— Ого! А почему тогда ты избрал для меня стиль Лохания? Потому что другими стилями не владеешь?

— Владею. Еще и такими, что противнику урона никакого не чинят, но останавливают надолго. А стиль Лохания предназначен для крупных людей, широких в кости, как у нас говорят. Ты именно таков и есть. Поэтому все приемы, которые объединяет стиль Лохания, в твоем исполнении будут иметь наибольший эффект.

— Э-э... что?

— Действие. Мало того, изрядно занимаясь и постигнув иные стили, ты сможешь при желании — а паче необходимости — создать свой стиль и назвать его так, как тебе будет угодно.

— Да ну?

— Вот тебе и ну. В одном из средоточий таковой мудрости — китайском монастыре Шаолинь — всегда собирались желающие учиться этому искусству поединка. Несколько лет тому... вперед был среди воспитанников один — небольшого роста, щуплый да невзрачный. Все смеялись над ним, и было отчего: как бы усердно ни изучал он стиль Лоханя, никак не мог побороть ни одного из своих товарищней. Но этот малый обладал несгибаемым духом и не желал отступать.

Как-то после очередного неудачного поединка он в отчаянии бросился в траву и долго лежал ничком, как вдруг рядом с собой, в траве, он увидел поединок двух насекомых. Одним из них был богомол, а другим — цикада, изрядно превосходившая своего соперника в величине. И шаолиньский воспитанник стал свидетелем того, как маленький богомол, умело используя свои длинные передние лапки, одолел цикаду. Ван Лан — так звали воспитанника — сразу понял, что ему был явлен знак — ибо всем тем, кто упорен в достижении цели, Правь всегда сделает шаг навстречу и даст ключ к разгадке любой невыполнимой задачи. Ван Лан стал пристально наблюдать за повадками богомолов, отчего другие ученики еще больше принялись смеяться над ним, видя, как он часами ползает в траве. А Ван Лан, переняв некоторые движения богомола и переложив свои боевые движения на его лад, превзошел в поединке многих мастеров Шаолиня. Правда, не всех. Но он отправился по Срединной империи, изучая иные стили и совершенствуя свой, который так и называл: стиль Богомола монастыря Шаолинь...

— ...Вежда, а ты тоже поклоняешься Разбуженному?

— Пробужденному не поклоняются — он не божество. Следуют пути, которым прошел он, постигая Истину.

— А что есть Истина?

— Это не познают с помощью слов, поэтому объяснить тебе я не смог бы, даже если бы знал сам.

— А ты не знаешь?

— Нет, потому я и живу в Яви. Постигнув Правь, освобождаются от необходимости пребывать в Яви и уходят в Навь

навсегда. Иные, правда, возвращаются сюда по собственному почину — чтобы помочь другим познать Истину. Встретить такого человека — уже и не человека вовсе — большая честь для каждого жителя Яви. И большое испытание.

— На словах-то кажется, что это просто.

— То-то и дело, что *кажется*. Нам много чего кажется. Вот скажи мне — существуют ли домовые с русалками да лешие? Или они тебе кажутся?

— Ну, ты спросил, Вежда! Будто сам не знаешь? Конечно, существуют. С ними хоть и редко, но непременно встречаться доводится. Ведь как пришли мы с тобой на выселки, сразу лесного хозяина встретили.

— Ну вот. А ты представь, что когда-нибудь ни в хозяина, ни в соседушку домового, ни в берегинь речных да в банника никто верить не станет.

— Как так?

— А будут считать, что они — выдумки, сказками называть примутся.

— Да ведь сказки и есть самая что ни есть правда! Загнул ты, Вежда. Никогда такого не будет!

— Погоди, Чеботок. Ты мне вот что ответь: леший, скажем, — он кто? Человек?

— Да ну тебя, право слово! Что ты ерунду какую-то спрашиваешь, будто вчера только родился?

— А ты представь, что так и есть — вчера родился. И ответь — человек ли хозяин лесной?

— Да нет, конечно!

— А кто же он тогда?

— Нелюдь он. Другой, значит, нежели мы. Он и человеком потому оборачивается, чтобы наставлять нас в том, что мы разуметь не можем — по глупости ли, или по скудоумию.

— А ты представь, что будут такие люди, которым такие вот «другие» являться будут, а они мало того что бояться их станут — словно селяне степняков, — так еще и называть суевериями — пустыми выдумками, значит.

— Нет, Вежда, никогда люди так не поглупеют. Врешь ты все.

— Ага, выдумываю, значит. Ну-ну...

* * *

— ...поза всадника.

— Становиться, что ли?

— Цыц! Не болтай. Гляди...

— Здорово!..

— Цыц, говорю! Повтори-ка... Так... Локоть подбери! Не отклячивай! Без замаха, без! Движение зарождается здесь, идет от бедра, закручиваясь, вверх — видишь? — и выстреливает твою руку вперед. Вот так. Меньше слушай, больше смотри и повторяй. Жгут! Чувствуешь жгут?

— Кого жгут?

— Чудило! Белье приходилось выкручивать? Когда крепко закрутишь, оно так и норовит высвободиться. Так и тут. Ну-ка... Чуешь?

— Ага!..

— Цыц «ага»! Продолжай...

— ...Вежда, для чего нужны небоевые движения: «Поднятие неба», «Танцующие феи», «Лсхань обнимает Будду»?

— Каждый человек — это не только кожаный мешок с kostями, могущий двигаться, есть щи да соединяться не слишком хитрым способом с другим подобным мешком. В каждом из нас живет особая невидимая сила, пребывающая в постоянном движении. Обычный человек способен ее почувствовать разве что во время хворобы, потому что недуг — помимо всего прочего — сбой этой силы. Человек вообще — это нечто вроде узелка, получившегося от соединения двух других подобных великих сил — силы Земли-матушки и отца Неба. Поэтому эта сила и человек, по сути, есть неделимое целое. Нельзя рассматривать кожаный мешок с kostями отдельно от этой силы — без нее он попросту не простоянет и дня. В Китае эту силу называют «ци». Вообще говоря, эта энергия триедина. У нас она больше известна опричь: Навь — невидимая часть, Явь — часть плотная, и Правь — закон, которому все подчинено, или попросту Дух...

— Триглав Вседержитель!..

— Мудрецы считают, что эту великую силу — ци — можно сравнить с водой. Вода остается водой в трех ипостасях:

если ее вскипятить на огне, то она превратится в пар, если заморозить, то станет льдом. Настоящие мастера умеют управлять энергией ци таким образом, что превращают ее то в одно, то в другое, то есть то уплотняют, то делают всепроникающей, используя в своих целях. Это очень непросто. Не зная об этой силе, можно очень легко себе навредить. Если бы ты, скажем, решил заниматься самостоятельно, без опытного наставника, то вполне мог бы ухудшить зрение или вовсе лишиться его, выполняя обыкновенные удары рукой. А все потому, что по незнанию нарушил бы ток этой внутренней энергии, имеющей выход как раз в ладонях и пальцах. Да и не только там, кстати... Что, страшно? Уже раздумал заниматься?

— Брось, Вежда! Вот еще... Просто это все так необычно... Я и не знал об этом ничего. Дальше-то что?

— Мастера Шаолиня учатся с этой силой дружить, а вернее сказать, сотрудничать. И научившись, достигают невероятных способностей — а ведь это далеко не все, что можно достичь с помощью ци. Но и этого для воина вполне достаточно. К сотрудничеству с этой энергией приходят с помощью правильно-го дыхания, особых движений и прекращения внутренней болтовни — когда мысли не уплотняются в слова и вообще замирают. Это те же три составляющие, о которых я говорил: дыхание взаимодействует с Навью, то есть с бесплотным, тело с помощью движений сотрудничает с Явью — с материей... земным то есть, и разум смыкается с Правью — единым Духом, законом. Кстати, последователи Пробужденного соединяются с Навью, именно переставая мысленно болтать. Правда, не только этим.

Научившись управлять своей внутренней энергией, твои удары приобретут сокрушительную силу, станут острием твоей атаки, способным расколоть крепчайшую стену без участия твоих мышц и костей.

Вот, скажем, эта доска... Проверь, не трухлява ли?

— Да нет, Вежда, мы же сами ее для двери ладили.

— Хорошо. Ну-ка зажмем ее вот здесь... Теперь смотри...

— Вот это да! Если бы не видел сам, не поверил бы!

— А теперь хватит болтать, и за дело. Приступай к «разбрасыванию апельсинов».

— Едал я эти апельсины. Купец из Киева как-то в наши места заехал...

— Цыц! Начинай...

3

Незаметно пришли в мир Перуновы помощники — Морозко да Каракун с Трекунцом. Седобородые труженики выморозили все, выбелили, убаюкали лес. Леший угомонил свою братию до срока, да и сам дубом-долгожителем задремал. Замерло время, льдистой водицею колодезной обернулось. Илья черпал его бадьей да таскал в избу, где жарко полыхал очаг, и некогда уже было спать времени-воде, живо уходила она на потребу наставнику с учеником.

Илья до седьмых потов постигал чудодейственную науку владения телом, словно оружием. Некогда было ему смотреть в окно. Когда время занятий заканчивалось, Илья слушал завораживающие наставления Вежды, жадно впитывая их без остатка, да так, что целый ворох лучины прогорал в светце как одна. И не успевал Илья получить ответ хотя бы на один свой вопрос, как в его голове рождался целый вихрь других вопросов, и так могло продолжаться до нового света, если бы учитель не говорил:

— Хватит болтовни. Завтра чуть свет за дело приниматься — нешто забыл? Цыц. До ветру, и в люлю.

Как-то ввечеру, после трудного дня, проведенного, как обычно, под доглядом Вежды, после случайных и неизбежных ссадин да синяков и обильного пота, Илья спросил Вежду:

— Учитель, почему у людей разные боги?

— Бог один, Илья. Просто у него много имен.

— Да только у нас, славян, великое множество богов, Вежда! И это все — один-единственный бог?!

— Точно так.

— Но зачем это? Почему так случилось?

— Люди постоянно наделяли своих богов такими качествами, которыми хотели наделить. Но один бог не мог быть одновременно суровым воином и милостивым покровителем скота. Вот и стал он множиться и постепенно стал таким, каким его

очень хотели увидеть люди. Он очень изменился и перестал быть тем, чем был поначалу.

— Но разве это возможно? И кем тогда он был вначале?

— Никем и ничем, — рассмеялся Вежда.

— Я не шучу, Вежда! — рассердился Илья.

— Но и я не шучу, — продолжая улыбаться, ответил Вежда. — Людям было необходимо, чтобы над ними кто-то был, некое высшее существо, которому можно пожаловаться и попросить защиты.

— Но выходит, люди придумали бога, а его на самом деле... нет?.. — холдея и переходя на шепот, сказал Илья. — Но ведь ты сказал, что бог один, и, значит, он есть?

— Есть, — кивнул Вежда, лукаво сверкнув глазами.

— Вежда, перестань со мной играть! — рассердившись, поднял голос Илья.

— Ты сам играешь с самим собой, — пожал плечами Вежда.

— Тогда объясни, а не смейся! — потребовал Илья.

— Конечно, объясню, — сделал необычайно серьезное лицо Вежда. — Сейчас дров подброшу, и пока они прогорят, все и объясню.

— Вежда!

— А ты думал, все так просто? И обо всем на свете можно узнать, просто задав вопрос?

— А как?

— А вот так. Иной ответ всю жизнь искать приходится. Потому что нет никого, кто бы смог на него ответить простым человеческим языком. И ни седой ведун на это не способен, ни тем более жрец, привыкший поминать богов одной лишь сырой отрыжкой. Но ответ все равно получить можно. Мало того: тому, кто изо всех сил стремится к чему-то, непременно это удастся. Это так же верно, как и то, что, если крикнуть в колодец, услышишь эхо.

— Так, может, и ответа никакого нет, а ты просто услышишь самого себя? — тихо выговорил Илья.

Вежда с усмешкой смотрел на него, будто готовый расхохотаться, и наконец произнес:

— Ты сказал.

— Как это? — будто стукнутый по голове, спросил Илья.

— В Коране — священной книге мусульман — сказано: «Если кто сделает один шаг навстречу милости божьей, божественное милосердие делает десять шагов вперед, чтобы принять его». А мудрецы из Китая, следующие Пути и называемые даосами, говорят: «Знающий не говорит, говорящий не знает». Мудрец молчит и подчас узнаёт гораздо больше того, кто не перестает задавать вопросы. А христиане утверждают, что бог в душе каждого человека, и чтобы познать его, достаточно познать самого себя.

— Так что же получается, мне у себя, стало быть, спрашивать обо всем? — досадуя, спросил Илья. — А потом слушать, что пробурчит живот? Так, что ли?

— Живот лишь тогда отзовется, когда настанет пора его чем-нибудь набить. Сытое брюхо к учению глухо. Но и одними рассуждениями к таким ответам не придешь. Голова тут не поможет.

— Ну и как же тогда себя слушать?

— Знаешь, бабы, которых мужики почти на всей земле определили к себе в услужение, подчас знают много больше их. Есть у женщины способность к этому знанию. Спроси ее, как она почувствовала, что дитя, скажем, в опасности, и не ошиблась, так она тебе и не ответит, потому как не головой до этого додумалась, но именно что животом — у женщин там матка, которая и жизнь всему дает, и сообщает ей знания великие.

Илья молча соображал услышанное, а потом спросил:

— Но почему люди назвали бога многими именами? Ведь если бы у них был один бог, то они тогда, наверное, не враждовали бы друг с другом?

— Уверяю тебя, даже тогда люди непременно нашли, из-за чего стоило бы подраться. Христиане и мусульмане именно так и поступают, веруя в единого бога. И даже в стане самих христиан нет единства — одинаково толкуя деяния Иисуса Христа, они враждуют из-за способов поклонения ему.

— Вот ведь глупцы! — искренне восхитился Илья.

— Жаль, что они не слышат тебя. Не то непременно сожгли бы на костре.

— Зачем? Я ведь еще не умер.

— Для того и сожгли бы, чтоб умер, — рассмеялся Вежда. — Как еретика и богохульника.

— Но для чего же бог это все терпит? Неужели ему не все равно, как его называют?

— Именно потому, что все равно, он и терпит. Но ты опять за свое: я ведь сказал, что бога как бы и нет.

— Но что же тогда есть?

— Никто из самых великих мудрецов не знает этого. Но то, что что-то есть, — это точно. И это что-то настолько велико, что в этом мире возможны самые невероятные вещи. Однако обычным людям проще гуртом, сообща идти за тем, что они назвали «Бог», проповедуя особые правила этого похода. Это называется «религия». Ведь к этому неведомому, что именуют разными именами, можно идти самыми разными путями. Кому-то это делать проще вместе с другими, кто-то идет туда же один. Религии — это вообще одна из самых первых ступеней к тому неведомому, что некоторые называют вместо слова «бог» Истиной.

— Ты тоже называешь это так, — сказал Илья.

— Потому что вынужден рассказывать об этом тебе. Сам я это давно никак не называю. Слово — плохой помощник в поисках того, что называют богом.

— Как ты иногда сложно говоришь, Вежда. И слова у тебя какие-то чудные, и складываешь ты их чудно.

— В конце концов слова прогорят, и останется жар, — сказал Вежда и подбросил в очаг поленьев.

— ...Исстари это искусство начиналось с умения ездить на лошади и стрельбы из лука, но постепенно его основой стал рукопашный бой. Сейчас его называют у-и, что значит «боевое искусство». Когда-нибудь его станут именовать сначала у-шу, а потом и кунг-фу. Но не это главное. Китайское боевое искусство включает в себя не только кулачный бой, но и владение оружием. Ты прошел первую ступень ученичества, теперь настала пора подыскать для тебя подходящий меч, а также научиться владеть луком и еще многое чем.

— Зачем подыскивать меч? Он уже есть — меч викинга, Сневара!

— Этот меч не для тебя. Его ковали для человека, почти вдвое уступающему тебе в ширине плеч. Несколько лет назад это еще было не так. Но ты здорово изменился за это время —

успел побывать и калекой, и встать на ноги, и окрепнуть так, что теперь и теленка-двуухлетку, за рога взявиши, пожалуй, сможешь повалить.

— Так сходим в село, попросим нашего кузнеца Борыню — он и выкует!

Вежда покачал головой:

— Ваш Борыня горазд плуги тачать да коней подковывать, но как оружейных дел мастер он не годится.

— Что же делать? Я в округе еще только в соседней деревне кузнеца знаю. Да и как знаю — слыхал только...

— И тот не годится, — снова покачал головой Вежда.

— Да откуда ты знаешь? — удивился Илья. — Ты ведь нездешний!

— Знаю, — невозмутимо качнул своей белой бородой Вежда. — В Муром идти надо.

— Не близко!.. — присвистнул Илья и тут же спохватился. — Ой, дрова-дрова... Не прогневить бы домового... — И тут же махнул рукой: — Ба! Я и забыл, что его у нас нету...

— Не близко, да делать нечего — придется идти до Мурома. Вот навестим твоих родителей, поможем им на земле, да и в путь.

— Ох и соскучился я по ним, Вежда! Спаси боги! — обрадованно сказал Илья, но Вежда сейчас же передразнил его:

— «Спасибо!» Ишь возомнил награду. Ты идешь свой долг им отдавать, малую его толику — в хозяйстве помочь. Или забыл, что они тебя долго не увидят, — не ты ли собрался в княжескую дружины?

Илья сконфуженно опустил голову. Вежда легонько щелкнул его по лбу:

— Эх ты! Вот одна из священных могил человечества: «Я это заслужил». Сказавший это однажды, повторит снова и снова. Пока не зароет себя окончательно.

2

Как просохла земля, Вежда сказал Илье:

— Завтра собираемся и идем в село.

Поутру поблагодарили лесного хозяина, подойдя к первому замеченному дуплу, да и пошли, намереваясь поспеть в село до свету.

Добрались засветло, и Илья сразу отправился к отцу — Чебот с одним из своих работников корчевал пни на недавно вырубленной под пахоту заимке.

— Батя! — крикнул Илья, увидев отца.

— Илюшка! — обрадовался Чебот, бросая прилаживать постремки от упряжи коня к очередному пню. — Ишь вымахало! Весь в деда Путятку!

Он прижал к груди сына, потом отстранился и с удовольствием оглядел опередившего его на целую голову Илью:

— И впрямь богатырь. Что ж ты не навещал-то нас?

— Да не до того было, батя. Я там как белка скакал — то одно, то другое. Никак не могли мы начатое бросить.

— А Вежда-то время находил, — покачал головой Чебот.

— Как находил? — удивился Илья.

— Да так, — удивился и Чебот тоже. — Пользовал тут болезных-то.

— Да когда?! Он со мной безвылазно там сидел! Чего ты говоришь-то?

— Что знаю, то и говорю, — досадливо пожал плечами Чебот. — Вон Береста подтвердит.

— Верно. Недавно совсем бабу Акулину от какого-то лиха спас, — подал голос от коня здоровяк Береста, уже третье лето работавший у Чеботов, а сам Чебот добавил:

— Он когда с тобой-то уходил, сказывал нам: занедужит кто или еще какая напасть, вы, мол, повяжите тесьму в своей кумирне на какого хошь идола. Я, говорит, и приду к вам.

— Ну.. Дальше-то!.. — вытаращив глаза, сказал Илья.

— Ну и приходил! — опять пожал плечами Чебот. — Как обещал...

— Когда же он успевал-то?.. — задал вопрос самому себе Илья, морща лоб, а Чебот восхищенно развел руками:

— Вот ведь святой старик! Всюду поспел... Не зря я за него Перуну свинью принес на самый солнцеворот. И еще принесу — им нам послан твой Вежда.

Чебот повернулся к солнцу и низко, да самой земли, поклонился, шепча молитву.

Отложив думы до вечера, Илья остался с отцом и Берестой, помогая корчевать пни.

Вечером в избе за столом, обильно уставленном снедью радостной Славой, сидели все Чеботы с Веждой и двумя работниками. Улучив момент, Илья спросил Вежду:

— Как же ты в село-то успевал наведываться?

Вежда равнодушно пожал плечами:

— Успевал, да и весь сказ.

И как ни пытался разговорить его Илья, стариk отмахивался от него как от осенней мухи, переводя разговор в другую сторону.

Уже когда собирались укладываться спать, Илья снова пристал к Вежде, ехидно вопрошая:

— Может, у тебя брат-близнец есть, а?

— Слушай, ученик, — повернул к нему суровое лицо Вежда, — у меня, может, и не один брат-близнец есть, только ты брось выведывать то, что разуметь пока не в силах. Понял ли?

— Понял, — сконфуженно кивнул головой Илья.

— Вот и славно. А пока слушай и запоминай то, что тебе надлежит сделать. Завтра же пойдешь в Муром.

— Один, что ли? А ты?! — заволновался Илья. — И ты же еще говорил, что родителям помогать станем!..

Вежда поднял руку, прерывая его расспросы:

— Я передумал. Родителям я помогать буду. А ты пойдешь. И посему — запоминай хорошенъко. Не доходя до Мурома, есть село Каракарово. Спросишь там кузнеца по имени Белота.

— Что же там, кузнецов много, что ли? — проворчал недовольный Илья.

— Двое их там. Но оружейных дел мастер, который тебе нужен, — Белота.

— Ты его знаешь?

— Знаю, — отрезал Вежда. — Вот с этим кузнецом и будешь дело иметь. Скажешь, что тебе нужен меч. И не какой-нибудь там купеческий для лесной дороги, а самый настоящий боевой. Скажешь, что в дружины к князю собираешься. Впрочем, говори что хочешь, главное — меч добудь. Да, и вот еще что: мены с собой не возьмешь никакой...

— Так чем же я за работу расплачиваться стану? — удивился Илья.

— Не знаю, — отмахнулся Вежда. — Не моя это забота. Чем согласится взять Белота, тем и заплатишь.

— Да как же!.. — взмолился Илья, но старик непреклонно продолжал:

— Коня брать запрещаю. Пешком пойдешь. — Илья хмуро слушал, уже не пытаясь протестовать. — Если кто окажется в попутчиках — езжай на чем хочешь: хоть в возке княжеском. Встанешь завтра до света; если родители успеют подняться так же рано, попрощаешься, а нет — отправишься как есть. Вот тебе весь мой сказ. Без меча можешь не возвращаться. А теперь — спать.

— Учитель, — еле слышно сказал Илья. — Ты-то хоть меня завтра проводишь?

Вежда сурово взглянул на Илью и неожиданно по-доброму улыбнулся:

— В этом не сомневайся, ученик.

И сразу отлегло от сердца у Ильи. Нет, наставник вовсе не досадует на него, и раз сказал, стало быть, так и нужно сделать. И предстоящая назавтра дорога уже не казалась ему такой нестерпимо нежеланной, и дело, которое ждало его в неведомом селе Каракарове, не казалось таким суровым испытанием. Поэтому заснул Илья с легкой душой и быстро, без ненужных думок.

Проводить Илью успели и мать, и отец.

— Куда же ты его, Вежда? — собирая котомку, приговаривала Слава. — Не по-людски как-то... Дома-то не побыл совсем.

Однако перечить старику не решалась. Чебот вообще помалкивал, сидя на скамье и просто глядя, как уминает завтрак сын. Ему хоть и жаль было так скоро расставаться с ним, но в глубине души он поддерживал Вежду, поскольку видел в нем наставника не только для Ильи, но и для себя с женой. Да и верно это было: коли решил сын воинскому делу обучиться, то и жить ему теперь полагалось как-то иначе, и уж небось не за мамкин подол держаться. Слава все тихонько причитала, и Илья пробасил из-за стола:

— Ладно тебе, ма. Не маленький уж я, поди.

— Не маленький... — передразнила Слава, затягивая постремки мешка. — Недавно только ходить заново научился, а уже — «ладно».

Вежда молчал, стоя у двери и сложив руки крестом на груди.

Попрощались у ворот — Илья велел до околицы за ним не ходить. Слава не удержалась, заплакала. Чебот обнял сына, сказал:

— Ну-ко, не посрами Чеботов там, у муромчан этих. Не лыком мы шиты.

Слава поцеловала Илью в лоб мокрыми дрожащими губами, прошептала:

— Оберег не снимай, сынок. Озоруют в лесах-то, поди...

И уже отпустив, добавила:

— Белбог тебе в помощь.

Илья закинул котомку за спину и повернулся к Вежде. Тот стоял, прислонившись к столбу и невозмутимо поглядывая на небо. Все ждали, что скажет он. Старик отстранился от столба и подошел поближе к Илье:

— Ежедневно находи время для упражнений с внутренней силой.

— А какие повторять?

— Какие захочешь. И непременно выполни «Движения Пяти Зверей».

Чебот со Славой с интересом и робостью прислушивались. Напоследок Вежда оглядел Илью, будто впервые его увидел, и кивнул головой:

— Доброго пути. Да гляди не задерживайся. На девок муромских не заглядывайся. — И лукаво улыбнулся. Илья тоже улыбнулся в ответ, постоял, думая, что учитель обнимет его на дорожку, но Вежда всем своим видом говорил: «Иди». Тогда он, решительно повернувшись, шагнул за ворота и двинулся к околице.

Когда Илья скрылся из виду, Вежда повернулся к родителям. Те стояли враз осиротевшие, сгорбившиеся. Слава снова плакала. Вежда покачал головой:

— Э-э, родители называются. Цыц! — Он погрозил пальцем обоим. — А вы думали, он всегда при вас будет? Не печь небось. Ноги у него есть. Так и пойдет по белу свету. Да недалече он и отправился нынче. Скоро назад будет. Так что нечего хныкать, пошли работать — я хоть разомнусь малость, совсем в лесу одичал с вашим дитятком.

И он, прихватив одной рукой за плечи Чебота, другой — Славу, повлек обоих к дому. Слава ткнулась ему в плечо, но плакать перестала. Вежда что-то негромко добавил, и уже входя в дом, Чеботы рассмеялись, расставаясь с прощальной тоской.

1

До Мурома идти предстояло не меньше седмицы. Никогда еще Илья не уходил от родного села так далеко.

Еще когда мать взялась собирать поутру заплечный мешок, он хотел отобрать, не позволив нянкаться с ним, как с малым, но догадался, что ей от этого станет больно, и удержался. «Потом догляжу», — решил он, но, видя, как Слава хлопочет, и представив, как после нее он лезет в котомку учинять проверку, устыдился и твердо решил совсем не глядеть внутрь. Да и могла ли мать забыть положить в дорогу сыну хоть какую-то малость? Так и вышло: все в мешке нашлось, и, усмехнувшись с нежностью, Илья смекнул, что скорее надо было удерживать матушку от избытка в вещах.

Идти пришлось от одной деревни до другой, каждый раз спрашивая добрых людей о верном направлении. Первую же ночь ему пришлось провести в поле, благо погода стояла жаркая не по весне. В следующий раз он уже был учен и старался выгадать время так, чтобы ночевать только под людским кровом.

Здоровенного парня, каким был он, оглядывали, но никогда не отказывали, помня завет предков о милости к страннику, для порядку ведя к старосте. Выспросив Илью, кто таков да из чьих земель, определяли в избу к какому-нибудь *кулаку*, где мужики водились не мельче самого Ильи и — что верней — не из робкого десятка. Илья сперва смущался, но скоро его это стало забавлять.

В деревне с чудным именем Глушки, куда он попал на четвертую ночь, щедушный с виду староста определил его в дом к вдове, сыновьями у которой оказались два здоровенных парубка — каждый на голову выше Ильи. Одно хорошо: и вдова — бойкая тетка, — и оба бугая норова были веселого, не

обидного. Звали братьев Ломоть да Ледолом. Тетка Загудиха живо собрала небедный стол, накормив троих немаленьких мужиков (сразу видать, дело привычное). Братья посмеивались, пока мать выспрашивала Илью про то, что и так было ей ведомо от старости:

— До Мурома, значит, идешь-то?

Илья кивнул.

— Родичи там у тебя али в артель наниматься собрался?

— Кузнец мне нужен тамошний.

— Зачем же в даль-то такую? Нешто своих кузнецов у вас степняки поуволокли?

— Нет, тетушка, мне особенный кузнец нужен, оружейных дел мастер, — простодушно отвечал Илья, решив, что врать ни к чему, и повторяя это уже в котором селе. Братья заинтересованно придвигнулись ближе, и старший — Ледолом — встрял:

— А ты что же, молодец, никак в ратники податься решил?

— Решил, — согласился Илья.

Братья переглянулись, улыбаясь.

— Стало быть, бороться ты мастак? — предположил Ломоть, барабаня по столешнице громадными ручищами, на что сейчас же получил от матери:

— А ну не стучи, достучишься до беды!

Ломоть руки убрал, а Илья отмахнулся:

— Какой там мастак. Вот мечом обзаведусь и обучаться стану.

— А чего ждать-то? — снова переглянувшись с братом, продолжил Ломоть. — Давай-ка сейчас и начнем, кости разомнем.

— Заодно и проверим, каков ты есть боец, — поддакнул Ледолом.

Илья давно ждал этого предложения, и нельзя сказать, что оно ему пришлось не по нраву. Мальчишкой он рос не слишком задиристым, но побороться был горазд и потому кивнул:

— А что, можно и проверить.

Тетка Загудиха для порядку немного поворчала на сыновей:

— Все бы им ребра считать у гостей, все бы силушкой мериться, — однако со стола убирать объедки решила погодить и с братьями да Ильей вышла на двор, где было достаточно светло для дружеского поединка.

Весть о том, что братья Загудихины собираются потешиться со странничком честной борьбой, мигом облетела село, и за плетнем тотчас стали видны многочисленные головы сельчан.

— В опрокидки или стукачки? — спросил Ломоть.

— Да мне все едино, — пожал плечами Илья, осматривая широкий двор и прикидывая, много ли тут помяли гостевого народу.

— Ну и славно! — потирая ладони, каждая величиной с хлебную лопату, довольно сказал Ледолом и первым по праву старшинства в семье вышел на середину двора.

Рубахи сняли, чтобы не изорвать. Илья перехватил волосы тесьмой по примеру Вежды, который всегда так делал; братьям же это было ни к чему с их коротко обтесанными кудрями.

В учебных поединках с Веждой Илья всегда чувствовал себя щенком рядом с волкодавом, хоть учитель и добивался, чтобы он расстался с робостью и страхом. Вот и сейчас Илья и не думал применять какие-то свои, как ему казалось, еще несостоявшиеся умения, надеясь обойтись врожденной удастью да прибывшей за последнее время силушкой.

Судя по восторженным лицам, торчавшим над плетнем, до Ильи на этом дворе побивали если не всех, то очень многих из прохожего люду, желавших размяться в честном поединке с могучими братьями. Илья встал супротив Ледолома и подготовился.

— Ну? — раздался неподалеку высокий потешный голос старости. — Коли готовы, сшибайтесь да правила блюдите.

И Ледолом тут же пошел на Илью. Тот было начал раздумывать, как бы ловчее обойти противника, как вдруг понял, что привычный до поры ход мыслей сбылся и вовсе исчез. Илье на миг показалось, что тут его и сомнут, к всеобщему неудовольствию, скоро прекратив потеху, но вдруг он понял, что его тело уже начало действовать само по себе.

Ледолом решил пойти напрямик, попытавшись свалить противника ударом в плечо, однако Илья ловко увернулся, сделав неуловимое гибкое движение в сторону и немедленно совершив нечто, от чего Ледолом мгновение спустя предстал перед всеми лежа на пузе. Селяне удивленно выдохнули как один человек. Восходившая над лесом луна заглянула во двор, пыта-

ясь рассмотреть поединок получше. Ошарашенный скорым падением Ледолом поднялся на ноги и снова пошел вперед.

…Уже после, разбирай по бревнышку поединок, Илья понял, как именно случилось так, что Ледолом упал столь легко и быстро. Он вспомнил, как его тело увернулось, всего-то чуть отступив в сторону, а рука просто помогла сопернику пойти дальше, аккурат на отставленную ногу Ильи…

А Ледолом тем временем, уже порядком осерчав, норовил запепить Илье кулаком по уху. И снова руки Ильи сами собой сотворили движение, что Вежда именовал красиво да ловко, словно калика с гуслями: «Красавица смотрится в зеркало», чтобы тут же шагнуть вперед, одновременно проводя удар «золотая звезда в углу». Ледолома развернуло, он качнулся и грузно осел в пыль. Из носа у него потекла кровь.

Притихшая было сельская орава за плетнем взревела кто в восторге, кто с досады, однако было ясно, что продолжать поединок Ледолому дальше нельзя. Больше удивленный, нежели раздосадованный, старший брат убрался на избяную завалинку, уступая место младшему, утирая нос поданной матерью тряпичкой.

Ломоть, успевший кое-что смекнуть в повадках Ильи, попытался совершить для начала обманное движение. Сказать по правде, и Ломоть, и Ледолом бойцами были тертыми и, несмотря на свою ширину да тяжесть, в поединке оказывались легки да скоры на руку (правда, в поединке таких же добродушных деревенских увальней, какими были сами). А с таким противником, как Илья, им до сего дня встречаться не приходилось. Илья хоть и уступал им в плечах, но брал не силой, а совсем уж невиданной доселе братьями быстротой и ловкостью. Илья и сам был этим удивлен, и когда Ломоть тоже, как и старший, оказался на земле, задумался, давая привычный ход мыслям. Вмешавшись головой в действие своего тела, он немедленно был за это наказан: споро поднявшийся на ноги Ломоть крепко приложил его по скуле. Зубы Ильи клацнули, он пошатнулся, услыхав в одном ухе протяжный звон, а в другом радостный ор селян, приветствующих удачу земляка.

— Бей муромских! — послышался писк какого-то мальца и вслед за тем шлепок затрешины, кой вразумляли несмысленых — негоже так с гостем-то.

Ломоть же, воодушевленный оплошностью противника, решил продолжить, однако Илья, понявший уже свою ошибку, легко ушел от двух «крюков», что пытался ему навесить тот. И пошло: Илья просто играл с Ломтем, кружась вокруг него и время от времени поддавая то по загривку, то по мягким местам. Зеваки улюлюкали от удовольствия, не подозревая, что поединок со стороны Ильи давно стал потешным, ненастоящим. Илья, привыкший к грозной собранности Вежды, словно молния готового поразить его при любой маломальской ошибке и заставляющего быть настороже всегда, тут дал волю чувству безнаказанности, исходившей от смешных потуг Ломтия хоть чуточку дотянуться до него. Он играл с ним, как некогда играл с самим Ильей степной стрелок. И давно позабыл Илья про тот страшный урок.

Он толкал Ломтия все ощутимее, проводя удары все жестче, распаляясь сам и чувствуя, как распаляется противник, даже не замечающий этих удвоившихся по силе, но все еще шуточных ударов. И луна лезла все выше, заменяя отсвет вечерней зари своим синим свечением, и все меньше разумного расчета оставалось в голове Ильи.

— ...бей наверняка, — говорил Вежда. — Каждый твой удар должен принести противнику такой урон, после которого он не сможет подняться. Воин никогда не бьет вполсилы. Он всегда намерен одним ударом разделаться с противником...

Говоря «противник», учитель имел в виду врага. Но перед Ильей сейчас был не враг, а простодушный деревенский парень, в доме которого Илья нашел приют на ночь. Но не помнил уже этого Илья, и в какой-то момент, между одним ударом сердца и другим, время словно остановилось. Он отчетливо увидел открывшееся горло Ломтия, старавшегося дотянуться до него, умело присевшего, услышал тишину, повисшую над двором и торчащими за плетнем селянами, ощутил свет луны, зорко и недобро смотревшей на него сверху, и еще почувствовал в середине живота жгут, начавший стремительно раскручиваться. И еще он будто со стороны увидел, как начинает выпрямляться, вставая навстречу Ломтию, и как правая рука идет снизу вверх прямо в кадык несчастного и уже обреченного парня, превращаясь в «ядовитую змею, выбрасывающую яд». А

страшная сила из живота, раскручиваясь все стремительнее, плавно и невероятно быстро перетекает в руку, готовясь выплеснуться из самых пальцев и вдруг...

Яркая вспышка озарила сознание Ильи. На миг вся эта жутко медленно и неотвратимо движущаяся картина замерла на месте, и Илья отчетливо услышал голос учителя: «Стой, ученик. Дальше — смерть».

...«Ядовитая змея» так и не выбросила свой смертельный яд. Илья увел руку в сторону, чувствуя, что это даже не он, а сам Вежда прихватил его запястье. И замер от другого видения, повисшего на тонких нитях-паутинках в его голове: на залитом лунном свете дворе жутко кричит женщина, держа на руках мертвую откинутую голову младшего сына...

И тут все встало на свои места. Ломоть уловил непонятное замешательство Ильи и всадил ему в лоб весь заряд боевого задора и досады от постоянных неудач в этом поединке. Илья, не произнеся ни звука, опрокинулся навзничь и остался лежать.

...Его тормошили, и лили колодезную воду на лицо, и били по щекам.

— Эй, парень, ты чего?.. Ты это брось!

— Сынок, что же ты, милый? Как же ты... Берегиня-матушка!.. Перун-заступник!..

Когда он открыл глаза, увидев испуганные лица обоих братьев, живых и невредимых, нависших над ним, и их матушки, суетившейся рядом, он счастливо рассмеялся.

— Эвон!.. Смеется! Что это он?.. Крепко ты его приложил, брательник... Зря...

Встрял голосишко старости:

— На живот, на живот лей, дурень! Ну я вас, братцы-костоломы! Ужо померитесь силушкой впредь! Ужо...

— Цел я, люди добрые, — услышал свой голос Илья. — Спаси боги, цел...

— Ну, молодёц, и напугал ты нас! — увидел Илья озадаченное и добродушное лицо Ломтя. — Как же ты так, а? Такой ловкий поединщик, и на тебе...

Илья ухватился за его протянутую руку, поднялся, пошатываясь и радостными глазами все шаря по лицу деревенского богатыря.

— Живой, дурень... Живой, леший тебя напугай! — бормотал Илья.

— Теперь-то видим, что живой... — улыбнулся Ломоть, так и не поняв, что вел Илья речь о нем самом.

БЫТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ПЛАТА ЗА ДОБРЫЙ МЕЧ

Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо.

Ибо так поступали со лжепророками отцы их...

Иисус из Назарета
(от Луки, 6:26)

4

Илья шагал по лесной дороге и все думал о поединке с братьями. И все никак не мог успокоиться от того, что чуть было не убил одного из них.

«Применять это искусство ты можешь лишь в том случае, — говорил ему Вежда, — если опасность грозит тебе или кому-то беззащитному. Ты должен помнить, что наверняка принесешь смерть тому, против кого выходишь на бой. Это не прыжки через костер в ночь на Купалу, это тяжелое бремя — лишить кого-то жизни. Это поступок, за который ты должен научиться отвечать. Если ты попадешь в бою в плен и твои недруги, окружив тебя, спросят, почему ты убил их товарища, ответ будет прост: ты бился с врагом и сделал бы то же самое, окажись он снова перед тобой с оружием в руках. И если тебя спросит женщина, за что ты убил ее сына, ты должен ответить то же самое. Потому что это должно быть правдой. Тебе ясно?»

— Ясно, — прошептал Илья, угрюмо глядя себе под ноги. Он гнал себя дальше, не давая роздыху, словно стремился обогнать стыд, мучивший его. Он вспомнил, как тепло провожали его мать с сыновьями, а он боялся смотреть им в глаза.

«Почему ты убил моего сына?» — «Мы мерились силой, и я оказался сильнее».

— Леший меня задери, — позабыв, что он в царстве лесного хозяина, выругался Илья.

Погода стояла славная, сухая да теплая, и можно было надеяться добраться до Мурома без дождя. Лес стоял совсем зеленый, приветливый, тяжелые думы понемногу таяли, и Илья скоро перестал горбиться и зашагал прямо. И только теперь заметил, что идет вовсе не по дороге.

Это был какой-то глухой проселок, которым если кто и ходил, так только лесные добытчики да зверье. Илья остановился и осмотрелся. «Где же это я маху дал?» — почесал он в затылке, повернулся и пошел обратно. Но сколько ни шел, никакой дороги и в помине не было. Ага, смекнул Илья, зря я лешего помянул, обидел. Он остановился, переобулся лапти, надев на правую ногу левый и наоборот. Потом снял рубаху, вывернулся наизнанку и снова надел. Пройдя еще с версту, Илья понял тщету своих стараний выбраться так запросто. Он пошарил прямо на ходу взгляdom по деревьям, надеясь отыскать дупло, и тут же невесело усмехнулся: как же, будет осерчавший леший свое ухо дураку подставлять. Тогда он остановился, стащил со спины котомку, положив ее у ног, и негромко позвал:

— Батюшка леший! Прости дурака. С прямы кривую дорожку, с лица наперед выверни да выпрями, сними морок, смилиуйся...

И тотчас затрещало что-то огромное совсем рядом, заорали потревоженные птицы, разлетаясь кто куда, и огромная тень загородила солнце. У Ильи забрало дух, он поднял голову, стараясь не закрыть от страха глаза, и увидал над деревьями невероятных размеров руку в меховом рукаве: рука показывала в сторону, откуда только что пришел Илья. Снова затрещало по кустам, меховой рукав метнулся вбок, скрываясь за верхушками деревьев, и все стихло, будто и не было ничего. Илья немногого постоял, умеряя дыхание и бег сердца, и сказал, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Спаси бог, хозяин. Прости, что рассердил.

Потом подхватил свой мешок и, на ходу забрасывая за спину, поспешил в сторону, куда указал леший.

На потерянную дорогу он вышел сразу и только тут облегченно вздохнул и утер выступивший с перепугу пот рукавом. О

такой встрече с лешим ему доводилось только слышать, но чтобы самому быть заведенным, а потом невесть с чего заслужить прощение хозяина — о таком он и помыслить не смел.

Илья бойко двинулся по дороге, стараясь не сбавлять шага: Муром был недалеко, и он надеялся уже назавтра быть на месте.

Скоро к посвисту птиц и шороху ветра в вершинах добавился еще один отзвук: впереди шли лошади, и ехала повозка. Прибавив шагу, за следующим изгибом дороги он увидел телегу, влекомую по ухабам неторопливо шедшей кобылой. Еще одна лошадь шагала позади, привязанная к задку телеги, в которой Илья разглядел трех человек. Среди них были баба и ребенок, и Илья решил, что ему повезло найти безобидных попутчиков.

— Мир вашим домам, люди добрые, — громко сказал Илья. Все трое тревожно обернулись.

Правил телегой плешивый дедок в меховой душегрейке. Рядом на каких-то мешках сидела женщина, совсем недавно, как определил Илья, гулявшая в девках, а чуть ближе к задку пристроился малец лет десяти. Каждый испуганно обшаривал Илью глазами, отыскивая оружие.

— Да не бойтесь, не обижу, — попытался успокоить их Илья, подходя ближе.

Дедок натянул вожжи, принуждая кобылу остановиться, и сошел на дорогу, обнаружив свой невеликий рост.

— И тебе по добру, — глухо отозвался он, с недоверием взглядавшийся в лицо Ильи и неловко извлекая из тележного передка старый кнут, пытаясь сделать вид, что это вовсе без умысла.

Илья улыбнулся:

— Не надо, дедушка, не потребен тебе будет кнут. Разве с кобылы своей слепня снять на ходу.

— Мой кнут, сам разберусь, чего с ним делать, — отозвался дед, смелая и пряча кнут за спиной. Женщина, решив, что бояться путника не стоит, засмеялась, показывая на него:

— Ты, молодец, впотьмах, что ли, одевался? Рубаха-то на тебе навыворот.

Вторя ей, загоготал и малец. Илья спохватился, скинул мешок и принялся переодеваться, объясняя:

— Да это я лешего огорчил сдуру. Он меня и покружил по лесу.

— И долго ли кружил? — спросил дед, засовывая кнут на прежнее место.

— Недолго, полдюжины лучин не прогорели бы, — ответил Илья, оправляя на себе рубаху.

Дед покачал головой:

— Свездо тебе, удалец. Прошлой осенью у моего брата лесовик невестку заморочил. Через три дня только еле живая в Вершках вышла. Теперь в лес не суется. Ну да хватит об этом, — оборвал он сам себя, оглядывая лес, — не то неровен час...

— Садись рядом, что ли, чего лапти-то зря топтать, — сказала женщина.

— Спаси боги, — кратко ответствовал Илья, потрепав привязанную лошадь и пристраиваясь на задке.

— Ты откель да кто таков будешь? — уже деловито спросил дед, залезая обратно на передок и трогая.

Илья, качнувшись в лад закряхтевшей телеге, назвался.

— Нездешний, значит, — заключил дед.

Деда звали Самоха, женщину Любой, пацан приходился Самохе внуком, Люба была невесткой Самохи, потому как приходилась женой его младшему сыну. Возвращались они домой, в село Белое, а ездили на ярмарку, да не одни: был с ними мужик из их же села, старший брат Любиного мужа, сын Самохи и отец пацана по имени Юрбк. У Ильи голова пошла кругом от этих родственных нитей, но он все же уразумел, что мужик этот занедужил, еще когда ехали на ярмарку, и его пришлось оставить у тамошних добрых людей, к тому же приходившихся Самохе какими-то родичами. Так ездоки до ярмарки остались без призору — крепкого мужского слова да дела — и возвращались до дому одни, на свой страх и риск.

— Места-то у нас тут вообще тихие. Да в тихом омуте, сам разумеешь, что водиться может, — рассудительно вешал Самоха, глядя в кобыльй зад. — А ты-то куда путь держишь?

Но услышать ответ Ильи суждено им было не сейчас.

Впереди, прямо из лесу, на дорогу вышел заросший до бровей рыжим волосом мужик, сказал лошади «тпру» и прихватил под уздцы. У мужика под рукой болтался увесистый кистень, который он, едва лошадь стала, перехватил сподручнее, и тогда сказал уже всем:

— Все, робяты. Приехали, значит.

Его кудрявая огненная борода встопоршилась, и всем стало ясно, что он улыбнулся — недобро и многообещающе.

Тотчас после этого справа и слева вышли к телеге еще два мужика и еще один сзади, с удовольствием разглядывая Любу, к которой сразу прижался Юрок. Люба испуганно и тихо выговорила в спину Самохе:

— «Места тихие! Накаркал...

Самоха скособочился на своем передке, втянув голову в плечи.

— Что везете, селяне? — спросил тот, что подошел сзади, — долговязый в перепачканных сажей портках, с болтающимся на поясе длинным ножом хорошей работы в добротных ножнах.

— Да так, везем тут... всяко... — прогудел в бороду Самоха, не оборачиваясь и даже не думая лезть за кнутом.

— Всяко — это хорошо, — хрюплю отозвался тот, что оказался справа, в нахлобученном на глаза собачьем треухе. Он держал на изготовку укороченный элинский меч, кое-как отчищенный от ржи и давно позабывший ножны.

— А ну слазьте, — подал голос четвертый, стоявший слева от телеги, — невысокий, но коренастый мужик, у которого и кистень к поясу был приторочен, и ножны от меча, который он умело держал в руке. И сразу стало ясно, что он и есть вожак. Люба покосилась на Илью, и он сразу понял, что она решила, будто он заодно с лихидеями. Глядя ей в глаза, он отрицательно покрутил головой.

— Кому сказано: слазьте! — прикрикнул вожак, и отточенный клинок блеснул на солнце, вставшем в зенит. Люба поспешно спрыгнула на землю вместе с Юрком, Самоха тоже проворно скатился с передка. Рыжий разбойник взял его за шиворот и подвел к Любe с мальчишкой, которых уже сторожил тот, что был в треухе.

— А ты, детинушка, увечный, что ли? — спросил вожак Илью, и тот нехотя слез с телеги, чувствуя себя как во сне. Всеказалось, что разбойники вот-вот расхоочутся, швырнут грозное оружие в кусты да обернутся бойками на шутки скоморохами. Но вожак и его сообщники и не думали шутить: деда с Любой и Илью с мальцом оттерли от телеги «треух» с рыжим, а вожак с долговязым принялись осматривать мешки.

— Ого, ты глянь — одёжа новая! — приговаривал долговязый, а вожак орудовал молча и деловито. — Так... жратва... Маловато...

— А ну!.. — рявкнул вожак, вырывая кусок чего-то съестного из пасти долговязого. — Куды?! Ты у меня ишьо той курицей сыт весь день будешь!

— Это не я, Засов!!! Не я, тля буду!

— Тише ты! — придушил зашипел Засов. — Без имен, сучье вымя! — и залепил смачную оплеуху долговязому в скулу.

Илья стоял прижатый к Самохе и хмуро гляделся в его гладкую лысину. Сбоку стоял мужик в треухе, смердя луковым духом и косясь на Любу. Та стояла, боясь пошевелиться, вплотную к рыжему и прижимая к себе Юрка. Мальчишка влажно шмыгал носом. Рыжий судорожно сглатывал, стараясь не смотреть на такую близкую к нему бабу. А Илья все пребывал в ступоре. Все будто происходило не с ним. Он прислушивался не к звуку у телеги, а к птичьему щебету в ветках над головой и разглядывал солнечные блики на листьях придорожных кустов. И тут словно кто-то шепнул ему прямо в ухо: «Да ты заснул, что ли?» И сейчас же ему стало ясно, как бы следовало атаковать лиходея в треухе, а после дотянуться и до рыжего, которому было уже не до разбоя. Он легко мог бы отобрать элинский меч, но сразу понял, что оружие связало бы ему руки, но не успел удивиться этой чудной мысли, потому что ощутил сгущение чего-то в животе и...

Громко хрустнуло что-то в скуле у разбойника в треухе, и тут же отлетел на две сажени рыжий, так и не приядя в себя от близкого ощущения женщины и даже не успев понять, где закончилась мучительная истома и началось томительное мучение.

Услыхав шум на обочине, вожак поднял голову и увидел, как на него летит детина, и ни рыжего, ни другого сообщника возле притихших селян уже не видно. Он не зря был вожаком, и поэтому меч, который он отложил прямо на мешки в телеге, тотчас оказался у него в руке. Правда, занести его для удара ему не довелось.

Вежда уже показывал Илье, как противостоять вооруженному человеку, всегда орудуя деревянным мечом, но орудуя

так, что синяки и шишки постоянно покрывали тело Ильи. Может быть, поэтому сверкнувшего лезвия он не испугался. Но слухом он уловил нечто другое, что сразу вносило неправильность в действия Ильи, до того бывшие безупречными. И это нечто было очень знакомо Илье — он уже слышал это прежде, в схожем положении, но понять...

Не успел, потому что летящей ему в спину стреле помешало нечто...

Илья перелетел через телегу, и уже один только этот бросок его тела был для вожака непреодолим. Когда Илья поднялся, крутанувшись через голову, Засов уже не знал, где валяется его меч. Долговязый за все это время успел только поднять голову от мешков и увидел, как упавшему неведомо отчего вожаку не дает подняться парень-крепыш, что неизвестно как очутился здесь, у телеги, хотя только что стоял вместе со всеми на обочине. И едва начавший подниматься Засов, издав неприятный звук горлом, оседает мешком обратно на землю и подниматься уже как будто не собирается. И уже слышны стрелы, посыаемые сидящим в засаде увальнем, но хлестких окончаний их полетов не слыхать, потому как что-то так и косит их на лету что твой ковыль...

Больше ничего увидеть долговязый не успел, как не узнал и того, как именуется в далекой стране неведомый удар, сваливший его: «драгоценная утка проплывает сквозь лотос». И только после этого Илья увидел, что именно останавливает стрелы, летящие в него из леса.

Когда крутящееся колесо замерло на месте, на мгновение Илья увидел, что это была обыкновенная палка и палка эта невероятным образом висела в воздухе, будто оплетенная невидимой паутиной. И как только Илье эта палка показалась знакомой, она исчезла, как будто ее и не было никогда. Но оставался еще в лесу пятый разбойник, и Илья, опомнившись, кинулся сквозь кусты разыскивать его. И догнал невысокого полного детину с луком и колчаном за спиной, норовившего затеряться в чаще.

Когда очухались да собрали всех лиходеев гуртом на той же обочине, где недавно стояли сами, задумались, что делать с ними дальше. И решили уже отпустить с богами, как тут же

появился на лесной дороге конный дружины дозор муромского князя, словно не на самом деле все происходило, а пелось под гусли бродячим певцом, чтобы получилось складно, а не по правде.

...Дружины разъезд уводил помятых лиходеев в ту же сторону, куда направлялся Илья с неожиданными попутчиками, — к недалекому уже Мурому.

Княжий десятник, едучи на коне рядом с телегой, сказал Илье:

— Один против пятерых... мда... Ты, парень, иди-ка к нашему князю муромскому в дружину. Я за тебя перед ним сам словечко замолвлю.

Илья покачал головой:

— Рано мне еще в дружину, я ведь учусь только.

— Ты?! — изумился один из дружиных, ехавший неподалеку. — Что ж будет, когда ты всему научишься?

Илья — смущенный, но довольный, — отвечал:

— Для дружины я и мечом пока не владею. Только так вот, голыми руками...

Все — и дружины, и селяне на телеге — грохнули от смеха. Раздались возгласы:

— Вот святая простота!..

— Да тебя, брат, коли мечному бою выучить, никакому врагу спасу не будет!

— И у кого же ты учишься-то?

После этого вопроса все умолкли, ожидая ответа. Илья почесал плечами:

— Всейкой моего учителя зовут.

Дружины переглянулись, и десятник ответил за всех:

— Не слыхали такого наставника. Из каких он земель-то?

— Не знаю, не сказывал он. Знаю только, что издалека пришел. Говорил, будто в Китае жил долго.

Дружины загадали:

— Ну да! Из такой-то дали!

— Наврал он тебе, Илюшка! Виданное ли дело?

— Какой он из себя-то? Не чернивый ли?

— Какой там чернивый! — махнул рукой Илья. — Седой как лунь.

— Так он что — старик? — изумленно спросил десятник.

Илья кивнул.

— Седой как лунь, старик и бьется отменно? — перечислил десятник.

— Голыми руками против меча устоит, — подтвердил Илья. — Да и меч отберет. И звать Веждой.

— Веждой, не Веждой, но я бы не удивился, если б он оказался самим Святогором.

— Былинным-то велетом? — недоверчиво покачал головой Илья. — Ты что же, хочешь сказать, что я с самим Святогором дружбу вожу вот уже больше года, а сам — ни сном ни духом?

Десятник развел руками:

— Прости бог, а только выходит так!

И дружина снова рассмеялась — по-доброму и теперь вроде бы даже завистливо.

— Да, так едешь-то ты куда? — спохватилась Люба, и Илья сказал:

— Да в Карабарово.

Люба переглянулась с Самохой, а Илья, опережая дальнейшие неизбежные расспросы, добавил:

— За добрым мечом я в ваши края заглянул. Вернее, наставник мой Вежда сказал здесь меч искать. — Илья вздохнул. — Вот только мены никакой с собой брать не велел, наказал самому с кузнецом расчет достойный искать.

Самоха хотел было что-то сказать, но Люба тронула его за руки, а десятник спросил:

— Выходит, твой наставник послал тебя к нашему Белоте? — Илья снова кивнул. — Сам не местный твой Вежда, или как его там, тут о нем никто не слыхал, а про мастеров здешних лучше тебя знает. — Десятник усмехнулся. — Нет, парень, у тебя в наставниках сам Святогор и есть. Тут и гадать нечего.

Дружина возбужденно загудела, а Люба сказала:

— Мены не брать... А крут норовом-то батюшка Святогор! А?

Она оглянулась на ехавших воинов, и те ответили одобрительным гулом:

— Верно, добрый меч деньгами не возьмешь.

— Святогор в этом толк знает.

— Да, парень, задачка у тебя...

3

Рано утром на перепутье разошлись все: телега с Самохой, Любой и мальчишкой двинулась прямо, дружины повели пятерых хмурых да потертых разбойников направо, на суд муромского князя, а Илье указали налево.

После полудня в низине у речки-переплюйки и увидел Илья село Карабарово.

Проходя мимо росших на меже вытянутых в струну молодых деревьев, Илья запоздало подумал о том, что неплохо было бы обзавестись посохом подорожным, и тут же вспомнил про палку, чудесным образом защитившую его от вражьих стрел в лесу. А вспомнив, сразу понял, почему она показалась ему знакомой.

— Вежда! — сказал он вслух и даже остановился.

...Вежда на выселках своим посохом гонял, бывало, Илью, обозначая удары и заставляя его парировать их или уклоняться. Тогда-то Илья и присмотрелся к посоху повнимательней. При ближайшем догляде становилось ясно, что посох был обтянут поверху кожей, отчего в руке сидел ладно и не скользил.

— Что за палка у тебя, Вежда? — спросил он тогда же. — Откуда она у тебя?

— Палка у кобеля в зубах да на хмельной пирушине в руках, — передразнил Вежда. — Сделал — вот откуда. Взял хорошую лесину и натянул на нее лоскут хорошенъко вымоченной бычьей кожи, взятой с плеча. Шкура высохла, да и натянулась на палку что кожа на кость.

— А зачем?

— А затем, что стала после этого моя «палка» — как ты ее кличешь — прочней всякого иного посоха. Вот и вся недолга.

...Илья снова увидел белесое колесо крутящегося посоха, стрелы, мертвыми долгоносыми осами отлетающие от него, и снова, теперь уже уверенно, сказал:

— Вежда!

Затем он хорошенъко огляделся, но не заметил ни одной живой души окрест и погрозил пальцем кустам у речки со словами:

— Так-то, значит, ты в селе остался? Ну ладно...

Дом кузнеца Белоты ему указали у первой же избы дед с бабкой, копавшиеся на огороде.

За время долгой дороги Илья представлял себе оружейных дел мастера Белоту на лад их сельского кузнеца Борыни. Белота виделся ему нестарым еще мужиком в кожаном фартуке, в своей кузне у иссеченной наковальни с молотом в руке и непременно в окружении громадных молотобойцев и мальчишки-подмастерья, суетящегося то у мехов, то на подхвате. А вышло вовсе не так.

Девушка, встретившая Илью у порога, повела его не в сторону кузницы, которую Илья приметил еще на подходе и которая стояла, как и полагалось, опричь остальных домов в деревне, а в глубь двора, за избу. Высокий да крепкий старик с седыми, как у Вежды, волосами без рубахи колол дрова на задах. «Да они с Веждой братья!», — подумал Илья.

— Батюшка, человек до тебя, — позвала девушка и тотчас ушла.

Старик оставил топор и повернулся к Илье.

— Мир тебе в дом, да чтоб огонь в горне не умер, — поклонился Илья.

— И тебе не болеть, молодец, — отозвался старик.

— Ты ли будешь здешний кузнец Белота?

— Я, — кивнул Белота.

На лицо он совсем не был похож на Вежду, но Илья сразу решился спросить:

— Меня прислал к тебе Вежда. Не брат ли ты ему?

— Вежда? — приподнял брови кузнец. — Нет. Да и нет у меня братьев, сестры одни.

— Значит, Вежду не знаешь? — смущился Илья.

— Не знаю, — покрутил головой старик и пристально оглядел Илью. — А он что же, слыхал обо мне?

— Выходит, слыхал, если меня за восемь дней пути послал к тебе за добрым мечом. — Илья неловко потоптался на месте и снова спросил: — А ты точно ничего не путаешь? Не знаком тебе Вежда?

— Вот чудь-человек! Да точно! Не помню я никого с таким именем.

— А может, знал ты его под иным именем? — все не отступал Илья. — Образ его, может, знаком?

— Ну и каков твой Вежда? — усмехнулся кузнец.

— Да стар вроде тебя и седой такой же. Да крепкий под стать тебе. Вот и подумалось, будто братья вы...

Илья с надеждой вглядывался в лицо кузнеца, но Белота снова отрицательно покрутил головой:

— Что-то путаешь ты, парень. Может, и не я тебе нужен, а?

— Да нет же, ты! Мне боевой меч потребен. Только... —

Илья замялся, теребя постремки котомки, которую так и не снял еще со спины. — Вот ведь какая незадача: заплатить мне тебе нечем.

Белота удивленно вздернул брови и присел на край колоды, протянув:

— Так-так... Даже русы из дружины князя киевского всегда платили мне если не гривнами, но кунами или дирхемами. А ты, выходит, ставишь себя выше друдинников князя?

— Да нет же, это мой наставник наказал так сделать, — попробовал протестовать Илья, чувствуя себя очень скверно, словно ему приходилось просить милостыню.

Кузнец, не слушая его, продолжал:

— Давно ко мне никто с такими словами не захаживал.

Он с интересом принял разглядывать Илью, очень хотелевшего провалиться от стыда сквозь землю, и спросил:

— А зачем тебе меч, да еще и добрый?

— Я воспитанник человека, которого у нас называют Веждой. Он великий боец и обещал передать мне свое искусство, — сказал Илья.

Кузнец сцепил руки на крепкой груди и прищурил глаза:

— Я вижу, что ты из семьи кулака. — Илья кивнул. — Но этот Вежда послал тебя ко мне за мечом, а меня с собой брать не велел. Так?

— Так, — со вздохом развел руками Илья.

— Чудно, — восхитился Белота, расцепляя руки, упирая ладони в колени и продолжая с интересом рассматривать Илью. — И чем же ты намерен рассчитаться со мной за работу?

Илья неуверенно пожал плечами, переминаясь с ноги на ногу.

— Тебя как величать-то? — вздохнул кузнец.

— Илья, сын Чебота и Славы.

— Вот что, Чеботок, — подумав, сказал Белота. — Мне тоже не ведомо, как ты со мной будешь рассчитываться и стану ли я вообще ковать для тебя меч.

Илья хмуро смотрел в землю, вспоминая наказ Вежды о том, что без меча можно домой не возвращаться. Кузнец покачал головой, поднимаясь с колоды и подходя ближе.

— Знаешь что, удалец. Добудь-ка мне... — Кузнец немного помолчал, подумав, и кивнул: — Глины. Глина мне нужна. Вот накормим тебя по обычай, а потом и сходишь. Тут недалече. Мне и немного надо. Ну, ступай в дом. А я следом.

Он подтолкнул Илью, и тот пошел к крыльцу. Белота задумчиво смотрел ему вслед и, когда Илья скрылся за углом, пробормотал себе под нос:

— Дела... Этот Вежда либо скряга, либо дурак, либо...

И пошел следом за гостем в дом.

2

Яма, из которой селяне брали глину себе на потребу, находилась от села не близко. Из-за соседства с речкой, которая в пору схода снегов вышла из берегов, яму ту занесло песком да корягами, и Илья, когда добрался до нее и увидел, что ему предстояло, только обреченно вздохнул. Белота снабдил его небольшим возком с широким ремнем и заступом с лопатой, и, помолившись, Илья принялся за дело.

Он проковырялся до самой ночи и добыл глины столько, что с возка чуть не сыпалось, весь перемазался грязью да той же глиной и наломался, как на пахоте за день. Уже впряженный в ремень и таша свою ношу к деревне, Илья с невеселой усмешкой подумал, что если Белота согласится ковать меч и как плату назначит каждодневную добычу глины, то он так, пожалуй, и ноги протянет.

Добравшись до дому и боясь, что впопыхах дворовый пес Белоты тяпнет его, приняв за вора, Илья был немало удивлен, когда этот самый пес встретил его задолго словно старого знакомца и радостно сопровождал до самых ворот, упраждая других собак от ненужного брёха — свои, мол, все в порядке. Илья дотащил тележку до крыльца, сбросил с плеч ремень, да и сел на завалинку перевести дух. Пес ткнулся мокрым носом ему в колени.

— Ишь ты, — потрепал его по загривку Илья. — Что же ты, дурашка, чужого как своего принимаешь? Иди-ка от меня по-

добру, не то твой хозяин плохо о тебе подумает, скажет, мол, бестолковый пес, ластится ко всем.

Пес молча слушал, не двигаясь с места и заглядывая ему в глаза.

— Или ты зря не брешешь, потому как сразу хозяйских гостей примечаешь? Благодарствуй, конечно, да только навряд я желанный гость твоему Белоте. Пришел, вишь, за мечом, да с пустыми руками. И чего только Вежда думал? Разве виданное дело добрый меч случайным приработком добыть?

Тут дверь скрипнула, и на крыльце вышел Белота.

— Ага, вернулся, труженик, — сказал он, и в его голосе Илья уловил радость, которой и в помине не было днем, когда они встретились. — Извозился пуще борова... Давай-ка подымайся, да пойдем в баню, после работы да еще с дороги — самое то.

Илья изумленно поднялся, а Белота, хитро усмехнувшись, добавил:

— Завтра поглядим, нужен ли мне такой работник, как ты.

Снова отворилась дверь, и на крыльце появился мужик. Белота сказал, кивая на него:

— Гости у меня, зять вот приехал.

Немногословного зятя звали Всеслав. Парились в охотку, поочередно охаживая друг дружку веничками, а Илья все раздумывал, согласится Белота ковать ему меч или скажет поворачивать оглобли. Задумал что-то старый кузнец, решил он, лежа на полке и отдуваясь.

Уже когда вышли в предбанник и переодевались в чистое (мать Слава не забыла положить сыну в котомку новую рубаху да исподние портки), Илья спросил Белоту:

— А что, есть ли у тебя помощники?

— Есть, — кивнул кузнец, снова хитро посмотрев на Илью. — Когда плуги да подковы тачаю, помогает мне добрый парнишка. А мечи я один кую.

— Сказывали, что твои мечи самые лучшие. Как же ты их куешь без помощника? — удивился Илья.

— Потому и лучшие, — ответствовал Белота. — Меч ковать — это тебе не лемеха тачать. Это таинство особое. Самый лучший расклад, когда на подхвате будущий хозяин меча работает. Тогда меч истинно ему предназначенным выйдет и врага

одолеть поможет. И защитит не только своей стальной сущностью — всю силу Земли-матушки в таком деле явит. Когда святая битва предстоит супротив иноземного ворога, меч что тот же плуг, но не в землю обращенный, а к небу. Пахота кровавая, это верно, но когда за родной очаг боятся — такое дело богам угодно. В такой битве добрый меч всегда вдвое сильней вражьего меча да стрелы супостата.

Когда Илья вслед за Всеславом и Белотой вошел в дом, то сразу увидел гостеприимный стол и хозяйку, сотворившую это чудо, — младшую дочь кузнеца Славушку, что встретила его у порога, когда он только пришел. То, что ее звали, как и мать, Илье сразу понравилось, и он загадал, что кузнец в конце концов согласится выковать меч. Увидев ее сейчас, Илье показалось, будто она знает о нем что-то, что еще неведомо ему самому. Белота тоже таил в себе нечто, поглядывая на Илью, и на конец, сказал:

— Ну что же, дорогие гости. Не думал я, что нынче же в моем доме будет столько радости, и, слава богам, быть посему.

Он встал перед Ильей и низко ему поклонился со словами:

— Благодарствуй, Илья Чеботок, что дочь мою и добро от лиходеев сберег.

— Какую дочь? — удивился Илья, и тут в избу вошла его недавняя попутчица Любя.

— Здравствуй, Илья Муромец! — сказала она, весело улыбаясь. — Нешто не узнал?

— Здравствуй, добрая дочь славного отца, — растерянно ответил Илья, уже догадавшись, что к чему. — Что же ты не сказывала, что твой родитель тот самый кузнец, к которому я шел?

— А я люблю, когда радость нежданна выходит! — смеясь, ответила Любя. — Лишь домой возвратилась, сейчас же к батюшке собралась. Да и Всеславу — мужу моему — тоже захотелось такого богатыря посмотреть.

Всеслав, радуясь, что таиться более не нужно, тоже поклонился Илье в пояс со словами:

— Благодарствуй за жену, Илья. Теперь-то я ее — пусть даже и с хорошими провожатыми — одну в дорогу не пушу. Эвон что в лесах делается.

— Да ну!.. — смущаясь, отмахнулся Илья и зачем-то сорвал: — Против тех обормотов большого ума не надо. Они и оружия-то толком держать не научились...

— А лучник? — спросила Люба.

— Ах да!.. — протянул Илья и потер лоб. — Погодите... Я ведь не один был! Я сейчас!

Он стремглав выскочил из дома и, ступив на крыльцо, крикнул в темноту:

— Вежда! Эй, учитель!

Забрехали соседские кобели, вылез из своей будки хозяйский пес, но никто ему не ответил.

— Вежда, выходи! Белота согласился ковать меч!

Пес кузнеца смотрел на него снизу, словно говоря: «Чего шумишь? Никто тут от тебя не прячется». Илья потоптался на крыльце и, не дождавшись ответа, вернулся в дом.

— Что это ты сорвался? — спросил Белота, садясь во главе стола.

Илья устроился на указанном ему Славушкой месте справа от хозяина и нехотя ответил:

— Да почудилось, будто наставник мой здесь. Все казалось доброй, что он за мной следом шел.

— Выходит, не шел? — спросил Всеслав.

Илья озадаченно покрутил головой: не знаю, мол.

Белота сотворил молитву во славу Перуна и, нарезая хлеб, сказал, обращаясь к Илье:

— Стало быть, завтра и начнем. Бывал в кузне-то?

Илья осторожно, тая в себе радость, спросил:

— Значит, сработаешь для меня меч?

Кузнец кивнул, пряча в усах улыбку и раздавая ломти хлеба.

— А как же плата? — не отставал Илья.

Белота пожал плечами:

— Да ты мне уже заплатил.

— Да чем же? — не унимался Илья, памятую, что ту услугу, что он по случаю оказал главе семейства в лесу, платой считать негоже.

— Да мне как раз возка глины не хватало в хозяйстве, — хитро посмотрев на дочерей, ответил кузнец, и все за столом засмеялись, прикрывая ладонями рты и отворачиваясь от стола, чтобы не отогнать достаток. Когда отсмеялись, кузнец сказал Всеславу с

Любой, кивая на Илью: — А я уж и не знал, как от него отделаться.
Думал, ухайдокается на глине да и сам уйдет по добру.

И подмигнул Илье, снова громко расхохотавшись.

1

Обратный путь Илья держал тоже один, стараясь останавливаться на ночлег в тех же местах, где получал приют, идя в Карабарово. Ножны с новеньkim мечом он гордо прицепил к поясу, и все могли видеть, что его поход оказался удачным. Селяне подробно расспрашивали своего знакомца (не сговариваясь, величая его Муромцем), была ли легкой дорога и какую плату взял с него кузнец. Илья с удовольствием сказывал про разбойников, коих ему удалось побить, и про попутчицу Любовь, что оказалась дочерью нужного ему кузнеца. Рассказал и про воз глины, и вспомнил, как его завел лесной хозяин.

Кто-то из селян верил и в лиходеев, и в дочь кузнеца, кто-то с сомнением качал головой, но все как один слушали с интересом — когда еще доведется побаловать себя разговором с прившим человеком. Иные, глядя на крепкого да ладного Илью, превосходившего в плечах многих, сомневались только в числе разбойников, про себя решая, что приврал молодец ради красного словца (с кем не бывает). Другие верили во все, жалея, что самим не довелось поглядеть на лесное побоище, и благоговейно разглядывали грозный меч, сработанный Белотой, и один только этот меч служил верительной грамотой всему, что говорил Илья. Находились и те, что предлагали удалцу помериться силушкой, уже прослышиав про Загудихиных молодцов, только вдвоем одолевших Илью, и желая таким образом проверить не только силу его языка. Кто-то из таких детинушек мерился с Ильей прямо в избе, уперев локти в трапезный стол, кто-то спешил во двор поднимать пыль да пугать курей. Всех побивал Илья, вволю тешась, но крепко памятая урок, полученный на дворе Загудихи. Потому поединки выходили на радость собравшимся соседским зевакам и безувечий. Не обошлось без поединка и с самими братьями Ломтем и Ледоломом, но на этот раз обоих поборол Илья — без обид со стороны хозяев, — а рассказ его был встречен ими без всяких

сомнений. В той же деревне Илье довелось еще раз усомниться в том, что весь путь он проделал один.

Уже после обоих поединков и долгого рассказа с рассматриванием заветного меча братьями и их матерью Илья вышел во двор до ветру. Свершив потребные дела, он постоял у плетня, за которым еще недавно толпились зеваки, поглядел на перемигивание в небе звезд и уже повернулся, чтобы идти в дом, как тут же что-то хрустко ударило ему в затылок и отскочило в траву. Илья вздрогнул и потер ушибленное место, оглядывая темную улицу. Кругом было тихо да пусто. Илья пошарил под ногами и скоро нашел еловую шишку, которой в него и запустили. Илья выпрямился и, не ожидая ответа, сказал в темноту:

— Опять ты за свое, Вежда. И охота тебе опричь людского жилья таиться. Эх...

Он вздохнул, сунул зачем-то шишку за пазуху и вернулся в избу. Братья Загудихины все дивились на меч, глядя, как отражается в клинке свет лучины, и Илья сейчас же подумал, что еловая шишка пришла ему по затылку за дело: много он хвастал своими победами. Ему стало стыдно, и он за весь остаток пути словно язык проглотил, просто являя любопытствующим меч Белоты, и про себя отмечал, что этого и без хвалебной болтовни оказывалось довольно.

Уже вечерело, когда Илья добрался до родного села. Дома была мать, готовившая ужин. Увидев сына, расплакалась:

— И то верно говорил Вежда, что на лавке теперь не уси-диши.

— Глянь, матушка, что я добыл! — вытянул в ответ из ножен меч Илья.

Слава равнодушно скользнула взглядом по металлу, молвила:

— Что мне на него глядеть, сынок. Нешто он для добрых дел?

— Да что ты?! — удивился Илья. — А для каких же? Врата погонять им стану!

— Оно, конечно, верно, — вздохнула Слава, гладя сына по щеке, поросшей русой бородкой, — да все одно: Моране служить будет.

— Мама! — отложив меч, взял Илья мать за руки, и ее маленькие красивые ладошки утонули в его лапищах. — Я с ним

против тех же кочевников пойду, чтоб они на землях наших не безобразничали. Они ведь нас грабят, мама, они убивают нас! Как же?..

Слава не отвечала, уткнувшись в его руки, и он чувствовал, как по ним текут горячие слезы. Он осторожно высвободил руки, обнял ее:

— Прости, мама, но не усидеть мне дома. Мне Вежда ноги для того и вернул, чтоб ходил я по земле славянской, да ворогам урон чинил. Вот дойду до князя киевского...

Он замолк, прислушиваясь к матери. Она замерла у него на груди.

— Мама, — тихо позвал он, — дома-то как?

Слава подняла голову, улыбнулась сквозь мокрые глаза:

— Да хорошо дома, сынок.

— Батя где?

— Батя сарай с Борыней правит, помогает ему.

— А Вежда еще не вернулся?

— Да сейчас придет, должно.

— Он за мной-то в тот же день ушел?

Слава, не понимая, заглянула Илье в глаза:

— Куда ушел?

— Да за мной, — повторил Илья, чувствуя, что опять начнется Веждина чудь.

— Не ходил он за тобой, — пожала плечами Слава. — С нами был, отцу с нашими молодцами помогал, селян пользовал.

— Как? — отстранился Илья. — Совсем никуда не уходил?

Слава кивнула, и Илья недоумменно поскреб затылок:

— Как же так? — Он прикинул в уме, прищурился. — А дня три назад, вечером, после света уже?

Мать вглядывалась в лицо сына, не понимая, что у него на уме:

— Да банный день у нас был. Вечером дома все были. Куда же после бани-то ходить?

— Никуда не отлучался? — не отступал Илья.

— Да никуда! Ну, дома-то он вообще сидеть не горазд, но чтоб так отлучиться, чтоб дома не ночевать, — не было такого. Да что ты все выспрашиваешь?

— Да так, мать, почудилось мне... — уже устало отмахнулся Илья. Слава с тревогой ждала, и он глупо улыбнулся, успокаи-

вая ее. — Дурака он валяет, Вежда-то, дурачит меня. Не принимай к сердцу.

— Да вот и он сам, — сказала Слава, кивая на дверь.

В избу вошел Вежда.

— Здравствуй, учитель, — поклонился ему Илья.

— Здорово, ученик, — нарочито равнодушно ответил Вежда. — Хвастать не нужно, сам все вижу.

И он подошел к оставленному на лавке мечу и взял в руки. В его глазах сверкнул отблеск клинка: старик внимательно разглядывал работу кузнеца Белоты.

— Пойдем-ка на двор, — сказал он Илье и вышел из избы с мечом в руке. Илья поспешил за ним.

Во дворе Вежда подобрал с земли куриное перо, подбросил в воздух, и сейчас же Илья услышал яростный свист рассеченного воздуха, притом что Вежда будто и не сдвинулся с места, а в траву уже соскользнули две половинки пера.

— Добрый меч, — повернулся к Илье Вежда.

— Ну а ты как здесь? — спросил Илья, надавив на последнее слово. — Небось не в кого было шишками кидать?

Он достал из-за пазухи давешнюю еловую шишку и бросил ее в старика. В руке Вежды сверкнула стальная молния, и шишка, ударенная мечом плашмя, скрылась далеко на чужих огородах.

— Я-то здесь ничего, — невозмутимо ответил Вежда. — А вот ты в поединках поменьше рот разевай — стрела может влететь. И еще, — он строго смотрел на Илью, — воину не пристало трепать о своей доблести, она у него не на кончике языка, а на острие клинка. Не то одними шишками на голове не отделаешься.

Он усмехнулся, видя, как понурился Илья, сразу став похожим на нашкодившего мальчишку, и сказал совсем другим голосом:

— Скоро на выселки уходим. А покуда родителям помоги — порадуй напоследок.

Илья виновато улыбнулся и, решив сразу разделаться с думками, роящимися в голове последние дни, сказал:

— Слушай, учитель... — Он замялся, зарумянился, как красна девка. — Вот ведь загогулина какая...

Вежда ждал, насмешливо глядя на него. Илья нервно слготнул и снова стал мялить:

— Люди болтали, когда я им о тебе сказывал, будто ты... — Он теребил край рубахи, не зная, куда деть руки, и наконец выпалил: — Будто ты не Вежда вовсе, а батюшка Святогор...

Сказав это, Илья оробел вовсе: на такие слова Вежда мог равно и рассердиться, и расхохотаться. Но стариk против ожидания повел себя вовсе иначе: он спокойно пожал плечами и сказал:

— Когда-то я носил и это имя. Ну и что с того? Нету больше Святогора. Вышел весь... Нынче Вежда вместо него. А что до моих прозвищ — так их на целую деревню хватило бы. Так что хватит пустых расспросов.

И он пошел в избу.

БЫТЬ ПЯТАЯ: СЫН ГОЛОДНОЙ ПУСТОТЫ

Лазарь! иди вон...

Иисус из Назарета
(от Иоанна, 11:43)

4

Рано поутру Вежда с Ильей уже шагали по лесу к выселкам, таща по мешку с припасами. Распевались птицы, солнце красиво пронзalo подернутый туманом частокол леса — идти было хорошо да радостно. Вежда, мерно постукивая своим посохом по тропе, спросил:

— Что, ученик, не скучал без мамки-то, пока за мечом хаживал?

Илья посмотрел в хитрые глаза учителя и пожал плечами:

— Нет, Вежда. Насиделся я дома-то. Все не дождусь, когда в Киев пойду. А что?

Вежда покивал седой головой и сказал:

— Да ничего. Не быть привязанным в жизни — это хорошо. Да и за подол мамкин держаться негоже — причем не только мужчине, но и женщине.

Помолчали, а потом Илья негромко и осторожно сказал:

— Слушай, Вежда... А у тебя есть кто-нибудь? Ну... из родичей.

Вежда усмехнулся:

— Чего мямлишь-то? Обидеть боишься?

— Ну...

— Вот тебе и «ну». Не обидишь ты меня, не бойся. Обида это ведь что? Это значит, кто-то подвергает сомнению то, что тебе принадлежит. Ну, то есть сомневается в каких-то твоих поступках, лишает тебя чего-то, очень тебе дорогое. Понимаешь? Но у меня ничего нет, кроме моей котомки да одежды. Даже имя мое — не настоящее, и сколько их сносил я за свою жизнь... *Что* у меня есть, что кто-то мог бы у меня отнять?

Илья напряженно смотрел на шагавшего рядом Вежду, а тот негромко рассмеялся и добавил:

— Верно думаешь — никого у меня нет. Так что Морана и с этой стороны ко мне не подберется: у меня и отнимать-то некого.

— Что же... — Илья помедлил. — И детей тоже нету?

— Мои дети — мои ученики, — сказал Вежда и легонько на ходу наподдал Илье своим посохом по заднице. — Так что родителей у тебя не двое, а на одного больше.

И он рассмеялся. Илья промолчал и стал прикидывать, смог бы и он жить, как Вежда, один. Он вспомнил о своей Оляне, и сразу заныла в сердце старая заноза. Сколько раз он в бессилии стискивал кулаки, зная, что никогда не увидит больше свою любимую. В такие времена ему не хотелось дышать, и весь мир становился постылым, и ничто не могло быть интересным и стоящим. Тогда он чувствовал себя одним во всем этом чужом мире, и мысль о том, что есть еще матушка и отец, ничуть не грела его. Впрочем, он любил их, а они его, и даже уйди он в Киев, в дружины княжескую, то ведь и тогда не был бы он одинок, потому как знал бы, что помнят его в родимой сторонке, любят, просят о нем богов... А у Вежды даже дома родного нет на этой земле. И любимой...

— А как же подруга, Вежда? — не выдержал Илья.

Вежда спокойно пожал плечами:

— Я умею быть один.

Илья прищурился:

— Постой, постой, учитель! Выходит, мужчина живет с женщиной потому, что чего-то не умеет?

— Конечно.

— Но почему тебе не нужна женщина?

— Надеюсь, ты спрашиваешь не потому, что думаешь, что мне не хватает домашней еды и ласки? — улыбнулся Вежда.

Илья нетерпеливо кивнул.

Вежда сказал:

— Видишь ли, я — целый.

— Подожди, подожди! — сказал Илья, перебрасывая мешок с одного плеча на другой. — А я половинчатый, что ли?

— Ты сам сказал, — захохотал Вежда.

Илья тоже заулыбался:

— Шутишь...

— Да не шучу я с тобой! — притворился рассерженным Вежда. — Женщина нуждается в мужчине, мужчина — в женщине. Так было и так будет на этой земле до тех пор, пока не перевелись здесь люди. Мужчина и женщина — части целого. При этом женщина всегда движитель, а мужчина — правило. Он не сумеет без нее двигаться, а она без него не сможет понять, куда ей двигаться нужно. Это закон, и на нем стоит мир. И закон этот касается не только людей. Впрочем, плох тот закон, который нельзя было бы нарушить. Ведь он, сказать по секрету, для этого и нужен, чтобы его время от времени нарушали некоторые люди. Вот и я не только знаю, куда мне следует идти, но также имею для этого нужную силу. Но это вовсе не значит, что я чураюсь женщин. Просто... — Вежда почти незаметно вздохнул, сделав паузу, и закончил: — Так получилось... И все.

— Значит, ты тоже мог бы любить женщину?

— Вот олух, — беззлобно рассмеялся Вежда. — А я и люблю! Ее нет со мной, но это не так важно, потому что я люблю ее, и все. Это, если хочешь, и есть, быть может, мой тайный двигатель. Вечный двигатель. Без него... То есть без нее я бы давно сломался. А так — вот я какой! — Он рассмеялся и взмахнул своим посохом, словно показывая, какой он. — Эх ты, ученик! Я, если хочешь знать, вообще могу считаться самым ярым поклонником Женщины. Она — чудо творения, венец совершенства человека разумного. А мужчина — всего лишь ее раб, телохранитель, слуга — да назови его как угодно, но знай, что он всегда — второй номер. Придаток к Женщине. Лоно женщины — Врата в этот мир. Что еще нужно добавить, чтобы ханжи, да гордецы с глупцами подняли наконец ее с колен, на которых

она стоит уже не одну сотню лет? Женщина держит в своих нежных ладонях этот хрупкий мир, не давая его растоптать сандалиям ненасытных, падких до славы и богатств воителей. Женщина — это поистине МИР, и не нам, мужчинам, этот мир судить и судачить о его мнимом несовершенстве. Он прекрасен, даже когда гневается, даже когда плачет и, уж конечно, когда он смеется и любит. Если бы я верил в бога с седой бородой, я бы непременно спросил его: господи, за что ты наградил это тупое бесстыдное чудовище, называемое мужчиной, таким чудом, как Женщина? И за что ей *такое* наказание?

Вежда рассмеялся и вдруг остановился как вкопанный. Илья удивленно повернулся к нему:

— Ты чего, учитель?

Лицо Вежды было таким, словно он спал. Даже глаза его были прикрыты. Илья испугался и подскочил к нему:

— Что с тобой??!

Но Вежда открыл глаза и сказал железным голосом:

— Поворачиваем оглобли. В селе беда.

И первый бросил на траву свой мешок. Уже повернувшись, чтобы бежать, он коротко приказал Илье:

— Меч тут оставь. Мешать только будет, — и рванул сквозь ветки. Илья бросил мешок на землю, с сомнением посмотрел на меч в ножнах, но, не смея ослушаться учителя, отцепил его вместе с поясом и кинулся догонять Вежду.

Только пробежав с дюжину стрельных перелетов, Илья начал различать между деревьев белую рубаху бегущего впереди Вежды. Он давно уже не удивлялся огромной выносливости учителя, но привыкнуть к тому, как тот бесшумно перемещался бегом даже по лесу, не мог. Скоро они уже бежали вровень, и разница была лишь в том, что чащоба трещала лишь там, где бежал Илья.

— Что там, Вежда? — на ходу выкрикнул Илья.

— Кочевники пожаловали. Поднажмем, — ответил Вежда и тотчас скрылся из глаз. Изумляться у Ильи времени не было, и он только прибавил ходу. И сейчас же лес расступился, и он вылетел на опушку, откуда было видно село и многочисленные дымы над ним.

Он увидел, как от околицы уже тянется вереница людей, сопровождаемая конными фигурами, и еще заметил белую молнию, летящую им наперерез. Это был Вежда.

3

На аркан сажали только подростков, и набралось их в этот раз две дюжины. Печенегов было столько же, но большинство из них еще орудовали в разоренном селе — выгоняли коров да ловили птицу, а еще были непокорных, рвущихся на подмогу детям, уводимым в полон. Иных кривой меч или стрела останавливали навсегда. Дети, навьюченные на длинную веревку, обмотанную каждому вокруг шеи, громко кричали от ужаса и горя, оторванные от дома и родителей, и их привычно правили плетью погонщики. На околице вереница пленных остановилась — верховой, к седлу которого была приторочена веревка, взглядывался куда-то в сторону леса. Вой невольников усилился: кто-то из мальчишек тоже заметил нечто, нагоняющее конвой и во что тревожно взглядался раскосыми глазами степняк; дети отчаянно желали спасения. Вожак что-то непонятно крикнул своим подельникам, и те обнажили мечи, а двое натянули луки, пытаясь разглядеть, что взялось их преследовать. По неясному белому пятну, стремительно приближавшемуся к веренице пленников, уже было выпущено для порядка несколько стрел, но все они прошли мимо цели. Голос вожака стал тревожным — белая тень неслась прямо на него. Он развернул коня ему навстречу, пытаясь понять, что же это такое, и тут все увидели, как белое пятно останавливается и превращается в седого старика с посохом. Старик как ни в чем не бывало размеренным шагом подошел к вожаку и насмешливо поглядел на него снизу вверх.

— Вежда! — завизжали детские глотки, перехваченные жесткой веревкой, и степняк, не ведающий своей беды, вдел саблю в ножны, криво ухмыльнулся и худо сказал по-славянски:

— Ступай, старик, живи еще.

Их уже окружили пятеро всадников, гогота и пряча оружие. Вежда заглянул в наглые щелки вожака и тихо ответил:

— Я ведь не только людей пользую.

Степняк загоготал, запрокидывая голову к небу, и тогда Вежда неуловимо взмахнул посохом, отчего вожак скатился из седла и остался неподвижно лежать под копытами своего коня. Пленники взвыли еще громче от ужаса и восторга, а изумленные печенеги, уже спрятавшие свои сабли в ножны, стали ру-

шиться из седел один за другим. Вежда словно бы исчез, но о его присутствии говорил только стремительно рассекаемый его посохом воздух. Корова не успела бы моргнуть трижды, а полдюжины коней уже топтались на дороге без своих седоков.

— А ну-ка, ребятишки, освобождайтесь от веревки да не разбегайтесь, держитесь гуртом! — велел им Вежда. — А этих, — он кивнул на замершие в пыли тела, — не бойтесь, скоро не подумытесь.

И он кинулся в село, откуда доносилось мычание коров и людские крики.

Илья еще издали увидел, что всадники у околицы опрокинуты Веждой на землю, а цепь пленников начала распадаться, и повернулся в село. Он пересек огород старосты, увидел, как огонь рвется из окон дома, но прежде красного петуха нужно было управиться с разорителями из степи. Он услышал с улицы топот некованых конских копыт и кинулся туда, с размаху перелетев высокий плетень.

Двое косорылых на конях тащили заарканенного телка вон со двора Борыни, а сам кузнец лежал в уличной пыли в исподнем, все еще сжимая большими руками схваченный второпях цеп, и под ним уже натекла густая черная лужа. Холодная ярость поднялась было страшной волной в душе Ильи, но он, стиснув зубы, заставил ее улечься, памятую уроки Вежды, и тотчас подскочил к ближайшему всаднику. Тот заметил летящую ему на спину тень слишком поздно — Илья сшиб его с седла, и пока они оба падали по другую сторону коня, своротил печенегу немытую шею. Второй выпустил аркан и мигом выхватил меч, направляя коня к уже поднявшемуся на ноги Илье. Горсть пыли, захваченная Муромцем, полетела в узкие глаза. Пока степняк вслепую замахивался мечом, Илья оказался у него за спиной. Разбойник так и не увидел в последний раз уже показавшееся над лесом солнце.

Илья отступил от поверженного тела и огляделся.

Улица была пуста — только три тела недвижно лежали в пыли, топтались не у дел кони, да искал у плетня траву телок, путаясь ногами в печенежском аркане. От соседнего дома раздавался бабий крик, дым поднимался по другую сторону улицы, а изба старосты вовсю полыхала, расклевываемая красным

петухом. Илья хотел было кинуться посмотреть, нет ли дома живых душ, но на улице показался конник. Сразу поняв, что случилось с его товарищами, тот живо убрал меч и потянул из-за спины лук.

Вежда уже успел дать Илье несколько уроков по искусству уклонения от стрел, и теперь Илья ждал, широко расставив ноги, когда наконечник стрелы сольется с оперением в одну точку. Тонко взвизгнула тетива, а Илья уже повел тело в сторону, как учил Вежда. «...Ноги в один миг становятся корнями осины, все остальное выше коленей — ствол да ветки. Ты чувствуешь страшный порыв ветра, ты изгибаешься, как змея, как лента на ветру, но корни твои остаются в земле крепко...» Как учил Вежда, так и вышло к изумлению самого Ильи, будто уклонялся он не от каленого жала, а от Веждиной особой стрелы с тупым наконечником. Точка стрелы на его глазах превратилась в черточку и прошла мимо, пропев там, где миг назад был бок Ильи. Муромец не стал дожидаться второй стрелы, которую уже тянул из колчана степняк, а сам бросился к нему.

И на ходу узнал его.

И тотчас вновь увидел око луны на черном морозном небе, и двор пастуха Свири в мертвом свете, и тело Сневара Длинного с торчащей из спины стрелой. И еще сразу не то что увидел, но ощутил каждой точкой своего тела глаза Оляны, испуганно и с надеждой смотрящие на него.

Силы, несшие его вперед, утроились. Сделав очередной шаг, он просто оттолкнулся от земли и полетел прямо на встречу ненавистному лицу. И увидел, как лицо это, означающее для него все зло со стороны Великой Степи, и смерть Сневара, и потерю Оляны, — исказилось от ужаса. Нет, он не узнал в огромном парне с бородкой да кудрями, перехваченными тесьмой, загнанного парнишку с норманнским мечом в дрожащих руках. А коли бы и узнал, может, сам умер бы с перепугу.

Печенег не успел вновь снарядить лук, и до меча не было у него времени дотянуться. Илья сшиб его с седла, как сшибают горшок с верхушки плетня озорные мальчишки.

— Где моя Оляна? — спокойно и страшно произнес Илья, сидя верхом на оглушенном падением степняке. — Что ты сделал с ней, сын голодной пустоты? Отвечай!!

Ставшие шире глаза кочевника с ужасом смотрели на Муромца. Илья сгреб его за шею и медленно сжимал пальцы.

— Эк-ххе!.. — сдавленно зашипел лучник. — Пагади, урус!.. Пастой...

— Где Оляна? — также негромко повторил Илья. — Говори.

— Кто... мой не знает, — прохрипел печенег, пытаясь разжать пальцы Ильи на своем горле.

Илья, словно не замечая этих несчастных попыток, сказал:

— Несколько лет назад ты, Ты, гадина, был здесь зимой. В одном дворе троих твоих товарищей убил хромой викинг, а ты застрелил его. И нашел в избе девушку. И еще тебе пытались помешать мальчишка. Он удрал от тебя на крышу, но свалился, и ты побрезговал калекой. Мной побрезговал. И увел девушку. Где она?

По глазам степняка было ясно, что он хорошо понял все, о чем сказал Илья. И так же хорошо вспомнил ту зимнюю ночь. Муромец ослабил хватку и лучник, хватавший воздуха, торопливо и путано зачастил:

— Я помнить... зима... ты... девушка...

— Где девушка? — приблизил каменное лицо к смуглому лбу Илья.

— Продал... продал... В Персию... хороший человек дал большой цену...

В ужасе степняк вглядывался в бледное лицо Ильи, отыскивая в нем черты своей смерти. Пальцы Ильи дрогнули на шее лучника, отчего тот задышал чаще, чем следовало.

— Продал... — прошептали помертвевшие губы Муромца.

Печенег зажмурил глаза.

Вежда остановил еще одного всадника, пытавшегося прйти на помощь придавленному к земле дюжим парнем лучнику.

— Не спеши, — задумчиво сказал Вежда очередному лежшему в забытии телу. — Дай людям поговорить.

Илья стянул с лучника меховую шапку, пошарил по его бокам, отыскал нож. Печенег судорожно заселозил под ним, пытаясь вырваться. Илья легонько ткнул его двумя пальцами под дых, успокаивая. Затем отсек разбойнику оба уха, откинулся в пыль и разорвал обе ноздри его короткого носа. Вытерев лез-

вие о щеку и лоб ошалевшего от страха и боли степняка, он сказал — все так же тихо и медленно:

— Это чтобы добрые люди знали, что ты вор и разбойник. И чтобы держались от тебя подальше. А твои товарищи смеялись над тобой. Запомни: я всегда узнаю тебя, даже если бы у тебя остались уши и нос. Придешь на мою землю снова — выпущу кишки.

И Илья поднялся на ноги и пошел к полыхающей избе ста-росты смотреть, не остался ли кто внутри.

2

— Соберите всех павших у колодца, — тяжелым голосом велел Вежда собравшимся вокруг него селянам. — Раненым подходить ко мне, да не толпиться. Бабам не голосить, — добавил он и присел над первым страдальцем — уязвленным стрелой в плечо мужиком. Бабы умолкли, бросились выполнять вместе с остальными, что было велено. Мужик — Глеб — постанивал, пока Вежда примеривался к его плечу.

— Ну-ну, Глеб, потерпи. Ты же глыба, этакий матерый че-ловечище, — бормотал над ним непонятные слова Вежда. — Вот так...

Стоявшие рядышком обе жены Глеба вытаращили глаза — древко стрелы завибрировало под растопыренными над ним ладонями Вежды и одним махом исчезло, будто и не было его никогда. И черная точка от нее прямо на глазах затянулась кожей, и скоро ничто не напоминало о недавней порче: Глеб удивленно повел плечом и как-то даже испуганно протянул, глядя Вежде в глаза:

— Не болит!..

Женщины в слезах тут же с обеих сторон кинулись к мужу, а Вежда устало поднялся.

...Рядком у плетня, окружавшего двор жреца Путилы, лежали восемнадцать пустых тел: мужиков, баб и подростков, среди коих были и кузнец Борыня с Чеботом. Батя Ильи полу-чил стрелу в глаз, Борыню рассекли саблей вдоль груди. Неподалеку стояли селяне и сдерживали рыдания. Слава безучастно смотрела сквозь тело мужа, и на ее застывшем лице не было

ничего, даже слез. Рядом стоял и обнимал мать за плечи хмурый и молчаливый Илья.

— Что ж, стало быть, всех на один костер... — подал голос Путила, почесав заросшую волосом шею.

Вперед вышел Вежда и оглядел селян. Послышались прорвавшиеся женские рыдания. Вежда подошел к скорбному ряду у плетня и присел на корточки перед маленьким стариком, лежащим крайним. Посидев над ним, он покачал головой и сказал так, чтобы всем было слышно:

— Дед Гуня не желает возвращаться, — и добавил тише, не обращая внимания на удивленный гул толпы: — И я очень хорошо его понимаю...

Следующей лежала красивая молодая женщина по имени Дарена, которую рубанули саблей по спине, и долго над ней Вежда не сидел, сразу обернувшись к толпе:

— Чья будет?

Из гущи селян вышел крепкий мужик с зареванным лицом.

— Иди сюда, — позвал его Вежда, и мужик, пошатываясь, подошел.

— Сядь рядом и сиди смирно, — велел железным голосом Вежда и простер над Дареной руки. По толпе прошел говорок, и тотчас стих: Дарена начала розоветь, и вдруг ее грудь дрогнула, и она задышала. Селяне ахнули, и толпа прихлынула было вперед.

— Назад! — сказал, будто стеганул хлыстом, Вежда и все замерли, а он уже нависал над лежащим подростком. К нему без напоминаний подбежала старуха и села рядом. Вежда посмотрел на нее и спросил: — Что, мать, никого, кроме тебя, у него не было?

Старуха отрицательно покрутила головой и молча указала сухой рукой чуть дальше вдоль ряда мертвцев, показывая на мужчину с разрубленной головой. Вежда понимающе кивнул и, не оборачиваясь, сказал:

— У кого родичи целы, сделайте милость, подойдите.

Вышли сразу несколько человек, но Вежда отобрал двоих — женщину и мужчину, а остальных отоспал, и когда помощники уселись рядом с ним, снова протянул руки над телом.

...Чебот лежал самым последним, и рядом с ним хотел сесть Илья, но Вежда отрицательно повертел седой головой, и тогда подошла Слава, дикими, переполненными надеждой глазами

глядя на него. Когда исчезла стрела, торчащая из головы Чебота, и он задышал, а потом и сел, Вежда сам лег на траву и, прикрыв набрякшие веки, очень тихо сказал:

— Не обессудь, Слава, без глаза он у тебя будет. Вытек глаза... А на новый нет... нет силушек...

Он еще что-то бормотал, но Слава его не слушала, бросившись к нему, и принялась целовать его руки. Старик был так слаб, что даже не мог ее остановить.

У плетня жреца Путилы остались лежать те, кто не пожелал возвращения: дед Гуня, старуха Сухота, несколько лет назад потерявшая сына по имени Хвост, да одинокий калека, приблудный мужик по прозванию Нечай. И еще там же лежал на примятой траве длинный старик Вежда, и люди поочередно целовали его жилистые руки.

1

— Учитель, выходит, ты саму Морану-смерть обманывать умеешь? — после долгого молчания спросил Илья. Вежда с Ильей шагали к выселкам, словно и не было ничего несколько дней назад, когда им пришлось спешно прерывать свой путь, возвращаясь в село. Вежда покосился на ученика и отозвался:

— Давно я в дела Мораны не мешаюсь. И она меня не навещает.

Илья взглянул на него. Вежда смотрел в лесную даль какими-то чужими глазами, будто позабыв о том, куда он идет, с кем и для каких дел. Но под его лаптями по-прежнему не хрестила ни одна веточка. Он невесело усмехнулся и продолжал:

— Потому как не гоже жизнь так-то вот перекраивать. Ушла жизнь — и все. Закон. А я людей — поднял. И дело даже не в том, что батя твой, Чебот, не уберегся...

— А в чем? — уловив заминку, спросил Илья.

Вежда снова посмотрел на него и сказал:

— Эх, ты... Люди *поднятые* — это вроде дара твоей земле...

Ведь что выходит? Я тебя, то есть пахаря, у земли отнимаю. Вернее, не столько я, сколько ты сам... Хотя вместо пахаря даю воителя да защитника. Но уже — для всей земли. Вот и весь сказ. А кочевники твоих селян и так еще потреплют. Успеется...

Они прошагали молча еще сотню шагов, и Илья снова спросил:

— Слушай, Вежда, а почему ты ни одного степняка не тронул? Все целые ушли.

Вежда покачал головой, насмешливо посмотрев на ученика:

— Так ли уж и целые? А уши того лучника где же?

— Васька их сожрал, — улыбнулся Илья, вспомнив дворового кобеля. — Теперь небось лучше слышать станет.

— Кто — кобель или лучник?

Они вместе посмеялись, и Вежда сказал:

— Не тронул... Я и этим ремеслом давно не промышляю, Чеботок. Не до этого мне теперь.

— А меня почему обучаешь? Ремесло-то кровавое. Али нет?

— Кровавое, — кивнул Вежда. — А ты что же, в дружины идти раздумал? Землю пахать станешь? А?

Илья молча покрутил головой, не соглашаясь.

— А что ж так? — не отступал Вежда.

Илья сосредоточенно смотрел себе под ноги и отвечал:

— Да нельзя по-другому. Кочевники, вишь, обнаглели. Не дают людям жить. Стало быть, нельзя без крови-то. Кровь за кровь, Вежда. Кузнец Белота, к которому ты меня за мечом посыпал, сказал, что боевой меч вроде плуга, обращенного к небу. Так что я, выходит, так пахарем и останусь...

— То-то и оно, — кивнул старик. — А ты говоришь... За плугом этим нужно поставить такого пахаря, кого кровь самого не захлестнет, зверем не сделает. Кровь — она, брат, такая. Иному вроде нектара сладкого да дурмана пьянящего — глаза застилает и разум мутит. Пахарь...

Он помолчал, бесшумно вышагивая по лесу, потом добавил:

— Человеколюбие есть ноша тяжкая. Не каждому она по плечу. И одна жизнь так малá для этого... А что бы ты сказал о том, кто приходит к человеколюбию через убийства? Если такой человек прежде был тираном и кровопийцей и которого ждали плаха и петля, гильотина и электрический стул, четвертование и распыление на атомы?

Вежда посмотрел на ученика: Илья растерянно ждал продолжения. Старик усмехнулся:

— Ладно, будет... Вот ты, Илюшка, в дружины собрался. А знаешь ли, что князь Киевский капище над Непрой-рекой порушить собирается, потому как в сына божьего верует, который тьму лет назад на кресте умер? И в дружины теперь, может быть, только крещенных принимать станет.

— А может, и не станет. А ты почем знаешь, что порушит он капище?

— Говорят, — хитро отмахнулся Вежда, на миг став похожим на обычного деда с ярмарки.

— Говорят... — задумчиво протянул Илья. — А ведь и вправду может от ворот поворот дать...

— Ну так что? — спросил Вежда. — Станешь выкрестом*?

Илья раздраженно дернул плечом и сказал:

— Не дразни, учитель. Не стану я тех богов, что с детства славил, предавать. Нешто я не славянин? Лучше расскажи, коли знаешь, о вере, в которую князь Киевский обратился.

— А ты, выходит, не знаешь?

— Сневар Длинный сказывал, будто человек, назвавший себя сыном бога, умер за всех на кресте, чтобы всяк, кто в него уверует, после смерти очутился в чудесном месте, где нет ни смерти, ни боли, ни несправедливости. Должно, перевирают люди-то. Чем же наша земля хуже?

— Ну-ка, ну-ка, просвети меня, — заинтересованно зачастил Вежда, храня, впрочем, в глазах свой лукавый огонек. — А разве здесь, в этом мире, все тебя устраивает? А печенеги с хазарами да иными степняками? А разбойники? Не обидно тебе здесь, не больно? Все по справедливости?

— Нет, конечно, — пожал плечами Илья. — Да только, коли по совести жить, то и не будет всего этого. Что глядишь? Не так?

Вежда смотрел на Илью уже без лукавых искорок в глазах, он улыбался, но улыбка его была смиренна да печальна.

— А как же Морана-смерть? — спросил он.

— Так куда же деваться-то без нее? Иначе уже лет через пять жить негде будет, всюду народ за место под солнышком биться станет. Но ты лучше толком скажи: знаешь про сына этого божьего или нет?

* обращенный в веру Христову из какой-либо иной веры.

— Знаю, — кивнул Вежда, и печальная улыбка вовсе исчезла с его лица. Он немного помолчал и стал говорить: — В палестинских землях это было. Пришел туда один человек, которого тогда звали Иешуа, а по-эллински Иисус. И стал он учить тех, кто его слушал, как жить в мире и согласии и почему не нужно бояться смерти. Многое из того, о чем он говорил, люди не поняли, многое из деяний его боялись. По навету его схватили и предали мучительной смерти. А он через три дня восстал из мертвых, вернувшись из Нави. Потом этот человек ушел из тех мест навсегда, а многие люди, назвавшись его учениками, написали о нем книгу, в которой истинных слов о нем было одно из трех, а не сказано было и того больше.

— Но он на самом деле был сыном бога? — спросил Илья.

Вежда покачал головой:

— Нет, так решили сами люди — сам он говорил по-иному, но его не захотели понять. Те же, кто назывался его учениками, и те, кто поверил им, скоро сами стали теми людьми, против которых свидетельствовал Иешуа. И теперь его именем творят больше беззаконий, нежели закона, и сеют смерть, говоря о жизни вечной, и давно забыли истинного Иисуса, помня и peststya лишь легенду о нем.

Вежда тяжело вздохнул и сказал еще:

— Пропал его урок втуне... Чудаком он был тогда, хотел, виши, как лучше, а эвон как все повернулось... М-да... Людей нельзя научить быть добрыми и великодушными — к этому они должны прийти сами, через свое страдание, горе и боль. Человек что железяка — валяется без толку под ногами, мешает, пока за нее кузнец не возьмется. Да в горн ее, да ну по ней молотом гулять, да снова в горн, да в водицу студеную. Вот тогда из железяки толковое что и получится: али меч боевой, али серп с лемехом. Через одно только счастье, Муромец, толку не будет. Такое счастье ржой побьется да плесенью съедено будет. К счастью идут долго да непросто. А есть ли оно, счастье? Это, верно, иное что-то, людскому уму уже не-подвластное, да и не людям обещанное... Все должно идти своим чередом. Кого-то поцелуем исцелить от злодеяний можно, а кого-то лишь мечом. Чтобы полюбить всем сердцем, сперва нужно люто возненавидеть. А на пустом месте любовь не растет...

...И шли нога в ногу по лесной дорожке учитель с учеником, и пели у них над головами птицы, и прислушивался к чудному разговору хозяин леса, тихонько покачивая своей просшей мхом головой.

ЭПИЛОГ

Было много людей, которые могли бы подтвердить, что сын землепашца Чебота, с именем Илья да по прозванию Муромец:

- действительно был калекой, однажды поставленный на ноги прохожим старцем;
- отправился в Киев на службу князю Владимиру Святославичу по прозванию Красное Солнышко, но его дружинником побыл недолго;
- с означенным русским князем часто бывал не в ладах;
- защищал родную землю на заставах у Великой Степи;
- равных себе в мечном и ином бою не ведал;
- совершил множество подвигов и в конце жизни удалился от дел, став отшельником.

(продолжение подразумевается)

*писано в граде Москве лета 2005
от Рождества Иисуса Назорея
Васькой Вороном*

Андрей Ездаков

ПУТЬ «ОБОРОТНЯ»

1. ХОЛОДНОЕ УТРО

Капля дождя, просочившись сквозь густые еловые ветви, упала на щеку дремлющего человека. Он мгновенно открыл глаза, будто и не спал вовсе. Вокруг сплошной стеной стоял густой хвойный лес. Было тихо, так тихо, как бывает лишь в утренние часы незадолго до восхода солнца, когда силы тьмы уже укрылись в своих извечных бастионах, а все, кому по душе больше свет, еще «нежились в постелях».

Тишину нарушал только шорох дождя. Даже ветра в этой густой чащобе не было.

Невысокий коренастый охотник приподнялся на своем лежбище, устроенном вечером под кроной огромного дерева. Постелью ему служила подстилка из еловых и пихтовых веток, пересыпанных добрыми травами, отгоняющими своим запахом мелкую нечисть. Легким движением кистей он снял слабенькое охранное заклинание, которое должно было предупредить в случае появления поблизости крупного хищника, несколько раз потянулся, прогнулся всем телом и присел на корточки. Охотник был готов продолжать свой путь, начавшийся уже полторы недели назад.

Еще никогда он не забирался так далеко на северо-восток и не попадал в такой густой хмурый лес. Сейчас он был в самом сердце Предгорий, равноудаленном от холодных Западных гор, вздымающихся недоступными ледяными вершинами на севере; жуткой, выжженной давними войнами магов Мертвой земли на юге; засушливой Орочьей пустыни на за-

паде; и благоденствующего густонаселенного Торгового берега на востоке.

Вокша, так звали охотника приемные родители, привык к более светлым смешанным лесам, росшим на границе Предгорий с небольшим участком Дикой степи, сохранившемся между Мертвой землей и Орочьей пустыней. Большая же часть этого края, где когда-то вольно гуляли орды степняков, погибла в страшную Ночь Божьего гнева, погубившую великую Империю магов. Когда-то эта могучая страна занимала почти половину континента, и без ее дозволения не мог чихнуть даже самый задрипанный орк в своей песчаной пещере. Так было давно.

Сейчас же вокруг охотника поднимался чужой, незнакомый и даже словно враждебный лес. Поэтому Вокша был настороже. Его узкие раскосые глаза, почти пропадавшие за круглыми, толстыми, обманчиво добродушными щеками, беспокойно перебегали с одной стороны ели, давшей ему ночной приют, на другую. Небольшие прижатые уши внимательно ловили каждый звук, и даже маленький приплюснутый нос, казалось, старался уловить любой посторонний запах.

Это его и выручило. Прежде чем качнулись низко, почти до земли, опустившиеся ветви и острый запах хищника перебил тонкий аромат дождя, Вокша услышал сквозь шелест падающих капель слабый звук шагов быстро приближающегося зверя.

Он успел подняться и, понимая бесполезность лука и громоздкость меча в этом небольшом пространстве, выхватил кинжал. В нескольких шагах от него из-за достававшей до самой земли еловой лапы выскоцил огромный волк темно-серой массти. Острые мохнатые уши зверя подрагивали, из приоткрытой пасти тянулась вниз прозрачная ниточка слюны, широко раскрытые карие глаза уставились на охотника.

Хищник не ожидал встретить приготовившегося к бою противника и на мгновение замер. Вокша смог разглядеть зверя и удивился его непропорционально высокому лбу и коротковатой для такого крупного волка морде. Впрочем, зубы были — будь здоров.

Пауза закончилась, хищник кинулся в атаку. Он пытался прямым броском сбить охотника с ног, чтобы потом прикон-

чить, оглушенного, уже на земле. Примерно двукратное превосходство в весе позволило бы ему легко придавить Вокшу. Однако тот быстро отпрыгнул в сторону и чуть отступил, сохранив дистанцию. При этом охотник острым слухом ловил посторонние звуки. Пока, кроме шума, производимого зверем, и шелеста дождя, ничего не было слышно. Все указывало на то, что хищник был один.

Промах разозлил волка, и он прыгнул снова, едва приземлившись. Вокша вновь «пропустил» противника, при этом неудачно наступил на почти не выступающий из земли еловый корень и чуть не подвернул ногу. Он сразу покрылся испариной, сердце сделало скачок и зачастило от краткого мгновения испуга, ведь такое невезение могло стоить ему жизни.

Несмотря на это, охотник уже не отступил, а с резким выдохом нанес колющий удар кинжалом вдогонку зверю, целя ему под лопатку. Серьезного повреждения волк не получил, кинжал скользнул по толстой шкуре и лишь слегка зацепил плечо. Вокше удалось добиться другого. Хищник разъярился. Он не ожидал встретить сопротивления, поскольку неоднократно пробовал человечину и знал, что люди, которых он до сего дня заставлял врасплох, не сильные противники.

Волк уже не прыгнул сверху в попытке подмять противника под себя, а, сверкнув безумными глазами и дико зарычав, бросился охотнику на грудь. Тут он получил мощнейший удар утяжеленной и заостренной рукояткой кинжала в висок и рухнул на бок. Пока ослепленный, воющий от боли зверь пытался подняться, Вокша, равно владевший обеими руками, перекинул кинжал в левую и коротким движением почти по ручку вогнал кованную карликами сталь хищнику в шею сзади сбоку. Вой сразу перешел в визг, похожий на щенячий.

Издыхающий зверь еще подергивался и сучил задними лапами, а охотник уже вытащил кинжал и, отойдя чуть в сторону, наблюдал за его агонией и слушал, как успокаивается собственное сердце. Ему не впервые было встречаться с крупными хищниками врукопашную, однако этот волк очень удивил Вокшу. В нем совершенно не было звериной осторожности, он не раздумывая напал на изготовленного к бою противника и не пытался изменить тактику после первых неудач.

«Что-то здесь не так», — подумал охотник и потому не торопился снова приблизится к зверю. Кто знает, все ли закончится с его смертью.

Волк еще немного подергался и наконец замер с круто вывернутой шеей и широко раскрытыми глазами.

Охотник достал из кармана и бросил на труп засушенный трилистник, отгоняющий злого духа, и, сконцентрировавшись, произнес несложное заклинание для его изгнания из захваченного тела, на случай если таковое имело место. Вокша так и не смог овладеть навыками серьезной магии, видно, как говорил один знакомый колдун, не имел призвания. Однако те небольшие знания и умения, которым его научили, берег как зеницу ока и регулярно тренировал на деле.

Ничего не произошло. Подождав еще недолго, присмотревшись, прислушавшись и не уловив ничего угрожающего, охотник подошел к зверю и стал его внимательно рассматривать.

Это был непростой хищник. Удивительной была не только его величина и странный окрас — еще никогда Вокше не встречались пятнистые волки, а тут на общем традиционном сером фоне отчетливо проступали более темные, почти черные пятна. Непривычной оказалась форма головы. Такая широкая и короткая морда скорее подошла бы медведю. Да и величина когтей больше соответствовала косолапому. Формой ушей волк тоже больше напоминал медведя, но самыми удивительными были его клыки. Они оказались двойными! Второй клык был поменьше и, сросвшись с первым, сидел немного глубже в пасти.

Вокша покачал головой: «Нечистый зверь».

Охотник не стал снимать с хищника шкуру. Она была бы слишком тяжелой ношей в его дальнем походе, да и ценность ее казалась сомнительной. Подумав и немного повозившись, он все-таки добыл из туши небольшой трофей и стал собираться в дорогу.

Поклажа Вокши была невелика. Комплект оружия, без которого он уже давно не пускался никуда дальше порога трактира, быстро занял свое место. Привычно накрыла голову и плечи непромокаемая накидка из шкуры подземного червя. Плотно лег на спину небольшой вещевой мешок, где, помимо вся-

ческих необходимых в странствиях мелочей, смены белья, очень ценной тонкой и легкой непромокаемой плащ-палатки и небольшого запаса провизии, лежала пара красивых пушистых шкурок, добытых по дороге.

Кошелек с монетами, ходящими по городам Торгового берега, но ценящимися и здесь, в Предгорьях, и мешочек с целебными травами разместились рядом с кинжалом на ремне, подпоясывающим кожаные штаны. Наполовину пустая баклажка заняла свое место в глубоком кармане длинной, чуть выше колен, крепкой кожаной куртки.

Еще кое-какие вещи Вокша рассовал по бесчисленным карманам той же куртки. Осмотрелся по сторонам: не забыл ли чего? Слегка встряхнулся — все ли сидит как надо? Чуть потоптался, проверяя, не трет ли ноги и не попало ли что-нибудь в мягкие кожаные сапоги на прочной подошве. Отвел рукой еловую ветвь и шагнул в мелкий моросящий дождь, продолжая путь, начатый полторы недели назад.

Именно тогда, десять дней назад, он внял призыву Охотничьей Лиги, объединившей практически всех добытчиков пушного и иного зверя на юго-западе Предгорий. В объявлении, которое он прочел при входе в городок Ивер, где размещалась штаб-квартира Лиги, говорилось о том, что жители городков и поселков центра страны нуждаются в срочной помощи. Неизвестно откуда появившиеся крупные хищники пожирали там домашний скот и людей.

Ситуация складывалась настолько трагичная, что некоторые деревни совсем обезлюдили, поскольку их частоколы не смогли защитить поселян от атак агрессивного зверя. Оставшиеся в живых спасались у родных и знакомых в более надежно укрепленных городках и поселках.

Жители центральных районов Предгорий умоляли спасти их от этой напасти. Всем принявшим участие в охотничьей экспедиции обещали бесплатный стол и кров во всех человеческих поселениях региона, подвергшегося нападению, а также хорошую плату за каждого убитого крупного хищника.

Вокша только что выполнил несложную работу для сельских коневодов и заработал на этом совсем немного. Будучи теперь не у дел, он сразу же поспешил в здание Лиги и у одного из писцов, плохо знающего ситуацию, получил сумбурные ин-

струкции и специальную грамоту, подтверждающую его членство в Лиге и участие в экспедиции.

После нескольких безуспешных попыток выяснить, что же происходит в сердце Предгорий, ему наконец посчастливилось наткнуться на старого знакомого Малока. Этот бывший охотник, недавно потерявший левую руку по локоть в схватке с черным тигром, теперь прочно осел в Ивере и стал одним из ведущих деятелей Лиги. Он обрадовался собрату; завел его в свой неплохо обставленный кабинет и, угостив легким элем, рассказал все, что знал на этот момент.

По его словам, полноправными хозяевами центра страны стали крупные и очень опасные хищники-людоеды, среди которых встречались преимущественно волки, хотя были и медведи. Люди сидели за крепостными стенами и боялись высунуть нос наружу. В полях и садах пропадал урожай, срывались заготовки дров, жителям грозила холодная и голодная зима. Обстановка складывалась тревожная, тем более что несколько недавно вернувшихся охотников утверждали, что видели необычайно крупных хищников уже на территории, подконтрольной Лиге.

Конечно, здесь существовало сообщество, которое, правда, нельзя было назвать государством, но которое позволяло проводить совместные действия жителям многих поселений. Тут была налажена связь, процветала торговля. В конце концов, здесь работала Лига, объединяющая не одну тысячу крепких парней и являющаяся серьезной силой, с которой вынуждены были считаться местные князья по всему Предгорью.

— То есть, — утверждал безрукий и, как заметил Вокша, заметно постаревший охотник, — в наших краях зверю разгуляться не дадут, не то что в центральных районах, где каждый занюханный поселок сам себе голова. Да и населены те места реже, а настоящих бойцов и охотников после их дурацких усобиц там и вовсе не осталось.

Но все равно, заканчивал свою речь Малок, нужно помочь соседям, да и неплохо бы выяснить, откуда все же пришла такая напасть. Мало ли что. Мы, мол, конечно, не лыком шиты, но кто предупрежден, тот, как говорится, вооружен. Тем более что несколько опытных охотников уже отправились в эпицентр событий, и Вокше, установив с ними связь, удастся действо-

вать на месте не вслепую. А памятуя прошлое уменье, может, ему удастся пообщаться и с кем-то из местных нелюдей.

В общем, выйдя за ворота и направляясь в городок Лагов, в окрестностях которого вроде бы ситуация пока была под контролем горожан, польщенный напоминанием о своих былых заслугах Вокша чувствовал себя то ли охотником за взбесившемся зверем, то ли разведчиком дружественной державы.

В таких чувствах он пребывал и по сей день, и встреча с необычным хищником, к которой он был готов, но которую не ожидал так рано, не способствовала восстановлению его душевного равновесия. Выбираясь под непрерывным дождем к одной из Древних дорог, соединявших некогда Империю магов с давно заброшенными шахтами у подножия ныне Запретных гор, Вокша размышлял. Он думал о том, что неплохо бы было найти в Лагове кого-то из ранее вышедших охотников или хотя бы узнать о ком-то из них.

Среди охотников существовали твердые правила. Если они попадали в сложную ситуацию, то всегда выручали друг друга. Это был неписанный закон. Сегодня поможешь ты, а завтра пропутят руку помощи тебе. Только так жило братство Лиги.

Продолжая обдумывать происходящее, Вокша внимательно следил за обстановкой вокруг. Странствия, приключения и стычки закалили его волю, обострили все чувства и многому научили. Поэтому он быстро взобрался на высокую насыпь Древней дороги и, не задерживаясь, продолжил свой путь в сторону городка Лагов.

Прямая как стрела Древняя дорога заросла травой и невысоким кустарником, а кое-где, пробив могучие камни, составляющие ее основу, выглядывали уже и молодые деревца. Но идти так было значительно удобнее, чем по лесу, поднимавшемуся сразу в трех-пяти метрах от обреза каменной насыпи. Да и звери не выбирались на этот старинный тракт, почти повсеместно возвышающийся над окружающим ландшафтом. Видно, все еще работала магия древних властителей континента, отговаривающая животных от всех их построек.

Маленький охотник на ходу глотнул воды из баклажки, засунул в рот сытный и полезный корешок тысячесила и стал неторопливо его жевать. Он шел ровным ходом следопыта под непрекращающимся мелким дождем, тратя совсем немного

сил, мало шума и постоянно контролируя ситуацию не только впереди себя, но и с боков, и даже сзади. Идти еще было далеко.

2. ПРОХЛАДНЫЙ ДЕНЬ

В середине дня дождь, так донимавший Вокшу, прекратился, но низкие облака и холодный северный ветер указывали на скорый конец короткого лета и приближение самого долгого сезона в Предгорьях — осени.

Древняя дорога, все такая же прямая, уходила дальше на север и терялась в бесконечной череде лесистых холмов, которыми была покрыта вся центральная часть Предгорий. Поеживающему же от не проходящей сырости маленькому охотнику предстояло покинуть надежный тракт и пройти вправо, через засеянные рожью поля. За ними, на склоне одного из пологих холмов, виднелась невысокая деревянная стена на земляном валу. Это и был городок Лагов.

После нападения странного волка прошло четыре дня. Вокша даже на ночь не сходил с дороги и редко разводил небольшой костерок, не для того, чтобы обсохнуть, а только для приготовления пищи. Дважды за это время он охотился, несколько раз набирал воду, постоянно будучи настороже. Однако обошлось, и новых нападений не последовало.

Уже за несколько сотен метров до Лагова зоркий глаз маленького охотника различил следы запустения. И без того не глубокий ров заплыл землей, вал просел и раскис, местами обнажив свайное основание невысоких деревянных стен. Да и сами стены явно нуждались в серьезном ремонте. Кое-где бревна разошлись, а у надвратной башни стена потеряла навес и выглядела полуразрушенной. Сама же башня носила следы недавнего пожара.

Тroe неопрятно одетых и кое-как вооруженных охранников, стоявших в воротах, никак не прореагировали на Вокшу, поэтому он беспрепятственно вошел в городок и поразился открывшемуся виду. Примыкавшие к стене с внутренней стороны постройки были разрушены. Ближайшие дома, стоявшие вдоль грязной улицы, ведущей в центр Лагова, сгорели.

Пробираясь по относительно сухому краю улицы, охотник сморщился от густой вони. Прямо посреди некогда проезжей части лежали неубранные кучи мусора. Среди грязи особо выделялись лужицы нечистот. Тяжелое амбрэ дополнялось запахом мертвчины, который тянул из сгоревших домов. Кругом не наблюдалось ни одной живой души. Тишину нарушало лишь гудение множества пирующих мух.

От этого во рту у Вокши образовался мерзкий привкус, хотелось прополоскать горло и вволю отлеваться. Его стало подташнивать.

С трудом добравшись до небольшой площади, откуда отходило еще две улицы, он наконец смог перевести дух и прополоскал рот чистой водой из баклажки. Здесь уже начинались жилые дома, исчезли кучи мусора, хотя грязи не стало меньше. Одна улица уходила налево к крепостной стене, другая вела на центральную площадь. На нее-то и стал выбираться маленький охотник, продолжающий мастерски маневрировать по небольшим сухим островкам среди жидкой грязи.

За его телодвижениями наблюдал какой-то чумазый босоногий мальчуган в рваной одежде, со спутанными волосами. Этот малец сидел на единственной полурассыпавшейся ступеньке покосившегося некрашеного одноэтажного дома, двумя низкими грязными окнами слеповато щурившегося на площадь.

«Хоть одна живая душа», — подумал Вокша.

Наконец ему удалось выбраться на относительно твердое покрытие третьей улицы. В конце ее, как и предполагал охотник, возвышался единственный на весь городок трехэтажный дом — управа. Впрочем, уже отсюда было видно, что даже это здание находится в плачевном состоянии. По когда-то крашенным в теперь уже неразличимый цвет стенам широкими языками спускались потеки. Несколько окон было грубо заколочено досками, а крыльцо заметно покосилось.

Продолжая недоумевать, что за бедствие постигло жителей городка, Вокша поднялся на скрипучее крыльцо. Потемневшая, грязная, держащаяся лишь на верхней петле и оттого покосившаяся тяжелая входная дверь была приоткрыта, и охотник зашел внутрь управы. Здесь словно похозяйничала банда

разбойников. Мебель была поломана, пол запачкан чем-то таким, при одной мысли о чем охотника снова затошило.

Как и на улице, внутри здания было абсолютно безлюдно, а тишину нарушало лишь гудение вездесущих насекомых.

Вокша стал обходить все помещения в надежде найти хотя бы кого-нибудь из местного руководства. Его старания вознаградились лишь на втором этаже. Среди множества открытых и заляпанных дверей нашлась одна более-менее отмытая и плотно закрытая. Охотник постучал в нее и вошел. Он попал в небольшой кабинет, казавшийся оазисом чистоты и порядка в мерзкой пустыне заброшенности, царившей вокруг. Справа поднимался высокий темный шкаф, слева стоял несколько более светлый сервант со стеклянными дверцами, за которыми виднелись корешки папок и книги. Прямо напротив двери оказался большой канцелярский стол с креслом и стулом для посетителей.

В кресле за столом восседал абсолютно лысый крупный человек лет шестидесяти — шестидесяти пяти, в огромных очках с дорогой роговой оправой, одетый в поношенный, но аккуратный костюм. Кроме очков, на его широком морщинистом лице землистого цвета выделялись неухоженные седые усы и борода. Некогда широкие плечи были безвольно опущены, а большие ладони неподвижно лежали на столе.

— Добрый день, — вежливо приветствовал его Вокша. — Мне хотелось бы спросить вас кое о чем. Можно?

— Проходите, садитесь.

Пожилой мужчина поднялся во весь свой немалый рост и сделал приглашающий жест в сторону стула. Теперь он более чем на голову возвышался над охотником.

— Спасибо.

Вокша сел, молча достал свою верительную грамоту и передал ее хозяину кабинета. Тот принял внимательно изучать документ. Прошло некоторое время, и охотник начал проявлять признаки нетерпения. Сначала он поерзал на стуле, потом кашлянул. Пожилой мужчина оторвал взгляд от бумаги, улыбнулся посетителю и снова углубился в чтение.

Охотник смирился и затих.

Наконец старый бюрократ удовлетворил свое любопытство, сложил грамоту и вернул ее Вокше. Затем неторопливо

снял очки, протер их платком и снова водрузил на свой крупный нос. После этой процедуры, растягивая слова, наконец произнес:

— Рад вас видеть. Чем могу служить?

Охотник вздохнул с облегчением и приступил к изложению своих пожеланий.

— У меня три вопроса. Во-первых, скажите, есть ли в городе или где-то поблизости еще охотники Лиги? Если есть, то как я могу с ними встретиться? Мне нужно узнать от них, что тут происходит. Во-вторых, подскажите, где бы я смог переночевать сегодня? Знаете, я уже две недели в пути, хотелось бы обсохнуть, помыться и вообще отдохнуть по-человечески. В-третьих, что происходит с вашим Лаговым? Откуда такое запустение, если не сказать больше. Может, и до вас добрались хищники?

Чиновник молча пожевал губами, словно пережевывая вопросы, и начал, как и опасался Вокша, с последнего.

— Понимаете, — с тяжелым вздохом, неторопливо начал он, — как только в соседних поселениях начались нападения диких животных, наиболее состоятельные жители покинули Лагов и уехали кто на восток, кто к вам, на юг. В один день мы остались без руководства и практически без тех, кто мог хоть что-то сделать и хоть как-то организовать жизнь.

Крупные серые глаза клерка стали совсем печальными, и он продолжил с ноткой трагизма:

— По сути дела, в городке остались только люмпены и тихони. Первые сразу сорганизовались и стали громить брошенные дома и магазины, а потом добрались и до небогатого скарба тех людей, что еще оставались дома. Пролилась кровь, появились жертвы, и это послужило сигналом для оставшихся. Они уже бросали все и спасались бегством, по сути, кто в чем был. Теперь Лагов полностью во власти разбойного люда, и на ночь я вам тут оставаться не советую. Кроме того, вчера вечером у стен видели двух очень крупных волков странного окраса, так что, возможно, вам нужно постараться дотемна уйти как можно дальше от городка.

— Спасибо, — поблагодарил Вокша, — я не ишу неприятностей, постараюсь дотемна выбраться из Лагова и уйти по-

дальше. Но как же вы? Вы-то почему здесь? Неужели вам некуда уйти?

— Некуда, молодой человек, — ответствовал чиновник, и взгляд его совершенно потух. — Сын мой давно покинул эти края, а дочь...

В этот момент самообладание, казалось, покинуло старику. Его крупный кадык судорожно задергался, а из горла доносились звуки подавленного рыдания. Но он смог справиться с собой и охрипшим голосом продолжил:

— Ей не довелось пережить этого. Она погибла со всей семьей от рук этого сброва. И она, и муж, что попытался отбиваться, и моя маленькая внучка Жоэна.

Тут он не справился с собой, и из глаз потекли прозрачные старицкие слезы. А Вокша начал «закипать». Правая рука стиснула рукоять кинжала, глаза сузились до крошечных щелочек, сердце застучало чаще и сильнее. Если дела обстояли так, как рассказывал этот чиновник, то в городке обосновалась банда разбойников, встреча с которыми не сулила ничего хорошего.

Конечно, в поле или знакомом лесу маленький охотник вполне мог совладать с десятком-другим не обученных бандитов, но в городе это становилось проблематичным. Прекрасно стреляя из лука и великолепно владея кинжалом, Вокша оставался посредственным мечником, и это могло подвести его в сложившейся ситуации. Ведь из Лагова, похоже, придется выходить с боем.

Теперь охотник понял, почему к нему не проявили никакого интереса неопрятные стражники, стоявшие в воротах. Видно, у них был приказ «Всех впускать и никого не выпускать!». Каждый вошедший в городок становился либо одним из разбойников, либо их добычей. Тут было над чем задуматься.

Эти мысли вихрем пролетели в его голове. Впрочем, Вокша быстро одернул себя: «И чего это я так завелся? Мало ли что говорит этот странный старик. Может, он просто выжил из ума или пытается ввести меня в заблуждение».

Поэтому, не делая скоропалительных выводов и видя, что пожилой чиновник пришел в себя, охотник продолжил расспросы.

— Зачем же вы здесь остались? Убьют ведь.

— А мне уже все равно. Да и не нужен я им. Отомстить не смогу, убежать тоже, а все мое на мне.

— А почему здесь сидите?

— Так ведь пришлые люди перво-наперво в управу идут. Я им хоть расскажу, что здесь творится. Может, кого и уберечь смогу.

— Много уже народа приходило?

Старик опустил голову и печально вздохнул:

— За месяц с небольшим, что прошло с начала этой напасти, ты четвертый будешь, — перешел он на «ты».

— И что, до меня никому не удавалось выбраться?

Старик отрицательно покачал головой:

— Первого — видать, беженца, — сразу убили. Второй, похоже, охотник с побережья, теперь с ними. А третий позавчера к вечеру пришел, тоже, видать, как и ты, охотник был с юга.

На слове «был» сердце Вокши болезненно сжалось.

— И что же он?

— Дрался с ними как белый тигр. Человек десять положил, а то и больше. Стрелял хорошо, но они же навалились со всех сторон, управа-то на площади. Потом внизу еще порубились. Не устоял молодец. Да как тут устоишь. И тебе, мил человек, быстрее уходить надо. Уже вечереет, они просыпаться начнут. Ночью-то безобразят, а днем отсыпаются.

— Как он выглядел, этот охотник?

— Одет, почитай, как и ты. Молодой, высокий, светлый, глаза зеленые с хитринкой, хорошие глаза. Да, вспомнил, еще шапка у него приметная: круглая такая, с оторочкой и серым беличьим хвостом сзади.

«Рамис, — вспомнил Вокша. — Его шапка. Царствие тебе небесное, вольный охотник».

— Так что ты, охотник, быстрее уходи, пока ночные звери внутри и снаружи нашего городка не проснулись, — продолжал настаивать пожилой клерк, — за оставшийся час сможешь дойти до Древней дороги, а туда и бандиты не пойдут, и дикие звери, глядишь, не очень сунутся. Магия Великих еще работает. Тебя пока что никто не видел?

— Да как не видеть. Видели, конечно. Я ведь не тать ночной. В воротах три стражника торчали, а на соседней площади мальчишка оборванный.

Голова чиновника резко вскинулась.

— Стражники, видно, после вчерашнего появления волков поставлены, а вот мальчишка — это плохо. Сейчас во всем Лагове есть только один малец — Торр, сынок предводителя этой своры Дорра. Любит, гад, под нищего наряжаться, тот еще змееныш — он мою внученьку убил, на радость батьке своему живодеру. Уходи скорее, если еще успеешь!

Под конец клерк распалился, его ладони стали судорожно скжиматься.

— Есть другой выход из Лагова? — спросил Вокша, уже поднимаясь.

— Да, есть вторые ворота с другой стороны городка от тех, что выходят на Древнюю дорогу, но там лес подходит почти к самой стене. Звери могут напасть внезапно. На поле-то ты их постреляешь.

— Спасибо, попробую пробиться, — крикнул маленький охотник с порога. Затем обернулся, на прощание поднял согнутую в локте левую руку со сжатым кулаком в традиционном приветствии Лиги и спросил: — А как величать-то вас?

— Орланд, — сказал старик и, даже немного распрямившись, добавил: — Так когда-то звали меня в этом городке, где я долгие годы был главой управы.

Вокша кивнул и, быстро спустившись, осторожно выглянул из покосившейся двери на площадь. Его уже ждали.

3. ЖАРКИЙ ВЕЧЕР

Под по-прежнему пасмурным и по-вечернему быстро темнеющим небом десятка два по-разному одетых и вооруженных людей рассыпались полукругом на площади. Вперед выдвинулся здоровый рыжий мужик, чьи взлохмаченные волосы полностью закрывали и без того не высокий лоб. В маленьких красноватых глазах бугая плескалась неизбывная злоба, в руках он баюкал огромный боевой топор. Судя по очертаниям лезвия, эта вещица вышла из горнила кузницы непревзойденных мастеров — карликов.

Это был очень опасный в ближнем бою противник. Однако Вокша надеялся не допустить дело до ближнего боя, в котором

его шансы на успех становились совершенно призрачными. Он плавным, текучим движением снял с плеча лук, взял его в левую руку, а правой выхватил из колчана три «быстрые стрелы», которые мог прицельно выпустить практически одну за другой.

Не натягивая тетиву, маленький охотник оглядел всю цепочку бандитов и постарался выяснить расположение их стрелков. Двоих, с тяжелыми арбалетами городской стражи, он разглядел на крышах близлежащих домов, еще два арбалетчика прятались за низким плетнем дальнего от управы двухэтажного здания. Похоже, несколько лучников скрывались за углами домов и внутри них.

Помимо стрелков Вокшу беспокоили два поджарых воина, одетые в хорошие кольчуги, с мечами и щитами, стоявшие на левом фланге. По тому, как они держались, он определил в них бывалых бойцов. Еще ему хотелось понять, где охотник с побережья, примкнувший к шайке. Конечно, это был не член Лиги, они не опускались до связи с бандитами, но любой охотник всегда величина неизвестная и потому опасная.

Из-за плеча бугая показался невысокий коренастый бандит, одетый в крепкий и дорогой чешуйчатый доспех и высокий шлем с поднятым забралом. Он выглядел гораздо умнее своего сотоварища, и тот, несмотря на свое очевидное физическое превосходство, его явно побаивался. Он перестал тискать свой боевой топор, оскалился в униженной улыбке и даже как будто сделался меньше ростом.

«Не иначе как удостоился «чести» видеть самого Дорра, — подумал Вокша. — Снять его, что ли?»

Это было непросто. Повернувшись к главарю бугай сильно его загораживал, да и броня у атамана была серьезной. С одного выстрела не прибить, а как только пустишь первую стрелу, так сразу начнется заваруха. Поэтому маленький охотник решил послушать, что ему скажут, опустил лук и отправил тройку стрел обратно в колчан.

— Ты охотник с юга? — крикнул заметно приободрившийся главарь — видно, Рамис заставил их уважать членов Лиги.

Вокша согласно кивнул головой.

— У тебя, паря, не богатый выбор. Или ты идешь к нам в подельники, или мы тебя размажем.

Маленький охотник изобразил задумчивость и душевые колебания. Он опустил голову, стал чесать в затылке, не забывая приглядывать за стрелками.

В таком раздумье он провел несколько минут. Дорр стал нервничать, как недавно сам Вокша, наблюдавший за изучением Орландом своей вверительной грамоты.

— Ну, чего ты застыл, как дермо во льду?

— Такие дела с кондакча не решаются, — наконец откликнулся маленький охотник. — Подумать надо.

— А чего тут думать. Решай сразу, и делу конец.

Вокша исподлобья, внимательно следил за бандитами. Он уже сосчитал их и оценил. Из тридцати четырех разбойников, стоявших перед ним на площади и прячущихся в ближайших домах, наибольшую опасность представляли восемь стрелков, два бывалых война на левом фланге и, пожалуй, сам Дорр. У маленького охотника практически не было шанса остаться в живых при столкновении с этой оравой. Если только очень повезет, но на такую прямо-таки безумную удачу. Вокша не рассчитывал.

Попытаться поговорить с бандитами, возвратить к их чувству долга, сославшись на выполнение важной для всех миссии, он даже не пытался. Глядя на эти наглые физиономии, на которых отчетливо выражались только два чувства: сътость и желание развлечься, охотник понимал, что все человеческое им сейчас абсолютно чуждо. Единственным, что их пока останавливало, было воспоминание о тяжелых потерях в бою с другим охотником, происшедшем два дня назад. Но и этот страх, похоже, вот-вот должен был перестать их сдерживать, уж больно несерьезно выглядел маленький охотник на их фоне.

Тем временем главарь совсем потерял терпение. Отступив за бугая, он махнул рукой в сторону крыльца и крикнул своим:

— А ну-ка притащите сюда этого недоделка.

На «недоделка» маленький Вокша, как в детстве, тут же обиделся и, моментально выхватив из колчана «быструю тройку», выпустил все стрелы в двинувшихся к нему разбойников. Не разглядывая результаты своего залпа, он сразу отпрыгнул назад. Вовремя. Два арбалетных болта ударили в косяк, дверь загудела от еще одного и пары стрел.

«Лихо стреляют, — расстроился охотник, — Мне так долго не продержаться».

Он выглянул наружу. Один из бандитов, пронзенный в голову, валялся замертво. Второй упал и судорожно пытался выдернуть стрелу из груди — тоже не боец. Третьему стрела попала под ключицу, и он, потеряв свой меч и пошатываясь, отбежал к ближайшему дому.

«Неплохо», — подумал Вокша и, пока стрелки перезаряжали свои луки и арбалеты, успел снять еще одного разбойника.

После этого он подался в глубь здания, гадая, что предпримут бандиты: будут переть напролом в дверь управы под его стрелы или полезут через разные окна. Последний вариант ему очень не понравился, так как в тесноте внутреннего коридора не было возможности прицельно стрелять. Однако по крайней мере от двух бывальных воинов следовало ожидать именно этого.

Поэтому Вокша развернулся и быстро побежал на своих коротких, кривоватых, но очень крепких ногах к центральному холлу. Оттуда по периметру шла лестница на второй и третий этажи. Там образовывалось свободное пространство, дающее возможность как можно дольше держать разбойников на дистанции. Добраться же по наружной стене до окон второго этажа было непросто. Для этого требовалась лестница или крепкая слега.

Поднявшись на середину лестницы, охотник взял под прицел весь холл и прилегающую к нему часть коридора. Теперь главное, чтобы разбойники не пошли на приступ сразу всей оравой. Слава Богу, узкий коридор этому явно не способствовал, хотя быстро спускавшаяся темнота уже изрядно затрудняла обзор.

Снаружи доносились крики беснующихся врагов, однако, похоже, внутрь основная масса бандитов не торопилась. Вокша присел за перила и затаился.

Вскоре справа из коридора в холл высунулся шлем и резко отдернулся назад.

«Проверяют, — понял маленький охотник, чуть было не выпустивший стрелу. — Шлем на руке выставили, думали, если я здесь, то куплюсь. Видать, те двое бывальных».

Он совсем перестал дышать. Так же подолгу терпеливо мог ждать в засаде у звериной тропы. Здесь все разрешилось быстрее. Озираясь по сторонам и осторожно ступая, в холл вышел один из двух воинов.

Вокша мягко натянул тетиву, прицелился и пустил стрелу прямо в незащищенную полоску шеи между кольчужным воротом и шлемом. Бандит громко вскрикнул и рухнул на пол, схватившись руками за горло. Второй за углом громко и злобно выругался, но вытащить приятеля не пытался.

«Хорошо, — подумал Вокша. — Навала уже, наверное, не будет. Теперь есть немного времени до того, как подойдут стрелки. Тогда я поднимусь на второй этаж и буду караулить их на узкой лестнице. Могу долго продержаться, лишь бы стрел хватило».

Его мысль словно услышали. На площадке второго этажа послышались шаркающие шаги, и над перилами вознеслась высокая сутуловатая фигура Орланда. В руке бывшего главы управы был красивый кожаный колчан, расшитый серебряными и золотыми нитками, заполненный стрелами примерно наполовину.

«Наверное, от Рамиса остался», — подумал маленький охотник.

Он мало знал молодого охотника, но слышал, что тот — выходец с Торгового берега — был изрядным пижоном. Колчан в руках Орланда вполне бы ему подошел.

Старик сделал движение рукой в сторону Вокши и сказал:

— Возьми, я приберег это. Думаю, тебе пригодится.

— Спасибо. — Охотник, не выпуская холла из поля зрения, быстро поднялся на площадку второго этажа и принял колчан. — В самый раз будет.

Снизу раздался многоголосый шум, звон оружия и доспехов. Бандиты были уже в коридоре.

Крадучись спустившись обратно на полпролета, Вокша подстрелил самого торопливого из них. Остальные, матерясь, подались назад.

Не прислушиваясь к доносящимся из-за угла коридора многочисленным обещаниям спустить с него шкуру различными изощренными способами, маленький охотник обратился к неподвижно стоящему Орланду:

- А другого пути наверх у них нет?
- Нет. Только если приставят лестницы и полезут в окна.
- Как скоро они смогут это сделать?
- Поблизости ничего подходящего нет. Придется тащить от стен, или, может, где-то у дома найдут. Они ведь штурмам не обучены.

На последних словах Орланд презрительно скривил губы.

— Мне показалось, что в этой банде была пара бывальных бойцов.

— Да. Два воина, недавно, но еще до всего этого, пришедшие к нам в Лагов с востока, присоединились к Дорру.

Маленький охотник кивнул старику и снова сосредоточил свое внимание на первом этаже. Там, судя по доносившемуся грохоту, что-то готовилось. Ждать пришлось недолго. Из-за угла показались три двери, снятые с петель. За ними, плотно сдвинутыми, как за большими армейскими щитами, к лестнице двигались разбойники.

«Быстро придумали, — расстроился Вокша. — Жаль, не удалось сразу убрать главаря. Видать, сообразительный бандюга».

Пока импровизированные щитоносцы продвигались к лестнице, ему удалось ранить еще двух разбойников, неосторожно высунувшихся из-под прикрытия.

У лестницы, как и предполагал охотник, вышла заминка. Подниматься всем сразу, да еще тащить при этом тяжелые двери, было непросто. Поэтому после короткого совещания бандиты разделились на три группы, каждую из которых прикрывала одна дверь, и, стараясь держаться ближе друг к другу, медленно двинулись на второй этаж.

Положение осложнилось, а тут еще из темноты коридора первого этажа выплыла стрела и вонзилась в ограждение лестницы совсем рядом с головой Вокши.

Пригнувшись ниже перил, благо рост позволял, он метнул- ся на второй этаж, выходя из зоны обстрела. Успел. Видно, пока в здании было лишь два стрелка, вторая стрела воткнулась в стену уже далеко за его спиной.

Со второго этажа Вокша подстрелил еще двух бандитов, не успевших переместиться так, чтобы поднимающиеся импровизированные щиты закрыли бы их.

Число боеспособных врагов уменьшилось, однако стрелки уже вышли в холл, а щитоносцы прошли половину пути до второго этажа. Конечно, можно было подниматься выше, но там его уже наверняка бы зажали и быстро прикончили в ближнем бою.

Неожиданная мысль пришла Вокше в голову. Он обернулся к Орланду, отступившему от лестницы и стоящему в дверях своей конторы, и спросил:

— А какое из окон выходит на козырек крыльца?

Старик задумался, потом поднял ожившие глаза и сказал:

— Последняя дверь слева по коридору.

Голос его, казалось, окреп, и Орланд продолжил:

— Будь осторожен, козырек покатый и, с нашей погодой, вечно сырой.

Вокша быстро выглянул в пролет, убедился, что штурмующие по-прежнему прячутся за медленно поднимающимися дверями, и бесшумно побежал к нужной двери, махнув бывшему главе управы на прощание. На этот раз тот ответил и поднял левую руку в древнем жесте прощания воинов Империи магов.

Дверь, хвала Всевышнему, оказалась открытой. Маленький охотник перемахнул подоконник раскрыто окна и мягко опустился на навес крыльца. Медлить было нельзя, ибо кто-то из бандитов наверняка оставался на улице и, несмотря на то, что уже практически совсем стемнело, мог его заметить. Поэтому он быстро опустился на край козырька, зацепился руками за подгнивший водосток и, придерживаясь за него, соскользнул на землю.

Едва коснувшись ногами жирной разбухшей грязи, охотник замер. Со стороны лесных ворот донесся низкий протяжный вой и, почти сразу, отчаянный человеческий крик. Практически тотчас же им ответил вой и с противоположной стороны, однако криков оттуда не последовало.

«Началось, — понял Вокша. — Добралось зверье и до Лагова. Нужно уносить ноги на Древнюю дорогу».

Понимая, что сейчас бандитам станет не до него, но опасаясь стрелы в спину, маленький охотник бежал от управы сложным зигзагом, то и дело меняя направление и скорость движения и постоянно озираясь по сторонам. Лишь добравшись до небольшой площади, на которой он видел сына Дорра, Вокша остановился и осмотрелся.

Погони не было, но за углом ближайшего дома кто-то поджидал охотника — врага выдал дважды коротко мелькнувший край одежды неразличимого в сумерках цвета.

«Хоть не зверь, — подумал Вокша. — Сейчас разберемся».

Быстро и бесшумно приблизившись к углу, он вытащил кинжал, нацепил свою шапку на гарду меча, не вынутого из ножен, и высунул ее вперед. Тут же из-за стены взметнулась узкая рука, в которой блеснул длинный нож, и ударила ниже шапки — туда, где должна была быть шея охотника.

Вокша отпустил меч, молниеносно перехватил, заламывая, руку с ножом и, сделав шаг вперед, ударил кинжалом. Карапульщиком оказался Торр, и удар пришелся ему прямо под подбородок. Не мешкая охотник довершил начатое.

Тело сына главаря еще не успело сползти на землю, а Вокша уже спешил к воротам. Теперь он не пытался выбрать сухие участки дороги. Важнее было держаться как можно дальше от зарослей кустарника и сгоревших развалин, откуда могли наброситься звери.

Уже около ворот охотник почувствовал на себе взгляд. Продолжая бежать вперед, он наложил на тетиву тяжелую стрелу и, войдя под сень надвратной башни, резко обернулся.

К нему стремительно приближался огромный волк, копия того, что напал на него, только еще крупнее, выше и шире в холке, с большой лобастой головой, на которой был заметен длинный шрам от внутреннего угла правого глаза до левого виска.

— А не пошел бы ты своей дорогой, — мягко, нараспев проговорил Вокша, выцеливая зверя.

Тот замер, словно набежал на стену, и стал внимательно разглядывать противника. Позиция для выстрела была отличная, волк как на ладони, но охотник медлил. В позе хищника уже не было угрозы, а Вокша не грешил бесцельным битьем зверя. Поэтому, чуть ослабив тетиву и оглянувшись — нет ли сзади второго волка, тоже известные охотники, — он сказал:

— Шел бы ты отсюда, а то неровен час зацеплю.

И почти не удивился, когда огромный зверь, тряхнув головой и неодобрительно рыкнув, потрусили в сторону центра города, иногда оборачиваясь на ходу.

Впрочем, прохладиться было некогда. Из разоренного города доносились вакханалия битвы, в которой рев и визг зверей перемешивался с криками и воплями людей. Вокша стер со лба обильный пот и побежал через неубранные ржаные поля в сторону Древней дороги.

4. ПРЕДУТРЕННИЙ РАЗГОВОР

За четыре дня, отделяющих его от боя с разбойниками, маленький охотник ушел далеко на север, не встречая никакого жилья и только иногда в глубокой ночной тиши слыша отдаленное завывание хищников. На всем пути Вокша часто вспоминал беседу со старостой небольшой деревни, в которую он попал вскоре после своего поспешного бегства из Лагова.

Тогда, улепетывая во всю прыть, он быстро добрался до насыпи Древней дороги и, не снижая темпа, пустился по ней, стремясь уйти как можно дальше и от озверевших людей, и от поумневших хищников. Однако уже к середине ночи Вокша начал уставать. Не помог и спешно разжеванный корень тысячесила. После такой серьезной встряски требовался отдых. Пересядя на обычный шаг, он стал присматривать место для ночлега прямо на тракте. Охотник уже было решил устроиться на небольшом участке дороги, на котором пробивалась только редкая невысокая трава странного голубовато-зеленого цвета, но в этот момент порыв холодного ночного ветра донес до его ноздрей запах дыма.

Вокша остановился, принюхался и прислушался. Откуда-то справа от дороги доносился запах человеческого жилья. Охотник уже различал в чистом ночном воздухе не только дым, но и «аромат» скотного двора, и сложную смесь других запахов, распространяющихся обычно вокруг постоянных поселений, в которой смешались терпкий запах обработанного дерева, ароматы заготовленных трав, запахи приготовленной пищи и многое другое.

Наконец и напряженный слух уловил слабый хлопок двери. Теперь Вокша представлял направление на жилье и, спустившись с насыпи, осторожно пошел в эту сторону. Словно помогая ему, небо начало понемногу освобождаться от туч, кое-где в их разрывах даже показались звезды.

Идти пришлось недолго. Молодой смешанный лес расступился перед охотником, и он оказался на границе небольшого расчищенного и почти полностью убранного поля, за которым в ночной темноте пока только угадывался высокий частокол. Оттуда теперь уже явственно доносился запах человеческого жилья. Перед Вокшой была одна из деревень в окрестностях Лагова, до которой пока не добрались хищники.

Сосредоточившись, он почувствовал слабую охранную магию. Ощущение было таким, словно слегка пощипывало кончики пальцев. Однако это несильное заклинание скорее всего было направлено на то, чтобы отогнать от жилья и посевов мелких грызунов. Наверное, можно было просто пойти к частоколу и окликнуть людей, в такое неспокойное время дежуривших на нем, но охотник подумал, что сюда уже могли добираться и бандиты Дорра. Стало быть, встреча грозила оказаться отнюдь не добросердечной.

Поэтому Вокша решил не рисковать и даже заблокировал действие заклинания, мысленно описав вокруг себя защитный круг. Затем постарался понять по звукам, где находятся стражи, справедливо полагая, что деревенские охранники не смогут караулить совершенно тихо. Вскоре он определил, что двое из них расположились немного правее, видимо, в маленькой надстройке над воротами, которую он разглядел на фоне все более расчищающегося от туч неба, а один не торопясь прохаживается за частоколом.

Дождавшись, пока этот охранник подошел к двоим в башне, охотник бесшумно приблизился к частоколу, забирая влево. В это время между тремя стражами завязалась беседа. С помощью веревочной петли Вокша беспрепятственно забрался на частокол и присел на узенький помост, закрепленный за ним. Его беспокоила мысль о деревенских собаках. Конечно, перед броском вперед он растер пахучий стебель мыльника, надолго перебивающий дух человека, но собаки могли просто среагировать на незнакомый запах.

Вокша не собирался скрываться от местных жителей, однако не хотел быть внезапно обнаруженным. В непростой обстановке охрана деревни запросто может сначала издирявить его стрелами и копьями, а потом уже поинтересоваться: чего

это он тут потерял? Поэтому охотник решил подобраться чуть ближе и послушать, о чем говорят стражи.

Один из охранников рассказывал чуть приглушенным хрипловатым голосом о том, что слышал сегодня днем на собрании правления деревни. Повысив голос, он эмоционально сообщил товарищам:

— И тут старшой как вдарил кулаком по столешнице. Все сразу притихли, а он и говорит: «Община мы иль кто? Нешто от лиходеев лаговских не оборонимся? Они свой урожай-то не убирают, а на наши запасы рот разевають. Что ж нам их, свору злобную, прокармливать, а свои семьи зимой на кладбище нести? Не бывать тому!» Так прямо и сказал: «Не бывать тому!» и еще раз как даст, а кулачище-то у него — сами знаете.

— Да уж, — поддержал говорящего тонкий юношеский голос, — Родим наш на расправу крут. Позавчерашнего дня сосед, Силес, наподдал его кобелю. Злой мужик, собаки последние дни и так чудные какие-то, вялые, а он бедную животину ногой просто так пнул, на дороге у него, виши, оказалась. Так Родим во дворе строгал чего-то, увидел это, подошел да как даст Силесу, тот и с копыт долой. Долго его водой отливали потом.

— Погодь, — вмешался третий охранник, по голосу пожилой или даже старый мужик. — Это какой же Силес? Коваль, что-ли?

— Да нет. Коваль на окраине живет, дедку, а это сосед Родима справа. Бездельник. У него уж с месяц забор повалился со стороны Родимова дома, а он хоть бы что. Брагу только жрать горазд.

— Так это на втором повороте отсюда, что ли? Прямо на углу?

— Ну да, а дом старосты — сразу за ним.

Вокша мысленно поблагодарил незадачливых охранников, за несколько минут «выдавших» ему все деревенские тайны, тихо спустился с частокола и бесшумно двинулся в глубь деревни по центральной улице, выходившей к воротам, теперь уже совсем не опасаясь собак.

Сломанный забор нашелся быстро, за ним стояли добрые хоромы со вторым летним этажом. К ним-то охотник и направился.

Сначала он обошел вокруг дома, аккуратно покрашенного то ли в светло-серый, то ли в желтоватый цвет, разобрать в обманчивом звездном свете было трудно. Все окна были закрыты, лишь кое-где приоткрыты маленькие форточки — сказывалось наступление осенней погоды. Влезть в подобное отверстие Вокша не смог бы, даже когда был худеньким юнцом. Как и большинство таких деревенских домов, жилище старосты не запиралось. Тихо войдя внутрь, охотник прикрыл за собой дверь на отлично смазанных петлях и замер, привыкая к кромешной темноте.

Обычно в деревенских домах за «холодной» — не отапливаемой темной прихожей — следовала общая комната с большущей печью, из которой расходились в разные стороны небольшие спальни. По традиции, в южных Предгорьях, на родине Вокши, глава семьи занимал ту из них, что была ближней к прихожей. Так оказалось и здесь. Едва охотник на цыпочках подошел к приоткрытой левой двери, как из-за нее донесся гулкий всхрап.

«Видать, утомился хозяин за день-то», — подумал охотник.

В темной комнате, скучно освещаемой из небольшого окна, на огромной кровати, занимавшей большую часть пола, широко раскинулся крупный мужчина. Он спал на спине, заскинув назад кудлатую голову и слегка приоткрыв рот. Одеяло сползло вниз, открывая взору могучую грудь.

Вокша присел на стоявшую у ближней к двери стены скамейку, нашел на ней полуусгоревшую свечу и, чиркнув огнем, зажег.

Староста проснулся мгновенно. Вскинулся на кровати и потянулся вправо, к чему-то, лежащему рядом с постелью.

Опережая его действия, охотник быстро проговорил:

— Родим, я поговорить пришел.

Рука старосты замерла. Он сморгнул. Присмотрелся внимательно.

Вокша сидел на скамейке расслабленно, держа безоружные руки так, чтобы хозяин их видел.

— Кто таков? — голос старосты звучал мощно, грудно, хотя говорил он приглушенно — наверное, не хотел разбудить до-мочадцев.

- Вокша, охотник с юга.
- Зачем пожаловал?
- Лига послала посмотреть что к чему, помочь, если надо.
- Мелковат что-то помощник-то. — Староста освоился с ситуацией и, пристально разглядывая Вокшу, усмехнулся.
- Малый камень ярче гранями блестит, — тоже усмехнувшись, ответил охотник давно услышанной поговоркой магов.
- Ладно, гость незваный, негоже в спальне беседы вести, пойдем в горницу, только вот оденусь малость. — Староста внимательно следил за реакцией Вокши, тот же был абсолютно бесстрастен, лишь согласно кивнул головой.

Они вышли в горницу и сели за большой стол. Родим, на-кинувший на могучие плечи кожаную тужурку грубой выделки, зажег тусклый масляный светильник, поесть и попить не предложил. По деревенским понятиям, что здесь, что на юге, это означало «Я тебя принимаю, но не очень доверяю». Лицо старосты, как и грудь, густо поросшее светло-русой растительностью, оказалось довольно молодым.

— Ну, рассказывай, помощник южный, — немного растягивая слова, сказал хозяин. — Что тебе у нас надобно?

— Мне нужны ответы. — Вокша смотрел прямо в глаза старосте. Ему было не очень удобно сидеть на высокой скамейке, ноги не доставали до пола, но он держался прямо и спокойно.

— А откуда я знаю, что ты охотник из Лиги?

Вокша не торопясь потянулся рукой за пазуху. Родим чуть заметно напрягся. Охотник вынул свою грамоту и молча протянул ему. Неожиданно на лице старосты промелькнула растерянность. Он взял документ, неловко покрутил его и с огорченным вздохом вернул Вокше:

— Мы здесь... эээ... грамоте... не очень так, чтобы очень.

Охотник указал пальцем вниз грамоты:

— Печать-то Лиги узнаешь?

Староста снова пригляделся. Лицо его разгладилось.

— Точно. Печатку такую видеть доводилось.

— Ну и ладно, — удовлетворенно произнес Вокша, забирая и пряча документ. — Теперь поговорим?

— Давай. Спрашивай. Что знаю — скажу, чего не ведаю... уж не обессудь, охотник.

Вокша решил соблюсти приличия и сразу не задавать главных вопросов, поэтому начал как бы издалека:

— Как у вас здесь дела? Что нового по хозяйству? Все ли здоровы?

Родим одобрительно усмехнулся. Знает человек порядок.

— Дела у нас за последнее время разладились. Неспокойно по ночам вокруг, то люди лихие набегут, то зверье хищное вокруг деревни кружит. Благо мы загодя урожай убрали, да и других припасов заготовили. Так что теперь больше за забором отсиживаемся, стражу несем, тебя вот, правда, как-то не углядели.

На последних словах староста умолк и пристально посмотрел на охотника. Тот сделал неопределенный жест рукой:

— Извиняй, хозяин, я человек лесной, дикий, как вы меня встретите, не знал. Вот и решил сначала с тобой поговорить без лишнего шума.

— Да уж, — староста мотнул головой, — шума от тебя не много.

Вокша кивнул. Хозяин продолжил рассказ:

— Так что хозяйство у нас пока в порядке. Вот только на долго ли, не знаю. Да и насчет здоровья не все ладно. Собак будто слазил кто. Не едят, да вроде и не пьют вовсе. Службу, само собой, не несут. Все больше лежат, только подвыивают иногда, будто нежить чуют. Вчера я хотел уж насилино своего псину Дикого напоить, так он ко мне и не повернулся. А когда я за морду его верную взял, да в глаза заглянул, так такую тоску смертную увидел, что мурашки по телу пошли. Не жилец он, и другие собаки долго не протянут.

Родим грустно вздохнул и потер себе шею. Вокша весь обратился в слух.

— Да и некоторые наши деревенские странно себя ведут. На днях я соседа своего Силеса встретил. Он и так мужик-то бестолковый, а здесь бредет по улице, глаза пустые, ноги заплетаются, и бормочет чего-то. Ну, думаю, допился, подлец. А нет, от него и не пахнет вовсе.

Хозяин удивленно развел руками:

— Ничего не мог с ним поделать. Будто он что-то такое свое только видит, а меня и не замечает. Я уже его и так и сяк. И по-доброму, и не очень, а он головой мотает и куда-то все лезет. Представляешь?

Охотник отрицательно покачал головой.

— Вот и я ничего понять не мог. Народ собрался, судят-рядят, чего-де делать. Кто-то подсказал его водой облить. Как плеснули из бадьи, тут-то он и очухался, глянул на нас зверем и прошипел, прям как змея, мол, ничего, доберусь еще до вас, недолго осталось.

— За это и побил его?

— И про это слыхал? — удивился староста. — Малый, да шустрой. Нет, это была другая история.

Рассказывая про деревенские невзгоды, Родим, видно, разволновался. Его лежащие на столе крупные кисти постоянно то сжимались в кулаки, то разжимались.

— Вот такие у нас дела неладные. Не знаю, где латать-то. За одно ухватишь, так другое расползается. То ли за колдуном посыпать, порчу снимать, то ли на волков охоту устроить, то ли от разбойного люда в осаду садиться. Позавчера сам ихний гла-варь подъезжал с приспешниками. То ли Тором, то ли Дором кличут, из города. Если, говорит, через три дня два воза припасов нам не приготовите, то быть вам всем битыми. Завтра, почитай, уже сегодня, приедут. Что с ними делать, ума не приложу. Они на конях все, в бронях, при оружии, а мы что — вилы да топоры. Не сдюжить.

— А как же ты на зверье-то облаву устраивать хотел с вилами да топорами?

— Ну, зверье, оно зверье и есть. Пуганем, если что, пал малый пустим, капканов да ловушек понаделаем. Справимся, не привыкать. Вот у нас три зимы назад аж сразу три шатуна появились, двоих рыбарей задрали. Так мы собрались миром, рогатины и топоры навострили и меньше чем за неделю упра-вились.

Вокша понял, что местные еще не сталкивались со зверями и не слышали о них. Деревня была отдаленная, вот и разбойники до нее совсем недавно добрались, и беженцы не появлялись. Последнее охотник решил уточнить.

— А скажи-ка, хозяин, много ли у вас тут народу прохожего за последний месяц-полтора побывало?

Староста ненадолго задумался, потом пожал плечами:

— Почитай, кроме разбойников да тебя, шустрого, с само-го начала лета никого и не было. И то правда, удивительное

дело, обычно народ какой-то проходит, а раз в два-три месяца торговцы заезжают то из Лагова, то из Горска, реже из самого Ольмута. Этим же летом никого не было. Хотя иногда месяца и по три-четыре купцов ждем, но то зимой, когда занесет все вокруг.

Охотник понял, что новостей здесь не услышит, мысленно вздохнул и подумал, ночевать ли ему в деревне или снова вернуться на Древнюю дорогу. Он уже не сомневался, что отдохнуть ему здесь и так позволят, однако решил рассказать старосте о том, что сам знал. Может, удастся уберечь деревенских от опрометчивых поступков.

— Ты вот что, Родим, про облаву думать забудь.

— Что так?

— Повидал я этих зверей. Поверь мне, охотнику, не по зубам они вам. Днем можете особо не опасаться, но затемно все за частокол забирайтесь, ворота закрывайте.

— Что ж за диковина такая? — Староста всерьез воспринял предостережение. Глаза его стали задумчивыми, рука потянулась почесать затылок. — Расскажи, сделай милость.

— Точно сам пока не знаю. Для того и послан Лигой, чтобы разобраться. Но точно тебе скажу, звери не простые. По виду волки, силой и ростом как медведи и умны немало.

Вокша расшнуровал свой кошелек и достал из него большой сросшийся двойной клык убитого в лесу волка. Положил в подставленную ладонь. Староста молча, внимательно рассмотрел трофея, покачал головой. Вернул охотнику, тяжело вздохнул, так что закачался огонек светильника и заметались тени по темным некрашеным деревянным стенам. После этого спросил словно кого-то невидимого:

— За что ж это напасть такая?

Вокша убрал клык и, тоже вздохнув, сказал:

— Того пока не знаем. Но есть и хорошая весть.

— Какая же? — спросил Родим с недоверием в голосе.

— Разбойного люда вам, похоже, опасаться особо не стоит.

— Это почему?

— Вечером на город стая зверей напала, я оттуда еле ноги унес, а если из бандитов кто в живых и остался, то совсем немногие, и не до вас им будет.

— Вот как. — Лицо старосты чуть просветлело, затем он снова нахмурился. — А как же городские? Там ведь женщин и детей немало.

— Уж больше месяца, почитай, никого, кроме разбойников, в Лагове нет. Кто в живых остался, давно разбежались.

— Во как, а мы и не слыхали. А чего ж ты там в городе делал?

Охотник рассмеялся:

— Да уж не с разбойниками бражничал. С Орландом переговорил. Знаешь такого бывшего главу лаговской управы?

— Да кто ж его не знает, достойный муж. Как он там?

Вокша пожал плечами:

— Кто ж теперь знает?..

Помолчали. Потом староста встрепенулся, словно принял какое-то решение, и спросил:

— Перекусить-то небось домашнего не откажешься?

Охотник не хотел обижать Родима, но задерживаться ему в этой деревне явно был не резон.

— Спасибо, хозяин. Благодарен буду, если дашь мне с собой в дорогу ломоть доброго хлеба, давно не ел.

— Значит, не останешься, — скорее сказал, чем спросил староста.

— Я свое дело еще не сделал.

— Лады, — с сожалением произнес Родим. Поднялся, доспал с верха теплой печи краюху свежего серого хлеба, сдул с нее крошки и прилипшие соломинки и подал Вокше.

Тот с благодарностью принял душистый хлеб и сноровисто убрал в вещмешок.

— Ну что же, пойдем, гость, — окончательно признал его статус хозяин, — провожу через наши посты.

Охотник не возражал. Конечно, он мог бы уйти, как и пришел, но зачем. Да и старосте могло пойти на пользу. Мол, своего знакомого разведчика принимал.

Родим накинул длинный кожух, накрутил на ноги онучи, надел мягкие короткие сапоги и вместе с охотником вышел в ночь. Небо тем временем совсем расчистилось. В свете звезд мощный староста и не достававший ему даже до плеча Вокша смотрелись своеобразно. Родим не частил шагами, поэтому маленький охотник тоже шел не семеня.

Когда впереди засветился костерок охраны и показался надвратный навес, Вокша спросил, выдыхая легкий парок — подмораживало:

— Как мне добраться до тех городов, что ты назвал: Горска и Ольмута?

Староста наморщил лоб:

— Раз такие дела, по торговому тракту тебе лучше неходить. Можно по Древней дороге, что рядом с деревней проходит. Далеко, правда, но зато никакой зверь на нее не забредет.

— Сколько ж идти?

— Почти с неделю придется. Там, я слыхал, место приметное. Сам не видал, врать не стану, но знающие люди говорили: на дороге есть что-то вроде разрушенной арки, огроменной. Увидишь, не ошибешься. Вот с этого места, если вправо, то за пару дней до городка Горска дойдешь, он, почитай, как Лагов будет. Коли ж влево повернешь, дня через три-четыре в Ольмут придешь. Это большой город. У нас в Середке таких все́го и наберется-то как пальцев на одну руку. Там князь сидит. Слыхал я, что старый Осей уже слаб, и всем заправляет сын его — Довил.

— Спасибо, удружили. Откуда такие сведения? Ведь говоришь, далеко не заходишь, а торговцев этим летом не было.

— Так весной еще три каравана приходили. Они все норовят побыстрее объехать нас и дальше пройти, а я их малость задерживаю. — Родим хитро улыбнулся. — Мне много чего знать охота.

Охотник хмыкнул:

— Да уж. Тебя, такого, объедешь.

Староста рассмеялся, за разговором они уже дошли до ворот. Теперь Вокша смог рассмотреть двух сторожей, что сидели над воротами. Это были худой длинный светловолосый нескладный подросток и невысокий, совершенно седой, но еще шустрый дедок. Он спустился даже быстрее своего напарника и, подслеповато щурясь на охотника, спросил старосту:

— Что случилось, Родим? Аль нужда какая в нас?

Ему очень хотелось спросить, что за человек со старостой, но он, хотя и с трудом, сдерживался. Парнишка же оказался проще. Тоже уставившись на незнакомца, сразу выпалил:

— Ой, а откуда вы?

Охотник никогда не задирал носа перед крестьянами. Он коротко ответил:

— С юга, — и, упреждая другие вопросы, многозначитель-но сообщил: — Дела у нас со старостой.

— Ага, — сообразил молодой страж и притих, только глазами пожирал охотничью экипировку Вокши.

Староста строго взглянул на разболтавшихся охранников, те сразу подтянулись и присмирили. Видно было, что начальство свое они уважают.

Родим приоткрыл одну половину простых ворот, собранных из плохо обработанных стволов семи-восьмилетних деревьев, и вышел наружу. Охотник следом.

Староста немного прошел вперед, до границы вытоптанной перед воротами площадки, и остановился. Охотник обошел его, остановился уже на поле, обернулся и спросил:

— Как называется-то ваша деревня?

— Пала, — ответил уже трудно различимый Родим. — Бывай, охотник.

— Бывай и ты, староста, — произнес Вокша, махнул рукой на прощание и словно лесной дух растворился в темноте. Его снова ждала Дорога.

5. ПОЛУДЕННАЯ БЕСЕДА

Через четыре дня пути перед Вокшой открылось циклопическое каменное сооружение, своим основанием намного пре-восходящее ширину Древней дороги, по которой в этом месте без труда могли проехать в ряд полтора, а то и два десятка тяжеловооруженных всадников. Хотя охотнику довелось на своем веку повидать всякого, арка, представшая перед ним в пелене надоедливого мелкого холодного дождя, произвела на него впечатление. Ее верх терялся в низко плывущих серых тучах. Удивительно подобранные по цвету впритык лежащие камни, темно-синие внизу и постепенно светлеющие кверху, были высотой в рост человека, а шириной и того больше.

Правая часть дуги выглядела лучше. На ней, примерно на уровне глаз верхового всадника, даже можно было разглядеть какие-то магические символы. Левая же часть доходила только до середины, а дальше виднелись зубцы расколотых камней, осколки которых, размером от детского кулака до бараньей

туши, густо усыпали всю дорогу. Судя по их слаженным краям, арка была повреждена давно, может даже, в Ночь Божьего гнева. На самом расколе цвет дуги изменился, она была темно-серой. Проход в середине арки из-за циклопических размеров сооружения представлялся тоннелем. Его пол тоже был усеян кусками обрушившихся камней.

Вокша облизал все вокруг и убедился, что тайных проходов внутрь стен арки найти не сможет, хотя подозревал, что таковые имеются. Здесь везде чувствовалась сильнейшая, хотя и не враждебная магия, на фоне которой небольшие способности охотника выглядели совершенно несерьезно. Когда он попробовал применить вполсицы несложное поисковое заклинание, оно вышло из-под его контроля и больно ударило по нему же. Переводя дыхание, растирая грудь и хваля себя за осторожность, Вокша сообразил, что мощная древняя сила Империи не потерпит около себя каких-либо других магических упражнений. Познать защищаемые ею тайны мог только очень могучий волшебник, способный перебороть охранную силу, или тот, кто обладает нужным магическим «ключом».

Охотник умел отступать, прекрасно понимая, что далеко не все двери могут быть открыты. Сейчас, увидев две проселочные дороги, отходящие направо и налево, он обдумывал, куда отправиться вначале. По зрелом размышлении, Вокша отложил путешествие в княжеский центр и, повернув направо, пустился в Горск, до которого было почти вдвое ближе.

Идти стало значительно тяжелее. Глинистый проселок раскис от непрекращающихся дождей, ноги охотника вязли в нем почти по щиколотку. Вокша набычился, немного выше обычного приподнял плечи, но, несмотря на грязь, шел ближе к середине петлявшей дороги, которую почти вплотную обступил зрелый хвойный лес.

Дело шло к полудню, хотя из-за непрекращающегося дождя и низких туч трудно было определиться точно. К тому же охотник устал непрерывно вытягивать ноги из густого темно-коричневого глинистого месива и не очень четко ориентировался во времени. Порой ему начинало казаться, что он уже очень давно бредет по этой дороге, бесконечные повороты которой стали сбивать даже его великолепное чувство направления.

Углядев небольшую поляну, примыкающую к проселку, он решил устроить небольшой привал. Выбравшись на твердую, поросшую травой почву он облегченно вздохнул и присел на трухлявый ствол давно поваленного дерева. Пока отыхали ноги, Вокша достал свой скучный запас и стал грызть сухарик — последнее вещественное напоминание о теплом и сухом жилье в Пале. Охотник не был сентиментален, да и не успел как следует познакомиться со старостой, поэтому лишь еще раз мысленно поблагодарил его за подаренную краюху и сосредоточился на размышлениях по поводу своего путешествия.

Пока что оно было не очень успешным. С угрозой в «лице» крупных хищников он познакомился, но сказать что-то вразумительное об их природе самому себе, а уж тем более в Лиге, еще не мог. Вокша понимал, что это совсем непростые звери. Они были значительно крупнее обычных волков, умнее их и, соответственно, намного опаснее. Их было немало, и они, объединенные в стаи, представляли угрозу не только отдельным путникам и хуторам, но даже деревням и поселкам.

Единственным полезным выводом, к которому пришел Вокша, был тот, что эти опасные хищники выходят на охоту только в темное время. Впрочем, с приближением зимы этого времени становилось все больше. Да и не был он до конца уверен в том, что днем встреча с ними невозможна. Не пропадают же они поутру, как ночной морок? Где-то проводят, пусть даже во сне, светлое время суток?

Тут было над чем подумать. Возможно, существовала какая-то надежда если не истребить эту напасть полностью, то хотя бы заметно проредить звериные стаи засветло. Нужно было только найти их логовища и напасть днем большим вооруженным отрядом. На эффективность обычных ловушек и западней в борьбе с этими хищниками охотник не надеялся.

Вторым отрицательным результатом его путешествия было пока полное отсутствие какого-либо взаимодействия с другими охотниками Лиги или здешними силами самообороны. Кроме боя с бандитами, приятных, но почти бесполезных, с точки зрения выполнения задания, разговоров с Орландом и Родимом, у него вообще не было никаких встреч с местными людьми.

Этой мысли Вокша улыбнулся и подумал: «Если не удается разузнать нужное у людей, то стоит обратиться к нелюдям».

Впрочем, где в этих лесах искать нелюдей, охотник тоже не знал. Поэтому его улыбка быстро погасла, и признанный в Лиге специалист по общению с иными расами стал неторопливо собираться в дальнейший путь. Тихонько мурлыкая себе под нос подбадривающую песню без слов, Вокша обдумывал, как будет вести себя в Горске, куда отправится вначале, и как наконец отоспится хотя бы одной ночью по-человечески в трактире или на постоялом дворе.

Вновь выйдя на проселок и отметив про себя, что дождь перестал, он еще предавался неге мечтаний о теплой комнате с широкой кроватью, когда незнакомый звук привлек его внимание.

Это было пение. Странное, нечеловеческое и очень тихое. Казалось, в одном голосе сложились и шелест колышущейся листвы, и журчание бегущей воды, и легкий шум летнего ветерка. Охотник, как всегда, сразу точно определил направление на этот звук — он шел слева от проселочной дороги. Хотя он никогда не слышал ничего подобного, у него сложилось впечатление, что он знает этого необычного певца.

Конечно, охотничьи байки, в которых рассказывалось о сладкоголосых сиренах и нимфах, заманивающих путника в свои ловушки, сыграли свою роль, и Вокша, пробираясь через ставшую очень густой поросль, был крайне осторожен. Однако очень быстро его сомнения развеялись. Перед ним открылось то, что можно назвать жилищем эльфа, — прекрасная поляна, в центре которой стояли несколько старых могучих деревьев.

Даже погода здесь была лучше. Вместо плотных низких серых туч над поляной легко плыли светлые облака, в разрывах которых проглядывало солнце. Густая, сочная, словно в середине лета, трава была усеяна разноцветными цветами, над которыми порхали крупные бабочки и, басовито жужжа, летали пчелы. Наряд из зеленых листьев покрывал невысокие кустики и деревья, из-за ближайшего из которых на охотника с любопытством и совершенно безбоязненно глядел молодой пятнистый олененок с маленькими и, видно, еще совсем мягкими рожками. Ветер, донимавший путника два последних дня, со-

всем утих. Даже сам воздух, насыщенный густыми цветочными ароматами, стал теплее.

В довершение этой пасторальной картины перед Вокшой предстал хозяин жилища. Это был высокий, почти в полтора раза выше охотника, стройный эльф. Его немного непропорциональное, с человеческой точки зрения, лицо было очень красиво. Огромные зеленые глаза на очень бледном лице были прикрыты густыми длинными загнутыми кверху темными ресницами. Идеально прямой тонкий нос слегка возвышался над маленьким ртом со странно зеленоватыми губами. Под нежным, почти детским подбородком начиналась длинная тонкая шея. Даже крупные заостренные кверху уши, прижатые к узкой голове и выглядывающие из-под густых волнистых каштановых волос, спадающих гораздо ниже плеч, не портили общего впечатления. Одет хозяин поляны был в зеленый плащ, заканчивающийся у самой земли. Оружия не было видно, обувь невозможно было разглядеть под полами плаща.

Вокша приложил руку к сердцу и склонил голову в вежливом поклоне. После этого он быстрым движением сдвинул назад всю свою боевую амуницию, демонстрируя таким образом миролюбие. Эльф тоже наклонил голову в ответ. Охотник сложил руки перед грудью и, вновь слегка наклонившись вперед, изобразил полнейшее внимание. Он понимал, что услышанная песня была своего рода приглашением, и вежливо ждал, когда хозяин объяснит, зачем призвал его к себе. Ждать пришлось недолго.

Эльф заговорил своим волшебным голосом, слегка растягивая слова, нараспев:

— Добро тем, кто любит и хранит красоту.

Стиль и выговор у него были немного странными, но Вокша и не ждал, что лесной житель в совершенстве владеет языком Предгорий. Сам он знал единственную эльфийскую фразу, которой его научил в одном из предыдущих походов загадочный серый маг. Эта фраза означала приветствие, и охотник, тщательно и медленно выговаривая и тоже растягивая отдельные слова, произнес:

— Эли-и мо-оину оному-уи на-аво.

В примерном переводе на человеческий это значило что-то вроде: «Да процветаешь ты сам и пусть цветет все вокруг тебя».

Эльф замер, прислушиваясь к звучанию неловкого человеческого горла, произносящего слова традиционного приветствия его народа. Затем почти по-человечески улыбнулся и ответил похожей фразой с переставленными и чуть иначе звучащими словами.

После этого он снова перешел на язык людей:

— И даже тот, кто ищет красоту, способен ошибиться и погибнуть. Коль не поймет он здешнего уродства, то не вернется ни в гармонию, ни к свету. Лишь распознав ужасную угрозу, он сможет с нею справиться вполне.

Охотник не понял и половины из того, что сказал хозяин поляны. Он, конечно, сообразил, что его предостерегают от необдуманных действий, но каких именно... То ли эльф не советовал ему идти в Горск, то ли вообще предлагал пока отказаться от своей разведывательной миссии, то ли еще что... Вокша решил попробовать уточнить это:

— Да, радушный хозяин. Ээээ... я понимаю тебя. Служенье красоте, конечно, великое дело, которому мы все должны следовать. Могу ли я, Вокша, охотник южной Лиги, узнать у тебя, местного старожила, что же здесь все-таки происходит?

— На том пути защиты совершенства Илоси всем готова помочь. Кто движется попутною дорогой, всегда желанным гостем будет здесь.

Охотник удивился. Он слышал, что с человеческой точки зрения эльфийку почти невозможно отличить от эльфа, но чтобы настолько... Впрочем, до сих пор он видел всего лишь одного эльфа, и то мельком. Поэтому, приняв во внимание женское имя хозяина, а точнее, хозяйки поляны, он продолжил расспросы:

— Конечно, прекрасная Илоси, мне очень нужна твоя помощь. Я хочу понять, правильным ли путем иду к защите красоты? Ответь мне, пожалуйста, где и у кого я смогу побольше разузнать о природе происходящих недобрых перемен и стоит ли мне для этого идти в ближайший город, называемый у нас, у людей, Горском?

— Тот город черен словно ночь. В нем не найдешь ты даже искры красоты, лишь только смерть и разрушение накроют тебя своим крылом. Волна эта расходится все шире, все меньше здесь гармонии и света. Лишь Древняя холодная магическая сила пока что сдерживает это наступление. За ней, как за

чертой граничной, ты сможешь отыскать свои ответы. Лишь там, никак не здесь, познать ты многое сумеешь.

«Я был прав, — решил Вокша, твердо помнящий, что эльфы не лгут. — Древняя дорога сдерживает монстров, и они пока лютуют только с этой ее стороны. Похоже, нужно идти в Ольмут. Дальше, зато спокойнее».

— Благодарю тебя, гостеприимная хозяйка прекрасной поляны. Я послушаюсь твоего совета и уйду на другую сторону магической черты. Можешь ли ты мне посоветовать, к кому мне обратиться с моими вопросами в большом городе на той стороне, который зовется Ольмут и в котором правят князья Осей и Довил? Или мой путь к служенью красоте не должен проходить через него?

— Всего нам знать не суждено. Тому, кто служит красоте, почаще нужно слушать сердце. Оно подскажет что к чему. Там, за чертой, светлей и чище. Ответ и помочь ты найдешь порою там, где и не ждешь. Лишь ярче пусть в душе сияет стремление к свету и добру. Тогда помочь тебе захочет и человек, и зверь, и эльф, и даже карлик кривоногий.

«Туманно, — подумал охотник. — Но и на том спасибо».

— Ты открываешь мне глаза, досточтимая Илоси. Спасибо тебе за добрый совет. Скажи, может быть, тебе тоже нужна какая-то помощь? Ведь ты пока остаешься здесь, где рушится гармония и гибнет красота. Может, ты пойдешь со мной, хотя бы за магическую черту? Я что-то смогу сделать для тебя пока еще на этой стороне или уже на той? Скажи, и я постараюсь для тебя сделать все, что нужно.

Эльфийка снова почти по-человечески улыбнулась и, как показалось Вокше, даже хотела что-то сказать, но передумала. Ее улыбка погасла, и она произнесла тише, чем раньше:

— Мой дом на этой стороне, его во тьме я не покину. Мой долг, вся жизнь мой в служении. Когда вокруг клубится мрак, я здесь должна остаться и, как смогу, бороться с ним. Исчезнет свет, и я погибну, но сгину я — не кончится гармония.

Охотник снова приложил руку к сердцу и низко поклонился храброй эльфийке. Одна, среди беснующегося зверья, такая хрупкая и, кажется, беззащитная. Вокше стало даже немного не по себе, ему показалось, что он предательски бросает ее в этой тяжкой обстановке. Впрочем, он тоже не отдыхать со-

брался. Илоси, видимо, почувствовала его душевные колебания. На ее губах снова появилась тень улыбки, и она сказала:

— У каждого из тех, кто служит красоте, свой путь. Возможно, мой закончится уж скоро и здесь, тебе ж идти совсем другой дорогой. Твой дух стремится к битве с тьмой, но разум с телом не готовы. Не ведаешь ты многоного пока. Иди ж, ступай, узнай свою судьбу и смело возвращайся просветленный.

С этими словами эльфийка сделала плавный сложный жест правой рукой и что-то прошептала чуть слышно. Затем она шагнула назад и словно растворилась среди деревьев. Сразу же после этого откуда-то задул холодный ветер, и разрывы в облаках стали быстро затягиваться. Олененок исчез, жужжание насекомых затихло, и сами цветы словно поувяли. Эльфийская магия ослабела. Однако охотник с прощальным взмахом руки Илоси ощутил в себе новые силы и, не дожидаясь дальнейшего невеселого изменения прекрасного пейзажа, выбрался на проселок и зашагал по нему назад к Древней дороге.

Обратный путь он прошел чуть ли не вдвое быстрее, видимо, действовало эльфийское благословение. Поэтому еще задолго до того, как землю стала накрывать вечерняя мгла, Вокше снова оказался около разорванного кольца гигантской арки. Но на этот раз древняя сила сразу жестко встретила его. Немного не доходя до развалин, охотник почувствовал тяжесть в ногах и давление в груди. Словно жесткий недобрый взгляд уставился на него с высокого каменного постамента. Магия пока не атаковала его, а лишь предупреждала, что здесь он нежеланный гость.

По-видимому, сила древних имперских колдунов «не любила» эльфийскую магию, а благословение Илоси охотник ощущал каждым своим членом. Ему казалось, что грудь может вдохнуть полнеба, а руки — поднять полземли, ноги же и вовсе хотели то ли пуститься в пляс, то ли помчать его куда-то в даль. Вокше нестерпимо захотелось сделать что-нибудь совершенно невозможное, например, снести напрочь этот безобразный нарост на теле земли или расколоть словно сросшиеся камни и растереть их в мелкую пыль.

Едва подчиняя себе свое тело, охотник остановился и даже чуть подался назад. Давление ослабло. Он с трудом сдерживал бушующую силу, с легкой горечью осознавая, что прекрасное

выдержанное вино эльфийского волшества было налито в простой глиняный кувшин его неумелого и неприспособленного для магии тела.

Отойдя еще немного назад, а затем забирая влево и огибая имперскую арку по широкой дуге, Вокша вышел на дорогу примерно в сотне метров от нее. На таком расстоянии давление было терпимым. К его радости, сама Древняя дорога никак на него не среагировала, и он спокойно перешел на другую ее сторону. Отойдя подальше, охотник снова обернулся на циклопическое сооружение. Конечно, он умел отступать, но оставшаяся неразгаданной тайна продолжала интриговать его.

«Дай срок, — пообещал Вокша себе и, может быть, древней силе. — Поразберусь немного с делами и обязательно вернусь, поищу разгадку этого места, а то и тайник какой в нем».

После этого охотник с облегчением повернулся к арке спины и пошел в сторону Ольмута. Его ноги бодро шагали по проселку, разбухшему от предвестников осени — постоянных дождей, оказавшемуся почти в точности таким же, как и тот, что вел в противоположную сторону, к Горску. Чувствовал он себя хорошо, всплеск эльфийской магии, видимо, спровоцированный имперской силой, прошел, и теперь он полностью себя контролировал. Сил же стало заметно больше, как будто он хорошенько отдохнул в родной деревне, которая приняла его, подкидыша, еще совсем мальцом.

6. ВЕЧЕРНЯЯ ВСТРЕЧА

Несколько часов Вокша энергично шагал по проселку. Заряд бодрости не кончался, и он старался пройти засветло как можно дальше, хотя надеялся, что на этой стороне хищники не будут его беспокоить. К быстрому продолжению пути его поощряло и то, что дорога заметно улучшилась. Кое-где уже попадались участки, засыпанные мелким камнем или песком, но даже там, где под ногами была глина, оказалось заметно суще, чем на противоположной стороне от Древней дороги. Лес вокруг уже не стоял сплошной стеной вплотную к проселку, да и был здесь пониже и пореже, но тоже в основном хвойный.

Ветер дул тише. Дождь перестал, но над головой постоянно висел низкий темно-серый облачный покров. Поэтому охотник решил как можно дальше отойти от циклопической арки. Было ясно, что поблизости к ней никто не поселится, а так, бодро шагая, он надеялся еще до ночи найти какое-нибудь человеческое жилье. Пока его надежды не оправдывались. Хотя улучшенные участки проселка появлялись все чаще, никаких признаков жилья Вокша не замечал.

Однако, по-прежнему пребывая в приподнятом настроении, охотник не волновался. Он быстро шел по дороге, которая все больше напоминала ему родные места на юге Предгорий. Там, в небольшом поселке Угол, жили его приемные родители Симма и Орнест. Мать, а Вокша никогда не называл ее иначе с тех пор, как его полутора- или двухлетнего малыша подобрали в лесу около поселка, была местной колдуньей. Она лечила больных, заговаривала и врачевала охотников, среди которых Орнест был одним из лучших, ограждала урожай и запасы от грызунов и вредителей.

Отец же с раннего детства привил Вокше любовь к лесу. Поскольку родные сыновья Козим и Софон не проявляли интереса к промыслу зверя, все свое умение Орнест передавал младшему — приемышу. Старший брат Козим — крепкий, высокий, сероглазый светловолосый парень с открытым лицом — с детства защищал слабых. Поэтому никто не удивился, когда он устроился учеником воинов в иверскую городскую дружину. Правда, служба в этом спокойном городе оказалась не такой романтичной и интересной, как он предполагал, и лет десять назад Козим подался на побережье, рассчитывая там устроиться в стражу одного из больших городов Торгового берега. Через год с оказией от него пришла весточка. Он служил в гарнизоне города Тихий и был очень этим доволен. С тех пор о старшем брате не было ни слуху ни духу.

Средний брат, рыжеватый и кареглазый, с младых ногтей проявлял немалую хитрость и смекалку. Он быстро научился считать, освоил письмо и легко находил контакт с людьми. Еще подростком начал помогать местному торговцу в лавке и вскоре обзавелся собственным делом. Теперь Софон стал известным в южных Предгорьях купцом. Он частенько заезжал к родным и всегда привозил им подарки. Когда Вокша был еще под-

ростком и только начинал свою охотничью работу, он всегда с тайным восторгом ждал появления среднего брата и как праздничное чудо воспринимал момент распаковывания узла с подарками. Именно от среднего брата Вокша получил свой первый kleеный лук с дальним сильным боем, из которого застрелил своего первого крупного хищника — волка.

Сейчас в Угле жила сестра охотника — Алма. Она была почти ровесницей Вокши и, пожалуй, наиболее близким ему человеком, с которым он делился своими мальчишескими секретами, поскольку братья были заметно старше. В детстве он постоянно защищал ее, некрасивую, нескладную и, может, поэтому застенчивую и молчаливую девчонку от зорных ребят и иногда даже от более бойких подруг. Ему всегда казалось, что она совершенно беззащитна, а старшие братья слишком заняты, поэтому он должен стать ее надежным и даже как бы старшим другом. Алма приняла правила игры, и их отношения складывались замечательно, пока... Ну да, конечно, девочки взрослеют раньше.

При этой мысли лицо охотника, все так же бодро шагавшего по проселку, сложилось в улыбку. Тогда он не сразу понял, что все изменилось. За какое-то короткое лето его сестренка из нескладной угловатой девочки-подростка превратилась в высокую стройную девушку. Она не стала красавицей, но ее детская неуклюжесть исчезла, в движениях появились мягкость и пластичность, а длинное несоразмерное тело превратилось в стройную женскую фигуру, на которую уже заглядывались многие поселковые парни. Да и лицо, на котором, как у старшего брата, выделялись большие серые глаза, стало округло приятным.

Сестра всегда была умницей, поэтому она смогла мягко и ненавязчиво растолковать Вокше произошедшую перемену. Она уже не нуждалась в столь рьяном маленьком защитнике. Тем более что, начав учиться материнскому мастерству, Алма быстро добилась в колдовском деле заметных успехов, и это добавило уважения к ней у окружающих. Никто из молодых ухажеров не пытался подергать ее за роскошную, длиной ниже пояса, косу густых каштановых волос. Знали, что так и чиряк можно заработать. А вскоре сестра вышла замуж за крепкого парня Нераса. Вокша знал его как хорошего охотника, хотя и

довольно своенравного. За несколько лет, что Вокша не был в родном поселке, сестра успела родить двоих замечательных детишек.

Воспоминания о светлых и в основном беззаботных детских годах теплыми волнами поднимались в голове у Вокши. Однако жесткая реальность напомнила о себе, начало смеркаться. Надуше у охотника стало неспокойно. Жилья поблизости не было, поэтому пришла пора позаботиться о ночлеге. Он сбавил ход и стал внимательно присматриваться и прислушиваться к тому, что происходило впереди и по бокам от проселка. Вскоре ему приглянулось высокое лиственное дерево, почти вдвое возвышавшееся над окружающим лесом. Оно стояло слева от дороги, и на его раскидистых ветвях на ночлег вполне мог расположиться небольшой отряд.

Подойдя к лесному красавцу, словно брату деревьев с эльфийской поляны, Вокша убедился в правильности своего выбора. На высоте примерно шести-семи человеческих ростов от ствола отходили две близкие толстые ветви. На этой развилке он и решил подготовить себе этакое ночное «гнездо». Охотник стал подбирать подходящие ветви для настила. Крышу он решил не сооружать, поскольку дождь, похоже, в ближайшее время не собирался, а накрыться Вокша мог и своей замечательной накидкой из шкуры подземного червя или, в случае ухудшения погоды, непромокаемой плащ-палаткой из того же материала.

В этот момент до его чуткого слуха донесся шум звериной схватки, разыгравшейся недалеко. Судя по реву и визгу, в нешуточной драке сошлись несколько крупных хищников.

Вокша быстро преодолел заросли густого колючего кустарника, тесно переплетающегося с молодыми деревьями. Он оказался на большой поляне, с трех сторон окруженной лесом, а четвертой, дальней от него, выходящей на крутой каменистый склон холма, поросшего лишь отдельными деревьями. В центре этой поляны на уже изрядно примятой невысокой траве не на жизнь, а на смерть схватились несколько зверей.

Несмотря на заметно густевшие сумерки, охотник сразу разобрался что к чему. С полдюжины уже хорошо знакомых ему огромных темно-серых волков атаковали гигантского тигра совершенно необычной светло-серебристой, почти белой

масти, на шкуре которого лишь кое-где были заметны немногие более темные полосы.

«Господи, — изумился Вокша, — да ведь это же белый тигр».

Об этом легендарном звере часто рассказывали удивительные истории. По словам некоторых охотников — старожилов Лиги, Вокша знал, что это редчайшее животное обладает собственной магией. Оно практически не нападало на людей и было гораздо разумнее своих меньших собратьев традиционной окраски. Говорили, что эти звери были раньше как-то связаны с имперскими колдунами, то ли появились на свет благодаря их магическим упражнениям, то ли чем-то помогали волшебникам в их ворожбе.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове маленького охотника, пока он, даже приоткрыв рот в изумлении, любовался грациозными движениями невиданного хищника. А тому тем временем приходилось худо. Конечно, каждый из волков заметно уступал ему в силе, но вместе они могли одолеть белого тигра. Хотя один из нападавших, а Вокша не сомневался, что именно стая напала на одинокого тигра, уже бездыханным валялся на траве, изрядно обагрив ее кровью, а другой, хромая, отбежал в сторону, шансов у серебристого красавца было не много.

Его светлую шкуру, по которой иногда пробегали светлые искорки, видимо, жалящие нападавших, испещрили кровавые полосы. Правая передняя лапа двигалась плохо, а правая задняя после быстрой атаки двух волков, произшедшей прямо на глазах охотника, и вовсе стала волочиться. Конец схватки был уже близок, и ободренная успехом стая, радостно завывая, с удвоенной энергией накинулась на слабеющего тигра, в огромных желтовато-зеленых глазах которого уже виделась предсмертная тоска.

Однако у монстров нашелся гораздо более опасный и жестокий противник. Вокша сразу определился, на чьей он стороне, и вступил в схватку. Он молниеносно натянул тетиву и одной из специально приберегаемых для таких случаев тяжелых стрел из черной сосны буквально сбил зверя, уже нацелившего свой прыжок на шею белого тигра. Вторая стрела пробила загривок и опрокинула на бок самого крупного хищника из стаи,

который имитировал атаку спереди, отвлекая на себя внимание тигра, пока остальные заходили с боков и сзади. Третья и четвертая стрелы пронзили еще одного волка, успевшего почувствовать неладное и развернуться в сторону охотника.

Соотношение сил радикально изменилось. Теперь лишь два волка оставались на ногах, но один из них, раненный тигром, сильно раскачиваясь, отступал к лесу, а второй, пораженный столь внезапной переменой, застыл в испуге на месте и оказался легкой добычей заметно оживившегося тигра. Коротким ударом левой лапы белый гигант свалил противника на землю и быстро прикончил успевшего лишь слегка взвизгнуть зверя своими страшными клыками.

Неторопливо прицелясь, охотник уже обычной стрелой подстрелил последнего хищника из стаи и, продолжая держать лук наготове, вышел на поляну. Все стихло, лишь один из тяжело раненных волков еще тихо скулил.

Белый тигр выглядел неважно. Все тело его было покрыто глубокими ранами, правая передняя лапа плохо повиновалась, а задняя, по-видимому, сломанная, была неестественно согнута. Тем не менее волшебный зверь развернулся в сторону Вокши и, не предпринимая пока никаких действий, внимательно наблюдал за ним. Охотник не приближался к тигру слишком близко и не поворачивался спиной.

«Кто его знает? — мысленно рассуждал Вокша. — Зверь, он и есть зверь. Может, и не понял, что я ему помог?»

Хотя по рассказам немногих охотников, лично видевших белых тигров, Вокша понял, что этот волшебный хищник гораздо умнее и миролюбивее своих обычных сородичей, но рисковать он не собирался. Поэтому, быстро обойдя поле боя и аккуратно прикончив кинжалом двух еще живых волков, охотник остановился, в задумчивости глядя на трупы, лежащие около тигра. Нужно было вынуть из них стрелы. Черная сосна, тяжелая древесина которой тонула в воде, редко встречалась даже в южных Предгорьях. Крепкие стрелы, копья и дротики из нее высоко ценились по всей стране. Даже оружейные рукоятки такого дерева стоили почти на вес серебра. Однако подходить близко к тигру Вокша не решался.

Некоторое время человек и зверь молча разглядывали друг друга. Затем тигр, словно поняв, чего от него хотят, неодобри-

тельно порычал на труп вожака волчьей стаи и медленно, волоча сломанную заднюю лапу и припадая на сильно пораненную переднюю, отошел в сторону. Остановившись в отдалении, он снова, уже в другой тональности, рыкнул на Вокшу и улегся на траве. Охотник облегченно вздохнул и занялся своим делом, стараясь закончить побыстрее, пока ночь окончательно не вступила в свои права.

Когда он извлекал последнюю стрелу, на поляне неожиданно стало светлее. Вокша распрямился и замер, пораженный невиданным зрелищем. Все тело белого тигра светилось, словно поток неведомого серебристого пламени плавно обтекал шкуру огромного зверя. Приглядевшись, охотник заметил, что там, где выделялись более темные полосы, свечение было особенно сильным. Впрочем, вся шкура животного постепенно становилась все светлее, волшебный огонь разгорелся во всю мочь. Тигр словно пылал, как странный большой серебристый костер.

Затем сияние стало концентрироваться в отдельных местах. Вот язык светлого пламени прошелся по морде зверя, а теперь вспыхнула правая передняя лапа. Вскоре особенно яркое сияние возникло на мощном загривке, и под конец, как финальный аккорд, ярко заполыхала сломанная задняя лапа. После этого свечение сразу угасло.

Вокше понадобилось немного времени, чтобы привыкнуть к темноте, и он несказанно удивился. Белый тигр лежал в той же позе, что и раньше, но на его могучем теле не было видно ни единой раны. Более того, его лапы располагались как положено и даже правая задняя была лишь чуть-чуть отставлена в сторону. Охотник слышал, что собственная магия этого волшебного зверя ускоряет его выздоровление, но чтобы настолько... Это было уже из области чудес, доступных только высшей магии, которой и среди людей после гибели Империи владели совсем немногие. Причем ее применение, как правило, отнимало у волшебников очень много собственных сил.

Тигр же, напротив, выглядел посвежевшим и отдохнувшим. Он бодро мурлыкнул, поднялся на ноги и сделал несколько шагов в сторону Вокши. Маленький охотник напрягся, левая рука сама собой оказалась на луке, правая потянулась к колчану, мысли словно ветром выдуло из головы. Волшебный зверь

правильно оценил непроизвольный жест человека и замер, затем издал необычный звук, словно обиделся, и совершенно не по-тигриному отступил назад.

Способность здраво размышлять сразу вернулась к Вокше. Он мысленно укорил себя за поспешные действия, выставил пустые руки перед собой и даже помахал ими. Тигр снова мурлыкнул и прилег на старое место. Какой-то контакт между недавними союзниками налаживался. Впрочем, охотник не собирался задерживаться рядом с таким соседом. Второпях закончив со стрелами, он собрал всю свою амуницию и сразу пошел обратно, к намеченному месту ночлега. Невеселая дума омрачила его чело: «Ошиблась храбрая эльфийка Илоси, и я спешил с выводами. Магическая сила Древней дороги не стала непреодолимой преградой для хищников».

Увы, здесь Вокша не мог ошибиться. Эти сдвоенные клыки и высокие лбы убитых волков были ему хорошо знакомы. Тем временем белый тигр снова поднялся и не торопясь двинулся за ним. Охотник прибавил ходу, зверь тоже. Вокша почти бегом добрался до дерева и остановился. Хищник, который все это время следовал за ним примерно на одной и той же дистанции, тоже замер, внимательно рассматривая Вокшу своими большущими немигающими глазами, словно светящимися изнутри.

Решив не испытывать судьбу, маленький охотник шустро вскарабкался на дерево и уселся в облюбованное место, свесив вниз свои короткие ноги. Похоже, тигр не испытывал разочарования по поводу того, что недавний компаньон оказался вне пределов его досягаемости. Он подошел еще немного ближе и стал устраиваться на ночлег буквально в корнях гигантского дерева. От этого зрелища у Вокши запершило в горле, и во рту появился какой-то гадкий привкус. Он уже не мог думать ни о чем другом, кроме этого опасного соседства. В голове лихорадочно проносились обрывочные воспоминания о рассказах охотников, попадавших в подобную ситуацию вынужденной осады.

Ничего путного на ум не приходило. Наконец Вокша сообразил, что просто сильно испугался и теперь паникует. Это, как ни странно, его успокоило. Дыхание замедлилось, сердце, стучавшее словно боевой набат, тоже стало возвращаться в свой

обычный ритм. Голова прояснилась, и охотник уже здраво размыслил: «Подождем до утра. Там будет видно».

После этого Вокша приступил к обустройству своего «гнезда». Неторопливая вдумчивая работа по подбору подходящих ветвей, их срезанию и переплетению в некое подобие настила совсем успокоила охотника. Он даже принял по своему обыкновению негромко напевать какую-то песню без слов. И его неожиданно поддержали. Снизу раздалось мурлыканье в разных тональностях, почти сразу попавшее в тант его мелодии. Вокша поперхнулся, тигр сразу притих. Охотник продолжил, и зверь снова его поддержал.

«Вот дал Бог соседа, — подумал Вокша, закончив работу и укладываясь спать, и уж совсем расхрабрившись, улыбнулся и мысленно добавил: — Лишь бы он ночью не хрюпал».

Несмотря на переживания прошедшего дня, охотник быстро заснул, видимо, сказалась усталость от тяжелой проселочной дороги. Сон ему снился тревожный. Будто бы большая стаяочных хищников преследовала его по пятам в сером полумраке среди высоких темных деревьев. Вокша мучительно медленно натягивал тетиву своего мощного лука и стрелял в них, но стрелы падали на землю, едва начав свой полет. Вот огромный вожак подбежал совсем близко и широко раскрыл свою пасть, буквально усеянную двойными клыками. Охотник бросил бесполезный лук и почему-то вместо привычного кинжала все так же медленно стал вытягивать из ножен длинный меч, а тот и не думал кончаться, все тянулся и тянулся бесконечной серой лентой. Тем временем вместо огромного волка перед Вокшой оказался злобно ощерившийся главарь лаговских разбойников. Он что-то крикнул и потянулся к горлу охотника неожиданно длинными костлявыми пальцами с огромными когтями. Ноги у Вокши стали предательски непослушными, он попытался дернуться телом в сторону, упасть и перекатиться подальше, но ничего, не вышло. Дорр навалился на него, и охотник закричал.

Задыхаясь, Вокша резко приподнялся, пелена ночного кошмара медленно сползла с него. Сначала он понял, что это был сон, затем вспомнил, что находится довольно высоко от земли и нужно двигаться осторожнее, и наконец вспомнил о своем «нижнем соседе». Свесившись из своего «гнезда», охотник разглядел в слегка светлеющем сумраке раннего утра свет-

лую шкуру лежащего тигра. Тот не спал и, приподняв голову и плечи, внимательно смотрел на него.

«Наверное, я его разбудил своим криком, а может, он и не спал вовсе, все-таки в основном ночной хищник, — решил Вокша. Вслух же объяснил зверю, как будто тот мог понять:

— Извини, сон плохой приснился.

К его немалому удивлению, тигр понимающе рыкнул, словно кивнул головой, положил ее на мощные лапы и закрыл глаза.

«Ничего себе», — изумленно подумал охотник, повернувшись на правый бок и вскоре снова заснул, на этот раз без сновидений.

7. ДНЕВНАЯ НАХОДКА

Проснулся Вокша с ощущением чего-то необычного и, открыв глаза, сразу понял, что случилось. В лицо ему светило низкое рассветное солнце, а на небе лишь кое-где виднелись небольшие светлые облачка. За время своего путешествия маленький охотник почти забыл, что даже здесь, в Предгорьях — этом мире вечной осени, иногда бывает хорошая погода. Он уже свыкся с дождями и низкими серыми тучами, но сейчас испытал полузабытое, почти детское чувство радости. Захотелось даже крикнуть что-то бессмысленно-счастливое в это бездонное и чистое голубое небо.

Поддерживая его восторг, снизу раздался протяжный низкий рык. Вокша свесился со своего «насеста», его ночной сосед прогнулся всем телом и, казалось, слегка светился в лучах восходящего солнца. Пасть, полная острых зубов, была приоткрыта, а глаза неотрывно смотрели на утреннее светило. Похоже, огромный кот блаженствовал.

«Смотри-ка, и ему по душе теплое солнышко», — подумал охотник.

Он не спешил спускаться на землю и решил сначала позавтракать, а потом уже действовать по обстоятельствам. Не то чтобы охотник боялся тигра, нет, он просто понимал, что в случае схватки с этим волшебным зверем у него не много шансов на успех.

Вокша не думал, что это умное животное собирается им перекусить. Скорее всего тигр воспринимает его как дружественное существо и хочет как-то пообщаться. О такой особенности этих необычных зверей охотник слышал, но пока предпочитал «общаться» на безопасном расстоянии. Поэтому после легкого завтрака, состоявшего из кислых плодов дикой яблони и горсти очищенных зерен, запитых несколькими глотками воды из баклажки, Вокша решил заняться приведением в порядок своего снаряжения и починкой одежды, уже истрепавшейся в походе.

Острая бронзовая игла быстро мелькала в сноровистых пальцах охотника. Сначала он починил порвавшуюся штанину, а теперь заканчивал ставить небольшую заплатку на локоть куртки. Солнце поднялось довольно высоко, дело двигалось к полудню. Сидя на краю своего «гнезда», Вокша надеялся, закончив с курткой, отдохнуть. Однако его сосед стал проявлять признаки нетерпения. Несколько раз он громко прорычал, затем начал быстрыми шагами кружить вокруг дерева. В общем, всячески старался привлечь к себе внимание.

Ему это удалось. Охотник отложил куртку посмотрел на зверя и спросил:

— Чего тебе нужно-то?

Обрадованный тигр издал протяжный звук, подпрыгнул на месте и неожиданно для Вокши шустро отправился в сторону поляны, на которой вчера разыгралась схватка с волками. Охотник проводил его удивленным взглядом и возвратился к прерванной работе. Но закончить снова не удалось. Хищник развернулся и, снова подбежав к дереву, опять громко зарычал.

Вокша задумался. Возникло впечатление, что волшебный зверь куда-то его зовет. Он решил попытать счастья, но вначале все-таки починить куртку — охотник с детства не любил незаконченные дела. Подняв руку и глядя прямо в глаза тигру, он медленно и раздельно произнес:

— Подожди немного. Закончу работу и пойду с тобой.

Зверь его как будто понял. Он недовольно поворчал, однако снова улегся у дерева, теперь уже безотрывно глядя на маленького охотника. Нельзя сказать, чтобы этот пристальный взгляд способствовал качественному выполнению работы, но Вокша умел преодолевать давление извне, иначе он не стал бы

известным своей самостоятельностью охотником Лиги. Поэтому он, даже немного замедлив движения, работал тщательно, чтобы заплатка не отвалилась на следующий день где-то в самом неподходящем месте.

Наконец починка была закончена. Охотник повертел куртку в руках, слегка подергал рукав — все было нормально. Тогда он сноровисто собрался и, убедившись, что тигр отошел на некоторое расстояние от дерева, спустился из своего «гнезда». Не отходя от дерева, Вокша потоптался, потряс плечами и несколько раз быстро развел руками в стороны. Вся амуниция сидела исправно, ничего не болталось, не гремело и нигде не мешало. Можно было трогаться в путь за необычным проводником.

Тот тем временем с явным интересом наблюдал за странными действиями своего компаньона. Убедившись, что охотник никуда не собирается убегать, белый тигр не торопясь пошел в сторону места вчерашнего боя. Прошел несколько шагов, обернулся, увидел, что «напарник» следует за ним, соблюдая дистанцию, и потрусили дальше, периодически оборачиваясь уже на ходу.

Таким манером странная пара преодолела густой кустарник и выбралась на поляну. Здесь тигр остановился и счел своим долгом несколько раз зло прорычать в сторону трупов врагов, над которыми уже вовсю трудились падальщики. Вокша никак не выразил свое отношение к поверженным противникам и, как только волшебный зверь продолжил путь, снова последовал за ним. Тигр направился в сторону каменистого холма с противоположной стороны поляны.

Немного поднявшись по склону, хищник свернул направо и замелькал среди редких кустов, покрывающих эту сторону холма. Внезапно он исчез. Вокша остановился и стал озираться по сторонам. Однако тигр снова выглянул из-за невысокой каменистой насыпи и призывающе рыкнул охотнику. Перевалив через насыпь, Вокша оказался у невысокого, чуть выше него, входа в пещеру, из которой выглядывала тигриная морда. Охотник не спеша подошел ко входу и снова остановился.

Еще в детстве Вокша, как и все его приятели, любил лазать по пещерам, густо пронизывавшим невысокий глиняный холм рядом с поселком. С ватагой таких же сорванцов в солнечные погожие дни он убегал спозаранку из дома, переправлялся че-

рез неглубокий ручей и взбирался на холм. Здесь из темных недр пещер их манило сладостное ощущение неразгаданных тайн и приключений. Тут они чувствовали себя почти что взрослыми, смелыми и удачливыми охотниками и разведчиками неизвестных мест.

Хотя большинство пещер были довольно короткими и редко делали один-два поворота, в холме имелось и три очень длинных подземных хода с разветвлениями и даже, как говорили отчаянные смельчаки, с провалами на какие-то совершенно неизведанные нижние уровни. Там якобы кто-то когда-то видел ужасных троллей и даже полумифического огненного змея.

Эти рассказы манили невысокого коренастого пацана сильнее самого вкусного пряника. Он частенько лазил в длинные подземные ходы, но без факела не мог исследовать их многочисленные развилки. Однажды ему удалось уговорить старших братьев и даже сестру пойти с ним. Что уж он там им наобещал, сейчас Вокша вспомнить не мог, но ему удалось увлечь и расчетливого Софона, и спокойного Козима. Алму он тогда не звал, но она сама увязалась за братьями, увидев, как они дружно уходят со двора.

В отличие от ровесников Вокши братья были уже почти юношами, поэтому, прежде чем отправиться в экспедицию, они взяли пару факелов, огниво и веревку. Софон даже прихватил сумку с едой и баклажку с водой, мало ли что.

Запалив факелы, они углубились в одну пещеру, считающуюся самой таинственной. Прошли несколько поворотов вглубь, встретили первое разветвление и, по совету Софона, повернули направо, затем снова и снова, пока не уперлись в тупик. Вернулись, свернули налево и снова пошли по ходу. И тут потолок пещеры стал понижаться. Вскоре вперед могли пробраться только Вокша и Алма. Они проползли еще немногого, волоча за собой веревку, и попали в подземную камеру. Когда братья передали им один из факелов, они смогли осмотреть эту большую пустоту.

В неровном свете факела перед ними предстало красивое зрелице. Стены обычного коричневого цвета в нескольких местах были нарушены выходами странной синеватой породы, тоже оказавшейся глиной. Дети как завороженные ходили от

одной стены к другой, разглядывая необыкновенные узоры. То им чудился волшебный зверь, то странное растение. Среди этого великолепия они совершенно позабыли о времени.

Наконец старшие братья стали проявлять признаки нетерпения. Козим своим трубным голосом позвал малышню, пообещав примерно наказать; если они сейчас же не выберутся оттуда. Угроза была услышана и возымела действие. Старший брат редко грозил кому бы то ни было, и уж если это случалось, то наказание следовало практически неотвратимо.

Повздыхав немного, Вокша и Алма полезли в узкий ход, и тут случилась беда. То ли громкий голос Козима растревожил стены, то ли пора пришла, но с легким гулом лаз обвалился, оставив лишь крохотную щель, в которую даже руку нельзя было просунуть.

Вокша не сразу осознал всю опасность происшедшего. Напротив, поначалу он даже обрадовался, решив, что теперь не нужно вылезать наружу, а можно еще полюбоваться красотами подземного зала. Алма же поняла, что они попали в западню, и крикнула братьям через щель, что их засыпало. Козим попытался сразу начать раскапывать лаз, однако Софон остановил его и помчался в поселок за помощью.

Даже взрослые не сразу смогли пробиться к Вокше и Алме. Сначала они оба держались молодцами, но когда погас факел, девочка испугалась и расплакалась, тогда Вокша, с трудом преодолевая собственный испуг, крепко обнял сестру и стал ее успокаивать. Так их и застали пробившиеся через завал люди. Маленький брат сидел, прислонившись к стенке, обнимал свою сестру и говорил ей что-то бессвязное, но очень спокойным тоном, а та тихонько хлюпала распухшим от слез носом, но уже не плакала.

С тех пор охотник невзлюбил подземелья. Не добавили добрых чувств к ним и блуждания внутри волшебной горы, случившиеся несколько лет назад, а воспоминания о хозяине того места до сих пор вызывали ледяной холод в спине Вокши.

Теперь он стоял у входа в пещеру, куда его «любезно привлекли». Охотник колебался, в груди у него защемило. Уловив его нерешительность, белый тигр коротко рыкнул и шустро углубился в темноту, явно призывая компаньона продолжить путь. Глубоко вздохнув, Вокша шагнул под каменные своды.

Пещера оказалась небольшой и невысокой. Маленький охотник свободно стоял в ней во весь рост, но эльфийке Илоси здесь явно пришлось бы пригнуться. Вокша постоял немного, давая глазам привыкнуть к полумраку, затем внимательно осмотрелся. Правая стена шла вперед и в четырех-пяти шагах плавно заворачивала влево. А там слева образовался зал с неровным полом, в конце которого охотник разглядел то ли нишу, то ли подземный коридор, уходящий вглубь. Там-то его и ждал волшебный зверь.

Держась левой стены, Вокша неторопливо пошел вперед. К его удивлению, белый тигр не нырнул в глубь ниши, а отпрянул назад и отошел по противоположной стороне зала, сохранив, насколько это было возможно, дистанцию.

«Похоже, мне предлагают пройти вперед, — тоскливо подумал охотник. — Ну, деваться уже некуда, надо дойти до конца».

С этой нерадостной мыслью он дошел до ниши и увидел, что из нее почти вертикально вниз идет узкий лаз. Прислушавшись, охотник уловил где-то внизу шум текущей воды, принюхавшись, почувствовал запах сырости. Других ощущений не возникало, только еще запах тигра, который Вокша наконец смог уловить, войдя в пещеру. Его немного беспокоило, что до этого момента он совершенно не чувствовал запаха от волшебного зверя. Теперь он знал, что тот пахнет похоже на обычного тигра, только тоньше и с какой-то странной примесью свежести, как после грозы.

Охотник заглянул в лаз, там царила кромешная тьма, однако, судя по всему, необычный напарник привел его сюда именно ради спуска в эту каменную щель. Видя, что человек исследует устье лаза, белый тигр спокойно уселся в дальнем конце пещеры и всем своим видом демонстрировал готовность ждать.

Делать было нечего. Несколько ударами рукоятки кинжала Вокша заузил основание одного из выступающих из стены камней, прикрепил за него крепкую веревку из тщательно подобранных растительных волокон, уже неоднократно доказывавшую ему свою надежность. Подергал ее — держалась хорошо. Затем зажег одну из светящихся палочек, пропитанную смолой черной сосны, зажал ее в зубах и, тяжело вздохнув, начал потихоньку спускаться в темноту лаза, больше похожего на колодец.

Палочка давала гораздо меньше света, чем normalный факел, зато при своих маленьких размерах — длиной чуть больше среднего пальца и примерно такой же толщины — она горела долго. В ее неярком свете охотник не видел ничего, кроме вплотную подступавших к нему стен.

К его удовольствию, спуск скоро закончился. Охотник не успел размотать еще и половины веревки, как ноги коснулись покатого пола нового зала. Взяв светящуюся палочку в руку, Вокша осмотрелся. Он оказался в узком невысоком тоннеле, похожем на расщелину, спускающемуся в одном направлении. Слева и за спиной у него была стена, а справа камень немного отступал, и внизу у самых ног негромко журчал ручей.

Вокша наклонился, принюхался. Никакого запаха, кроме normalной для такого места сырости, не чувствовалось. Он осторожно обмакнул палец в неглубокий прозрачный поток. Вода была пронизывающе холодной. На вкус она оказалась обычной, похожей на ключевую, без особого привкуса.

Присмотревшись, охотник разглядел, что ручей вытекает из небольшой трещины в сплошной скале, течет вдоль правой стены тоннеля и пропадает в чуть более широкой щели в совсем недалеком тупике, который стал виден, когда он поднял палочку над головой. Дальше пути не было. Значит, нужно было повнимательнее осмотреть все вокруг, не зря же тигр забрал его сюда.

Осторожно ступая по осклизлому наклонному полу, Вокша опустил светящуюся палочку вниз, неторопливо и внимательно осматривал ложе потока и все под ногами. Сначала ничего интересного не попадалось, но пройдя всего несколько шагов, он увидел небольшую черную щепку, вынесенную ручьем. Слегка размяв и прикусив ее, охотник удивленно крякнул — это была древесина черной сосны, которая не растет в этих краях.

«Значит, — подумал охотник, — ручей не подземный родниковый, а где-то выше у него есть выход на поверхность, откуда и принесло эту щепку. А уж как она попала туда?.. Может, у нее есть подружки? Будем искать».

Вокша опустился на корточки и стал осматриваться еще тщательнее — и почти сразу был вознагражден. Его внимание привлек отблеск странного голубого цвета из-под небольшого,

с кулак, камня, погруженного в воду. Осторожно, чтобы быстрый поток не смыл добычу, охотник приподнял булыжник и увидел огромный красиво ограненный синий камень, вставленный в маленький обломок из дерева черной сосны.

Вытащив находку, охотник сразу ощутил идущую от нее силу. Несомненно, это была часть какого-то мощного магического артефакта. Вокша быстро переложил вещицу на кусочек шкуры подземного червя, заготовленный загодя. Потом, как учил его добрый волшебник Аразон, спутник в одном из походов, закрыл глаза, сосредоточился на ощущениях и плавно накрыл камень рукой, не касаясь поверхности.

Ощущения не заставили себя ждать. Почти сразу охотник почувствовал прохладу, растекающуюся по его ладони. Концентрация на кисти позволила уточнить это ощущение: словно непрерывный поток силы проходил через ладонь. У Вокши возникла ассоциация с бьющим из глубины земли родником чистой свежей воды. Аразон велел очень внимательно относиться к такого рода образам и не только использовать их для быстрого распознания характера волшебной силы, но и как можно тщательнее хранить в памяти, используя впоследствии для сравнения или неторопливого обдумывания в спокойной обстановке. Последнее добрый старик считал особо ценным, так как, по его словам, подобная практика позволяет не только знакомиться с внешними проявлениями различных магий, но и глубже познавать себя, понимать свои возможности, место и предназначение в этом мире.

Фиксируя все детали в памяти как можно тщательнее, Вокша медленно и глубоко дышал. Теперь он старался отключить свое сознание для более полного усвоения нового образа. Однако образ оказался не совсем новым, какая-то мысль-ассоциация постоянно кружила на краю сознания, не позволяя полностью перейти в мир чувств и образов. Поняв, что бороться с ней бесполезно, Вокша решил сконцентрироваться на рвущемся наружу воспоминании, и ему это удалось. Точно! Вот оно! Очень похожие ощущения он испытал, первый раз приблизившись к разорванной арке, когда имперская магия не боролась с наложенным на него эльфийским благословением.

Маленький охотник вышел из транса. У него не было сомнений в том, что найденная вещица имела те же истоки, что

и циклопическое сооружение на Древней дороге. Во всяком случае, характер магии был таким же. Это навело Вокшу на одну интересную мысль, и он решил действовать, не теряя времени.

Подъем в верхнюю пещеру не занял много времени. Как и ожидал охотник, его спутник все так же сидел у дальней стены. Вокша вытащил сверток с камнем и развернул его на левой ладони. Синий кристалл неярко засиял в сумраке пещеры. Белый тигр сразу поднялся и мягко, но не крадучись, подошел к охотнику и потянулся мордой к руке. Синий свет отразился на белой шкуре и вспыхнул в огромных желтовато-зеленых глазах волшебного зверя, в которых теперь стали видны крохотные коричневые крапинки.

Вокша, почти не понимая, что творит, сделал шаг навстречу тигру, протянул к нему правую руку и коснулся морды белого великана. Ощущение было очень приятным, пальцы словно попали в мягкий пух. Тигр оторвал свой взгляд от светящегося камня и покосился на охотника. Вокша мог поклясться, что заметил хитринку, проскользнувшую в глазах волшебного существа. В следующий момент с одной из более темных полос на морде тигра, где мех был гуще и жестче, соскочила искорка и ткнулась в средний палец охотника. Тот рефлекторно отдернул уколотую и слегка «загудевшую» руку.

«Ну да, — сообразил Вокша. — Смотреть смотри, а руками не трогай».

Тигр снова сконцентрировался на камне. Так ониостояли еще немного, затем волшебный зверь отступил назад, посмотрел на охотника, коротко приветственно — как уже понимал Вокша — рыкнул и не оборачиваясь вышел из пещеры. Охотник понял, что находку оставляют ему, завернул ее тщательно и тоже вышел наружу.

Белый тигр сидел шагах в двадцати вниз по склону. Он смотрел на уже начавшее свой вечерний спуск солнце, однако, услышав шаги, повернул голову к Вокше и внимательно поглядел ему в глаза. Затем зверь поднялся, издал долгий странный звук, показавшийся охотнику немного тоскливым, мотнул головой и не спеша потрусили к лесу. По пути он ни разу не обернулся, и Вокша понял, что волшебный зверь простился с ним.

Охотник поднял левую руку в прощальном жесте, постоял немного, а затем отправился в путь. Впереди его ждал княжеский центр — город Ольмут, но вначале он решил проверить одну свою догадку.

8. ВЕЧЕРНЯЯ СХВАТКА

Вскоре после полудня показались еще далекие сторожевые башни Ольмута. Даже с такого расстояния, а идти до города по хорошо мощеной дороге было еще более получаса, княжья столица производила впечатление. Охотник насчитал десяток башен, широко расставленных над высокими стенами. С такого расстояния трудно было определить точно, но Вокше показалось, что каменные башни крыты железом. Такого большого города охотник давно не видел, пожалуй, со времен своей первой дальней экспедиции.

Всю последнюю часть пути Вокша не мог нарадоваться погоде. Стояли солнечные теплые дни, изредка нарушаемые короткими дождями. Небо в основном было чистым, а дорога под ногами уже даже слегка пылила.

Три дня, минувшие после находки синего камня, прошли почти совсем спокойно. Не считая атаки трех разбойников, самих донельзя перепуганных творящимся вокруг и очень обрадовавшихся, когда он их отпустил, хотя уже и не совсем здоровых, но все-таки живых, больше нападений не было. Вчера же охотнику стали встречаться неторопливо ползущие повозки, в которых крестьяне перевозили свой скарб и плоды летних трудов. Правда, не встретилось ни одного торгового каравана, на которые Вокша очень рассчитывал как на ценный источник местных новостей. Разговоры же с крестьянами, которые он пытался завязать на дороге и даже в небольшой деревне, стоявшей почти у самого тракта, не дали ничего интересного. Крестьяне были как крестьяне, осторожные и необщительные. Одно охотник узнал наверняка, что княжит страной по-прежнему старый Осей.

Всю дорогу Вокша раздумывал над увиденным при возвращении к разорванной арке. Он надеялся, что найденный камень может послужить своего рода волшебным ключом к ее

секретам, — так и вышло. Когда вдали поднялась гигантская каменная дуга и имперская магия слегка проявила себя, он достал сверток с камнем и развернул его. Камень светился гораздо ярче, чем в пещере, и чем ближе подходил охотник к циклопическому сооружению, тем сильнее становилось его сияние. У подножия арки на камень стало просто больно смотреть.

Вокша медленно пошел рядом со стенами сооружения, почти вплотную поднося к ним камень и озираясь по сторонам. Очень скоро его старания увенчались успехом. Он был в самой середине внутреннего прохода, когда справа раздался низкий тягучий звук, похожий на далекий раскат грома. Стена расступилась, и взору охотника открылась неглубокая ниша. В ней также все было из серо-синего камня: и стены, и потолок, и пол, и даже что-то вроде алтаря, занимавшего треть пространства.

Охотник, сжимая камень и опасаясь, как бы его не «захлопнуло» в этой нише, осторожно поднялся на невысокий порожек. Отсюда он рассмотрел углубление на алтаре, ориентированное с севера на юг, похожее на место для небольшого жезла размером чуть меньше руки до локтя. Углубление было пусто. Не делая попыток войти внутрь, Вокша приподнялся на цыпочки и стал внимательно разглядывать алтарь. Несмотря на заливающий все вокруг яркий свет камня, он сразу заметил, что середина углубления выглядит более светлой, чем остальной фон, а южный край как будто отливает фиолетовым.

Больше ничего рассмотреть не удалось, никаких других ниш не обнаружилось. Поэтому, потоптившись у арки еще некоторое время, Вокша убрал камень в небольшой плоский футляр из неизвестного ему материала, почти не пропускающего магию, который ему подарил серый маг. Лишь после этого, не желая раньше времени «светиться» перед тамошними колдунами, он вновь пустился в путь к Ольмуту.

И сейчас охотник подходил к городу по самому краю дороги, чтобы не мешать оживленному движению. А подводы так и шли потоком к Ольмуту, из самого же города за все время, пока Вокша дошел до ворот, выехало меньше десятка телег, причем все они были пустыми. Этот факт заинтересовал охотника и на время отвлек от размышлений о загадочной волшебной нише. Для сбора податей было еще рановато, такие мероприятия, как правило,

производились осенью и сопровождались большим количеством как пеших, так и конных стражников. У обозов же были только крестьяне.

«Может, на ярмарку какую попадаю? — подумал Вокша. — Вот толпища-то будет, и не доберешься ни до кого».

Проводя большую часть времени в одиночестве или с небольшой группой таких же, как он, охотников и путешественников, маленький охотник очень не любил большие шумные сборища. Он терялся, начинал нервничать и раздражаться и опасался воров, которые как раз в таких местах чувствовали себя как рыба в воде.

Поэтому, как только Вокша перешел крепкий деревянный мост через широкий, заполненный глубокими водами ров, он остановился, снял вешмешок со спины и повесил его на левое плечо. Только после этого он направился в высокую арку ворот.

Здесь стояла крепкая стража. Помимо семерых мечников со старшим, расположившихся поперек прохода, Вокша заметил четырех арбалетчиков в глубине ворот. Все воины были в кольчугах, высоких шлемах с небольшим продольным гребнем и при щитах. На плаще старшего, стоявшего чуть сбоку, виднелся коричнево-синий герб, состоящий из двух частей. Подойдя ближе, охотник смог разобрать в нижней части перекрещенные мечи, а на верхней — изображение диковинного синего зверя. Вокша даже остановился, чтобы разобрать, что это за чудо-юдо такое.

Старший смены — высокий широкоплечий немолодой воин — заметил разглядчика, повернулся и, насупив скуластое лицо с крупным носом, строго спросил:

— Кто таков? Чего уставился?

Маленький охотник улыбнулся и честно ответил:

— Охотник я, с юга. Пытаюсь вот разобрать, что за зверь такой изображен на вашем гербе? Много всякого повидал, но такого не доводилось.

Старший тоже улыбнулся:

— Это наш добрый синий дракон, который бережет княжество и князя нашего. А ты, охотник, чего забрался так далеко? Дело какое?

— Да, — ответил Вокша и, достав грамоту, протянул ее командиру стражи. — Послала меня Лига к вашим господам с поручением.

Старший аккуратно взял документ, посмотрел его и так же аккуратно вернул. Лигу уважали и здесь.

— Проходи, охотник. Замок князя найдешь, если по этой улице выйдешь на площадь, а оттуда направо вверх пойдешь. Там не запутаешь, тебе любой покажет.

— Спасибо, служивый. А подскажи мне, не было ли у вас до меня других наших охотников?

Старший честно задумался, затем покачал головой:

— Нет, мил человек, не видел и от сменщиков не слышал. Может, правда, кто через другие ворота прошел, того не ведаю, ведь у нас их четверо, на все стороны света выходят.

Последнее начальник смены произнес с явной гордостью. Охотник поблагодарил его и, еще немного расспросив, узнал, что на той площади, от которой отходила замковая улица, находится постоянный двор. Туда-то он и направился, лелея мечту помыться, поесть домашнего и выспаться в комфортных условиях.

Улица была заполнена народом. Помимо пришлых крестьян сновало и немало горожан. В основном вокруг толпился ремесленный и торговый люд, но дважды мелькали богатые кафтаны то ли знати, то ли купцов. Хорошенько разглядеть их Вокша не смог из-за малого роста и охранников, которые плотно обступали обоих обладателей дорогой одежды. Заметил охотник и несколько подозрительных типов. Один из них, худой и невысокий, с совершенно не запоминающимся сероватым лицом, непрерывно и быстро сновал в толпе, а двое других, заметно крепче и выше, стояли почти точно напротив друг друга по разным сторонам улицы.

Охотник торопливо прошел мимо и вскоре оказался на широкой, отлично мощенной крупным камнем площади. Здесь народу было еще больше, Вокше приходилось буквально протискиваться между людьми. Наконец, «прибиввшись» к нужной стороне площади, он смог разглядеть большую вывеску, на которой был изображен нанизанный на вертел поросенок. Стены этого двухэтажного здания были недавно покрашены в коричневый цвет, крыльцо было чистым и ухоженным. Впрочем, «Вкусная корочка» — так называлось это заведение — выглядела скорее трактиром, чем постоялым двором.

Внутри это впечатление еще больше усилилось. Огромный центральный зал был заполнен жующей и пьющей публикой, да и в боковых нишах народу сидело немало. Лишь в глубине, справа за длинной стойкой, виднелась хлипкая лесенка, ведущая на второй этаж, частично отгороженный перилами. Большая же часть второго этажа приходилась на центральный зал. Возможно, поэтому, несмотря на столпотворение, воздух в зале был свежим.

Из-за такой планировки «Вкусной корочки» мест для ночлега в ней было совсем немного, и все же, хоть и не очень рассчитывая на удачу, Вокша подошел к стойке, за которой хозяинчик опрятно одетый краснолицый крепыш средних лет. Судя по описанию начальника стражи, это был хозяин трактира Харер. Он не сразу обратился к охотнику. Быстро раздавая задания слугам и постоянно наливая что-то в большие глиняные кружки, вначале лишь просто кивнул Вокше, показывая, что заметил, и лишь выполнив предыдущие заказы и смахнув цветастой тряпицей пот со лба, произнес приятным баритоном:

- Чего желаете?
- Мне нужен ночлег, да и помыться бы не мешало.
- Две серебряные, устроит?
- Да.

— Тогда сделаем, — ответил трактирщик, повернулся к задней двери, ведущей на кухню, и позвал: — Миняй!

Тотчас же из двери выскользнул проворный юноша со слегка растрепанными волосами и веселым лицом, одетый, как и все слуги, в светлую рубаху и темные порты.

— Чего изволите, хозяин? — ломким баском выпалил он, всем своим видом демонстрируя усердие, хотя, похоже, только что занимался чем-то не совсем положенным, отчего глаза его лукаво косили.

Харер строго взглянул на юношу и сказал:

— Опять ты у поварих пасешься. Смотри выгоню, не посмотри, что шустрый. А сейчас быстро веди господина охотника наверх в четвертую комнату да скажи Топарю, чтобы подготовил купальную горячую. И чтоб одна нога там, а другая уже здесь, виши, посетителей сегодня сколько.

Парнишка лихо кивнул, как только голова не оторвалась, и, выбежав из-за стойки, провел Вокшу на второй этаж. Здесь в

ближнем углу была небольшая каморка, из которой юноша вышел уже в сопровождении пожилого слуги, Топаря — как понял охотник.

— Четвертая и купальня! — уже на ходу крикнул молодец и мухой рванулся обратно в зал.

Пожилой смотритель комнат оказался полной противоположностью юноше. Он сделал Вокше приглашающий жест рукой и, позвякивая связкой ключей, не торопясь пошел по балкону второго этажа. В самом конце балкона Топарь остановился и, указав на крайнюю дверь, молча протянул охотнику большой изогнутый ключ. Это было в новинку для Вокши, до сих пор он видел такие сложные замки только в хоромах богатых и знатных людей, комнаты же постоянных дворов обычно запирались только изнутри на задвижку или засов.

Пока он копался в замке, смотритель стоял рядом. Когда же замок наконец сдался, Топарь повернулся и собрался уходить, но охотник остановил его вопросом:

— Когда купальня будет готова и где она?

Слуга с достоинством повернулся и ответил скрипучим хрипловатым голосом:

— Не волнуйся, мил человек, как сделается, так я за тобой и приду, да и провожу.

Вокша кивнул, но решил уточнить еще одну немаловажную деталь:

— А как с оплатой? Только серебром или можно шкурками рассчитаться?

— Нет, милой, — сказал смотритель и для убедительности потряс густой седой бородой. — Мы ж, чай, в городе княжьем, здесь только монеты в ходу. Но ты не тушуйся, через два дома от нас, как выйдешь налево, лавка торговая. Сходи туда, сдай свою пушнину и будешь при деньгах.

— Так и сделаю, — пообещал охотник, — а ты, дидко, будь добр, нагрей водичку покрепче, уж больно давно я не был в городе.

На «дидку» Топарь не обиделся, чинно кивнул и пообещал:

— Сделаю, не сомневайся.

К вечеру распаренный Вокша блаженствовал в широкой постели на настоящем матрасе, набитом соломой с добрыми травами. Он успел удачно продать все свои меховые шкурки,

добытые по дороге, отдать смотрителю плату за день постоя вперед и славно попариться в огромной, явно не на него рассчитанной купели с душистым и пенным корнем мыльника. Теперь он отдыхал в сладкой истоме.

Однако вскоре сытные запахи с первого этажа, легко проникающие в комнату, стали будоражить охотника, и у него не на шутку разыгрался аппетит. Чувствуя, как рот наполняется слюной, Вокша понял, что если не поест как следует, то не сможет заснуть. Немного покряхтев от тяжкой внутренней борьбы двух основных желаний любого нормального человека: поесть и поспать, охотник решил временно уступить первому. Он поднялся, оделся, еще раз осмотрел большой замок на двери, вспомнил о подозрительных типах на улице и правиле охотников: «Только то, что при мне, останется со мной» и прихватил вниз все наиболее ценное, кроме лука. Уж больно несузально смотрелся бы тот за столом.

Народу в центральном зале стало заметно меньше. Помещение освещалось дюжиной факелов, закрепленных по периметру. Под каждым светильником была предусмотрительно закреплена большая миска с водой. Вокша огляделся и нашел себе место за маленьким пустым столом, стоящим в небольшой боковой нише рядом со стойкой. Как только он там расположился, к нему подлетел один из служек с традиционным «Чего изволите?».

В этот вечер разомлевший охотник изволил много чего. Он заказал и холодную мясную закуску, и рыбу, и овощной салат, и похлебку из потрошков, и большой кусок печеной оленины с гарниром и соусом, и даже кружку медового эля. Наконец-то Вокша добрался до нормального человеческого места, где было тепло, сухо и уютно и не нужно было постоянно опасаться стрелы в спину или клыков в горло. Поэтому он решил расслабиться и не стал себя ограничивать.

Быстро принесли холодные блюда и кружку теплого ароматного эля. Первый же глоток разлился в груди приятной истомой, и охотник «погрузился» в гастрономические радости, почти полностью отключившись от внешнего мира. Когда первая кружка эля опустела, а место пустых тарелок заняла высокая миска, до краев наполненная горячей похлебкой янтарного цвета, в которой виднелись аппетитные кусочки, Вокша пе-

ревел дух и устроил небольшой перерыв. В голове слегка шумело, все тело словно плавало в добной и теплой ауре этого сытного места. Однако почти сразу же охотник ощутил легкий диссонанс чувств. Как будто откуда-то тянуло ледяным сквозняком, причем стоило охотнику внимательнее прислушаться к себе, как ощущение заметно усилилось.

Нельзя сказать, что в подобных заведениях Вокша утрачивал контроль за происходящим. Увы, здесь промышляли воры, а порой всыхивали внезапные и жестокие потасовки. Поэтому охотник, вне зависимости от собственного настроя и желания, чисто интуитивно всегда чувствовал обстановку вокруг. И сегодня, когда он только садился за стол, сознание его зафиксировало странную группу, тоже расположившуюся в отдельной нише почти против него. Хотя его разделяло с этой четверкой пространство всего зала, что-то осело в глубине сознания охотника. Осталось какое-то неприятное ощущение, до поры до времени, впрочем, не мешавшее ему отдавать должное местной кухне.

Теперь же, уже явственно ощущая исходящую от компании ледяную магическую силу, Вокша стал внимательно разглядывать эту четверку. Верховодил в ней старый худой человек с длинными, совершенно седыми волосами, который кутался в темный плащ, несмотря на то, что в трактире было тепло. Головной убор он тоже не снимал, и низко надвинутые на глаза поля темной остроконечной шляпы не позволяли хорошенько разглядеть его лицо. Тонкие длинные пальцы этого человека, похожие на лапки здоровенного паука, непрерывно шевелились, как будто он плел невидимую паутину.

Это, без сомнения, был темный маг, и именно от него шла та холодная злая сила, которую почувствовал охотник. Сейчас же ее, похоже, бессознательно ощутили и другие посетители, и разговоры в трактире стали затихать. Впрочем, причиной тому мог стать и разгорающийся скандал, который этот маг устроил хозяину трактира, стоящему рядом с его столом. Чуть в стороне с виноватым видом притулился и шустрый Миняй. Видимо, он что-то напутал с заказом, и теперь Харер сам попытался уладить дело. Однако не похоже было, чтобы ему это удавалось. Маг совершенно распался — приподнявшись на своем месте,

он уже не говорил и даже не кричал, а буквально визжал что-то, брызгая слюной в лицо хозяину трактира.

Дело принимало нешуточный оборот. Хмель сразу выветрился из головы, поскольку спутники старика также стали подниматься со своих мест. Все трое были высокими и широко-плечими бугаями, а лицо того из них, что сидел рядом с магом и бы виден Вокше анфас, казалось мертвенно-бледным. Когда же двое других развернулись, охотник мысленно охнул: они были похожи на первого, как близнецы. Та же меловая белизна кожи, тот же тусклый неживой взгляд глубоко запавших глаз. Все трое были в кожаной броне, и на свет Божий уже выскользнуло три одинаковых меча.

В этот момент маг совершенно рассвирепел и резко махнул правой рукой. Из нее вырвалась темно-красная вспышка, которая впилась в грудь хозяину трактира. Харер пошатнулся, схватился руками за пораженное место и стал медленно оседать вбок. В заведении началась паника. Раздались испуганные крики и грохот опрокидываемой мебели. Истошный женский голос завизжал из-за стойки, а неожиданно тонкий мужской выкрикнул:

— Стражи!!! На помощь!!!

Большинство посетителей попытались выбраться на улицу, однако несколько крепких ребят, сжимая в руках кто нож, кто кинжал, а кто и просто табурет, двинулись на компанию обидчиков хозяина. Вокша с сожалением посмотрел на янтарный жирок, плавающий в миске, и сконцентрировался на ощущениях. Он прекрасно знал, что, имея дело с сильным магом, нельзя оголтело бросаться в бой. Сначала надо понять, что за колдовство творится вокруг, а уж потом принимать решение об атаке или отступлении. Последнее охотник отнюдь не считал зазорным, особенно если встречался с опасным противником и не мог поразить его издали стрелой.

Вокша прикрыл глаза, сконцентрировался и почувствовал «сердце» используемой магии. Словно мириады мух загудели вокруг, и в воздухе разлилось зловоние мертвчины. Охотник испугался не на шутку. Он узнал творимое волшебство: это была некромантия — магия, использующая силы смерти и тлена. Чрезвычайно опасный и непредсказуемый вариант колдовства, который, и это Вокша знал точно, был запрещен на всей территории Предгорий и даже на либеральном Торговом берегу.

Охотник растерялся. С ним не было надежного лука, с помощью которого он бы быстро решил исход боя. Кинжал, конечно, тоже может пригодиться, все-таки непростая вещь, выкованная подгорными карликами, да и сбалансированная отлично. Но что тогда делать с тремя ожившими мертвецами — а телохранителями мага были зомби, Вокша теперь в этом не сомневался. Они двигались неловко, словно рывками, но при этом оставались опаснейшими противниками в рукопашной схватке, ибо не ведали ни страха, ни боли, ни усталости, а смертельные для большинства живых существ ранения в голову и сердце не причиняли им серьезного вреда.

Все эти мысли пронеслись в голове охотника. Он понял, что пора действовать, ибо один из посетителей, вступившихся за Харера, уже рухнул бездыханным, другой отшатнулся к стене, зажимая разрубленное плечо, а маг поднял вверх обе руки и творил какое-то мощное заклинание, глядя в лицо словно парализованного Миняя. Выхватив кинжал, Вокша метнул его коротким воровским броском, и отточенная сталь вошла сбоку в шею старого колдуна. К несказанному удивлению охотника, тот не рухнул на пол, обливаясь кровью, а пошатнулся, уронил руки и стал словно растворяться в воздухе. Перед самым исчезновением маг успел взглянуть на своего обидчика, и Вокша увидел его странные темно-красные глаза.

Главный и наиопаснейший противник был выведен из строя — правда, неизвестно, насовсем ли? Однако трое зомби продолжали теперь уже беспорядочно крошить все вокруг. Надо было что-то предпринять, ведь против живых мертвецов неэффективен даже самый лучший лук, которого у охотника к тому же при себе и не было.

И тут Вокша уловил странный свист на грани слышимости, идущий откуда-то снизу слева. Опустив голову, он не увидел на полу ничего, кроме небольшого темного пятна от давно пролитого напитка. Источник звука был гораздо ближе, и охотник с удивлением понял, что это «голос» его собственного меча. Не будучи хорошим мечником, он крайне редко доставал его из ножен, но берег эту непростую вещицу крепко. Она досталась ему в подарок в давнем походе. Уже тогда серый маг внимательно осмотрел меч и сказал, что он сделан эльфами и «с душой», но для человеческой руки.

Клинок был велик для маленького охотника, но выбирать не приходилось, и Вокша выхватил меч одним плавным движением, которое на этот раз сопровождалось сильным шипением, словно в котел с водой бросили раскаленный железный прут. Аналогия оказалась не случайной, поскольку эльфийский меч весь пылал холодным белым огнем, а по начертанному на металле странному узору струился зелёный свет.

Увидев помощника с таким волшебным оружием, изрядно растерявшиеся защитники трактира снова воспряли духом. Один из них, молодой здоровяк, видать, подмастерье, ловко и сильно врезал тяжелым табуретом по голове ближайшего зомби. Тот, неловко пошатнувшись, упал, и на него сразу навалились несколько человек, молотя ненавистного мертвяка дублем и режа ножами. Два других зомби никак не прореагировали на близкую гибель товарища и продолжали атаковать то, что подворачивалось им под руку, — столы, лавки и табуреты. Видимо, черный маг жестко координировал их действия, и теперь они остались без управления.

Маленький охотник подбежал к тому из них, который уже добрался до стойки и начал кромсать ее темное дерево мечом. За стойку забилась одна из служек, уже потерявшая голос от крика и только беззвучно разевавшая рот. Когда Вокша приблизился, зомби среагировал и стал поворачиваться, но очень вяло. Охотник нанес рубящий удар, успев удивиться его необычайной силе, и голова зомби отлетела в стену. Не дожидаясь результата, Вокша таким же резким ударом перерубил левую ногу врага почти у туловища. Плавно продолжая движение, рука охотника неожиданно вернулась назад, и меч зомби оказался на полу со все еще сжимающей его кистью.

Вокша мог поклясться чем угодно, что не наносил третьего удара. Руку словно влекла внешняя сила, точно знавшая, куда и как надо бить. Он быстро отступил назад, чтобы случайно не угодить под широкие размахи третьего ожившего мертвеца, и подумал: «Однако меч-то?»

Тем временем его оружие продолжало пылать и словно тянуло руку охотника за собой. Он решил не сопротивляться и атаковал последнего врага, еще стоящего на ногах. Комбинация ударов повторилась, однако на этот раз меч начал с кисти, а закончил бедром. Не успел обезглавленный враг упасть, как

белое свечение ослабело и быстро сошло на нет, только зеленоватые огоньки еще пробегали по узору на колдовской стали. Вскоре погасли и они.

Поглядев еще немного на меч — не выкинет ли чего? — Вокша взял со стойки тряпичу и тщательно протер ею оружие, не переставая удивляться, ибо меч был совершенно чистым. Потом он осторожно убрал волшебный клинок в ножны и мысленно пообещал себе не доставать его как можно дольше, разве что опять почистить.

Тем временем защитники трактира и попрятавшиеся до того служки стали разбирать разгромленную мебель, из-под которой доносились стоны. Вокша не помогал им, он торопливо обошел всех поверженных врагов и только после того, как убедился, что псевдожизнь полностью покинула эти тела, подошел к группе людей, столпившихся около стены.

Перед ним сразу и даже с некоторой спешностью расступились. На полу, свернувшись в позе зародыша, лежал Харер. Вокша наклонился и прислушался — хозяин трактира еще дышал, правда, очень неровно.

Охотник выпрямился и распорядился:

— Быстро поднимите его на целый стол.

При этом он махнул рукой в сторону большого стола в углу прямо под ярко горящим факелом. Его приказ выполнили беспрекословно, и Харер оказался на столе, застланном куском светлой материи, который сноровисто подстелила одна из кухарок.

Отправив эту, видно, толковую женщину средних лет, так и не снявшую свой не очень чистый фартук, за лекарем и местным магом, Вокша снова оборотился к хозяину трактира. Конечно, он обладал только поверхностными знаниями в лечебном деле, но уже сталкивался с боевой магией и видел, как устраняют нанесенные ею повреждения.

В этот момент дверь трактира, еще недавно чудом выдергавшая поток убегавших посетителей, сорвалась-таки с петель под чьим-то мощным ударом, и в зал ворвались бронированные стражники.

«Ну вот, —sarкастически подумал охотник, оборачиваясь к новоприбывшим. — Как раз вовремя».

— А ну разойдись! — рявкнул самый рослый из них, с гербом на блестящей грудной пластине. — Живо все по углам!

Спорить с разгоряченными бойцами в подобной ситуации очень опасно, поэтому Вокша поддержал призыв стражника, и толпившиеся около него люди стали расходиться по углам трактира. Надо отдать должное начальнику стражи, он быстро разобрался в ситуации и понял, что потасовка уже закончилась и никто не существует. Сделав соответствующий жест своим бойцам, успокоивший их и распределивший по помещению, старший сам подошел к охотнику. Это был ражий детина, вошедший, что называется, «в самый мужской возраст», то есть «переболевший» юношеской порывистостью, но еще не пораженный осторожностью зрелости.

Увидев неподвижного хозяина трактира, он сразу с неподдельным волнением спросил у маленького охотника:

— Что с Харером?

Видно, хозяин трактира был в городе личностью известной.

— Удар темной магией, — сообщил Вокша. — Ждем лекаря и городского мага.

Тут в трактир вбежал пожилой седой человек в зеленом плаще, за которым едва успевали двое юношей, одетых в кафтаны и брюки того же цвета.

— А вот и лекари пожаловали, — сказал начальник охраны.

Охотник отошел в сторону, и местный целитель с учениками приступили к выполнению своих обязанностей. Вокше неожиданно сильно захотелось спать. Он откровенно зевнул, однако сразу уйти ему не дали. Пришлось потратить некоторое время на описание случившегося, затем у начальника стражи, а он лично допытывал Вокшу, нашлось еще несколько вопросов. Когда наконец импровизированный допрос окончился, маленький охотник уже откровенно зевал во весь рот, и ему позволили подняться к себе, попросив, правда, завтра не покидать город. Таких планов у Вокши не было, и он легко согласился, мечтая поскорее оказаться в кровати.

Быстро проведя на кухне необходимые процедуры очистки кинжала огнем и текущей водой на случай «подцепления» им какого-либо неприятного магического сюрприза от темного мага, охотник ушел к себе. В комнате он заперся, быстро разделся, и как только приложил голову к подушке, так мгновенно и уснул.

9. НОЧНОЙ ВЫЗОВ

Опять Вокше снился неприятный сон. Он стал очень маленьким и, мечась по углам какой-то гигантской залы, пытался спрятаться от огромного непонятного врага. Тот бесформенной глыбой нависал над ним, зло сверкал налитыми кровью глазами и пытался поймать охотника сразу десятком длинных худых рук с огромными когтями. Наконец Вокше удалось вырваться в длинный коридор. Он попытался убежать как можно дальше, однако ноги его плохо слушались, а преследователь приближался, бухая по полу огромными ножищами.

Топот злодея становился все громче, и охотник попытался повернуться к нему лицом. Тут-то он и проснулся, не сразу понимая, что в дверь его комнаты действительно кто-то громко стучит.

— Кто там?

— Городская стража. Откройте!

— Сейчас, накину что-нибудь.

На пороге комнаты возник уже знакомый Вокше по вечернему инциденту ражий начальник, за ним топтались еще несколько бойцов.

Загораживая проход, полуодетый охотник, глаза которого пришлились как раз на застежку плаща стражника, сварливым голосом спросил:

— Неужто чего-то не договорили?

Прекратив попытки обойти Вокшу и пройти в комнату, начальник стражи отрицательно покачал головой, отчего его шлем звякнул о кольчужный ворот.

— Нет, вас князь наш, самодержец, срочно к себе требует.

Прекрасно понимая, что в такой ситуации вопросы типа «А нельзя ли отложить встречу до утра?» звучат совершенно нелепо, охотник решил все же проверить степень «доброжелательности» этого вызова и сказал:

— Сейчас соберусь. Подождите за дверью.

К его приятному удивлению, начальник стражи кивнул и вышел, даже прикрыв за собой дверь. Это могло означать только самый добрый вызов, ибо если что-то было бы не так, то эти бронированные ребята скрутили бы его на раз.

Охотник собрался быстро, в комнате решил ничего не оставлять — мало ли, как дело повернется. То, что он не заплатит за

частично съеденный ужин, совершенно его не волновало. Он справедливо полагал, что своим активным участием в вечерней схватке с лихвой все окупил. Да и не по своей воле посреди ночи он покидал «Вкусную корочку». Как-никак местный государь вызывал.

Спускаясь по лестнице в сопровождении стражников, Вокша в слабом свете пары факелов отметил, что зал уже прибран и ничто не напоминает о произошедшем совсем недавно побоище. У выглянувшей на шум кухарки он спросил:

— Как хозяин?

Та, шмыгнув носом, гнусаво протянула:

— Слава Богу, жив наш господин.

— Ну и ладно. — С этими словами охотник вышел на улицу, где сразу почувствовал зябкий ночной ветерок. Поплотнее запахнувшись в плащ, он пошел следом за начальником стражи, держась чуть сзади и правее его. Остальные топали следом.

Как и предполагал Вокша, его повели по замковой улице. Решив кое-что уточнить, охотник догнал старшего конвоя и спросил:

— А что это вы все в боевой броне? Неужто Ольмут — такой неспокойный город?

— Нет, — ответил начальник стражи, на ходу повернув голову к охотнику, — Ольмут — добрый город.

— Так в чем же тогда дело? — не унимался Вокша. — Неужто у вас ярмарки такие опасные?

— Какие ярмарки? — удивился старший.

Охотник прикинулся простачком:

— Так ведь народу сколько в город понаехало. Днем по улице не пройдешь. И все как один с товаром своим.

— То не товар, — назидательным тоном сказал начальник, — то народ наш живот свой вместе со скарбом скудным спасти пытаются.

— А что ж за напасть?

— Да сосед наш северный, князь Стриг, совсем житья не дает. Уж, почитай, с весны его конные стали на наши деревни набегать. Пограбят, и к себе.

— А что же князь Осей его к порядку не призвал?

— Да куда там, — старший даже рукой с досады махнул, — все прикидывается вражина: мол, знать ничего не знаю, а до вас разбойный люд ходит, они и меня задевают. А теперь вот

личину-то скинул злодей. Третьего дня со всем своим войском границу перешел и жжет наши поселения. Народ-то и побежал в столицу под десницу княжью.

— Так, стало быть, у вас теперь война?

— Стало быть, так.

— А что-то я войска вашего при подходе к городу не увидел? — спросил охотник. — Стража, верно, крепкая на вратах стояла, а боле никого?

— Про то нам не ведомо.

За разговором они дошли до княжеской цитадели. Это была тяжелая каменная громада, возвышавшаяся над ближними домами, смутно различимая в свете нескольких факелов. Вход в замок закрывали прочные двустворчатые ворота высотой не меньше трех человеческих ростов и такой же ширины, почти сплошь окованные железом, слегка утопленные в высоченную каменную башню. Уходящие в стороны стены тоже были высокими и, видимо, толстыми.

Когда до ворот осталось с десяток шагов, старший сделал всем знак остановиться и подошел к башне один. Его тихо окликнули сверху, он ответил одним словом. После чего ворота чуть приоткрылись, и начальник стражи сделал Вокше приглашающий жест следовать внутрь. Там его уже ждали.

На этот раз охотника сопровождали трое гвардейцев, которые сразу взяли его в плотный треугольник. Они были вооружены длинными мечами, в тяжелых пластинчатых бронях и закрытых шлемах, так что лиц разглядеть было невозможно. Пройдя небольшую площадь, охранники повернули налево, поднявшись по короткой лестнице и вошли в левое крыло княжеского дворца — высокого, не меньше четырех этажей, здания.

Гвардейцы двигались абсолютно молча и совершенно синхронно. Вспомнив вечернюю встречу с зомби, охотник поежился от неприятного ощущения. Для того, чтобы отогнать его, он замедлил ход и спросил:

— Далеко еще?

Охранники тоже слегка притормозили, а передний чуть повернул свою бронированную голову и глухим, но вполне человеческим голосом ответил:

— Уже нет.

Вокша успокоился и больше не предпринимал попыток нарушить строй.

Его долго водили по плохо освещенным переходам замка. Благодаря своему чувству направления охотник определил, что, минуя центр, гвардейцы направились куда-то в отдаленные помещения левого крыла, которые тянулись дальше, чем он предполагал. Дважды они поднимались по узким, явно не парадным лестницам, а затем снова опустились на один этаж. Здесь конвой остановился, а шедший впереди гвардеец трижды стукнул своей железной десницей в небольшую деревянную дверь.

Потянулось ожидание, пользуясь которым охотник огляделся. Ничего примечательного на этой маленькой лестничной площадке не оказалось. Впрочем, ждать пришлось недолго, и дверь приоткрылась. Оттуда вышел невысокий толстячек, одетый в пышные одежды и увешанный драгоценностями, которые сверкали даже при тусклом освещении задней лестницы.

— Спасибо, капитан, — сказал придворный приятным бархатным голосом. — Вы можете быть свободны, а вас, господин представитель Лиги, попрошу пройти со мной.

«Ишь ты, — подумал Вокша, проходя вслед за вельможей в небольшую комнату. — Капитан, чай, здесь величина не малая. Раз его за мной посылали, значит, думают, что я заметная фигура в Лиге. Пожалуй, не следует их разочаровывать, а то неровен час обидятся.

Тем временем встречающий повернулся к нему и представился:

— Я — граф Сесер, исполняю обязанности камергера.

После этой фразы граф сделал паузу и выжидательно уставился на охотника. Тот, следуя принятому решению, ответил:

— Вокша — представитель Лиги охотников.

Он здраво полагал, что, отвечая коротко и чаще туманно, сможет поддержать свой высокий статус, представление о котором, по-видимому, сформировалось у местного начальства. Безусловно, ольмутские власти уже сложили дважды два, то есть его появление в городе с верительной грамотой и вечерний бой в трактире, где он продемонстрировал свое непростое оружие, и пришли к определенным выводам. Заключение было ошибочным, и его посчитали кем-то из руководства Лиги. В этом не было ничего удивительного, ибо о реальных делах Лиги знали немногие, а вот слухов и легенд вокруг деятельности этой организации и ее членов существовало великое множество.

Тем временем камергер сообщил ему:

— Их величества изволят принять вас в неформальной обстановке.

Вокша согласно кивнул головой. Тогда граф подвел его к другой, уже гораздо большей двери, украшенной резьбой, изображавшей летящих птиц, и накладками более светлого дерева. За ней была еще одна небольшая комната, где их ждали двое гвардейцев уже без шлемов, но по-прежнему в тяжелой боевой броне. Здесь охотник оставил свое оружие, верхнюю одежду и вещмешок. Теперь он стоял перед высокой двустворчатой дверью необычного, очень светлого дерева, богато украшенной позолотой.

Наконец и эта дверь была открыта. Стоящий рядом с Вокшей камергер изогнулся в поклоне, обращенном в глубь освещенного зала. Вокша вошел в помещение, остановился, приложил правую руку к груди и тоже поклонился.

Он оказался в небольшой зале, в которой от силы могло разместиться десятка два человек. Однако прибрана эта комната была по-царски. Здесь не было окон, а стены были задрапированы голубой материей, расшитой высокохудожественными рисунками. Охотник залюбовался необычной картиной, с одной стороны, состоящей из множества отдельных композиций, а с другой, несомненно, объединенной единой темой. Причем это было не традиционное восхваление государства или правящей династии с классическими колосящимися полями и мужественными рыцарями, а нечто совершенно иное.

На стенах залы отражалась история Предгорий. На правой от Вокши стене багровыми тревожными тонами были вышиты картины процветания и гибели Империи магов. Слева доминировали природные ландшафты, на которых присутствовали и представители нечеловеческих рас. Напротив же двери картины показывали различные части современных Предгорий с центром, посвященным Ольмутскому княжеству и его покровителю — синему дракону.

Под этой частью располагалось небольшое возвышение в одну ступеньку, на котором стояло то ли богатое кресло, то ли скромный трон почти без позолоты. На нем сидел совершенно седой старый человек в длинной, богато расшитой мантии синего цвета. И без того дорогая одежда была оторочена редким мехом серой лисы, а в края стоячего воротника были вшиты

два крупных голубых драгоценных камня чистой воды. Перед охотником, несомненно, сидел князь Осей. Рядом с ним, опираясь на спинку правой рукой, возвышался могучий черноволосый красавец в богато расшитом костюме того же цвета и коротких мягких сапожках.

Довил, а кто еще мог так вольготно расположиться, внимательно смотрел на вошедшего охотника, в то время, как взгляд старого князя рассеянно блуждал по сторонам, где возле стен стояли около десятка придворных. Один из них, невысокий шатен средних лет со слегка вздернутым носом и острым взглядом серых глаз, шагнул к Вокше и произнес торжественно-официальным тоном:

— Я, граф Номинос, министр по иностранным делам княжества Ольмутского, рад видеть представителя Лиги свободных охотников в Ольмуте и от лица великого и пресветлого князя нашего Осия и сына его, совладетеля Довила, приветствовать вас на нашей земле.

Маленький охотник, верный выбранной тактике, молча снова поклонился в сторону князей и замер в ожидании продолжения. Возникла небольшая пауза, видимо, по местному этикету что-то должен был сказать гость. Однако Вокша словно воды в рот набрал: «Пусть сами выводят на нужный разговор».

Расчет оказался верным, и после короткого замешательства министр продолжил уже более нормальным голосом:

— Государи наши желают знать, с какой целью прибыл в Ольмут представитель Лиги?

На прямой вопрос охотник привык давать прямой ответ. Продолжая смотреть на ольмутских князей, он лаконично сообщил:

— Руководство Лиги поручило мне выполнение специальной миссии.

После чего перевел взгляд на Номиноса, вытащил из-за пазухи верительную грамоту, сделал шаг в сторону ministra и закончил:

— О чем свидетельствует этот документ.

Граф подошел к Вокше, забрал пергамент и, постепенно склоняясь в поклоне, подошел к возвышению. Не доходя шага, он склонился в пояс и протянул грамоту младшему князю. Тот взял ее, неторопливо развернул и принялся читать. Осей же по-прежнему не проявлял к происходящему никакого интереса.

са, на грамоту не смотрел, да и держал ее Довил высоковато для того, чтобы старый князь мог хотя бы что-то увидеть.

«Похоже, Родим, староста Паловский, верные слухи слышал, — подумал охотник, внимательно следивший за всеми нюансами происходящего. — Нездоров, видать, старый князь, и всем заправляет молодой. Хорошо ли это иль плохо, пока неведомо».

Тем временем Довил закончил изучение документа, склонился и прошептал что-то отцу. Глаза Оселя на мгновение оживились, он посмотрел на сына и слегка кивнул, после чего его взгляд снова стал рассеянным.

Младший князь с кивком протянул грамоту обратно словно застывшему на все это время министру, и тот, пятаясь задом и постепенно распрымляясь, вернул ее Вокше, пояснив опять-таки высокопарным дипломатическим слогом:

— Ваша верительная грамота принята государями Ольмутскими.

Охотник снова поклонился и коротко сказал:

— Благодарю.

Граф обернулся к княжескому престолу и, получив одобрительный кивок Довила, продолжил:

— Государи наши желают знать: какого рода миссию выполняет представитель Лиги в наших краях?

— Разведывательную, — скupo и, по собственному представлению, очень нахально заявил Вокша.

Видимо, все было как надо, поскольку министр кивнул и уточнил:

— Нас беспокоит, не направлена ли она против нашего государства?

— Ни в коей мере.

Номинас слегка замялся, снова бросил быстрый взгляд на князей и продолжил гнуть свою линию:

— Нам бы хотелось знать о ее содержании более подробно.

Однако охотник оказался «подкован» в такого рода делах, поэтому, слегка нахмурившись, сказал:

— Насколько я знаю, между Лигой и княжествами заключен договор, согласно которому представители Лиги могут беспрепятственно путешествовать по землям княжеств. Может, Ольмутское княжество не подписывало это соглашение? Или моя грамота чем-то не годится?

— Да нет, — слегка сморщившись, сообщил министр. — Все в порядке, только у нас сейчас сложились особые обстоятельства, и любые разведчики вызывают подозрения.

— Разведчики Лиги? — уточнил Вокша и тут же поинтересовался: — Здесь есть кто-то из Лиги, кроме меня?

— Нет. — Брови Номинаса удивленно поднялись, однако он быстро переиграл разговор в свою пользу: — А что, должны были быть?

— Это одна из моих задач. Я должен встретиться с теми охотниками Лиги, которые отправились в центральную часть Предгорий раньше меня.

— Для чего же?

Теперь вопросы задавал министр, и эта смена позиций Вокше не понравилась, поэтому он снова стал предельно краток:

— Для уточнения происходящего.

— А! — Граф словно бы только теперь стал понимать, куда клонит охотник. — То есть Лигу заинтересовали необычные события у нас?

— Вообще-то Лиге известно о письме от центральных княжеств с просьбой о помощи в борьбе с разбушевавшимся зверем, — насколько мог ехидно сообщил Вокша и продолжил уже спокойно: — Поэтому несколько следопытов отправились на разведку.

Маленький охотник не стал уточнять, относится ли он сам к этим разведчикам или направился уже следом как руководитель и контролер. Пусть головы поломает местная знать!

Неожиданно молодой князь спустился с возвышения и, глядя Вокше прямо в глаза, грубо по-солдатски спросил уже сам:

— Так вам что-нибудь известно о причинах всего этого бардака?

Похоже было, что Довил взволнован не на шутку, поэтому охотник решил слегка сымпровизировать на основе имеющихся у него сведений.

— Есть предположение, что все происходящее связано с нарушением баланса магических сил. Надеюсь, дальнейшая разведка поможет нам определиться точнее.

Младший князь опустил голову и задумался. Окружающая же правителей знать по-прежнему безмолвствовала. Вокша снова отметил, что порядок в Ольмуте строгий, на протяжении всего разговора, или дружественного допроса, так было бы пра-

вильнее назвать происходящее, никто, кроме министра иностранных дел, похоже, даже не шевелился.

После некоторого размышления Довил пришел к какому-то решению. Он повернулся к дворянам, стоявшим слева, и распорядился:

— Граф Босел, проводите нашего гостя в подготовленные для него покой.

Высокий сухой пожилой придворный, одетый проще остальных, явно бывший воин, сделал шаг вперед и поклонился князю. Тот вновь оборотился к Вокше и сказал:

— Завтра утром мы еще обсудим с вами некоторые детали, а сейчас желаю спокойной ночи.

После этого Довил вернулся к отцу, а дворцовый распорядитель, так называлась должность очередного графа, вывел охотника обратно в прихожую. Оба гвардейца смотрели на охотника странными испуганными взглядами. Приглядевшись, Вокша с удивлением понял, что один из них успел смеяться. Не придав этому большого значения, он быстро собрал свои вещи и последовал за Боселом через новую череду лестниц и коридоров, размыщляя над тем, кто же он в этом дворце в большей степени — гость или пленник.

Впрочем, предоставленные ему покой превзошли все ожидания. Помимо прихожей в распоряжении охотника оказался кабинет и большая спальня. Все комнаты были обставлены резной мебелью из светлого дерева дорогой породы, стены оказались увешаны гобеленами, высокий потолок покрывала роспись.

После того, как граф Босел пожелал ему спокойной ночи, охотник еще раз, как на экскурсии, медленно обошел свое ночное прибежище. Слегка поохал от удивления и обнаружил пару потайных глазков среди живописных рисунков в гобеленах. Это его даже успокоило. Решив, что утром будет виднее, Вокша разложил свою нехитрую амуницию, быстро разделся и вскоре уже сладко спал.

10. УТРЕННЕЕ БЕГСТВО

Утренний ветерок еще не обжигал лицо морозцем, но, наполненный влагой, забирался под одежду и заставлял ежиться. Вокша не любил ездить верхом, а тут уже третий день подряд

только на ночь оставлял седло. Несмотря на старания графа Босела в подборе амуниции, ноги маленького охотника с большим трудом дотягивались до стремян, и по вечерам он едва мог ходить. Распоряжение молодого князя выполнялось неукоснительно, и охотник целый день трясясь на своей небольшой каурой лошадке вместе с конными дворянами Ольмутского княжества.

Князь Довил дождался сбора войск и выступил в поход на своего обидчика князя Стрига. Вокшу держали на положении полупосла-полушпиона, и ему было велено находиться при князе и в походе. Поначалу охотник даже обрадовался, поскольку неделя, проведенная совершенно без толку в замке без права его покидать, изрядно его утомила. Однако уже первый день пути совершенно вымотал охотника. Если бы не постоянная помощь старого воина графа Босела, помнившего еще деда князя Довила, и поддержка Элеха — молодого паладина с Торгового берега, то Вокша свалился бы с коня уже к первому полудню.

Эти двое были дружески расположены к охотнику. Первый, возможно, как приставленный присматривать за ним, а второй по свойству своей души, отданной в служение силам света. Остальные придворные, да и поместные дворяне в общении с посланцем Лиги оказались крайне осторожны и немногословны.

За неделю, проведенную в замке, Вокша узнал, что ольмутский князь давно не любил Стрига. Этому способствовало не только соседское расположение Лесского княжества и родственные связи — Стриг был женат на младшей сестре Довила, — но и постоянное соперничество во всем, присущее ровесникам, обладающим одинаковым статусом. У Стрига тоже еще был жив отец — Зиган, правда, давно не занимавшийся государственными делами. По словам замкового лекаря, на старости лет сей муж увлекся магией и даже проявил в сем деле немалые способности.

Каждый из младших соправителей постоянно пытался доказать окружающим, что лучше другого. Немудрено, что в эти неспокойные времена их соперничество переросло в открытую вражду, вылившуюся в войну. Охотник понимал, что установить, кто первый напал на соседа, не представляется возмож-

ным, ибо ответы Стрига по поводу нападений на приграничные поселения, в которых он обвинял бандитов, а подозревал, конечно же, своего визави, показывали, что и его княжество было пострадавшей стороной.

Теперь Вокшу насильно тащили на дурацкую братоубийственную бойню, в которой не было правых. От этих мрачных мыслей маленькому охотнику стало еще холоднее, и он направил свою кобылку к паладину.

Элех, высокий, широкоплечий и, как всегда, светлый лицом, сразу повернулся к Вокше и заулыбался. Этот юноша, в начале лета из-за сильной лихорадки отставший от своего посольства, нравился охотнику. Когда Вокша узнал, что паладин прибыл в Ольмут с Торгового берега, он не удержался и распросил Элеха: не видал ли тот его старшего брата. Юный паладин отнесся к расспросам очень серьезно, спросил, как выглядел Козим, где и кем служил в последнее время. Вспомнил пару знакомцев, подходящих под описание, и уже в процессе дальнейшего уточнения выяснил, что это все же не те люди.

После этого разговора у охотника и паладина сложились теплые добрые отношения, и Вокша частенько заглядывал в покой Элеха, где с приятностью проводил томительно тянувшееся время вынужденного затворничества. Позже к ним стал присоединяться и граф Босел.

Сейчас паладин поджидал охотника, развернув своего великолепного, почти совсем белого коня, обладавшего роскошной шелковистой гривой, даже более светлой, чем длинные волосы хозяина. Вокша догнал Элеха и, вздохнув, уже не в первый раз спросил:

— Зачем все же тыучаствуешь в этой неправой войне?

Взгляд юноши стал слегка отрешенным, и он задумчиво проговорил:

— Правители Ольмута проявили ко мне большое участие, пока я болел. Они добрые и славные люди, и я не могу не вернуть им долга, особенно сейчас, когда злой враг напал на их княжество.

— А почему ты так уверен, что именно воины Лесского княжества начали войну?

— Во-первых, я верю князю Довилу. За все время, проведенное в Ольмуте, у меня не было ни одного случая усомниться в его искренности. Во-вторых, сейчас мы на территории Оль-

мутского княжества, но уже несколько раз я замечал на холмах вражеские дозоры и думаю, вот-вот мы встретимся с основными силами Стрига, а это значит, что агрессор именно он.

Доводы паладина не убедили Вокшу. К тому же он уже знал, что эти земли, расположенные совсем недалеко от места его встречи с белым тигром, всегда были спорными. Каждое из двух княжеств считало их своими. Поэтому здесь и не было постоянных поселений. Охотник решил перевести разговор.

— А что ты знаешь о некромантии? — спросил он Элеха.

Юный паладин наморщился и ответил с отвращением в голосе:

— Это один из самых мерзких видов черной магии, в котором используются силы смерти. Такая волшба была запрещена даже в Империи магов. Она нарушала естественный круговорот жизни и искусственно оживляла мертвую плоть, которую покинула душа.

— Может ли сейчас кто-то заниматься ею?

— Вряд ли. Ведь мои братья-паладины постоянно путешествуют по Предгорьям. Если бы что-то подобное применялось где-нибудь здесь, то мы бы обязательно узнали. И можешь мне поверить, весь орден собрался бы в таком месте и наказал преступника.

Пафос юного паладина слегка развеселил Вокшу. Он немало путешествовал по южной части Предгорий и прекрасно знал, что члены ордена паладинов там практически не появлялись, признавая те края «вотчиной» Лиги. Может, здесь, в центре страны, они и имели больший вес, однако, насколько охотник понял из рассказов жителей Торгового берега и прежде всего Козима, даже в своих родных восточных краях светлые рыцари были далеко не единственной и отнюдь не самой мощной силой.

Тем временем кавалькада всадников продолжала двигаться на северо-восток среди колонн пеших воинов. Основная часть войска оказалась между двумя высокими холмами. Более пологий склон западного холма густо порос лесом, на крутом восточном лишь кое-где был негустой кустарник, а местами даже обнажились более светлые выходы горных пород. Этот участок пути хорошо подходил для организации засады.

Вокша приостановил свою лошадку и стал напряженно вглядываться в хмурый еловый лес. Предчувствие его не обма-

нуло. Сразу в нескольких местах из лесной чащи выскочили группы лучников, на ходу обстреливавшие не подготовившихся ольмутских пехотинцев, а с двух сторон на дорогу выкатилась конница. Более того, с противоположной стороны из-за редкого кустарника тоже полетели стрелы.

Охотник кулем свалился с кобылы и, прикрываясь ею от основного обстрела, стал лихорадочно соображать, что делать. Принимать участие в этой дурацкой битве он не хотел, однако и позволить себя просто так подстрелить или зарубить тоже не собирался. Поэтому сейчас главной задачей для него стал поиск наиболее безопасного пути отступления, а попросту говоря — бегства.

Похоже, для этого наилучшим образом подходил крутой склон восточного холма. Здесь было немного стрелков, и располагались они в основном впереди, поэтому, отходя назад и затем вверх по склону, охотник имел неплохие шансы высколизнуть из завязавшегося вокруг боя.

Вокша развернул свою кобылку, крепко схватил под уздцы и, по-прежнему прикрываясь ею как живым щитом, потрусили назад, постепенно уходя с дороги. При этом он постоянно озирался на крутой склон и иногда из-за лошади выглядывал назад направо, где завязалась серьезная сеча. Отступая таким маневром и остро сожалея, что у него нет щита, которым можно было прикрыть спину от шальной стрелы, охотник видел развитие событий на поле боя.

Внезапное нападение принесло свои плоды Лескому князю, и теперь его бронированная пехота, которой уступила место легкая кавалерия, внесшая расстройство в ряды воинов Довила, с победным ревом теснила разрозненные группы ольмутских пехотинцев. Плохо организованная контратака дворянской конницы, во главе которой Вокша с сожалением разглядел разевающийся белый плащ юного паладина, не смогла изменить ситуацию. Ее встретили копейщики Стрига, успевшие тесно сомкнуть свои ряды.

К тому моменту, когда охотник с благодарностью оставил свой живой щит и со всей возможной прытью помчался вверх по открытому каменистому склону холма, судьба битвы уже была решена, и с поля боя потекли в разные стороны ручейки неудачливых беглецов, пытающихся спастись от вновь появив-

шейся из-за деревьев леской конницы. Шансов у них в отличие от начавшего отступление раньше Вокши было немного. Об этом свидетельствовали раздававшиеся отовсюду предсмертные вскрики и неприятные хрупающие звуки сабель и мечей, прорубающих броню и разящих плоть.

Проклиная человеческую глупость, охотник еще прибавил, и, как оказалось, вовремя. Кавалерии сюда было не забраться, но левее и ниже его по склону появилась смешанная группа пехотинцев, которая быстро расправилась с двумя удирающими ольмутскими воинами и заинтересовалась им. Дело принесло плохой оборот, поскольку в группе оказалось несколько лучников. Вокша был вынужден петлять как заяц и теперь поднимался на гребень холма медленнее. Мечники стали приближаться к беглецу, однако пока ему удавалось избегать стрел, которые уже трижды пролетали совсем рядом.

Глядя под ноги и иногда коротко оборачиваясь назад в попытке уловить хотя бы краем глаза момент пуска очередной стрелы, охотник мчался со всей возможной скоростью. Он успел горько пожалеть о том, что не сделал хотя бы попытки сбежать от соглядатаев Довила на каком-то из ночных привалов. Однако в основном его мысли были заняты мгновенно меняющейся обстановкой вокруг. Вот при очередном повороте головы охотник засек выстрел. Еще до того, как он успел подумать что-то связное, ноги сами сделали резкий поворот направо, и стрела прошла левее. Тут под левую ногу попал гладкий и влажный от утренней росы камень, и Вокша поскользнулся. Едва не упав, он снова, теперь уже вынужденно, чтобы удержать равновесие, свернул налево. Это его выручило, поскольку справа пролетела другая стрела.

«Плотно бьют, — вспыхнуло в голове. — Надо что-то срочно сделать».

Мысль пришла своевременно, ибо как раз впереди справа из-за кустарника показалась каменистая грязь, тянущаяся дальше вправо и вверх до самого гребня холма. Она могла послужить хоть каким-то прикрытием от лесных лучников, да и росший перед ней кустарник тоже ограничил бы их обзор. Охотник резко повернул направо и еще прибавил. Теперь он смотрел только под ноги, главное было снова не поскользнуться и не споткнуться на этом коротком участке пути.

Ему повезло. Когда он уже преодолел кустарник и почти добежал до гряды, одна из стрел все-таки достала его, но лишь пробила рукав куртки на плече и застряла там опереньем. Вокша даже не стал ее вытаскивать, не до того. Он нырнул за первый валун и, слегка пригнувшись, побежал вдоль гряды, опасаясь теперь только шустрой мечников, которые заметно опередили лучников, иногда останавливавшихся для прицельного выстрела. Теперь его малый рост оказался очень кстати, поскольку грязь была не высокой, и только такой коротыш, как он, мог укрыться за ней целиком, почти не пригибаясь.

Охотник не рискнул остановиться. Конечно, он не испытывал никаких добрых чувств к своим преследователям и готов был направить парочку из них на встречу с Создателем, но за это время к грязи могли подойти лучники, и ему самому тоже пришлось бы отправиться в мир иной. Несмотря на захватывающие рассказы серого мага о дальнейшем развитии души после смерти тела, Вокша не торопился проверять его теорию на себе.

Поэтому он бежал вперед, слыша уже совсем недалеко азартные голоса преследователей, но пока укрытый от них каменной грязью. Пользуясь заметным отставанием лучников, охотник теперь даже не оборачивался, а полностью сосредоточился на неровностях под ногами. Это его и подвело.

Прокинув редкий кустарник, Вокша внезапно оказался на еще более крутом и абсолютно голом обратном склоне холма, сплошь усыпанном мелкими камнями. Взятый им разгон не позволил охотнику остановиться или резко изменить направление, и он буквально вылетел на опасную осыпь. Дальше все случилось очень быстро. Камни под ногами Вокши заскользили вниз, набирая скорость и захватывая по пути все новые и новые массы земли. Охотник, нелепо размахивая руками, поехал вниз вместе с ними. Он понимал, что уже ничего не сможет сделать. Не за что было уцепиться и не на что упереться в этой зыбкой, все увеличивающейся в объеме лавине.

Краем уха Вокша уловил испуганный вскрик одного из своих преследователей, который в азарте погони выскочил на осипающийся склон и уже тоже катился вниз немножко левее. Это отложилось в памяти, но не вызвало никаких мыслей, поскольку сейчас все существо охотника было занято борьбой за жизнь.

Он старался удержать равновесие и не начать кувыркаться. Пока ему это удавалось. Однако склон стал еще круче, превратился в почти отвесный обрыв. Охотник уже буквально летел вниз в куче осыпающихся камней, и тут ему наконец повезло. Уже изодранные в кровь руки, постоянно ощупывавшие все вокруг в надежде уцепиться за что-нибудь, чтобы хотя бы замедлить падение, наткнулись на каменный выступ и тут же вцепились в него мертвой хваткой.

Вокшу изрядно тряхнуло. Он ничего не видел вокруг и только чувствовал, как его и без того избитое тело продолжают лупить разнокалиберные камни, сыплющиеся сверху. Охотник держался за спасительный выступ из последних сил, но то ли его вес оказался велик, то ли продолжавшая осыпаться порода раскачала камень, выступ медленно наклонился и заскользил вниз вместе с вцепившимся в него человеком.

Возобновив падение, Вокша сразу же отбросил от себя камень и снова сконцентрировался на поддержке равновесия. Поскольку большая часть оползня уже прошла вниз, охотник смог увидеть, что теперь скатывается в узкое ущелье по одной из его стен. Дно оказалось близко, и Вокша при ударе не потерял сознание. Он упал на большой трухлявый кусок дерева и почувствовал резкую боль в правой лодыжке, а также ушибся правым боком и плечом. Успев обрадоваться тому, что остался жив, охотник с ужасом понял, что кусок дерева заскользил куда-то вниз.

Теперь Вокша, все ускоряясь, словно на санках ехал по наклонному дну сырого ущелья. Впрочем, на этот раз все закончилось быстро. Его рассыпающаяся доска влетела в устье высокого грота, и охотник испытал краткий миг свободного падения. Он насколько мог сгруппировался, но тут последовал сильнейший удар, и свет померк в глазах многострадального путешественника.

11. ДНЕВНОЙ СОН

Сознание возвращалось к охотнику медленно и неохотно. Сначала он ощутил боль в правой лодыжке, затем в правом боку и плече, после этого, словно соревнуясь между собой, у

него заболели все части тела. Когда боль наконец достигла своего апогея, появились и другие чувства. У Вокши прорезались обоняние, слух и осязание, которое настойчиво подсказывало ему, что он лежит на чем-то длинном и твердом.

«Меч», — с трудом сообразил охотник.

Он попытался повернуться и получил такой удар боли, что снова потерял сознание.

Следующий раз охотник пришел в себя от того, что его куда-то несли. Судя по всему, носильщиков было двое. Один держал Вокшу за ноги, а второй за руки. Вокруг была кромешная тьма или у него случились нелады со зрением. Поэтому охотник напряг слух и обоняние. Он услышал негромкий шорох шагов и почувствовал странный запах, более резкий, чем человеческий, но не такой, как у животных.

Тем временем носильщики остановились, положили свою ношу на землю и стали о чем-то негромко совещаться. Звуки членораздельной речи включили в голове охотника старое воспоминание. Этот язык трудно было спутать с каким-то иным. Преобладание коротких согласных звуков и отрывистость в сочетании с легкой гундосостью свидетельствовали о том, что Вокша оказался в гостях у карликов — подземных обитателей Предгорий, больших мастеров кузнецкого дела. Этот народ не отличался особой гостеприимностью, и хотя карлики редко проявляли открытую враждебность к людям, но это там, наверху. Сейчас же охотник был в их царстве, причем совершен-но незвано.

Вокше очень не хватало зрения, и он попытался проморгаться. Оказалось, что верхняя часть его лица покрыта коркой засохшей грязи. Видно, во время падения охотник умудрился во что-то вляпаться, да так и присохло. Он содрал корку с лица и смог рассмотреть своих носильщиков. Это были широкоплечие крепыши маленького роста, едва достававшие ему до подбородка, одетые в кольчуги и вооруженные секирами.

Единственным источником рассеянного голубого света служил короткий металлический жезл, висевший на груди одного из карликов, поэтому рассмотреть их густо заросшие расительностью лицо не представлялось возможным. Тем не менее позы подземных жителей, дружно повернувшихся к охотнику и взявшимся за свое оружие, свидетельствовали о напря-

жении и недоверии к незнакомцу, которого они почему-то решили подобрать.

Вокша коротко прокашлялся и произнес фразу на родном для карликов языке. Звучало это примерно как «Тамнглонтп» и означало короткое дружественное приветствие.

Звуки родной речи из уст человека удивили карликов. Они что-то обсудили, и тот, у которого был светящийся жезл, видимо, старший, склонился над охотником.

— Почему здесь? — жутко коверкая человеческую речь, спросил он.

— Провалился, упал, — тщательно и медленно выговаривая слова, ответил Вокша.

Старший понимающе кивнул и продолжил допрос:

— Охотник?

— Да.

Карлик наклонился еще ближе и ткнул пальцем в застрявшую в рукаве стрелу:

— Воевал?

— Нет. Уходил.

— Почему?

— Не моя война, — честно признался Вокша.

Карлики снова стали совещаться. Наконец старший повернулся к охотнику и коротко приказал:

— Пойдешь с нами.

Вокша попытался подняться, однако острая боль в правой стопе буквально опрокинула его. Охотник вскрикнул, у него даже в глазах помутилось. Старший карлик присел и стал осматривать поврежденную ногу. Когда он попробовал осторожно повернуть стопу, Вокша снова не удержался от крика. Карлик поднялся и что-то сказал своему напарнику, затем сообщил охотнику: «Понесем», — и взялся за ноги выше поврежденного места. Другой легко подхватил Вокшу под мышки, и они снова направились куда-то по подземному лабиринту.

Равномерное движение укачало охотника, и он не то чтобы задремал, но погрузился в волшебный мир полуяви-полусна. Сначала он стал жалеть свою, по-видимому, сломанную ногу, затем жалость к себе приняла всеобъемлющий характер. Он всегда был один, по сути, с самого раннего детства, когда его подкинули к чужим дверям, и он, такой маленький и беззащитный, оставался в корзине и долго плакал там, пока его плач

посреди ночи не разбудил добрую Симму, ставшую его приемной матерью. И сейчас он снова один, такой маленький, бродит по опасным дорогам Предгорий, повсюду поджидаемый лишь опасностями и тревогами. Глаза его наполнились слезами глубочайшей жалости к себе.

Толчок спиной о землю снова вернул Вокшу в реальный мир. Путь был закончен, и охотник оказался в высокой сводчатой пещере, освещенной множеством закрепленных на стенах светящихся металлических устройств наподобие того, что было у старшего карлика, только значительно крупнее. Охотник лежал на каменистом полу около низкой арки, видимо, входа в жилище, которое лишь немного выступало из стены пещеры. Вокруг столпились десятка полтора одетых в броню карликов, очень похожих между собой с точки зрения Вокши.

Его рассматривали молча, с явным интересом. По-видимому, подземные жители впервые увидели человека, который в то же время был немного похож и на них. В наибольшей степени их смущало практически полное отсутствие растительности на лице охотника, в то время как их физиономии густо заросли жесткой щетиной от подбородка до самых глаз. Да и над бровями у карликов проглядывала лишь узкая полоска почти голой кожи, за которой сразу начиналась буйная шевелюра.

Вокша слегка приподнялся на локте и снова произнес приветствие на языке карликов. Окружающие прервали молчание и дружно загаддали. Когда обмен мнениями закончился, вперед выступил седой карлик, который выделялся среди своих собратьев богатой отделкой доспехов — наверное, был их вождем или шаманом. Он заговорил с охотником уже гораздо более понятно:

— Зачем ты вторгся в наши владения?

Вокша прекрасно помнил, что никуда не вторгался, однако вспомнил совет серого мага не спорить с горными кузнецами и решил быть как можно более осторожным и дипломатичным. Памятуя также о нелюбви карликов к сложным оборотам, он старался говорить как можно короче:

— Я попал в ваши владения вынужденно. Был ранен и упал с горы.

— Кто тебя ранил?

— Леские воины.

— Почему?

— Потому что я был гостем ольмутского князя.

Старый карлик непонимающе развел руками, тогда охотник пустился в объяснения:

— Я Вокша, охотник Лиги. Лига послала меня на разведку. Целью было местное дикое опасное зверье. Я оказался в гостях у Осия и Довила, князей ольмутских. У них началась война с Леским княжеством. Меня взяли в поход. Леские воины погнались за мной, и я упал с горы. Очнулся в руках ваших бойцов.

Теперь вождь его понял и кивнул головой. Затем он повернулся к своим, о чем-то коротко распорядился и ушел. А Вокшу снова подняли на руки и занесли в дом, на пороге которого он и лежал. Охотник с любопытством огляделся. Похоже, что в этом месте пещера была углублена, и созданный таким образом грот служил местом для жилья или чего-то еще. Хорошенько рассмотреть помещение Вокша не смог. Освещение, аналогичное уже виденному охотником, давало не много света, да и каждое движение причиняло ощутимую боль.

Ему и не дали времени осматриваться. Троє карликов ловко положили охотника на большой даже для него каменный стол и сразу занялись пациентом. Один остался у него в головах, а двое сноровисто и почти не больно разрезали и сняли с него правый сапог и портнянку. Вокша приподнял голову и на конец увидел свою распухшую посиневшую ступню, неестественно вывернутую в сторону.

Осмотрев повреждение, один из лекарей что-то гортанно сказал, почти крикнул и сделал резкое движение, ставя стопу на место. Привыкший к более щадящим методам человеческого лечения охотник даже не успел вскрикнуть. В голове у него помутилось, его затошило, и сознание уплыло.

Вскоре бессознательное состояние перешло в сон, и Вокше приснилось нечто интересное. Сначала он летал над каким-то бесформенным образованием, которое видел словно сквозь густую пелену. Затем внезапно оказался гораздо ниже и увидел под собой знакомую циклопическую арку на Древней дороге, только целую и неповрежденную. Странное чувство возникло у охотника. Будто сама земля в этом месте пыталась всплучиться и выпустить наружу какую-то мощную силу, а арка, словно крепкий замок, надежно удерживала ее.

Вдруг с неба в арку ударила гигантская молния грязно-алого цвета. От этого страшного удара левая часть дуги раскрошилась и осыпалась вниз потоком камней. И тут охотник испытал сильнейшее ощущение, словно арка была живой и где-то в ее центре находилось сердце, трепещущее от жуткой боли. Он мгновенно перенесся в небольшую полость внутри циклопического сооружения и увидел яркую трехцветную вспышку, в которой смешались синий, красный и белый цвета. Однако «замок», хотя и поврежденный, выдержал это испытание, и неугомонная сила осталась в недрах.

Потом все исчезло, и Вокша увидел арку в уже знакомом ему полуразрушенном виде. Вокруг клубился странный темный туман, в котором что-то двигалось. Охотник разглядел силуэты пятерых людей, крадущихся к арке. В душе его отчего-то возник страх. То ли в повадках этих людей чувствовалось нечто недоброе, то ли он снова ощущил чью-то чужую эмоцию.

Словно перенесясь по воздуху, Вокша оказался совсем близко от незнакомцев и увидел в руках одного из них, похоже, главаря, большой посох, из которого, клубясь, вытекал этот самый темный туман. Главарь был высок ростом и одет в добродушную кольчугу. На лице его выделялся шрам, рассекающий лоб от внутреннего угла правого глаза до левого виска. Он был сосредоточен и напряжен. Спутники находились сзади.

Наконец группа оказалась внутри сооружения, как раз рядом с тем местом, в котором охотник смог открыть проем. Видимо, люди каким-то образом смогли определить местоположение ниши, и теперь к главарю подошли еще двое. В их руках тоже были какие-то посохи, только заметно короче. Все вместе они направили волшебные артефакты точно в сторону полости и стали читать заклинания.

В душе у охотника поднялась тревога. Трио заклинателей словно превратилось в единое злое существо, пытающееся вскрыть запретную дверь, и им это удалось. Однако в тот момент, когда защитные силы арки стали поддаваться внешнему давлению, Вокша каким-то крайним зрением увидел расплывчатый темный силуэт с высоко поднятыми руками, словно стоящий за группой людей. Охотник успел ощутить, что именно эта сила и направляла действия злодеев, и даже смутно почувствовал, что знает ее.

Все было кончено. Злодеи ворвались в нишу и выхватили из углубления постамента «сердце» древнего сооружения — короткий жезл, в центре которого пылал белый свет, а по краям — синий и красный. «Замок» был взломан, и из глубины земли сначала тоненькой струйкой, а затем все сильнее и сильнее стал растекаться поток необузданной неуправляемой магической энергии.

Сделавшие же свое черное дело бандиты побежали в сторону от Древней дороги. Однако могучая охранная магия, почти разумная в своей силе, не хотела сдаваться. Когда группа людей, уже изрядно удалившаяся от арки и перешедшая на быстрый шаг, преодолевала небольшую лощину с ручейком на самом дне, темная сила, постоянно державшая их, ослабела. Грабители остановились и решили получше рассмотреть свой трофей.

Один из них протянул руку к главарю и сказал:

— Горис, дай-ка и нам посмотреть на эту штучку.

Главарь не собирался делиться добычей и резко отстранился. Воспользовавшись возникшей напряженностью и отсутствием внешней координирующей силы, древний артефакт снова ожил и ударил своей трехцветной энергией по окружающим. От такой мощи бандиты словно сошли с ума. В них проснулись все сдерживаемые ранее темные страхи и животные инстинкты, и они, забыв об оружии и заревев словно дикие звери, сцепились в один дерущийся не на жизнь, а на смерть клубок тел.

На этом месте охотник резко проснулся. Ощущение было такое, словно он и не спал вовсе. Сознание оказалось кристально чистым, мысли сами собой строились в дружные ряды, ведущие в одном направлении. Вокша получил ответ на многие из вопросов, которые задавал себе последнее время. Теперь нужно было срочно вставать на ноги и действовать.

Влекомый внутренней силой охотник попытался подняться и тут же со стоном откинулся на постель. Теперь он лежал не на каменном столе, где началось его лечение, а на довольно удобной и мягкой кровати, спеленатый повязками с головы до ног. Противоречие между внутренним стремлением к немедленному действию и внешними лечебными «оковами», да и болью почти во всей правой половине тела, проснувшейся от

резкого рывка, вызвало у Вокши неконтролируемый приступ ярости. Он снова дернулся. Новая порция боли немного прояснила голову, и охотник снова овладел своим сознанием.

Безусловно, кто-то или что-то только что попыталось взять его под свой контроль, и небезуспешно. Вокша уже сталкивался с подобными проявлениями внешних волшебных сил и знал, как с ними бороться. Он медленно и глубоко задышал и сконцентрировался на своем «Я». Как и раньше, ему очень помогли детские воспоминания о приемной семье. Он вспомнил теплые руки матери, суворое, но улыбающееся ему лицо отца, нежный голос сестры и даже строгий подзатыльник старшего брата за одну из своих шалостей. Лицо охотника размягчилось, на нем появилась улыбка, и контроль над собой был восстановлен.

Однако разлеживаться в гостях было некогда. Он получил интересные сведения не только о недавно произшедшем событии, но даже об истории развития ситуации. Нужно было как можно скорее вставать на ноги и продолжать свою работу.

Справиться с тугой повязкой не сложно, но сначала надо помочь своему телу как можно лучше излечиться. Вокша помнил несколько приемов волшебного ускорения восстановления мышц и костей и облегчения ушибов, преподанных ему Симмой. Поэтому он стал по очереди концентрировать свое внимание на нескольких энергетических центрах, начиная с макушки.

Задействовав все свои внутренние силы, охотник насколько мог отключил сознание от внешнего мира и, сконцентрировавшись на особо поврежденных частях тела, начал собирать энергию в единый узел. Затем он должен был, экономя как последний скупец, пройтись этой постепенно тающей силой по больным местам.

Мысленно Вокша по привычке потянулся в стороны, ища и не находя здесь, под землей, привычную силу деревьев. Он уже смирился с отсутствием поддержки, как вдруг неожиданно ощутил прилив внешней энергии, многократно превосходящей его собственную. Сдерживая настороженность и любопытство, не позволяя им перевести сознание в обычное состояние, охотник бросил этот могучий поток на больную ступню. Затем плавно перешел на колено и бедро, а потом смог охва-

тить внутренним взором всю правую часть тела, которая отзывалась благодарным теплом и легким покалыванием.

А поток силы не кончался. Вокша даже стал «видеть» ее синий цвет и почувствовал место, откуда она проистекает. Но пока, не теряя времени, продолжал «купать» уже все свое изрядно побитое тело в дармовом источнике энергии. Наконец наступил момент насыщения. Больше он не мог принять в себя ничего. Охотника переполняла сила. Она бурлила водопадами в особо поврежденных местах, плавно текла рекой в помятых и побитых и стояла озерами в здоровых частях тела. В этот момент внешний приток прекратился, но Вокша не спешил. Он ждал, пока реки улягутся в озера, а водопады перейдут в реки и также затихнут в заводях спокойной силы.

И этот момент наступил. Охотник снова открыл глаза и, спокойно поднявшись, легко освободился от повязок. Такого быстрого и полного излечения он и представить себе не мог. Недалеко от его ложа лежали его амуниция и одежда. Именно оттуда пришла магическая подмога, и Вокша прекрасно понимал, кто или, вернее, что ему помогло. Сейчас он чувствовал себя почти как после эльфийского благословения, хотя внутренние ощущения отличались. Тогда это была острая эмоция чувства, теперь же холодноватая сила рассудка.

Охотник оделся и вынул из кармана «подарок» белого тигра. Ему сейчас не нужно было столько энергии, сделавшей свое целительное дело, и он готов был вернуть ее избыток бывшему владельцу — тускло светившемуся теперь синему волшебному камню, части древнего запора на источнике магической силы. Вокша взял кристалл в руки и снова отключился от внешнего мира. Между человеком и камнем шел беззвучный диалог.

12. ВЕЧЕРНЯЯ СПЕШКА

Когда взаимодействие с кристаллом завершилось, Вокша почувствовал себя более привычно и узнал еще одну важную вещь. Где-то здесь, совсем рядом, находился белый собрат синего камня. Прежде чем покинуть оказавших ему такое неожиданное гостеприимство карликов, нужно было найти вторую часть древнего сторожевого артефакта.

Охотник не спеша вышел из помещения под высокие своды пещеры. Около входа стояли несколько аборигенов. Увидев его легко двигающегося и без повязок, карлики замерли. Один из них совсем по-человечески даже рот разинул от изумления. По-прежнему не понимая мимики лиц этих славных коротышек, Вокша заметил, как сильно увеличились и остекленели их глаза. Чтобы привести карликов в чувство, он снова повторил их приветствие и, увидев, что разумение возвращается к ним, жестами объяснил, что ему надо поговорить с вождем.

Самый маленький из карликов бросился бегом к одному из соседних жилищ, вход в которое был украшен резьбой. Он оказался необычайно проворным. Пока дожидались вождя, ни один из оставшихся карликов даже рта не раскрыл. Все они не отрывая глаз смотрели на охотника как на диво дивное. Вождь вскоре появился в сопровождении целой свиты. Вокруг него буквально приплясывал что-то непрерывно говоривший посланец.

Не доходя до Вокши несколько шагов, процессия замерла, и все ее члены уставились на него с тем же немым изумлением. Охотнику пришлось снова поприветствовать их и лишь затем, дождавшись оживающих глаз, он обратился к вождю:

— Спасибо за гостеприимство и помощь. Могу я поговорить с вами наедине?

Вождь, все еще донельзя изумленный, молча кивнул и сделал приглашающий жест в сторону своего дома.

Когда они вошли под высокую арку с барельефами, изображающими сцены битв и работы, все остальные карлики остались снаружи. Вождь провел охотника через первую комнату наподобие прихожей и опять же жестом пригласил располагаться в следующей, гораздо большей и богаче обставленной.

Вокша, испытывая внутреннее нетерпение, постарался успокоить себя и сдержанно начал:

— Уважаемый вождь, мне нужна ваша помощь.

Вождь немного поерзal, поудобнее устраиваясь в высоком каменном кресле, и наконец заговорил:

— Чем я могу помочь могучему магу?

Охотник решил не оспаривать новый титул и перешел к делу:

— Благодаря вашим лекарям я уже выздоровел. Этому помогли и мои умения. Теперь мне нужно обратно наверх. — При этих словах вождь не сдержал облегченного вздоха и немного расслабился. — Прежде чем уйду, мне нужно найти один артефакт. Большой белый камень. Он где-то здесь, в вашей пещере. Это опасный камень. Он должен занять свое место наверху. Тогда мы устраним беду. Поможете ли вы мне?

Вождь не торопясь огладил свою роскошную бороду. Глаза его хитро сощурились. Карлики всегда отличались невообразимой склонностью, граничащей с жадностью. Однако торговцами они были неважными. Возможно, понимание этой своей слабости, опасение прогадать при любой сделке и приводило к невероятной прижимистости.

— Большой белый камень? — изобразил вождь непонимание. — Даже не знаю.

При этом он притворно вздохнул и выразительно посмотрел на Вокшу. Тот решил действовать прямо, что-то подсказывало ему, что времени у него остается немного и даже затяжка торгов может оказаться роковой. Он быстро выгреб все свое достояние, состоящее из небольшой кучки серебряных и десятка золотых монет. При виде их глаза главного карлика засветились. Однако жадность одержала верх, и он, прикрыв глаза, отрицательно покачал головой.

Охотник порылся в кармане и вытащил сросшийся двойной клык, трофей начала экспедиции:

— Дам вам клык. Такие звери появились наверху. Могут появиться и здесь. Мне нужен камень, чтобы этого не случилось.

Подумав, добавил:

— Еще я могу дать меч. Только он велик даже для меня.

С этими словами Вокша вытащил волшебный клинок, который на этот раз не шипел, но сразу засветился неярким белым светом. Очередной сюрприз от спасенного человека произвел впечатление на вождя. Он потянулся рукой к мечу, но почти сразу отпрянул. Затем его рука задержалась над клыком, и на лице появилось недоуменное выражение. Так ничего и не взяв, рука карлика опустилась.

Чуть подумав, вождь кивнул и, глядя на стол, задумчиво произнес:

— Это немного, но я понимаю, что это все, что ты можешь предложить.

Затем он поднялся и знаком позвал охотника следовать за собой. Однако, уже отходя от стола, старый пройдоха ловким движением сгреб все монеты, которые тут же исчезли в каком-то из внутренних карманов его плаща, накинутого поверх кольчуги.

Вождь провел охотника через целую анфиладу комнат, выбрубленных в толще скалы. Наконец они дошли до небольшого помещения, в углу которого оказалась невысокая окованная дверь, запертая на внушительный замок. Из тех же карманов, в которых исчезли Вокшины сбережения, был извлечен необычайно сложный фигурный ключ. После короткой возни карлик открыл дверь и, войдя внутрь, сделал предостерегающий жест. Охотник остался ждать снаружи.

Вскоре вождь вышел с небольшой красивой коробочкой, вырезанной из цельного куска зеленого камня. Подойдя к гостю, он открыл ее, и Вокша увидел то, что и ожидал. На дне ларчика лежала точная копия его синего камня, только светившаяся молочно-белым светом.

Карлик молча вопросительно посмотрел на Вокшу. Тот, удивляясь, что уже начал понимать мимику горных работяг, кивнул и сказал:

— Да это он. Тот волшебный камень. Очень нужный наверху.

— Бери, — сказал вождь. — И разберись наверху.

— Сделаю, — пообещал охотник.

Его снарядили в дорогу. Дали большой запас вяленого мяса, о происхождении которого Вокша старался не думать, несколько прессованных лепешек из подземных грибов, смешанных с полезными мхами, и налили полную баклажку зубодробительно холодной воды. Карлики даже смогли отыскать где-то в своих бездонных закромах десяток стрел для человеческого лука, что пришлось очень кстати, поскольку после падения с обрыва у охотника оставался всего пяток лучших из черной сосны да с полдюжины простых.

Прощание было коротким. Тем же путем, каким доставили в пещеру, его понесли наверх, только теперь у него было четверо носильщиков и столько же сопровождающих, охранявших процессию и периодически подменявших устающих собратьев. К удивлению Вокши, ему не стали завязывать глаза, видно,

вождь решил, что такой «могучий маг», если захочет, то запомнит дорогу по-любому.

На этот раз широкоплечие карлики несли его на небольшом сиденье, закрепленном в четыре конца веревками, которые были перекинуты через плечи носильщиков. Двое сопровождающих двигались впереди, освещая путь своими светильниками, двое замыкали шествие. Передвигались быстро, полубегом, поэтому довольно скоро оказались у устья высокого грота, откуда начиналось узкое ущелье, которое охотник преодолел верхом на большом трухлявом куске дерева.

Здесь карлики дружно поклонились Вокше, а один из них, в котором охотник уже смог узнать старшего из дозорной пары, что нашла его, сказал, по-прежнему безудержно коверкая слова:

— Счастливо, человек. Успеха тебе.

— Спасибо, — ответил охотник, поднял руку в традиционном приветствии Лиги и не торопясь направился вверх по ущелью.

«Не такие уж они и кривоногие», — подумалось ему.

Вечерело. Когда Вокша выбрался наверх, солнышко успело приблизиться к верхушкам самых высоких деревьев. Полюбоваться на вечернее светило охотник не мог. Его путь лежал в противоположную сторону, и он заторопился, чтобы по дороге до заката успеть приглядеть себе безопасное место ночлега. Можно было снова переночевать на дереве, давшем ему приют после совместной с белым тигром схватки. Даже отсюда охотник видел вершину этого исполина, возвышающуюся немного правее.

Однако судьба распорядилась иначе. Сначала Вокша учゅял запах, а уже затем разглядел негустое марево дыма, поднимающегося от одинокого костра.

«Кто бы мог здесь обосноваться?» — удивился охотник. Поскольку дым был почти точно по направлению его движения, Вокша решил подойти поближе и посмотреть.

Приблизившись, он перешел на тихий охотничий шаг и так, крадучись, подобрался совсем близко к костру. Когда до стоянки неизвестных, расположенной на небольшой поляне, оставалось всего несколько рядов деревьев, Вокша прижался к самому толстому стволу и замер, прислушиваясь. Вскоре его

терпение было вознаграждено. Очень знакомый, но какой-то усталый голос произнес:

— Уходили бы вы. А то скоро ночь.

— Ничего, граф. Господь не даст нас в обиду. А раненного я вас не брошу, — ответствовал еще более знакомый баритон, при звуках которого на лице маленького охотника заиграла улыбка.

Спор тем временем продолжился. Граф Босел, именно ему принадлежал усталый голос, стал настаивать на своем:

— Паладин, если вместо меня одного эти дикие хищники сожрут и вас, то я не найду упокоения. Судя по рассказам нашего славного маленького друга, мир его праху, это зверье очень опасно.

— Нет, граф. И не настаивайте. Мой закон и моя совесть никогда не позволят мне бросить друга в беде, — спокойно ответствовал Элех. — Кстати, наш покойный друг тоже так никогда бы не поступил, царствие ему небесное.

— Что-то вы меня рано хороните, господа, — громко произнес охотник, выходя на поляну.

Изумление светлого воина и графа не знало границ. На какое-то время они просто застыли, не в силах ничего сказать. Первым пришел в себя юный паладин. Он подбежал к Вокше, обхватил его своими крепкими руками и затряс, как буйный подросток зелую яблоню. У охотника аж дыхание перехватило.

Следом к нему приковылял и раненый граф. Старый вояка был сдержаннее в проявлении чувств, но тоже обнял охотника, слегка оттеснив Элеха, за что Вокша был ему благодарен. Затем, отступив на шаг, граф рассмотрел охотника и с заметным удивлением полууточняющей-полутверждая, произнес:

— Да вы даже и не ранены, мой друг.

— В основном обошлось, — скромно подтвердил Вокша.

— Как же вы выбрались из этой мясорубки? — спросил Босел. — Ведь вы, насколько я понял, совсем не привычны к масштабным сражениям.

— Да, — подтвердил охотник. — Массовые бессмысленные братоубийства — не мое ремесло.

— И все же, — теперь уже настаивал паладин, — как вам удалось выбраться? Ведь нас разбили настолько быстро, что ни о каком организованном отступлении не приходилось говорить. Если бы не безмерная храбрость и умение графа, сплотившего

вокруг себя остатки дворянской конницы, эти безумцы просто перерезали бы всех.

— Так это вы, граф, задержали леских воинов и позволили многим спастись? — ловко перевел разговор Вокша. — Как же вы сами смогли уцелеть?

— Да, мне удалось сбить кое-кого и дать возможность хотя бы малой части нашего войска убраться из этой кровавой лощины, — не без гордости поправил его граф. — Затем меня стрелой свалили с коня, а после второго ранения, уже в бедро, я почти потерял сознание, и только появление Элеха на его волшебном коне спасло меня от неминуемой смерти.

— Значит, и вы, паладин, немало отличились в этом скоротечном бою? — не давая собеседникам вернуться к прежней теме, спросил охотник.

— Наша атака захлебнулась на копьях тяжелой пехоты. Мой Борец вынес меня оттуда. — Элех кивнул на другую сторону поляны, где настороженно вертел головой его необычный белый конь. — Когда я вернулся к основной части наших войск, все было кончено. Еще издали я увидел, как стрела ударила в плечо графа и сбила его на землю, но и там он дрался как белый тигр.

Заметив протестующий жест Босела, паладин сам покачал головой и продолжил:

— Именно ваша стойкость и дала мне время пробиться к вам, пока еще не случилось непоправимое.

При упоминании белого тигра Вокша улыбнулся, однако все более неспокойное поведение коня паладина, имя которого он только что узнал, заставило охотника насторожиться. Подняв вверх руку, он заставил все еще возбужденных радостной встречей и свежими воспоминаниями товарищей умолкнуть. Почти сразу его чуткий слух уловил далекий вой. Вокша встревоженно осмотрелся. Похоже, Борец тоже что-то слышал и теперь, негромко похрапывая, подошел к хозяину. Конь выглядел вполне здоровым и двигался ровно. Нужно было этим воспользоваться, поскольку, несмотря на умелые повязки на правом плече и левом бедре Босела, граф явно был плохим ходоком.

— Господа, боюсь, у нас мало времени. Нужно срочно выбираться отсюда. Я знаю эти места, и у меня есть план, как нам пережить наступающую ночь.

— Что нам здесь грозит? — поинтересовался паладин.

— Те самые умные хищники, о которых я вам неоднократно рассказывал.

— Но мы разожжем костры, Элех уже подготовил довольно хвороста для того, чтобы они горели всю ночь, — вмешался граф.

— Боюсь, костры их не остановят.

— Но мы и сами можем дежурить, — не унимался Босел.

Вокша отрицательно покачал головой. Хотя он и не был в этом твердо уверен, но сказал:

— И это не поможет, когда придет большая свора. И вообще мы зря теряем оставшееся на приготовление к ночлегу время.

Охотник показал в сторону садящегося солнца, которое уже касалось верхушек самых высоких деревьев.

— Хорошо, — сказал паладин после короткой паузы; граф только вздохнул. — Что вы предлагаете?

— Здесь есть высокое дерево, в ветвях которого я уже переночевал по дороге к Ольмуту. Графу мы поможем подняться, а вот коню придется спасаться ночью самому.

Видя, что молодой паладин нахмурился, а раненый граф неодобрительно покачал головой, видимо, сомневаясь в своих способностях к верхолазанью, Вокша сам вздохнул и после короткой паузы с некоторой неохотой продолжил:

— Есть и другой вариант. Рядом с деревом — небольшая пещера, вход в которую невысок, и его после прохода коня можно завалить камнями и хворостом, которых вокруг в избытке. Но эта подготовка займет много времени, и нам нужно очень поспешить.

Второй вариант устроил рыцарей, в отличие от охотника не испытывавших недобрых чувств к пещерам. Быстро собравшись и усадив раненого на коня, троица отправилась в путь. Вокша шел впереди, указывая дорогу и осматривая местность, за ним молодой паладин вел под уздцы своего Борца.

Уже начало темнеть, когда отряд оказался у входа в пещеру. Конь сначала упрямился, однако после короткого «разговора», который провел с ним паладин, позволил завести себя. Натаскав внутрь приличный запас хвороста для костра, все занялись подготовкой временной загородки на входе, благо он был невысок и неширок. Несколько мог помогать в этом и раненый граф. Он занял место на растущей баррикаде и аккуратно укла-

дывал в нее притаскиваемые охотником и паладином камни и толстые ветви.

Наконец, затащив в пещеру несколько крепких бревен, Вокша и Элех тоже забрались внутрь через узкий лаз под самым потолком. После чего лаз тоже заложили, а оставшимися бревнами укрепили все сооружение изнутри. Вовремя. Потому что снаружи совсем стемнело, и где-то совсем рядом раздался резкий пугающий вой крупного хищника, которому тут же ответили еще несколько.

Усевшись поближе к небольшому костерку охотник готовился ускорить выздоровление графа, надеясь на помощь двух камней. Он не испытывал ни малейшего желания посмотреть на тех, кто только что вышел на ночной охоту.

13. ПОЛУНОЧНЫЙ БОЙ

Глядя на графа, бодро шагающего по дороге, раскисшей от вновь зарядивших дождей, Вокша не переставал удивляться и не без ехидства мысленно называл себя «великим целителем». Действительно, два дня назад Босел едва передвигался и почти не владел правой рукой, несмотря на помощь паладина, владевшего лечебной магией ордена. Всего один целительский сеанс в пещере, сотканный из простеньких заклинаний, переданных охотнику его приемной матерью, и мощной подпитки двух волшебных камней, поставил старого воина на ноги.

Спутники были удивлены его возможностями и стали воспринимать охотника более серьезно. Они внимательно выслушали его рассказ о происходящем и дружно предложили свою помощь, которую он с благодарностью принял. И вот уже два дня маленький отряд двигался в сторону городка Горска, от посещения которого ранее Вокшу предостерегла храбрая Илоси. Теперь он был совсем по-другому подготовлен к визиту в этот, как назвала его эльфийка, «черный словно ночь» городок.

Во-первых, охотник имел представление о том, кто верховодит в этом селении. По-видимому, это был тот самый некромансер, с которым судьба свела его в ольмутском трактире. Очень похожими были магические ощущения, возникшие при

той схватке и во сне. Очень сходный рисунок, «запах» магии распространялся вокруг предводителя зомби и того, кто поддерживал разорителей башни.

Во-вторых, Вокша смог установить контакт с двумя из трех камней разбитого древнего артефакта. Насколько он смог понять их совершенно чуждые человеку эманации, кристаллы стремились к объединению и возвращению на место. Поскольку это устранило бы неконтролируемый «разлив» магической силы и постепенно нормализовало жизнь в центральных Предгорьях, охотник решил сделать все от него зависящее для восстановления волшебного «запора». Камни по-своему тоже почувствовали стремление человека и были на его стороне. Правда, Вокша был совсем не тем магом, который мог эффективно использовать предоставленную ему мощь, о чем сильно сожалел.

И, наконец, в-третьих, теперь охотник был не один. Снова, как в предыдущем путешествии, он стал членом крепкой команды, в которую помимо него — отличного стрелка и слеподопыта — входил надежный как скала воин-ветеран и крепкий, умелый и в схватке, и в светлой магии лечения и защиты от зла молодой паладин. Такое сочетание представлялось Вокше удачным, ибо они дополняли и могли поддержать друг друга как в дальнем, так и в рукопашном бою, а также и в случае магического поединка. Однако последний вариант не очень-то вдохновлял охотника.

Когда отряд проходил мимо циклопической арки, Вокша рассказал своим спутникам о разрушенном «замке» и о том, что именно вызванный этим «разлив» волшебной силы явился причиной многих бед в стране. Паладин сосредоточился и ощущил бьющий из недр источник. Граф оказался начисто лишен магических возможностей, но поверил своим молодым спутникам и даже начал их поторапливать. Следующие несколько часов пути охотник пытался обнаружить эльфийский оазис, но безуспешно.

Теперь, благополучно избежав стычек с опасными хищниками, отряд был всего в нескольких часах ходьбы от городка. Уже приближался вечер, и начало темнеть, когда Вокша обнаружил признаки близкого жилья. Направо от дороги отходил заросший пожухшей травой проселок, а в отдалении за невы-

соким кустарником показался деревенский частокол. Охотника смущало только отсутствие соответствующих жилью звуков и запахов.

Посоветовавшись, спутники решили разведать, что происходит в такой близости от Горска, а при удачном стечении обстоятельств и переночевать в нормальных условиях.

Когда отряд приблизился к частоколу, перед ним предстало печальное зрелище. Местами обгоревшая деревенская ограда была частично разрушена, ворот не было вовсе. Хотя спутники двигались ничуть не таясь, из самой деревни по-прежнему не доносилось ни звука. Кроме того, уже около частокола чуткое обоняние Вокши уловило легкий запах тлена, что его совсем не обрадовало.

Обследование деревни показало, что недавно здесь был бой, причем с применением магической силы. Кто были нападавшие, осталось загадкой, поскольку не сохранилось ни одного жителя деревни, ни живого, ни мертвого. Кто похоронил погибших селян или каким-то иным образом прибрал их тела, тоже было неясно. По тому, что часть домов была сожжена, а часть разграблена, можно было предположить, что здесь похозяйничали люди, а не опасное зверье. Вокша пока не замечал за странными хищниками любви к огню и умения применять боевую магию.

Спутники решили, что деревню разорили какие-то разбойники или она подверглась нападению недоброго соседа. Несмотря на не очень аргументированные протесты охотника, большинство отряда в лице графа и паладина приняло решение заночевать в этом разрушенном селении.

Босел своим наметанным взглядом выбрал наименее пострадавший дом, куда смогли завести даже Борца. Затем, по настоянию Вокши, двери и окна здания были крепко забаррикадированы изнутри, и команда устроилась на ночлег. Первым остался дежурить граф, очередь охотника была последней.

Быстро заснув, Вокша спал неспокойно. Ему опять снились кошмары. Что-то невидимое, но страшное собиралось вокруг в темном густом тумане. Какие-то полупрозрачные руки тянулись к нему, оказываясь все ближе и ближе. Он начал задыхаться и, вскрикнув, проснулся.

На дворе стояла ночь. Недалеко от единственного не полностью закрытого окна в темноте угадывался силуэт старого

воина, спокойно несущего свой караул и, похоже, совсем не ощущавшего никакой опасности. Охотник же, напротив, несмотря на то, что совсем проснулся, чувствовал себя все хуже и хуже. В голове его тревожно гудело, все тело трясло, а руки словно сводило судорогой.

Вокша присел и постарался унять дрожь. Босел повернулся к нему и тихо спросил:

— Отчего не спится, молодой человек?

«Хорошо хоть не «юноша», — подумал охотник, так и не привыкший за время знакомства со старым графом к его покровительственному тону. Вслух же признался:

— Что-то нехорошо мне. Как будто беда какая-то к нам подступает.

Граф отодвинул окно, занимая более выгодную позицию на случай внезапного нападения, и еще тише спросил:

— А что это может быть за беда? Воины, маги, нелюди или нежить какая? Сможешь разобрать?

Похоже, чудесное исцеление заставило старого воина воспринимать Вокшу как волшебника. Однако последний его вопрос заставил маленького охотника вздрогнуть. Действительно, тянущее, зудящее чувство было хотя и отличным, но сродни тому, что вызывала у него некромантия. Поэтому Вокша решил попробовать сосредоточиться на ощущениях и, по возможности, привлечь силы камней.

Однако он не успел ничего сделать, так как со своей лежанки резко вскинулся паладин. Движения Элеха со сна были излишне резкими. Озираясь вокруг широко раскрытыми глазами, он почему-то тряс левой рукой, а правой уже вытягивал меч из ножен. В довершение общего беспокойства из дальнего угла встревоженно заржал Борец.

Разбираться в ощущениях было некогда, и охотник выкинул:

— К оружию!

Тотчас же снаружи раздался многоголосый рев, и под мощными ударами затрещали входная дверь и два окна, а в третью, не полностью закрытое, попыталось пролезть нечто, отдаленно напоминающее человека. Граф сразу пресек это поползновение, мощным ударом разрубив нападающего вдоль почти пополам, и выпихнул останки наружу. Затем он поднял свой огромный полуторный меч над головой и занял оборонитель-

ную позицию сбоку от окна. Стало ясно, что враг здесь не пройдет.

Тем временем паладин подпер крепким плечом забаррикадированную дверь, и она почти перестала шататься. На долю Вокши остались два укрепленных окна, одно из которых вот-вот должно было пасть под натиском извне.

Вспомнив столкновение в трактире, охотник даже не попытался изготовить свой лук, а сразу вытащил уже знакомо зашипевший меч. Холодный белый свет с легкой прозеленью полностью осветил комнату, и как раз вовремя, поскольку поддалась баррикада на правом от Вокши окне, и в образовавшийся проем стал протискиваться теперь уже отчетливо видимый зомби.

Удар снизу не потребовал от охотника никакого усилия. Меч снова наилучшим образом вел руку бойца. Следующий промежуток времени Вокша запомнил не отчетливо. Как только рухнула баррикада на втором окне, клинок увеличил скорость движения и буквально таскал охотника от одного окна к другому, с невероятной быстротой шинкуя нападающих, поток которых не иссякал.

Вокша словно сквозь туман видел непрерывно и успешно орудующего мечом Босела. Затем он заметил, что входная дверь повержена нападающими, и Элех, изгибаясь словно заправский танцор, вел бой сразу с несколькими врагами. Когда паладина стали теснить в глубь комнаты, в схватку вмешался и его конь, который крушил черепа и кости мертвцев своим передними копытами не хуже, чем тяжелой булавой.

Все это охотник воспринимал как будто со стороны, не испытывая никаких чувств и даже не отчетливо осознавая свои собственные действия. Где-то в глубине души рос протест против такого состояния. Что-то в нем сильно противилось превращению в придаток к мощному волшебному оружию. Однако, когда наступил момент, в который он почувствовал, что снова может взять контроль над своим телом, в голове его родился вопрос, а сможет ли он, никудышный мечник, так успешно вести бой, если его рука будет вести клинок, а не наоборот?

Это сомнение остановило его волю, уже воспрявшую было от странного полудремотного состояния. Так, балансируя на

грани, он и продолжал вести схватку, которая переместилась теперь к входной двери. Поток мертвецов, пытавшихся проникнуть через окна, иссяк, и теперь трое бойцов плечом к плечу рубились с нечистью в одном месте.

Своим пробудившимся сознанием Вокша отметил, что граф уже не так широко размахивает мечом, лицо его побледнело, дыхание стало тяжелым и прерывистым, он дважды опасно оскальзывался на заваленном слабо шевелящимися обрубками тел и залитом темной мерзко пахнущей жижей полу. Да и Элех был уже не столь искрометен в своих разящих атаках. Дышал молодой паладин пока ровно, но на лбу его выступил пот.

Ситуация складывалась тяжелая. Босел пропустил удар одного из зомби — хорошо, плечевая пластина доспеха отразила палаш, а меч охотника тут же буквально раскрошил обидчика. Граф был оглушен и временно отступил за спины напарников. А мертвяки продолжали вваливаться с улицы один за другим. Нужно было что-то срочно предпринимать, иначе печальная участь неизбежно ожидала воинов.

В этот жаркий момент боя Вокша вспомнил об особой нелюбви светлого паладина к некромантии. Продолжая следовать за своим волшебным мечом, он повернул голову к Элеху и ничуть не задыхаясь, спросил:

— Есть у ордена сильная магия против мертвых?

Глаза паладина округлились при виде стоящего вполоборота охотника, рука которого без устали разила врагов. Чуть задержавшись, он коротко ответил:

— Да, но нужно время.

— Так применяй же скорее. Я их пока удержу.

— И я прикрою, — поддержал Вокшу граф, снова выдвигаясь вперед.

Элех быстро отступил за спины товарищей. Теперь он мог сосредоточиться. Светлый рыцарь сделал несколько глубоких вдохов и стал творить какое-то сильное заклинание. Мощь вызываемой магии охотник ощутил всей спиной, начавшей слегка неметь и почесываться.

Через несколько мгновений паладин запел что-то непривычно глухим голосом, и на наступающих мертвяков хлынули потоки яркого светло-желтого, почти солнечного света. Эффект был потрясающий. Часть зомби рассыпалась буквально

на глазах, другие, видно, более крепкие, резко замедлились в движениях и стали разбредаться в стороны в бесплодных попытках уйти от разящего удара светлой магии.

Комната быстро опустела, но Элех, конечно, не смог бы долго вести столь интенсивную магическую атаку. Пока он держался, однако силы быстро покидают его. Нужно было срочно развить успех, и Вокша уже на бегу крикнул графу:

— Ташите его во двор, а я прорублю дорогу.

Все получилось замечательно. Своим неугомонным мечом охотник живо расчистил площадку перед входом, и тут же следом Босел буквально на руках вынес изнемогающего, но еще поющущего паладина, от рук, груди и лица которого по-прежнему исходило волшебное сияние. Весь двор был заполнен зомби, и падающий на них свет быстро ослаблял и обрывал их псевдожизнь, а волшебный клинок Вокши ускорял этот процесс у особо упорствующих.

Когда голос Элеха оборвался и вокруг сгустилась темнота, перед охотником оставалось менее десятка заметно ослабевших мертвяков. С помощью подоспевшего графа с ними управились моментально. После чего оба бойца поспешили назад к крыльцу, где светлый паладин, отдавший, казалось, саму свою душу, лежал совершенно неподвижно, изогнувшись словно тряпичная кукла.

Элеху нужно было срочно помочь, иначе такая потеря сил могла привести его к гибели. Однако на полпути к дому охотник внезапно остановился. Словно холод самой смерти уперся ему в спину чей-то взгляд. Еще не убранный клинок не светился, стало быть, новая угроза исходила не от оживших мертвецов.

Вокша убрал меч, одним плавным движением приготовил к бою любимый лук и развернулся. Из-за поваленного забора к нему не торопясь, веря, что добыча никуда не денется, приближалась стая большущих темных волков. Чуть впереди наступал особо крупный большеголовый лобастый вожак с заметным длинным шрамом от внутреннего угла правого глаза до левого виска. Глаза его светились красным, с огромных клыков тянулись вниз ниточки слюны.

— Старый знакомец, — отрешенно подумал охотник, понимая, что, забравшись на крышу дома, где хищники его не

достанут, он не сможет защитить абсолютно беспомощного сейчас паладина, а граф не успеет затащить того внутрь и забаррикадироваться. Нужно было тянуть время в надежде, что Босел правильно использует выигранные мгновения.

Понимая, с кем имеет дело, Вокша решил попробовать позвать к человеческой «части» оборотня. Чуть отстранив лук, он посмотрел в глаза вожаку и медленно заговорил:

— А ведь я тебя тогда отпустил, Горис.

На имени охотник сделал ударение.

Огромный волк вздрогнул и остановился. Его глаза слегка «притухли», и в них помимо неукротимой жажды крови отразилось что-то еще, какая-то мысль, не свойственная звериной форме оборотня. Ободренный Вокша продолжил:

— Тогда, на выходе из Лагова, я отпустил тебя, Горис.

Снова упоминание человеческого имени подтолкнуло работу мысли хищника. Он присел на задние лапы и уставился на смешного маленького человека, который будил в его голове странные, тревожные и в то же время интересные образы. Вся стая остановилась и недоуменно смотрела на вожака. Охотник же не унимался. Он понял, что упоминание имени активизирует человеческую часть оборотня, обычно крепко спящую в зверином обличье перевертыша.

— Горис, Горис, мы не враги с тобой. Напротив, Горис, мы враги твоего врага. Мы враги того, кто так нечестно поступил с тобой, Горис. Того, кто лишил тебя покоя и человеческого облика.

Красные огоньки в глазах вожака окончательно потухли. Он приоткрыл пасть и попытался даже что-то произнести. Тем временем краем уха Вокша уловил порадовавший его скрип крыльца, по которому кто-то шел тяжелым шагом. Не иначе граф заносил бесчувственное тело паладина в дом. Нужно было дать Боселу еще немного времени для восстановления разрушенных баррикад, и тогда можно было озабочиться собственным спасением.

— Горис, я не понимаю тебя. Что ты хочешь мне сказать? Может, хочешь помочь в борьбе с нашим общим врагом, Горис? Тогда помоги мне, Горис, хоть на время верни себе человечий облик. Скажи, Горис, как мы сможем победить нашего общего врага?

Его слова попали в точку. Все тело зверя внезапно подернулось темной дымкой и словно потекло. Под магическим туманом стал обрисовываться контур человеческого тела, исчезала густая шерсть, передние лапы превращались в мощные руки. Вместо оскаленной пасти на охотника смотрело почти человеческое лицо, искаженное гримасой боли от быстрого превращения.

Еще мгновение — и перед Вокшой на корточках сидел обнаженный, хорошо знакомый по сну предводитель шайки грабителей, разорившей арку. Продолжая изгибаться от сильной боли, Горис заговорил хриплым, но вполне понятным голосом:

— Достань его, охотник. Днем он почти всегда в надвратной башне, что выходит на эту дорогу. Мы и сами хотели прикончить поганца, но ночью у него много подручных и сильная магия, а днем мы не бойцы.

— А кто нам может помешать днем, Горис?

— Десяток-другой мертвяков. Больше ему днем пока не удержать, но сила Зигана растет день ото дня. Поторопись, а то он и днем станет неодолим.

— Зиган? Ты сказал, что этот черный маг — Зиган?

— Да, охотник. Это его волю я выполнял. Это он затеял всю бучу. Это из-за него мы не можем обрести покоя, и наши страхи и мечты о силе воплощаются в такие зверские образы.

— Так ты ощущаешь себя и в теле зверя?

— Почти что нет. Остальные точно нет, а я смутно себя помню и в этой шкуре.

— Но почему оборотнями становятся не все? Ведь сила растворяется из арки во все стороны.

— Так ты и это знаешь? — удивился Горис совсем по-человечески. Процесс его трансформации завершился, и теперь перед охотником стоял высокий и крепкий мужчина. Однако стая по-прежнему признавала в нем вожака и не пыталась напасть.

— Да, я в курсе. Так почему?

Горис пожал плечами:

— Видно, оборотнями становятся те, кто имеет скрытые магические способности и склонен к злу или страху. В новом виде он воплощает силу и просто решает свои внутренние проблемы. Без особых затей, чисто по-человечески.

С последним утверждением Вокша не был согласен, однако спорить не стал. Нужно было поторопиться и расспросить вожака оборотней о некромансере поподробнее, благо Горис искренне стремился помочь врагу своего врага.

Вскоре он немало узнал о Зигане и его защите. Заканчивая свой рассказ, бывший кладоискатель сказал:

— А теперь лучше иди к своим друзьям. Я пойду обратной дорогой и стану иным. Обещаю, что вас трогать не буду, но за всех своих ручаться не могу.

Охотник не заставил себя упрашивать и быстро ретировался к двери дома, у которой с обнаженным мечом в руках его ждал старый воин. Обернувшись на крыльце, Вокша увидел быстро удаляющуюся стаю. Позади всех, оглядываясь на людей, бежал огромный лобастый волк темно-серой масти.

14. ПОЛУДЕННОЕ СРАЖЕНИЕ

Оставшуюся часть ночи отряд посвятил уходу за измотанным сильным заклинанием Элехом. Поначалу молодой паладин был без сознания и неровно дышал. Лицо его, смертельно бледное и холодное, внушало Вокше серьезное беспокойство. Однако уже первый сеанс магии восстановления сил с мощной поддержкой волшебных камней перевел тяжелый обморок в обычный сон. Последующие действия охотника и забота графа способствовали дальнейшему улучшению состояния рыцаря света, на лице его выступил румянец, а на губах заиграла улыбка — видно, снилось что-то приятное.

Окончив целительную ворожбу, Вокша переговорил с Боселом о дальнейших действиях. Сообща они решили отдохнуть подольше и выступить в поход уже ближе к полудню, чтобы оказаться у ворот городка в самое неподходящее для врага время. Затем охотник лег спать, а граф остался караульным. Спалось Вокше в этот раз гораздо лучше, однако сон приснился непростой.

Когда отряд собрался в дорогу и выступил из разрушенной деревни, установилась хорошая погода. Несмотря на сильный ветер, было относительно тепло. Солнышко, стоявшее уже

высоко для этого времени года, часто проглядывало в разрывы быстро несущихся по небу облаков. Паладин, несколько смущенный своим недавним беспомощным состоянием, клятвенно заверил спутников, что чувствует себя как никогда хорошо.

Всю дорогу до Горска охотник шел впереди. Его не покидало чувство тревоги, которое, как он знал, часто посещает бывалых воинов перед решающим сражением. Он постоянно перебирал в голове имеющиеся сведения и строил планы внезапного нападения на обиталище темного мага. За этими размышлениями время прошло быстро, и вскоре вдалеке стала видна надвратная башня городка. Она оказалась значительно более высокой, чем в Лагове, однако меньше и ниже мощных защитных сооружений Ольмута. На ее кровле были заметны следы недавнего ремонта.

Город производил странное гнетущее впечатление. Из него не доносилось никаких звуков, сам воздух даже здесь, на некотором удалении, казался мертвым. В абсолютной тишине и безветрии над Горском витал кладбищенский дух, словно жизнь навсегда покинула это место и только силы смерти и тлена прочно обосновались внутри городских стен.

Соратники остановились для обсуждения плана атаки. Старый воин советовал лобовой штурм, паладин настаивал на магическом наступлении, но после напоминания о тяжелом состоянии в результате предыдущей колдовской атаки согласился, что волшебный способ нападения будет применен только в крайнем случае. Охотник, как всегда, предлагал осторожные разведывательные действия с последующим точным ударом в самое «сердце» врага, то есть по некромансеру.

Было решено осторожно двигаться вперед, стараясь как можно ближе подобраться к башне черного мага, а в случае нападения ввязываться в драку и жестко прорубаться к цели.

То ли благодаря легким маскировочным чарам, наведенным на отряд совместно Вокшем и Элехом, то ли вследствие самоуверенности некромансера, а может, из-за полуденного ослабления его сил, отряду удалось незамеченным добраться до самой надвратной башни. Но здесь их везение закончилось, и из открытых городских ворот на них буквально налетел десяток закованных в броню конников.

От неминуемой смерти их спасло то, что левее башни почти сразу у стены начинался крутой спуск, почти обрыв, на котором кавалеристы не могли удержаться. Туда-то и отскочили охотник с паладином. Менее проворный граф был вынужден отступить вправо и, прижавшись спиной к основанию башни, неистово отмахивался своим мощным мечом от наездников. Пока ему удавалось отразить все атаки, потому что мертвые воины сидели на живых лошадях, которым это явно не нравилось. То одно, то другое животное с выпущенными от страха глазами шарахалось в сторону, срывая атаку своего ездока и мешая соседним.

Большую помощь старому воину оказал и конь паладина. После краткой заминки благородное животное с громким ржанием кинулось в самую гущу схватки. Борец словно хищник набросился на своих собратьев и теперь лягался и кусался одновременно с несколькими вражескими конями, приводя их к полной конфузии. Две лошади даже сбросили своих седоков и ускакали прочь от города.

Вокша быстро принял единственно верное в сложившейся ситуации решение. Он стал отстреливать коней, рассчитывая, что с и без того неповоротливыми зомби, которые еще были одеты и в тяжелые доспехи, в пешем бою они разберутся без труда. Его расчет оказался верным. Вскоре еще два коня умчались по дороге, сбросив наездников, остальные бились в предсмертных конвульсиях, порой серьезно задевая своих бывших хозяев. На ногах оставались семеро мертвяков, медленные движения которых не представляли угрозы.

Быстро разобравшись с ними, отряд вошел в городок. Здесь произошла еще одна короткая схватка с дюжиной зомби, в которой снова с наилучшей стороны проявил себя волшебный клинок охотника. Путь был расчищен, однако идти было некуда, поскольку нигде не было видно ничего, даже отдаленно напоминающего вход в башню, о котором говорил Горис.

Еще раз осмотрев и буквально ощупав все ее основание, а попутно прикончив нескольких вялых мертвяков, бойцы растерялись. Удачно начавшаяся атака лишилась успешного продолжения, а время, безусловно, работало против отряда. Сейчас, отойдя от первого изумления, темный хозяин города копил где-то свои волшебные силы и в любой момент мог нанес-

ти группе сильный магический удар. Нужно было срочно искать пути проникновения во вражескую цитадель.

Тут отряду снова помогли способности светлого рыцаря. Неожиданно Элех остановился и, указав рукой на, казалось, монолитную стену, крикнул:

— Сюда! Вход здесь!

Его напарники дружно кинулись на стену в указанном месте, и выглядевшая совершенно целой каменная кладка неожиданно подалась под их натиском. В основании башни образовался широкий проем, куда отряд и ворвался.

Они оказались в небольшом темном помещении, похожем на прихожую, из которого было два хода. Одна дверь вела в глубь башни, а другая — более мощная, находившаяся в конце короткой лестницы, — открывала путь на верхние этажи. Здесь отряд не сговариваясь разделился. Паладин двинулся вглубь, а Вокша и Босел рванулись наверх.

Даже крепкая дверь не смогла долго противостоять их атакующему напору. Граф, а следом и охотник влетели в огромную мрачную комнату, занимающую весь второй этаж башни, с высоким потолком и темно-коричневыми стенами, заставленную громоздкой дорогой мебелью. Здесь никого не оказалось, но пыль, клубившаяся в дальнем углу в узком солнечном луче, падающем из бойницы, указала охотнику на чье-то спешное бегство.

Тем временем снизу донеслись звуки схватки. Элех «зачищал» тылы. А Босел и Вокша безуспешно пытались отыскать потайной ход, ведущий на самый верх башни. Наконец острый глаз охотника разглядел узкую щель в волос толщиной на стена, в которой не было ни одного проема.

— Здесь! — крикнул он графу. — Надо попробовать пройтись.

Старый воин не раздумывая ударил по потайной двери тяжелой рукояткой меча. Та, жестко звякнув, отскочила от камня. Значит, нужно было искать какой-то рычаг, запускающий дверной механизм. Время продолжало уходить, давая черному магу все больше шансов на побег. Вокша сконцентрировался на простом поисковом заклинании, вкладывая в него насколько мог энергию камней. Почти сразу же он уловил светящийся ореол вокруг одного из настенных креплений для факелов.

Подскочив к нему, охотник стал плавно тянуть тяжелую бронзовую петлю в разные стороны, и она поддалась. Одновременно с этим раздался негромкий протяжный скрип, и часть каменной кладки начала выдвигаться в глубь комнаты, открывая изгиб узкой темной лестницы. Теперь Вокша опередил старого воина и, как заправский мечник, с обнаженным клинком побежал наверх.

Получилось удачно, потому что на первом же крутом повороте путь загораживали два бронированных зомби, стоявших один за другим. Волшебный меч охотника быстро выполнил свою работу, и все еще шевелящиеся части мертвых тел скатились под ноги нападающим. Дорога наверх была открыта. Еще одна короткая схватка с парой зомби в выходном проеме — и Вокша очутился на верхнем этаже башни. Следом поднялся граф.

Они попали в небольшую, слабо освещавшуюся из единственной бойницы комнату, заставленную старой мебелью и заваленную мягкой рухлядью. Наверху виднелись закопченные балки, над которыми вверх круто уходил скат крыши. Единственная дверь из комнаты была на противоположной от тайного входа стене. Она оказалась не запертой.

За дверью открылось пространство хорошо убранного зала с мебелью темного дерева и столь же темными драпировками на стенах. В дальнем конце зала у высокого серванта стоял уже знакомый охотнику по ольмутскому трактиру старик в длинном, до пят, черном халате и черной круглой шапочке, закрывающей большую часть лба. Лицо темного мага, повернутое к непрошеным гостям, было мертвенно-бледным, на нем двумя горячими углями горели красные глаза, полные нечеловеческой злобы и ярости.

В руках у некроманта был совсем маленький, как карманная волшебная палочка, черный жезл, вокруг которого клубилась мгла, пронизываемая короткими красными вспышками. Чародей был готов к вторжению, и буквально на кончиках его пальцев висело мощнейшее боевое заклинание.

Огиная длинный стол, стоящий между ними и магом, Вокша и Босел метнулись в разные стороны, и тут некромант ударил. Вся мощь черной магии была направлена на маленького охотника. Вокша сразу понял, что ему не уйти от смертельного удара и не защититься даже с помощью волшебных камней. Он инстинктивно отпрянул назад, закрываясь поднятыми руками, и тут меж-

ду ним и языком страшного темно-красного огня возникло бро-нированное тело старого воина. Каким образом граф успел закрыть собой Вокшу? Как он смог так прыгнуть в своей чешуйчатой броне? Ответа на эти вопросы охотник так никогда и не нашел.

Может, старый воин чувствовал себя ответственным за жизнь «малыша», каковым он не переставал считать Вокшу, а может, просто по старой солдатской привычке прикрыл друга собой. Теперь его бездыханное тело, медленно разворачива-ясь, падало к ногам охотника, рот кривился от невыносимой боли, а в серых глазах, обращенных к Вокше, угасала улыбка.

Охотника охватила нечеловеческая ярость, в глазах потем-нело. Он потерял настоящего друга и, чтобы не взорваться от чудовищного всплеска злости, дико завопил что-то жутко бешеное. Его рука мгновенно отшвырнула ненужный здесь меч и выхватила из-за спины надежный лук. Не переставая безумно орать, он моментально и со страшной силой отправил в некро-мансера все свои оставшиеся стрелы, буквально пришиплив злодея к стене рядом с.servантом.

Быстрый взгляд на поверженного графа подтвердил Вок-ше, что никто уже не поможет благородному старому воину. Он снова оказался лучше всех и, прикрыв собой напарника, по сути дела, выиграл этот жестокий скоротечный бой ценой сво-ей жизни. Теперь дело оставалось за малым. Мерзкий черный маг, пробитый девятью стрелами, еще кривился лицом, что-то силился прохрипеть и даже пытался приподнять правую руку. Памятую о способности злодея к телепортации, охотник по-спешил к нему. Уже уловив первые такты начинающего скла-дываться заклинания, он прервал змеиный шепот колдуна ко-ротким ударом кинжала.

Вместе с потоком темной крови, густо хлынувшей из пере-рубленной шеи, тело некроманта покинули и последние искры жизни. Наконец погасли злобные красные глаза, которые после боя во «Вкусной корочке» порой снились Вокше в кошмарных снах. В этот же момент стихли и звуки боя, доносившиеся снизу. Это могло означать как гибель паладина, так и его окончатель-ную победу над оставшимися приспешниками черного мага.

Охотника разрывало два желания. С одной стороны, нуж-но было срочно заняться поисками третьего волшебного кам-ня, а с другой — выяснить, что происходит на нижних этажах

башни. Долг боевого братства взял вверх, и Вокша, подобрав свой меч и бросив еще один печальный взгляд на тело старого воина, шустро побежал вниз.

Как только он с обнаженным клинком появился в зале второго этажа, так сразу увидел спешащего ему навстречу светлого рыцаря, в руке которого был зажат обломок меча. Даже кованная сталь не выдержала такого количества мертвой плоти. Друзья обменялись взглядами и поняли друг друга без слов. Паладин опустил голову и просто спросил:

— Как это?»

— Быстро, — столь же коротко ответил охотник и после тяжкого вздоха добавил. — Он закрыл меня собой от удара.»

Они вместе поднялись в верхнюю комнату.

— Старый верный воин, — печально сказал Элех, подойдя к графу и опустившись на колено. — Ты умер, как и жил, достойно и с честью. Слава и светлая память тебе. Ты всегда будешь в моем сердце.

Вокша стоял рядом. У членов Лиги не было торжественных церемоний прощания с погибшими друзьями, но глаза маленького охотника предательски намокли, а крохотный нос совсем перестал дышать.

Однако нужно было заняться делом. Мысленно попрощавшись с графом и поблагодарив его за те выигранные мгновения, которые спасли остальных, Вокша занялся поисками третьего камня. Охрану от возможного вторжения недобитых мертвяков он полностью доверил паладину.

Усевшись поудобнее, маленький охотник сконцентрировался на поисковом заклинании и осторожно мысленно дотронулся до своих камней. Ответ пришел сразу. Третья часть древнего артефакта оказалась в том маленьком боевом жезле, откуда по воле некроманта вырвался магический удар, погубивший старого воина. Теперь этот жезл закатился под сервант, откуда и был с осторожностью извлечен Вокшей, ибо некогда огненно-красный камень успел впитать в себя черную силу некромантии и теперь светился недобрый бордово-коричневым цветом.

Даже через прочную и устойчивую к магии кожу подземного черва охотник ощущал злой тягуче-жгучий поток волшебной силы изменившегося камня. «Что же делать? — забеспокоился Вокша. — Сможет ли этот кристалл занять свое место на жезле? Выполнит ли свою часть задачи затвора?»

Чтобы решить это, он положил третий камень на стол и осторожно выложил рядом с ним два других. Сначала расклад получился неудачный. Между оказавшимися близко синим и красным камнями возникло темное марево с искрами. Тогда охотник быстро переложил белый кристалл, разместив его посередине. Тут все затихло, буквально на глазах ошеломленного экспериментатора третий камень стал терять свою бурую окраску и вскоре засветился почти чистым красным светом.

Оставалось собрать все три камня на каком-то основании и разместить вновь созданный жезл на его законное место в разрушенной арке. Поэтому, не теряя времени, охотник позвал Элеха. Они быстро собрались и спешно двинулись в обратный путь, стараясь засветло как можно дальше уйти от мертвого городка, благо лошадей хватало на всех.

Утром второго дня друзья были уже у Древней дороги. Здесь, рядом с аркой, они похоронили старого графа. Тут его блестящим останкам не грозили ни дикие звери, ни оборотни, ни неупокоенные мертвяки, которые после гибели своего хозяина еще долго будут наводить ужас на жителей окрестных деревень и проезжих. После краткой церемонии прощания, которую с чувством провел паладин, Вокша разместил восстановленный артефакт в нише, сразу открывшейся перед ним. Для основания жезла он использовал одну из своих стрел, сделанных из черной сосны.

Когда ниша закрылась, друзья немного постояли на дороге. Их непокрытые головы обдувал холодный осенний ветер, но лица освещало солнце. Первым молчание прервал светлый рыцарь:

— Куда теперь?

— Домой. Доложусь в Лиге. А ты?

— Тоже домой, в Торговый берег. Но сначала вернусь в Ольмут, узнаю, как там, расскажу о графе.

— Хорошо, — сказал охотник. — Но путь у тебя неблизкий и не по защищенной дороге, а меч свой ты поломал. Сделаю я тебе небольшой подарок. Возьми мой меч, и да послужит он тебе еще лучше, чем мне.

С этими словами Вокша вытащил свой волшебный клинок и с легким поклоном протянул его паладину рукоятью вперед.

— Шутишь. — Светлый рыцарь отшатнулся и даже нахмурился. — Он же сожжет мне руку, как тому гвардейцу, что захотел его рассмотреть, пока тебя принимали князья.

— Так вот чего он от меня так шарахался, — засмеялся охотник. — Нет, Элех, с тобой такого не случится, так как я, хозяин меча, дарю его тебе.

Паладин, глядя немного недоверчиво, осторожно положил руку на рукоять и сжал ее. Зеленая искорка пробежала по лезвию волшебного оружия и слегка кольнула руку охотника, сообщая ему, что он больше не хозяин меча. Вокша отпустил клинок, а паладин поднял его кверху и восхищенно рассматривал. В его руках оружие смотрелось гармонично.

— Ну теперь прощай, — сказал охотник и поднял руку в жесте Лиги.

— Погоди, — остановил его Элех, убирая меч в свои ножны. — Спасибо тебе за такой дар. У меня для тебя тоже подарок.

С этими словами он снял с левой руки неприметное серебрянное кольцо и протянул его Вокше.

— Оно всегда предупредит тебя о приближающейся опасности.

Охотник с благодарностью принял подарок и сразу надел его на средний палец левой руки. Кольцо пришло впору.

Друзья еще раз молча посмотрели друг на друга, кивнули и пошли в разные стороны. Кто знает, может, линии их судеб еще не раз встретятся?

КОНЕЦ

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ НАЗВАНИЙ И ТЕРМИНОВ КНИГИ «ПРЕДГОРЬЯ»

Географические понятия

Горск — городок в центральной части Предгорий, оплот некромантии.

Дикая степь — участок степи, сохранившийся между Мертвой землей и Орочьей пустыней.

Древние дороги — дороги, соединявшие Империю магов с шахтами у подножия Запретных гор.

Запретные горы — северная граница Предгорий.

Ивер — городок на юго-западе Предгорий, в котором базируется Охотничья Лига.

Империя магов — некогда доминирующая страна континента, погибшая в Ночь Божьего гнева.

Лагов — небольшой городок в центральной части Предгорий, захваченный бандой.

Леск — город в центральной части Предгорий, княжеский центр.

Мертвая земля — южная граница Предгорий, погибшая в огне, некогда великая Империя магов.

Ольмут — город в центральной части Предгорий, княжеский центр.

Орочья пустыня — западная граница Предгорий.

Пала — деревня около Лагова.

Предгорья — страна, в которой происходит действие романа.

Тихий — город Торгового берега, в котором служил Козим, старший брат Вокши.

Торговый берег — восточная граница Предгорий, богатая приморская страна.

Угол — поселок на юге Предгорий, в котором живет приемная семья Вокши.

Имена

Алма — сестра Вокши, начинающая поселковая колдунья.

Аразон — добный волшебник, спутник Вокши в одном из более ранних походов.

Босел — граф, старый воин, дворцовый распорядитель в Ольмуте, спутник Вокши.

Горис — предводитель воров, разоривших древнюю арку, ставший оборотнем.

Довил — сын старого князя города Ольмут Осея.

Дорр — предводитель бандитов из городка Лагов.

Жоэна — погибшая в Лагове внучка Орланда.

Зиган — старый князь города Леска, некромант, вражина.

Илоси — эльфийка, живущая недалеко от Горска.

Козим — старший приемный брат Вокши, воин.

Малок — бывший охотник, потерявший левую руку по локтю в схватке с медведем, функционер Охотничьей Лиги.

Миняй — молодой слуга в трактире «Вкусная корочка» в городе Ольмут.

Нерас — охотник, муж Алмы, сестры Вокши.

Номинос — граф, министр по иностранным делам Ольмутского княжества.

Орланд — бывший глава управы городка Лагов.

Орнест — приемный отец Вокши, охотник.

Осей — старый князь города Ольмут.

Рамис — молодой охотник, член Лиги, погибший от рук бандитов в городке Лагов.

Родим — староста деревни Пала около Лагова.

Сесер — граф, исполняющий обязанности придворного камердинера при князе Осее в Ольмуте.

Симма — приемная мать Вокши, колдунья.

Софон — средний приемный брат Вокши, торговец.

Стриг — князь города Леск (севернее Ольмута), враг князя Довила.

Топарь — старый слуга, смотритель комнат в трактире «Вкусная корочка» в городе Ольмут.

Торр — сын предводителя бандитов из городка Лагов Дорра, убитый Вокшей.

Харер — хозяин трактира «Вкусная корочка» в городе Ольмут.

Элех — молодой паладин из Торгового берега, спутник и друг Вокши.

Разное

Борец — кличка белого коня паладина Элеха.

«Вкусная корочка» — трактир в городе Ольмут.

Мыльник — растение, стебель которого резко пахнет при растирании и перебивает запах человека, а корень мылится.

Ночь Божьего гнева — ночь, в которую погибла Империя магов, превратившаяся в Мертвую землю.

Охотничья Лига — организация, объединяющая многих охотников на юго-западе Предгорий.

Подземный червь — редкое существо, шкура которого идет на изготовление тонких и легких непромокаемых вещей и защищает от магии.

«Тамнглонтп» — короткое дружественное приветствие на языке карликов.

Трилистник — трава, отгоняющая злого духа.

Тысячесил — растение, корешок которого питателен и полезен.

Циклопические арки — сооружения на Древних дорогах, поддерживающие их магическую силу и служащие затворами на выходах энергии земли.

Черная сосна — редкое дерево, растущее в южной части Предгорий, древесина которого тяжелее воды.

«Эли моину ономуи наво» — эльфийское приветствие, означающее примерно: «Да пусть процветаешь ты сам и все вокруг тебя».

2

Владимир Васильев

МАТАДОР

Автор выражает искреннюю признательность Екатерине Романовой за помощь, сочувствие и поддержку. Катя, спасибо, что ты есть!

Афиша была на загляденье — цветастая, но не аляповатая; бросающаяся в глаза, но не пошлая, как это часто бывает с афишами. Невзирая на буйство красок, она умудрялась производить впечатление сдержанной, словно первые весенние цветы в Ботаническом саду. Мол, я и сейчас красна дальше некуда, но дайте срок, распушусь-подрасту-окрепну — вообще глаз не отведете.

«Интересно, — подумал Геральт, — а откуда на заборах берутся афиши? Кто их расклевывает?»

Ни разу он не замечал, чтобы работники цирков или кинотеатров расклевывали афиши. Цветастые полотнища и пестрые плакаты появлялись словно бы сами по себе, ниоткуда — на заборах, театральных тумбах, столбах, стенах домов. В невероятных количествах, за одну ночь. Бац — и весь окрестный район вкупе с близлежащими может убедиться, что в Маринском сегодня дают, к примеру, классическую «Кровь эльфов», а в «Экране» можно поглядеть зубодробительный боевик «Ветер и сталь» или сопливую мелодраму «Жених-горец».

© В. Васильев, 2007.

Впрочем, если толком непонятно, откуда берутся заборы, тумбы и столбы, чего уж говорить об афишах? Раствор, наверное, вместе с домами. Сами.

Как и все в Большом Киеве и других мегаполисах Земли.

Геральт вздохнул. Даже он, ведьмак, многого о родном городе не знал.

Вновь взглянув на афишу, он перечитал текст. Медленно, со вкусом.

«Фаусто Манхарин и машины-убийцы. Коррида».

И ниже:

«Ему рукоплещет вся Европа, от Мадрида до Тифлиса. Единственный бой в Большом Киеве».

Фотомонтаж из нескольких снимков тоже был выполнен на уровне — скучо, но эффектно, ничего не выпячивается, но все как на ладони. Пять Манхаринов, застывших тесным кольцом, чуть ли не спина к спине, и пять механических монстров вокруг. Манхарины были одеты и причесаны по-разному, видимо, снимали знаменитого матадора в разное время и на разных представлениях.

Машины Геральт опознал без труда: военный мини-джип-багги с зазубренными бамперами; небольшой снегоуборочный трактор «Осака» при облегченном ковше и усиленных распорках; монструозного вида мотоцикл с колесами, почти полностью скрытыми под шипастыми хромированными крыльями; с виду неуклюжий автомат из тира (подобные автоматы обычно мечут тарелки-мишени) и портовой шагающий погрузчик, самый маленький из линейки, но тем не менее нависающий над одним из Манхаринов, как пятиэтажка над молочным киоском.

«Охренели они там, в Большом Мадриде, — подумал Геральт с невольным уважением. — С этой металлической нечистью связываться? Я бы не взялся...»

Впрочем, размеры гонораров Фаусто Манхарина ведьмаку были неизвестны. Кто знает, озвучь промоутер цифры, возможно, Геральт и задумался бы. Проблема была в другом: в подходе. Один на один Геральт, без сомнения, одолел бы любой из вышеперечисленных механизмов-убийц. Но однозначно не стал бы устраивать из этого шоу. Ведьмаки действуют быстро, эффективно и, как правило, без свидетелей, а потому ни разу не эффектно. Их работу не назовешь зрелищем. И деньги им платят исключительно за результат. A los corrideros вро-

де Манхарина вынуждены на протяжении некоторого времени носиться по арене, уворачиваясь от смертоносного механизма, дразнить его, подзуживать, попутно расточая также поклоны и воздушные поцелуи почтеннейшей публике. Задача не из простых, уж кто-кто, а ведьмак мог об этом судить со знанием дела.

Вывести из строя опасный механизм в общем-то нетрудно — если знать как, разумеется. Куда труднее не дать механизму вывести из строя себя, если находишься с ним рядом сколько-нибудь продолжительное время.

До сих пор Геральт никогда не бывал на корриде — как-то не подворачивался удобный случай. Во время единственного визита в Большой Мадрид было недосуг, при посещении Москвы или Урала всегда оказывалось дел по горло, а в родной Киев коррида на его память приехала всего во второй раз в истории, причем за последние тридцать лет — впервые. В дни прошлого визита Геральт был еще мальчишкой.

«Схожу, пожалуй, — подумал он. — Не может быть, чтобы los corrideros были полными профанами в обращении с машинами. Что-то они наверняка умеют. И наверняка умеют иначе, чем ведьмаки».

Старый Весемир не уставал повторять, что учиться никогда не поздно.

За двадцать с лишним лет ведьмачества Геральт не раз убеждался: так оно и есть.

Из надписи на афише явствовало, что билеты продаются в нескольких местах. В данный момент ближе всего было подъехать к цирку на площади Победы.

Из престарелого троллейбуса ведьмак вышел спустя полчаса. У входа в универмаг «Украина», через проспект от похожего на необъятный приплюснутый гриб здания цирка. Машинально огляdevшись (ведьмаки всегда начеку), Геральт нырнул в подземный переход, миновал тоннельчик под проспектом, вернулся на поверхность и направился к билетным кассам.

За пару минут до этого, точно напротив ведущей к центральному входу в цирк лестницы, остановился белоснежный лимузин «Кинбурн». С приличествующей торжественностью из лимузина выскочили сразу четыре охранника; один кинулся открывать заднюю дверцу, двое застыли по обе стороны предполагаемого пути хозяина, четвертый так и остался у ле-

вого борта лимузина, сунув руку под полу пиджака и глядя на дорогу.

Следом показался хозяин — седовласый полуэльф, а возможно, квартирон. Очень похожий на человека, но точно с примесью эльфийской крови. Он был одет в светлый костюм и фетровую шляпу; туфли тоже были светлые. Даже тонкая тросточка имела свет близкий к изжелта-кремовому, как ископаемая слоновая кость. Единственное, что было темного в облике метиса, — это солнцезащитные очки.

Следом из машины проворно выбрался помощник или секретарь — этот был одет во все серое, очки носил полупрозрачные и в руке имел новенький, только из магазина, портфель натуральной кожи — Геральт явственно почувствовал характерный запах.

Тем временем из припарковавшегося сразу за лимузином черного европейского «Фринза» на пятачок перед лестницами ступили еще двое, тоже явно хозяин с секретарем, причем хозяин по странному совпадению был полуэльфом или квартироном, но в одежде предпочитал полуспортивный стиль. Секретарь выглядел двойником своего коллеги, только вместо дорогущего портфеля нес на плече адидасовскую сумку, опять-таки не дешевую.

Когда Геральт приблизился к лестнице, эта четверка (сопровождаемая, понятно, телохранителями) уже начала подниматься к цирку. Примерно на середине подъема метис в светлом оглянулся и увидел Геральта несколько позади и левее себя.

Геральт тотчас замедлился — ему не хотелось препираться с охранниками, которым вполне могло почудиться, что он слишком близко подошел к их драгоценному хозяину. Проще было заранее уступить.

Однако метис и вовсе остановился, повернувшись к ведьмаку лицом. Даже очки снял.

Встали и все прочие, невольно уставившись на Геральта, которому тоже ничего не оставалось, кроме как замереть на очередной ступеньке.

— Ведьмак, — негромко пробормотал метис в светлом. — А ведь это идея, а?

Он обернулся ко второму метису, как показалось Геральту — вопросительно.

— Откуда мне знать, что ты его не подмазал заранее и не вызвал сюда? — проворчал «спортивный» неохотно.

— Лофт, не дури, я бы просто не успел. Мы хоть и ехали в разных машинах, но от телефонов не отлипали. Ты это знаешь. И, потом, тебе разве недостаточно моего слова?

Лофт не ответил. Только вздохнул.

«Кажется, мне сейчас предложат работенку», — подумал Геральт безрадостно. — Если во время корриды — откажусь».

По закону подлости, именно так и должно было произойти: выполнять задание какого-то из полуэльфов — а возможно, их общее задание, — предстояло бы именно в тот час, когда несравненный Фаусто Манхарин выйдет на песок арены, а зрители взвоят в сотни глоток, предвкушая незабываемое зрелище.

— Если хочешь, вызови еще одного, — предложил полуэльф в светлом «спортивном». — На свой выбор.

Однако тот лишь вяло махнул рукой: поступай, мол, как знаешь.

Секретарь, повинуясь едва заметному жесту хозяина, передал портфель одному из охранников и подошел к Геральту, терпеливо ожидающему на ступеньке.

— Здравствуйте, — поздоровался секретарь через несколько секунд. — Вы ведь ведьмак?

Геральт безмолвно кивнул.

— Значит, мы не ошиблись. Господин Шуйский хотел бы вас нанять. Если вы, разумеется, не заняты какой-либо другой работой.

Геральт был не занят. И прекрасно видел, что с господина Шуйского без проблем можно будет снять весьма достойный гонорар, каким бы ни было его задание.

«Если во время корриды — откажусь!» — подумал Геральт вторично, словно пытался убедить себя в чем-то таком, во что сам не особо верил.

— Не занят, — сказал ведьмак вслух.

— В таком случае приглашаю вас пройти с нами — приемная господина Шуйского здесь, в здании цирка. — Секретарь приглашающее повел рукой.

Геральт снова кивнул. Секретарь дежурно улыбнулся, забрал у телохранителя портфель и поспешил ко входу в цирк. Следом двинулись и остальные, только последний охранник задержался, пропуская вперед Геральта.

— Если вы не станете делать резких движений, — сообщил он нейтрально, — я буду вам безмерно благодарен.

Смотрел при этом охранник на притороченное к боку ведьмака помповое ружье.

— Не стану я делать движений, — заверил Геральт со вздохом и быстрым шагом направился за успевшей немножко отдаться процессией.

Охранник тенью последовал за ним.

В цирк их пропустили без малейшей проволочки — два швейцара в умопомрачительных ливреях только успевали распахивать и удерживать стеклянные двери. Пацаненок лет десяти предупредительно раскрыл створки лифта, дождался, пока вся прибывшая орава войдет, шмыгнул следом, взобрался на обитую замшой табуреточку и нажал на нужную кнопку. Без табуреточки до кнопки он не дотягивался.

Кабинет господина Шуйского оказался под стать хозяину — изящен, но не вульгарен. Роскошен в меру, но при этом удобен — как самому Шуйскому, так и гостям. Геральт вдоволь насмотрелся на нарочито неудобные гостевые кресла иных тщеславных воротил, дабы по достоинству оценить демократичность господина Шуйского.

— Прошу вас, располагайтесь! — сказал Шуйский, отдавая шляпу и трость одному из охранников.

Обращался он исключительно к ведьмаку: охранники тотчас по входу в кабинет куда-то испарились, даже тот, который умостил шляпу хозяина на вешалке, а трость в специальной сетчатой урне-подставке, в компании еще нескольких подобных. Секретари тоже оттянулись в сторону рабочей зоны — к столам с оргтехникой. «Спортивный» полуэльф по имени Лофт давно уже завалился в кресло и в данный момент шарил в баре, что примостился одесную от него.

— Благодарю вас, — суховато произнес Геральт и тоже сел в кресло, напротив Лофта и бара. Между ведьмаком и полуэльфом располагался только стеклянный журнальный столик, опирающийся на вычурные резные ножки. Ножки были визу-

ально неотличимы от дерева, но обостренное обоняние ведьмака услужливо подсказало: это пластик. Эбонит или текстолит, декорированный и выкрашенный под дерево весьма умело и с большим знанием дела. Основание ножек утопало в ворсе дорогого восточного ковра.

— Скажите, — спросил Шуйский, деловито отсекая кончик сигары забавной маленькой гильотинкой, — уж не на корриду ли вы собирались? Что привело вас к цирку, господин ведьмак?

— На корриду, — коротко ответил Геральт. — За билетами шел.

Шуйский принялся раскуривать сигару, и в носу ведьмака защекотало так сильно, что захотелось чихнуть. Обычный жи-вой, не мутант (исключая, естественно, чистокровных эльфов), ни за что не смог бы воспротивиться этому позыву. Чихнул бы — оглушительно, аж полуневесомые занавеси-гардины на окнах неминуемо дрогнули бы. Но ведьмак привычно подавил неуместное желание организма.

От умения держать в узде своеенравный организм зависела как жизнь самого ведьмака, так и жизнь тех, кого он иногда выручал из беды.

— В таком случае вы уже в небольшом выигрыше, господин ведьмак! Как, кстати, вас зовут? Не обращаться же к вам обезличенно.

— Меня зовут Геральтом, — представился Геральт.

— Сам Геральт? — вскинул брови Шуйский. — Наслышен, наслышан! Я почему-то полагал, что вы старше.

— Я старше, чем выгляджу, — не вдаваясь в подробности, ответил Геральт.

— Вам ведь тоже не сорок пять, на которые выглядите вы, господин Шуйский.

Пыхнув сигарой, собеседник светски усмехнулся:

— Действительно! Все время забываю, что не всякий, кто выглядит как человек, на деле является человеком. Простите, издержки профессии! Все время приходится иметь дело с короткоживущими. Часто ловлю себя на мысли, что думаю и поступаю так, словно к ста пятидесяти годам состарюсь, а к размену третьей сотни стану совсем немощным. Впрочем, мы отвлеклись, мастер Геральт! Не угодно ли вам будет посетить

корриду за наш счет? Я обеспечу место в VIP-ложе, там наилучший обзор.

— На каких условиях? — уточнил Геральт. — Что от меня потребуется после?

— Верно мыслите. — Шуйский многозначительно потряс перед лицом рукой с сигарой. Пахучий дым, завиваясь колечками, медленно дрейфовал к приоткрытым окнам. — Разумеется, мы вас приглашаем не просто так, от доброты душевной. В бизнесе не бывает доброты — насколько мне известно, ведьмахи понимают это гораздо яснее многих. Нам нужна будет консультация, мастер Геральт. Не скрою, мысль привлечь ведьмака ранее нам не пришла в голову, это чистейшей воды импровизация. Счастье, что мы с Лофтром подъехали как раз в нужный момент, именно тогда, когда к цирку пожаловали вы.

Геральт не стал уточнять, что лучшей импровизацией по его твердому убеждению является тщательно спланированная, обдуманная и подготовленная. Не особенно нравился ему также тот факт, что господин Шуйский успел наговорить много разнообразных слов, однако ни единым намеком пока не раскрыл суть предлагаемого задания.

Впрочем, Шуйский немедленно это поправил:

— Нам нужна будет консультация, мастер Геральт. Консультация специалиста по опасным для жизни механизмам. Непревзойденный Фаусто Манхарин сойдется сегодня с некоторыми нашими детищами. Скорее всего маэстро выйдет из этой схватки победителем. А вы посмотрите и расскажете нам, почему так произошло. В чем слабость наших механизмов. Что могло бы их усилить и повысить шансы на победу в бое против *el corridero*.

Геральт несколько секунд сопоставлял, взвешивал и размышлял.

— Могу я узнать — а в чем смысл данного предприятия? — осторожно поинтересовался Геральт. — Ну узнаете вы, как именно матадор прихлопнул ваши железяки. Что это вам даст?

— В следующий раз мы выставим против него железяки, у которых данных недостатков не будет. А поскольку попыток у нас всего три... — Не договорив, Шуйский артистично повел рукой.

— Не понял, — насторожился Геральт. — Вы что, научились влиять на заводские технологические процессы? Выращивать механизмы с заданными свойствами?

— Увы, — сокрущенно вздохнул Шуйский. — Этого мы, естественно, не можем. Но зато мы в состоянии отсеивать не устраивающих нас монстров из тех, что повырастают в... э-э-э... скажем так: на одной подконтрольной территории. Мы пытаемся сформулировать критерий отсева, понимаете?

Геральт кивнул:

— Да, теперь понятно.

— Вот видите, как я с вами откровенен, мастер Геральт! — сказал полуэльф с обезоруживающей полуулыбкой.

— Я ценю вашу открытость, господин Шуйский, — поспешил заверить Геральт. — Насколько я могу представить, у вас нечто вроде заочной дуэли с Фаусто Манхарином?

— Не с ним, — усмехнулся Шуйский. — С его импресарио. Хотя в случае победы Манхарин свой процент, естественно, получит.

— И сколько у вас попыток?

— Три. Сегодня первая.

Геральт не удержался, тихонько хмыкнул.

— Что такое? — насторожился Шуйский.

— Боюсь, — сказал ведьмак негромко, — выиграть вам будет неимоверно трудно.

— Почему?

Геральт взглянул на полуэльфа в упор — в его серо-зеленые холодные глаза.

— Потому что способов вывести из строя опасный механизм обыкновенно куда больше, чем три. Вы устраните одну слабость, вторую, но в решающем поединке матадор просто переключится на третью. Или сразу на двадцать пятую, опустив предшествующие. Тут и десяток попыток может не помочь. Я ни разу не видел корриду живьем, но судя по тому, что слышал от знающих людей, los corrideros недаром едят свой хлеб с маслом. И умерщвлять механическую нечисть умеют превосходно. Вот видите, господин Шуйский, я с вами тоже предельно откровенен.

— Спасибо, мастер Геральт, я также оценил вашу откровенность! Тем не менее... я рискну. Не угодно ли вам будет

огласить сумму, которая покажется вам достаточной за консультацию?

— Для начала я оглашу предварительные требования, господин Шуйский, ибо, как вы очень верно подметили, ведьмаки замечательно умеют вести дела без чьей-либо помощи и еще замечательнее умеют считать деньги. Итак, первое: я проведу все три консультации, если двух или одной не будет достаточно, именно я и никто другой. И второе: в случае вашего поражения я получаю фиксированную сумму, причем авансом. В случае победы — процент от выигрыша.

Шуйский чуть сигару не выронил. Несколько секунд он глядел на ведьмака недоуменно, потом во взгляде прорезалось нескрываемое уважение, оттененное, впрочем, легким негодованием.

— Вот это хватка! — пробормотал полуэльф. — И сколько же вы хотите процентов, мастер Геральт?

— Зависит от суммы, которую вы намереваетесь выручить в случае победы. В какой конторе вы регистрируете и страхуете сделку?

— У Андреаса Блаафладта. А это имеет значение?

— Конечно, имеет, господин Шуйский! — усмехнулся Геральт. — Достопочтенный Андреас не связывается со ставками меньше миллиона гривен. Ведь так?

Неожиданно подал голос Лофт, потерявшийся было на диване:

— И ты мне будешь говорить, что это не подстава? Какой-то лысый татуированный тип...

— Помолчи, Лофт, — буркнул в его сторону Шуйский.

Лофт набычился и умолк, хотя себе под нос пробормотал что-то еще, по всей видимости, не слишком лестное для ведьмака.

— В общем, два процента, — сообщил Геральт, стараясь, чтобы это прозвучало без нажима.

— Два? — Шуйский пошевелил губами, словно пытался без помощи рук переместить сигару из одного уголка рта в другой. — Побойтесь жизни, мастер Геральт, это само по себе больше миллиона! Ни одна консультация, если разобраться, столько не стоит!

— Если разобраться, — пожал плечами Геральт, — от моей консультации как раз и зависит исход вашей сделки, господин Шуйский. По крайней мере вы совсем недавно в порыве откровенности высказывали подобную мысль.

— Вот и будь после этого откровенным, — с показной досадой проговорил полуэльф. — Полпроцента?

Геральт снова в упор взглянул на Шуйского:

— Я так понимаю, сойдемся мы на одном проценте, господин Шуйский. Предлагаю на этом торговлю закончить. Что же до фиксированной суммы, то двадцать пять тысяч за каждую консультацию я сочту вполне приемлемым вариантом. Я даже готов пойти вам навстречу и учесть выданные ранее фиксированные суммы в моем единственном проценте от выигрыша, буде таковой состоится.

Шуйский некоторое время угрюмо пускал дым, потом махнул рукой:

— Будь по-вашему, мастер Геральт!

И повернулся к секретарю:

— Готовь контракт! Только без цифр, сами впишем.

— Сей момент, господин Шуйский!

Затрещала клавиатура; секретарь печатал с такой скоростью, будто рук у него было не две, а как минимум четыре.

— Ну и приперли вы меня к стенке, мастер Геральт! Опомниться не успел! Меня! Витольда Шуйского! Расскажи кому — засмеют. Так и тянет мстительно вычесть стоимость билета на корриду из вашего гонорара.

— Это было бы слишком мелко для такого живого, как вы, господин Шуйский, — сказал Геральт беззлобно.

— Вы совершенно правы, шахнуш тодд! Я играю по-крупному, и именно поэтому я никогда так не поступлю. Но ведь тянет, слышите — тянет! Извольте убедиться — я по-прежнему с вами откровенен!

«Даже слишком, — подумал Геральт, не меняясь в лице. — И вряд ли это просто так».

К удивлению Геральта, представление проводилось вовсе не на цирковом манеже, а на небольшом стадиончике по Воздухофлотскому проспекту. Сразу стал заметен размах мероприятия: весь квартал был оцеплен, и внутрь пускали только

счастливых обладателей билетов. Второй кордон стоял перед входами на трибуны.

Посреди футбольного поля был выгорожен круг; к нему примыкали два тоннеля, сколоченных из пахучих досок и обтянутых голубоватой материей. Трибуны отстояли от этого круга довольно далеко; Геральту подумалось, что для такого действия, как коррида, более подошел бы какой-нибудь амфитеатр.

Однако со стороны южных ворот, за которыми футбольные трибуны отсутствовали, устроители корриды соорудили несколько просторных лож для высоких гостей. Билет Геральта был в одну из них.

На подходе к ложам билет осмотрели, ощупали, обнюхали, разве только не облизали. Охранники, все как один почему-то вирги, глядели на ведьмака неодобрительно. Вскоре стало ясно почему: во-первых, он пришел слишком рано, за полчаса до начала. Во-вторых, его потертая джинса никак не коррелировала с одеждами остальных обладателей билетов в ложи.

Когда занавес за спиной Геральта бесшумно шевельнулся и в ложу втекли два телохранителя — орк и вирг — в безупречных парах, при штиблетах, галстуках и непременных темных очках, Геральт с неудовольствием решил, что его в очередной раз примут за безбилетника и попытаются выгнать. Однако орк, едва мазнув взглядом по татуированной лысине, басом осведомился:

— От Шуйского?

— От Шуйского, — подтвердил Геральт, опасаясь расслабиться.

— Вооружен? — поинтересовался орк.

— Вооружен.

— Тогда, если не затруднит, сиди где сидишь и не оборачивайся.

Геральт сидел в самом углу первого ряда кресел, снятых то ли из вагона поезда, то ли из комфортабельного автобуса. Кресла были соединены попарно, но номерок имели только один, по всей видимости, один билет означал, что в распоряжение его обладателя отдаются оба. Сидеть впереди было удобно, обзор арены прекрасный, поэтому Геральт с легким сердцем заверил охранников, что будет сидеть именно здесь и вообще будет паникой. Те вроде бы поверили.

Минут через пять в ложу пожаловали попугайски разряженный подросток-человек лет четырнадцати с подружкой, глядя на развитые формы которой легко можно было дать все двадцать пять, но скорее всего исполнилось не больше семнадцати.

— Это кто? — капризно поинтересовался подросток, указывая на ведьмака сигаретой.

— Это от Шуйского, — спокойно пояснил телохранитель-орк.

К удивлению Геральта, капризы на этом закончились. Молодняк уселся в заднем ряду, но не точно позади Геральта, а чуть в стороне. Скорее всего они намеревались не кориду смотреть, а потискаться всласть. Геральту было глубоко по фиг, чем они там будут заниматься, что он и постарался сполна изобразить спиной.

В соседних ложах наблюдались как серьезные дяди в костюмах из бутиков с Крещатика, так и сомнительные рожи вида вполне бандитского, при атрибутических цепях и перстнях. Их присутствие могло бы взволновать какую-нибудь чувствительную дамочку-гимназистку, но Геральт себя к таковым не мог причислить даже при сильном желании.

Тем временем трибуны заполнились; заиграла музыка, а перед выходом на арену началось обычное для подобных зрелищ шевеление: конферансье поправлял чудной костюм, пяток живых в еще более чудных костюмах экипировались чем-то явно техническим либо же оружейным; где-то за драпированной фальцетом взревывал двигатель, а на трибунах нестройно хлопали в ладоши и сдержанно переговаривались зрители.

А потом началось.

Геральт ожидал чего угодно — но только не этого. Ожидал либо тупого убийства какого-нибудь с виду ужасного, а на деле безобидного механизма либо быстрой и легко предсказуемой дуэли действительно небезопасной машины и профи-живого, двоюродного брата ведьмаков.

Не угадал. Увидеть пришлось спектакль. Костюмированное, тщательно срежиссированное и безупречно выполненное действие. Маэстро Манхарин в розовом снаружи и желтом изнутри плаще-капоте выступил на арену в окружении целого сонмища помощников-кавадоров, разряженных лишь слегка

менее пышно. Даже на кава — небольшой складской автопогрузчик — повязали несколько цветных тряпок. Невзирая на скромные размеры, погрузчик был довольно опасной тварью — задняя ось имела явно независимую подвеску колес, которые вдобавок крутились на все триста шестьдесят градусов без всяких ограничений. Погрузчик был дьявольски маневренен и быстр, а ковш его отточен до едва ли не бритвенной остроты. Кава дважды задевал краем ковша доски ограждения и дважды раскалывал их повдоль на тонкие светлые щепы. Тем не менее Манхарин в своем плаще долго вертелся перед самым сверкающим лезвием, умудряясь оставаться невредимым. Движения матадора были скучны и на заглядение совершенны. Со стороны казалось, будто он исполняет танец, губительный танец на самом краю пропасти.

В итоге Манхарин сначала сменил капоте на мулету, а потом мулету на широкий секач. Маэстро так и остался невредимым, а погрузчику сначала перерубил шланги гидравлической системы, отчего ковш бессильно повис на нижних ограничителях, а потом весьма ловко расположил шины задних колес, оставив кава практически неподвижным.

Публика подвывала от восторга. Маэстро кланялся.

За час Манхарин разделся также с небольшим краном, загадочной штуковиной, оснащенной горизонтальным маховиком и гусеницами, и под самый занавес и явно на потеху публике — с обычной поливальной машиной. Маэстро и кавадоры вымокли до нитки. Публика от восторга уже не подвывала, а натурально выла.

В общем, первые выводы Геральт сделал.

Безусловно, Манхарин — не новичок в деле умерщвления механизмов. И, что вполне естественно, он делает это медленно и по возможности эффектно. Там, где опытный ведьмак ограничился бы дюжиной секунд и парой движений, матадор вынужден устраивать сущие пляски с бубном минут на пять, а то и десять. Оно и понятно: зрители хотят, чтобы им сделали красиво и чуточку страшно.

Второе, что отметил Геральт, — это задействованные на корриде механизмы. Их нельзя было назвать совершенно безопасными, однако никакие это не дикие твари с дикого завода. Да, внешний вид им намеренно создают устрашающий; все,

что может блестеть, полируют до состояния зеркала, а каждую зазубренную шестеренку стараются выставить напоказ. Однако если бы на пласа де ла кава очутилась реальная дикая машина-убийца, за однозначную победу матадора Геральт поручиться бы не рискнул. Трюки трюками, а поединок поединком.

Однако главного ответа на вопрос Шуйского Геральт так и не получил: как далеко простираются умения маэстро Манхарина? Чего он испугается настолько, чтобы отступить?

Проверить это можно было единственным способом. Однако события вдруг начали разворачиваться в весьма неожиданном направлении.

— Мне показалось, — спросил Манхарин, с прищуром глядя на Карлоса Гарсиа, — или в одной из VIP-лож отсвечивала ведьмачья лысина?

Импресарио выдержал паузу. Прищур тоже выдержал.

— А с каких пор это вас волнует, Фаусто?

Матадор зачем-то посмурнел.

— Не люблю работать под их тяжелыми взглядами. Разве ты не знал этого, Карлос?

— Хотите сказать, что взгляд профессионала вас смущает?

— Меня? — вскинулся Манхарин. — Смущает? Еще скажи, что мне интересно мнение этого порченного аптекой отрочья о технике корриды!

Импресарио отозвался довольно холодно:

— Мнение профессионала всегда интересно. Тем более если это профессионал в смежной области.

Тут Манхарин не выдержал, отодвинул тарелку (приборы оглушительно звякнули) и вскочил:

— Я не понял! Ты равняешь этих уборщиков металлолома со мной, Фаусто Манхарином?

— Побойтесь жизни, маэстро! Я всего лишь назвал ведьмаков профессионалами в смежной области. И, говоря начистоту, появление ведьмака в VIP-ложе куда сильнее должно взволновать меня, нежели вас.

Южный темперамент матадора в очередной раз был погашен ледяным спокойствием импресарио. Карлос Гарсиа успел неплохо изучить своего подопечного и с некоторых пор приобрел на него известное влияние.

— Тебя? Почему?

Карлос Гарсия легко прощал более молодому подопечному многое, в том числе показушную фамильярность. Даже публичную. Ибо звезда должна быть эксцентричной. К ней неприменимы обычные категории живых.

Звездам положено то и дело капризничать, периодически закатывать оглушительные скандалы, смертельно обижаться на весь мир и совершать разнообразные необъяснимые глупости. Звезда без этого — не звезда. А так, звездочка, если не искорка. Которая стопроцентно исчезнет с небосклона шоубизнеса весьма быстро.

— Потому что его прислал Шуйский.

— Шуйский? Тот надутый полуэльф, который опрометчиво решил, будто я чего-нибудь испугаюсь?

— Тот самый. Но насчет его опрометчивости я бы не спешил делать выводы. Ведьмака-то он прислал.

— Опять ты со своим ведьмаком! — приготовился вторично вспыхнуть матадор.

— И насчет ведьмака не спешите делать выводы.

— Какие еще выводы?

— Любые. Приятного аппетита, маэстро.

Карлос Гарсия промокнул губы салфеткой и только после этого встал.

Был он невысок и сухопар, чтобы не сказать — тощ. На фоне такого бравого южного молодца, как Фаусто Манхарин, импресарио и впрямь выглядел задохликом. Однако сила его заключалась не в румяных, кровь с молоком, щеках и не в содержащих кривую евросажень плечах. Сила его заключалась в мощи интеллекта, жизненном опыте и финансовых возможностях. Интеллект обитал под крапчатой лысиной, финансовые возможности подкреплялись обширными связями и почти безупречной репутацией. Лысине Карлоса Гарсии было далеко до ведьмачьей: во-первых, она была следствием не мутации, а банального возраста, из которого в свою очередь проис текал завидный жизненный опыт, ну а во-вторых, никаких татуировок на ней, естественно, не было. Так что смотрелась лысина побледнее. Но вот того, что под нею крылось, следовало бояться даже ведьмакам.

Карлос Гарсия был человеком и прожил в этом мире всего шестьдесят два года. Но он определенно прожил их не зря, на зависть иным долгоживущим.

Выходя из столовой, он спустился на первый этаж, в кабинет. Едва он успел войти и взглянуть на высокие напольные часы, тихо вякнул мобильный телефон. Импресарио первого матадора Европы неторопливо вынул аппарат из кармана и взглянул на экран. Как он и ожидал, высветился ничего ему не говорящий номер.

— Слушаю, — сказал Карлос Гарсия в трубку.

— Все готово, — сообщили ему.

— Начинайте, — велел импресарио и нажал на отбой.

Живого, который только что звонил, Карлос Гарсия, конечно же, узнал. Его звали Лофт.

— Первый раунд вы проиграли вчистую, господин Шуйский, — сообщил Геральт, отпивая эльфийского джина пополам с пческой минералкой.

— Представьте себе, я заметил, — весело отозвался полуэльф.

Шуйский действительно был весел — никакой бравады или показухи.

Попивает тот же джин, попыхивает сигарой. Улыбается.

Впрочем, трудно было предположить, что Манхарина удастся запугать смешными механическими уродцами, которых ведьмак имел счастье наблюдать на недавнем представлении.

— Надо ли понимать, господин Шуйский, что первый раунд вы рассматривали исключительно как разведку?

— Вы на редкость проницательны, мастер Геральт!

— В таком случае, — задумчиво спросил ведьмак, — отчего бы не провести разведку по видеозаписям прежних выступлений Манхарина?

Шуйский расплылся в еще более широкой улыбке:

— Оттого, мастер Геральт, что это вряд ли дало бы нам, да и вам тоже, достойную пищу для размышлений. Никогда раньше Манхарин не сталкивался с нашими машинами. Да и вообще с машинами, порожденными Большим Киевом.

Геральт задумался. Фраза была слишком глубокомысленной, чтобы содержать меньше двух смыслов. Что это может

значить на самом деле? Машины из разных мегаполисов, разумеется, отличаются друг от дружки, даже однотипные. Иногда очень сильно. Разные заводы, на которых они растут, разные технологические линии, разное сырье. Разные кланы на заводах, наконец. Все накладывает неповторимый отпечаток на нововыросшие дикие механизмы.

Но что-то за словами Шуйского все-таки стояло. Несомненно.

Впрочем, Геральту не пришлось долго гадать. Полуэльф в очередной раз выпустил замысловатый по форме клуб дыма, слегка подался вперед и доверительно сообщил:

— Я вижу, вы совершенно не в курсе взаимоотношений Большого Киева и европейских *los corrideros*.

Вероятно, Шуйский ожидал встречного вопроса, однако Геральт справедливо решил: раз уж наниматель начал рассказывать, значит, выложит все, иначе к чему было начинать? Так и произошло.

— Дело в том, мастер Геральт, что *los corrideros* обходят вниманием наш город отнюдь не случайно. За последние пятьдесят лет их удалось заманить сюда всего три раза, и все три раза представление срывалось, едва начавшись. Примерно то же происходило и раньше, я смутно помню приезд матадора Диего Арманио, почти сразу после приснопамятных событий в Хмельницком. Это был его последний выход на арену.

Шуйский сделал паузу, однако вопросов от Геральта так и не дождался. Тот застыл в кресле, бесстрастно глядя перед собой и изредка отхлебывая джина.

— Коррида в Большом Киеве до сих пор заканчивалась либо отказом матадора и его подручных выйти на бой, либо их гибелью. Так что наш город до сегодняшнего дня выигрывал поединок с *los corrideros* всухую. Нынешнее представление — первый случай, когда ничего особенного не произошло. Матадор продемонстрировал искусство вероник, натуралей и прочих пасе де печо, зрители насладились его искусством, а заодно надулись пива и слопали вдоволь ромоданских сосисок. Все довольны, все счастливы. Особенно я. И знаете почему? Потому что через две недели маэстро Манхарин приедет в Большой Киев вновь!

«Вот оно что, — запоздало сообразил Геральт. — Тогда понятно, почему против Манхарина выставили поливалку и прочих сегодняшних лапочек. Шуйскому важен сам факт проведения корриды в Большом Киеве. Скорее всего он и не собирается выигрывать пари: регулярно устраивая корриду в Киеве, он заработает в разы, в десятки раз больше, чем проиграет в этом дурацком споре! Но зачем тогда он нанял меня? Зачем ему знать, какие машины смертельно опасны для знаменитого матадора, если выставляет против него поливалки?»

Секундой позже Геральт сообразил и это. Да для того, чтобы знать наверняка, какие машины против Манхарина ни в коем случае НЕ ВЫСТАВЛЯТЬ!

Что ж, это объясняло все, вплоть до выплаченного аванса в семьдесят пять тысяч гривен. Поэтому в течение следующих минут двадцати ведьмак честно, подробно и обстоятельно объяснял Шуйскому, в чем, по его мнению, слабости маэстро Манхарина, а чего матадор ни в жизнь не испугается. Анализ выставленных на сегодняшний бой машин Геральт опустил; что характерно — Шуйский и бровью не повел, хотя насчет матадора вопросы задавал весьма въедливые.

Шуйский остался доволен. Во всяком случае, он по-прежнему был весел, на смену джину выудил из бара початую бутылку «Эльфийской особой» и щедро плеснул Геральту. Заверил, что идея привлечь ведьмака была счастливым озарением. Приготовился записать контактные номера-адреса, чтобы сообщить о месте и времени проведения второго боя и второй консультации; Геральт начал диктовать, но тут запиликал местный телефон на столе у Шуйского.

Возникшее предчувствие было очень нехорошим.

Веселье сошло с лица полуэльфа практически сразу после того, как он снял трубку и хорошо поставленным голосом произнес: «Шуйский слушает!» Несколько секунд он действительно слушал, потом медленно опустил источающую короткие гудки трубку на аппарат и растерянно застыл.

Геральту не нужно было ничего объяснять — с его-то ведьмачьим слухом. Прозвучало всего всего две фразы: «Маэстро Манхарин только что похищен из отеля. Полиция устанавливает обстоятельства».

Узнал Геральт и голос того, кто звонил. Это был Лофт.

Надо признать, Шуйский быстро взял себя в руки.

— Похоже, — сообщил он, потирая лоб и усаживаясь в кресло, — у вас появилась дополнительная работенка, мастер Геральт!

Ведьмак угрюмо воззрился на полуэльфа, который становился с каждой секундой все более озабоченным.

— Насчет оплаты не беспокойтесь, аванс я удваиваю... Нет, утраиваю!

— Господин Шуйский, — тихо сказал Геральт. — Я ведьмак, а не сыщик.

— Разумеется... Разумеется... Ах, шахнуш тодд, как не вовремя... Где же я прокололся?

Некоторое время Шуйский сидел неподвижно; казалось, от напряженной работы мысли в его седой шевелюре сейчас начнут проскакивать искры.

— Понимаете, мастер Геральт... Я догадываюсь, кто это сделал. И догадываюсь, куда привезут маэстро Манхарина и что ему предложат сделать.

Ведьмак решил не изменять прежней политике: молчать и слушать даже во время невольных пауз в речи Шуйского.

— Сделал это, я полагаю, импресарио Манхарина, старый лис Карлос Гарсиа. И намерен он показать похищенному матадору наши киевские машины-убийцы, самые экзотические и жуткие, каких давно не осталось в снулои и благополучной Европе. Разумеется, не лично — Гарсия заведомо вне подозрений и не собирается рубить сук, на котором сидит. Запуганного и раненного Манхарина он потом заботливо увезет в Большой Мадрид, будет трогательно лечить и всячески холить-лечить-ненежить-тетешкать, а главное — всецело поддержит решение маэстро больше никогда, никогда не приезжать в этот варварский город Киев, где обитают сплошь механические монстры, а живые тупы, безмозглы и ничегошеньки не понимают в высоком искусстве корриды.

— Но позвольте, — вопреки недавнему решению отмолчаться вставил слово Геральт. — В этом случае Карлос Гарсия проиграет пари, а вы получите кругленькую сумму из его, как я понимаю, кармана!

Шуйский грустно усмехнулся, словно умудренный годами дед на наивный вопрос малолетнего внука:

— Ах мастер Геральт, мастер Геральт! Жизнь иногда бывает донельзя причудлива. Пока Манхарин выступает здесь, в Большом Киеве, Карлос Гарсия теряет большие деньги там, в Европе. Бизнес есть бизнес, он не ведает жалости или сомнений. Мы заключили с Гарсиа весьма странное пари: каждый из нас стремится проиграть. Как бы это парадоксально ни звучало. И оба мы знаем, что формальный выигрыш на самом деле означает серьезные потери.

— Да-а-а-а... — протянул Геральт, впечатленно качая головой. — Я повидал всякого, господин Шуйский. Но ни с чем похожим на ваше пари я никогда не сталкивался.

— Если вы не возражаете, — сказал полуэльф, потянувшись к телефону, — я сейчас кое-что выясню, а потом в общих чертах разъясню, что, по моему мнению, вам предстоит сделать. И где все это развернется.

Геральт пожал плечами и сосредоточил внимание на «Эльфийской особой».

Набрав номер, Шуйский ждал, пока на противоположной стороне снимут трубку. Длинные гудки отчетливо звучали в тишине кабинета, даже постукивание пальцев полуэльфа по столешнице не могло их заглушить.

— Алло? Лофт? Ты не мог бы приехать? Ясное дело, срочно!!!

Лист с адресом Шуйский кремировал в пепельнице сразу же после того, как показал Геральту.

Ведьмак молча кивнул, подтверждая, что адрес он запомнил.

— У вас есть какой-либо план? — устало поинтересовался полуэльф.

— Да какой тут может быть план, — пробурчал Геральт, поправляя амуницию. — Тут следует для начала ввязаться в драку, а там уж по обстановке...

— В драку?

— Ну хорошо, хорошо, в события, — поправился ведьмак. — Извините, как оратор я вам в подметки не гожусь. Приеду, войду на территорию, отыщу, где прячут Манхарина, а там уж соображу что к чему.

— Н-да, — сокрушенno вздохнул Шуйский. — Говоря на чистоту, не блещет ваш план.

— Другого все равно нет, — пожал плечами Геральт. — Кстати, а с чего вы взяли, что Манхарина привезут на... ну, в общем, именно туда?

Шуйский некоторое время молчал, словно раздумывал — стоит раскрывать свои тайны ведьмаку или обойдется ведьмак, невелика честь.

Решил все-таки раскрыть.

— Видите ли, мастер Геральт... Я — натура очень недоверчивая. Никому не верю. Вот и Лофту не слишком доверял, хотя он вроде бы набился в компаньоны... В общем, я отслеживаю его мобильный. И по разговорам, и по местонахождению. По разговорам за ним никакого криминала не числится, но не дурак же он, в конце-то концов, пользоваться для подобных разговоров тем мобильником, который я заведомо знаю. А вот спутниковое позиционирование показало, что он ездил... ну, в Святошин. А мне врал, будто сидит в гостинице в Голосеево. В Святошине у Лофта только один зафиксированный контакт — с доминирующим кланом... того самого объекта. Это раз.

Геральт выжидательно глядел на полуэльфа.

— А два, — закруглился Шуйский, — это «жучок» в ботинке самого Манхарина. Там он, там, даже не сомневайтесь.

— Хватило бы и только второго, — буркнул Геральт с легкой досадой: не любил он ненужной болтовни перед уходом на задание.

— Ничего, информация лишней не бывает. Заодно будете знать, что Лофту доверять нельзя. Собственно, я это с самого начала предполагал, но чтобы вот так вот нагло и откровенно кидать... м-да. Слишком я о нем хорошо думал.

«А дело у вас, господин Шуйский, поставлено с размахом, как я погляжу, — подумал ведьмак. — Надо же — «жучок» в ботинке! Любой техник обзавидуется такой прыти!»

— У вас навигатор имеется, мастер Геральт?

— Естественно! — фыркнул Геральт. — Я все-таки ведьмак, а не чучело какое-нибудь из «Морены-Трейд».

— Откуда? — не понял Шуйский.

— А... Не важно, — махнул рукой Геральт. — Есть такая поганая фирма. Никогда с ней не связывайтесь.

— Да? Ладно, не буду. Так о чем это я: текущие координаты Манхарина я могу сбрасывать вам по СМС, скажем, каждые 10 минут. Годится?

— Вполне.

— Точность какая нужна?

— До двадцати метров хватит, — прикинул Геральт. — Даже до тридцати.

Шуйский потянулся к селектору и что-то быстро заговорил по-эльфийски — вероятно, отдал распоряжения секретарю. Геральт тем временем отключил на мобильнике все звуки, оставил только вибрацию. Не хватало еще, чтобы в самый неподходящий момент мобильник предательски запилякал.

— Ну все, я пошел, — сказал Геральт, поворачиваясь к дверям.

— Там мой лимузин внизу, — кинул ему в спину Шуйский. — Он к вашим услугам.

— Много помпы, — отозвался Геральт, не оборачиваясь. — Сам доберусь. Незаметненько.

— Удачи!

— К вирговой маме.

До Святошина добраться было нетрудно: первый же остановившийся таксист запросил всего двадцатник. Геральт молча забрался на заднее сиденье. Едва тронулись, пришла первая эсэмэска с координатами Манхарина.

Всю дорогу Геральт продремал, не выпуская, впрочем, лямку рюкзака из руки. Таксист попался молчаливый, знай вертел себе барабанку, почему-то не доверяя стареньkim и явно опытным «Черкассам». В принципе с шофером любая машина чувствует себя увереннее — на многие маневры автомобиль без водителя просто не решается. Можно было бы понять таксиста, будь на дороге сложная обстановка или, не приведи жизнь, пробка. Но проспект был свободен, да еще вдобавок удалось зацепиться за зеленую волну. Лишь изредка таксист перестраивался из ряда в ряд.

Вторые полученные координаты слегка отличались от первых. Значит, объект перемещался. Это было не очень здорово: сиди Манхарин на месте, он заметно повысил бы соб-

ственные шансы выбраться с завода целым и невредимым. Третью эсэмеску Геральт принял уже вне «Черкасс» — он вышел из такси на некотором расстоянии от заводского периметра. Матадору, к несчастью, на месте не сиделось: он продолжал передвигаться по территории завода.

Завод этот назывался АТЭК.

Вот, кстати, и периметр — высокий каменный забор. Спасибо, что без колючки по верху.

Геральт огляделся. Оживленный проспект остался позади, впереди расстилалась унылая промышленная зона, с виду совершенно безжизненная. Что-то там, безусловно, происходило: вдалеке изредка погромыхивало, слышались гудки локомотива и рокот нескольких моторов. Однако никого Геральт пока не видел.

Насколько он успел выяснить, на АТЭКе заправлял смешанный человеческо-орочий клан. Однако в дальних цехах и на испытательном полигоне почему-то заправляли вирги, с доминирующим кланом пребывающие в отношениях натянутых, но не переходящих в открытую войну. Каким-то образом на заводе умудрялись сосуществовать два клана, причем явно неравные по силам. Почему более сильный смешанный клан не прижал виргов к ногтю и не поглотил или просто не вытурил с территории — поди угадай. Отношения внутри кланов тоже оставались загадкой. Заводские кланы вообще сообщества закрытые и во многом таинственные.

Итак, для начала следовало пробраться на территорию. Проходную Геральт отмел сразу: афишировать ведьмачий визит на АТЭК не хотелось категорически. Лезть среди бела дня через забор тоже было не с руки, однако стартовая идея у Геральта имелась: стоило полазить по окрестным колодцам дренажной системы. На территорию завода обязательно должно идти несколько ходов. Ползать по зловонным отстойникам и склизким от нечистот каналам, конечно же, удовольствие сомнительное, но зато неплохо оплачиваемое. Да и еще одно соображение Геральт накрепко усвоил много лет назад: грязь с костюма или кожи недолго и отмыть. А вот пулю из башки выковыряешь навряд ли. Поэтому вперед, вниз, в грязь и зловоние. Такова уж непростая ведьмачья доля.

Во втором колодце отыскался ведущий в нужном направлении ход. Не отвлекаясь на очередную эсэмэску, Геральт проверил упаковку ружья (в порядке), сложился втрое и вполз в тесный полузатопленный канал.

Метров через сорок он уткнулся в металлическую решетку, перегораживающую ход, но прутья до того проржавели, что удалось сломать ее голыми руками, даже инструмент не пришлось доставать.

«Хорошее начало, — подумал Геральт оптимистически. — Опережаю график минут на пятнадцать, не меньше».

Он упрямо полз по узкой каменной кишке, не забывая поглядывать наверх. Несколько раз попадались колодцы, однако большую часть вентиляционные. По крайней мере без скобяных лесенок, ведущих на поверхность. Но вскоре нашелся и колодец с лесенкой.

Прежде чем выбраться, Геральт слегка сдвинул крышку и некоторое время тихонько изучал окрестности. Люк располагался в очень удачном месте: под шиферным навесом, прикрывающим от непогоды какие-то громоздкие цилиндрические железяки. Одна из железяк, по-видимому, частично перекрывала люк, потому что крышку удалось приподнять только с одной стороны и совсем чуть-чуть. Сквозь щель рассмотреть получилось мало что, но слух подсказал Геральту, что вблизи вряд ли присутствует кто-нибудь живой. Поэтому ведьмак поднапрягся, сдвинул крышку наполовину (ржавая скоба под ногой жалобно при этом хрестнула, но, к счастью, выдержала) и просочился в образовавшуюся щель, словно таракан между стеной и плинтусом.

Здоровенный цилиндр, напоминающий серединку гигантского автомобильного колеса со снятой резиной, действительно налегал на краешек канализационного люка. Геральт попробовал его отпихнуть — со второй попытки получилось. Цилиндр был, во-первых, то ли дюралевый, то ли алюминиевый, а во-вторых, не сплошной, а с пустотами. Будь он сплошным — не выбраться бы ведьмаку в этом месте, не поддался бы люк никак.

«Еще плюс в график», — подумал Геральт, одновременно снимая координаты с GPS'а. Затем сверился с последними данными по датчику в ботинке Манхарина и с компасом. Идти

предстояло к ближайшему цеху или ангару, маячившему метрах в полуста от навеса.

Прежде чем выбираться из укрытия под открытое небо, Геральт аккуратно вынул из непромокаемого пакета ружье, приторочил к боку, а также не поленился внимательно осмотреть подходы к цеху в бинокль. Увы, он быстро засек неподалеку трех чумазых собак. Сами по себе они были не страшны, однако могли поднять шум-гам, а это в планы Геральта ни в коем случае не входило. На крайний случай в рюкзачке имелась пушка с глушителем, но Геральт, как и все ведьмаки, крайне неохотно шел на убийство существ из плоти и крови даже при смертельной угрозе собственной жизни.

Собаки как почувствовали: снялись с места, где валялись в пыли, и рысцой убрались куда-то к далекому забору-периметру. Выждав еще пару минут, Геральт наметил траекторию, по которой предстояло добежать до цеха. Сначала вон к той куче шлака, потом зигзагом между выкрашенными желтым и черным цветами бочками и, наконец, к серой металлической двери посреди точно такой же серой стены цеха.

По маршруту он прошел с точностью снабженного автонавигатором джипа. Однако дверь в цех была заперта. Пришлось повозиться с замком и отмычками.

«Ну вот, график начал выравниваться...» — подумал Геральт, даже немного успокаиваясь.

Обыкновенно от графика всегда отстаешь. Если опережаешь — что-то явно идет не так и следует немедленно озабочиться.

Вскоре дверь скрипнула, отворяясь; ведьмак юркнул в цех и прикрыл ее за собой. Только прикрыл, запирать не стал. Мало ли как придется уносить ноги с территории... Возможно, эта дверь еще спасет ему жизнь. Ему и Манхарину. Но хотелось все же верить, что настолько остро ситуация не повернется. Может, матадорам и нравится ходить по самой грани, однако простой киевский ведьмак предпочитает надежность и спокойствие риску и браваде. Говорят, кто не рискует, тот не пьет шампанское. Как бы не так! Рисковые люди до шампанского дорываются быстрее, это да. Но пьют его очень недолго. А осмотрительные хоть и страдают поначалу от жажды, зато потом

берут свое по полной программе. И — что приятнее всего — без вредных последствий. Так что... матадорам — матадорово.

Смутное движение слева Геральт засек самым краешком глаза. Плавно и бесшумно он присел, кроясь за стеллажом с разнообразным железным хламом. И кто там пожаловал?

Откуда-то из подсобки, приподнятой над уровнем цехового пола на пяток ступеней, спустился живой, одетый в весьма живописные лохмотья. В руке он держал самую обычную металлическую кружку зеленого цвета и направлялся... ну да, куда же еще с кружкой-то в руках? К пожелтевшему рукомойнику у стены. Повернул вентиль (водопроводная труба при этом душераздирающе взыла), нацедил в кружку воды и осторожненько повлек ее назад в подсобку, стараясь поменьше расплескать. Походка у живого была не слишком твердая, поэтому догадаться о назначении воды труда не составило: когда нет закуски, используют запивку.

Дополнительная пикантность ситуации состояла в том, что GPS и подсказки Шуйского в качестве локализации Манхарина указывали как раз на эту подсобку, где только что скрылся гонец за жидкостью.

«Ну что ж, — хмыкнул про себя Геральт. — Если их там двое, буду третьим».

Тенью переместившись к лесенке, он поднялся на пять ступеней, встал у двери и осторожно заглянул сквозь давно не мытое стекло.

Так и есть, двое. И бутылка на столе.

В последний раз сверив координаты, Геральт убедился, что Манхарин находится не далее чем в двадцати—тридцати метрах от него, взял на изготовку ружье и вошел. Двое за столом синхронно повернули головы в его сторону и на несколько секунд замерли.

— Привет, — весело сказал Геральт.

Манхарина среди этих двоих не было.

— Эта, — промямлил один из пьянчуг. — Ты кто?

— Конь в пальто, — беззаботно ответил Геральт. — А вы? Вроде не из клана, как я погляжу.

— Не, не из клана, — с готовностью отозвался тот, который ходил за водой. — Вольные мы.

«Ага. Бомжи, значит», — понял Геральт.

Впрочем, эти двое для классических бомжей выглядели недостаточно чумазыми и довольно неплохо одетыми. И — внимание! — обутыми...

Геральт опустил взгляд и убедился, что второй вольный заводчанин был обут в шикарные сапоги-казаки, стоящие явно больше, чем их обладатель заработал за всю жизнь.

«Елки-палки, — подумал Геральт. — Кажется, я нашел ботинки Манхарина».

— А скажи-ка, мил человек, — обратился к нему ведьмак, — давно ли у тебя эти сапожки?

Заводчанин насупился, словно ребенок, которому сначала дали игрушку, а потом сообщили, что отбирают.

— Сегодня выменял! Мои ботинки тоже были хорошие, ей-право!

— Выменял? У кого? — продолжил допрос Геральт.

— Да фиг знает, у хлыща какого-то. По-нашему ни бе ни ме, разодет — фу-ты, ну-ты! А у меня ботинки туристские были, новые почти. Ну и сторговались... Он нам еще бутылку вот добавил.

— Как жे вы сторговались, если он по-нашему ни бе ни ме? — поинтересовался Геральт, убирая ружье на бок — так, чтобы в любой момент можно было пустить его в ход.

— Да как... Жестами! Чего непонятного? В этих сапожках не больно-то побегаешь, а этот чужеземец как мои ботинки нацепил, такого стрекача задал, что ой!

— Зачем же тебе сапоги, в которых бегать плохо?

— А мне-то от кого бегать? — недоуменно пожал плечами заводчанин. — Я тут живу, меня ни клан не трогает, ни вирги с полигона. Я — Зяма! Слыхал?

— Кто ж не слыхал о Зяме, — многозначительно протянул Геральт. — А где ты менялся-то? Далеко отсюда?

— Да в шестом цехе. — Зяма махнул рукой, видимо, в направлении упомянутого цеха.

— Давно?

— С утра.

Вскользь глянув на часы (13:27), Геральт коротко поразмыслил: а что в понимании вольного заводчанина есть утро? Шесть часов или полдень? Хотя литровую бутылку «Casa

Tamudo» эти субчики оприходовали только наполовину, так что вряд ли встреча с Манхарином состоялась очень уж давно.

— Вот что, дружище Зяма! — миролюбиво сказал Геральт. — Сейчас мы сходим с тобой в шестой цех на то самое место, откуда задал стрекача тот тип в выменянных ботинках.

— Зачем? — удивился заводчанин.

— Затем, что я тебя об этом прошу. — Геральт улыбнулся и напоказ шевельнул стволом висящего на боку ружья. — Что тебе, трудно, а? Вот и друг твой вроде не возражает. Верно, друг?

— Верно, — промямлил второй заводчанин, нервно поглядывая на недопитую бутылку. — Зяма, давай покажем, чего там?

— Вот видишь. — Геральт повернулся к Зяме. — Давай убирай пузыри в тайничок, и двинули, у меня времени мало.

Делать нечего, заводчане неохотно, но повиновались. В их компании можно было не особо крыться — одет был Геральт в целом похоже, оружие напоказ больше не выставлял, а если клан и впрямь не трогает вольных, значит, они клану чем-то выгодны.

«Жучок» точно крылся в сапоге Зямы: Геральт принял еще две эсэмэски, сверился с GPS'ом и без подробностей дал знать Шуйскому, что далее отслеживать координаты нет смысла.

Топали недолго; вскоре Зяма остановился перед широченными воротами, в которых застыл козловой кран высотой с добрый трехэтажный дом.

— Вот тут. — Заводчанин легонько пнул одну из рельс, по которым цеховой кран перемещался. — На рельсе сидели и переобувались. А побёг он во-он туда!

Зяма взмахнул рукой, показывая куда. В той стороне пейзаж был необычный для завода: пузырились кусты и даже несколько деревьев выселились.

— А что там? — спросил Геральт, не очень рассчитывая на ответ.

Но Зяма ответил не задумываясь:

— Испытательный полигон. Вольные туда не суются — там из тоннелей иногда такие монстры выбираются... В цехах спокойнее.

«Полигон! — задумался Геральт. — А ведь Манхарина туда скорее всего сознательно выдали!».

— Что еще за тоннели? — вновь обратился он к неожиданным поводырям.

— Подземные. Чего в цехах вырастает, потом по ним на полигон обычно выбирается. Иногда и с полигона в город вылазят, были случаи.

«Как же, как же, — с готовностью вспомнил ведьмак. — Года три назад шагающий экскаватор прорвался. Койон с Ламбертом его насили успокоили и продали на запчасти Халькадаффу».

Спрашивать заводчан о входах в тоннели скорее всего бесполезно — откуда, а главное, зачем им это знать? В обычные маршруты вольных технологические участки не входят, вольные обитают в заброшенных зонах, где царят запустение и ржавчина. К тому же даже начинающий и неопытный ведьмак отыщет нужные входы на раз-два. Поэтому Геральт сделал заводчанам ручкой:

— Ну что же, граждане! Спасибо, как говорится, и не смею больше отвлекать!

Геральт повернулся и быстро зашагал в отверзнутый зев цеховых ворот. Зяма с товарищем некоторое время потоптались на месте, растерянно перекинулись несколькими словами, да и направились назад, к подсобке и бутылке, дивясь, наверное, странному лысому человеку, непонятно откуда и для чего пробравшемуся на их родимый завод.

Впрочем, завод принадлежит как раз не бомжам, а клану, ну и частично таинственным виргам. А вольные на нем только обитают, причем исключительно по милости истинных хозяев.

Пристальный взгляд откуда-то с верхотуры Геральт явственно почувствовал спиной, даже на короткий миг запнулся, но заставил себя как ни в чем не бывало идти дальше. Войдя в цех, он сразу же подался вбок, в огороженную металлической сеткой зону, практически бегом, и поспешил спрятаться в первом попавшемся удобном месте — за ближайшим токарным станком.

Ведьмак не ошибся: чьи-то ботинки тотчас застучали о ступени лесенки. Из кабины крана спускался... даже нет, спускались.

«Двое», — определил Геральт, вслушавшись.

Показываться наблюдатели не спешили. Ведьмак практически не сомневался, что это мелкие боевики заводского клана, присматривающие за территорией. Геральта с бомжами они скорее всего заприметили давно, но не сразу сообразили, что он тут чужак. В самом деле, не так себя ведут чужаки на заводе, не разгуливают совершенно открыто в компании местных вольных. Зяму и его приятеля, кстати, могут после всего и за шиворот взять. Кого, мол, водили к шестому цеху?

Позади Геральта высился второй станок; за ним — третий, четвертый, пятый, а дальше вздымалась сплошная перегородка, делящая цех на две неравные части. Поглядев наверх, Геральт нашел трубы вентиляционной системы и по их расположению прикинул, где, по идеи, должны располагаться сервисные входы в тоннели.

Прятаться в захламленном цеху было нетрудно; невидимые стражи еще не показались в воротах, а ведьмак уже отступил к перегородке, согнувшись в три погибели, пробежал вдоль нее и попал в зону других станков, повыше, — фрезерных. Тут можно было и выпрямиться.

Отступив еще дальше, Геральт наткнулся на небольшой вагончик, снятый с колес и прижавшийся ко все той же перегородке. Заглянул внутрь — там было оборудовано что-то вроде раздевалки. Секунду поколебавшись, Геральт снял с вешалки не очень чистую бейсболку, украшенную логотипом завода и витой надписью АТЭК, и нахлобучил на лысину.

Нечего светить татуировкой, сигнализируя всем и каждому: «Ведьмак пришел!»

Вскоре нашелся и проход во вторую половину цеха; Геральт заглянул, но туда идти не имело смысла — вентиляционные трубы спускались и уходили под бетонный пол в дальнем углу, но по эту сторону перегородки. Вдобавок там просматривалась многообещающая будочка, весьма похожая на пультовую.

Геральт собрался было двинуть туда, но совсем рядом совершенно неожиданно послышались тихие-тихие шаги. Не будь он ведьмаком — нипочем не услышал бы.

Пришлось молниеносно нырять под ближайший стеллаж, под нижнюю полку.

В ребра уперлось что-то на редкость твердое, наверное, какая-нибудь недоросшая деталь или запчасть от станка.

А парой секунд позже Геральт увидел ботинки. Туристские. И действительно неплохие. В таких бегать по цехам и впрямь сподручнее, чем в казаках со сточенными каблуками и позывывающими при каждом шаге железками-цепочками.

— Mechkiller! Where are you? — прошептали сверху.

В эту самую секунду в кармане Карлоса Гарсиа, пребывающего в кабинете шефа охраны АТЭКа, тихонько звякнул телефон.

— Слушаю, — отозвался импресарио, отворачиваясь от экранов видеонаблюдения.

— Он пришел, — сообщил Лофт. — И уже отыскал маэстро.

— Хорошо. Действуйте как намечено.

Это означало: начинайте выдавливать матадора и ведьмака на испытательный полигон.

Азартное это дело — облава на большом заводе.

Лофт сложил телефон-раскладушку, сунул в карман. Повернулся к орку из клана, который сегодня командовал оравой боевиков- заводчан.

— Гоните! — скомандовал Лофт и осклабился.

Орк повелительно качнул головой одному из своих подручных, который моментально выскоцил за дверь. Там ожидали бригадиры помельче.

— Думаешь, удастся напугать ведьмака? — с сомнением протянул орк-командир.

Лофт поджал губы и отрицательно покачал головой:

— Думаю, не удастся. Но ведьмака нам пугать не обязательно, главное, чтобы испугался второй.

И подумал:

«Карлос, старая лиса! И тут вывернулся: воистину тот, кто нам мешает, пусть нам поможет. Теперь за жизнь Манхарина можно вообще не опасаться, ведьмак его от любого монстра защитит».

Лофт мельком уже видел то, что ожидало ведьмака и матадора на испытательном полигоне. Оно действительно могло напугать кого угодно.

Кроме ведьмака, которым страх перед механизмами вообще неведом.

* * *

Матадор сразу обратился к Геральту по-английски, сообразил, что испанского тот скорее всего не знает. Говорил он чисто и правильно, вовсе не как жители Большого Лондона и уж точно не как заокеанские живые, где два самых чудовищных мегаполиса Северной Америки давно срослись в один и часто назывались теперь Йорк-Анджелесом. Тамошнюю речь даже лондонцы разучились толком понимать.

— Ведьмак! Ты где, ведьмак?

Лежать под стеллажом больше не представлялось возможным: где-то совсем рядом крались двое охранников- заводчан, да и железка в ребра давила так немилосердно, что Геральт счел за благо поскорее покинуть убежище.

— Я тут! — шепотом отозвался он, выкатываясь в проход и бесшумно вскакивая.

Матадор стоял у соседнего стеллажа, привалившись к стойке плечом и вдобавок пригнувшись. Это он правильно, нечего светить макушкой над полками, особенно когда на макушке надета пижонская пестрая шляпа.

— Давай за мной, быстро и тихо! — скомандовал Геральт и рысью поспешил к предполагаемым входам в тоннели. В тот же миг на входе зазвучали голоса — видимо, к охранникам пришло подкрепление, и они сочли, что прятаться больше ни к чему. К счастью, Геральт с Манхарином от цели находились раза в три-четыре ближе, нежели от входа. Да и матадор вел себя молодцом: двигался стремительно, экономно и практически бесшумно. Не отставал. И в заросшую паутиной дыру за будочкой нырнул без разговоров, хотя выглядела та истинно входом в задницу мира.

Впрочем, тот, кто умеет подолгу плясать с мулетой перед ковшом хоть и не самой страшной, но все же довольно опасной машинерии, просто обязан иметь отменную реакцию, быть очень координированным и не брезгливым.

Вход в тоннель Геральт отыскал на автомате: знал, что для доступа к коллектору вентиляционной системы необходима камера либо непосредственно под будочкой, где располагалась пультовая, либо где-то рядом. А вход в эту камеру обычно прорастает из тоннеля, потому что это ближе и удобнее всего, и из пультовой, потому что в случае чего дежурному никогда бу-

дет бежать до штатного входа в тоннели, а потом по тоннелям до камеры.

Близкое знакомство с действующими технологическими линиями не раз помогало Геральту на территориях даже заброшенных цехов, заводов и фабрик.

Тоннелей внизу оказалось аж три: два рядом, как в метро, на верхнем ярусе и один меньшего диаметра под ними. Перед металлической лесенкой с одним перилом Геральт на миг задержался, сорвал с Манхарина его дурацкую шляпу и как мог далеко зашвырнул в левый тоннель. Сам же спустился в нижний, невзирая, что там бежать предстояло, постоянно пригибаясь и рискуя налететь лбом на препятствие.

Еще Геральту очень не понравилось включенное во всех трех тоннелях освещение. Пусть тусклое и едва-едва разгоняющее тьму, но все же... Освещение в тоннелях под заброшенным цехом — что может быть противоестественнее? А когда (едва они спустились на нижний ярус) в противоположной от полигона стороне тоннеля замелькали огни фонариков и грохнул одиночный выстрел, у Геральта исчезли последние сомнения.

И он сразу перестал спешить. Двинулся к полигону шагом и больше не старался ступать неслышно.

— В чем дело? — моментально отреагировал на смену темпа Манхарин. — Почему мы идем так медленно?

— Потому что спешить больше некуда, — неохотно пояснил ведьмак. — За нами не гонятся. Нас гонят.

— Куда?

— На испытательный полигон.

— Зачем?

— Полагаю, не на дружескую пирушку.

Геральт внезапно встал и развернулся, так что Манхарин едва не налетел на него.

— Я скажу тебе на всякий случай, — сообщил ведьмак, изгнав из голоса даже намек на эмоции. — Тебя хотят напугать. Как ни странно, именно поэтому ты можешь ничего не бояться, матадор. Если бы тебя хотели убить, ты был бы уже мертв. И уж точно ты не смог бы сбежать от тех, кто тебя украл. Поэтому можешь не волноваться. Другое дело я. Кому нужен юного знающий ведьмак? Сомневаюсь, что хоть кому-нибудь. Так что

расслабься и пойдем. Что бы мы ни встретили впереди, найдется способ с этим справиться. А пока нечего попусту сушить голову.

Геральт повернулся и двинулся с прежней скоростью и в прежнем направлении.

— Напугать, — пробормотал за его спиной Манхарин. — Саггамба, да я уже так напуган, как никогда в жизни не пугался! Знал бы ты, ведьмак, каково это — тебя будят в гостинице в собственной постели какие-то мерзостного вида типы, напяливают мешок на голову и куда-то везут, не проронив ни слова! Клянусь, ругайся они и пинай меня под зад — мне не было бы так страшно, но они молчали, как пираньи в пруду у моего импресарио! Молчали всю дорогу!

Что такое мешок на голове и молчаливое сопровождение нескольких громил, Геральт как раз знал. Но сообщать об этом матадору счел излишним.

— Да и кому нужно меня пугать, причем таким странным способом? — добавил Манхарин.

— Всегда найдется кому, — буркнул Геральт, не оборачиваясь. Распространяться о подозрениях Шуйского насчет козней импресарио он счел излишним. Не его это дело — вмешиваться во взаимоотношения заграничных богатеев.

— Умыкнуть звезду из гостиницы — это шумиха, это то, что твои имиджмейкеры называют пиаром, — вместо этого сказал ведьмак, искренне надеясь, что Манхарин успокоится, а значит, в трудный момент потребует меньшей опеки.

— Звезду? — переспросил Манхарин неожиданно. — Ты, ведьмак, считаешь меня звездой?

— Ну не я же собираю полные стадионы по всей Европе, — сдержанно ответил Геральт.

Некоторое время матадор молчал, исправно следя за Геральтом.

— Странно, мне о ведьмаках рассказывали совсем иное, — сказал он вдруг. — Что ведьмаки сущие...

— Так! — прервал его излияния Геральт. — Шлюз! Давай-ка глянем — что там, за ним?

Собственно, особо на этот счет ведьмак не обольщался. По ту сторону шлюза наверняка кордон загонщиков. Уж очень от-

кровенно его с матадором выпихивали на испытательный полигон.

Геральт угадал: едва он выглянул в щель приоткрытых металлических ворот шлюза, в слабо освещенном боксе, примыкающем к тоннелям, тоже замелькали фонарики и раздались голоса. Одновременно загонщики, подгоняющие их сзади, словно бы по волшебству замешкались, на самом деле давая жертвам время вернуться в тоннель и продолжить прежний путь.

«Что же придумать?» — лихорадочно размышлял ведьмак. Идти на поводу у заводчан — худший из вариантов. Однако за каждым шлюзом или сервисным ходом стопроцентно окажется кордон.

Геральт ожидал какого-нибудь люка в полу или уводящей в темноту забытой штольни, однако ничего подобного на недолгом пути к наглухо закупоривающему тоннель шлюзу, увы, не попалось. Загонщики все так же показушно-шумно держались метрах в ста — ста пятидесяти позади.

Шлюз, перекрывший путь, был более чем солиден; Геральт немедленно определил его как действующий. Направо вверх уходила лесенка, опять-таки с единственным перильцем. Заботливо протертая от пыли табличка перед ее началом гласила: «Вход для персонала».

Вздохнув, Геральт поставил ногу на первую ступеньку. Одной рукой он машинально проверил ружье на боку. Если бы он обернулся, он бы увидел, как Манхарин, точно так же вздохнув, потрогал что-то, упрятанное за пазухой цветастой рубашки, сейчас, разумеется, весьма грязной.

За пазухой матадор прятал разодранный мешок, который ему надевали на голову. В самом плохом случае мешок мог заменить мулету, ибо совершенно все равно, какого цвета тряпка, которой машешь перед каким-нибудь тупым погрузчиком на арене. А попросить у ведьмака настоящое оружие Манхарин не решился.

Ничего этого Геральт, разумеется, не знал. Он просто поднимался по лестнице, вслушиваясь и принюхиваясь, словно вылезающая из укрытия крыса.

Наверху Геральт и впрямь ощущил себя крысой. Крысой на краю огромной круглой арены.

Забор, который окружал полигон, был очень высок — метров, наверное, восемь в высоту, так что гигантский цилиндрический котлован походил еще и на бассейн, из которого спустили всю воду. Несомненно, что бетон забора без особого ущерба был способен выдержать выстрел прямой наводкой из какой-нибудь боевой артиллерийской дряни, с которой, к счастью, даже ведьмаки встречаются невероятно редко. Внутри полигона без особого труда разместилось бы несколько футбольных полей.

Ход, по которому беглецы поднялись на поверхность, выглядел очень похожим на обычный подземный переход, только был гораздо уже и ступени имел не каменные, а металлические.

«Вот и все, — отрешенно подумал Геральт, глядя в центр арены. — Другого и ожидать было глупо».

— Ну что, матадор, — ободряюще сказал он спутнику. — Готовься. В такой корриде ты еще не участвовал.

— Да уж, — хмуро подтвердил Манхарин, озираясь. — Зрителей что-то не видно.

— А ты вон туда глянь, — посоветовал Геральт, указывая на решетчатую вышку, что высилась над забором. Чуть дальше виднелась еще одна, дальше еще — вышки охватывали полигон правильным, геометрически безупречным кольцом.

— Это что?

— Мачты системы наблюдения. Там наверху видеоглазков — как тараканов на продуктовом складе. Видят тебя, видят, не сомневайся.

Манхарин немедленно выдернулся из-за пазухи тряпку-мулету и продемонстрировал ближайшей мачте неприличный жест. Это было довольно неожиданно, но, если разобраться, не слишком удивительно. Геральт усмехнулся и покачал головой.

— Ну а где ваш страшный киевский кава, с которым нам предстоит сразиться? Мой импресарио о киевских кава все уши мне прожужжал. Такие страсти рассказывал, не поверишь, ведьмак!

— Зря надеешься, — сказал Геральт жестко. — Поверю. У нас много чего водится.

Манхарин уже улыбался, куда только делись испуг и растерянность — возможно, решающую роль в этом сыграла похожесть нынешней ситуации на те, которые он переживал десятки раз в матадорской карьере. По крайней мере эта ситуация была куда привычнее, нежели мешок на голове и молчаливые боевики заводского клана, этот мешок надевшие.

А возможно, просто потому, что Манхарин, при всех его звездных причудах, отнюдь не был трусом — уж в этом-то сомневаться точно не приходилось. Однако сейчас от него требовалась главным образом не храбрость, а послушание, что и поспешил уточнить ведьмак..

— Значит, так, матадор. Слушай меня внимательно, потому что сейчас из любого капонира или тоннеля может вылезти такая тварь, которой ты на арене никогда не видывал. Это может быть все что угодно, вплоть до боевого робота-эспера. Если мы будем действовать слаженно и умно, мы его уделаем. Ты согласен?

Манхарин продолжал улыбаться. Такую игру он, похоже, готов был воспринять благосклонно.

— Сказал бы мне кто еще вчера, что я буду действовать за одно с ведьмаком! — промолвил матадор вполголоса.

Он вскинул голову, словно перед выходом на настоящую пласа де ла кава, вокруг которой восторженно ревут сотни зрителей, и сказал уже гораздо громче:

— Я с тобой, ведьмак! Будь это настоящая коррида, командовал бы я. Но тут мне с тобой и впрямь не тягаться. Мое дело — собирать полные стадионы по всей Европе, а твое — убивать монстров. Так что командуй. Я все сделаю.

«Мое дело — хранить город, — подумал Геральт, — но вряд ли ты это поймешь, звездный мальчик».

— Держи! — Ведьмак протянул Манхарину тяжелый пистолет «Крок» и две запасные обоймы к нему. — Бить лучше всего в двигатель, в топливную систему... Я подскажу куда, если что. В крайнем случае — стреляй по фарам или лобовому стеклу, это машину не остановит, но собьет с толку. Выиграешь несколько секунд. Это очень много.

Матадор без колебаний принял оружие, а обоймы тут же рассовал по карманам.

— Когда оно покажется и двинется в нашу сторону — тут же расходимся. Я думаю, оно погонится за тобой, потому что мою лысину оно наверняка уже засекло и поняло, с кем имеет дело. Вот и проявишь ловкость настоящего *el corridero*. А уж я к нему как-нибудь подберусь и оседлаю. Но уворачиваться продолжай до тех пор, пока я не дам знать, что все кончилось. Понял, матадор?

— *Si, mechkiller!* — Манхарин браво отсалютовал «Кромком». — Оно меня не поймает, даже не надейся.

— И, это... — добавил Геральт уже без прежней жесткости. — Когда я на него взберусь, ты в меня ненароком не пальни. И вообще... экономь боеприпас. Без крайней нужды...

— Не мальчик, разберусь! — пообещал матадор.

— Тогда пошли.

И они зашагали к центру полигона. Их вида и их решимости могла испугаться самая дикая и самая нетерпимая к живым машина в Большом Киеве.

— Ведьмак отдал ему пистолет, — пробормотал Лофт задумчиво. — Зачем, шахнуш тодд?

— Затем, что ружьем ведьмак станет орудовать сам, — невозмутимо отозвался Карлос Гарсия. — Однако как они идут, взгляни! Лофт, если ты запорешь запись, я тебя скормлю пираниям.

— Да, идут знатно, — хохотнул Лофт. — Еще бы музичку какую-нибудь героическую — вообще отпад был бы.

— Музичку подберем. — Карлос Гарсия неотрывно глядел на экран. — Очень удачно Шуйский нанял этого ведьмака. Такой актер и бесплатно! Мой бухгалтер будет плакать от счастья, глядя на расходную ведомость, а Европа зарыдает от восторга, когда увидит эти кадры.

— Это уж точно, босс! Это уж точно...

— Кстати, ты звонил Шуйскому?

— Часа два назад. Даже три. Он срочно звал к себе, но я...

— Когда все началось, ты ему звонил? — оборвал Лофта Гарсия.

— Нет.

— И не звони. Пока не закончим.

* * *

Витольд Шуйский, изведя четыре сигары и так и не дождавшись Лофта (мобильник которого, кстати, уже довольно долго молчал), принял единственно верное решение: вызвал секретаря, охранников, спустился к лимузину и велел ехать к центральной проходной АТЭКа.

Земля полигона была сухой и крохкой, будто ее часто перепахивали гусеницами и очень редко поливали. Там и тут встречались капониры, небольшие окопчики; кое-где просматривались маленькие асфальтированные площадки-пятачки. Трава здесь почти не росла. Зато масляных и мазутных пятен на земле было очень много.

Геральт на ходу приглядывался к следам, пытаясь понять: к чему готовиться? Однако следы попадались только давние — траки гусениц, протекторы колесных машин.

А вот и характерный след чего-то шагающего, причем след свежий. Ведьмак всмотрелся, щуря глаза.

Так-так... Четыре опорные ноги, пятка округлая с убирающимся дополнительным эфектором. Очень интересно...

В ближайшем окопчике обнаружился мумифицированный труп живого. Манхарин ошарашенно застыл на оплавившем бруствере, а Геральт, не раздумывая, спрыгнул в окопчик и пригляделся.

Несомненно, вирг. Убит из огнестрелки, очередью, в грудь. Не из пукалки какой-нибудь вшивой — из полноценного пехотного пулемета. Но почему он высох, а не просто разложился?

Ответ нашелся на краю окопчика — пустая ампула из-под мощного бальзамиратора. Вирга сначала пристрелили, а потом опрыскали.

«Ой, плохо», — расстроился Геральт.

Пулемет плюс такие препараты — значит на полигоне их точно поджидает что-то боевое. Если боевой механизм будет настроен серьезно, с ним не справиться. Как с ним справиться, если ты к нему — а по тебе из пулемета?

— Ведьмак, — прошептал сверху матадор таким тоном, что Геральту стало еще хуже. — Оно здесь!

— Прыгай в окоп! — тихо скомандовал Геральт, и в следующую секунду на него обрушился Манхарин. Подавив жела-

ние прошипеть что-нибудь недобroe, ведьмак стряхнул с себя матадора и как мог осторожно выглянул.

Метрах в тридцати от окопа стоял механизм, никогда прежде не виденный никем из ведьмаков, иначе Геральт о нем знал бы хоть что-нибудь. Отдаленно механизм напоминал вставшего на дыбы муравья: горизонтальный двояковыпуклый диск диаметром метра два покоился на четырех суставчатых лапах; лапы были согнуты в коленях, причем колени располагались заметно выше диска. К диску примыкал чуть сплюснутый овоид, образующий среднюю часть «муравья». А вплотную к овоиду (позади него) вертикально вверх отходила массивная «головогрудь», к которой с боков жались два утолщения, заканчивающиеся пулеметными стволами.

Было видно, что стволы могут приподниматься, отходить в сторону от «головогруди» — словом, имеют достаточную степень свободы. В данный момент стволы были плотно прижаты к туловищу и смотрели на окопчик. Кроме того, туловище монстра было оснащено несколькими гибкими втягивающимися манипуляторами, похожими на гофрированные шланги для душа, только заканчивались они, разумеется, не водяными распылителями, а хватательными эффекторами, достаточно похожими на пальцы.

Геральт лихорадочно сообразил, что же можно противопоставить этому ходячему металлическому ужасу, этому бегающему танку-кентавру.

И только несколькими секундами спустя осознал, что единственный выпущенный манипулятор монстра держит чуть выше округлой макушки грязновато-белую тряпку.

Грязноватую, но все-таки белую.

Едва Геральт это воспринял, кентавр выразительно помахал тряпкой. А потом стал сигнализировать вспышками — скорее всего фарами, которые с такого расстояния не удалось рассмотреть. Сигнализ он стандартным радиокодом, точками-тире, которые складывались в короткие двух-трехбуквенные слова-группы:

«Не-стреляй-и-не-трогай-нас-и-мы-vas-не-тронем».

— Шахнуш тодд! — тихо выругался Геральт.

Механический монстр, которого надлежало немедленно обезвредить, впервые пытался вступить с ведьмаком в переговоры.

— Ты слышишь меня? — крикнул Геральт кентавру.

«Слышу», — просигналил тот.

Спрашивать, понимает ли кентавр то, что слышит, было излишне.

— Если я выйду без оружия и с поднятыми руками, ты не выстрелишь?

«Лучше уходите!»

— Мы не можем уйти! Ты знаешь, кто я?

«Знаю, ты ведьмак. И понимаю, почему ты не можешь уйти. Но тебе не удастся нас убить. Многие пробовали. Их больше нет».

Геральт невольно покосился за плечо, где лежала мумия вирга.

— Ведьмаки не убивают тех, кто с ними разговаривает! Ведьмаки убивают только чудовищ! Если ты разговариваешь, значит, ты не чудовище. Я выхожу!

Ведьмак, не глядя, сунул ружье в руки Манхарину, быстро стянул со спины рюкзачок и уронил на дно окопа, а затем выбрался на невысокий бруствер.

— Не стреляй! — крикнул он монстру. — Видишь, я безоружен!

Геральт демонстративно растопырил пустые руки в стороны.

«Небо, что я делаю? — мелькнуло у него в голове. — Одна очередь — и никакой бронежилет не спасет!»

— Мне нужно поговорить с тобой! — добавил он, делая очередной шаг.

Ведьмак одолел шагов десять, и все это время кентавр стоял неподвижно. Потом вдруг просигналил: «Хорошо! Подходи сюда. Я не стану стрелять», после чего, к великому облегчению Геральта, перевел пулеметы из боевого положения в походное — еще сильнее прижал к телу, почти втянул и вдобавок развернул стволами вверх и чуть-чуть назад.

А затем приоткрыл дверцу овоида, который, по-видимому, был не чем иным, как кабиной.

У Геральта враз пересохло во рту. Он плохо запомнил, как прошел оставшиеся десятка три шагов.

Кабина была тесной: единственное узкое кресло, спинкой которого служила тыльная внутренняя поверхность овоида,

изогнутая приборная панель с двумя джойстиками под каждую руку и четыре экрана — два побольше внизу, слева и справа, два поменьше — вверху, там, где стены овоида плавно переходили в потолок. Обе двери и верхняя фронтальная часть кабины имели одностороннюю прозрачность. И еще Геральт сильно подозревал, что все здесь пуленепробиваемое. То, что издалека казалось металлом, на самом деле было то ли каким-то неизвестным пластиком, то ли керамикой.

Правый экран из тех, что побольше, внезапно ожило.

«Садись», — возникло на нем единственное слово.

Глубоко вдохнув, Геральт набрался решимости, протиснулся в дверцу и с некоторым трудом умостился в кресле, которое под ним ожило, чуть изменило форму спинки и сиденья и вдруг сделалось словно бы продолжением тела, настолько удобно в нем стало сидеть. Дверца сама собой захлопнулась практически неслышно. Тотчас исчезли внешние звуки — шум ветра, чирканье каких-то пичуг над полигоном, далекое лязганье на заводе.

«Теперь нас не слышат, — сообщил кентавр посредством экрана. — Говори вслух, я включил микрофоны. Сейчас включу и динамики».

— Кто ты? — спросил Геральт по возможности спокойно.

«Боевой противопехотный комплекс УРМАН-24Б, бортовой номер девятнадцать», — сообщил бесстрастный, явно синтезированный голос.

— Я имею в виду — ты, тот, кто со мной разговаривает, кто ты? И где? В каком-нибудь бункере под полигоном?

«Под полигоном нет бункера. С тобой разговариваю я, боевой противопехотный комплекс УРМАН-24Б».

«Ничего себе программочки! — поразился Геральт. — Вести практический осмысленную беседу! Впрочем, скорее всего меня просто водят за нос, это обычная дистанционка».

— Видишь ли, машина не может разговаривать так, будто она живое существо, — терпеливо пояснил Геральт. — Даже самые умные из машин — компьютеры — всего лишь выполняют отданые им команды.

«Я знаю, ведьмак. И меня самого это пугает. И тем не менее однажды я осознал себя тут, на этом полигоне, в полном одиночестве, и едва не сошел с ума, пытаясь понять — кто я и

зачем я. Но, к счастью, я довольно быстро научился подключаться к глобальной сети и пользоваться ею. Я узнал, что существуют машины, живые, города, что существует мир».

«Этого не может быть, — растерянно подумал Геральт. — Это попросту невозможно».

— То есть, — проговорил он, — ты хочешь убедить меня, что умеешь мыслить и осознаешь себя разумным существом?

«Иного объяснения происходящему я найти не могу».

— Но... как это могло произойти?

«Не знаю. Я нашел в сети собственные чертежи и спецификации. Во мне есть расхождения с ними. Может быть, дело в этом. Но...»

Комплекс под номером девятнадцать внезапно умолк, словно сомневался — стоит ли выдавать какую-то свою сокровенную тайну первому встречному, который вдобавок является ведьмаком, истребителем механических чудовищ.

— Что — но?

«Я не один такой, с отклонением от спецификаций. Однако остальные совершенно неразумны. Они не более чем машины, совершенно обычные для нашего мира».

— Остальные? — не понял Геральт. — Какие остальные?

«Остальные противопехотные комплексы УРМАН-24Б, бортовые номера с двадцатого по двадцать седьмой».

Геральт невольно провел ладонями по лицу. Информация накатывала на него снежным комом, захлестывая и погребая под собой.

— Вас здесь много? — уточнил Геральт осторожно. — Здесь, на полигоне?

«Девять, считая меня. Куда делись предыдущие восемнадцать комплексов, я не знаю. Они выросли и добрались до полигона раньше меня. Наверное, отыскали выход и ушли».

— А ты? Почему не ушел ты?

«Сначала не мог найти выход. А потом... Потом пришел двадцатый... И я... я не смог его бросить».

Синтезированный голос на некоторое время умолк, словно его обладатель и впрямь испытывал какие-то эмоции.

«Понимаешь, ведьмак, он был такой беспомощный... Такой глупый... Чуть что — палить из пулемета или гранатомета. И не объяснишь ему ничего...»

«Гранатомет... — Геральт судорожно сглотнул. — Мама моя!»

«А потом пришел двадцать первый. За ним — двадцать второй... Ну как я их брошу?»

Геральт все равно не мог поверить в разумность машины. Это не укладывалось в рамки его представлений об окружающем мире. С самого детства, все обучение в Арзамасе-16 ему твердили: машина — не более чем безмозглая тварь, иногда послушная, иногда дикая, а иногда люто ненавидящая живых. Ее можно приручить, и тогда машина исправно служит хозяину. Ее можно напугать, и тогда она постарается удрать. Ее можно вывести из строя, и тогда она больше не сможет причинить вред живым и городу, который призваны хранить ведьмаки. Но машина всегда будет глупее живого, потому что она не обладает разумом. И в этом ее главная слабость.

— А что случилось с тем живым... который присох в окопчике? — спросил Геральт, на всякий случай приготовившись к тому, что комплекс откажется отвечать.

«Он пришел не один, их было больше десяти. Я пытался с ними поговорить... Но они открыли пальбу и даже пытались ставить навигационные помехи. Мои ребятки разнервничались и перестреляли их».

«Н-да, — мысленно вздохнул Геральт. — От помех любые боевые машины дуреют, факт».

«Я пытался связаться с заводским кланом. Чуть раньше, чем все произошло. Мне кажется, клан этих виргов и прислал».

В Геральте медленно зрело решение; оно вырисовывалось постепенно, как силуэт черноморского броненосца, надвигающегося на рыбакскую лодочонку из утреннего тумана, но не было, к счастью, таким зловещим и угрожающим.

«В конце концов, — подумал Геральт с некоторым ожесточением, — даже если этим комплексом управляют дистанционно, эту систему надо как следует изучить. А уж если комплекс и впрямь каким-то непостижимым образом обрел сознание и разум, это тем более нужно изучить. Во что бы то ни стало».

— Послушай, девятнадцатый, — обратился Геральт к странному собеседнику, — хоть я и ведьмак, я не собираюсь причинять тебе вред. Более того, я теперь очень, очень заинте-

ресурсан, чтобы ты остался цел и невредим. Если я попытаюсь вытащить тебя с АТЭКа в куда более дружелюбное и безопасное место, ты обещаешь вести себя смирно, ни в кого не стрелять и уж точно на некоторое время позабыть о гранатомете?

«У меня будет одно условие, — тотчас отозвался комплекс. — Ты заберешь нас всех. О том, чтобы мои ребятки тоже вели себя смирно и позабыли о гранатометах, я позабочусь».

— Значит, по рукам? — Геральт машинально сжал кулаки.

«У меня нет рук, — бесстрастно сообщил девятнадцатый. — Но если хочешь, можешь пожать себе руку сам».

Несколько секунд Геральт сидел молча, ничего не понимая. А потом до него дошло.

Боевой противопехотный комплекс шутил. И это само по себе было смешно. Поэтому ведьмак расслабился и расхотелся, совершенно не опасаясь, что будет неправильно понят. Потому что с тем, кто умеет шутить, договориться можно всегда. В любом, самом сложном и запутанном случае.

А отсмеявшись, ведьмак принялся действовать:

— Послушай, девятнадцатый, мне нужно кое-кому позвонить, чтобы организовали встречу. Ты позволишь?

«Звони, но кабина экранирована. Либо подключайся к внешней антенне, либо выди наружу».

— Я выйду.

Дверца тотчас с готовностью распахнулась. Геральт выбрался на свежий воздух с мобильником в руке.

«Только бы Весемир ответил сразу, — думал ведьмак, вслушиваясь в гудки. — Пожалуйста, Весемир, ответь...»

— Ведьмак! — проорал кто-то неподалеку. — Что, вирги вас всех забери, происходит?

Геральт повернулся на голос. Из окопа выглядывал взъерошенный Фаусто Манхарин с ружьем в руке.

— Матадор! — крикнул ведьмак ему. — Дружище! Я тебя умоляю: положи ружье на дно окопа и туда же пистолет! И не притрагивайся к ним, пока я не подойду!

Даже ведьмачий слух не помог разобрать те несколько слов, которые пробурчал Манхарин себе под нос. Однако он на секунду исчез из виду и высунулся уже без ружья. А в следующий миг отозвался Весемир:

— Да, Геральт. Надеюсь, что-то важное?

— Здравствуйте, учитель, — сказал Геральт в трубку. — Ситуация «Алеф». Готовьте все ангары, полигон и лаборатории. Я веду нечто такое, чего еще не видывал мир.

— Я понял, мой мальчик. Когда тебя ждать?

— Думаю, завтра к утру.

— Все будет готово.

Как здорово, что учителю и другим ведьмакам не нужно ничего объяснять! Несколько слов — и ты понят.

Геральт удовлетворенно дал отбой, спрятал телефон и вернулся к полуоткрытой дверце комплекса.

— Послушай, девятнадцатый! Далеко ли твои ребята?

«Недалеко. Вот они».

Совсем рядом, из каких-то невидимых глазу щелей и углублений, вдруг почти мгновенно возникли еще восемь противопехотных комплексов, точных копий девятнадцатого. Это было, чего там говорить, страшновато, но, говоря начистоту, когда Геральт шел от окопа какие-то четверть часа назад, ему было неизмеримо страшнее.

— Как у вас с топливом и боезапасом? — поинтересовался Геральт у нового механического напарника.

«У нас всегда полные баки и полный боезапас. К центру полигона подходит топливопровод и конвейер. Я научил всех ими пользоваться».

— Отлично! Тогда нужно еще подобрать моего приятеля вон из того окопчика. Он не причинит вам вреда, обещаю.

«Посылаю двадцатого!»

Один из восьми комплексов-новичков, быстро перебирая ногами, переместился к окопу; это заняло от силы несколько секунд. Едва он замер перед бруствером, тут же призывно отворилась дверца.

— Я заберу вещи и тут же вернусь! — выдохнул Геральт и помчался туда же.

Манхарина, невзирая на его недоверчивые взгляды, довольно быстро удалось уболтать, и матадор с опаской забрался в кабину двадцатого комплекса. Геральт с вещичками бегом вернулся к девятнадцатому, уgnездился в кресле и с воодушевлением выпалил:

— Ну, где тут вход в технологические тоннели? Мы во гляве, остальные за нами!

Ведьмаку совершенно не хотелось думать о том, что почувствуют боевики- заводчане из кордонов и куда они будут драпать при виде колонны УРМАНов в боевом состоянии.

До Арзамаса Геральт попросил девятнадцатого замедлиться лишь однажды — когда заводские ворота с грохотом соскочили с петель, колонна комплексов вырвалась с территории АТЭКа и едва не уткнулась в белый лимузин марки «Кинбурн», рядом с которым, уронив сигару на асфальт, застыл Витольд Шуйский в окружении обычной свиты.

За время короткого и весьма громкого рейда по тоннелям, накопительному цеху и территории завода Геральт и девятнадцатый успели найти общий язык и теперь понимали друг друга буквально с полуслова.

— Дверь! — попросил Геральт.

Девятнадцатый лихо распахнул дверцу, а когда один из громил Шуйского попытался схватиться за пистолет, многозначительно шевельнулся левым пулеметом. Охранник мгновенно потерял желание геройствовать.

— Господин Шуйский! — радостно обратился к полуэльфу Геральт. — Вот ваша пропажа! В целости и сохранности.

Манхарин как раз тоже выбрался из кабины двадцатки.

— Надеюсь, гонорар переведен? — У Геральта настолько разыгралось настроение, что он даже по-актерски игриво изогнулся несуществующую бровь.

— Конечно, конечно, — пробормотал Шуйский ошеломленно, а затем перешел на английский: — Маэстро, с вами все в порядке?

— Это смотря как поглядеть, — ухмыльнулся Манхарин. — Знаешь, ведьмак, я, пожалуй, прокачусь с тобой! Нравится мне такая коррида! А ты, — он повернулся к Шуйскому, — передай этому старому зануде, что я ушел в отпуск. И пусть он катится со своими контрактами к своим пираньям!

Матадор, будто на арене, вытянулся в струну и проделал изящную полуверонику. Безупречную, как и подобает маэстро.

февраль-апрель 2007
Москва — Николаев

Анна Китаева

ТОЛЬКО СОН

На работу он опоздал, конечно. И, конечно, на входе в офис напоролся на укоризненный взгляд Тарашки.

— Добрый день! — преувеличенно бодро сказал Бас.

Сотрудники нестройно отзывались в том плане, что да, денег ничего себе, потому что уже не понедельник, но и не так чтобы очень, оттого что еще не пятница. Тарашка величественно промолчала. Бас протиснулся к себе за стол, включил компьютер и подвой стартующего вентилятора тихонечко вздохнул. Теперь не миновать получасового чтения нотаций вместо обеденного перерыва. Все, что скажет начальница, он знал наперед. И про то, какой пример он подает подчиненным. И про то, как важно задать правильный ритм в самом начале рабочего дня. И...

Бас открыл в «Автокаде» вчерашний чертеж, выбрал слой, примерился и задумчиво нарисовал некрасивую загогулину. Закрыл программу, не сохраняя изменений. Открыл в «Экселе» типовой договор, который сегодня нужно было переделать под текущий заказ, тупо смотрел несколько минут на получившуюся несуразицу, потом закрыл документ и открыл его же в «Ворде». Решительно поднялся, взял сигареты, пережил еще один душераздирающий взгляд Тарашки — и через пару минут уже жадно затягивался «Винстоном» на лестнице, чувствуя себя шалопаем, сбежавшим с урока.

— Узнаю ответственного замзва! — раздалось со спины. — С самого утра в тяжких производственных раздумьях. Сигаретой угостишь?

Бас, не оборачиваясь, выставил руку с пачкой.

Это был друг Вовка, обалдуй и разгильдяй. Когда-то он учился в параллельном «Б» классе, теперь работал в соседнем отделе.

Вовка смахно затянулся и выпустил дым в сторону прокопченного огнетушителя.

— Опять тебя эта ваша Тарашкина засла, — проницательно сказал он. — У тебя, Васёк, такой вид, как у графа Монте-Кристо, когда он из подкопа вылез. И как ты с ней работаешь?

— Таращанская ее фамилия, — устало сказал Бас. — А Эдмон Дантеc через подкоп не лазил, он притворился покойником, и его выбросили со скалы в море. Двоечник ты, Еремеев.

— А ты зубрила! — быстро сказал Вовка.

— Неправда! — искренне возмутился Бас, и Вовка радостно заухмылялся.

Бас тоже усмехнулся. Ему полегчало.

— Тарашка не стерва, — сказал он. — Совсем наоборот. Ее чувство ответственности гложет. По молодости лет. А я, понимаешь, то одно ей, то другое. Сегодня опоздал вот.

— Чего опоздал? — заинтересовался Вовка.

— Да так... Наталья хотела на вернисаж в субботу, — досадливо сказал Бас. — Ну, там... а, не важно. Короче, пришлось через полгорода переться за билетами.

— Так это же хорошо! — оживился Вовка. — Во-первых, обрадуешь девушку. Во-вторых, это значит, что в тебе еще есть пламенный энтузиазм, и даже транспортные проблемы ему не помеха. В-третьих...

В нагрудном кармане Баса запиликала любимая мелодия из «Криминального чтива».

— Извини, — сказал Бас, доставая мобильный.

— Басенький мой, — сказал ласковый и капризный Наташин голос, — я что хотела тебе сказать, ты только не расстраивайся, мы в субботу не встретимся. Я тут в пятницу замуж выхожу, ну, так получилось. Ты только не переживай, Басик, ладно? Я тебя умоляю. Ну ты чего молчишь? Пожелай мне чего-нибудь такого, очень особенного...

— Желаю тебе успехов в труде, крепкого здоровья и счастья в личной жизни, — сказал Бас мертвым голосом и выключил мобилку. Совсем.

— Тебе срочно надо выпить, — озабоченно сказал Вовка. — Можешь не объяснять, я все слышал. Пойду скажу Тарашкиной, что у тебя сердечный приступ на почве любовной драмы, и я повез тебя к врачу.

— Она не поверит, — бессильно сказал Бас.

— Ну и шут с ней, — бросил Вовка, взлетая по ступенькам.

Они отъехали подальше от института и угнездились в пустой и тихой разливайке —очные клиенты давно уползли, разбуженные ранним бодуном вчерашние выпивохи уже похмелились, а до вечерних завсегдатаем оставался еще весь день. Солнечные зайчики невинно прыгали по столам. Несмотря на уверения Вовки, что «ну, старик, это как лекарство» и «вот увидишь, тебе полегчает», в Баса не лезли ни водка, ни коньяк, а будучи залиты в организм насильно, никак себя не проявили. Он сидел, чувствуя себя интуристом в русской бане, и отстраненно наблюдал, как у Вовки постепенно начинают блестеть глаза и заплещаться языки.

Друг оказался неожиданно деликатен, и они по молчаливому обоюдному уговору не коснулись ни одной из опасных тем, даже абстрактную «бабы — суки» обошли ввиду ее актуальной конкретности. Вообще не говорили о настоящем, только о прошлом. Вспоминали школьное озорство. Часа через два школьная тема себе исчерпала, и стало понятно, что пора. Бас проследил, как Вовка грузится в маршрутку, сам сел в подошедший кстати автобус — и на середине пути его вдруг рывком разверзло.

Кое-как он добрался до дома, кое-как открыл дверь, с пьяным надрывом сказал Наташкиной фотографии, заткнутой за раму старого зеркала: «Ну что ж ты, а? Я ж билеты купил...», горько вздохнул и завалился спать.

И приснился Басу сон.

Он шел по цветочному лугу. Жужжали пчелы над цветами. Казалось, что гудит самый воздух — горячий, густой, пропитанный медовой сладостью.

Пот выступил росинками на лбу Баса, он поднял руку, чтобы его смахнуть, да так и замер, не донеся руку до лба — потому что на нее опустилась стрекоза. Она оказалась у Баса прямо

перед лицом, и он задержал дыхание, любуясь созданным природой совершенством. Стрекоза не думала улетать, растопырилась, как миниатюрный вертолет, давая себя рассмотреть.

Крылья у нее были угольно-черные, прожилки сверкали золотом. Наяву Бас таких стрекоз не видел — что, впрочем, не говорило о том, что их нет. Просто он, как записной горожанин, из насекомых близко знал мух, тараканов и домовых комаров. Ну и еще встречал продуктовую моль.

— И долго так будешь стоять? — поинтересовался насмешливый голосок.

Бас обернулся. Стрекоза улетела. Но он про нее уже забыл — потому что увидел фею.

Ростом фея оказалась ему примерно по пояс. Метелки травы качались на уровне ее плеч. Фея смешно тряхнула головой, отбрасывая со лба русую челку, и вздохнула.

— Ты говорить умеешь? — деловито спросила она. — Передвигаться можешь? А то, видишь ли, мне чудовищно неохота вызывать грифонов, чтобы тебя отсюда вывезти.

— Ну... — на пробу сказал Бас. Дар речи как таковой присутствовал. Другое дело, что Бас не имел ни малейшего понятия, что говорить. Фея его потрясла. Это вам даже не черная стрекоза.

— Ага! — обрадовалась фея. — Говорящий! Давай тогда рассказывай — кто ты такой, как сюда попал и прочую чушь. Между прочим, можешь предложить dame руку.

— П-пожалуйста, — неуверенно сказал Бас и наклонился, выставив в сторону феи правую руку, согнутую в локте.

Фея окинула его критическим взглядом, сверкнула фиалковыми глазами, ухватилась обеими руками за локоть — и Бас глазом не успел моргнуть, как она подтянулась, оттолкнулась от его ноги и с кошачьей ловкостью взобралась ему на плечо.

— Ой, — только и сказал он.

— Теперь веди себя хорошо, не то укушу за ухо, — засмеялась фея. — Давай знакомиться, меня зовут Алиция. Ты всегда такой неуклюжий или специально для меня? Ну же, иди вперед — вон к тому холму, видишь?

Фея была тяжелой, но от этого почему-то стало приятно. От девичьего тела исходило ощущение молодой энергии и прямой цветочно-травяной запах. «Да что я, в самом деле, тормо-

жу, — подумал Бас. — Это же только сон, здесь может быть что угодно, и вести себя тоже можно как мне захочется».

— Привет, Алиция! — сказал он. — Меня зовут Бас. Хотя в паспорте написано «Василий». Знаешь, что такое паспорт?

— Ерунда какая-то, — безапелляционно сказала фея. — А знаешь, что будет, если ты не пойдешь быстрее? Мы пропустим клубничный ветер!

— А разве бывает... — начал было Бас.

Алиция укусила его за ухо. Зубы у феи были остренькие.

— Бегом! — крикнула она.

Бас засмеялся и побежал. С каждым шагом бежать становилось легче. Он несся огромными скачками, взмывая над высокой травой и зависая в высшей точке каждого прыжка. Алиция обхватила его за шею, он чувствовал ее восхищенное дыхание. То есть это невозможно было объяснить, но по тому, как фея дышала, Бас точно понимал, что он ей нравится. Он взбежал на вершину холма и остановился, ловя и успокаивая пульс. Фея соскользнула с его плеча — он едва успел подставить руки — и угнездилась в его руках так уютно, словно они практиковали это всю жизнь.

— Теперь дыши! — велела она. — И чувствуй!

Бас вдохнул полной грудью, легко прижимая фею к себе. Воздух пах нагретыми травами, медом, солнцем, пыльной землей. И вдруг откуда ни возьмись налетел ветер, взъерошил гладь травы, взмахнул невидимыми крыльями у лица Баса... Ветер пах клубникой.

— Ax! — Фея выскользнула из его объятий, закружилась в танце, и Бас только сейчас с изумлением понял, что она нага и маленько тело ее совершенно.

Ветер приятельски потрепал Баса по щеке и унесся прочь.

— Спасибо, — серьезно сказала фея. — Без тебя я бы не успела, а мне так хотелось с ним повидаться! Ну вот, теперь ты знаешь, куда приходить, — приходи, я тебя жду.

— А сейчас? — глупо сказал Бас.

— Сейчас ты проснешься! — рассмеялась Алиция. Смех ее был в точности такой, как Бас себе представлял, — словно кто-то ударяет хрустальными молоточками по серебряному ксилофону.

И Бас проснулся.

* * *

Оказалось, он спал одетый, с ногами на подушке, свесив голову с кровати, так что затекла шея. Разумеется, Бас не задернул шторы, и комнату радостно заливало вечернее солнце. Было неимоверно душно и жарко, Бас весь вспотел и хотел пить, как погибающий в пустыне. Он с отвращением содрал с себя потную одежду, выхлебал стакан воды из-под крана и пошел в душ.

Прохладные струи полились на голову, и Бас облегченно вздохнул. И тут же воображение нарисовало ему картинку, как рядом с ним появляется Алиция, нагая и совершенная в своей наготе... Бас укоризненно глянул на себя ниже пояса.

— А что тут такого? — сказал он вслух, оправдываясь невеста перед кем. — Она же не ребенок, взрослая фея, просто маленького роста.

И вообще это сон, продукт его подсознания. А над подсознанием человек, как известно, не властен и отчитываться за его фортели не должен. И почему бы одинокому джентльмену не позволить себе эротическую фантазию на тему...

В коридоре зазвонил телефон. Бас чертыхнулся, выключил душ, наскоро промокнул волосы, обернулся полотенцем и пошлепал босиком к телефону, оставляя мокрые следы. Только один человек упорно звонил Басу домой, пренебрегая мобильником, и сумма моральных принципов не позволяла Басу не отвечать на звонки. Хотя иногда очень хотелось. Вот как сейчас, например.

— Да, мама, — со вздохом сказал он в трубку. — В каком смысле? А... Ну, нет, ничего особенного. Ну, мама, ну что ты опять, ну почему непременно жениться? Наташа? Какая Наташа? Почему ты решила... Ой!

Осознав, что он только что сказал, Бас уронил телефонную трубку, полез за ней под вешалку, в пыль и запустение, поднял. Неплотно обмотанное полотенце размоталось, упало, Бас его проигнорировал и усился влажной задницей на полку для обуви, продолжая держать в руке трубку, откуда обеспокоенно журчал материнский голос.

«Какая Наташа?» — сказал он вполне искренне. А и впрямь — какая? Еще сегодня утром он встал в неурочный час, поперся фиг знает куда за на фиг не нужными лично ему биле-

тами, опоздал на работу — все из-за нее, ради нее! — и ушел потом с работы переживать и пить, потому что она его бросила. А сейчас оказалось, что он не помнит о ее существовании! И не вспомнил бы, наверное, если бы мама не упомянула...

Бас поднес к уху трубку как раз вовремя, чтобы услышать возмущенное:

— И почему ты молчишь?

— Я тебя внимательно слушаю, — бесстыдно солгал Бас и вновь уронил руку с трубкой на колени.

Он попытался представить себе, как выглядит Наташа. Черт побери, они встречались полгода! Раз в неделю, а то и чаще... хотя последнее время — реже, ну да не в этом дело... в общем, время от времени она приходила к нему сюда, и пытаясь что-то помыть или переставить, и оставалась на ночь, и они занимались любовью, и она выходила из ванной в его махровом клетчатом халате...

Халат Бас помнил во всех подробностях и мог при нужде составить грамотный фоторобот. Наташу — нет, не помнил. Ну, хотя бы типаж! — взмолился он. Блондинка, брюнетка? Он зажмурился и попытался представить себе лицо. Вздернутый носик, пухлые губы странного, чуточку сиреневого оттенка — и никакой губной помады, это их естественный цвет. Фиалковые глаза... непослушная русая челка... Алиция.

— Ни фига ссе! — громко сказал Бас, спохватился, добавил в телефон: — Извини, мама, я не тебе. А... ну, так просто. Посмотрел, как у меня под вешалкой грязно. Ага. Ну да, мам, я в принципе с тобой согласен. Ну конечно. Я подумаю.

— Ты кретин, — ласково, но непреклонно сказала мама. — Можешь сколько угодно говорить, что это романтика, но я считаю, что это обычный кретинизм. Тебе просто нужна хорошая хозяйка в доме. Сколько тебе лет? А ты все ждешь свою прекрасную фею...

— Уже, — одними губами сказал Бас. Холодок прошелся у него по позвоночнику.

— Что? — переспросила мама, не дождалась ответа ирезюмировала: — Конечно, ты не хочешь брать на себя ответственность, ни один мужчина не хочет ответственности, а женщину нужно обеспечивать. Но такова жизнь, Василий, это я тебе как мать говорю, а ты меня не слушаешь. Ладно, пока, и

не забудь завтра позвонить Серафиме Ильиничне, поздравить с днем ангела.

— Пока, — сказал Бас. — Ээээ...

Он пристроил трубку на телефон и плонул, пытаясь вспомнить, кто такая Серафима Ильинична. Родственница, наверное, или знакомая, играющая какую-то роль в материических матримониальных планах.

— Без меня, пожалуйста! — громко сказал Бас, заочно и наотрез отказывая всем сразу претенденткам на его руку, сердце и прочие части тела, а также свободное время, суверенную зарплату и незапятнанную страничку в паспорте.

И улыбнулся — как улыбается человек, вспоминая что-то, известное только ему одному.

Или, точнее, им двоим.

— Ты где пропадал? — спросила Алиция вместо приветствия. — Я тебя заждалась уже. Куда полетим?

Она сидела на камушке — там, на вершине холма, где Бас с ней расстался. Вопреки его надеждам фея не была обнажена, на ней было платьице, зеленое, как листва, — короткое, и ее изумительную фигурку оно не скрывало, а наоборот, подчеркивало, но сам факт одежды Баса раздосадовал. Что ж, не властен человек над своими снами; спасибо и на том, что Алиция ему вообще приснилась.

— Ты умеешь летать? — спросил Бас.

— А ты не умеешь? — удивилась Алиция. — Ну ладно, я тебя научу. Возьми меня на руки.

Бас подхватил фею, прижал к груди. Сердце внезапно заколотилось, но Алиция словно не заметила его волнения.

— Выпрямись, — скомандовала она. — Ни о чем не думай. Теперь потянись вверх — так, чтобы стать легким-легким... чувствуешь?

Бас честно отринул посторонние мысли и вытянулся в струнку. Качнулся с пяток на носки и сам собой встал на цыпочки.

— Да, да! — воскликнула фея. — Еще чуточку!

Ступни Баса окончательно оторвались от земли. Вытянувшись и чуть наклонившись всем корпусом вперед, как знак косой черты — слэш, Бас медленно поднимался в воздух. Али-

ция завозилась у него на руках, как котенок, устраиваясь поудобнее.

— Если не знаешь куда, полетели к побережью. Это туда. — Она ткнула пальчиком. — Только поднимись повыше.

Фея прижалась к нему всем телом и — Бас не поверил своим ощущениям, осторожно скосил глаза... так оно и было, Алиция заснула. Мгновенно, как ребенок. Баса посетила вереница мыслей разной степени бредовости. Первая была — разве можно спать во сне? Вторая в ответ на первую: но это же его сон, а не ее! Третья — что будет, если он сам заснет? Четвертая — что даже во сне не следует спать на лету...

Он тихонечко засмеялся и стал набирать высоту. Полюбовался, как ветер гонит волны по зеленой шкуре трав, довернул несколько градусов, чтобы двигаться точно в указанном Алицией направлении, и прибавил скорость.

Лететь было легко и естественно. Признаться, Бас не помнил, чтобы раньше летал во сне, хотя слышал и читал, что это обычное явление, особенно в детстве. Ну а ему как-то прежде не доводилось, или он запамятовал. Была в полете одна-единственная, совсем простая хитрость — та самая, которую ему подсказала фея. Надо было держать тело по-особому напряженным, вытянутым, тогда оно становилось — и оставалось — легче воздуха. Стоит один раз поймать это не выражимое словами чувство, и вот — ты умеешь летать.

Погруженный в свои ощущения Бас не уследил, как ландшафт внизу стал меняться. Когда он обратил свое внимание вниз, там уже распростерлось желтое одеяло песка, смятое в крупные складки дюн, а впереди виднелось темно-синее покрывало моря с кружевной оторочкой прибоя.

— Вниз! — тревожно вскрикнула проснувшаяся Алиция. — Скорость сбрось, промахнешься!

Бас уже и сам понимал, что чересчур разогнался. Он пытался замедлить полет — тщетно, они продолжали скользить по пологой воздушной горке с бешеною скоростью. Береговая полоса мелькнула внизу, как финишная ленточка, а они мчались дальше. Резко тормозить Бас боялся, а вообще-то поздно было резко тормозить, надо было закладывать плавный вираж и возвращаться... И тут он стал терять высоту. Бас вытягивался

в струнку, тянулся вверх изо всех сил, до боли в икрах, ничего не помогало. Они уже почти падали.

— Остров! Остров! — закричала Алиция.

— Где?!

Бас повернул голову туда, где мешало смотреть бьющее в глаза солнце, и на сверкающей глади вод увидел пятнышко сушки.

Вечер был теплый. Бас натаскал сухих веток и в двух шагах от входа в пещеру устроил роскошный костер. Рыжие языки пламени рвались в небо, к огромным звездам. Алиция сидела, обхватив колени, и тихонечко всхлипывала.

— Ну извини, — в который раз сказал Бас. — Завтра я тебя отсюда вытащу... плот построим...

— Ага, — всхлипнула фея, — а до завтра мне тут одной сидеть, да? Ты проснешься, меня тут бросишь — и мне одной?!

— Ну я же не знал! — взмолился Бас. — Ну ты же могла мне сказать!

— Я испуга-алась. — Алиция прижала ладони к лицу и захлопала сильнее.

Бас всегда считал, что женские слезы как средство воздействия на мужчину — это неумно и некрасиво. Потому и неумно, что некрасиво. Но тут у него что-то зашевелилось в душе. Во-первых, потому что Алиция честно сдерживалась, пока они летели, теряя высоту, и все-таки дотянули до острова, приземлились кубарем на теплом мелководье. И весь остаток дня, уже объяснив Басу, что над водой летать нельзя, и он своим поведением мог угробить их обоих, Алиция была спокойна — и разревелась лишь сейчас — оттого, что останется на острове одна. А во-вторых... Во-вторых, Алиция плакала красиво. Фиалковые глаза ее от слез стали словно еще больше, пухлые губки сильнее припухли и наводили Баса на нескромные мысли...

— Хочешь, я на тебе женюсь? — неожиданно для себя самого сказал Бас.

— Хочу, — просто сказала Алиция. — Прямо сейчас?

«Ой, что это я говорю? — пронеслось в голове у Баса. — Впрочем... какая разница? Это ведь только сон».

— Сейчас, — решительно сказал он.

— Ладно, — улыбнулась фея, и глаза ее сверкнули.

Она вскочила, взяла Баса за руку, сделала шаг к костру.

— Повторяй, — велела Алиция. — Оннэ, ити, гойро, фамидар...

На десятом или около того по счету незнакомом слове костер вдруг вспыхнул с утроенной силой, будто в него плеснули бензина, и пламя стало темно-малиновым. За спиной у Баса с Алицией раздалось неодобрительное покашливание. Они обернулись.

Алиция, кажется, вовсе не удивилась. А Бас просто онемел от того, что увидел.

Прямо на песке стоял низенький столик, а за ним расположились три женщины. Рост и... Бас не смог бы сказать, что именно, но что-то подсказало ему, что это тоже феи. Вот только в отличие от юной прелестной Алиции это были три старые мегеры фейского племени. Они уставились на него маленьками колючими глазками, и некоторое время тишину нарушали лишь легкие шлепки прибоя.

— Значит, ты, Бас, женишься на Алиции, — сурово сказала одна из матриархов. Седая прядь, ниспадая на левый глаз, делала ее похожей на пиратскую атаманшу.

— Значит, ты, Алиция, выходишь замуж за Баса, — констатировала вторая.

— Да, — серебристо прозвенел голос Алиции.

«Черт побери», — абстрактно подумал Бас и подтвердил:

— Да.

Третья фея мерзко хихикнула.

Откуда-то из глубин декольте она вытащила разлохмаченный по краям листок бумаги. Или не бумаги. Больше это походило на папирус или бересту.

Вторая — Бас следил за ее руками и мог бы поклясться, что из воздуха, — достала канцелярскую печать, примерилась...

Шлеп!

— Дубовая печать, — шепнула Алиция на ухо Басу дрожащим от волнения голоском.

— Поздравляю, — с непонятной угрозой сказала первая, — перед водой и огнем, перед землей и небом, силой древнего дуба — вы муж и жена.

Какая-то соринка не вовремя попала Басу в глаз, он рефлекторно заморгал, потянулся протереть — и обнаружил, что близ костра уже никого нет, кроме них с Алицией.

— Как же это? — обалдело спросил Бас. — Откуда они? То есть куда?

Туча вопросов заклубилась у него в голове, как комарьё.

— Ловкий фокус! — Он повернулся к Алиции. — А ты так не можешь? Чтобы не лететь над водой, а... р-раз! И переместилась. Не можешь? А они не могли тебя с собой захватить? Ну, чтобы не сидеть тут одной...

Фея вырвала руку из его руки и разрыдалась взахлеб.

— Ах, я несчастная! — рыдала она. — Не трогай меня, оставь! Я полюбила чудовище! В первые — первые! — драгоценные минуты нашего брака ты думаешь о том, как отослать меня прочь!

— Да я совсем не это... — начал было Бас. — Ты же сама...
Алиция!

Он схватил фею в охапку, подхватил на руки, поцеловал в заплаканные глаза, в щеки. Алиция уворачивалась, но не слишком активно. Бас поцеловал ее в губы, поцелуй длился...

Когда они прервались, чтобы вдохнуть, Алиция разве только не мурлыкала. Бас судорожно пытался призвать себя к порядку.

— Жаль, что ты такая маленькая, — вырвалось у него.

— Маленькая? — Фея удивленно подняла бровь. — В каком смысле?

— Ну, что мы с тобой не совпадаем по росту, — пробормотал Бас. — По размеру...

Алиция расхохоталась безудержно и звонко.

— Смотри! — сказала она.

Куда-то исчезло ее зеленое платье — кажется, осыпалось листьями и улетело прочь, но Бас не сказал бы наверняка. Он жадно смотрел, как Алиция изгибается, проводит ладонями по своему телу — это чем-то напоминало эротическую ласку, но несло иной смысл, — и начинает вытягиваться, расти, превращаясь в женщину обычного роста, но потрясающей, необычной красоты...

Бас шагнул к ней, порывисто обнял, прижал к себе.

— Скажи, что ты меня любишь, — капризно шепнула фея.

— Люблю, — прохрипел Бас, понимая, что вот сейчас...

И проснулся.

* * *

Вовка поймал Баса на лестнице, когда тот уже практически ушел. Поймал, загнал в угол, припер к стенке в самом буквальном смысле слова и мрачно сказал:

— Ну, выкладывай.

Бас сделал попыткурыпнуться, но Вовка дождал:

— Я тебе друг или не друг?

— Друг, — сдался Бас. — Ладно, поехали ко мне. Пара часов у меня еще есть.

Вовка заметно удивился, но смолчал.

Доехали. В соседнем гастрономе Бас взял коньяк и тут же предупредил:

— Только ты учти, я буду совсем чуть-чуть.

Вовка удивился еще заметнее, но опять проявил выдержку. И только расположившись у Баса на кухне и окинув наметанным взглядом все приметы холостяцкого запустения, друг детства весомо сказал:

— Да-а...

И головой покачал.

— А ты что думал? — иронически осведомился Бас, противая стопки кухонной тряпкой и принюхиваясь к результатам.

— Я думал, у тебя баба новая завелась, — прямодушно сказал Вовка. — Неделю уже ходишь как спелеолог, глаза дурные, двери лбом открываешь...

— Почему как спелеолог? — не понял Бас.

— Я ж говорю, глаза дурные, как вроде только что из пещеры на белый свет вылез, — пояснил Вовка. — Что ты там нюхаешь, разливай давай!

— Тряпка грязная, — честно сказал Бас. — Наверное, их мыть придется.

Вовка фыркнул, отнял у Баса стопки, свинтил крышечку с коньяка, налил.

— За то, чтобы всегда! — объявил он, азартно чокнулся с Басом и немедленно выпил.

Бас едва не последовал его примеру, но удержался, отпил половину. Вовка выпучил глаза:

— Ты чего?

— Сплю потом неправильно, — пояснил Бас. — Просыпаюсь... эээ... в самый неподходящий момент.

Вовка только головой покрутил.

— Значит, не баба, — раздумчиво сказал он. — Ошибся я, значит. Надо же! И Тарашкина, ты ж понимаешь, ошиблась — а у них-то на соперниц чутье!

— У кого — у них? — не понял Бас. — Каких соперниц? Ты о чем вообще?

— Ревнует тебя Тарашкина, — глубокомысленно заметил Вовка. — Оно ж со стороны видно знаешь как? Вот я и решил...

— Ревнует? Меня? — Бас обалдел окончательно. — Кто? Таращанская?

— Да какая разница, как у нее фамилия, — философски махнул рукой Вовка. — Выйдет замуж — поменяет.

— Ладно, — решился Бас. — Ты, это, знаешь — не ошибся. У меня тут и правда такое...

— Тогда за нее! — бодро сориентировался Вовка.

— За нее, — вздохнул Бас.

И понял, что все равно не сможет ничего толком рассказать Вовке. Чтобы поверить в то, что с ним происходило, надо было в этом участвовать. Он бы и сам себе не поверил...

Разговор не получился. Бас комкал фразы, мялся, не договаривал и мрачнел с каждой минутой. Наконец коньк кончился, Вовка поднялся из-за стола и великолушно хлопнул Баса по плечу.

— Ладно, не переживай, — сказал он. — Я все понял. Зря ты, конечно, с иностранкой связался, но если у вас любовь — никуда не попрешь. Только запомни, что я тебе скажу, Васёк: иностранки тоже женщины. Это тебе сейчас кажется, что она вся другая, а вот время придет — помнишь мои слова.

— Почему — иностранка? — пробормотал Бас, лихорадочно вспоминая, называл ли он Алицию по имени. Получалось — не называл. — С чего ты взял?

— Потому что нелюбопытно ей, в каких ты условиях проживаешь, — хмыкнул Вовка. — Если б она у тебя тут хоть раз побывала, ты бы Наташку портрет подальше запрятал, разве нет? А раз не интересует ее квартирная жилплощадь, значит, кто? Заграничная гражданка.

— Шерлок Холмс, — натужно рассмеялся Бас. — Ну... считай, что угадал. Не интересует. И... можно сказать — да, загадничная. Во всяком случае, она не отсюда.

— То-то же, — наставительно сказал Вовка, прихватил послушать «Раммштайн» и удалился, довольный собой.

Бас запер за ним дверь, посетил туалет, тщательно задернул шторы, улегся в постель, запил экономным глотком воды две таблетки снотворного и...

Он не переставал удивляться, что каждый раз попадает в один и тот же сон. Не просто в тот же самый вымышленный сонный мир, а в ту же последовательность событий. При том, что логика этого мира была сказочно-бредовой, хронология присутствия Баса в нем выдерживалась жестко. Если вдуматься, как такое может быть и что же с ним вообще происходит, то скорее всего оказалось бы, что Бас скорбен какой-нибудь психопатологией — поэтому он предпочитал не вдумываться. Происходит — и спасибо.

Главное, что всякий раз, попадая в страну сновидений, он встречал там свою фею.

Правда, на сей раз Алиция приняла его неласково.

— Лапушка моя! — Бас протянул к фее руки, она сделала вид, что не замечает. — Заинька ненаглядная!

Алиция холодно посмотрела на него.

— И долго я буду прозябать в этой пещере? — осведомилась она.

Бас обалдел от неожиданности.

Всю предыдущую неделю остров был для них чем-то вроде рая для молодоженов. Они купались нагишом и любили друг друга в тени пальмовой рощи, они пили прохладную воду из родника и лакомились незнакомыми Басу потрясающе вкусными фруктами. А уж к обжитой ими пещере даже Бас стал испытывать теплые чувства, Алиция же иначе ее и не называла, как «наш маленький дом»...

— Что случилось? — выдавил из себя Бас.

— Да так, ничего, — надменно сказала Алиция. — У нас в гостях побывала моя мама, знаешь ли. И мне было за тебя очень стыдно! Во-первых, ты не счел нужным ее встретить...

— Что?! — У Баса отнялся дар речи. — Но я же... Но меня же здесь не было!

— Вот именно, — ледяным тоном сказала Алиция.

— Но я... — Бас и сам не знал, что же сказать в свое оправдание, очень уж абсурдным было обвинение, абсурдным и неожиданным, но Алиция все равно не дала ему продолжить.

— Ты! — воскликнула фея со слезами в голосе. — Ты и только ты! Всегда ты! А обо мне ты подумал? Я, конечно, ничего не сказала маме, но она все поняла сама. Да разве для того она меня воспитывала и растила, чтобы я жила в пещере без водопровода?! Во дворце — вот где я должна жить! В хорошеньком дворце с перламутровыми стенами! С мозаичным полом! С фонтанами во внутреннем дворике!

— Милая... — ошеломленно пробормотал Бас. — Но... Где я возьму тебе дворец?

— Подумай. — Алиция отвернулась. — Ты же мужчина.

Бас опустился на камень и перевел взгляд на море. Волны с шелестом лизали песок. Баса вдруг пронзило острое чувство нереальности ситуации. «Сон, — напомнил он себе. — Это только сон». За прошедшую неделю он так привык к этому миру, он не мыслил себе жизни без Алиции, он так хотел сюда попасть и застать всё неизменным, что невольно позабыл о текучей зыбкости мира снов. А ведь во сне возможно что угодно. Если только он сможет представить достаточно ясно... Черт возьми, он же все-таки инженер!

— Ой, что это? — В голосе Алиции прозвучало совсем детское любопытство.

— Ковер-самолет, — гордо сказал Бас. — Мы полетим на нем в твой дворец.

— Он может летать над водой? — недоверчиво спросила фея. — Ты уверен?

— Это универсальная модель, — с достоинством сообщил Бас. — Он может летать где угодно.

«Если, конечно, вообще взлетит», — подумал Бас, но вслух не сказал.

— Правда?! — воскликнула фея. — Правда-правда-правда?!

Бас, stoически скрывая сомнение, оглядел ветхий коврик. Ну конечно, подсознанию не прикажешь, хорошо хоть такой

получился... Но, если честно, он сам предпочел бы транспортное средство понадежнее. «Эх, Хоттабыч, крепко же ты мне в детстве въелся в подкорку...» — молча сокрушился Бас, а вслух сказал:

— Ну, если ты снова уменьшишься, дорогая, ковер нас выдержит. Только, может, сначала мы...

Алиция охотно прильнула к нему в поцелуе. Потом они перебрались в пещеру на сплетенные Басом циновки из пальмовых листьев. И все было чудесно.

Напоследок они искупались в теплой лагуне. Когда Алиция вышла из моря, оказалось, что она такая, какой Бас ее впервые встретил, — ростом ему по пояс. Было в этом нечто неуловимо пикантное — обнимать, как ребенка, женщину, которую ты только что ласкал как очень даже взрослую. Бас прижал Алицию к груди, уселся по-турецки на коврик, собрался с духом и стеснительно сказал:

— Трах-тибидох-трух!

Ура Хоттабычу! Ковер нехотя всплыл над песком.

— Трах-тибидох! — повторил Бас куда решительнее. — Туда давай!

Ковер выгнул один край, поднялся на десяток метров, завис на мгновение и неспешно двинулся в сторону берега.

Веял легкий ветерок. Припекало солнце. Примерно через полчаса Алиция поинтересовалась:

— А быстрее нельзя?

— Н-ну... — уклончиво сказал Бас.

Какое-то безымянное, но компетентное чувство говорило ему, что лучше не надо. Алиция надула губки.

— Можно попробовать, — со вздохом сказал Бас.

Смеркалось.

— Трах! — шипел сорванным голосом Бас. — Трах-тибидох! Трах тебя, мать твою, скотина! Пошел! Трух!

При каждом слове ковер совершал спазматический рывок, но тотчас снова замедлял ход. Он трясся мелкой дрожью и ронял ворс. Кое-где уже образовались заметные проплешины. Алиция, свернувшись клубочком настолько в стороне от Баса, насколько позволяли размеры ковра, тихо плакала.

— Ну что ты ревешь все время? — не выдержал Бас. — Лучше бы помогла!

— Я?! — Фея выпрямилась движением, полным подчеркнутого достоинства. — Я твоя жена, а не служанка! А ты затянул меня на эту дурацкую тряпку! Ты просто издеваешься надо мной! Нарочно!

— Да нет же! — сипло вскричал Бас. — Ну пойми! Я хотел как лучше! Ты же сама... Мне и на острове было хорошо!

— На острове! — закричала Алиция. — В этой вонючей пещере без освещения и отопления, где по нам прыгали блохи! Ты варвар! Ты негодяй!

— Это песчаные блохи, они не кусаются, — хриплым шепотом заорал Бас. — И надо было сказать раньше! Я бы что-то придумал!

Ковер, который Бас бросил понукать, завис на месте и лишь покачивался вверх-вниз, как вздуваются и опадают бока загнанной лошади.

«Опаньки, — сказал кто-то трезвым голосом в голове Баса. Возможно, это был рассудок. — Семейная сцена. С феей. На ковре-самолете. На высоте пары сотен метров на уровне моря. Да это не просто сон, это натуральный кошмар, братан!»

— Ну... прости, дорогая, — выдавил Бас. — Да что ты от меня хочешь, в конце концов? Это ведь только сон...

— Что?! — страшным трагическим шепотом произнесла Алиция. — Ты...

И тут зазвонил телефон.

Там, в реальности, в квартире Баса, телефон звонил и звонил с материнской настойчивостью.

Бас почувствовал, как его плоть начинает таять. Это было жутко.

Он изо всех сил пытался не проснуться. Телефон надрывался, полосовал нестерпимыми звуками тонкую материю сна.

— Ах! — выдохнула Алиция. Фиалковые глаза ее стали черными от ужаса.

Ковер-самолет под ними таял вместе с телом Баса — только еще быстрее.

— Не уходи! Нет! — закричала фея.

— Алиция!!!! — закричал отчаянно Бас, попытался схватить ее — и его призрачная рука прошла сквозь тело феи.

Ковер исчез. Они падали.

Нет.

Падала только Алиция.

Бас, совершенно уже прозрачный, несуществующий, завис в воздухе и страшную долю мгновения наблюдал ее падение, а потом нечеловеческим усилием рванулся вдогонку...

И вскочил на постели с криком «Алиция!!!», хватая руками воздух.

Сердце бешено колотилось.

Телефон звонил.

Бас рванулся в коридор, добежал, взял трубку:

— Да!

— Почему ты так долго не подходишь? — раздраженно спросила мама. — Это просто неуважение с твоей стороны.

— Я спал, — кротко сказал Бас.

Мама фыркнула.

— Ну знаешь, извини, конечно — но я же не знала. Нормальные люди в такое время не спят.

— Мама! — с тихим отчаянием сказал Бас. — Ладно, хорошо, не важно. О чем ты хотела поговорить?

— Я уже не помню, — обиженно сказала мама. — Ты на меня так набросился...

— Я — набросился? — не выдержал Бас. — Это я??!

— Ты позвонил Серафиме Ильиничне? — смирила тему мама. — Что ты молчишь? Я же тебя просила еще на той неделе! Поздравить ее с днем ангела!

— Какой еще... — начал было Бас сердито, но договорить ему не дали.

— Так, — сказала мама с достоинством английской королевы, отказывающей в аудиенции. — Ты слишком взвинчен. Я не желаю разговаривать на таких тонах. Поговорим позже.

Бас остался с телефонной трубкой в руках, пиликающей противными гудками.

— Оooo, — сказал он. — Оoooo!!!

Он машинально двинул было на кухню заваривать чай, но остановился на полдороге. Алиция... Черные от ужаса глаза, протянутые к нему руки... Что же делать теперь?

Конечно, это сон, только сон, но он ведь теперь не успокоится, пока не выяснит, что с ней.

Мама, мама, ну почему так не вовремя?

Спать Басу не хотелось абсолютно. Выдранный насищенно из сна в реальность, получив двойной стресс, внутри сна и снаружи, он был бодр как никогда. Хуже чем бодр. Нервы ощущались внутри организма физически, как гитарные струны на излишне закрученных колках, тронь — лопнут. Снотворное? Но он уже выпил сегодня две таблетки...

Бас расправил скрученные простыни, лег, проглотил еще два горьких, не желающих проскальзывать в горло шарика. Через час — еще два. И так и не сомкнул глаз до рассвета.

День он промучился на работе, совершенно не понимая, что вокруг него происходит. «Если ад существует на самом деле, — тупо думал Бас, — он похож на офис. Главное — неизменно надо делать вид, что с тобой все в порядке». Он старательно запрещал себе представлять, что с Алицией могло случиться что-то плохое. В конце концов, она же фея! Но все равно мысли лезли в голову и было страшно.

В обед пришла эсэмэска от Наташи, что она хочет с ним встретиться и поговорить о чем-то ужасно важном. Бас стер сообщение.

По дороге домой он едва не заснул в маршрутке и с вялым интересом задумался, что было бы, если бы заснул? Хотя скорее всего ничего хорошего. Его бы слишком быстро разбудили.

Дома Бас неимоверным усилием разделся и рухнул на кровать. Последней мыслью угасающего сознания было: «Где я окажусь? Неужели над морем?»

Дворец был именно таким, как Алиция описывала. Хорошеньким. С перламутровыми стенами и мозаичным полом. И фонтан журчал где-то неподалеку.

Размерами дворец был в самый раз для фей. Поэтому Бас обнаружил себя сидящим перед Алицией на корточках в комнате, где он не смог бы выпрямиться во весь рост. Очень глупо.

И все равно первое, что он ощущил, была радость. Жива! Его маленькая фея жива, с ней ничего не случилось — а остальное не важно.

Алиция смотрела на него молча, сверху вниз.

— Ты жива! — выдохнул Бас. — Жива! Как тебе удалось?.. Тебя вытащили? Ох, прости, я несу чушь, просто я так счастлив, что ты спаслась!

— Твоей заслуги в этом нет, — холодно произнесла Алиция. — Мне пришлось вызвать грифонов, а ты прекрасно знаешь, что я этого не люблю!

— Милая, — ошеломленно пробормотал Бас, — я даже не знал, что ты это умеешь!

Тут его осенило.

— Значит, тебе не надо было оставаться на острове? Ты могла улететь? Заинька моя, ты осталась ради меня? Чтобы мы были вместе?

Бас протянул к фее руки. Алиция отступила на шаг.

— Ты... очень сердишься? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Сержусь? — презрительно переспросила фея. — Нисколечко. Ты глупец, конечно, но вы все такие. Однако я хотела бы знать, как именно ты собираешься выполнять свои обязанности по брачному договору.

— Какие... обязанности? — не понял Бас. — Я разве...

— Мы заключили договор, и он был скреплен дубовой печатью, — отчеканила фея. — Возможно, тебе следовало прощать договор перед тем, как на него соглашаться, но ты чересчур торопился. Я думала, ты хотя бы в общих чертах знаешь, каковы обязанности сторон. Что ж... это не единственный пункт, по которому я в тебе ошиблась.

— Ну и какие... — пробормотал Бас. — Что я должен делать?

Ему стало как-то тоскливо и зябко. Любимый сон снова оборачивался кошмаром, на сей раз другим — но не менее отвратительным.

— Ты должен снабжать меня всем необходимым, — сказала Алиция. — Всем, что я пожелаю. Драгоценности, одежда, лакомства. Поддерживать в сохранности мой дворец. Доставлять меня в любое место. И вообще выполнять все мои желания.

— Очень хорошо, — безрадостно усмехнулся Бас. — Наверное, ты права. А какие обязанности у тебя?

Фея засмеялась. Ее смех больше не был серебряным и хрустальным, это льдинки бились о льдинки в царстве вечного холода, и Бас совсем замерз.

— Я обязана высказывать свои желания, — сказала она надменно. — Чтобы ты мог их выполнять. Отныне и во веки веков, раб.

Бас почувствовал, что сыт по горло этим представлением.

— Ага, щаз, — сказал он ядовито. — Хорошенький договорчик, спору нет. И как ты заставишь меня его выполнять?

Алиция топнула ногой. Глаза метнули фолеговые молнии.

— Нарёё, дин, туута! — крикнула она.

С шелестом превратились в песок, осыпались стены дворца. Бас обнаружил себя сидящим на голой земле, высохшей и твердой, как камень. Он поднялся, разминая окоченевшие ноги... вернее, он попытался подняться — и остался сидеть.

— Построй мне дворец, тотчас же! — потребовала Алиция. — И я разрешу тебе двигаться. Построй такой же, как я тебе показала... нет, лучше!

— Но я не могу, — пожал плечами Бас.

— Можешь! — топнула ногой фея. — Я разрешаю. И приказываю!

Бас с сожалением смотрел, как искажаются черты той, которую он совсем недавно любил, как она становится чем-то похожа на ту седую магеру, которая их поженила...

— Да нет, ты не поняла, — терпеливо сказал он. — Я не могу, потому что не умею. Понимаешь? Это ведь только сон, поэтому у меня кое-что получалось. Но получалось не всегда, случайно... или от большой любви. Но не по обязанности в силу договора. По обязанности я не смогу ничего.

— Что? — жалким голосом сказала Алиция. — Ты... ты говоришь правду? Мамочка! Он говорит правду! Он не может!!!

— Прости, — искренне сказал Бас. — Мне жаль, что я не оправдал твоих надежд. Нам лучше развестись, верно?

— Ах, я несчастная! — воскликнула Алиция. — Он не умеет управлять своими снами! Мамочка, он... не разумный? Я полюбила животное?!

Ее прекрасные фиалковые глаза наполнились слезами. Бросив на Баса последний заплаканный взгляд, фея крутну-

лась на пятке и превратилась в маленький смерчик. Смерчик вильнул по земле — и умчался прочь, а Бас так и остался сидеть на месте, не в силах встать.

— Ваш брак объявляется недействительным, — сухо сказала первая мегера.

— Поскольку скрытие факта неумения управлять снами с твоей стороны признано неумышленным, ты даже не будешь наказан, — с отвращением произнесла вторая мегера.

Третья не сказала вообще ничего. Она окинула Баса таким презрительным взглядом, что он поежился, и занесла дубовую печать над берестяным документом.

Хрясь!

Тетка приложила печать и сразу отняла ее. Остался черный, словно обугленный отпечаток, и тотчас береста вокруг него взялась ярким пламенем. Ошеломленный Бас смотрел, как весело пылает фейский документ. Вот грамота превратилась в горстку пепла, три мегеры наклонились над ним, дунули — и пепел разлетелся.

— Свободен, — милицейским тоном произнесла первая из фей.

— А... — начал было Бас.

И проснулся.

Сначала Бас поразился тому, как вокруг темно и тихо, потом сообразил взглянуть на часы. Было три часа ночи, самое глухое время.

Не зажигая света, он пошел на кухню, включил газ, поставил чайник и замер перед окном, прислонившись лбом к стеклу. В детстве он любил стоять вот так, приплюсив нос, а еще вытягивал губы в трубочку и дышал на стекло, чтобы оно запотело. Родители почему-то всегда ругали его за это, вот только он забыл, за что именно... А, вспомнил — за то, что на стекле остаются пятна.

Бас вздохнул. Ему было до боли грустно.

Он вспомнил клубничный ветер... Полет над морем с Алицией на руках... Теплую лагуну... Пальмовые циновки в пещере... Алиция, Алиция, Алиция в его объятиях, хохочущая и не-

жная, мурлыкающая и страстная. Фиалковые глаза, нежные пухлые губки невероятного, чуть сиреневого оттенка...

Да, он хотел с ней развестись! Да, он очень рад, что это удалось! Да, он испугался, что так и останется в рабстве у фей...

И все равно ему было грустно.

Бас выключил конфорку под закипевшим чайником, залил кипятком старую заварку в заварнике. В нос шибанул противный запах плесени. Бас скривился, отставил заварник, насыпал в чашку свежей заварки, заварил.

Грустно...

В дверь позвонили.

— В три часа ночи? — вслух изумился Бас и пошел открывать.

На площадке стояла девушка.

Бледная чистая кожа ее словно светилась в тусклом свете казенной лампочки. Светлое длинное платье обтекало грудь, живот, бедра и струилось вниз, ниспадая от колен пенным водопадом. Пепельные прекрасные волосы клубились облаком. На Баса уставились огромные серые глаза, выражения которых он не смог разгадать — потому что никогда в своей жизни ничего подобного не видел.

— Вы ко мне? — прошептал Бас. — Вы кто?

— Серафима Ильинична, — печально сказала девушка. — Ваша мама сказала... Можно я войду?

— Да... — пробормотал Бас. — Да-да, конечно!

Он отступил на шаг назад и в сторону, пропуская незнакомку.

И задохнулся от неизъяснимого чувства, когда перья белых, торжественных, как подвенечный наряд, крыльев нежно скользнули по его руке.

Александр Васин

ЖИЗНЬ ВУРДАЛАКА

После смерти Федька Осьмухин стал вурдалаком. Отчего произошло с ним такое превращение, он и сам толком не знал. Вроде бы раньше в поведении и привычках Федора ничего не указывало на то, что в будущей загробной жизни ему уготована такая не слишком завидная роль. Жил он скромно, незаметно, со всеми в ладу, чтоб, там, всплыть, обидеть кого-нибудь — никогда за них такого не водилось.

Зато жизнь его частенько обижала.

Говорили, мать Федьки раньше в леспромхозовской столовке работала. Отец был не из местных — угодил в поселок «Таежный» на «химию». Через некоторое время после того, как ребенок родился, у отца вышел срок, собрался он до дому и сожительницу свою с собой уговорил. Так и уехали, а сына соседям подбросили. Чтоб не мешался, значит.

Всю жизнь потом Федор по чужим людям промыкался. Хорошего, конечно, мало повидал — все больше попреки да побои. Оттого, наверно, и вырос нелюдимом. Шумных компаний сторонился, дружбу ни с кем не водил, даже пить предпочитал в одиночку. Зато уж пил Федька по-черному, как бы жалуясь кому на судьбу свою горькую. Семьей не обзавелся — водка ему единственной утешительницей была.

Умер Осьмухин как-то глупо — от простуды. В возрасте тридцати пяти лет.

Дело вот как было. Без Федор лес на машине (он шофером в леспромхозе работал), а как стал через речку переправляться, увяз. Накануне сильный ливень прошел — брод размыло. Ко-

роче, остановился его самосвал посередине и ни туда, ни сюда. Битый час Федька по пояс в воде проболтался, пока проезжавший мимо «КамАЗ» не взял его на буксир. А погода на дворе ветреная, осенняя. В общем, вечером затемпературил парень. Однако к врачам обращаться не стал — он их сызмальства не любил, хлобыстнул стакан спирта и спать улегся. Думал: обойдется как-нибудь.

Не обошлось.

Все это с ним, как назло, в пятницу приключилось. В понедельник Федьки не хватились. Мало ли что — может, загулял малый; может, на выходные перебрал чуток, как уже не раз с ним бывало. Зашли к нему только в среду. Глядь — лежит наш Федька на кровати, руки на животе сложил, глазами в потолок и уж посинел весь. Вот такие дела.

Хоронили Осьмухина скромно, без всякой пышности. Оно и понятно: родственников у Федора в наличии не оказалось, а своих сбережений он, как выяснилось, не нажил. Громких речей над могилой тоже не говорили, да и что сказать-то. Ну, был такой парень, работал, план выполнял, а кто он и чем у него голова забита, этим как-то не интересовались. Получилось, прожил человек жизнь, а словно и не жил никогда.

Но вот, как зарыли Федьку в землю, с ним в ту же ночь что-то странное стало происходить. Перво-наперво осознал Осьмухин, что он, оказывается, и не умер вовсе или умер, но не совсем. Никакого страха или удивления он при этом не почувствовал — как будто так и должно быть, — а почувствовал вдруг, что какая-то неодолимая сила потянула его наверх.

Как он из гроба наружу выбрался, Федор помнил смутно. Одно только в памяти сохранилось: кругом темень непроглядная, земля на зубах скрипит, а он, словно пловец какой, знай себе гребет руками...

Вот наконец и добрался до поверхности. Вылез, отряхнулся, по сторонам огляделся. Вроде все как надо, как и должно быть. Ночь. Кладбище. Кругом ни души. За спиной тайга степною. Внизу, под холмом, поселок Таежный редкими огнями помаргивает. Небо над головой как черный креп, и луна на нем пятном кровавым.

Первая Федькина мысль, после того как могилу покинул, была: «В кого же это я теперь превратился?» Ощупал себя со всех сторон — как будто все на месте. Тут он случайно на руки свои взглянул... Бог ты мой! Что это с ними сделалось? Не руки, а черт-те что. Какие-то лапы куриные — желтые, узловатые, пальцы раза в два длинней, чем были, а вместо ногтей — когти.

Решил Федька всего себя осмотреть. Вспомнил, что где-то здесь, неподалеку, речка протекает; когда мальчишкой был, рыбу в ней часто удил. Перелез через забор, взгляделся в темноту — и впрямь впереди засияло что-то.

Спустился Осьмухин к реке, склонился над самой водой — и с трудом узнал в себе прежнего Федьку. Батюшки-светы! Несужели это он? Волосы торчат во все стороны, как пакля, лицо какими-то бурыми пятнами пошло, нос вытянулся и заострился, глаза синими кругами обведены, а из-под верхней губы клыки длинющие торчат. Жуть, да и только!

Понял тут Осьмухин, кто он теперь такой есть, и до того муторно на душе у него сделалось, что хоть прямо сейчас же головой в омут бросайся. Однако, подумав, решил Федор с этим не спешить. В конце концов, не для того он из могилы на свет божий явился, чтобы в речке топиться. Но тогда для чего же?

Тут вспомнил Осьмухин, что ему в детстве бабка-соседка про вурдалаков рассказывала — мол, выбираются они по ногам из земли, чтобы людскую кровь пить. В то время эти истории, конечно, ничего, кроме страха и омерзения, у парнишки не вызывали. Теперь же при одной только мысли о крови Федька весь как-то внутренне подобрался, глаза загорелись алчным огнем, кадык заходил, как поршень, жадно сглатывая слону, — понял он наконец, какая неодолимая сила все это время вперед его толкала. И ничего другого не оставалось сейчас Осьмухину, как отаться на волю этой самой силы. Сразу некая умиротворенность снизошла на Федора, в голове прояснилось, движения сделались по-необычному легкими — он уже и не шел, а как бы парил над землей...

Ноги сами привели Осьмухина в поселок. Вот и первые домишкы из темноты выступили. Где-то поблизости тревожно залаяла собака, за ней другая, третья — почуяли, видать, чужака. Федька невольно замедлил шаги.

Вдруг совсем рядом заскрипел гравий под чьей-то грузной ногой. Густой бас неуверенно произнес:

— Эй, кто здесь?

Осьмухин так и замер на месте. По голосу узнал он складского сторожа Афоныча, силу чугунных кулаков которого испытал однажды на себе, когда обыграл его пьяного в карты, и с тех пор твердо решил никаких дел с ним больше не иметь.

Но то было давно, еще в прежней его жизни. Теперь Федька не боялся сторожа. Он чувствовал, он знал, что в новом своем обличье легко одержит верх, вступив с ним в борьбу, а в том, что это произойдет — должно произойти — с минуты на минуту. Осьмухин уже не сомневался. И не потому, что питал какую-то застарелую злобу к бывшему своему противнику — все это сейчас забылось, отошло на задний план перед тем страшным навязчивым желанием, которое заполнило вдруг все его существо, — а просто потому, что так получилось, Афоныч первым попался ему на пути, и значит, такая у него несчастливая судьба.

Тем временем человек, не подозревая об опасности, подходил все ближе. Иногда он останавливался, чтобы выкрикнуть свое «Кто здесь?», и, не получив ответа, снова продолжал путь.

Федька застыл без движения, не спуская с Афоныча горящих глаз. Только теперь он осознал, что видит в темноте как кошка. Он ясно различал каждое движение своей будущей жертвы, даже то, как сторож слегка покачивался при ходьбе — верно, перед этим хорошо набрался мужик. Рассмотрел он и лицо Афоныча с застывшим на нем вопросительно-тупым выражением.

Вдруг прямо на глазах выражение стало меняться: брови медленно поползли вверх, зрачки расширились, рот приоткрылся. Сторож увидел Федьку.

С минуту стоял он перед ним, вылупившись как баран на новые ворота, и только беззвучно шевелил губами.

— Федя, ты?.. — проговорил наконец словно через силу. — Но ведь мы тебя сегодня... того... похоронили вроде. Вот и поминки только что справили...

Осьмухин заметил, как подернутые пьяной пеленой глаза Афоныча постепенно наполняются ужасом, понял, что еще

немного — и он окончательно отрезвеет, заорет дурным голосом, начнет созывать народ, и тогда... тогда... Нет, нельзя этого допустить!

С глухим утробным рыком, выставив далеко вперед свои длинные страшные руки, Федька прыгнул на сторожа. На какую-то долю секунды его легкое звериное тело зависло в воздухе, и вот уже противники забарахтались на земле, сцепившись по-кошачьи.

То ли из-за водки, то ли из-за страха, накатившего внезапной волной, Афоныч сопротивлялся слабо — Федору без особых труда удалось уложить его на лопатки. Совсем близко от себя увидел Осьмухин расширенные в ужасе глаза, низкий покатый лоб с крупными каплями пота, нервное шевеление ноздрей. И уже руки его как бы помимо воли разрывали рубаху на груди сторожа, яростно ворошили бороду, отыскивая в складках кожи синюю пульсирующую жилку... Ах, вот она! Наконец-то!

Глубоко вонзив клыки в шею Афоныча, почувствовал Федор, как что-то теплое, вязкое, горько-соленое на вкус заструилось у него по горлани, и до того приятно, до того сладостно ему стало, что он даже заурчал от удовольствия...

Еще некоторое время из груди сторожа доносились слабые хрипы, а голова дергалась, как под током. Через минуту уже все закончилось. Издав последний вздох, словно выпустили воздух из проколотой шины, человек замер в полной неподвижности.

Только после этого оставил Федька свою жертву и, задрав к небу перепачканное кровью лицо, горлом издал звук, напоминающий отдаленно волчий вой. Его тут же подхватили собаки из ближайших дворов.

Под аккомпанемент этого за душу берущего воя, тяжело покачиваясь, побрел Осьмухин обратно...

Не сразу пришло к Федору осознание того, что он совершил. Испытанное жуткое наслаждение на время загородило в нем все мысли. Но вот постепенно, исподволь, незддоровое возбуждение сменилось раскаянием. «Боже мой! Что же это я сделал? — зашептал он как в бреду. — Ведь я же, нечестивец, че-

ловека убил!.. О, будь я проклят! За что мне такие муки? Неужто затем только меня с того света возвернули, чтоб я живых людей губил?! Ах я несчастный, несчастный!»

Бросился тут Федька на землю, стал головой об нее биться, когтями царапать. Однако скоро, обессилен, затих. Долго лежал без движения, лицом вниз, чувствуя, как медленно и неуклонно поднимается в нем, заполняя сознание, глухое, убийственное презрение к самому себе...

Но чуть только зарозовело на востоке, какой-то беспричинный страх поднял Осьмухина на ноги и заставил без оглядки бежать на кладбище.

Разрывая руками могильный холм, Федька поминутно оглядывался по сторонам. Меньше всего хотелось ему сейчас встречаться с кем-нибудь из людей.

Вот и готова нора. Юркнул в нее, как мышь, вход землей закидал. Все, теперь он в безопасности.

После первой своей вылазки три дня Федор из могилы не показывался. Правильней, конечно, будет сказать — три ночи, так как днем он обычно впадал в то сонно-расслабленное состояние, когда ни рукой, ни ногой нельзя пошевелить. Зато ночью Осьмухин, что называется, места себе не находил. Все та же страшная неумолимая сила, власть которой он уже испытал на себе однажды, упорно влекла его наружу. Федька противился ей как только мог. До боли закусив губу, в сотый раз твердил себе, что больше никогда-никогда не повторится с ним подобное...

На четвертую ночь не вытерпел все ж таки, снова наверх полез. «Ничего, — уговаривал себя Осьмухин. — Немножко прогуляюсь, а потом обратно. Не все же время в земле лежать».

Покинув свою берлогу, первым делом стал Федор глазами туда-сюда зыркать, Афонычеву могилу отыскивать, а может, и самого его даже надеялся встретить — в новом обличье. Вспомнил он, как та же бабка рассказывала ему, что некоторые люди, после того как кровь у них выпьют, тоже вроде вурдалаками становятся.

Однако все его надежды напрасными оказались. Ни Афоныча, ни могилки его он так и не нашел. Плюнул Федька с досады и пошел прочь от кладбища.

Только спустился с холма — голоса негромкие услыхал. Пригляделся Осьмухин: впереди у дороги двое. Парень и девушка. Стоят, лалакают о чем-то между собой.

Стараясь ступать как можно тише, Федька подобрался к ним поближе. Парень показался ему знакомым. Из местных, надо полагать. А вот девушку Осьмухин видел впервые. Кто она? Может, из поселка строителей, что километрах в пяти от Таежного? Или просто туристка (их сейчас много по тайге шастает)?

Молодые громко о чем-то спорили. Федька прислушался.

— Ну все, дальше меня не провожай, — говорила девушка. — Дальше я уж как-нибудь сама.

— Вот еще выдумала! — возражал парень. — Сказал, доведу — значит доведу!

— Ко-ля, не спорь! Как я сказала, так и будет!

— Да ты посмотри, темень какая кругом! Неужто не боишься? А если случится что?

— Ну что со мной может случиться? Сколько раз уже так возвращалась. А вот если тебя мой предок подловит, это, я думаю, пострашнее будет.

Видимо, последний довод убедил парня. Через минуту он заговорил, но уже не так уверенно:

— Ты все-таки смотри, Верка, поосторожней. На днях — слыхала, поди, — с одним нашим мужиком оказия вышла...

— Нет, не слыхала. А что случилось-то?

Федька, слушавший до этого не очень внимательно, вздрогнул настороженно, невольно подаввшись вперед.

— Так кто ж его знает!.. — Коля важно выдержал паузу. — Нашли утром на околице с горлом прокусенным.

— Ой, господи! Не иначе — тигр.

— Может, и тигр. Хотя вряд ли. Они обычно близко к жилю не подходят. Лично я думаю — собака. Небось раздразнил ее спяньу, а она, не будь дура, и цапни его.

— Что ж, вполне возможно... — Верка как будто задумалась о чем-то, но тут же, словно устыдившись своих мыслей, решительно тряхнула головой. — Только я, Колюня, собак дразнить не собираюсь. Так что можешь не волноваться. Поняла я. Пока!

Махнув парню рукой на прощание, девушка стала быстро подниматься вверх по тропинке. Ее спутник еще некоторое время потоптался на месте, почесывая в затылке и переминаясь с ноги на ногу, но потом все же повернул к поселку.

Федька только этого и ждал. Низко пригнувшись к земле, как собака, учゅявшая след, устремился он вдогонку за девушкой. Почему именно за ней (ему ведь теперь все равно было, что мужик, что баба), Осьмухин и сам толком не знал. Может, добыча ему более легкой показалась. А может, вспомнил, как когда-то давно, еще в прежней своей жизни, он вот так же ночью одну девчонку преследовал. Правда, в то время ему от нее совсем другое надо было...

Девчонка та, помнится, с ним в одной школе училась. Красивая была до обалдения. Высокая, стройная, глаза — как две луны. Федька втюрился в нее с первого взгляда, ходил по пятам как помешанный. А она на него даже внимания не обращала.

Наверно, от безнадежности своего положения и решился тогда Осьмухин на дерзкий поступок. Выбрал время, когда она после клубных танцулек одна домой возвращалась, налетел, как коршун, грубо облапил, притиснув к дереву в глухом месте. Он уж и платье на ней расстегивать начал — но тут ненароком в глаза ей взглянул, и столько в них было ненависти, столько презрения, что вся Федькина решимость вдруг разом куда-то подевалась, даже следа по себе не оставила. Смешался Осьмухин, ненароком ослабил хватку. Девчонка, конечно, времени попусту терять не стала: вырвалась из его рук и — деру. Но, убегая, все же оглянулась через плечо — бросить последнее, обидное: «Ну и подонок же ты!»

Больше Федька с нею никогда не виделся (говорили, что она после школы в город подалась), но случай этот почему-то надолго ему запомнился и теперь снова пришел на память, затронув какие-то болевые струны в душе.

Нет уж, в этот раз с ним подобного не случится, в этот раз прокола не будет. Федька знал это твердо. Бесшумно перебегал он от куста к кусту, врастал телом в деревья, ни на секунду не выпуская из виду ту, кого наметил новой своей жертвой. Так увлекся преследованием, что не разглядел пенька под ногами — споткнулся, охнув от неожиданности, покатился клубком по траве.

Услышав подозрительный шум за спиной, девушка остановилась как вкопанная.

— Ой, кто здесь?

Поняв, что больше нет смысла скрываться, встал Федька во весь рост, не таясь, шагнул из темноты на освещенную лунной тропинку.

Девчонка, увидев его, слегка подалась назад, черты лица ее — в общем-то довольно приятные — как-то странно сморщились. Непонятно было, то ли она пытается лучше разглядеть Федора, то ли, наоборот, жмурит глаза, чтобы его не видеть.

— Эй, кто ты? Чего надо? — В голосе Верки слышалась дрожь. Осьмухин заметил, что она с трудом сдерживается, подавляя крик.

Ни слова не говоря, Федька подходил все ближе. Нарочно медленно шел — знал: все равно теперь никуда она от него не денется.

— Что молчишь-то? Язык, что ль, проглотил? — Верка еще пыталась хорохориться, но, по всему видно, страх уже сжимал ее внутренности липкой холодной лапой. Вдруг, издав какой-то всхлипывающий горловой звук, она стремглав бросилась прочь.

Осьмухин догнал девушку в два прыжка, повалил на землю, рывком перевернув на спину, чтоб сподручней было до горла добираться. Верка извивалась в его руках как бешеная, но Федька действовал быстрей и уверенней: навалившись всем телом, раз и другой ударил наотмашь по лицу. Сразу ослабела, как-то вся обмякла, только в глазах — застывший ужас. И еще что-то, до боли знакомое. Ненависть? Или презрение?

Федьке некогда было над этим задумываться. Им сейчас совсем другие желания управляли. Ухватив страшной своей ручищей ворот ее платья, он с треском потянул его на себя. Глаза открылись нежные девичьи груди, матово-белые в лунном свете, с острыми темно-сиреневыми сосками. Федька на них едва взглянул, потянувшись губами к еле заметной прозрачной жилке на шее. Прокусил, приладился поудобней, снова с блаженством ощущив, как густое, горячее медленно заструилось по небу, смачивая изнемогающее от жажды горло...

Молодая женская кровь намного слаще Афонычевой Федьке показалась. Долго не отлипал он от ранки — все не мог напиться. Только когда уж посинела вся, оставил Осьмухин свою жертву, встал на нетвердых ногах, ладонью утираясь, и тут снова, как бы невзначай, отыскал взглядом ее широко распахнутые глаза. Девушка и мертвава, похоже, продолжала смотреть на него все с тем же ненавистно-презрительным выражением на лице. И показалось вдруг Федору, что бескровные ее губы слабо шевельнулись, и знакомый голос прошептал отчетливо то незабываемое, обидное: «Ну и подонок же ты!»

Вздрогнул Осьмухин от неожиданности, бросился напролом через тайгу — прочь, подальше от этого места. А в ушах — неотступно — все тот же голос те же самые слова повторяет, и никуда уже ему от них не деться.

Прислонился Федька к дереву и как-то по-особому, без слез, с подываниями, заплакал жалобно, одно только повторяя в безутешном своем горе:

— Ох, что же я наделал? Что же я такое наделал?

И понял — окончательно понял — Осьмухин в ту ночь, что то, что сидит у него внутри, гораздо сильнее его, что, как бы ни старался, ничего он с собой поделать не сможет, что нужно либо смириться, либо...

Но был ли хоть какой-нибудь выход из этого положения? Разве только с собой покончить? Так ведь невозможно. Он же вурдалак, мертвец. А может ли мертвец умереть дважды?

И тут вспомнил Федька, как все та же пресловутая соседка рассказывала ему в детстве, что есть, оказывается, один старый народный способ против вурдалаков, и заключается он в следующем: выстругать кол из осины (непременно из осины, а не из какого-либо другого дерева) и за полночь, подкараулив, когда мертвец вылезет из могилы, подкрасться незаметно сзади и, трижды перекрестившись, поглубже вогнать этот кол ему в спину — только тогда кровопивец умрет, и умрет уже навсегда.

Осьмухин даже взмок от страха (выходит, врали, что мертвые, дескать, не потеют), когда про это подумал. Все его существо разом воспротивилось самой возможности такой жуткой смерти. И действительно, разве он, Федька, виноват, что стал таким, разве есть его вина в том, что он людей убивает? Ведь

это все как бы помимо его воли происходит — так справедливо ли подвергать его за это такому изуверскому наказанию? Нет, уж лучше он будет жить так, как жил. Что тут можно поделать, если самой судьбой ему такая доля предназначена?

Так и порешил Федька. И пошло все своим чередом. Вновь потекли его дни — в каком-то сонном оцепенении — и ночи, наполненные лихорадочным возбуждением, проводимые обычно в поисках очередной жертвы, затем в ее преследовании и умерщвлении. Последнее стало для Федьки уже не просто привычкой, а жизненной необходимостью, основой основ нынешнего его бытия. При этом Осьмухин понимал, что допусти он хотя бы малейшую промашку, и его относительно спокойному существованию раз и навсегда придет конец. С одной стороны, ему это даже нравилось — придавало остроту ощущениям. Но с другой стороны... Нередко в своих страшных снах — а сны ему снились по-прежнему регулярно — он видел, как толпа разъяренных поселян, вооруженных увесистыми колами, лихорадочно раскалывает его могилу и, вытащив — беспомощного, дрожащего — на свет божий, безжалостно вершит над ним ужасный свой суд...

А в Таежном между тем и впрямь готовились к поимке опасного преступника, невесть откуда вдруг объявившегося в здешних краях. Серия убийств (в том, что это именно убийства, уже никто не сомневался), совершенных за последние несколько дней в окрестностях поселка и имевших, так сказать, одинаковый почерк, натолкнула людей на мысль, что их виновником является один и тот же человек, скорей всего маньяк с расстроенной психикой, ибо метод, к которому он прибегал постоянно в своих преступлениях, выглядел по меньшей мере странно. Таежникам, конечно, и в голову не могло прийти, что убийца не живой человек, обладающий пусть не совсем обычными, но все же характерными исключительно для живого человека поступками, что он — существо иного мира, действующее по своим особым законам. Поэтому Федьку собирались ловить как всякого преступника — с милицией, с собаками, с поисковой группой из числа добровольцев, и никто даже не подозревал, что злодей всем им хорошо знаком и находится у них под самым носом.

А Федор тем временем продолжал свои ночные нападения и всякий раз, совершив очередное убийство, нещадно ругал себя за проявленную слабость, но делал это уже как бы по привычке, словно оправдываясь перед кем-то.

Хотя бывали минуты, когда совсем другие мысли посещали Осьмухина. В такие минуты Федьке начинало казаться, что все, что с ним произошло, — это какой-то особый знак, что-то вроде необычной, но ответственной миссии, возложенной на него кем-то свыше, может, даже самим Богом. Слишком много он, Осьмухин, в этой жизни перенес, слишком много от людей натерпелся. И вот теперь, после смерти, пришел его час отомстить за все, и значит, убийства, которые он совершает, — это вроде как бы и не убийства, а воздаяние за все пережитые им мучения, и он сам — никакой не злодей, а всего лишь мститель.

Что там говорить, роль мстителя Федьке, конечно, больше нравилась. Но — вот беда-то какая! — во время своих ночных нападений не чувствовал он себя мстителем — не чувствовал, и все тут! Одно только непреодолимое желание овладевало им всякий раз, когда присматривал он себе очередную жертву, — желание испить человеческой крови, насытить свое вурдалачье нутро. И казалось тогда Осьмухину, что если это и месть, то не его собственная, что это кто-то другой, сильный, кто управляет им как куклой-марионеткой, мстит людям за некие одному ему ведомые прегрешения, а он — он просто орудие в его руках.

После этих мыслей еще мерзее становилось на душе у Федьки, и еще больше начинал он тогда себя ненавидеть.

Но вот наконец настал день, когда мучениям Осьмухина пришел конец.

А началось все с того, что, в очередной раз выбравшись из могилы, он не пошел, как обычно, в поселок, а отправился в совершенно другую сторону. Последнее время в Таежном совсем нечем стало поживиться: поселяне, напуганные убийствами, по ночам вообще перестали выходить из своих домов, и с наступлением сумерек улицы его словно вымирали.

Потому-то и изменил Федор своему обычному маршруту. На что надеялся он в этот раз, удаляясь все больше от людского

жилья? Повстречать какого-нибудь бродягу-бича, которых, в общем, немало промышляло в таежной глуши? Или где-то уречки набрести на лагерь туристов? А может, аж до самого поселка строителей задумал дойти? Федька и сам этого не знал, как всегда, положившись на свой звериный инстинкт — авось да и приведет куда надо.

И ведь не подкачал он Осьмухина и в эту ночь — прямехонько к сторожке лесника вывел. Хозяина ее, Еремеича, Федор прежде хорошо знал. Не раз, бывало, чай вместе гоняли, а иногда и покрепче что. Старик хоть и слыл нелюдимом и в Таежном редко появлялся, Федьку как-то сразу среди других выделил — не иначе родственную душу в нем почувствовал. Еремеич ведь в свое время жизнь тоже изрядно потрепала. Жену его в молодости медведь задрал; сынишка младший утонул, купаясь в реке; дочка, как выросла, в город уехала, вышла там замуж, да, сказывали, неудачно: муж бросил ее с двухлетним ребенком на руках. Еремеич вроде уговаривал дочку вернуться, но она не согласилась. Так и остался он жить вдали от всех один — без родни, без друзей.

Федька в душе жалел старика. Даже теперь, разглядев знакомую сторожку впереди за ветвями, почувствовал, как что-то противное, острое медленно повернулось в груди, царапая ее зазубренными краями. Нехорошо, ох, нехорошо стало Осьмухину, хотел уж он обратно повернуть, но тут вспомнил, видно, что уж несколько ночей кряду живой крови не пробовал, и ноги словно приросли к месту.

Притаился Федор у изгороди, ждет, нет-нет, да и взглянет на окошко горящее. В нем то и дело тень чья-то мелькает — может, Еремеича, а может, и другого кого. Как узнать? В дом проникнуть ему никак нельзя — не потому, что боится застать у лесника гостя незваного — случайного охотника или, там, беглого «химика» (уж с этими бы Осьмухин быстро сладил), а просто потому, что были, видимо, такие, не им придуманные правила, через которые, как бы безумно этого ни хотел, не мог он переступить. Отчего, Федька и сам толком не знал — глубоко в нем было это заложено. Потому и ждал Осьмухин, когда Еремеич собственной персоной во двор за чем-нибудь выйдет, — вот тогда он в его руках.

И дождался-таки. Осторожно скрипнула дверь, луч света, метнувшись из сеней, широко лег на крыльцо, тут же перекрывшись чьей-то тенью. Федор подобрался весь, как сжатая пружина, даже дышать перестал.

Но — что это? — вместо длинной, сухопарой фигуры лесника крохотное, щедущего вида существо в свободной ночной рубашке выскочило вдруг на крыльцо и, смешно топоча ножками, неуклюже запрыгало со ступеньки на ступеньку. От неожиданности Осьмухин не сразу признал в нем ребенка — девочку лет пяти, не больше. Воровато оглядываясь по сторонам, малышка припустила прямехонько к кустам у изгороди, за которыми Федька прятался, в каких-то двух шагах от него, задрав рубашку, на корточки присела.

Испытание было слишком велико. Если на малую долю секунды и шевельнулась в Осьмухине жалость (ребенок ведь все-таки, да и что с нее взять-то, с такой крохотули!), мысль эта тут же была вытеснена другой, более для него привычной: «А ведь детской крови, как ни крути, мне еще ни разу пробовать не доводилось. Небось сладкая!»

Отбросив, таким образом, последние колебания, Федька неслышно перемахнул через изгородь, подкравшись сзади, ловко подхватил девчонку на руки и, зажав ей рот страшной своей лапищей, со всех ног бросился в темноту.

Еще ни одно убийство не совершалось Осьмухином так быстро и беспрепятственно. Малышка даже ни разу не пикнула, только таращилась на него остекленевшими от ужаса глазами, не до конца, видно, понимая, что с ней собираются делать. Лишь когда он жадным своим ртом к шейке ее потянулся, застонала вдруг слабо и жалобно: «Мама, мамочка... больно». И — все. И — больше ни звука.

Федька этого не слышал. Или не захотел услышать. Только после того, как, полностью насытившись, отлип наконец от ранки и увидел лицо ее с посеревшими губками, с глазами, закатившимися под самые веки, не выдержал, затрясся мелкой дрожью, поскорей трупик на землю положил, чтоб не выронить, и — бегом с этого страшного места.

...Долго бежал Федор, напролом, не разбирая дороги, в кровь раздирая лицо и руки об острые ветки, то и дело вставав-

шие на пути, и крик — жуткий, нечеловеческий крик — изирихонской трубой рвался из груди его, замирая где-то в вершинах сосен. А может, это только казалось ему, и на самом деле крик этот звучал единственно в его больном воображении, в то время как из широко раскрытого Федыкиного рта неслись лишь слабые, придушенные хрипы...

Когда же, запыхавшись, Осьмухин повалился без сил в траву, усталость такой свинцовой тяжестью навалилась ему на голову, что на миг даже почудилось: еще немного — и она не выдержит, расколется, как грецкий орех.

«Господи! Боже ты мой! — стонал он, катаясь по земле. — Если ты есть на свете, избавь меня от этой муки! Лучше умереть, сгинуть навеки, чем в таком паскудстве жить!»

Нет, никогда еще не было Федыке так тяжело. Даже тогда, когда он первое свое убийство совершил.

С большим трудом, шатаясь как пьяный, доковылял Осьмухин под утро до своей могилы, но и там, в черной глухой тишине, еще долго не мог успокоиться. Даже закрыв глаза, ясно видел он перед собой лицо убитого им ребенка, и горло тут же перехватывал спазм, а в груди что-то болезненно поворачивалось, перекатываясь из стороны в сторону, словно работали мельничные жернова.

Так прошли остаток этой и еще одна ночь.

А следующая вновь застала Осьмухина на ногах. И вновь его путь лежал к домику лесника. На что надеялся он в этот раз? Какую цель преследовал? Федыка и сам не мог себе этого объяснить. Но одно он знал твердо: хоть и урчало у него в животе, и язык от сухости колом стоял в глотке, не жажда крови толкала его сегодня вперед, а что-то другое, необъяснимое, волнующее, что, оказывается, таилось в нем с самого начала (Осьмухин ни на минуту не сомневался в этом), но почему-то только теперь дало о себе знать. Может, было это просто осознание вины, именно в этот момент достигшее наивысшей своей точки? Или уже подспудно зрело в нем то страшное неизбежное решение, которое Федору суждено было претворить в жизнь этой ночью?

Вот наконец и сторожка. Осьмухин невольно замедлил шаги, свернул с протоптанной дорожки в сторону, пошел, пря-

чась за деревьями. Нарочно с другого бока дом обогнул. Пристроился за поленницей.

Еще когда подходил, голоса негромкие услыхал. Один вроде Еремеича, другой незнакомый, женский. И хоть ни разу не слышал Федька этого голоса, сразу догадался, что принадлежит он Еремеичевой дочке, приехавшей за чем-то к отцу, и что, значит, девчоночка та самая, которую порешил он позапрошлой ночью, приходилась старику внучкой. Вернее, понял он это, конечно, гораздо раньше, а теперь, жадно вслушиваясь в разговор, что вели эти двое между собой, лишь окончательно в этом уверился.

— Ох, что же ты наделал, папаша-а! — причитала женщина. — Как же ты не углядел за Иринко-ой!

— Не трави душу, Марья! — ворчливо отвечал ей лесник. — Сам знаю, виноват... Но кто ж мог помыслить, что этот ирод и сюды доберется!.. Я-то, по совести говоря, и нешибко в него верил. Думал, брешут мужики. А н нет — выходит, не брешут.

Федор отыскал щель в поленнице, припал глазом. Еремеич с дочкой на крыльце сидели. Ее он так и не разглядел толком — спиной была повернута. Зато лесник хорошо ему был виден. Весь какой-то сгорбленный, осунувшийся, руки лежат на коленях как плети. А ведь еще совсем недавно каким bravым молодцем он гляделся! Никто б не сказал, что старику давно за семьдесят перевалило. Неужто это горе так подкосило Еремеича?

— Ну что ты так убиваешься, Марья! — говорил лесник. — Всяко в жизни бывает. Что ж изводить себя попусту!

— Да как ты не понимаешь, папаша-а! — не унималась Марья. — Одна она у меня была-а! Кровиночка-а! Всю себя без остатка ей отдавала-а! А теперь — для чего жить?!

— Ты это брось, дочка! — Голос Еремеича зазвучал вдруг как-то лающе-резко. — Ты баба молодая, красивая. Найдешь себе другого мужика, родишь от него...

— Может, и рожу еще... Но Иринушки моей мне уже все равно никто не вернет! И зачем я, дура, тебя послушала?! Зачем к тебе ее отпустила?! Не уберег ты ее, папаша! Не уберег!

— Да, выходит, что так...

Несколько минут посидели молча.

— Где хоть нашли ее? — снова заговорила Марья.

— Да тут недалече, на полянке. Словно нарочно на самом видном месте оставил! Эх, попался бы он мне, этот ирод! Уж я бы не погнулся, так своими руками и придушил бы гада!

Последние слова лесник произнес уже стоя, грозя кулаком в сторону тайги. Вздрогнул Федька от этих слов, совсем ему худо сделалось. Но все ж таки отметил попутно — почему-то не без удовольствия, — что не совсем еще сдал старик, да и прежней горячности в нем как будто не поубавилось. «А ведь и вправду придушил бы, попадись я ему в руки, — подумал он с какой-то тоскливой надеждой. — Силы бы у него хватило. Но только невозможно ведь это! Никак невозможно!»

Тихо скрипнула дверь. Еремеич с дочкой в дом ушли. А Федор все еще сидел, сгорбившись, у поленницы, без движения, без мыслей, в каком-то тупом оцепенении. Наконец встал, тяжело, неохотно, и вдруг снова — с ужасом, с отвращением — почувствовал, как поднимается в нем, нарастаая с каждой минутой, знакомое желание испить чьей-нибудь кровь. Федька в изнеможении оперся спиной о поленницу. «О господи! Неужели все снова? — стучало в мозгу. — Неужели снова убивать? Не могу я так больше! Не могу-у-у!!!»

С внезапно возникшим желанием все вокруг ломать и крушить схватил Осьмухин первое, что подвернулось под руку. Им оказался топор, которым Еремеич рубил дрова да, видно, и позабыл тут же воткнутым в толстый чурбан. Федор взвесил его на ладони, как бы раздумывая, с чего лучше начать, и вдруг, озаренный неожиданной мыслью, так и застыл на месте с раскрытым ртом и глазами навыкате.

В следующую минуту он уже летел со всех ног по тайге, размахивая топором, как томагавком, то выкрикивая, то пропорхматывая на ходу одному ему понятную фразу: «Ох и как же это я раньше не додумался! Как же я раньше не понял!» Страха он не испытывал — лишь какой-то необычайный подъем и радость. Безграничную, всеобъемлющую. Радость скорого избавления. В том, что оно наконец наступит, Федор больше не сомневался. Теперь все зависело только от него.

То, что искал, Осьмухин обнаружил метрах в сорока от сторожки. Низкие тонкоствольные деревца с черной, как бы заплесневелой корой, с редкими веточками, словно бусина-

ми, унизанными бурыми сердцевидными листочками, выстроились рядком на поляне. Осины! Федька разглядел их еще издали.

Выбрав ту, что покрупнее, не мешкая, принялся за работу. Срубить дерево, удалить у него крону, обкорнать ветки оказалось делом всего нескольких минут. Значительно дольше пришлось повозиться Федору, затачивая до карандашной остроты наконечник своего будущего кола. Трудился Осьмухин с усердием, с какой-то непонятной злой радостью, пробовал даже напевать что-то вполголоса. Мотив, правда, выходил у него уж больно заунывный.

Но вот наконец все закончено. Федька несколько раз вонзил свое орудие в землю, проверяя его на прочность. Остался вполне доволен работой.

И уже снова несется Осьмухин по тайге, с колом наперевес (топор он забыл впопыхах на поляне), назад к сторожке лесника. Изо всех сил торопится — боится, как видно, что пройдет его решимость...

В доме Еремеича все окна погашены. Хозяева спят. Что ж, это даже к лучшему. Перебежал, пригибаясь на всякий случай, через двор, остановился у стены, переводя дыхание, прислушался. Тихо кругом. Ни звука. Только какая-то птица беспокойно возится на дереве, хлопает крыльями, шуршит сухою листвой.

Еще минуту помешкав, Федька тихо поскребся в ближайшее окно. Замер, прислушиваясь. Немного погодя снова поскребся. Еремеич обычно чутко спит — должен услышать. Только б Марью не разбудить...

Медленно текли минуты. Вдруг, резко скрипнув, распахнулась дверь. Вздрогнув от неожиданности, Федор быстро вжался в стену, затаился.

— Эй, кто тут? — узнал он встревоженный голос лесника. Самого его Осьмухину не было видно — заслонял угол дома, только ствол охотниччьего ружья хищно поблескивал в темноте. — Кто тут? Покажись!

Заскрипели ступени крыльца. Вот наконец и сам Еремеич, в одном исподнем, с ружьем в руках, показался из-за угла и, вступив в полосу лунного света, замер настороженно, при-

стало вглядываясь в ночь. Вроде все спокойно. Поблизости никого. Но не так-то легко обмануть человека, полжизни прошедшего в тайге.

— Выходи, тебе говорят! — Угрожающе щелкнул затвор. — Выходи, не то стрелять буду!

Стараясь производить как можно меньше шума, Федька медленно отделился от стены. Теперь он находился почти за самой спиной лесника. Положение более чем выгодное для нападения. Да только не нападать пришел он сюда.

— Еремеич! — тихо окликнул он старика. Голос у Федьки стал какой-то сдавленный, надтреснутый, совершенно не похожий на его прежний человеческий голос. — Слыши, Еремеич!

Лесник резко повернулся. Ружье так и заплясало в руках.

Минуту, если не больше, стояли они друг против друга, не произнося ни слова. Первым пришел в себя Еремеич.

— Эй, ты кто ж такой будешь? — В голосе его было больше удивления, чем страха.

— А ты разве не узнаешь меня?

— Да как будто нет... А что это у тебя такое с лицом? Хвораешь, что ли?

— Может быть, и так... Да ты приглядись получше, Еремеич!

Старик, не двигаясь с места, вытянул длинную свою шею, внимательно вглядываясь в стоящего перед ним человека.

— Бог ты мой! Лопни мои глаза! Осьмухин? Федя?.. Но ведь ты ж умер... Уж месяц, поди... — Последние слова он почти прошептал, с мольбой заглядывая ему в лицо, словно надеясь, что этот невесть откуда взявшийся странный незнакомец сейчас просто рассмеется в ответ на его глупое предположение и быстро рассеет все сомнения.

Однако случилось по-другому.

— Да, это я, — тихо, но внятно произнес Федор. Про себя он тут же отметил, что слова его прозвучали как-то слишком уж театрально, наигранно. На минуту Осьмухину даже показалось, что он персонаж какого-то полуза забытого фильма «ужасов» (один или два таких ему довелось посмотреть на видике во время своих нечастых наездов в райцентр), и он и впрямь чуть было не расхохотался в изумленное лицо Еремеича.

Но старику было совсем не до смеха. С широко открытым ртом и глазами навыкате он теперь медленно пятился от Федьки, выставив вперед дуло ружья.

— Ты, Еремеич, ружьишко-то убери, — снова заговорил Осьмухин. — Не поможет оно тебе. Я вурдалак, понимаешь? Все равно что мертвец.

По-прежнему продолжая пятиться, лесник несколько раз быстро кивнул. Федор понял, что старик не на шутку перепуган, что своими словами он только подливает масла в огонь. Нужно было действовать как-то по-другому и по возможности быстро, пока Еремеич не совсем еще свихнулся от страха.

Глаза старика были теперь прикованы к правой руке Осьмухина, сжимавшей осиновый кол. Федька перехватил его взгляд, усмехнулся про себя.

— Ты не думай, Еремеич... Это совсем не то... Это я для себя. Понимаешь?.. На, возьми! — Он вдруг бросил кол под ноги леснику.

Тут же почувствовал Осьмухин, будто он проваливается куда-то. Голова пошла кругом, в глазах потемнело. Что это с ним? Неужто страх? Огромным усилием воли Федька удержался на месте, заставил себя прямо посмотреть на Еремеича.

Тот стоял, все так же не двигаясь, и только переводил недоуменный взгляд с Осьмухина на лежащий перед ним кол и обратно. Да что он в самом деле! Изdevается над ним? Может быть, ему еще нужно объяснять, как действовать этой штукой?

— Слыши, Еремеич, — голос у Федьки слегка дрожал, — мне этот кол в спину надо вогнать. Понимаешь ты? В спину!

Еремеич ничем не показал, что понял Осьмухина. На лице его застыло то же самое выражение недоумения, смешанного с ужасом.

И тут Федьку прорвало:

— Да неужто ты не понял до сих пор? Я убийца, преступник! Все эти последние умертвия — на моей совести!.. И Иринку, внучку твою, — это тоже я! Слыши, Еремеич! — И, разглядев что-то новое в глазах старика, до которого только теперь, казалось, стал доходить смысл происходящего, добавил почти моляще: — Убей меня, Еремеич! Очень тебя прошу, убей! Отпусти душу на покаяние... Самому ведь мне тошно...

И вдруг — словно надломилось в нем что-то. «Боже мой! Что это я такое делаю? — мелькнуло в голове. — За что же я на смерть-то себя обрекаю? Ведь я не виноват! Не виноват!!!»

- Морок прошел. Федька вновь сделался прежним Федькой. Быстро шагнул он вперед, протянув свою страшную лапу к орудию, которое всего минуту назад самолично отдавал в руки противника.

Но Еремеич его опередил. За секунду до этого уловил он звериным своим чутьем перемену в настроении Осьмухина и, отбросив в сторону ненужное теперь ружье, вдруг изогнулся в стремительном прыжке, грудью накрыв лежащий перед ним кол. В тот же миг почувствовал лесник, как сильное, упругое тело навалилось на него сверху, изо всех сил вдавливая в землю. Это Федька, прыгнув Еремеичу на спину, пытался помешать ему в его попытке завладеть орудием. Стажик захрипел, заворочался отчаянно, тужась сбросить с себя тяжелую ношу. Наконец не без труда ему удалось высвободить правую руку. Слегка приподнявшись на локте, Еремеич ударил несколько раз наугад, с удовлетворением ощущая, как глубоко входит кулак в чужое, становящееся все более податливым тело. Этот неожиданный натиск застал Федьку врасплох. Он невольно ослабил хватку, и лесник тут же воспользовался этим, чтобы окончательно завладеть колом.

Осьмухин не успел еще прийти в себя, как новый мощный толчок в грудь отбросил его назад. Он упал навзничь, жадно хватая ртом воздух, попытался подняться, но Еремеич уже стоял над ним, заведя далеко за спину руку с колом, чтобы нанести последний решительный удар...

В следующую секунду Федору показалось, что череп у него раскололся надвое, в глазах заплясали красные и зеленые круги. Тогда-то — словно и впрямь что-то прояснилось в голове от удара — со всей отчетливостью понял Осьмухин, что, как бы ни старался, не одолеть ему на этот раз своего противника, ни за что не одолеть. И не потому вовсе, что лесник сильней его оказался, не потому, что осиновый кол у него в руках, а потому, что сегодня ночью Федька, сам, может быть, того не сознавая, переступил через какой-то страшный, никому не ведомый запрет, и теперь, в отместку за его ослушание, то непонятное,

темное, что до настоящего момента управляло всеми его поступками и одновременно хранило от бед, отступилось от Осьмухина, утратило над ним свою власть, передав его — прежнего, беззащитного — в руки его собственной судьбы, которая в лице Еремеича вот сейчас, сию минуту, свершит над ним свой жестокий, но справедливый суд. И когда Федор понял это, прежнее спокойное умиротворение вдруг снова ненадолго вернулось к нему, чтобы помочь встретить то роковое, неизбежное, что уже маячило перед ним жутью близкого избавления и что называлось одним коротким словом — смерть.

1992 г.

Людмила Коротич

ЖИЗНЬ НА ВКУС

ПРОЛОГ. СЧЕТ 0:0

Нас было трое за столиком: я, мой большой во всех отношениях друг, с которым у нас никогда не было того, в чем нас обычно все подозревают, и милый мальчик — лет двадцати на вид. Он тщательно скрывал свой возраст и при знакомстве сказал, что ему двадцать три и что он профессионально занимается фитнесом. На среднем пальце левой руки у него серебрилось кольцо с гравировкой в виде конопляных листьев.

Он перехватил мой взгляд и смущился, но, чтобы не показать виду, тут же спикировал:

— А ты что делаешь по жизни? — Он был очарователен.

Ответил мой друг:

— Она сочиняет истории, а я их воплощаю. В перформансах, например. Или в красках. Иногда в Интернете. Но бывает, что мы делаем все наоборот. Это интересно.

— Она рисует, а ты сочиняешь? Так вы вместе? — Мальчик то ли разочаровался, то ли насторожился. Но он точно был удивлен, а может быть, и заинтересован. Уже попался?

Я одновременно почувствовала толчок ногой под столиком и прикосновение к своей коленке. Мой друг напоминал, что юноша должен сам выбрать. Читай: «У тебя слишком низкое декольте, когда ты так сидишь». Если сегодня снова у нас ничего не получится, друг будет распекать меня за выбор платья. Мальчик давал понять, что он интересуется мной. Видимо, и правда вырез соблазнительный. Кстати, не факт, что мальчиш-

ка не трогал сейчас также и колено друга: этот ночной клуб располагал к подобным приключениям: «Девочки-мальчики, танцуем!»

Таких заведений достаточно в каждом городе, а в столицах-то и просто полно. Темно, накурено, шумно так, что музыку не слышишь, а ощущаешь позвоночником. Ритм — во всем: в звуке, в свете, в движениях, в словах. Не говорить — кричать можно только короткими фразами. Наклоняешься к собеседнику. Чувствуешь слова и запах кожей. Теплое дыхание в ухо. Волоски на коже встают дыбом. Вскружить голову, наделать глупостей, разогреть кровь — легко! На раз-два-три! Ловушка. И все можно...

За этим сюда и приходят. Владельцы подобных клубов делают большие деньги на желаниях клиентов попробовать иной вкус жизни. Добавить перца. Выпустить пар. Погонять мурашки. Побаловать свою обезьяну.

Свет, звук, запах, дым, ритм, драйв, вкус «текилы с бедра» от красивой рыжей девушки в одних джинсах. Да, конечно, на ней еще был лифчик, но груди в нем было больше, чем ткани. Это работает. Это всегда работало. Рыжая профессионально приветливо улыбается, словно давно нас ждала и рада видеть. Наливает нам мексиканской водки в маленькие стопки. Мы легко ей верим и берем еще по одной. Лимоны и соль за счет заведения. Еще совсем рано, где-то около одиннадцати — вся ночь впереди. Но не у нас, нам до полуночи надо решить все вопросы. Милый мальчик, ты готов к сильному эффекту?

— Мы вдвоем. Но не вместе. В этом месте каждый сам по себе, — кричит мой друг и уходит на танцпол. Там гремит его любимый drop-and-dance. Всего две текилы, а его уже чуть пошатывает. Мальчик заинтригован. Я отвожу свою коленку в сторону.

— Он — дизайнер, а я журналист, — говорю-кричу я. У меня хорошие духи, я это знаю. Он тоже теперь это знает. — Может быть, стану писателем.

Знакомые слова, а может, кактусовая водка его успокоили. На коже выступил легкий румянец. Но он еще не выбрал, с кем из нас останется. Я рассматриваю его в упор из-под прямой черной челки. Не всем нравится такой взгляд, но запоминают его обычно все.

— О чём ты пишешь? — спрашивает он. Наивный в свои «двадцать три». Разве можно не банально ответить на такой вопрос.

— Сейчас — о снеге.

— А что можно написать о снеге?

— Это смотря что в нем видеть. Можно представить его как химическое соединение, а можно как перья робких ангелов. Тебе что интересней?

Он отодвинулся от меня и только через секунду позвал официантку. К бретельке фирменного лифчика у неё была приколота бирка «Лена». Я отрицательно качнула головой. Мальчик выпил один. Посмотрел на меня серьезно, мужским взглядом. Решил для себя, что я жду ответа. И правда жду.

— Рок-н-ролл, — ответил он. — Рок-н-ролл и Тарантино. Вот что для меня интересней. Меня зовут... Саша.

Один-ноль. Есть контакт. Видимо, я тоже должна представиться. Может быть, но позже.

— Я буду звать тебя Sash, — сказала я, — как твою рубашку. — Поднялась и пошла танцевать. Обернулась у лестницы. Мальчик смотрел мне вслед. Снизу вверх. Значит, я не слишком его загрузила. Я придумала, как начну свою игру. «Тебе нравятся рыжие девушки? Например, такие как Лена? Официантка, что подала нам текилу. У неё завтра будет важный день...» Примерно так. Но пока я должна прервать дозволенные мне речи.

Следующий ход за моим большим другом...

СЧЕТ 1:0. ЖИЗНЬ НА ВКУС

В большой, хорошо знакомый город лучше всего приезжать ночью. В этом случае все становится необычным и новым. Знакомые и будничные предметы, незаметные днем, вдруг предстают в совершенно ином качестве, приобретают редкую значимость, пусть даже мнимую, а может быть, истинное лицо, не замечаемое в ярком дневном свете. Словно открываются у человека другие глаза.

Днем все внимание захватывают, оттягивают на себя люди. Или даже не люди, а тот шлейф забот, что тянется за каждым.

Люди и их дела кишат вокруг. Их так много, что вскоре они уже надоедают своим присутствием. Появляется усталость, интерес сменяется апатией. Все раздражают всех.

Ночью виден сам город, его лицо и тело из улиц и зданий. Интересная штука происходит ночью: человек становится редким событием на улице. В темноте люди чувствуют себя неуверенно, робко и жмутся друг к другу. Пусть даже вокруг светло как днем и ночь прошита светом фонарей, но нет солнца, значит — темно. Ночью каждый прохожий — событие. Загадка, происшествие! Каждый становится интересным и опасным под темным небом ночного города. Каждый сияет, как драгоценный камень в куске руды.

Двадцать четвертого декабря ночь была желтой. Снег пошел, как только остановился поезд с востока. С далекого востока прибыл на Ярославский вокзал.

На перроне уже переминались с ноги на ногу встречающие, истомленные ожиданием, придавленные ночным небом, убаюканные электрической темнотой, жмущиеся друг к другу. Кто-то курил, деланно безразлично глядя по сторонам, кто-то находился в состоянии временного ступора, кто-то беспокойно вглядывался в дальний конец перрона, откуда появился поезд. Ночное прибытие поезда людей не пугало, но и не радовало. В городе не бывает настоящей ночи. Все — и люди, и поезд, и снег — были здесь по делу. Все ждали. Все жались друг к другу, но не признавались в этом. Все кого-то ждали, но когда из вагона номер девять вышел мужчина в серой куртке и без багажа, никто из ожидающих на перроне не поспешил ему на встречу. Тогда к его ногам упали первые белые хлопья.

Человек улыбнулся им, надвинул поглубже вязаную шапку, засунул руки в карманы и пошел к метро, не отвечая на зазывные оклики таксующих шоферов. Снег устипал ему дорогу. Человек озяб.

Было еще не очень поздно, где-то около полуночи. В метро человек согрелся. Хмурые серые пятна — дежурные милиционеры — ни разу не остановили его, чтобы проверить документы. Хотя вполне могли бы, если бы захотели. Его внешность к тому располагала. Темные волосы, выбивавшиеся из-под шапки, смуглая кожа, короткая борода, синие глаза. Не славянский тип. Правда, выражение лица... Его трудно

описать. Больше всего к нему подошло бы забытое слово «корткое». Может, поэтому его и не останавливали. Человек знал, куда едет, и потому ехал, как хотел. Когда он вышел на одной из станций «зеленой» ветки метрополитена, снег старательно выбелил дорогу перед ним. Человек мягко ступил на небесное кружево.

До полуночи оставалось еще около получаса. Звезд не было видно — им не сравниться с электрическим светом неона. Снежные тучи то закрывали луну, то убегали в сторону центра Москвы. Ветер с запада пригонял все новые и новые, тяжелые, полные снега. Бледная луна казалась не к месту поставленным тусклым старым фонарем, нарушающим симметрию уличного освещения. Резко похолодало.

Половина двенадцатого — детское время для большого города, даже «Макдоналдс» еще работает. Светящиеся теплом витрины в такую погоду выглядят особенно привлекательно. Продрогший человек бесшумно вошел в маленькую кафе-кондитерскую с большим стеклянным окном в раме из рождественских лампочек. Первыми его заметили хрустальные колокольчики на двери.

На их голос обернулся сонный охранник — по виду ровесник вошедшего, только одетый в строгий костюм. Затем и девушка в форменном розовом платье подняла глаза на позднего посетителя. Розовое не слишком шло к рыжим волосам, но подчеркивало зелень глаз.

— Закрыто, — буркнул охранник, преградив вошедшему дорогу своими серыми плечами. Он весь был серый: костюм, волосы, глаза. Цвет кожи тоже имел землистый оттенок — слишком много сигарет. Даже имя у него было соответствующее — Сергей.

— Мы до двенадцати работаем, — возразила розовая девушка у стойки.

— Уже без пятнадцати, — настаивал охранник.

— Только половина, — сопротивлялась официантка. В кафе пахло шоколадом и свежевымытыми полами. — Проходите, пожалуйста.

Сергей угрюмо посторонился. Человек прошел к буфетной стойке по блестящим плитам линолеума. Снял шапку. Расстегнул куртку. Присел на высокий барный стул. Положил озяб-

шие руки на столешницу. Ни звука. Все движения — словно в воде. Ни шороха шагов, ни свиста молнии на куртке. Мужские кисти были наполовину скрыты вытянутыми рукавами джемпера домашней вязки, но виднелись красивые сильные пальцы. Официантка отметила это машинально, она не собиралась разглядывать вошедшего. Но так вышло, что больше в кафе смотреть в тот момент было не на что. Только потом девушка перевела взгляд выше, на лицо человека. Он смотрел на нее спокойно и по-доброму. «Не русский», — подумала девушка.

«Бомж, — подумал Сергей. Но сам себе не поверил. Бомжи по-другому пахнут. — Молодой бомж, — поправил он себя, но по-прежнему остался недоволен сравнением. — Понаехали тут». Вслух он буркнул:

— Сейчас натопчет, сама будешь мыть, — и вышел покурить.

— Ну не ты же, — огрызнулась в ответ девушка и положила перед посетителем меню, улыбаясь: — Извините его, пожалуйста, он хороший, просто у него кризис среднего возраста. Что вы будете брать? — и сквозь улыбку зыркнула в сторону двери. Серега удивительно умел портить настроение.

— Присядьте со мной, — услышала официантка и повернула голову на звук. — Присядьте со мной, Лена, — донеслось из-под примятых черных волос. Посетитель говорил с ней.

— Этого нет в нашем меню, — засмеялась от такой фамильярности смущенная девушка, на белой коже румянец пропал мгновенно, а потом сообразила, что ее имя черными буквами отпечатано на беджике. Чтобы скрыть смущение, зашебетала: — Хотите, я вам сделаю кофе по-ирландски, вмиг согреетесь. Или мокко — он у меня выходит замечательно.

Человек так и не открыл меню:

— Вы весь день на ногах, устали, а еще бежать на вторую смену. Ноги, наверное, гудят. Присядьте хоть на минутку.

Это была правда. Все до последнего слова. От удивления Лена даже не спросила, откуда человек знает про вторую смену в соседнем ночном клубе. Продавать «текилу с бедра» с двенадцати до трех ночи. Чтоб потом купить на свои бедра еще одни джинсы типа тех, которые ей выдавали в клубе бесплатно, как

uniformu. Glupost' etoy myсли pochemu-to ranьше ne oщущалась tak ясно, tak выпукло. A посидеть спокойно минутку и в голову не приходило. Но хотелось. «A фиг ли!» подумала она. И сделала это. Вот так просто обошла буфетную стойку, вышла на территорию незнакомца, на ходу снимая белый передник, кинула его на витрину с пирожными и села на соседний стул. И почувствовала облегчение, скрестив ноги в серых кроссовках. Облегчение не только в ногах. Она даже засмеялась, как в детстве. И ничего плохого не случилось.

— Хорошо делать то, что хочется, когда это нужно? — спросил сидящий напротив.

— И не говорите, — засмеялась Лена. — Только редко можно себе это позволить. — Она поднесла палец к губам, задумалась на мгновение. — Вы знаете, вы — первый человек в кафе, кто предложил мне сесть в конце смены. И это так... так в тему! — И снова засмеялась, но вспомнила о своих служебных обязанностях. — Так я вас таки слушаю. — Ее мама была из Одессы.

— Кофе-гляссе, как вы любите. Две порции.

Лене не хотелось вставать, но...

— Я сам сделаю, если позволите.

«Меня уволят», — только и успела она подумать. Но две чашки ароматного напитка с пеной и айсбергами из мороженного уже были здесь. Она не заметила, чтобы он вставал. Ей было просто хорошо, хорошо сидеть рядом с этим странным приятным человеком. Лене было... как она могла определить свои чувства? Наверное, радостно. Большой бумажный стаканчик был у нее в руках. У мужчины на усах белело мороженое.

— Нужно заботиться друг о друге. Хотя бы во имя высшей справедливости. — Он поднял стаканчик, предлагая тост.

— И делать то, что хочется! — ответила она, ей правда этого хотелось. Они чокнулись, а она с грустью почему-то подумала: «Надо проверить выручку в кассе».

КАК ОКАЗАЛОСЬ — СЧЕТ 1:1

Спуститься по лестнице из стальных прутьев на зеркально-гладкий танцпол удалось без ущерба для своих ног. Жутко неудобные приспособления. Все сразу: и лестница, и прутья,

и каблуки, и ноги. Сейчас самое неприятное — пробираться сквозь толпу, где все норовят тебя задеть и толкнуть потому, что ты им мешаешь. Танцевать, флиртовать, ревновать, существовать — вообще ты чужак, лишний, свободный радикал. Не из их стаи. Вот если ты не одна, если у тебя своя компания — пусть даже там всего только еще один заморыш, но у вас одинаковое выражение лица, — никто уже не тронет. Вы отдельно, у вас — свой мир, а чужие миры мало кого интересуют.

Ладно, лирику в сторону — на сегодня у меня четкая и ясная задача. Ставка — высокая, деньгами не измеришь. И я хочу выиграть! Я зацепила парнишку, нужно, чтоб он не скользил с крючка. Поддержать интерес да заодно понаблюдать, как поведет себя сей милый юноша. Тумба у пульта диджейя вполне для этого подойдет. Высоковата, правда, чтоб просто так взобраться для клубного танца. Зато оттуда отличный обзор — Sash виден как на ладони и просто так не исчезнет. А еще он будет видеть меня и постепенно заводиться. Очень удачно мы клуб выбрали в этот раз — один выход и тот у моих ног. Любитель рок-н-ролла и Тарантино, ты четко дал понять, в каком направлении двигаются твои мысли. Хочешь шоу — будет тебе шоу... ты сейчас калиф на час. Даже стихи получились. Правда, у тебя мозгов, наверное, не хватит оценить каламбур. Повышенная практичность — болезнь поколения Интернета.

Дорогу преградил мой друг.

— Я знаю, что ты задумала, — кричит он. Удивил, я тоже знаю. — Это же не в твоих правилах. Ты скатишься до моего уровня, недотрога.

— Мы не имеем права пользоваться своими способностями, поэтому тебе нельзя читать мои мысли, — парирую я. — Это добавляет десять дней каторги. Чтоб тебе не скучать в одиночестве после проигрыша, я попрошу охрану оставить тебе пленку с моим выступлением. И к тому же не тебе говорить мне о правилах.

Камеры скрытого наблюдения вмонтированы в потолок. Одна как раз напротив кабинки диджейя.

Друг чуть не подавился смехом:

— Это ты называешь катогрой? — Он развел руками, словно обнял всю окружающую какофонию.

— Мы уже сто раз об этом говорили, — я пытаюсь пройти, — к тому же ты и так знаешь мои мысли.

Разговор стал раздражать, но мой приятель крепко держит меня за рукав. До жирафа пока дойдет...

— Язва, — бурчит сквозь улыбку. — А ты на меня донеси. Расскажи, ты же — мастер рассказов.

— Бог не фраер, Он все и так видит. И пропусти меня, а то я позову охрану. — Я высвободила наконец руку. Манжет на плащевые почти не растянулся. — Следи лучше за мальчиком, а то и этот сбежит через туалет, как предыдущий. Я, кстати, уже знаю, как его зовут и что ему нравится. Преимущество на моей стороне. А время идет... Слышишь? Тик-так, тик-так...

Из динамиков зазвучала новая тема. Где-то когда-то какой-то музыкант, чтобы скрыть свою бездарность, взял тиканье часов и сделал его ритмом своего опуса. Но сейчас это было «в тему», и мой друг внял разумным аргументам! Он подмигнул мне и двинулся к нашему столику. Умею я все же уговаривать. Диджей поставил откровенное техно. Смесь нот и скрежетов — воплощение современной городской культуры.

Я уже у тумбы. Она на самом деле оказалась еще выше, чем я думала. Можно взойти на нее только с площадки самого «короля вертушки». Без посторонней помощи не обойтись. Я раздумываю, обаять ли охрану и администрацию, чтобы законно пустили, или идти на нарушение. Вдруг холодом пронизывает затылок, и в голове звучит: «Подсадить?»

Не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто стоит у меня за спиной. Я могу описать его по памяти. Он высокий и бледный. Такой высокий, что двухметровая тумба ему не ровня. Такой бледный, что его кожа отдает голубым в лучах дискотечного света. Ему приписывают свойство появляться неожиданно, но он-то как никто другой всегда приходит по графику. Просто те, к кому он приходит, не в курсе его расписания.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я. Но на самом деле знаю ответ: «То же, что и всегда. Работаю».

— То же, что и всегда. Работаю. А ты?

— Кто бы мне объяснил, что я здесь делаю. — Я много раз видела его, но до сих пор не могу оставаться спокойной, когда

он стоит рядом. Холодная жесткая шершавая тумба, в которую я уперлась спиной, оцарапала кожу. Неприятное доказательство того, что все происходит в реальном мире.

— Все еще хочешь наверх? — вечно он не вовремя со своими вопросами.

— Ты же знаешь ответ. Ничего нет хорошего здесь, внизу. Я очень хочу домой.

Он задумчив сегодня. Белые глаза словно ввалились глубже в гладкое лицо, похожее на череп. Он отвел их в сторону. Его взгляд задержался на железной лестнице. По ней взбиралась наверх уже нетрезвая компания: две почти одинаковые девицы и их кавалеры. Мода делает современных людей почти одинаковыми, различать личности порой можно только по цвету одежды. В шестнадцать лет все стаями одеваются в юниекс-стиле. В двадцать все делают стрижку с рваными прядями и носят ее до тридцати. В сорок — решают быть элегантными, обрезают волосы и предпочитают трикотаж. В пятьдесят — опускают руки. Скучно. Эти четверо — ожившие картинки из журналов, — отдрожав свое на танцполе, смеясь, поднимаются выпить. Модно, но скучно. Я видела это не раз и не два.

В следующую секунду одна из двух — веселенькая девица — споткнулась, ударила головой о поручень и рассекла бровь. Думаю, для нее самой это было неожиданно. Ее крик потонул в технотиканье из динамиков. Что будет дальше? Пара швов, шрам на всю жизнь, старческое слабоумие в будущем. И никогда она не узнает, что ей изменил жизнь и лицо чей-то зас্তывший взгляд. Бледный спутник просто так не приходит — стоило ожидать чего-то подобного. Члены ее стайки — друзья — проводят ее мимо нас. Ее лицо напоминает треснувший гранат.

Тяжелые черные капли крови мгновенно затираются вышколенным персоналом. Спорю на два пера из крыльев ангела — у дальнего бара никто и не заметил происшествия. Кто-то пьет, кто-то танцует, кто-то теряет, кто-то находит. Моя царина саднит. Она — реальнее, чем только что увиденное.

— Мгновение назад девица порхала и веселилась, может, был повод, а может быть, и просто так. Мечтала, строила планы на вечер, ночь, на завтра, на ближайшее время. «Ближай-

шее время» — у большинства людей другого и нет. И знаешь, они сами это выбирают. Знают о существовании перемен, им знакомы слова «вечность», «судьба», «предназначение», но это пустой звук. Смыслом они не наполнены. Странные существа — люди. Даже с ближайшим временем не могут совладать. Не видят того, что есть вокруг, рядом, здесь, но логят куда-то отсюда. Мне постоянно приходится выносить отработанный материал, в последнее время работы все больше... — Он заглянул гладкими как речная галька, одноцветными как яичная скорлупа, ровными ледяными глазами в воронки моих зрачков. — Тебе их не бывает жалко?

Я никогда раньше не видела Смерть за решением философских вопросов жизни. По правилам это не его дело. Нет, почему мне должно быть жалко людей? Они на своем месте, в своем мире. А вот меня здесь ему не жалко? Внутри холодно от взгляда белых глаз.

— Ты — за ней? — Я киваю на светлый проем двери, куда только что увела девицу.

— Я в уборную. Там у больного гепатитом парнишки передоз. Единственный сын у матери. В школе написал отличное сочинение на тему «Образ Катерины в трагедии Островского «Гроза». Основная мысль: человек сам палац своего счастья. Завтра планировал приступить к манифесту новых хиппи. Пойдешь со мной?

Нет уж, каждому — своя работа. Милая, конечно, история о времени, о крахе больших надежд. Я бы задумалась, если бы было время. Может быть, человечество и вправду что-то потеряло, но это не мое дело. Да и не бывает так, чтоб что-то ценное потерялось случайно и навсегда. Все наверху просчитано и расписано. Тысячи запасных вариантов. А за моим столиком двое уже пьют на брудершафт. Sash с интересом смотрит на моего друга. Вот это касается меня напрямую. Не до чужих историй сейчас. Пора взглянуть юноше за столиком в глаза и сделать ход.

— Извини, думаю, тебя там уже ждет кому положено. Может, даже его муза еще не ушла. Эти штучки такие прилипчивые. Иди, а то будет неэстетично: пена, экскременты на кафе-ле. Бр-р!

СЧЕТ 1:1. «НИЧЕГО ОСОБЕННОГО»

Шторы вспухли от утреннего света, как вздуваются мозоли от новых туфель.

Леночка проснулась. Ей было светло спать, ныли мышцы, и не оставляло ощущение, что она в комнате не одна. Рыжие волосы спутались и прикрыли ей лицо, оттого свет не слишком сильно резал глаза, но сон все равно не шел — попробуйте спать, если на вас кто-то пристально смотрит. Лена кожей спины чувствовала чей-то чужой взгляд.

«Это глупо», — в отчаянии подумала девушка. Быть глупой для нее всегда казалось отвратительным. Даже хуже, чем трусливой. Правда, просто открыть глаза и встать она так и не решилась. Было страшно. Рассуждения не помогали.

Тогда Лена решила пойти на хитрость. Замерла. Прислушалась. Дыхание — только свое. Посторонних звуков, шагов — никаких. Она чуть приоткрыла глаза и сквозь ресницы и свои рыжие кудри взглянула на суровый утренний мир комнаты. Никого. Но страх не проходил. Нужно было еще оглянуться назад, да так, чтобы этот неизвестный источник страха, чужой, не заподозрил, что она проснулась. Лена выждала несколько секунд, закрыла глаза для правдоподобия и перевернулась на другой бок. Снова застыла. Никакой реакции извне. Полежала еще несколько секунд для маскировки. Тишина. Снова чуть приподняла ресницы. И увидела!..

Но тут же захлопнула веки от досады. Зеркало на тумбочке! А в нем ее собственная рыжесть. И фотография, где они с Сашкой в Сочи. Очень удачный снимок: и море, и солнце, и зелень, и белые колонны санатория — все, даже ее больничная пижама выглядели жизнерадостно. Юноша и девушка в разгар курортного романа. Глянули тогда прямо в объектив фотоаппарата — вот и получился взгляд в упор. Ни монстров, ни чужаков!

Фыркнув сама на себя, она решила еще поспать, почти успокоившись. Но вместо сладкой глубокой пучины сна ее сознание болталось поплавком на зыбкой поверхности между сном и явью. Это мучило не меньше, чем бессонница. Это изматывало, хотя должно было расслаблять. Из бултыханий в липкой жиже полусна Леночку вырвал звук.

Требовательно звонил мобильник.

Она вынырнула из сна, жадно схватила ртом воздух, но тут же пожалела, что проснулась, — это всего лишь сработал таймер-будильник на телефоне. Она села на кровати, дотянулась до тумбочки и, отключив сигнал, бездумно уставилась в никуда. Никуда начиналось сразу за ее кожей. Горло сдавил знакомый с детства кашель, но она уже давно не придавала ему серьезного значения, просто откашливалась, и все.

«Тело как чужое, словно меня грузовик вчера переехал. Не болят только волосы», — медленно просыпались ощущения в ее рыжей голове. «Вот так незаметно подкрадывается страсть», — следующей проснулась самоирония. А третьим опять обнаружилось чувство беспокойства, словно кто-то за ней наблюдает. «Бред какой-то, — сама уже подумала девушка. — Здравствуй, паранойя!» И на всякий случай резко обернулась назад. Конечно, там никого не было.

Рассердившись на себя, она резко дернула ящик прикроватной тумбочки. Разбуженные пузырьки в нем звякнули и зavorчали. Но Ленка была сурова — с шумом разгребла их и безжалостно ухватила нужный. В пенициллиновой склянке на смешливо лежала одна маленькая желтая таблетка. «Да, утро началось удачно!» — отметила девушка и, проглотив последнюю таблетку валерьянки, отправилась в душ в чем была — в одних зеленыхшелковых трусиках. По дороге она зарулила на кухню с намерением поставить чайник. Глянула в окно и улыбнулась: за окном белыми пушинками летел снег.

Крупные хлопья падали на подоконник и налипали на раму. Их резные концы, как лапки насекомых, распластались на стекле. Снежинки прижимались к окну, словно заглядывали внутрь. «Вот кто на меня уставился!» — расплылась в улыбке Лена и сама прижалась лбом к холодному стеклу. Взглянула вниз на своих тайных зрителей, одарив их улыбкой примадонны, глянула вверх, насколько это было возможно. Вместо неба — густая шевелящаяся паутина из белых снежных паучков. «Неба нет, — подумала Лена. — Неба. Net», — и поставила чайник на огонь.

Снежные наблюдатели все больше и больше наваливались на окно с желанием лицезреть открывшееся шоу, а де-

вушка, отметив этот успех про себя, откровенно повернулась к ним спиной и ушла в ванную деланно вихляющей походкой: «Я вас оставлю, господа!» — и с удовольствием заперлась в ванной.

Тревога исчезла, просто объяснившаяся присутствием белых заботливых трудяг-снежинок. Все трудяги, да и бездельники тоже, любят сладенько. Даже если они снежинки. Надо же им как-то развлечься после трудового дня. Остатки страха девушка смыла под душем. Она даже замурлыкала какой-то мотивчик, растирая плечи, шею, живот. С грудью она обошлась особенно бережно. Из благодарности соски из упругих маленьких овалов цвета молочного шоколада стали мягкими и нежными кругами цвета какао.

«Ты родилась, чтоб работать в кондитерской», — сказал ей как-то Сашка, — тебя выдают соски». Она тогда рассмеялась и парировала: «А в тебе умер дегустатор!» — «Как это умер?!» — справедливо возмутился он тогда. Повелся, как маленький...

Но, в сущности, он был прав, ей нравилось быть среди кофе и десертов. Там она чувствовала себя на своем месте. Безупречные взбитые сливки, красноватая корица и темный шоколад, полупрозрачные яркие цукаты, молоко, ароматная пенка капучино и воздушные меренги в горячем какао. В детстве их всем классом после кино приводили в кафе, и пока мальчишки кривлялись и басили, строя из себя взрослых и круtyх, пока девчонки, жеманясь, поедали пирожные и разглядывали взрослых женщин и их наряды, Леночка замирала у стеклянной витрины с пирожными и креманками, заполненными чудесами в сахарной пудре. Она глядела вниз на волшебные сладости, она смотрела вверх насколько могла и через двойное стекло холодного шкафа видела, как какая-нибудь немолодая уже женщина-продавщица в белом накрахмаленном колпаке, похожем на сахарный кулич, запускала кофе-машину или кофемолку. Или наполняла металлические круглые вазочки на трех закругленных ножках ребристой тягучей массой мороженого, похожей на толстую веревку. И женщина-волшебница заплетала эту веревку в высокую башню одним движением руки, а сверху украшала тертым печеньем, воздушной шоколадной стружкой или поливала темно-синим брусничным сиропом. Сироп стекал с

белых холодных склонов, превращая лакомство в настоящую снежную гору. Так Леночка представляла себе Гималаи, про которые учили в школе. А потом подходил какой-нибудь толстый ребенок и забирал эту красоту. Леночка с грустью провожала его взглядом своих голубых глаз. Ей не хотелось съесть это холодное чудо — она знала его вкус, — но ей жалко было видеть, как вся сладкая красота грубо разваливается широкой алюминиевой столинской ложкой, даже не замеченная. Но превращение тёмных камушков-зерен в горьковатый, густо пахнущий ароматный порошок в кофемолке снова возвращало ее к радостям жизни. Верещание мотора слушалось ею как музыка. А все думали, что ей хочется сладкого, и прозвали ее «Семенова — обжора», правда, к ее скелетику это имя надолго не пристало...

От влажного воздуха в ванной легкие ее расправились, и удущливый кашель отступил. Этот кашель сопровождал ее, сколько она себя помнила. Из-за него она мало знала своих родителей, зато легко ориентировалась во всех легочных санаториях «от Москвы до самых до окраин». И когда родителей не стало, она этого практически не ощущала, хотя ей исполнилось тогда всего пятнадцать. В одном таком санатории она и познакомилась с Сашкой.

Но сейчас Ленку не слишком трогали воспоминания. Ее гораздо больше взволновала резкая боль чуть ниже ягодицы. Там проявился кошмарный черно-синий синяк огромного размера. Он был болючий-болючий и ужасающе яркий на ее молочной коже.

И тут девушка сделала то, чего никто бы не сделал на ее месте: подпрыгнула от радости в мокрой ванне, сморшив лицо и разбрызгивая вокруг тяжелые капли. «Ура! Накрылась моя вечерняя работа и сто баксов с ней! Ура! Ура-ура-ура!!!» Она пурпурой вылетела из ванны, завернувшись в полотенце и с чувством глубокого облегчения прошлепала в комнату. Схватила свою «моторолку», подарок Сашки, и села на край постели. Вызов сработал одним нажатием кнопки. На другом конце включилась голосовая почта. «Так даже легче!» — радостно отметила Лена.

— Саша. Привет! Как дела? Еще спиши? Извини. Я сегодня не приду. У меня уважительная причина — большой и страш-

ный синяк на ляжке. Ничем не скроешь и не замажешь. Так что извини еще раз, — и бросила трубку.

Повинуясь порыву радости, схожему с чувством легкости от сброшенной ноши, Ленка повалилась на кровать, раскинув руки. И плевать, что волосы промочили подушку! Потом вскочила и распахнула шторы. Утренний свет вспорол ихмякоть, словно врач, вскрывающий загноившуюся рану. Кремовое небо влилось в комнату, а за ним открылись миллионы меренговых снежинок. Лене стало легче от света и неба. Еще недавно девушка почти ненавидела этих сладострастных белых зрителей, а сейчас радовалась каждому новому паучку — они падали на землю, и им не было до нее никакого дела. Им нужно было работать — выбеливать землю, пряча скользкую наледь на дорогах. Делать то, для чего они созданы. Да здравствуют все синяки на свете и гололед!

Через полчаса Леночка Смирнова в черном пуховичке с седой опушкой под шиншиллу и удобных сапожках бежала по заснеженной улице на свою любимую работу. Вот куда она никак не хотела опаздывать или пропускать свою смену.

От вчерашнего гололеда осталось только воспоминание в виде бурой хлюпающей слякоти у троллейбусных остановок. Дворники поработали. Лене до метро было всего две остановки, и она решила побежаться. Она чувствовала себя счастливой и свободной, вдыхая воздух вперемешку со снегом. Впереди у нее был новый день, полный любимой работы, и свободный вечер.

Разбросанная химическая соль прожигала темные пятна в кружеве снега на асфальте. «Как кляксы на промокашке или синяки на белой коже», — подумалось девушке. Черные пятна на белом асфальте бросались в глаза. Как по ступенькам, ее мысли от прогалин на тротуарах через синяк на собственной ноге перепрыгнули во вчерашний вечер. Вчера она получила свой синяк и приняла одно решение: попробовать делать то, что хочется самой. Только она очень устала и не додумала эту мысль, не решила, чего конкретно ей хочется.

Леночка побежала через пушистые уютные дворы, заснувшие в обильном декабрьском снегу, вышла у входа в метро. Снова ее неприятно поразил цвет снега на дороге. Еще

белый и чистый во дворе дома, он словно истончался ближе к дороге. Его пропитывала серая вода, расползаясь по белому снеговому телу, как раковая опухоль. Снег становился грязным. А потом и просто грязью. У спуска в метро снега уже не было совсем. Из слякотной, разложившейся снежной плоти торчал обглоданный тысячами ног голый асфальт. Клочки истерзанного снега, бесформенного, ноздреватого, грязного, лежали на ступеньках, ведущих вниз, и хватались за обувь прохожих, умоляя о внимании, помохи или хотя бы смерти. Люди брезгливо морщились и приподнимали края одежды, стараясь ступить на пустое место. Пожилая толстая женщина в форменной робе поверх грязно-синей куртки большой деревянной шваброй сталкивала бывший снег к щелям ливневой канализации.

Девушка вдруг до боли отчетливо ощутила себя снежинкой и оглянулась назад. Силуэты домов были нежно укутаны мягким белым снегом. У Леночки засосало под ложечкой, а горло сдавил сухой кашель, когда она опустила глаза к зияющему темнотой подземному входу. Вдохнув поглубже белый воздух, Леночка шагнула вниз, в метро. Ничего особенного, только синяк на левой ноге слегка побаливал при каждом шаге. Метро более всего располагает к воспоминаниям...

...Вчера ночью слякоть, бывшая некогда снегом, подмерзла у метро. Спуск вниз превратился в экстремальный аттракцион для запоздавших прохожих. Дул пронизывающий холодный ветер, принося с собой тяжелые тучи, беременные снегом. На улице как-то резко похолодало. Редкие прохожие кутались в свои одежду, пряча носы в шарфы по самые глаза. Среди них была и Лена Семенова. Она торопилась домой после очередной своей вечерней работы. Холодный ветер грубо толкался, как тот охранник, что выпроваживает поскорее с чужой вече-ринки. Лена чувствовала себя уставшей, сонной и раздосадованной, но заснуть ей мешал каток под ногами. Она скользила по оледеневшему тротуару на своих модных широких каблучках-копытцах, то и дело изгибаясь то вправо, то влево, чтоб сохранить равновесие. Чтобы не размахивать руками как мельница и не выглядеть глупо, Леночка поглубже засунула их в карманы куртки. Путь от клуба до метро занимал минут

надцать, но погодка сделала его долгим и трудным. Видимо, не одной Семеновой приходили в голову мрачные мысли о мерзости бытия, так как все прохожие вокруг выглядели угрюмыми и спешили убраться с улицы. У самого метро дорога превратилась просто в каток. Лена вся подобралась и удвоила усилия, чтоб не поскользнуться. Больше ничего вокруг ее не интересовало — так же, как и всех.

Вдруг исчезла мужская широкая спина, маячившая перед Леночкой несколько секунд назад. Мужчина, бодро и самоуверенно обогнавший девушку, мгновение назад рухнул навзничь. Дорогая кожаная кепка его отлетела прямо к ногам девушки. Лена на секунду остолбенела у его изголовья. Потом протянула упавшему руку и поинтересовалась:

— С вами все в порядке?

Мужчина дико глянул на нее и попытался подняться, но руки и ноги его разъезжались на льду.

Прохожие огибали этих двоих, скользя по неудачникам равнодушным взглядом.

Лена помогла подняться мужчине, подала ему, отряхнув, его кепку и спросила еще раз:

— Вы в порядке? Может, вам помочь спуститься?

— Я в порядке, — растерянно ответил мужчина. Что-то в нем Лене показалось странным. У него глаза были настолько светлыми, что казалось, в них не было зрачков. Он сжимал в руках какую-то палку. «Плохо видит, наверное, — отметила про себя Лена, — потому и глаза странные». Она задержалась еще на мгновение, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, но, видя, что незнакомцу точно не нужна ее помощь, спустилась по лестнице в подземный переход. Через минуту она уже не думала ни о чем. Просто хотела спать.

Странный мужчина догнал ее у стеклянных дверей.

— Девушка, постойте! — прокричал он и схватил ее за рукав. Теперь она взглянула на него ошеломлено. Лена едва вспомнила, кто перед ней.

Тот, видимо, понял, что ведет себя необычно, и смущенно убрал руку, забормотав:

— Простите, что напугал... Я только хотел поблагодарить... — И полез в карман.

Девушка непонимающе смотрела на него, а потом подумала: «Денег, что ли, хочет дать?!»

— Да не за что. Ничего особенного... «Спасибо» вполне достаточно...

— Нет, вы не понимаете. Вы — такая... Настоящая! Это так редко встречается сейчас! — Он продолжал шарить в карманах.

«Сцена затянулась, — подумала девушка. — Сейчас еще клеиться начнет... Как некстати». Она оглянулась на проходящих мимо людей, и ей показалось, что все уже на них косятся. Лена попыталась отделаться от «благодарного спасенного»:

— Всего доброго. — И дежурно улыбнувшись во все свои молодые тридцать два зуба, она попыталась нырнуть за стеклянные двери. Напрасно. Он снова схватил ее за рукав. — Извините, но я спешу! — уже твердо высвободила руку Лена. По ее глазам читалось, что она настроена решительно.

— Вы не думайте, — мужчина, казалось, даже обиделся, — я просто хотел вас отблагодарить. Вот. — Он протянул девушке черный картонный прямоугольничек. — Это визитка. Может быть, мы еще встретимся и я вам как-нибудь...

— Извините, но мне правда нужно спешить, — вырвалась-таки Леночка и рванула в метро. Она не услышала последних слов белоглазого мужчины с черной тростью. Подумала только про себя: «Еще чего не хватало...»

Удивительно, но турникет больно ударил ее по ноге, хотя она как всегда правильно вставила карточку. Грохот разбудил дремавшую в своей будке женщину-контролера. Она захлопала круглыми глазами спросонья и стала похожа на волнистого попугайчика. Лена улыбнулась виновато, словно что-то сломала. Ей показалось, что странный мужик провожает ее взглядом и довольно улыбается. Но она твердо решила не оборачиваться и, превозмогая боль, как можно быстрее спустилась к платформе. В электричке она не думала ни о чем особенном. Ей хотелось спать...

...Теперь Лена с благодарностью вспоминала тот сломанный турникет — он обеспечил ей свободный вечер. Почему она сейчас подумала про вчерашний вечер? По двум причинам: во-первых, синяк побаливал, во-вторых, Лена наткнулась в кар-

мане пуховика на кусочек картона, когда искала мелочь, чтоб купить в аптечном ларьке в переходе валерьянки. Это оказалась черная визитная карточка, которую ей вчера пытался всучить вчерашний знакомец. Девушка повертела в руках гладкий прямоугольник глубокого черного цвета. Выпуклые белые рельефные буквы, дорогое тиснение. Английский. «Cleaning. То, что вам действительно нужно». Ни адреса, ни телефона. Лена снова почувствовала на себе взгляд вчерашнего белоглазого незнакомца. «Странно», — подумала она. И карточка была странная, и человек, и то, что Леночка нашла ее в кармане, хотя точно не брала.

Но все теряло свое значение перед перспективой всласть поработать в любимой кондитерской! Ни о чем другом Леночка и думать не могла сейчас. Она автоматически сунула черную картонку в карман и забыла о ней. Даже не заметила, как вышла на поверхность. Улыбнулась: «Сапоги дорогу знают!» — и с удовольствием подставила лицо навстречу пушистым перышкам снега.

Лена представила себя снежинкой — чистой, белой, воздушной, летящей. Полет — вот что она чувствовала, когда бежала в свою кондитерскую. Кофейного цвета окна-витрины сейчас еще были тусклыми: только новогодняя гирлянда по контуру лежала звездной дорожкой. Облепленные снегом стекла казались щедро обсыпанными сахарной пудрой. Черная ручка на двери — лакричный леденец... Ее кондитерская — ее прничный домик. Как и положено, со всеми сладкими чудесами из детских сказок. Все, о чем мечтала «Семенова-обжора» в детстве. Там даже своя Баба-Яга была — заведующая. Она « чахла над златом» после каждой смены и зыркала на приходящих детей так, словно готова была съесть их прямо сейчас, не дожидаясь, пока они растолстеют на ее сладостях.

Разница только в том, что теперь в этой сказке Семенова смотрела на сахарные чудеса с другой стороны витрины. Она работала в кондитерской. В той самой, в которую их водили еще в школе. Ничего особенного? А чем не воплощенная мечта?!

— Привет, малышка! Ты испортила мне утро. — Снежинка рухнула в серую слякоть. У перехода стоял Сашка. Бордовым

пятном своей куртки он прорезал снежный воздух. «Ты мне тоже», — хотела ответить Леночка. Но опустила глаза.

— Привет, Саша, — захлюпала бывшая снежинка. Голос ее стал серым, как химическая слякоть на тротуаре.

— Я не подвез вчера. Ты так быстро убежала, а мне нужно было закончить дела. Я хотел выспаться, но твой звонок меня перепугал. Я же не справлюсь без своей рыжей «зажигалки», ты самая успешная официантка в этом месяце в моем клубе. — Снежинки таяли от этого хорошо поставленного баритона. Снежинка Лена тоже едва держалась. — И самая моя любимиая. — Ее физически тянуло к нему. — «Три «я» в первой же реплике», — вдруг заметила она про себя. А вслух сказала:

— Я упала вчера, было скользко. Заработала синяк. Буду выглядеть некрасиво. Не хочу тебя подводить. — Она попыталась спасти словами, не поднимая глаз. «Оправдываюсь, как школьница в японском мультике».

Снег пошел гуще. Сашку стало хуже видно.

— Мне кажется, что ты просто меня морочишь...

Лене в этот момент захотелось, чтоб снежинки превратились в камни. Чтоб завалили его или ее. Чтоб выросла стена между ними. Чтоб...

— Я выписал тебе премию, и твоя сотня в моем кармане. Хочу вручить тебе ее лично сегодня вечером, у меня. Извинения не принимаются. — Он сделал еще один шаг к ней. Она подняла глаза. За его спиной падающий снег превратился в плотную белую стену, отрезая путь к теплеющей кондитерской. А сам Сашка стоял на мокром асфальте, попирая разгазданную жижу бывшего снега. Его шузам было все равно, на чем стоять. Снежинки, что падали у его ног, серели и исчезали в луже. «Грязь засасывает», — подумала Леночка, глядя на их трагический финал. Но ей на секунду показалось, что за спиной у парня снег плотнее, чем везде.

— Что? — не понял Сашка. — Что ты сказала?

Она и не заметила, что говорила. Но вдруг решила не молчать:

— Я сказала, что моя сотня в твоем кармане. Но не моя жизнь. Оставь деньги себе. А меня не трогай больше. Я устала. Я не хочу.

Произносить «Я» было сладко, как хрустеть меренгой. За Сашкиной спиной в воздухе снег еще уплотнился, обрисовав мужской силуэт.

— Не понял, — пробасил парень.

Его растерянность окрылила девушку. Она почувствовала, что сейчас или никогда. Нельзя брать пауз, нужно завершить начатое.

— Я не желаю больше у тебя работать. Я надеялась, что для тебя я нечто большее, чем просто самая успешная официантка месяца.

— Давай не будем выяснять отношения на улице, а? — Он поскучнел: опять женская истерика. — Мы с тобой давние друзья, даже немного деловые партнеры. У нас почти семейное предприятие. — Сашка много раз говорил ей что-то подобное, это действовало обычно как валерьянка. «Пусть девочке будет приятно». — Просто сейчас трудные времена, а когда мы окончательно встанем на ноги, раскрутим наш клубешник, то станем говорить о совсем других суммах... — Но он ошибся, сегодня все пошло иначе, уловка не удалась.

— Да пошел ты со своими деньгами! — вдруг ясно сказала Лена. В ее глазах отразился снег. — Ты обращаешься со мной как с продажной девкой, даже деньги за меня берешь. Хотя не имеешь на это права. Мне это не нравится. Мне это противно. Я хочу быть просто официанткой в кофейне. Подавать детям кофе и мороженое. Сделать чью-то жизнь немного слаще. Так тебе понятнее? И ничего другого я не хочу. И мне плевать, что ты сейчас скажешь. Я очень тебя любила, но ты меня измучил. Найди себе другую. Мне противно, понял? Я увольняюсь!

— Ты что разоралась? Успокойся, детка. Тебе ж нужны эти деньги, — попытался перехватить инициативу парень. Он не ожидал такого взрыва. Но злость, захватившая Лену, придала ей сил.

— Засунь свою сотню себе... И еще — вот! — Она достала из кармана «моторолку» и со всего размаха швырнула ее Сашке под ноги. Пластиковый корпус снежком разлетелся об асфальт. Черной бабочкой сверху на осколки опустилась картонная визитная карточка. На ней ничего не было написано.

— Сдурела совсем, истеричка! — заорал парень.

Но Ленка ничего этого не видела. Она быстрым шагом переходила улицу, задержав дыхание. Боялась, что прорвется удущливый кашель или что услышит позади себя красивый Сашкин баритон. Нет. Ничего этого не произошло. Грязная «зебра» под ее ногами превращалась в глазированное пирожное.

— Дура! Вот дура! — ругался парень, пиная осколки телефона. — Официантка хренова! Сдохнешь одна без меня в своей... кондитерской, за своей... стойкой! — Он резко повернулся, чтобы крикнуть вслед убегающей девушке вечное «Да пошла ты!», но звуки застряли вдруг в его горле. Он уткнулся носом во что-то белое.

Прямо перед оторопевшим Сашкой стоял бледный высокий мужчина в белом длинном пальто. Такой высокий, что Сашка при своих 188 сантиметрах роста доставал ему только до присыпанного снегом плеча. Такой бледный, что почти сливался со снегом. В руках мужчины была черная трость с костяным набалдашником. Он холодно смотрел на парня своими белыми глазами без зрачков.

— Она-то пойдет, — словно прочитав его мысли, вдруг заговорил мужчина. — А кто возьмет тебя за руку и отведет к свету? — Он глянул на оробевшего парня в упор. — Ну, ты и критин, парень! Удержать своего ангела сотней баксов!

— Да ты вообще кто такой? — пошел в атаку Сашка.

— Вопрос не в этом. Вопрос в том, кто ты такой и что будешь делать без нее. Она же твой ангел-хранитель, а я — Смерть. Потому и не здороваюсь. Согласись, странно желать здоровья тому, кому оно уже не понадобится.

Лицо белого мужчины оставалось серьезным, и голос был ровным. Но Сашке послышалась издевка. Он хотел было развернуться и свалить от этого психа, но не смог пошевелить и пальцем. Лишь заметил, что снежинки висят в воздухе — ни вверх, ни вниз. Вот когда он поверил в слова незнакомца.

— Из-за угла вывернет синяя «Шкода» и врежется в тебя. И ты не пойдешь на небеса. Ты же только что лишился своего проводника, эгоистичный недалекий придурок. — Голос Смерти был почти бесстрастным.

Сашка увидел медленно выплывающую из снежного скопа синюю «Шкоду-Филисию». Ее фары горели, как и положено в

снегопад. Снежинки медленно завихрялись у ее бампера. За рулем сидела крашеная девица и прижимала в уху мобильник. Ее ярко накрашенный рот был раскрыт в безмолвном крике.

Сашка заорал что есть силы. Крик прорезал застывший снег, и машина врезалась в то место, где только что стоял мужчина в белом. Его силуэт рассыпался на тысячи мелких снежинок на синем капоте и осыпался под колеса. Машина с визгом затормозила в сантиметре от орущего парня. Все прохожие на него оглянулись. Он замолчал, оглянувшись по сторонам. Девица на машине дала задний ход и, развернувшись, рванула поскорей по шоссе.

Говорят, что у людей за секунду до смерти проносится перед глазами вся прошедшая жизнь. Александр Матвеев успел разглядеть только свои последние пять лет, начиная с того момента, как познакомился с худющей рыжей девчушкой Ленкой Семеновой, когда после окончания мединститута отрабатывал положенные три года в легочном санатории по распределению. Думал, будет просто интрижка, а затянулось знакомство надолго. Ленка из рыжей Лолитки превратилась во взрослую. Он посодействовал в этом, но она, кажется, не была против... Она же подала ему идею открыть свой ночной клуб. Правда, он решил, что додумался до этого сам, но дело пошло, только когда Сашка взял Семенову на работу по старой памяти и по дружбе на «плаывающий график». Словно удача пришла вместе с этой рыжей. Было в Ленке что-то такое, на что западали клиенты. Может, ее невинный взгляд. Но в ее смены выручка была самой высокой. Бизнесмен не мог этого не заметить, но чтоб она его любила да еще и ангелом была — это ему и в голову не приходило!..

Хотя когда она заболевала, он ощущал пустоту. И в кассе, и в сердце. По привычке считал ее глупышкой, влюбленной в сладкое, и, как порядочный человек, собирался сделать ее своей помощницей, когда решит отойти от дел. Она была безотказной и честной. Но не жениться же на ней из-за этого на самом-то деле? А может быть, выкупить ей дрянную кондитерскую, за которую она почему-то держалась, когда появятся деньги на благотворительность? Он эту кондитерскую еще со школы помнил. Стеклянный куб на углу с пыльными окнами, где толстые тетки кормили своих отпрысков сладким из жирных колченогих железных вазочек. Однажды Сашке, который

тоже был толстым в детстве, в вазочку попала муха. С тех пор он терпеть не мог подобные заведения. Зачем Ленке сдалась эта кондитерская? Но если Ленка — его ангел? Почему бы и не сделать ей приятное — когда-нибудь? С ангелами надо дружить, они — существа нужные. Он будет теперь беречь ее как зеницу ока. Следы от протекторов, заканчивающиеся в полу-метре от Сашкиных ног, — очень убедительный аргумент...

«Значит, не все еще потеряно! — вдруг пронеслось в Сашкиной голове. — А что она у меня любит больше всего? Ага!» — И он стремглав помчался к цветочной палатке, где сияли бело-снежные хризантемы, похожие на падающий снег. Ларек находился через дорогу. Окна кафе, которое рыжая девушка предпочла грохоту ночного клуба, светились уютным светом. Почему Сашка раньше этого не замечал? Ему даже показалось, что он видит там яркие Ленкины кудри. Он пошел на свет через пелену снега. Уже представлял, как зайдет и протянет девушке букет белых цветов и скажет...

Из-за поворота, без дальнего света, что запрещено правилами дорожного движения в туман и снегопад, выехала синяя «Шкода-Фамилия»...

Поземкой по дороге летел Смерть. Никем не замеченный. Не узнанный. Летел и кивал проходящим мимо ангелам с людьми и людям с ангелами, чье время еще не пришло. У него было отличное настроение. Еще бы! Создать легенду. Исправить жизнь. Отдать долг добréй девушке. Давно он так не веселился. Хотя ничего особенного вроде и не произошло...

СЧЕТ 2:1. ТАЙМ-АУТ

— За всех рыжих девчонок мира! С ними жизнь ярче! — Мы чокнулись все трое. Sash и мой друг пролили текилу на стол. Их это жутко рассмешило. Пришлось дозаказывать.

Из бледных облаков дискотечного тумана вышла рыжая Лена с подносом в руках и со знанием дела вошла в сизые клубы табачного дыма в дальнем углу клуба. Sash посмотрел на нее как на привидение. Он в полнее мог бы спросить меня, откуда я знаю о Лене. А я бы ответила: «Это действительно важно — знать, откуда я знаю? Что изменится, если я отвечу? Может

быть, я ее старшая сестра? Или сегодня особый день, когда то, что ты вообразишь, появится и заживет своей отдельной жизнью?» Я не солгала бы своим ответом.

Бледное привидение, мой высокий знакомец, прошло за спиной *Sasha* и, подмигнув моему большому другу, удалилось сквозь стену.

Друг помахал ему рукой и объяснил юноше:

— Мой старый знакомый. — Потом покосился на меня: — Наш старый знакомый.

В этом ночном клубе подобные признания звучат двусмысльно. *Sash* резко обернулся, не знаю, успел ли он заметить тонкий длинный силуэт, растворившийся в неоновом сумраке.

Я невольно залюбовалась исчезновением. В тяжелом земном мире быть легким, вездесущим, всепроникающим значит быть свободным. Хотя Смерть и не может похвастать абсолютной свободой (приходится же ему следовать расписанию), но он точно знает, что он делает и для чего он там или здесь. У него не возникает основного человеческого вопроса: «Зачем я?» А в моем случае возникает еще маленький довесочек из слова-наречия «здесь». «Зачем я здесь?» — это уже мой вопрос. Я мучаюсь им последние 362 дня. И только три дня в году у меня есть четкий ответ: чтобы свалить отсюда! Канун Рождества — один из этих трех замечательных дней.

Последние две тысячи лет этот день имеет четкое название, которое лучше отражает его суть. Рождение нового. Переход. Из одного в другое. От одного к другому. Пересекаются, нет, перетекают... Нет, снова неточное слово. Грубый язык звуков не может передать музыку сфер. Три дня в году они, небесные и земные сферы, соединяются в один чарующий аккорд, и тогда сдвигаются оси галактик и изменяются судьбы народов. И слово становится плотью, а плоть обретает вечность. И происходят чудеса! Как я нуждаюсь в сегодняшнем чуде! В настоящем рождественском чуде!

Современные люди точнее древних язычников. Те только видели: происходит что-то необыкновенное. Они чувствовали силу. Потому и называли это время даже как-то наивно и неумело: зимнее солнцестояние, поворот года и прочее. Этим же дано знать, что происходит, а они не обращают внимания на Все То, Что Может Произойти Сегодня, Если...

Если судить по невинной реакции на юношеском лице, наш милый мальчик оказался не так порочен, как хотел показаться. Он предложил:

— Может, пригласим и его, раз у нас такая пьянка.

Я возражаю:

— Он не в настроении. Зануда занудой. Пока вы тут пили на поцелуй, я успела перекинуться с ним парой слов. Его тянет на философию сегодня. К тому же он занят, у него дела.

Почему-то мои разумные объяснения вызвали улыбку у обоих моих собеседников. Иногда я испытываю огромное желание нарушить правила и узнать, о чем все же думают мои собеседники. Но нет, это искушение, не иное как человеческое. Соблюдай обязанности, сохраняя спокойствие и достоинство, и ты добьешься...

— А сразу видно, что ты не писатель, а журналист, — язык Sasha еще не заплетается, но и трезвым его уже не назовешь, — у тебя ответы точные и... — он ищет нужное слово на пластиковой столешнице; там его нет, — отстраненные, чтоли. Ты смогла бы описать вкус черешни?

Это вызов. Но я не обязана его принимать. Или мальчик со мной заигрывает.

— Конечно, милый, я же профессионал, — улыбаюсь в ответ. — Только мне не нравится черешня. В ней косточки. Когда ты ешь черешню, ты помнишь о жесткой крупной косточке, разрывающей сочную мякоть? О зубодробилке, спрятанной за алым шелком? Она же все портит. Вот если бы в черешнях не было косточек...

Не понимаю, почему эти двое снова улыбаются?!

— Знаешь, как прикольно плеваться косточками? — говорит Sash.

Вот балда!

ВТОРОЙ ТАЙМ

Лязг железного засова заменил звон воображаемых бокалов. Краснощекий охранник в форменном сером костюме с наслаждением запер дверь изнутри. Ветер на улице поработал над его обычно серым лицом. «Да что такое высшая справед-

ливость вообще?!» — подумал Сергей, услышав последнюю фразу.

— Без пятнадцати, — торжествующе произнес он, — мы закрываемся. — И посмотрел победителем.

— Серега, ты — зануда! Как с тобой жена живет? — засмеялась Лена. Она давно уже так много не смеялась. Ей было легко и тепло — от кофе ли, от отдыха ли, или от того, что напротив сидел человек с синими как небо глазами. — Хочешь кофе? — Она чувствовала легкость.

— Я угощаю, — отозвался посетитель.

— Хочу водки, — буркнул Сергей. — Но если на халяву, то коньяку. Мы закрываемся все равно. — Он пытался быть крутым, а не грубым.

— Сережа, у нас кафе-кондитерская. Водки нет! — пожурила Лена. «Даже не огрызнулась!» — они оба это заметили. — А коньяку последняя порция. И он самопальный. — «Я его еще вчера чаем разводила, ты же сам видел», — пронеслось у девушки в голове.

Но Сергей был зол на жизнь, нехорошо зол, и потому ему было плевать на все отговорки.

— Налей ему коньяку, — попросил мужчина. Лена ласточкой слетала на легких, словно новых ногах.

— Дрянь какая-то, — поморщился охранник, принимая склянку с бултыхающейся жидкостью янтарного цвета. — Да я по цвету уже вижу, что дрянь. Что я — хороший коньяк не пил, что ли?

— На халяву и уксус сладкий, — заметил незнакомец. Сергей воспринял это как вызов.

— Ага, и жид удавился, — в тон ему продолжил охранник. Чуть заметная тень пробежала по лицу посетителя. — Ну, будем здоровы, славяне! — рявкнул Сергей и, не сводя глаз с угощавшего, опрокинул в рот питье. Человек тоже не отводил своих синих глаз. — Ну, гадость какая. Клопов ею травить. Там больше нет?

Лене стало очень стыдно за Серегино поведение. Уголки рта ее опустились, и личико погрустнело.

— Нету, кончился! — в привычном тоне огрызнулась она, тем более что и правда от души бухнула в склянку остатки до

последней капли. Потом обернулась к мужчине и чужим голосом сказала: — Мы закрываемся. С вас 128-50. — Она не знала, куда деть глаза, но уже слышала шаги дежурного администратора. Потомственный завскладом и бывшая красавица, еще помнившая как управлять людьми одним движением бровей, та грозно поднималась из подсобки в подвале в зал по коридору, приближая конец истории.

Человек полез в карман куртки и достал что-то оттуда, за jaki в кулаке. Ловко подбросил, поймал, положил на стойку, звонко хлопнув и прикрыв ладонью.

— Ты похожа на Элли в своих серебряных башмачках. Стоишь у дороги из желтого кирпича, и все чудеса с тобой, они начнутся завтра, с первым шагом.

— Ага, а я ее Железный Дровосек, — схамил Серега.

— Типа того, — беззлобно ответил поздний гость, — у Дровосека же было сердце. Только он не мог себе позволить в это поверить. Боялся распробовать, расчувствоваться, заржаветь... Кесарю — кесарево. — И посмотрел серому охраннику прямо в глаза. Тот глядел исподлобья.

Человек убрал руку со стойки и пошел к выходу. В дверях он обернулся и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Иногда бывает достаточно повода. Например, снега.

Снег за окном валил стеной.

2:2. «НЕБО ЦВЕТА СВЕЖЕГО КАКАО»

Она не думала, что здесь будет настолько тяжело.

Небо было серо-розовым, цвета свежего какао, сильно разбавленного топленым молоком. Казалось, вдохни поглубже — и согревающий аромат детского напитка защекочет ноздри. Но запахов не было. Было только небо и город под небом. Их соединял снег.

Не было солнца, а значит — и времени не было. Небо затянули плотные снежные тучи. Они срослись над городом сплошной пеленой, так что перестали быть тучами, а стали покровом. Под этим покровом время остановилось. Не стало больше предрассветных или вечерних сумерек, дня или

ночи. Остались только свет и темнота. Стрелки часов в городе под небом продолжали свой привычный бег, отсчитывая абстрактные секунды, минуты, часы. Но ощущение времени исчезло.

Не стало и пространства, и движения. Весь огромный бушующий, вечно спешащий и движущийся мир тоже остался вне этого покрова из туч. В городе не было даже ветра. Только небо и город под небом. Их соединял падающий снег.

Молодая девушка стояла у стойки бара в кафе-кондитерской, повернувшись к окну боком, обхватив себя руками — то ли согревая, то ли сдерживая себя. Но поворот головы и взгляд ее были устремлены к окну, к снегу, к небу.

Ее черные прямые волосы были недавно подстрижены, и боковые пряди острыми крыльями ласточки лежали на белых щеках.

— Ваше какао, — сказала рыженькая девушка-официантка, поставив перед задумавшейся клиенткой бумажный стаканчик с ароматным напитком, — будьте осторожны, оно очень горячее. Спасибо за заказ, ждем вас снова, — привычно отчеканила она свою дежурную фразу и не пробила чек.

Грустная темноволосая девушка взяла стакан хрупкими ладошками и отошла к столу у окна. В полупустом кафе по гулкому бетонному полу она прошла, не оставив за собой ни шлейфа духов, ни звука шагов. Официантка моментально забыла о ней.

Девушка с какао села на высокий стул, снова полубоком повернулась к окну, поставила наконец стаканчик на стол, но не отняла рук.

Можно было подумать, что она озябла и пыталась согреться о горячий напиток. Она даже чуть нагнулась над своим какао. Теплый ароматный пар коснулся ее лица. На мгновение ее ресницы дрогнули, а брови чуть сдвинулись, словно она пыталась понять, почувствовать что-то совершенно новое для нее. Но что может быть нового в старом добром горячем шоколаде?

Ее лицо снова стало грустным. Тот же взгляд: вниз — в сторону — вверх, к небу. Ее легкие волосы качнулись в ритме падающих снежинок. Две слезинки упали в какао, чуть запоздав,

как синкопа. Но музыки не было. Не было запаха, вкуса. Она ничего этого не чувствовала. Только видела и слышала. И страдала от того, что она видела и слышала.

Глядя на небо как на что-то родное и знакомое, она искала там утешения. Как много бы она отдала за то, чтобы только остановиться, и смотреть на небо, и никогда не уходить. Не двигаться дальше.

Но ей нечего было отдать за право любоваться небом и снегом.

У нее было поручение, которое она не могла не выполнить. Это был ее долг. Долг был сильнее ее. Долг был ею, всей ее жизнью.

Ее не посещала мысль, что можно не выполнять задание. Без исполнения долга само ее существование не имело смысла и оправдания. Девушка это понимала. Но она не думала, что здесь будет так тяжело!

Озабоченность этой тяжестью придавило девушку к серой земле. Все, что ей оставалось, — это жижица в бумажном стаканчике вместо неба.

С усилием она оторвала взгляд от неба и перевела на какао.

— Боже мой, Боже мой, здесь ты меня оставил! Но да не моя воля будет, а Твоя, — прошептала девушка над остывающим питьем. — У меня нет моей воли. — Ей совсем не хотелось пить.

— Какао цветом напоминает небо в такую погоду, не правда ли? — послышалось рядом.

Девушка повернулась на голос. Чуть справа от нее стоял пожилой человек, почти старик, в сером шерстяном пальто. Черный каракулевый воротник и плечи пальто были изрядно присыпаны снегом. В руках он держал такой же стаканчик с какао, какой стоял перед девушкой.

— Вы позволите? — старомодно поклонившись, спросил старик и указал на рядом стоящий стул.

Девушка не оценила галантности, вся мизансцена ее лишь удивила. На ее лице вновь появилось выражение озадаченности, словно она пыталась что-то понять или припомнить, рассматривая пожилого мужчину, как недавно рассматривала какао.

Еще мгновение или несколько упавших снежинок за окном, и она вновь загрустила бы, отведя взгляд вниз — в сторону — вверх, но старик сказал:

— Спасибо.

От этого слова девушка вздрогнула.

— Что вы сказали? — переспросила она.

— Я сказал, что какао похоже на небо, — повторил человек, улыбаясь приветливо.

— Неужели? Совсем не похоже, по-моему, — ответила девушка. Звук собственного голоса поразил ее.

— Это потому, что вы не пробовали какао с топленым молоком, — ответил мужчина и поставил свой стакан рядом с ее стаканом. Какао в нем было цвета неба в снегопад.

Пожилой человек отвернулся, снял пальто, повесил его на вешалку у ближайшей стены и остался в черных шерстяных брюках и благородно-сером вязаном джемпере.

Слова «благородный» и «серебристый» очень шли ко всему его облику.

Старик провел ладонью по своим седым волосам, стирая с них остатки снега. Влажные волосы чуть замерзали в холодном свете. Когда же он сел рядом, девушке вдруг самой захотелось так же прямо держать спину. Она невольно выпрямилась. Он же, наблюдая за ней, сделал глоток какао, спрятав улыбку в стакан.

— Право, попробуйте! Здесь готовят отличное какао. Пока ваше еще совсем не остыло. Божественный напиток, — откомментировал старик и с явным удовольствием сделал еще глоток.

— Божественный? — переспросила девушка, встрепенулась и поспешно опустила голову. Неуверенно копируя движения сидящего напротив человека, она пригубила свое какао.

Удивление, недоумение, разочарование и интерес — эти чувства одно за другим сменялись на лице девушки.

— Это...

— ...вкусно, — подсказал пожилой человек.

— Вкусно?.. Вкусно, — задумчиво повторила девушка, пробуя теперь слово, как только что пробовала питье. — Вкусно, но совсем не божественно.

Она посмотрела на соседа с укором.

— И тем не менее какао очень вкусное. Приятное, — наставлял, почти наставлял пожилой мужчина, улыбаясь.

— Приятное? — опять переспросила девушка. Это слово тоже было новым для нее.

— Приятно — это то, что чувствуешь внутри, от приятного хочется улыбаться. Попробуйте еще, — ласково сказал старик.

Девушка уже увереннее сделала несколько глотков и улыбнулась. Улыбка удалась ей с первого раза...

Охранник кондитерской, мужчина лет тридцати, уже давно поглядывал на странную пару у окна: старик и девушка о чем-то оживленно говорили. Ничего антиобщественного. Наоборот. В поведении этих двоих не было ни равнодушия дальних родственников, ни дружеской деловитости новых знакомых, ни пьяной пошлости неравных влюбленных.

В обязанности охранника входило решение спорных вопросов. Эти двое явно спорили, но их спор вряд ли требовал вмешательства. Сейчас они были чуть ли не единственными посетителями кондитерской, взгляд поневоле задерживался на них. Но охранник вдруг поймал себя на мысли, что смущается, глядя на старика и девушку. Словно наблюдая за разговором этих двоих, он видит что-то сокровенно-личное, по-детски интимное. Он чувствовал себя так же, как тогда, когда первый раз нечаянно увидел своего сына, вставшего в кроватке самостоятельно. Судьба дала ему возможность стать случайным свидетелем этого чуда, он тогда даже дыхание сдерживал, лишь бы не спугнуть малыша. Ребенок встал — он был в начале чуда под названием жизнь.

Что-то подобное чувствовалось и в этой паре. Пожилой мужчина, почти старик, и девушка в белом пили какао. Как в первый раз.

— ...есть вишни летом, надкусывая нежную кожицу. Тогда красный сок растекается во рту, и сладость с легкой горчинкой обостряет твое зрение. Осенью рано поутру прекрасно вдыхать медово-соленый запах хризантем, когда кончики пальцев зябнут, скжимая цветочные стебли. Летом шелковистые лепестки роз остужают губы лучше любого оранжа, но газировка со льдом тоже хороша в жару, — говорил седой старик девушке.

Она вся превратилась в слух. На щеках ее играл нежный детский румянец. Она словно оживала с каждым глотком какао, с каждой фразой собеседника, впитывала его слова.

— Есть еще много хороших вещей: мех и шелк, цвета и запахи, вкус во рту и ощущения на коже. Музыка, — продолжал пожилой человек, глядя на девушку с серьезной нежностью, как учительглядит на делающего первые успехи ученика.

Ученица ловила каждое слово, а когда учитель замолчал, осмелилась спросить:

— И все это приятно? Все эти удивительные вещи можно попробовать? Они есть здесь? — Глаза ее загорелись. Девушка даже по-детски заерзала на стуле.

Ответ поразил ее.

— В любой момент. Стоит только протянуть руку, как она коснется чего-нибудь. Остальное зависит от сердца. Попробуй. Закрой глаза и протяни руку.

Девушка послушно закрыла глаза и осторожно, медленно двинула руку вперед.

— Ничего, — сказала она. — Совсем ничего.

— Только глаза не открывай, — строго сказал старик. — Ты чувствуешь боль?

— Нет.

— Это уже хорошо. Половина людей на земле сейчас страдает. Продолжай двигаться.

Она послушно протягивала руку вперед, к нему.

— Ты чувствуешь холод?

— Нет.

— Треть мира сейчас мерзнет, в ближайшем сквере одиночная пожилая женщина засыпает под равнодушным снегом. Она тоже не чувствует холода.

Рука девушки дрогнула. Губы приоткрылись.

— Молчи. Не открывай глаза, — приказал старик. Она покиновала. Еще секунду ее рука двигалась в пустоте.

Затем учитель осторожно взял ее ладошку в свои руки, согревая бледные девичьи пальцы.

От неожиданности она открыла глаза. Увидела его.

— Что ты теперь чувствуешь? — спросил старик, глядываясь в ее широко раскрытые глаза.

— Ты теплый. Живой.

— Правильно. У тебя чистое сердце. Ты можешь видеть чудеса на этой земле. Для тебя жизнь может быть прекрасной.

Охранник с все большим напряжением следил за событиями, происходящими за столиком у окна. Со стороны все это напоминало попытку соблазнения. «Но в принципе это не мое дело, ничего аморального пока не происходит», — подумал про себя он. Чувство легкой досады кольнуло его. Эти двое так красиво общались! Неужели все было только банальным съемом?

Девушка высвободила руку. Охранник, сам того не понимая, вздохнул с облегчением.

Она отодвинула пустой стакан. Лицо ее изменилось, стало сурошим. Румянец вновь отхлынул, кожа приобрела мраморную бледность, черты лица заострились. Перемена произошла столь стремительно, что во всем облике девушки вдруг прокользнула угловатость мальчика-подростка.

Срывающимся, ломким, подсевшим, непослушным, словно чужим голосом она сказала:

— Если бы все было так, то людям ничего бы не оставалось, как быть счастливыми. Иметь перед собой или даже в себе такое богатство и не радоваться невозможно. Но я вижу, что вокруг люди ходят, понурив головы, смотрят себе под ноги, хмурятся, сердятся, торопятся куда-то, опаздывают, кричат друг на друга. Смеются так, что это скорее похоже на ржание лошадей, а не на музыку ручья, о которой ты говоришь. Вечно грязные для себя, они считают себя слишком чистыми для других. Люди связаны между собой, знают это, но убивают и мучают друг друга.

Если бы жизнь была полна тем, что ты мне называл, если бы человеку хватало этих радостей, то за окном был бы совсем другой мир. Мне бы не пришлось тогда сидеть здесь и ждать, когда в 10 часов 20 минут абстрактного времени в дверь здания напротив этой конкретной прогорклой-сладкой кондитерской вбежит парень в серой заляпанной куртке... Мне бы не пришлось тогда идти за ним через холодный снегопад, чтоб...

Старик прервал ее вопросом:

— А зачем тебе куда-то идти?

Темноволосая девушка уже не была ни грустной, ни оживленной. Она отвернулась к окну и весь свой гнев вложила во взгляд в никуда. Выстрел ее голубых зрачков прошел через стену живых снежинок за окном. Ни одна из них не прервала своего полета. В тот же момент в Гималаях сошла вниз снежная лавина. Гималаи были на одной географической долготе с кондитерской.

Девушка резко повернула голову, так что пышные волосы ее облаком качнулись, опоздав. Теперь на собеседника смотрела холодная юная особа. Она точно знала, что ей делать и что отвечать.

— У меня есть поручение к молодому человеку. Я должна его выполнить. Это моя работа. Ничего личного, — хорошо поставленным голосом пропела она и спокойно улыбнулась.

Охранник с удовольствием наблюдал эту сцену: как ловко девица отшила старика, как водой окатила! И правильно! Престарелый папик должен уже понимать, что к чему и кто — кому. На сладенько потянуло на старости лет? Чуда не случилось, дед. Он ухмыльнулся и отвернулся, разочарованный. Стал смотреть в окно. Снег за окном валил сплошняком.

Вспомнилось ему, как начиналась беседа этих двоих, какое теплое чувство окружало их тогда, как оживала эта бестелесная, бесцветная, грустная девчушка. Что говорил ей этот пожилой мужчина? Что в тех словах вызвало ее к жизни?

Старик говорил о чем-то приятном, с удовольствием говорил, ему самому нравилось то, что он шептал девчонке. А она прямо-таки внимала ему: все, берите ее голыми руками! Дед поспешил взять, вот и поплатился. Но начало было виртуозным! Вот бы самому так же научиться!

Новые знакомства с хорошенькими девушками хоть как-то разнообразили бы его серые будни. Превратили бы на время в цветные бредни. Хотя нового, конечно, ничего бы там не было. Что он, мальчик пятнадцати лет, что ли, давно уже он все пробовал.

Снегопад за окном тщательно замазывал все краски мира. Скучающий охранник тупо смотрел на стаю белых мух за окном. Все равно дальше, чем на полметра вперед, ничего не было видно. Белая стена.

То, что за этой живой стеной, он и так прекрасно знал. Другая стена. Серая бетонная стена института, что стоит через дорогу. Какой-то институт, похожий на улей, как и все институты на свете. И все в нем похожи на пчел, даже на разряды их разделить можно: трутни, охранники, воины, рабочие пчелы, королевы, личинки, кто там еще?

Тоскливо смотреть на это. Думать об этом еще тоскливее. Потому отличный способ не бежать от тоски — не думать. Брать что есть, что дают. А если очень хочется, то и то, что плохо лежит. Не глядеть на журавлей в небе, бесполезные они птицы. Кормить синиц — доброе дельце. Надевать в дождь галоши. Носить перчатки. Не падать в лужи. Идти куда зовут и посыпать, если не зовут туда, куда хочется. Делать дело, которое поручили. Твое — не твое, что за сопли?! Кормит — и ладно. День пройдет — и слава Богу. Все так живут...

Он сам когда-то тоже учился в чем-то похожем. Был трутнем. Стал охранником у чужого улика. Кто придумал этот чертов снегопад?!

За стеной снега — стена дома, за той стеной еще стена, и дальше, и дальше. Даже если выйти за все стены города, то что там будет? Правильно, стена из снега. Может, и небо — хрустальная стена. Сегодня оно как никогда похоже на густой покров. Вот твое место, твоя жизнь, какая есть, ограниченная небом, снегом, стенами, стеклами. Все остальное — желание присыпать блестками серые стены. Иногда получается красиво.

Охраннику стало вдруг душно, заныло сердце. Он испугался. Такое с ним происходило впервые. Быстро он поднялся со своего места у входа и подошел к девушке за стойкой.

— Ленусь, есть что от сердца? Закололо что-то, — виновато-небрежно спросил он.

— Ой, ты что это, Сережа? — сочувственно зашебетала та. — Сейчас валерьяночки дам. — И высыпала ему на ладонь три аккуратные желтые маленькие таблеточки. — Держи.

Он испытал облегчение, увидев нежно-желтые кругляшки. Обрадовался им как солнышку.

— Смешные какие. Желтые, — и проглотил их, не запивая.

— Это на погоду, наверное, — сказала Леночка. — Вон сколько снега навалило. В лесу сейчас, наверное, красиво...

Сергей не был настроен продолжать беседу, но яркие таблетки в серый день его порадовали. Он стал просто слушать шебетание Леночки, как слушают трель синицы в солнечный зимний день.

Старик и девушка за столиком у окна молчали. Он, видимо, собирался с мыслями после леденящей оплеухи. Она напоминала блестящую сосульку. Холодный искусственный свет от ламп дневного света кафе смешался со светом из окна на лице старика как на палитре художника. У него резко обозначились все морщины, он словно еще постарел. Особенно ярко проявились морщины скорби на щеках, оттянув за собой вниз и уголки губ, и уголки глаз.

— Вы правы, это ужасно, — заговорил он, снова перейдя на отстраненное «вы» с той, которой еще мгновение назад говорил «ты», как дочери. — Ужасно, когда нет ничего личного. Может быть, сразу это и не заметить, но почти все людские беды начинаются, когда заканчивается личное. Все, что вы только что назвали, появляется тогда. Когда кто-то скажет: «Ничего личного», «Не мое дело», «Просто работа». Тут заканчивается человек, ведь человек — это личность, душа. А нет личного — и для души ничего нет. Вы еще молоды, но, наверное, знаете, что все наемные убийцы говорят: «Ничего личного», прежде чем спустить курок. А на Нюрнбергском процессе самое частое оправдание было: «Я просто делал свою работу». Никогда, никогда так не говорите!

Девушка внимательно-вежливо слушала. Не перебивала. Ее лицо не выражало ничего. Красивое и холодное, как покрытая снегом равнина.

— Я уже давно на этой земле — продолжал старик, — видел достаточно, чтоб понять такую простую истину. Личное делает жизнь. Мое лицо исписано морщинами, как рукопись романа испещрена словами о жизни. Словами, которые что-то да значат. Ваше сейчас — ангельски чистое, как белый лист. Но ни одну из своих морщинок я не отдам, не променяю на ледяную гладкость вашей кожи, потому что все они — моя жизнь, которую я лично прожил. Жизнь всеми ее гранями не проходила мимо меня, это видно, не правда ли? Я много плакал, много смеялся, потому что душа моя работала. Поэтому вишни в моем

саду всегда разные, но вкусные, а какао — густое и похоже на небо. Лица в морщинах достойны уважения не меньше младенческих свежих, а то и силиконовых мордашек: на них повесть о жизни.

Девушка опустила ресницы. Старик продолжал:

— У большинства людей, хороших людей, правильных, в меру честных и порядочных, вишня не сладкая, а какао водянистое. Они уже давно забыли вкус и запах. Знают, помнят из детства что-то, но не допускают к своему сердцу. Нет у них ничего личного, только сны да воспоминания. Все суррогат: кофе — растворимый, лапша — сублимированная, одежда — из полиэстера, духи — синтетические. Все из дыма. Так они и ходят, одетые туманом, дым у них в головах, хмарь в желудке. Искусственные наполнители и красители стоят стеной между душой и жизнью. Это оправданно экономически — подделка всегда дешевле оригинала, будь то продукт или чувства. Чтоб не было ничего личного. Но разве можно назвать это жизнью? — Мужчина говорил, все больше и больше увлекаясь, устремляясь к собеседнице. — Нужно прожить долгую жизнь, чтоб стать как ребенок. Мы, старики и дети, так похожи — воспринимаем жизнь как личный подарок. Радуемся и теплому солнышку, и вкусному супу. Для детей все — открытие, для стариков — окно в вечность. Знаете, какая мысль пришла мне в голову в один из снегопадов? — Он понизил голос почти до шепота. Девушка невольно прислушалась сильнее, глядя ему в глаза. Только сейчас она заметила, что глаза у него такие же голубые как у нее.

— Какая?

— Почти всю свою взрослую жизнь почти все люди не живут, а парят над жизнью, летают параллельно ей, ничего лично не замечая.

Старик замолчал. Теперь он смотрел на полет снежинок за окном: каждая парила совершенно самостоятельно, не соприкасаясь с другими. Конец их был одинаков — все падали вниз и исчезали из поля зрения.

Девушка проследила его взгляд. Полет снежинок невозмутимо продолжался — из бесконечности в бесконечность. Девушка подняла глаза на собеседника, села как можно более

прямо, повела плечами, потом посмотрела на часы над стойкой бара. 10 часов 15 минут.

— Мой клиент появится через пять минут. Он, как обычно, опаздывает на лекцию в своем институте. Он всегда опаздывает. Сейчас он пробегает через сквер, где, возможно, сидит та старушка, которую ты упоминал. Уверена, он обязательно поскользнется у самого большого сугроба и рухнет туда со всего разбега. Я давно за ним наблюдаю — это часть моей работы. Но, признаться, не могу понять, почему выбор пал на него. Чем он так важен? Что может сделать? Тем не менее меня направили именно к нему. Я буду просто выполнять свою работу, потому что иначе я лично не вынесла бы и минуты рядом с таким нелепым человеком в таком, возможно, прекрасном мире.

Она еще раз взглянула на часы и встала.

— У меня есть еще три минуты. Хочу вам сказать спасибо за беседу, она была... приятной, за какао — оно было... вкусное. — Каждый эпитет произносился через маленькую паузу. — Но, к сожалению, я должна откланяться, чтобы сохранить свой разум... холодным. Я должна быть... точной и аккуратной. Только так можно существовать в этой... интересной жизни. — И она, примирительно улыбаясь, положила свою белую ладошку на широкую, с выпуклыми венами, смуглую руку старика. Ей стало жаль этого пожилого мужчину-ребенка.

Вдруг ее словно ожгло, и она резко отдернула руку. Старики многозначительно посмотрел ей в глаза, затем произнес чуть ироничным тоном, неожиданным для девушки в этой ситуации:

— Если бы Господь спасал только достойных и умных, то имя Ему было бы — компьютер. А тебя как зовут здесь?

— Простите, — спросила девушка, желая холодным тоном вернуть утраченное преимущество, — мы разве встречались?

— Придумай себе имя, — посоветовал стариик, — у всех на земле должно быть какое-нибудь имя. Тебе подойдет что-то с буквой «ж» в середине как «снежная». И как большая снежинка в сердце слова. Это мой личный тебе совет.

Девушка отпрянула. И снова повела плечами, словно озябнув, откинула волосы движением головы, сощурила глаза, готовясь сделать нечто.

Мужчина тоже встал. Со стороны казалось, что он галантно раскланивается со своей юной дамой. Он же, заслонив ей путь к выходу и правда слегка поклонившись, но не отрывая взгляда от ее глаз, прошептал особым глубоким чарующим голосом:

— Если бы ангелы лично знали некоторых живущих, то многие из них захотели бы обрезать себе крылья ради чуда в жизни своих людей. И не жалели бы об этом потом.

— О Боже! — воскликнула девушка и прижала руку к плечу, но быстро овладела собой. — Позвольте пройти, я опаздываю, — почти спокойно произнесла она. — Всего вам доброго.

Человек отступил. Она почти выбежала из кондитерской, накидывая на ходу белое буклированное шерстяное пальто.

Мужчина направился к барной стойке, не глядя больше на девушку. Охранник Сергей у бара и рыженькая официантка Леночка у кофейного аппарата посмотрели вслед убегающей девушке. Стеклянная дверь за ней закрылась. Когда хрустальные колокольчики над входом закончили петь свою волшебную трель, фигурка девушки промелькнула на фоне снегопада за широким окном. Каждый из этих троих подумал о своем.

«Как странно, — подумала Леночка, — она же вроде была брюнеткой с каре, а теперь у нее длинные белые волосы. Хотя снег же на улице, а она без шапки. Мне, наверное, показалось. Как не мерзнет? Интересная, хотя ничего особенного»

«Красивая походочка, летящая, словно у нее крылья за спиной, — отметил Сергей. — Чудная девчушка. К кому-то спешишь». За спиной девушки снежинки летели снизу вверх. Видимо, она шла очень быстро.

Импозантный пожилой мужчина в благородно-сером джемпере усмехнулся про себя: «Я прекрасно понимаю тебя, девочка. Помню себя на твоем месте. Столько всего обрушилось сразу: цвета, звуки, запахи, вкусы, чувства, ощущения, чувство тяжести от земли, от людей. У людей есть целое детство, чтоб все это освоить. А у нас... Представляю твое состояние. Когда-нибудь ты представишь мое. Хорошо, что я встре-

тил тебя сегодня. Уж мне ли не знать, как могут болеть шрамы под лопатками в такую погоду».

— Чудесная девушка, — произнес он вслух и подмигнул Леночке. — Мне еще порцию какао, оно у вас замечательное.

3:2

Дежурный администратор вышла из подсобки, как балерина на поклон. В возрасте «пятьдесят навсегда» и при своей комплекции она сохранила девичью легкость движений. Так казалось со стороны. Пришла ночным дозором. Окинула суровым взглядом свои владения. В тени никто не таился. Везде был порядок. Официантка протирала витрину. Охранник лениво опирался о стойку.

— Кассу сдали? Дверь заперли? Чё домой не идете? Свободны.

И развернувшись на каблуках, так, что юбка поднялась, приоткрыв черные шерстяные колготки, нырнула назад в полутьму кулис своей подсобки. Кончики шнурков на ее ботинках подпрыгивали. «Вылитая Бастиンда перед вылетом», — хихикнула Леночка. Завскладиванну звали Софья Ивановна. Она жила неподалеку и была уже на пенсии. Любила сама закрывать свою кондитерскую.

Когда она ушла, Серега убрал локоть со стойки и по-заговорщицки подмигнул Лене. Как в детстве, склонились они над оставленной посетителем вещью. Это была настоящая старинная золотая монета.

— Ого! — вырвалось у девушки. Сергей только присвистнул. — И что нам делать с этой красотой? Как думаешь, она чего-нибудь стоит?

3:3. «ДОЛЯ АНГЕЛА»

Белые снежные хлопья падали с серого неба. Падали быстро и густо, в три минуты залепляя стекла очков. На плечах, коленях и носках валенок уже образовались кружевные холмики из снежинок. «Как быстро», — подумала Софья Ива-

новна, сняла очки и протерла их пальцами в вязаных перчатках когда-то черной шерсти, порыжевших и истончившихся теперь. Неприглядный вид их смущал старую женщину не меньше, чем слишком обильный снегопад. Она стеснялась старых поношенных вещей, пусть даже ею самою поношенных. «Как все-таки быстро все...» — она не додумала мысль и не стала надевать очки. Сунула их в карман некогда добротного пальто. Очки в темной роговой оправе неприятно холодили переносицу, да и не понадобятся они ей больше. «Они мне не идут», — решила женщина про себя, словно кто-то ее мог спросить. Такой ответ всегда оправдывал ее в своих и чужих глазах.

Живя в молодости в маленькой комнатке большой коммуналки, Софья всегда была образцом для соседей и соседок. Даже на кухню выходила в шелковом трофеином халатике и довоенных, но крепеньких лодочках (и то, и другое было вымениано по случаю на картошку). Девушкой она была всегда свежа, умыта, причесана к лицу, весела и приветлива. Мамы ставили ее в пример дочкам, а сами тайно завидовали и сплетничали между собой. Мужики поначалу пытались заигрывать и волочиться, но Сонечка быстро дала им понять, что не ее они поля ягоды, и получила прозвище «фифа».

Может быть, и затянул бы кто-нибудь из подвыпивших мужиков ее однажды в темную кладовку в дальнем углу коридора, но маленькая фифа нашла себе покровителя из военных и сменила квартиру. Быстро съехала она из своей первой коммуналки, где помнили ее хорошенькой девчонкой из пригорода с маленьким деревянным чемоданчиком. Подумать только, в него умещались тогда все ее вещи!

Сменив квартиру, Сонечка также сменила «фибу» на «ангелочка». Так называл ее первый покровитель, ее первый мужчина, с этим имечком затем она и шла по жизни.

— Мне очень шло это прозвище, — любила рассказывать она всем, кто оказывался ее собеседником, — волнистые волосы, светлая кожа, стройная фигура, миниатюрные ручки и ножки. «Тебе не хватает только крыльев», — говорил мне один из моих поклонников. А другой уверял, что готов их мне подарить. Кажется, он был художник. Я тогда засмея-

лась и ответила, что предпочитаю шелка и автомобили. Ах! Я легко кружила мужчинам головы своими красивыми руками, они в ответ дарили мне красивые вещи. «Вы должны жить как в раю», — уговаривали они, и я благосклонно не отказывалась.

Все, что Софья Ивановна хотела услышать в ответ после своего откровения: «Вы почти не изменились». Но уже давно говорила комплименты себе сама и старалась не смотреть в зеркало.

Волосы ее и сейчас были волнистыми, но совершенно седыми, на все еще светлой коже давно уже проступили возрастные пятна, рыжие, как ее перчатки. Стройность превратилась в старческую сухость. Маленькие руки потемнели, а ступни ног распухли, обросли болезненными шпорами, ныли к непогоде. Модельные сапожки и туфельки на каблучках уже давно уступили место нелюбимым валенкам и растоптанным войлочным туфлям.

«Я похожа на поношенную вещь, — осознала сегодня утром Софья Ивановна. — Поношенные вещи надо выбрасывать, если хочешь хорошо выглядеть. Так меня учили, и так я всегда поступала, пока была такая возможность. Нужно следовать принципам до конца. До самого конца». И решилась.

Сейчас за голенища валенок падал снег. Падал и таял где-то в черной глубине, оседая на толстых самовязанных шерстяных носках. Видимо, снега там уже было много, старая женщина чувствовала, что ноги начинают зябнуть.

«Долго ли еще?» — подумала про себя Софья Ивановна. «Нужно снова выпить для храбрости», решила она и озябшими пальцами вытащила пробку из початой уже бутылки зеленого стекла. «Вино «Доля ангела» — гласила этикетка. Плечики бутылки тоже уже изрядно припорошило снегом. «Как кружевная мантилья», — подумала женщина, — у меня была такая. Когда она пожелтела, я ее выбросила. Или отдала дочке домработницы? Не помню». Судьба поношенных вещей ее никогда не интересовала. Сделала большой глоток прямо из горлышка. Холодная жидкость обожгла гортать. Снежная мантилья свалилась старухе на нос.

Та фыркнула и пролила несколько капель вина на пальто. Потом оттерла губы рукой в перчатке и, не закрывая бутылку,

поставила ее прямо на снег возле лавочки, на которой сидела. «Доля ангела» ушла в сугроб почти наполовину.

Софья Ивановна усмехнулась иронически: незавидная доля у этого ангела, его тоже занесет снегом. Найдут тут чужие люди двух «ангелов» в обнимку и разлучат: ее в морг, его в пункт приема пустых бутылок, что, собственно, одно и то же. Их отправят на склад подержанных вещей.

С бутылки сдерут этикетку и вымоют, прежде чем отпра- вить дальше. Ее тоже разденут и обмоют перед похоронами.

«Мы, в сущности, похожи. Даже хорошо, что меня не будут хоронить в этих страшных рыжих перчатках и валенках. В чем сейчас хоронят? Наверное, есть какая-то форма, рубаха. Хорошо бы, чтоб она была белая... Оденут в белую рубаху, сложат руки на груди, и я снова стану «ангелочком». Круг замкнется. Скорее бы уже, а то холодно», — поежилась старуха, потом улыбнулась, закрыла глаза и, откинувшись на спинку скамьи, сложила руки на груди. Примерила роль мертвой, как применяют новое платье перед зеркалом.

Белый снег с серого неба падал женщине на лицо. Ему было безразлично, куда падать.

Софья Ивановна решила больше не шевелиться. Лежать, ждать и вспоминать.

...Сонечка пыталась работать манекенщицей. Но долго она там не задержалась: мешала любовь к красивым вещам и к себе. «Ангелочку» так нравились сами наряды, что ни о каком сце-ническом образе и речи быть не могло. Какой там образ, когда здесь шелк, бархат, кружева, меха. Парча ей не нравилась — колючая. Чувствуешь себя королевой, а потом вдруг — бац! — и натягивать какой-нибудь комбинезон для ударниц соцтруда? А эти бесконечные томительные примерки, посадки по фигу-ре, выкройки из папирисной бумаги на плечах! Булавки! Недо-вольный мастер, дымящая цигаркой швея, репетиции прохо-дов... И так много часов каждый день за мизерную зарплату и час в свете софитов. Ужасно!

Почему нельзя просто наслаждаться красотой? Почему она рождается из такого сора, как пот и папирисная бумага?

Сонечка нашла выход. Быстро ушла из манекенщиц и пе-решла в музы. А чтобы проблем с законом не было, вышла

замуж за военного моряка. Долгое отсутствие мужа ее не обременяло, как не мешала и его большая зарплата и красивые редкости из дальних стран. Даже наоборот, милые вещицы красивой хозяйки свободной квартиры привлекали людей. «Деньги — к деньгам, красота — к красоте», — говорили гости и дарили «Ангелочку» очередную прелесть.

Так бывает — подобное притягивает подобное. Потому молодость Сонечки-Ангелочки была полна приятных людей и красивых вещей. Люди ею восхищались. С вещами она даже дружила.

Когда на мраморном личике появились неизбежные первые морщинки, Софья стала разборчивей — у нее появился свой изысканный стиль, а поклонники стали моложе и из богемы.

Потом однажды неожиданно умер ее муж. Она была безумно хороша в траурном черном муаре...

«Странно, — подумала старая женщина, — я совсем не помню лиц. Прекрасно помню, как была одета в день свадьбы: белое кружево на сером шелковом чехле. Почти как сегодняшний снег и небо. В день похорон простое черное креповое платье от Шанель. Помню цветы, кушанья, подарки. Помню запахи, ощущения. Настоящие французские духи и теплые вазоны из оникса, полные увяддающих хризантем. Помню все пейзажи, виденные мной на холстах ли, в жизни ли. Как тонуло солнце в летнем Черном море. Как сиял снег на горных вершинах Кавказа. Как мерцал розовый жемчуг индийского ожерелья, которое привез муж однажды. Но я совсем не помню лица своего мужа».

...Через некоторое время Софья Ивановна обнаружила, что она одна и ей нечего есть. Выручили, разумеется, друзья. Вещи. Каждая из них стоила приличную сумму в комиссионном, хотя ее искренне удивляло, кому могут нравиться поношенные вещи, пусть даже со следами былой красоты. Скоро продавцы из «комка» на углу стали ее узнавать, и у них завязалось нечто вроде приятельских отношений. Пока она была красива зрелой красотой, они делали ей комплементы и восхищались ее вкусом. Говорили, что ни одна ее вещь не задерживается больше трех дней и что их скупает один и тот же мужчина. Софья

Ивановна была заинтригована, польщена и горда — у нее по-прежнему был обожатель. Его таинственность придавала их странным отношениям еще больше романтизма.

Женское любопытство Софьи распалялось воображением. Она пыталась представлять себе, каков он, этот ее тайный поклонник. Высок? Строен? Голубоглаз? Респектабелен? Богат? Несмотря на свой возраст, немолодая уже женщина была совершенно по-детски захвачена этим своим приключением. Ее то охватывали сомнения — на самом ли деле существует этот мужчина, и она собиралась проверить сам факт его существования каким-либо хитрым способом, то уверенность ее была столь тверда, что ничего ей не требовалось, кроме получаемых в магазине денег. Женщина даже решилась однажды проверить, действительно ли она настолько дорога своемуциальному воздыхателю, как говорят продавцы. Способ был выбран мгновенно: в уже родной комиссионный магазин были сданы ее довоенные лодочки, которые она накануне откопала у себя на антресолях. По большому счету, место им было в мусорном баке. Продавец, крепкий стариk с профессиональным прищуром глаз, недоуменно взглянул на Софию Ивановну, когда она выставила свой товар на стеклянный прилавок.

— Вообще-то мы не принимаем такие... поношенные вещи, — сказал тогда он.

— Ах, прошу вас, только на одну неделю. — Софья вложила в свой голос и улыбку все женское обаяние, на которое только была способна в своем возрасте. Долгие годы тренировок не подвели.

— О, вы что-то задумали, дорогая, — подмигнул продавец как заправский сводник. — Только ради вас, в знак нашей многолетней дружбы. Но через десять дней я буду высчитывать с вас за хранение...

«С паршивой овцы хоть шерсти клок. Совсем, видно, обнищала тетка», — пронеслось в голове у торговца.

— Хорошо-хорошо, я все понимаю, таковы правила, — ответила женщина. А про себя подумала: «Вот жидовская морда».

Ровно через неделю она заглянула в магазинчик. Эта неделя стоила ей трех бессонных ночей, четырех романтических

снов и двух пузырьков валерьянки. Ей снился кто-то с крыльями. Но она не запомнила его лица.

Туфельки были проданы. Получая в кассе положенную сумму, Софья Ивановна полюбопытствовала, когда купили ее вещь. Ответ ее удивил и обрадовал: в тот же день. Тогда женщина осенила догадка: ее тайный поклонник совсем рядом. Он — тот самый продавец. Как все просто и романтично. Ну конечно же! Он увидел ее в самый первый раз, когда она появилась в магазине, и влюбился. Такую любовь с первого взгляда Ангелочек умела вызывать и раньше. Все просто, как это она сразу не догадалась.

Легкое разочарование и глубокая признательность наполнили женское сердце. В тот же вечер они стали близки. Торговец из комиссионки на углу, пожилой полуеврей со смешным именем Яков, был ее лебединой песней и последним любовником. С ним она начала стесняться своего тела. Больше мужчин в жизни Софьи Ивановны не было. Он называл ее Софа, как мебель.

Как оказалось, все же не он скупал ее вещи. Зато она узнала многое об обратной стороне магазинной жизни. И многому научилась. При расставании Яков посоветовал Сонечке подать документы в собес на оформление пенсии: «Небольшой, но постоянный доход». Он сказал это искренне. Софья так и сделала, пересилив свое отвращение к очередям и людям в понوشенных вещах. Потому что Якова скоро посадили за какие-то темные делишки в его комиссионном магазине. Его лица Ангелочек тоже не запомнила...

Снежный порошок посыпал ей лицо, как пылью. Крупинки таяли на коже как слезы и не давали заснуть. А старухе так хотелось заснуть, скорее заснуть и не просыпаться больше в этом мире, где есть место только новым и красивым, а все поношенное должно быть выброшено. Она все больше и больше зябла. «Наверное, я выбрала не самый легкий способ умереть», — подумала старая женщина. Но другие ей были недоступны: боль ее пугала, а одна только мысль об искореженном теле вызывала омерзение, в таблетках же Софья Ивановна так и не научилась разбираться. Она всю жизнь прожила среди красивых вещей, нисколько их не портя собой, и в гробу тоже хотела выглядеть прилично.

Потому она протянула руку в сторону, пытаясь нащупать бутылку с вином, не открывая глаз. Не получилось. Ей пришлось пошевелиться, убрать руки с груди. На выбеленном снегом пальто остался черный косой крест. Снег посыпался с плеч женщины, как лепестки с ветвей отцветающей вишни. Бутылку когда-то зеленого стекла теперь плотно облепили снежные хлопья, словно она обросла белыми бородавками. Цвет бутылочного тела теперь только угадывался. Софья Ивановна поспешила обтереть горлышко и этикетку от мерзлых наростов. Освобожденный ангел Рафаэля взглянул на нее с благодарностью.

— Вы — милый мальчик, можете остаться, — сказала женщина, словно выделяла себе нового фаворита из череды молодых и талантливых обожателей. Мальчик с этикетки молчал. Софья сделала несколько глотков холодного до ломоты вина. Тепло разлилось за грудиной. В бутылке еще оставалось. «Так я еще долго не замерзну», — подумала она и решила выпить все сразу, чтоб быстрее опьянеть и не заметить перехода. Подмигнула бутылке и припала к горлышку, как к кислородной маске. Старалась пить жадно и быстро, оттого вино быстро потеряло вкус. Стало противно, и осилить целую бутылку старуха так и не смогла. Как, впрочем, и жизнь.

Снег пошел гуще и как-то вбок. Очертания дальних домов и ближних деревьев почти исчезли за белой завесой. Софья поставила бутылку на лавочку рядом с собой и, почти злорадствуя, стала смотреть, как бородавки покрывают лицо пухленького мальчика с крыльями. Через несколько минут на месте молодого личика образовалось бесформенное месиво. Бутылка снова укрылась белым саваном.

— Ты — как и я, со следами былой красоты, — хрипло рассмеялась старуха. — Поди прочь! — и толкнула бутылку рукой, та без звона упала на лавочку.

Снег быстро прибрал красно-лиловую лужу, как прячут под кружевной покров лицо покойника. Софья резко отвернулась. Снежинки едва успели за поворотом ее головы. «Мир заснул или я напилась?» — спросила себя старая женщина и еще раз резко повернула голову. На месте, где упала бутылка, сидел человек. Софья отпрянула от неожиданности, а потом расхохоталась.

— Ой, я вас не заметила. — Язык ее уже плохо слушался.

— Простите, что напугал вас, — серьезно сказал человек. — Вы в порядке?

Она не видела его лица, но почувствовала, что он смотрит на нее внимательно, и тоже взглянула на него с интересом.

Между ними было около полуметра и тюлевая занавесь из снега. Софье мешал этот тюль, не получалось рассмотреть лицо незнакомца. Но она не расстроилась. Зачем ей это? Лиц она все равно не помнила. Мысль рассмешила ее, и она ответила:

— Я? Я почти в порядке. Вот еще чуть-чуть — и буду в полном порядке. Навсегда, — растягивая слова и смеясь над этим, ответила старуха. Вино делало свое дело. Она не скрывала, что пьяна. Кто это еще такой, чтоб его стесняться? Еще один Яков? Его и не видно-то из-за снега, только по голосу и понятно, что мужик да что немолодой. Софья Ивановна не была уверена, что не высказала своих мыслей вслух.

Нежданный сосед не сводил с нее взгляда.

— Вы замерзнете здесь. Пойдемте, я вам помогу.

— Никуда я с вами не пойду, — возмутилась Софья Ивановна. — Не пойду я с незнакомым. Да, может, я и хочу замерзнуть. Вам-то какое дело?! Да мне и не холодно вовсе! Спаситель нашелся! Не пойду я никуда. Ходить с незнакомцами опасно, — и рассмеялась.

— Не опасней, чем сидеть одной в сквере, да еще и пьяной. Вы замерзнете, Софья, — пытался урезонить ее незнакомец и протянул к ней руку.

Она ударила его наотмашь. Постаралась. Как ей показалось, незнакомец покачнулся. Снег тоже:

— Пошел прочь!

Но глаза ее обманули, это она пошатнулась и чуть не свалилась с лавочки.

Незнакомец подхватил ее за плечи и усадил вновь. Лицо человека словно вынырнуло из-за снежной занавески. Софья сначала пытаясь высвободиться, но когда он отпустил ее, осознала. Что услышала свое имя и удивленно уставилась на незваного спасителя.

— Ты меня знаешь? Фу, звучит как «Ты меня уважаешь». Но не важно. Мы знакомы? — В ней проснулось что-то вроде

любопытства. Почти все остальные чувства уже занесло снегом. Она даже начала искать очки по карманам.

— Да, конечно, Софья Ивановна. Я ваш сосед по лестничной площадке, Михаил. Мы давно знакомы.

«Ну, может быть. Вроде был там какой-то Михаил», — старуха что-то пыталась припомнить, соскребая ледяную корку с заиндевевшего воротника. Сработала годами выработанная привычка — хорошо выглядеть перед посторонними. Бесполезно. Снег шел слишком обильно, ее дыхание было еще слишком теплым, и она забросила это дело через пару секунд. Вслух спросила:

— Из какой вы квартиры?

— Из тридцать пятой, сосед слева. — И он слегка поклонился, еще больше приблизив к ней лицо.

Даже без очков женщина ясно разглядела ярко-голубые, по-младенчески распахнутые глаза на далеко не молодом, морщинистом, но благообразном, явно знакомом лице. Наверное, он действительно был ее соседом, но до конца старуха уверена не была.

— Все верно, есть слева такая. А чем у вас там так странно пахнет? — проверяя «соседа», все спрашивала Софья Ивановна и казалась себе очень умной. Ответит — правда сосед, не ответит — есть повод отправить его восвояси.

— Краской, Софья Ивановна, — ответил мужчина, не задумываясь ни секунды.

— Вы — маляр?

— Художник. — Он даже не обиделся. — И немного скользя, но не выставляюсь давно. Пойдемте, Софья Ивановна, а то вы действительно замерзнете. — Он вновь попытался ее приподнять.

То ли снег пошел слабее, то ли хмель начал проходить, но лицо «соседа» вдруг стало необыкновенно четким. Давно она не видела лиц так ясно. Но желание довести свое дело до конца все еще не оставило старуху.

— Что вам, собственно, угодно, Михаил? — спросила она. — Я вышла прогуляться, присела отдохнуть, сижу, никого не трогаю, ничего не делаю, посижу — пойду домой. Вам что до меня? — Дерзости она сама то ли не чувствовала,

то ли не скрывала. Надеялась отделаться от незваного доброжелателя. Напрасно. Он лишь кротко смотрел на нее и не отступал.

— Позвольте я помогу вам подняться. Обопритесь на мою руку, — сказал он с каким-то особым чувством.

Кроткий взгляд и почти по-женски мягкие интонации его голоса произвели на Софью Ивановну гипнотическое впечатление. Она повиновалась, мысленно пытаясь вспомнить, на самом ли деле она раньше слышала этот голос и видела эти глаза. Ее воспоминания метались от светских раутов к босоногому детству, очередям в собесе. Образы перемежались фарфоровыми вазочками, картинами, статuetками и сводками криминальной хроники из теленовостей. Но все было хаотично, разрозненно и бесформенно, как хлопья с неба. Она не помнила лиц.

Ее спутник меж тем бережно, но крепко держал ее под руку и отряхивал от снега. Его было много. Потом нежно, но твердо повел по белой дорожке к выходу из сквера.

Странный покой охватил старую женщину. Если она решила умереть сегодня, то не все ли равно, как это произойдет. Замерзнет ли она пьяной в парке или какой-то маньяк, прикинувшись соседом, проломит ей голову в подворотне. Все сути. Как она будет выглядеть в гробу, ее уже не интересовало — никто ведь не придет и не оценит. Некому. Все мысли разом отключились. Рядом с этим мифическим «соседом» ей почему-то было спокойно.

Они шли через густой снегопад. Он вел ее уверенно. Она легко подчинялась. Первобытная предначальная тишина из воздуха и снега окружала их. Ничего не было для них дальше ближайших снежинок.

— Куда мы идем? — спросила женщина, удивившись слову «мы», сорвавшемуся с губ. Он мог бы и не отвечать. Ей было безразлично, что он ответит. Ей просто было хорошо идти. С ним.

— Домой.

— Я потеряла ключи, а дверь заперта. Нам не войти. — Это было почти правдой. Уходя сегодня, женщина аккуратно опустила ключ в мусорный контейнер, чтоб не было пути назад.

— Тогда пойдем ко мне. Там тепло. Мы что-нибудь придумаем. — Он тоже легко произнес «мы». Легко и естественно, словно это «мы» — он и она, двое, конкретный мужчина и конкретная женщина, не сказавшие друг другу и пары фраз до сегодняшнего утра, всегда были «мы».

Им было очень легко вдвоем. Не было времени, не было пространства, не было жизни и не было смерти. Не было суеты и не было вешей. Не было звуков. Двое шли под небом по белой дороге, нежно держась друг за друга. Стена снега отделяла их от будущего и закрывала прошлое. Им было хорошо.

Старый дом незаметно подкрался к ним, но, усыпанный снежным мехом, он тоже был лишен прошлого и казался просто домом. Двое вошли. Ни запахов, ни звуков, никого, лишь падающий снег приносил с собой осколки света и оставлял их у порога дома. Полумрак. Тепло.

Десять ступеней наверх, как десять лет с плеч долой. Поворот. Пространство порыжевших клеток и чужих дверей. Еще десять ступеней вверх, к свету, к окну. За окном — падающий снег. Двадцать лет прочь. Только согревшись, понимаешь, как было холодно там, снаружи.

С спиной к свету, по освещенной осколками снега лестнице — к знакомым дверям, но мимо них, дальше. Как необычно, странно проходить мимо своих дверей, продолжать идти мимо места, где обычно твоя дорога заканчивается. Но это значит, что впереди новый путь. Нет конца, нет замкнутого круга.

Первый звук — звон чужих ключей, как гром зимой. Чудо, которому можно удивиться, которое может напугать.

Чужая дверь открылась бесшумно. Михаил вошел первым. Обернулся, взглядом приглашая следовать за ним. Софья сделала шаг и замерла на пороге.

На противоположной входу стене, в конце длинного и узкого коридора, был ярко освещенный алтарь. Он занимал всю стену. С алтаря на изумленную старую женщину взирала, улыбаясь, юная девушка со светлыми волнистыми волосами, мраморно белой кожей, изящными, словно точеными руками, обнаженными по самые плечи. Ее ярко-голубые глаза смотрели весело и приветливо. Надевушке было кружевное белое платье на сером шелковом чехле. За спиной ее блестали огромные сияющие-белые крылья.

— Но... — У женщины перехватило дыхание.

У алтаря на самом видном месте стояли довоенные лодочки Софьи Ивановны, а вокруг ВСЕ вещи, которые она когда-то продала.

Звуков не было. В молчании разлилась надежда, осознание и предчувствие радости. Мужчина ждал, глядя на женщину. Та перевела взгляд с картины на дальней стене на него, стоящего совсем рядом.

— Я вспомнила вас, Михаил. Я вспомнила ваше лицо. Когда-то вы предлагали мне крылья, — сказала она удивительно спокойным голосом. — Вы сказали, что готовы дать мне крылья.

— Да, Софья Ивановна, но вы не все помните, я сказал, что готов отдать вам свои. — Он смотрел на нее как на икону и ждал, что она переступит порог его дома, войдет.

Он протянул ей руку. Но она своими руками закрыла пылающее лицо, а когда отняла их, то в ее улыбке было больше слез, чем радости.

— А я ответила, что предпочитаю шелк и автомобили. — Она вздохнула и сделала шаг назад. — Спасибо вам, Мишенька, вы — милый мальчик, но я не могу остаться. — Она сделала еще шаг назад. Девушка на холсте алтаря чуть уменьшилась. Старой женщине стало чуть легче. — Я не могу, не могу...

Она затряслась головой и попятилась, все повторяя: «Не могу, нет, нет, не могу, нет...»

Михаил потянулся к ней, как младенец к матери:

— Почему, Софья? Почему, мой ангел?

Она все повторяла: «Нет», — или же у самого края лестничной площадки, где обрывом начинаются ступени вниз, почти прокричала в отчаянии, обернувшись:

— Потому что здесь я всегда буду чувствовать себя поношенной вещью, помнить, кем могла бы быть и кем стала.

И с невероятной для нее быстротой Софья Ивановна бросилась вниз. Последнее, что она видела, были слезы на щеках пожилого мужчины. Затем была темнота.

...Софья Ивановна проснулась от резкого толчка. Парень лет двадцати на вид хлопнулся в сугроб прямо перед ней, задев ее ногой.

— Вы в порядке, молодой человек? — спросила она юношу и попыталась помочь ему подняться, но не удержалась и сама хлопнулась назад на лавочку. Она не смогла сдержать смеха.

— Не, все нормально, — ответил парень, поспешно отряхиваясь и отфыркиваясь от снега. Все лицо его было облеплено снегом, как белыми наростами. Но он быстро с этим справился и умчался по своим делам.

«Смешной какой, — подумала старушка, — странный. И сон у меня был странный. Надо запомнить. Придет сегодня внучка — расскажу. И что это меня на лавочке вдруг сморило?» Софья Ивановна встала и медленно, не торопясь, пошла к выходу из сквера, улыбаясь своим мыслям.

Проходя мимо заснеженной статуи печального ангела «Памяти живым и павшим во Второй мировой войне», она остановилась на мгновение и подумала: «А ведь она похожа на меня в молодости. Надо будет грустного соседа-художника на яблочный пирог пригласить сегодня». Софья Ивановна выпрямила спину, повела лопатками и неожиданно легкой походкой зашагала по снежной аллее. Домой.

4:3

На желтом кругляше выступало выпуклое изображение человека в профиль с крупным носом и венке из листьев на голове. Полустертые рубленые буквы почти не читались. Сергею вспомнились уроки археологии в университете. Лене — исторические фильмы о Римской империи.

— Ты чеки за кофе пробивала? — деловито спросил охранник. Девушка мотнула рыжей головой. — И не надо. Вообще молчи об этом. — Он смахнул монету в карман пиджака и уже там зажал в кулаке. Монета приятно тяжелила руку и быстро нагрелась. Охраннику очень захотелось попробовать ее на зуб, как в кино, но он побрезгал. — Этот мужик без акцента говорил? — спросил он.

— Без, — протянула Лена, — а что?

— Да ничего. Если я правильно помню, то эта монета знаешь как называется? Золотой римский динарий. А судя по виду, это первый век нашей эры. Не хочешь неприятностей — держи

язык за зубами. Я толкну завтра монетку, попробую. — Рыжая вредина Ленка сейчас смотрела на него круглыми глазами. Он вырос в собственных глазах и не жалел сейчас о своем историческом университетеобразовании. Диплом еще где-то валялся дома.

— А кто это был? — осторожно спросила официантка.

— На монете? Цезарь какой-нибудь, — небрежно бросил Сергей и, решив блеснуть знаниями, изрек: — По-латыни читается как кесар.

Он осекся от собственных слов. Словно кто-то отмотал кинопленку в его голове. Потом еще раз и еще. Вечер, встреча, дата, разговор, кончившийся коньяк, золотой динарий с изображением кесаря. Не складывалось. Или складывалось, но в такое невероятное! Он глянул на календарь, что висел на стене за спиной у Лены. Завтра Рождество. Нет, не может быть. Он мотнул головой, чтобы стряхнуть наваждение. Потому что если это не наваждение, то...

— Ленусь, а коньяка и вправду больше нет? — деланно грустным голосом спросил Сергей. Очень хотелось выпить, чтобы удостовериться.

— Я же сказала, кончился. Ты последний выпил. Из твоей доли сокровища вычити в кассу, — съязвила Лена.

— О'кей, только бутылку покажи, — не отставал бывший историк.

— Сам посмотри, я уже убегаю, — крикнула девушка, засстегивая на ходу пуховик. Ей еще надо было успеть добежать до второй работы и переодеться там, ее смена в клубе началась в одиннадцать, хорошо, что успела со сменщицей договориться, что сегодня задержится. Ей — что? Даже лучше — все Ленкины чаевые в свой карман за этот час! А хозяину — все равно, кто подносит текилу клиентам. Всегда все равно. Лишь бы прибыльно было, а кто эту прибыль делает и как — по барабану. Сам бы поносился по темному залу с подносом наперевес хоть разок... Придумал еще фишку — текилу с бедра. Даже обидно немного. Но чтоб не расстраиваться лишний раз, Лена решила завтра прийти в кондитерскую пораньше, чтоб посмотреть на чудеса, которые ей обещал незнакомец с синими глазами. Да и к тому же она завтра будет за главную здесь. Хрустальные колокольчики в дверях напевно пожелали ей чего-то доброго.

КАКОЙ УЖЕ СЧЕТ? ТАЙМ-АУТ

Вот это неожиданно! Действительно неожиданно! Наш мальчик смеётся!

— Ребята, я так рад, что встретил вас здесь! — хохочет он, по-детски морща нос. — Правда-правда! Мне наконец-то повезло! Всегда скучиша тут или чаще невезуха. Вот прям невезуха, серьезно! — Пластиковый столик крякнул и сдвинулся. Sash в порыве чувств навалился на него сильнее, чем следовало. — Не считайте меня идиотом. Я не идиот!

Мы с другом переглянулись. Если бы он сказал нам, что мы оба мерзкие извращенцы, маньяки, сумасшедшие, что он посоветует охрану или пошлет нас куда подальше, мы бы не удивились: привычная реакция. Но он пошлепал губами и придвижился к нам поближе.

— Ребята, — сказал он. — Мне так интересно было только в детском саду на елке! Вот чес-слово! Я понимаю — вы меня во что-то будете втягивать... Может, вы secta какая-нибудь или душевнобольные. А что? Я слышал, так бывает, куча психов основывают свои религии! Круто! — Он то шептал, то переходил на восторженный крик. — Но мне так интересно, так приятно, что вы заинтересовались мной. На уши мне приседаете, выдумываете что-то... Я понимаю, я чувствую, что зачем-то вам нужен.

Он то говорил чисто, то язык переставал его слушаться. Но его глаза сияли, он был рад, очень рад нам. Надеюсь, что все у нас сегодня получится. Хотя бы у одного из нас. Лучше бы — у меня. Милый юноша Sash, ты мне почти симпатичен, я почти увлечена тобою. Ну, наделай же ради меня глупостей, и я буду помнить тебя вечно! Мне уже почти нравятся твои волосы, твой голос, твое дурацкое кольцо с марихуаной, твой сморщеный нос и ненастоящее имя. Я даже нахожу твою телесную оболочку привлекательной, если хочешь. Скажи только, что ради меня согласен на обмен, сделай выбор и... Тебе не будет больно, правда.

Мои губы тянутся к твоим губам. Я стерплю твой безвкусный поцелуй ради своего спасения, только скажи потом, что пойдешь за мной. Ты не против. Ты же не против. Тебе инте-

речено, это твои слова... Мадонна плачет над танцполом: «*Time goes by, so slowly*». И я согласна с ней — время почти замерло.

— Ты думаешь, он уже готов узнать? — Мой друг ставит мне подножку у самого финиша. Его слова отрезвили *Sasha*. Судьбоносный поцелуй сорвался! Как это низко, мой большой друг! Раньше мой гневный взгляд был подобен мечу огненному и взорвал бы весь этот город вместе с этим клубом. А сейчас лишь заискрили две лампочки у тебя за спиной, мой соперник. Толпа приняла их за спецэффекты. Но ты добился своего.

— Что я готов узнать? — встрепенулся юноша.

— Ему совсем не обязательно знать. — Мое раздражение растет. — Ему достаточно просто сделать. Даже не делать, а согласиться сделать.

— Нет, недотрога, я всегда уважал в тебе абсолютную честность. А поступить так значит всучить слепому кота в мешке. Еще неизвестно, как все пройдет и как для него все будет. Язываю к твоему гуманизму и к твоей логике.

— Что? — Я не верила своим ушам. — Ты себя послушай. Что ты говоришь? Как ты говоришь? Ты нарушаешь все правила — ты вызываешь к логике. Ты, воплощенный вкусовой рецептор, нервная клетка, ты...

— Вот только без оскорблений! Я просто предлагаю рассказать ему о правилах, и все. Если мы заключаем эту сделку, то пусть она хотя бы будет честной.

Sash хлопал глазами. Он хлопал бы и ушами, если бы мог. Еще он закрывал и открывал рот, словно собирался спросить что-то, но не успевал. А потом вдруг выдал:

— Вы — наркодилеры?

Мы снова переглянулись. В пылу спора мы совершенно забыли о том, что парень нас слышит. У моего друга было такое лицо, словно он вообще впервые видел говорящее существо. А я подумала: почему *Sash* так стандартно мыслит? Ну, какие мы наркодилеры! Скорее уж наркоманы, если ему близки подобные определения. Мы — зависимы, очень зависимы. Только он не догадывается, от чего, а рассказывать бесполезно.

— И этому существу ты хочешь объяснить правила?! И как ты это себе представляешь? — Мы не смотрели на юношу. Он от этого только больше прислушивался к разговору. — Нет, ты

объясни мне: как конкретно ты это себе представляешь? Какими словами надо пользоваться?

— Я предельно просто себе представляю нашу беседу. «Привет — привет! Помнишь нас? Ты нам очень нужен. Скажи, кто из нас тебе больше нравится, с кем ты готов остаться. Мы поспорили на твою душу». И все.

— И все? Так и сделаем. Только он после этого просто не будет с нами разговаривать, как и те предыдущие! Тебя-то это устроит, а мне не все равно.

— Нет, подожди, мы предыдущим не объясняли! Даже не пытались.

— Точно! Они и без объяснений сваливали!

— Недорога! Что за сленг?

Тут подал голос предмет нашего спора:

— Круто! Я словно в фильме Тарантино! В начале «Криминального чтива». Наконец-то со мной происходит что-то, о чем не стыдно рассказывать. Только я не понял: что вы там про душу.

Что и требовалось доказать. Я позвала официантку. Захотелось выпить.

— Нет, я понял, но не понял, кто из вас кто. Кто плохой? Кто хороший? Кто ангел, кто нет.

Мой большой друг с большим терпением и наивной верой в умственные способности человечества попробовал объяснять:

— Мы оба с неба. Но не изгнанные и не бывшие. По какой-то причине — у каждого она своя — мы находимся на земле. Для чего-то мы здесь. Так получилось, что она и я вместе. И тебе выпало сделать выбор, кто из нас тебе ближе. В канун Рождества решается вопрос, где мы проведем следующий год.

Шикарное объяснение. От него бедный мальчик заморчился еще больше и залпом выпил и мою текилу тоже. Конечно, он спросил: «А почему — я?»

— А почему — я?

Удивительно все же: люди задают вопросы о том, что нужно просто принимать, и верят в то, что легко объяснимо. Упирают на разум и логику, а сами не в состоянии разобраться в устройстве такой простой вещи, как вселенная. Разум, вера и

чувства так странно намешаны в людском мире, что лучшей иллюстрацией этой смеси человеческого восприятия жизни, на мой взгляд, является маленький ребенок с легкой дощечкой в руках, барахтающийся в море. Малыш, схватившийся за кусок пенопласта втрое меньшего размера, чем нужно, но плывущий. Хрупкая синтетическая дощечка из сплющенных шариков — разум, море вокруг — чувства и ощущения. А плывет человечек, потому что верит. Верит, что его держит пенопласт. Верит, что в соленой воде легче держаться на плаву. Верит, что родители рядом. А на самом деле он просто еще не разучился, не забыл, как плавать. Верит не в то, что достойно веры, верит в какую-то примитивную ерунду, но верит!

Как волны только что придуманного моря, меня стали захлестывать эмоции. Я видела, мой большой друг, сидя напротив молодого человека на расстоянии вытянутой руки, отчаянно пытается ему объяснить то, что нельзя объяснить. Он, огромного роста, сильный и влюбленный в весь этот мир детской любовью и в паренька как часть мира, встал на пенопластовую досточку логики, доступной Sashy, и барахтается что есть силы. Это выглядит комично, нелепо, неприлично. Логика — не его конек, не его территория. А юноша недоверчиво, а порой просто снисходительно глядел на все его попытки.

Я понимала и Sashy тоже. Он не мог поверить, он боялся за себя. Что будет с ним, если он протянет свою руку одному из нас? Что будет с ним, что произойдет с его жизнью? Он боялся перемен, подсознательно настраиваясь на худшее. Он готов пожертвовать неизвестными горизонтами, лишь бы не стали хуже известные. Он не мог оценить благородства этого нелепого на его взгляд поступка. В его глазах это в лучшем случае чудачество, развлечение, но скорее всего Опасность. Он думал только о себе.

Мне стало мучительно жалко двоих, сидящих рядом со мной. Может быть, я все же напилась, и причина эмоций — кактусовая водка с клубным смогом на закуску. Но мне захотелось вмешаться. Только как сделать, чтобы им обоим стало легче?

Бой часов, смигированный с битом, вернул мне способность трезво мыслить.

Я совсем забыла: нужно продолжать.

— Перестань, — кричу я другу. — Не унижайся. Он не понимает тебя. Давай я попробую рассказать по-другому. Как раньше.

Sash смотрел на нас и ждал продолжения.

— Иначе не получится, — эхом ответил мой друг. Он сказал это мне или себе?

Sash смотрел на нас и ждал продолжения.

ТРЕТИЙ ТАЙМ. 4:3. «ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА»

Что делают ангелы, когда идет снег? То же, что и всегда, — свою работу...

Что делают ангелы в снегопад, когда вся работа выполнена? Возвращаются.

...Он встретил ее сегодня во второй раз, когда проходил по скверу у метро «Войковская». Она сидела на лавочке, вся в снегу, и спала. Снежные хлопья тихо и осторожно укрывали ее плечи. «Зачем она заснула здесь?» — подумал прохожий и узнал ее по несуразности своего вопроса. Да, это была она. Как много лет назад, когда он впервые увидел ее, тогда молодую женщину, все его бестелесное в тот миг существо пронзило ощущение ее неуместности и незаконченности. Она не должна была быть там, где находилась, должна была быть другой. При первой их встрече он подумал: «Зачем меня сюда прислали? Она же здесь. Только где ее крылья?»

Оказалось, именно к ней он и был послан.

Крылья он потом все же у нее разглядел — тонкие крылья мотылька, летящего на огонь. У всех людей есть такие. Кто-то их чувствует, кто-то и не подозревает о них, кто-то их активно использует. «Дыханье жизни», — говорят про эти крылья. У ангелов они совсем другие: огромные, тяжелые, сильные. Если люди могут жить и не догадываться о мотыльковых парусах за спиной, то ангела без крыльев просто не существует. Крылья — для него все. Крылья и долг.

Сейчас старая женщина задремала на заснеженной скамейке в сквере. Сон спустился к ней тихо на одной из белых снежинок. Другие снежинки сложились в мужской силуэт у нее за спиной. Фигура уплотнялась с каждой новой белой мухой и

наконец зашевелилась, словно разминая затекшие плечи, а затем белый мужчина обошел скамью и сел рядом со старушкой, развернувшись к ней лицом. В руках у него была трость. Он оперся на нее и стал спокойно смотреть, как на лицо его соседки падают хлопья с неба. Белые снежные мухи устроили игры у его ног, гоняясь друг за другом, кружась вокруг его трости, то взмывая вверх, то падая разом вниз и затихая. Со стороны они казались поземкой.

Пожилой прохожий видел, как под снежным небом на белой скамейке среди приданных серебром деревьев сидели старая женщина и ее Смерть. Поземка у ног Смерти поднималась и опускалась в такт дыханию женщины. Снежинки белыми нитями соединяли небо и землю вокруг них, строя стены коридора, по которому этим двоим предстояло уйти. Завеса из снега становилась все плотнее — снегопад усилился, как и обещали сегодня все синоптики Москвы.

Прохожий видел, что снежные глаза Смерти глядят на старушку с холодным интересом профессионала, который добровольно делает свою работу. Прохожий видел такое много раз, всегда сожалел, но никогда не вмешивался. Это был радостный и грустный одновременно момент: сейчас появится ангел умирающего, и после того, как Смерть взмахнет своим мечом, косой или тем, что ей сегодня придет в голову использовать, все трое вернутся Домой. На Земле останется только оболочка человека, пустая как сдутий мяч. Наблюдать такое прохожий уже привык и не удивлялся. Для него это было настолько естественно, что поначалу он не понимал, почему люди этого не видят. Он даже потом придумал название этому собранию: «Сообразить на троих». Вполне в духе времени.

Ангел все не шел, Смерть сидел неподвижно, женщина улыбалась во сне. Прохожий начал уже беспокоиться, озираясь по сторонам. Нет, никого подходящего на роль третьего вокруг не было. Смерть тоже начал нервно ерзать и от этого потерял всю картинную значительность своей позы. Ожидание затягивалось, а у него еще много работы. Подняв голову и поискав холодными глазами кого-то, Смерть начал в нетерпении постукивать пальцами по набалдашнику трости. «Пижон», — подумал прохожий. Он видел Смерть в разных обличьях, но тот всегда любил порисоваться. Набалдашник в виде ледяного че-

репа на трости сейчас был тому подтверждением. Видимо, им он собирался воспользоваться сегодня. Только третий никак не шел. «Сообразить» не удавалось. Смерть в упор посмотрел на прохожего. Ледяной взгляд, от которого не спрячешься за вуалью из снежинок.

Это могло значить только одно — его приглашали быть «третьим». Долг и крылья звали, и ослушаться не получилось бы, ведь он был ангелом.

«Всю теперешнюю жизнь на Земле я избегал этого момента — и вот, как говорили трагики иных времен, колесо истории сделало поворот. Так глупо — попасться в парке у метро», — подумал прохожий и сделал шаг вперед. Снежный занавес раздвинулся и сомкнулся за его спиной, зашуршав, как бамбуковая занавеска.

— Почему ты так долго? — холодно спросил Смерть. — Я уже думал, что мне придется одному тащить эту сущенцию.

Ангел молчал.

— Готов? Начнем, пожалуй. — Смерть покрутил трость между пальцами, как заправской циркач, подкинул в воздух, поймал на лету и прикоснулся ею ко лбу старой женщины. Снежинки замерли в воздухе, каждая на своем месте. Время остановилось. В застывшем мире двигаться теперь могли только двое, женщина была уже не в счет. Осталось только срезать ей крылья, замершие вместе со снегом.

Ангел молчал и не двигался.

— Было бы даже немного жаль отправлять ее Туда без сопровождения. Она заблудится, как и остальные такие же...

«Какой он сегодня болтливый... — с досадой подумал недавний прохожий. — Раньше делал все молча. Или я не обращал внимания?..» Он в упор посмотрел на лицо своего напарника. Как и предыдущие 7938 раз, когда они встречались, лицо Смерти ничего не выражало. Но почему-то ему показалось, что Смерть в хорошем настроении, если оно может быть у Смерти. Может быть, сегодня будет не так много работы, как обычно?

— Теперь твоя очередь. Немного анестезии, как я это называю. Бери ее за руку, закончим дело и разойдемся до новых встреч. — Смерть не глядел на того, к кому обращался. Его взгляд был направлен на свою трость. Вытянув руку вперед,

он глядел, как стекает ледяной набалдашник. Гримаса черепа жутко потекла в сторону. Круглые пустые глазницы выгнулись, оскал мертвых зубов вытянулся влево. Словно гигантский флюс перекосил некогда округлые формы. Опухоль становилась все тоньше и длиннее, все больше вытягиваясь, заостряясь. Через мгновение в руках у Смерти было привычное оружие — коса. Он оглядел ее удовлетворенно, щелкнул пальцами по лезвию. Звук, похожий на вздох, рассек застывшую тишину.

Ангел молчал и не двигался, лишь смотрел на лицо старушки. На такое простое, милое и непрятательное лицо старой женщины, которая когда-то была похожа на ангела. Ее тонкие прозрачные крылышки-дыhanье чуть поблескивали в застывшем свете. Он вспомнил, как они блестели и переливались, когда эта в то время молоденькая девушка ела вишню из хрустальной вазочки и смеялась. В тот миг, впервые за 7937 раз пребывания на земле, ангел обратил внимание на игру цвета на маленьких хрупких крыльях за спиной человека...

Резкая боль, до хруста ломающая спину, пронизала тело молчавшего. Это рванулись к небу его золотистые крылья, разорвав аптечные бинты, которыми их хозяин плотно прибинтовывал к телу. Это был его способ жить среди людей почти человеком.

Он придумал спрятать крылья в тот вечер, когда выполнил свой долг и коснулся крыльев девушки, запутавшейся в красивых вещах. Что будет с ней дальше, он уже знал: завтра она встретит человека, который изменит ее жизнь. В ней не останется красивых вещей. Зато появятся живые люди. Много-много раз ангел наблюдал такие ситуации, сам их создавал и участвовал. Это была его работа, потом он возвращался Домой. Его крылья, могучие, светлые, неизменные, сильные крылья радостно пели о Доме, Возвращении туда, где столько Красоты.

Но в тот памятный вечер, когда ангел стал прохожим, он зашел в аптеку на «Соколе» и купил девятнадцать стерильных бинтов для своих крепких крыльев. Он бинтовал спину каждое утро, иначе новые крылья прорывались наружу, как несколько вздохов назад.

Смерть наконец взглянул на своего молчаливого собеседника. Первозданно белые, снова готовые к своей единствен-

ной песне, песне Возвращения, крылья нетерпеливо подрагивали за спиной ангела. Он в упор посмотрел на Смерть. Как долго длился этот взгляд? Никто не знает, ведь время остановилось.

— Разреши мне обрезать крылья твоей косой, — пропел ангел.

— Это не по правилам, — ответил Смерть.

Ангел настаивал:

— Я обещаю, что здесь и сейчас обрежу крылья самостоятельно и верну тебе косу. На ее лезвии останется кровь как доказательство выполненной работы. Слово ангела.

Смерть размышлял мгновение среди застывших снежинок. Затем спросил:

— Ты что-то к ней чувствуешь?

— Ангелы не чувствуют, ты же знаешь. Ангелы суть служебные духи. И не лгут. Ты это тоже знаешь.

Смерть все еще колебался:

— Зачем тебе это? Каждый должен выполнять свою работу и ничего личного.

— Точно. Но относиться к работе можно творчески. Как ты, например.

Смерть рассмеялся:

— Давно мне так откровенно не льстили. — Но слова попали в цель. — Так это твое творческое начало? Ты не первый из Созданий, кто так начинал. Помнишь? Еще до Войны... Не боишься скатиться по наклонной?

— Страх — это чувство, а ангелы не чувствуют, — был короткий ответ.

Смерть протянул ему косу.

— Только быстро. Держи ее нежно. Это я про косу. Она самая острые вещь на свете. И не направляй лезвие в свою сторону. После ее взмаха уже ничего не отрастает снова.

— Надеюсь, — улыбнулся ангел.

Со свистом, похожим на вздох, коса рассекла воздух. Два серебристо-белых крыла грудой снежинок замерли в воздухе. Ангел рухнул от боли на колени у лавочки, а крылья остались висеть. Смерть вырвал косу из его рук. Крылья побледнели и, рассыпавшись на тысячи льдинок, медленно опали на землю. Другие снежинки тут же пришли в движение. Появились цве-

та, звуки, запахи. Время ожило и помчалось наверстывать нечаянную паузу. Вернулась реальность. Ангел перевел дух и полез в карман за стерильным бинтом. Потом с трудом поднялся и сел на лавочку рядом со спокойно дышащей старушкой.

— Впервые дышу полной грудью, — сказал он, разрывая упаковку бинта. Холодный воздух острыми иголочками ворвался в его грудь. Он закашлялся и поморщился от боли, сунув тампон из бинта за воротник пальто. — Свежие порезы всегда болят.

Смерть осмотрел лезвие косы. Оно было темным. Хмыкнул:

— Все как обещал. Слово в слово. А кровь у тебя откуда?

— От большого желания понять жизнь. Пока не пропустишь жизнь через себя, не поймешь. Можешь считать это творческим подходом к работе.

Смерть опустился на ту же лавочку рядом с бывшим ангелом и серьезно посмотрел на него.

— Я так и не понял, зачем ты это сделал. Она все равно умрет, просто чуть позже. Ты теперь тоже.

Его сосед поднял лицо к небу. Мохнатые пчелки-снежинки слетались со светлого неба к земле как к блюдечку с сахаром.

— Снег все-таки идет, значит, тебе пора в другое место, — был ответ.

— Тогда — до новой встречи, — сказал теряющий цвет собеседник. В его голосе не было чувств, только констатация фактов. — Я успел коснуться твоей подопечной. Ты не сможешь ее сам разбудить.

Последние слова донеслись уже из снежного вихря и рассыпались вместе с ним на тысячи изломанных снежинок, смешались со стаей небесных мотыльков и стали неразличимы.

— Да-да, и крылья уже больше не вырастут, — пробормотал пожилой мужчина, тяжело поднимаясь с заснеженной лавочки. Там, где он только что сидел, остались лилово-красные капли, похожие на пролитое вино.

...Старушка, сидевшая на лавочке, Софья Ивановна, спала и видела сон. Он начинался как картинки из ее жизни, а закончился какой-то фантасмагорией. Ее, уже старенькую и почечную-то одинокую бабульку, почти спас от самой себя пожилой художник Михаил, который в реальности жил в студии на кры-

ше их дома и рисовал ангелов для всей Москвы. Говорят, в сезон, к Рождеству, он неплохо на этом зарабатывал. Только жаловался на боли в спине по утрам. Она вспомнит о своем красивом сне через пятнадцать минут, после того как студент Петечка Смирнов, опаздывая на лекции, со всего размаху свалится в сугроб перед ней и случайно заденет Софью Ивановну. Вспомнит и улыбнется: как все-таки ужасно все могло бы быть, если бы не сложилось так, как сложилось...

Бывший ангел, прохожий, пожилой художник Михаил шел по улице, и белые снежинки падали на его бескрылые плечи, охлаждая горячие раны. Он шел, пошатываясь, осторожно ступая — было все-таки еще слишком больно. Белые хлопья прорывались к нему с красного неба — так он их видел. Прорывались и, как заботливые руки, гладили по спине, боль уходила, остались только шрамы.

«Глупо, — думал он сквозь боль. — Получается, что я был влюблён в эту женщину и потому остался. Красиво, но, кажется, такой фильм уже есть. Только дело-то не в ней, не в этой женщине, похожей на ангела. То есть и в ней, конечно, но не так, как все подумали бы, если бы узнали. Мои огромные, мощные, сияющие, прекрасные, потерянные навсегда ангельские крылья никогда не изменялись. На них можно только летать. Маленькие, хрупкие, прозрачные крылья моей 7937-й девушки сияли и переливались даже от такой мелочи, как спелая вишня или стакан горячего какао. 7936 раз я должен был видеть смерть, чтобы захотеть ощутить жизнь. Девушка, похожая на ангела, помогла мне это понять, когда ела вишню из хрустальной вазочки и смеялась. У нее были — почему, собственно, были? — и сейчас есть очень яркие крылья. Как жизнь».

Боль постепенно стихала. Красная пелена, в которой падали снежные хлопья, как перья из срезанных крыльев, уступала место пастельным тонам снежного зимнего утра. Дышать становилось все легче и легче. Шрамы почти не болели, лишь ныли, как старый радикулит. Прохожий снова нашел в себе силы улыбнуться. Рыжий скандальный пекинес, которому он улыбнулся, громко его обтявкал. Смешная девочка лет десяти немилосердно дернула собаку за поводок: «Дарси, фу!» Но старик уже подходил к уличному лотку с фруктами. Апельсины

там под большим бело-синим пляжным зонтом рыжели ярче, чем летнее солнце. Они были тяжелые, твердые на ощупь и промерзшие насквозь. Огоньки в витринах кафе и магазинов волшебно сияли сквозь дымку пасмурного утра.

Старик шел на запах, согревающий детский запах свежего какао. Через чайного цвета окно он увидел ангела, похожего на девушку, осторожно держащего в ладонях бумажный стаканчик с какао, и вошел в дверь кондитерской под хрустальный звон дверных колокольчиков.

5.0

Сергей зашел за стойку буфета. Пять шагов. Три первых — легко, быстро. Желание проверить невероятную догадку придавало сил. Как раз до края, до поворота. Еще пара шагов до ящика с пустыми бутылками (для отчетности). Но он застыл в нерешительности.

Если спокойно сесть и подумать, то волноваться вроде бы и не стоило. Монета оттягивала карман, реальная и тяжелая. Ленка, при всей ее стервозности, хорошая и честная девчонка: раз сказала, что все кончилось, значит, нет больше коньяка. И странная гипотеза — только игра подогретого спиртом воображения. Просто какой-то чел (может, геолог, а может, террорист из Израиля) загулял, запал на девчонку. Она же симпатичная, хоть и рыжая! А расплатиться нечем, вот и бухнул, что было, решил пофорсить. А Сергей ему кайф обломал... Все логично. Сходится. «И незачем греметь пустой тарой», — одернул сам себя Сергей. Засунул руки поглубже в карманы. Да, монета была там. Тяжелая, настоящая. «Если отдать ее просто как лом, то много не заработаешь. Надо с Ушаном связаться, он и сам ценитель, и других коллекционеров знает. Хрен ему, обойдется! Я ее лучше Седому загоню за полцены, а этому подлому чурке не отдам. Вот такой я гадкий, зато гордый. Славянофил!»

Он достал динарий, положил на ладонь и стал рассматривать полустершиеся буквы, вспоминая позабытую латынь. Как ни крути, получалось «римский император Нерон». «Но этого не может быть!» Бывший историк и нынешний охранник бо-

ролись в нем сейчас. Знание, образование, пусть непрочные, подернутые пеплом и пылью, внезапно вылезли и лишили покоя, который воплощал охранник.

«Все надо проверить фактами. История не имеет сослагательного наклонения. Гипотеза проверяется фактами», — твердил историк, ставший охранником. «Оно тебе надо? Хватай монету и деру, а завтра позвони Седому», — шептал охранник, бывший когда-то историком.

Сколько лет прошло с тех пор, как Серый окончил университет? Пять? Восемь? Или все десять? Он уже не мог с точностью вспомнить и сам. Только обрывки любимых когда-то предметов иногда всплывали в памяти, как сегодня латынь и история религий. Жуткое ощущение тогда охватывало, словно заглядываешь в заброшенный колодец, а оттуда, со дна, на тебя кто-то смотрит. И непонятно, кто там, с темным лицом, и черты знакомые. Да это же ты, да больно на утопленника похож! И безумно жалко себя становится.

Сергей учился легко, ему нравилось. Он просто учился, делал что говорили. Хоть и бесполезные предметы на историческом преподавались. Почему не стал историком? Не было повода. Не было связей, знакомств, счастливого случая найти Троя. Когда хочется все и сразу, самое сложное — это двигаться медленно, пусть даже и вперед...

Зарплата охранника больше зарплаты аспиранта. Синица в руках лучше журавля в небе. Богу — богово, а кесарю — кесарево. Вот опять эта дурацкая мысль!

Сергей взмок. Монетка засияла. Он отвел взгляд от нее, и тут же на глаза попался тот злосчастный ящик с пустыми бутылками. Вот он, в двух шагах. Горлышко от коньячной бутылки торчало над остальными — то ли призывно, то ли насмешливо. Золотистая пробка в желтом электрическом свете. Даже оттенок похожий.

Умение мыслить, наблюдать и делать выводы, выпестованное в университете, взращенное, взлелеянное, бывшая гордость Сергея, его «Большие надежды», спрятанные за ненадобностью в нижний ящик шкафа-сознания, сегодня вечером не давало покоя. Согласно гипотезе, прорвавшейся из запыленного прошлого, склеившейся из университетского курса истории мировых религий, даты на календаре, семейных неурядиц

с женой, ста граммов коньяка, вечерней встречи с человеком неславянской внешности, римской монеты и стареньского башкинского Евангелия, в кофейне произошло чудо. И, как положено настоящему чуду, его никто сразу не заметил.

Чудо, похожее на то, что пару тысяч лет назад произошло на деревенской свадьбе в восточной части отдаленной провинции самой могущественной державы мира. В жаркой Канне в разгар праздника тогда закончилось вино. Хозяина дома выручил один из гостей, ничем не приметный с виду. Люди на свадьбе никогда не пили более прекрасного вина, чем то, новое, что подали им. Они и не подозревали, что за мгновение до этого по приказу одного человека чрева старых кувшинов слуги наполнили обычной водой.

Сергей усмехнулся и дернул головой: преподаватель истории древних цивилизаций, Яков Соломонович Штейнберг, вида такого же древнего, как и его предмет, всегда с интересом выслушивал его гипотезы и называл его дерзким мальчишкой, а у самого глаза загорались от Серегиных догадок. Тетка по истории КПСС предала бы Серегу анафеме, если бы услышала, и костер бы собственноручно разожгла. Это она настояла на том, чтобы после окончания института на кафедру ассистентом взяли того тощего ушастого узбека, а не его. Серега тогда разозлился и гордо пошел в охранники супермаркета. А профессор Штейнберг еще несколько месяцев заходил в его супермаркет и покупал то пару луковиц, то кочан капусты. Всегда здоровался, но об истории не заговаривал. Потом перестал приходить. Как оказалось — умер. Потом Сергей случайно узнал, что профессор Штейнберг жил рядом с рынком, но ездил к Сергею — любимому дерзкому ученику, все надеялся, что освободится место на кафедре или еще какой шанс подвернется для юноши. Когда место освободилось, Сергей очень смеялся над предложенной зарплатой. Уж точно, «богу — богово, а кесарю...».

А что сегодня произошло? Зашел человек поздно в маленькое кафе далеко не в центре огромного города самой большой державы в мире, когда все уже заканчивалось, даже время работы, и повелел налить совершенно незнакомому грубияну вина, которое уже не вином, а бурдой было. Сергей вспомнил, как разлилось тогда по телу тепло от залпом выпитого и почу-

дился аромат незнакомых цветов. А потом человек сказал фразу из Нового Завета. Вопрос — кто это был? Яков Соломонович был гордился такой догадкой. Он всегда говорил, что нужно в простых фактах видеть необычные сочетания, тогда рождаются красивые теории.

Два шага — протяни руку и узнай. Страшно. Серега сделал шаг и снова остановился. Сел на Ленкино место и вперил взгляд в золотую пробку у своего правого ботинка. Интересно. И страшно. Словно стоишь у самого края обрыва у реки. На высоком берегу, а внизу — темная вода. И рядом нет никого. Хочешь — прыгай на свой страх и риск. Не увидит никто, не восхитится, не осудит, даже не узнает. Для себя это. Сможешь — не сможешь, жизнь все равно продолжится, только ты и будешь знать — слабо тебе или нет. Сможешь? В награду это знание и память о полете. Навсегда. Не сможешь, ну и Бог с тобой, проживешь и так. Это тоже подвиг — не поддаться, удержаться на краю, где от высоты дух захватывает...

Сергей до боли сжал кулаки. Монета резанула ребрами ладонь. Он не прыгнул тогда, когда ему было четырнадцать.

А сейчас, чего он боится сейчас? Да все того же. Если он сейчас вытянет из кучи пустых бутылок эту золотоголовую высокочку, а там светится на два пальца красивая янтарная жидкость, значит, все сходится. Значит, странный ночной посетитель, и эта монета, и сегодняшний день, и все, что произошло в завалившей кондитерской пятнадцать минут назад, — перифраз евангельских историй, и только что в снежную ночь ушел Тот, чье рождение завтра будут отмечать уже в двухтысячный раз. Значит, Он говорил что-то важное, а ты его не узнал, не понял, не поверил, не выслушал, не почувствовал...

А если нет? И в бутылке пусто? И пахнет она затхлым чаем? Тогда можно спокойно жить дальше. Жить с ощущением разочарования, словно вместо конфеты в фантике подсунули пустышку. И останется только смыть бумажную обертку, отшвырнуть ее в сторону и делать вид, что безвкусная шутка — смешная, что тебе весело от нее. Так многие делают.

Сереге опять почудился обрыв над Волгой, с которого он не прыгнул в детстве. Он даже ощутил порыв ветра. И решил — прыгнет, сейчас-то он прыгнет! Набрал в грудь воздуха и протянул руку, чтобы узнать. В ушах зазвенело.

— Ты почему еще здесь? Иди домой — я сама закрою.

Это вошла Софья Ивановна. В шали и пальто, принеся с собой запах сырости и звон ключей.

Вот и все. Обрыв ушел из-под ног. Сергей-охранник крепко стоял на бетонном полу кондитерской. Ему вдруг показалось, что он умер. Давно уже умер и не заметил этого: не было времени, нужно было дуться на жизнь. Он отвернув лицо — мужики не плачут. Только в это он сейчас и верил. Что ему еще оставалось?

Молча надел Сергей куртку «made in China» и, не застегиваясь, вышел. Снег облепил ему лицо, оно стало мокрым. Сергей шел, не поднимая головы, втянув шею и не разжимая кулаков. Оттого что было холодно, оттого что возвращался он в пустую квартиру, где на столе лежала фотка сына, оттого что жена не может жить с человеком, который даже в снежинке видит только грязную воду. Оттого, что коньк, который он залпом выпил, обругав, который вертихвостка Ленка вчера на его глазах разбавила чаем, чтобы наварить больше выручки, который и без этих манипуляций был далеко не армянский, на котором и на этикетке-то была надпись с ошибкой, именно этот коньк оказался самой, по правде сказать, вкусной в жизни вещью. Питьем богов, вином для свадебного пира, кажется, так говорили древние поэты... Он это почувствовал сразу и если бы распробовал как следует, а не злился, то... Сергей не хотел себе признаваться, что среди всей красоты и чудес мира он двигался как плоская картонная фигурка теневого театра...

ФИНАЛ

Мы рассказали все картины, написали все истории и смотрели на нашего двадцатилетнего мальчика поверх пирамиды пустых стопок из-под текилы. Они были самым ярким пятном на нашем столике: галогеновый блэклайт делал их синевато-белыми. Они светились в темноте. Я сосчитала — стопок было двенадцать. Четыре наших, остальные пришли на амбициозный юношеский организм. Рассказывать было трудно. Слова таяли в ритме клубных звуков. Ударные заглушали смысл. Звуки забивали образы. Текила подстегивала интерес, но притуп-

ляла разум. Судя по взгляду Sash, у нас времени осталось немного. Он стремительно пьянел, но держался молодцом: слушал внимательно, сопереживал честно, а иногда в его глазах светилось Нечто. Вот это нечто нас и интересовало, ради него мы — я и мой большой друг — сидели здесь и через мгновение станем соперниками. Чуть не сказала «врагами».

Слова имеют власть над людьми. Я много думала об этом и пришла к выводу, что причина в памяти. Из материального мира слова ближе всего к образам, к идеям, к другому миру, который помнит каждый, но не каждый отдает себе в этом отчет. Вещи гораздо дальше от идеи, чем слова. Вещи — словно грубые копии с не очень хорошего слепка очень точно воспроизведенной старательным подмастерьем совершенной статуи мастера. Слова ближе к истокам, к образам, к памяти. Они тоньше и интереснее, их земная оболочка легче и изящнее. Слова легче проникают в человека. Словами проще достать до глубины души. Когда у тебя нет плоти, или не остается плоти, или не было никогда плоти, тебе остаются образы и их воплощения — слова. Все люди появляются на этот свет из мира бесплотного, там нет вещей и там хорошо. Люди это подсознательно помнят и потому любят слова и идеи. Людям трудно в этом мире. Он слишком тяжел для них, слишком плотен для идей. В вечной жажде полета человечество ищет возвращения к свободе от тела, к предназначенному, откуда мы все — сидящие здесь за столиком среди грома клубного хаоса, озаренные сиянием пустых стеклянных рюмок. К земле нас пригибают только ощущения — единственное, чего нет в Начале...

Но по ощущениям специалист — мой друг. Я ненавижу ощущения. Я считаю, что они — жалкий довесок к мысли, красивой идеи, глупая цветастая бумажная обертка. Мой друг боится воротить эти фантики. Для него они — высшее наслаждение, созданное Творцом. Для людей. И эти люди превосходят создания иных времен... «Жизнь людей полна особой радости, которую самые мудрые из них умеют ценить. Например, японцы или древние стоики. Дети. Все они ценят простые радости жизни, данные им в ощущениях», — говорит мой большой друг. Мы никогда не прикасались к коже друг друга. Потому что я ненавижу ощущения, а прикосновения — тоже ощущения. А он — не дождется от меня такого!..

Наши странности не мешают нашей дружбе. Мы же все-таки одного рода. Различные вкусы и жизненные ценности, стремление доказать свою правоту, невозможность этого и единство битвы связали нас накрепко вот уже много лет.

Официантка с беджиком «Лена», рыжая девица, про которую я придумала историю, появилась из полумрака за спиной и шепнула мне тактично на ухо: «Вашему другу, кажется, уже достаточно». При этом она наклонилась так, что юноша не мог смотреть никуда больше, кроме как на ее... беджик или то, на что он был прикреплен. Это, похоже, его взбодрило. Но какой он мне друг, этот упившийся в поисках приключений парнишка?! Упившийся в... беджик! И от этого пьяного подростка зависит, где я проведу следующий год. Боже, это несправедливо! Хотя — что я, чтоб Тебе указывать?

Почему я сделала эту рыжую тощеньку девицу героиней своих историй, ведь я никогда ее раньше не видела и понятия не имею, кто и что она такое? А почему бы, собственно, и нет? Мне понравились ее яркие кудри и затертое имя Лена. Разве не интересно получилось? Интересно. А от нее не убудет. Она и не узнает никогда, через какие приключения я провела ее в своих историях. Примерила на ее золотистую головку и венец страданий, и нимб блаженной святости. Ей подошло. Конечно, я все придумала. Но Sach поверил, я заставила его поверить и переживать выдуманные приключения неизвестной ему официантки и ее окружения, как настоящие. Я читала это по его глазам. Не знаю, задумался ли он о смысле моих слов. Но то, что благодаря моей фантазии и легко слепленным в холодные фразы словам на основе образов, похожих на те, что и на самом деле видел этот опьяневший молодой человечек, перед ним нарисовалась иная картинка города под снегом, — это точно. Пусть посмотрит на миг на свой мир моими глазами, если ему понравится — пусть забирает этот мир себе! А я вернусь домой, ни капли не жалея об обмене. Стать соляным столбом, оглянувшись, — что может быть глупее? Я никогда так не сделала бы.

Хотелось похвалить себя (нас с другом) — дар был у обоих, таланта в равной степени. Да и материал мы нашли достойный. Мальчик сам сказал, что ему интересен Тарантино. Мой

рассказ вполне соответствовал его вкусам. Даже переехали машиной кое-кого с похожим именем. Я довольна своей работой. Выполнила ее в духе пост-модернизма и всеобщей глобализации. В духе этого времени и этого мира. Осталось совсем чуть-чуть — финальная битва. Кто победит сегодня — я или мой друг? Что он предложил юному ценителю текилы? Не знаю, он не рассказывал. Таковы правила: каждый сам по себе добывает победу. Диджей поставил что-то совершенно невообразимое. Звук застыл на одной ноте, пульсируя.

Я знаю, почему малыш мне поверил: он сто раз видел снегопад, кондитерские, синие «Шкоды», сто раз проходил мимо изображений ангелов и старушек, сидящих на лавочках, а уж скучающих охранников перевидал массу. И наверняка задавался вопросом: а кто они, эти люди? а что все значит? А может быть? Спасибо писателям-фантастам. Вы мне очень помогли, ребята! Квентину Тарантино, как популисту вывернутого монтажа, и Стивену Кингу, нагнавшему жути в головы молодых читателей всего мира на основе какой-нибудь маленькой детали, — особая благодарность! Теперь молодые люди думают штампами — мне легче.

Появление рыженькой ускорило события. Милый мальчик потянулся к манящей его груди и нетвердым голосом спросил:

— У вас есть свободный чил-аут?

Официантка отпрыгнула от нашего столика, видимо, от неожиданности. Чил-аут! Отличная идея! Знак свыше! Мы идем!

Пульсация усилилась. Звук становился все тоньше и пронзительней, ввинчиваясь в мозг. Реакция у нас с другом была мгновенной и одинаковой. Мы нагнулись к дозревшему клиенту и разом прокричали ему с двух сторон:

— Пойдем со мной! Выбери меня!

У юноши вытянулось лицо.

Дети, когда говорят одновременно, заливаются веселым смехом, взрослые — улыбаются. Наши лица остались серьезными. Теперь мы перестали быть друзьями. В такт ритму замерцал свет.

— Я покажу тебе свои крылья! — прорываясь сквозь звенящую гущу звука, закричала я.

— Я дам тебе потрогать свои шрамы! — донеслось до меня из пульсирующей полутишины. Это мой соперник.

Мальчик выглядел как неживой. За гладкой зеркальной выпуклой стеной его глаз, в глубине его зрачков металось Нечто. Всемогущая свобода выбора, которая есть только у людей. Кого из нас он выберет сейчас? Кого выберет, того освободит! Меня, меня! Я лучшая! Я полечу домой! Я оглохла от шума, называемого на земле музыкой. Перестала ее слышать. Все, что я сейчас видела, это пухлые бледные губы молодого человека. Они медленно приоткрылись. Sach заговорил. Он глядел прямо перед собой.

— Мне больше нравится... текила. От нее улетаешь! Еще порцию, девушки! — Из темноты выступила Лена с бутылкой в руках. Парень растянул губы в пьяную улыбку и упал лицом на стол. Звон разбитых стопок мы не услышали — трясущаяся темнота взорвалась звуком взревевшего хаус-коктейля по велению клубного бога по имени диджей. Полночь. Ничья.

...Этот вечер стоил нам еще одного года жизни на земле и месячной зарплаты. Я испытала новое чувство — жадность. Было жаль денег. Весь год я вкалывала в редакции журнала «Цветоводство» как проклятая в надежде выбраться из этой дыры, именуемой мир. Целый год ждала этой ночи, чтоб победить и Вернуться. А в результате мне и моим крыльям предложили выпивку. Глупый Sach от нее, видите ли, улетает! Еще триста шестьдесят пять дней ждать до следующего Рождества. Следующий год будет високосным. Ладно, не впервой, но я осталась без подарка на Новый год. В клубе оказалась очень дорогая посуда! Друг благородно изрек: «Расходы пополам!» Но мне все равно обидно!

Небо посыпало нас сверху белыми хлопьями. Тихо, нет ветра. Снега успело нападать очень прилично. Он похрустывал под ногами при каждом шаге. Друг держал меня под руку. Мы медленно шли к засыпанному снегом скверу, где посередине пустой и грустной зимней клумбы стояла белая гипсовая статуя ангела с разнонаправленными крыльями — одно вверх, другое вниз. Сегодня мы здесь сдаем отчет. Иронии в выборе места — хоть отбавляй!

Друг поглядывал на меня украдкой и очень честно старался сделать грустный вид, но у него плохо получалось. То и дело

его скулы напрягались, он отворачивался, скрывая довольную физиономию.

— Съешь лимон, что ли, — не выдержала я. — Закисли лицо, а то аж светится.

Он, уже не прячась, улыбался:

— Я люблю лимоны, особенно с сахаром. Они такие вкусные, язык приятно пощипывают... — «Вот гад, а! Еще и издевается!» — Знаешь, почему у тебя ничего не получилось в этот раз? Ты слишком умная, а надо было его просто соблазнить. По щеке погладить, глазками посверкать, подышать в ухо...

Меня аж передернуло.

— В конце концов, мы же договорились, каждый сражается своим оружием. Тебя с твоими ощущениями Sach тоже не выбрал. Ты его, наверное, слишком активно трогал, да? Не судьба тебе в этом году стать человеком. Купи новые ножницы, чтоб состригать перья. Завтра с утра снова вырастут! Будет еще меня учить беглый ангел-недовоплощенец!

Упс! Кажется, я попала в цель — ему больно. Больно от моих слов. Вот так вот, родной, наши друзья знают все трещинки, все слабые места. Это чувство я знала, оно называется «превосходство». Забавно, но Sach на самом деле носил имя одного из первых апостолов. Я заглянула ему в паспорт, когда мы загружали это пьяное чудовище в такси.

— Что, больно?! — Я заглянула ему в глаза, зрачки у него расширились. Я такое часто видела у тех, кто испытывал боль. — Ах, извини, я забыла, что ощущения бывают не только приятными. Боль — обратная сторона удовольствия. Или приправа к ней, разве нет? Нравится? Я сделала тебе больно словами. Совсем не обязательно давать пощечину. Обошлась без тактильного контакта.

Он схватил меня за плечи, притянул к себе и приподнял. У меня дыхание перехватило. Снежинки перестали таять на его лице.

— Слушай, а это не ты вдохновляла маркиза де Сада?

Он сжал меня так крепко, что тело застонало. В глазах потемнело.

— Нет, я всегда предпочитала интеллектуалов: Платона, Аристотеля... — Мой голос заскрипел. — Отпусти, мне больно!

Он разжал руки, я рухнула на свежий снег. Он стряхнул снежинки на своих щеках, словно это были капельки пота. Я старалась отышаться. Внутри тела стало холодно, словно кто-то засунул туда твердую круглую ледышку. Первый раз с нами такое! Он прочел в моих глазах новое состояние и нагнулся ко мне. Я не хочу, чтоб он схватил меня еще раз!

— Вот это называется боль. И страх. Понравилось? Я ощущаю это каждый день, когда обрезаю крылья. Перья становятся красными-красными. Анализируй это! — Я представила себе крылья, забрызганные дымящейся кровью. Замутило. Друг протянул мне руку, чтоб помочь подняться.

— Так чего же ты ловишь здесь? Давно бы Вернулся! — прошипела я.

— Да потому что здесь лучше! Здесь много всего интересного можно попробовать! Я здесь живой! Вот потрогай! — заорал он, протягивая мне руку, но я встала сама. Текилой от него уже не пахло. Я сделала вид, что отряхиваюсь.

— Ненавижу ощущения! — прошептала я сквозь зубы, чтоб он не услышал.

— Упрямая, как соляной столб, — прошептал он, чтоб не услышала я.

Дальше мы шли молча. Каждый размышлял о своем. Я не знаю, о чем думал мой друг, ангелы не чувствуют мыслей друг друга. У меня же внутри глыбой лежал кусок льда. Я шла и перекатывала его внутри себя, силясь определить, что это. А еще я весь год пыталась понять, почему я не могу Вернуться... Я всегда делала все по правилам, выполняя задания. Я отличалась пунктуальностью и точностью. Всегда собранна, внимательна, безупречно вежлива. Ни на что не отвлекаюсь во время работы, не ставлю ничего выше работы. Никуда не лезу, в чужое не встреваю. Своего не имею. Всегда все дела довожу до конца и всех провожаю к свету. Никого не выделяю. Мои крылья безупречно белые. Я — идеальна. Почему я на этой пыльной земле, а не Дома? Чем Он недоволен? Ах как я несчастна!

Мой друг шел улыбаясь. Конечно, ему хорошо! Он сбежал в этот мир. Не выполнил одно задание и не смог вернуться. Таковы правила. Ему что! Ему в удовольствие торчать здесь, в самом центре этой копошащейся беспокойной кучи, назван-

ной Жизнь. Как он может терпеть этот беспорядок, хаос, стены, мух, гравитацию, глупость и жир на пальцах после пирожков? Он всегда был не такой, как я. Не боялся пачкаться. Он называет это «лечебная грязь». А я всегда спрашивала, когда он Возвращался с очередного задания: «От чего лечебная?» «От пустоты», — отвечал он. А однажды не вернулся.

Я его не искала. Когда ходишь по земле, все время боишься подхватить насморк или грязь, вляпаться в какую-нибудь человеческую историю или чувство. Потом долго ходишь как чумная, и приходится отстирывать крылья. Я люблю свои белые крылья. Я их всегда берегу и хочу обратно, Домой! Я не понимаю, что хорошего в этой тяжелой, плотной плотской жизни!!!

Мы дошли до места. Вот сейчас раскроются небеса, и Он спустится на облаке! Нет. Он сидел на лавочке, просто над Ним не шел снег. Серая шапка, темные волосы выбиваются прядями, коричневая куртка, под ней — синий свитер домашней вязки с вытянутыми рукавами, скрывающими шрамы на Его ладонях. В ладонях бумажный стаканчик, от стаканчика поднимается пар. Джинсы, грубые башмаки. Он смотрел наверх. Мы пали пред ним на колени.

— Падающий снег — это удивительно красиво! — сказал Он, не глядя на нас. — Жаль, что в Назарете не бывает снега.

— Да, Господи, — в один голос пропели мы.

Он посмотрел на меня. Никто не может вынести его взгляда спокойно. Я опустила глаза.

— Я знаю, у вас снова ничего не получилось. Человек не выбрал никого из вас. — Он не отрывал взгляда от танцующих для него снежинок. — Одна слишком неощутима, другой чеснок влюблен в материю. Вы остаетесь здесь еще на год. Пусть все остается как было. Все по-прежнему: найдете человека, который захочет поменяться с любым из вас своей жизнью в ее полноте, — будете свободны, пойдете куда захотите.

Он смотрел на белые снежные перья. Мне вспомнилось, как наши расчесывают крылья по утрам. Пух летает так же. Ледяной ком разрывал мне грудь изнутри и подступал к горлу.

— Господи, это звучит как... приговор!

— ...надежда! — Мы переглянулись. Мой последний шанс в этом году узнать, что делать, чтобы Вернуться! Если Он сейчас

уйдет, мне страдать здесь еще 365 дней! Я кинулась Ему в ноги и взмолилась: — За что? Почему? Для чего, Господи, Ты здесь меня оставил?

Я надерзила, Он ввергнет меня в ад! Пусть! Отчаяние придало мне смелости... Нет! Он справедлив, а я безупречна! Во имя высшей справедливости, умоляю! Воздай по заслугам! Смилуйся! Я никогда не пачкалась об эту жизнь!

Я ждала грома, а услышала голос:

— Ты — лучшая из своих. Попробовать жизнь на вкус — это привилегия.

Яркий запах горячего какао поразил меня. И еще слова, совсем простые:

— Мне понравились твои истории, пусть завтра все так и будет. Здесь, на этом месте.

А дальше — тишина. Только шорох шагов по снегу. Над тем местом, где Он сидел, по-прежнему не падал снег. Лунный свет ярко освещал оставленный стаканчик из картона. Темная прозрачная полоса тишины и зимнего ночных пейзажа. По ее сторонам — занавес из шевелящегося снегом воздуха.

Что мне делать с этой привилегией? Ледяной горкой я стала в тот миг. Я поняла, что не смогу подняться, в моих коленях нет больше сил. Нет сил даже повернуть голову. Он оглянулся, перед тем как уйти:

— Жаль, что в Назарете не было снега. Я играл бы в снежки с младшими братьями.

— Да, Боже, снег Тебе удался, — пропел мой большой друг. Он снова меня выручил.

Ледяной ком забился внутри моей головы. Я не поняла. Не поняла, не поняла, что мне делать, что делать, что делать...

— А я в своей истории ошибся, Он будет пить не кофе, а какао. Правильно, у Него же день рождения: детский праздник — детский напиток. — Друг обнял меня за плечи и поднял, прижал к себе. Почему я раньше не знала, что он такой теплый? Я оказалась совсем маленькой. Он взял в ладони мое лицо. Его руки на моей коже. Горячие!

— А ты попробуй участвовать в жизни... Войди во вкус. — От горячих рук на щеках ледяной ком в голове треснул и растаял. Все вдруг потеряло четкость, и из глаз моих потекло что-то

горячее. Я слепну? Друг вытер мои первые в жизни слезы. Почему я никогда не замечала, что у него морщинки возле глаз? И веснушки. У ангелов не бывает веснушек. А у него были. — Слезинки. Отличное начало для начинающей. Welcome to the real world! Я завидую — Он так справедлив и добр к тебе. Высшая справедливость — это милость, помнишь?

Вот умеет он все испортить! Теперь мне хотелось его ударить. Я отстранилась, отвернулась, чтобы он не продолжал. Не смотрел на меня снисходительно. Не хочу его видеть, он смеется надо мной. Домой хочу! К себе! Выпить вкусного горячего какао с молоком, отогреться и лечь спать. Как я устала, я только сейчас почувствовала, что устала.

Не подумала, не ощущила, ПРОЧУВСТВОВАЛА! ПроЧувствовать — это ощущать и размышлять одновременно. Быть в видимом и невидимом мире сразу. Пропускать оба этих мира через себя. Не замыкаться в себе и на себе. Не мудрствовать и не сибаритствовать. Жить. Думать. Видеть, слышать, ощущать, понимать, чувствовать. Сочувствовать. Может, мне понравится? Может быть, это совсем не наказание? Ведь не напрасно же Он приходит в этот мир каждый год, чтобы пройтись по декабрьским улицам, заглянуть на огонек или в чье-то сердце...

В бесснежной полосе белела гипсовая статуя. Одно крыло — вверх. Другое — вниз. И на лице — одни глаза. На меня в упор. Я поняла, почему Он вызвал нас сюда. Как просто! Вверх — мое засущенное умствование. Вниз — животная привязанность к земному. Но на одном крыле не улетишь. А летать хотят все — и люди, и ангелы. Только первые напиваются до одури или строят самолеты, получая суррогат. Вторые, стараясь не испачкаться, засыхают в отрыве от жизни. Что делать? Вот задача тебе на год. Анализируй это! Может быть, я все-таки почувствую этот хваленный вкус жизни? Может быть, жизнь — это и не наказание вовсе?

Слабый удар в спину заставил меня подпрыгнуть:

— Эй, подружка, а что ты почувствовала, когда Sash погладил тебя по коленке? — и друг запустил в меня еще один снежок. Ах он, презренное бескрылое сухопутное! Я выпростала крылья и, взлетев, залепила ему снегом за шиворот:

— Мне было... щекотно!

Хохоча, он бросился удирать от меня по свежему снегу. Я с жуткими шутовскими завываниями летела за ним, маневрируя между стволов и снежинок. А в небе, как уже пару тысяч лет или чуть-чуть больше, сияла звезда. Я чувствовала: она улыбается...

ЭПИЛОГ

У студента Петечки Смирнова был только один недостаток: ему никогда не везло. С самого детства.

То есть не так чтобы катастрофически не везло, но если могло хоть в чем-нибудь не повезти, то так и случалось.

Это была не та высокая трагичность, о которой с приыханием пишут книги или в кино показывают, нет. Ничего экстраординарного. Террористы Смирнова не захватывали, самолеты не падали, и дом его не горел и не взрывался. В общем, никакой почвы для героизма.

Петечкин случай был куда как злее: мелочи жизни, способные испортить всю жизнь.

В конце концов, дождь состоит всего лишь из маленьких капель... Что одна капля для человека? Пустяк! А ливень?

Вот под таким ливнем из мелочного невезения Петечка и жил всю свою сознательную жизнь. Все подобранные им в детстве котята оказывались блохастыми кошками, ему откровенно врано радио насчет прогноза погоды, лифт и общественный транспорт его игнорировали. Именно Смирнова обдавала грязью проезжавшая мимо машина, причем именно тогда, когда на нем было что-то новое. Именно перед ним заканчивались билеты в любую кассу. Именно он попадался на глаза директору, когда весь класс дружно и безнаказанно сбегал в кино. И даже в детском саду на полдник яблоки ему доставались только червивые.

Друзья называли его «тайное оружие возмездия» и прочили большую пользу в тылу врага.

Говорить о том, что вопросы на экзаменах Петечке доставались исключительно те, которых он не знал, — бессмысленно, это очевидно. Невероятно, как ему удавалось вообще сдавать экзамены, поступить и переходить с курса на курс в ин-

ституте. Но как-то все же удавалось: наверное, у женщин он вызывал умиление и жалость своей нескладностью, а мужчины были к нему просто снисходительны...

В личной жизни у Смирнова все тоже было грустно: девушки чаще замечали жвачку на его джинсах, чем самого хозяина джинсов. В мужской компании зато он всегда был желанным гостем — на его фоне любой другой выглядел героем. К тому же у Петечки было отличное чувство юмора, и исключительно на нем парню удалось протянуть первые девятнадцать лет своей жизни. Но к концу декабря, к своему двадцатилетию и к началу очередной зимней сессии, даже этот природный ресурс его характера стал истощаться. Еще пару лет — и Смирнов стал бы занудным брюзгой, а пока был только философом...

...24 декабря снег пошел как всегда неожиданно для Петечки. И, конечно же, он был без шапки — прогноз наобещал чуть ли не плюсовую температуру и солнце. Наивный Петечка поверили...

Дальше все шло по годами отработанной схеме: нужный автобус уехал за пятнадцать секунд до появления Смирнова на остановке, проходящая мимо машина привычно обдала Петечку грязью, времени до лекции оставалось в обрез.

Внутренне готовый к такому раскладу Петечка рванул на прямую через заснеженный парк. Пробегая через скверик со статуей ангела «Памяти живым и павшим во Второй Мировой войне», он смачно грохнулся, едва не разбив нос о бордюр.

Это ужасно рассмешило старушку, сидевшую на лавочке в скверике.

— Вы не ушиблись, юноша? — сквозь смех спросила она.

— Не, все хорошо, — ответил он, — все нормально.

И, отряхиваясь на бегу, Петечка помчался дальше. А за спиной его еще долго звучал глуховатый старушечий смех.

Замерзший Смирнов влетел в институт и, махнув рукой на привычно игнорировавший его лифт, помчался на лекцию по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки сразу и отфыркиваясь на ходу от таявшего на волосах снега. Пара, разумеется, была на верхнем этаже.

Все равно опоздал. Лектор, естественно, был не в настроении и к новой порции знаний Петечка допущен не был. Накрылся его зачет автоматом, ради которого он честно ходил

весь семестр на лекции. Зачет для простых смертных должен был последовать сразу после этой злосчастной пары.

«Merry Christmas!» — поздравил Петечка сам себя и, раздосадованный, плюхнулся на подоконник в коридоре. От нечего делать стал рассматривать падающий за окном снег.

Снег падал большими хлопьями, похожими на мохнатых бабочек, которых не бывает. Или на перья из ангельских крыльев. Ветра не было, поэтому каждая снежинка могла падать как ей нравится, и скоро все вокруг стало пушистым и белым. Удивительный покой заполнил душу студента. Полет снежинок все больше и больше захватывал его. Неприятности и досада ощущались все меньше и меньше.

Он и не заметил, как рядом с ним оказалась молоденькая симпатичная девушка в не по сезону легком белом джемпере. Села на подоконник, свесив ножки в широких светлых брюках и почти белых сапожках, и тоже стала смотреть на снежные хлопья за окном. Сидела и молчала, подняв голову вверх. А потом вдруг Петечка увидел, что по ее щекам катятся крупные слезы.

— Что случилось? — неожиданно для себя спросил он. Обычно Смирнов очень терялся при виде девичьих слез и старался их не замечать. Из деликатности, как сам он себя уверял.

— Очень хочется домой, — ответила девушка, всхлипнув и улыбнувшись чуть виновато.

— А что мешает?

— Здесь дел много.

— А-а, — понимающе протянул Петечка. — Сессия...

— Что-то вроде того, — снова улыбнулась она. Девушка смахнула слезинки тонкой ладошкой, от них не осталось и следа.

— А ты откуда? — удивляясь себе, продолжал разговор Петечка. «Что это со мной? — думал он. Такая настойчивость была не в его характере. — Дальше я ляпну какую-нибудь глупость, она обидится. Замолчит и уйдет. Все будет как всегда». Он почти успокоился от этой мысли и закрыл рот. Ему совсем не хотелось, чтоб эта необычная девушка уходила.

— Издалека, — ответила незнакомка и посмотрела на небо. Смирнов тоже туда посмотрел. Снежные хлопья стали невероятно крупными.

Помолчали. Петечка украдкой разглядывал девушку. Она была совсем молоденькая, тоненькая и вся какая-то светлая-светлая: фигура, кожа, волосы, тонкий джемпер с большим вырезом на спине... Все казалось светящимся, почти прозрачным, хрупким... а еще от нее пахло цветами. «Кажется, лилии...» — подумал Петечка и смущался от того, что так откровенно рассматривал незнакомую девушку и что его джинсы, как всегда, были забрызганы.

Девушка поглядела на студента прямо и ласково и сказала:

— Меня зовут Анжелика.

— Маркиза ангелов? — вырвалось у Петечки. Он внутренне сжался: «Вот! Ляпнул!» Сидящая напротив девушка совсем была не похожа на грудастую крашеную французскую актрису. В детстве мама брала его с собой в кино на этот фильм. Мальчик навсегда запомнил кадр, когда Мишель Мерсье, подбоченясь, гордо взирала на проезжающую карету своей соперницы. Именно в этот момент под маленьким Петей рухнуло кресло.

А незнакомке шутка неожиданно понравилась.

— Не маркиза, — тряхнула она золотистыми волосами и засмеялась. — У меня нет титула.

— А я...

— А ты Петечка, и тебе часто не везет. — Девушка озорно засмеялась.

Смирнов не был в восторге от столь милых сердцу подробностей. Но страх того, что девушка сейчас поднимется и исчезнет, заставил Петечку изречь как можно более глубокомысленно:

— Да, слава меня опередила, но невезение же не грипп, при контакте не передается. — «Что янесу?! Какой контакт?! Ой, блин! А! Хуже уже не будет! Это я типа мачо», — решил он. И промычал дальше: — Слушай, Анжелика, может...

— Может, пойдем в кино после твоего зачета? — неожиданно перебила его девушка и коснулась ладонью своих волос.

— Пойдем, — согласился совершенно ошарашенный таким поворотом Петечка.

Тут подошел Петечкин одногруппник Кожухарь, отвел его чуть в сторону, взял за рукав и сунул ему в руки два билета:

— Петро! У меня тут два билета завалялось на фильмец с Джимом Керри. Хотел со Светкой пойти, а она на меня дуется чего-то... Держи, у тебя не пропадет, как я погляжу. — И сыграл бровями двусмысленно так. — Познакомишь потом...

И ушел.

Смирнов даже разозлился на этого пошляка. Неуместен был такой жест в адрес светлой Анжелики. Было в ней нечто особенное...

Анжелика смотрела на него и улыбалась. Улыбка у нее была как у Моны Лизы.

Петечка обалдело посмотрел вслед Кожуху, как все его звали, а потом на Анжелику.

— Как-то странно все... Ты, он... Вы меня разыграваете?

Но получить ответ ему не удалось. Прозвенел звонок. Анжелика встала и сделала шаг в сторону лифта. Петечке пора было бежать на зачет. Но он вдруг тоже соскочил с подоконника и двинулся к ней. Она остановилась и вопросительно взглянула на него. Он замялся и промямлил что-то вроде:

— Мне сейчас надо идти, но мы должны еще встретиться, ладно? Пожалуйста! Я вообще страшный неудачник, но это ты уже знаешь... Если не боишься заразиться, побудь моим ангелом! И даже если я не сдам этот хренов зачет, то мы все равно пойдем в кино, о'кей?

— Конечно, — улыбнулась Анжелика. — Ты только на зачете второй справа билет возьми.

Она развернулась и летящей походкой пошла к лифту. Из-под выреза джемпера Анжелики вылезло белое перо, похожее на снежные хлопья за окном, и закружилось в воздухе. Оно подлетело к Петечке и опустилось ему на рукав. Пахло оно, как и его хозяйка, цветами лилии.

Двери лифта закрылись за Анжеликой. Смирнову почему-то показалось, что лифт поехал вверх.

Петечка помчался на зачет. Вызвался отвечать самым первым. Он очень спешил отделаться как-нибудь от злосчастного зачета. Сдал с первого раза, потому что взял второй справа билет. Преподаватель был в шоке. Он даже назвал Смирнова по имени: «Петр, вы меня приятно поразили. Ваш ангел-хранитель сегодня на высоте!»

Слово «ангел» окрыленный Петр Смирнов пропустил мимо ушей, он пулей вылетел в коридор, но там его никто не ждал. Даже запах лилий рассеялся. Его напрочь заглушили а-ля французский парфюм и сигаретный дым — эти вечные спутники студенческой жизни.

Только сейчас до Петечки дошло, что, кроме имени, он ничего не узнал об Анжелике — ни курса, ни факультета, ни номера телефона. Досадуя на самого себя, он неожиданно заметил белое перышко на своем рукаве. Снял его и хотел было уже выбросить, но вдруг улыбнулся, аккуратно расправил и положил в свою записную книжку. Потом Петр подошел к лифту и нажал кнопку. Лифт послушно и гостеприимно распахнул двери. И кабина была на месте. И по дороге вниз Смирнов не застрял...

Вечером за ужином не происходило ничего особенного. Молча ужинали под аккомпанемент телевизора. В конце выпуска новостей, когда ведущий напомнил, что весь западный мир отмечает сегодня Рождество, а на экране появилась большая рождественская елка с центральной площади Нью-Йорка, мама Смирнова восхищенно всплеснула руками:

— Какая красота! Чудо!

— Гринписа на них нет, — буркнул отец и переключил программу. — Чудо в том, что Петька сегодня свалил зачет с первого раза. Подарок к Рождеству! Может, у тебя в роду католики есть. А, Петро?

— Тебе видней, пап, ты к роду ближе, — парировал Смирнов. Все заулыбались — каждый своим мыслям. А затем каждый вернулся к своим делам: мама — к посуде, отец — к газете, Петечка — к яблочному пирогу.

Выходя из кухни, он спросил:

— Па, ты никогда не задумывался, бывают ли чудеса?

— Чудеса? Какой детский вопрос в твоем-то возрасте... — рассеянно сказал отец. — У меня степень по математике и экономике, нашел у кого спрашивать о чудесах! Но как настоящий ученый должен тебе сказать, что допускаю такую возможность, гипотетически...

Смирнов-младший был доволен ответом. Мама перестала греметь посудой и прислушалась к разговору двух своих мужчин.

— А ты не пытался предположить, так, гипотетически, почему чудеса происходят с одними людьми, а с другими — нет?

— Не пытался...

Но тут ответила мама. Она подошла к сидящему у стола отцу и положила ему руки на плечи.

— Чудеса происходят, сынок, не «потому, что». Они просто происходят. Со всеми, только одни их видят, а другие проходят мимо.

— Вот и ответ, — засмеялся Смирнов-старший и прижал руку жены к своим губам.

Она улыбнулась, как Мона Лиза, и сняла с рукава мужа маленькое белое перышко:

— Чудо ты мое в перьях!

Петечка пошел спать счастливым.

...Анжелику он больше никогда не видел, но всю жизнь потом хранил белое перо, которое со временем даже не пожелтело и источало, как ему казалось, иногда аромат цветущих лилий. И все заметили, что с Рождества Петру Смирнову стало безумно везти во всем...

С Рождеством!

3

Алексей Талан

ГОРА СМЕРТИ

Ворох желтых страниц, огонек свечи и сухой мертвый запах. Кошмар, который приходит ночью. Кислый запах пота вытесняет наваждение.

Бросаюсь к стене.

Бьют по глазам серые доспехи. Мечи нарочито выставлены. С десяток солдат промчались и скрылись за углом. Оттуда раздались крики и шум.

Перехожу дорогу и зачем-то смотрю во двор. Порванные шатры, сломанные подмостки и заходящаяся лаем собачонка. Мешая грязь, солдаты обыскивают труппу.

Даже в нашем городке стало неспокойно.

Больше не оборачиваюсь. В лицо плещет прохладный ветер с моря.

Иду сквозь старый квартал, где надо мной величественно нависают лепные фасады. Мои туфли стучат по не успевшим раскалиться грубым камням мостовой.

Выпłyвают ухоженные лавки и спешащие люди. Гордо и утреннего тумана выступает знаменитая арка, и расстилается дорожка из красных камней.

Университет.

В просторном зале уже сидит библиотекарша. Губки алым бантиком и две хитро заплетенные косички. Как обычно, мимоходом киваю и прохожу к могучей двери.

Два витка ступеней, скрип отодвигаемого засова.

Шаг.

Дверь затворяется, не допуская посторонних. Наметивши-
еся тишину и темноту разгоняю ударом огнива.

Высокий потолок. Слева — ряды стеллажей, справа, в
углу, — грубо сколоченный стул и стол с чугунным двойным
подсвечником. Мое рабочее место.

Из-за частых прутьев на окнах солнце проникает с трудом.

Это — Зал Старинных Манускриптов, а я — молодой, по-
дающий надежды ученый.

Здесь особый мир. Здесь разлит приторный запах заклина-
ний. Здесь царят покорность и беспощадность давно ушедших
империй. Совсем рядом великие деятели мира, те, кто когда-то
смог поверить в ослепляющее всеми лучами радуги завтра. Им,
великим, удалось передать бесценную эссенцию соленых ка-
пель и жалящих искр. Они решили, что мы умнее, и не церемо-
нились, когда оставляли накопленный свет. Сумеем правиль-
но распорядиться?

Не люблю суеверия, но придерживаюсь правил. Говорят,
библиотека принимает не всех. Двести лет назад здесь остались
студенты, случайно вызвавшие пламенного ифрита. Большая
часть коллекции сгорела, стеллажи заполнили неточные ко-
пии да редкие подлинники. Сами библиотекари не знают,
сколько оригиналов у нас осталось.

В первый раз я прошел вдоль рядов со свечкой, всматрива-
ясь в безмолвные корешки фолиантов и деревянные пеналы
свитков, а потом выбрал наугад. На первой странице стояла
фиолетовая печать Магистрата, значит, в руки лег оригинал. За
три месяца я отыскал лишь еще четыре подлинника.

Это стало правилом. Выбираю наобум, а в глубине души
надеюсь — повезет.

Достаю очередную кипу, снимаю черный рюкзачок и сажусь
за стол. Огонек свечи одиноко пляшет на матовых камнях старо-
го зала, а разложенные рукописи манят древними тайнами.

Иду к стеллажам о забытых веках. Зачем мне исторические
хроники или баллады Золотой, Благополучной эры? Или, ска-
жем, лаконичные записки о двести лет назад пронесшемся че-
рез все королевство серебряном безумии? Когда все просто,
незачем шевелить мозгами. Когда сутками купаешься в бас-
сейнах с парящей водой под сладкоголосое пение или в одно-
часье гибнешь от неизбежной болезни, рыпаться незачем. Но

вот идет ледник, и нужно выживать — погибнуть в смертельном холде нельзя, за тобой жена, дети и твой народ.

Или лезут через казавшиеся неприступными горные хребты озверевшие после трудного перехода и голода кочевники. Да что там рассказывать. И сами знаете. Всякое было. Романтика, скажете? Не хотел бы тогда жить. Не сдюжил бы.

Конечно, и сегодня ой как непросто. Но иначе нельзя — непоколебимые кирпичики человечности закладываются, только когда рвешься вперед с кровью и слезами, когда на спине тяжеленный рюкзак, а позади — родные.

На столе ждут рукописи.

Тянусь — корешок с шершавым кожаным переплетом и надписью «Поиск исключительных камней» покорно ложится на ладонь. Пролистываю четыре страницы и встречаю ссылку на практическое использование. Резко встаю. Ссылка ведет не только на ту же эпоху, но и на тот же стеллаж.

Подхожу к выложенной мраморными плитами стене у входа. Пламя факела охотно набирает силу и отражается от стены, слепя отвыкшие глаза. Направляюсь к армии стеллажей, каждый вдвое выше меня.

Подношу факел к полкам и читаю. «Сказ о великане Водопада», «Путешествие к ледяному озеру», «Первый из племени Хитрых Крыс».

Не то. На столе остались жизнеописания известных мудрецов, а передо мной — как минимум наполовину приукрашенные бродячими бардами истории.

Так, что дальше. Взгляд продолжает скользить по корешкам на другой полке.

Попалась.

«Алхимические записки». Вытаскиваю книгу, которая явно не на месте — вокруг лирические рассказы о любви.

На титульной странице — печать. Сердце пропускает такт. «Записано алхимиком Сераном при короле Яшме».

Дрожащей рукой веду по страницам, стирая налет времен. Написано витиевато, но понять можно. Встречаются простые схемы и абсолютно бесполезные рисунки. Что-то о смене родовых камней, но есть ли здесь то, что нужно?

Вдруг щекочет в носу из-за отчего-то ставшего нестерпимо сухим воздуха. Через мгновение в оторопи швыряю книгу на-

зад, прямо поверх старательно расставленных фолиантов. Рука вся серая от пыли, как и сама книга.

Быстро, так, что пламя факела начинает угрожающе мечтаться, нетерпеливо пролистываю другие рукописи. Обложка, да и все страницы — идеально чистые. Ни пылинки.

Жарко. В прохладном, даже холодном подвале меня прошибает пот.

На моей памяти еще не случалось, чтобы библиотечные триграммы Магистрата, защищающие от пыли и сырости, отказывались работать.

Быстрым шагом, с пыльной книгой в руке, возвращаюсь к столу. Не садясь, по-прежнему держа факел, начинаю искать описание ритуала.

Поток свежего воздуха и почти неслышный скрип открываемой двери.

Резко оборачиваюсь. Задеваю коленом стол. Свеча опасно кренится, а огонек — начинает мигать.

Боевой маг из столицы день назад пожаловал в наш Университет с проверкой. Сегодня гость решил посетить Зал Старинных Манускриптов.

Очень некстати.

Через забранное мощными прутьями окошко пробивается достаточно света. В темном, посеревшем от старости трюмо моя физиономия выглядит не ахти. Самый обычный, с чубом, лоб, воспаленные глаза, на левой щеке — небольшой порез. Прошел всего час, как меня нашли в Зале.

— Адриан, — звучит тихий, плавный голос, — так что ты искал?

Резко оборачиваюсь. В тесную комнатушку с обшарпаными желтыми стенами входит один из самых известных преподавателей Университета. Профессор, который заведует кафедрой боевой магии. По совместительству — руководитель моей диссертационной работы.

— Здравствуйте. — Радости не скрываю, но голос не слишком бодрый. — Искал сведения о родовых камнях, которые отвечают за стихии огня и воды. Для диссертации, — зачем-то добавляю.

Клирон, высокий мужчина с седыми волосами, садится на единственный стул у входа. Значит, выпускать не собираются.

— Вот как, — протягивает Клирон. Взгляд голубых глаз, в тон просторному кафтану, упирается в меня.

— Когда деканат собирается освобождать? — скромно интересуюсь я.

— Видишь ли, — говорит Клирон с минутной задержкой и косится через плечо на окно у самого потолка, — тебя обвиняют в краже запрещенных томов. До окончания разбирательства — ты под надзором Магистрата, верховной комиссии магов страны. Руководство Университета не может что-либо предпринять.

— Сколько томов пропало? — спрашиваю и от волнения делаю пару шагов, обмеряя комнату, затем возвращаюсь обратно к трюмо и замираю напротив ученого.

— Четыре. Все — из забытых эпох. Кроме тебя, за последний месяц никто не посещал Зал, — говорит Клирон. — Чтобы поймать злоумышленника, придется попотеть.

Давление взгляда усиливается, хотя профессор сидит расслабленно, привалившись к стене. Он видит меня насквозь — еще до первого курса я начал работать с ним часа по три каждый день.

— Очень кстати, что ты так и не научился разрушать триграммы, — после паузы говорит Клирон.

Смузенно отвожу взгляд. Действительно. Триграммы изучали на втором курсе. А первые три я, честно говоря, совершенно плевал на учебу. Меня интересовало не магическое искусство, а абсолютно противоположное занятие. Бесполезное, с точки зрения почтенных магов нашего Университета. Но, конечно, прогулы не отменяли ежедневных наставлений Клирона.

— Во-первых, следователи обнаружат, что ты изучал рукописи о смене родовых камней.

Против воли вздрагиваю. Ну конечно. Любые замыслы вчерашнего студента для Клирона как ладони.

— Затем Магистрат полностью проверит твою биографию.

Не страшно, мне нечего скрывать.

— Ну и в-третьих, — продолжает мягким голосом Клирон, — тебя обвинят в сговоре.

— А я-то тут при чем? — не очень искренне спрашиваю я.

— Тебя всего в пыли нашел проверяющий из Магистрата! Значит, защитные триграммы были сняты, и ты мог беспрепятственно выносить любые рукописи.

Клирон подбросил на ладони монетку, ловко поймал за ребро и бросил за решетку. Медяшка сверкнула и превратилась в крупного светлячка, яркого даже на солнце. Детский фокус, но стало легче, и я улыбнулся. Седой маг глянул на меня, убедился, что я вменяем, и продолжил:

— Очень просто. Сменить *свой* родовой камень тебе в любом случае не по силам, — прищурившись, говорит Клирон. Начинаю чувствовать себя подростком, которого застукали за непристойным занятием. — Но ты можешь продать книги, в которых объясняется, как проводить ритуал.

— Другой вариант. Ты неплохой начинающий маг и сможешь провести ритуал, если попросят, — с ухмылкой предполагает Клирон.

Припоминаю рукопись «Алхимические записки» и спрашиваю, уже зная ответ:

— А та книга, что нашел я?

— Ерунда, — с усмешкой говорит профессор.

— Единственное, чего не учили, — продолжает тихо учитель, — ты не умеешь нормально работать с триграммами. Любой дипломник умеет. Любой мало-мальски старательный студент. Любой маг, кроме тебя.

— Магистрат не сможет меня обвинить? — с надеждой начинаю я.

Клирон качает головой:

— Тебя подставили. Заметь, книга была пыльная, значит, триграммы нарушили загодя. Если в ближайшее время Магистрат почует, что поменяли чью-то судьбу... Всех собак повесят на тебя, даже если догадаются, что ты не разбираешься в триггерах.

Наверное, так себя ощущают провалившие экзамены ученики. Терять нечего, и можно наконец-то делать что хочешь.

— Да кому нужно-то? — спрашиваю с неискренним смехом. — Зачем я?

— С безумной затеей сменить свой родовой камень ты никому и даром не нужен, — печально говорит Клирон. — Надо,

чтобы ты отвлек расследование, пока некие ребята провернут свои дела.

В дверь два раза стучат. Профессор нахмуривается и выходит.

— У нас осталось пять минут, затем тебя станет допрашивать другой член Магистрата, — сообщает Клирон. — В Университете никто не знает тебя так хорошо, как я. И пока Магистрат окончательно разберется, тебя, может статься, подвергнут *отлучению*.

Холод бьет в пальцы. Я всегда верю Клирону.

Отлучаемому выжигают невероятной силы магическое клеймо. После не получится наколдовать ничего страшнее сухой простины.

Заклейменные — те, кому запретили дышать пламенем и окунаться в ледяной вихрь. Взмывать над облаками и погружаться в забытые города в океане. Разорившемуся в мгновение ока богачу или упавшему королевство принцу в тысячи раз легче, чем магу, которому больше не удается *творить*.

— Ну а пока — минимум три недели заточения тебе обеспечено, да и, кто знает, не осудят ли тебя? Ритуал, на ком бы ты его ни применил, в любом случае — незаконен.

— А ваше слово? — задаю глупый вопрос.

— А что мое слово, Адриан? Слово провинциального профессора за любимого ученика? Сказать, что знаю тебя как пять пальцев и уверен — ты не крал книги о ритуале, потому что хотел сменить собственный родовой камень?

Молчу. Почему-то совсем не страшно. Только сердце начинает прогонять кровь все быстрей и быстрей.

— Не хочешь, чтобы тебя подвергли экстрадиции, — беги, Адриан. Не задерживайся в городе — грядут беспорядки. Короля хотят сместь, а единственный наследник, поговаривают, пропал больше года назад. Если докатится волна из столицы — начнутся массовые аресты.

Не колеблюсь:

— Хорошо.

Клирон пружинисто шагает ко мне. Не сговариваясь, смотрим на оконце.

— Скажу, что ты сбежал, пока я выходил по нужде, — помальчишески усмехается учитель.

От его слов меня пробирает дрожь.

— Архипелаг Крылья. Там не будут искать. Я помогу, ты прыгнешь, — говорит напряженным голосом профессор.

У него прямая спина, жесткий взгляд. Учитель, с которым я с первого курса. Лучший в Университете маг огненной стихии.

— Кого назначили следователями? — быстро спрашиваю я.

Клирон чуть расслабляется и задумчиво пожимает плечами.

— Трое из столицы: боевой маг Ризер, он тебя и нашел, других двух не знаю. А вот наши известны — Рамус и Олаф, но на них не надейся, — разочаровал Клирон. — Дело непростое, мой мальчик, — со вздохом, словно нехотя, добавляет профессор.

Клирон поднимает руку. Еле слышно, на выдохе, шепчет три слова. Звонко щелкает пальцами, и клубок огня разремом с яблоко вырывается с ладони. Красная живая нить протягивается из руки вслед за пылающим шаром. Прутья решетки мгновенно расплавляются. Сил у профессора хоть отбавляй.

Произношу стандартную формулу воздушного толчка, складываю двумя пальцами козу, и железо вылетает в университетский двор.

Забрасываю за спину брошенный в углу рюкзачок. Звякает пряжка внешнего кармана.

Профессор подставляет руки лодочкой.

Сквозь подопыту чувствую не успевший рассеяться жар магии.

Прыгаю. Чудом миную выбитые раскаленные прутья. Вскакиваю после кувырка и, не оглядываясь, несусь прочь от подвала славного и великого Университета Магии города Нарва. Кажется, что-то жалит спину.

Мелькают красный камень стен и шикарные цветные витражи. Невысокий деревянный заборчик и маленькая калитка. Задний двор Университета.

Выбегаю на мостовую. Из лавки через дорогу приветливо машет румяный булочник. На бегу поднимаю в ответ руку и сворачиваю к набережной. На губах вязнет терпкий привкус перемен и свежей выпечки.

Веет солью и рыбой. В животе поселилась свежая уха, а в плечи сильно уперлось полуденное солнце.

Рамусу лет под пятьдесят, мужик с крепкой лысиной. Видный в стране боевой маг, прославился в период мятежей четверть века назад. На государственную службу в Магистрат привлекли недавно. Я запомнил Рамуса на первом курсе — его лекции о боевой магии оказались интересными. С виду суров, неглуп и честен.

А вот Олаф напоминает змею. Ему за тридцать, молод, принципиален. Высокий и тонкий. Постное лицо с длинными белыми волосами. В Университете его мало кто любит даже из преподавателей. В Магистрате состоитвольно, а как учёный известен в области зельеварения. Дисциплина не интересная, но сложная. С Олафом все тоже ясно — ради карьеры будет вести расследование очень активно.

А еще есть Ризер, про которого я ничего не знаю, и двое из столицы. Уж там маги — будь здоров. Только подумать — все из Магистрата, высшего магического института страны! Кого они собираются ловить — огнедышащего дракона? Пятерка сильных колдунов в одиночку справится с маленькой армией.

Я в порту Нарва второй день. Сижу на деревянном пирсе и смотрю на барабанки темно-синих волн. Первый проработал для проформы грузчиком и каждый раз вздрагивал, когда мимо простукивала по старой мостовой пассажирская карета. Сегодня жду, когда подойдет «Мечта моря». Билет я купил в управлении порта — трехэтажном здании неподалеку. Там же узнал, что корабль за три дня способен домчать до россыпи курортных островов Крыльев. Из Нарва на Крылья суда ходят редко. Архипелаг интересен лишь приезжим.

Дышать полной грудью. Никуда не торопиться. Ни о чем не думать. Пожалуй, впервые за несколько лет я счастлив. Во мне удивительное чувство свободы, которое приходит очень редко.

Полуденное солнце печет нещадно. Приходится сидеть без рубашки и в закатанных выше колен брюках. Ломит спину и ноют голени. Я вчера не позволил себе ни одного волшебства, чтобы не привлекать даже небольшой концентрации магии. Тем более грубая работа тушит биение тонкой энергии, столь заметное для поисковых заклятий. Если бы не занятия в Школе Боя на первых курсах — пропущенные лекции и семинары в Университете, пытка мешками оказалась бы не по зубам.

Вдалеке показывается неприметная точка. Решаюсь потратить немножко сил.

На губах рождается простенькое заклятие. Пальцы правой руки быстро бьют по ладони, на секунду превращая кисть в клюв. Врывается кипящая волна магической энергии.

Далекая точка у безбрежного горизонта становится отчетливой. Покосившаяся мачта и борты в ракушках. Правильней было назвать — «Мечта морского дна». Ну и ладно, доехать до островов недолго, не потонем.

Кажется, разгляжу архипелаг Крылья. Но вижу лишь далеко залетевших чаек и безмолвную гладь моря.

Возвращаюсь, чтобы набрать воды. У берега рабочие таскают ржавыми крюками грузы и ремонтируют шхуны. Заклятие «орлиный глаз» позволяет как следует разглядеть стежки на занавесках в окнах двухэтажных домиков, трещинки на стенных плитах помпезной одноэтажной таверны и мусор на улочках, ведущих к морю.

Случайно смотрю на главную дорогу, которая напрямую соединяет порт и центральные ворота на другом конце города. Вбивая камни старинной мостовой, несется взмыленная двойка пегих лошадей.

Замираю, потому что еще не знаю, что делать. Потому что ясно вижу, как в дилижансе, с заострившимися чертами лица, сидит Олаф. В руке у него трость, а сам — в парадной белой накидке с серебряной каймой. Рядом два хмурых помощника-мага в таких же плащах.

Вожжи взлетают, и возница, с красным лицом и каплями пота на лбу, подстегивает лошадей. Кажется, маг видит меня — столь яростно бьет его взгляд.

На горизонте «Мечта моря» — еще незаметная точка. Пришвартуется в лучшем случае часа через два, а отплыть соберется под вечер.

Справа, в трех шагах у пирса, качается утлая лодка с двумя веслами. Чуть поодаль собирает снасти поджарый рыбак и его прямой, как щепка, сын лет тринадцати.

Сердце бешено стучит, и посреди жаркого дня меня окутывает невероятный панический холод. Бегу, ни о чем не думая. В правой руке начинает разгораться огненный мячик. Заброшенный наспех за левое плечо рюкзачок норовит съехать.

Кажется, уже слышу, как въезжает в порт дилижанс.

— Эй, ты чего! — ревет рыбак — здоровый мужик с обветренным лицом. Такой двинет — никакая магия не спасет.

Но я в шлюпке. Борясь с рюкзаком, умудряюсь щелкнуть пальцами. Огонь бьет в канат.

Рыбак, зашедший по колено, грязно ругается.

Ненавидящий взгляд буравит нас kvозь. Мужчина медленно пятится и оглядывается в поисках товарищней.

Сейчас начнется. Даже не знаю, что хуже — попасть в руки портовых рабочих, жаждущих порвать зазнавшегося молодого мага, или сдаться на милость совсем не дружелюбно настроенного Магистрата.

Решать надо быстро, иначе доберутся все кому не лень. Окидываю пристань быстрым взглядом. На выдохе выплевываю «змея огня». Шелкаю пальцами дважды. Заклятие молнией слетает с рук и цепью падает на остальные лодки. Дерево стремительно занимается и сгорает почти мгновенно прямо в воде.

Четыре жестких слова. Сейчас аукнется выходка с «орлиным глазом». Каждая капля силы на счету. Руки со свежими мозолями хлопают в ладоши.

Где-то внутри становится пусто, а перед глазами разливается туман. Зато руки полны бурлящей, нетерпеливой силы.

Сбрасываю рюкзак на свежепросмоленное дно с рыбьей чешуей. Сажусь у носа на скамейку с грубой подстилкой и бе-русь за удивительно легкие весла.

Взмах. Вода взлетает веселыми бурунами. Шлюпка быстро отходит от берега. Рыбак бежит к товарищам, а мальчишка в рваной майке и серых штанах странно смотрит на меня.

Подросток вдруг бросает зажатую в руке снасть. Ныряет рыбкой. Продолжаю грести. Мальчишка показывается шагов через десять.

— Подождите! — отчаянный детский крик.

Зачем-то опускаю весла. Кровь отчаянно стучит в висках. Маленькие выжженные солнцем руки мелькают так, словно это в них влили заклятие «сила огра». Закусываю губу. Жгучая боль выбивает противный туман. Люди, побросавшие мешки, застывают на берегу. Не догнать.

На лице рыбака — выражение крайнего удивления, обиды и... горечи.

Подаю руку мальчишке. Короткие черные волосы едва накрывают надменный лоб. Поджатые губы и упрямое выражение лица. Прямой благородный нос, словно высеченный из мрамора.

Паренек падает на дно.

— Спасибо, — выдыхает, поднимаясь, мальчик.

Берусь за весла. Взмах. Взмах.

— Не за что, — глупо отвечаю я.

Почти у воды останавливается дилижанс. Прикидываю — метров двести. Вряд ли достанут. Даже самый сильный маг не может колдовать на расстоянии больше ста метров от цели.

Еще несколько секунд жду «молнии» или «ленивой сети», а затем расслабляюсь. Мне повезло, в сезон ремонта шхуны вытащены на берег, а шлюпок в порту больше нет. Теперь в близайшие часы перехватить... нас... будет непросто.

— Рик, — говорит мальчик, устроившись на скамейке передо мной.

— Адриан, — представляюсь я.

Интересуюсь:

— Тебе куда?

Рик игнорирует вопрос:

— Не устаешь? А то могу помочь.

— Нет, спасибо, — усмехаюсь. — Вряд ли сможешь грести хотя бы вполовину как я.

Содранные коленки и заштопанные выцветшие штаны.

Просоленная майка. Глаза очень веселые, но непростые.

— Не обижаясь, что украл шлюпку у вас с отцом? — осторожно спрашиваю я.

— А Николя мне не отец, — говорит мальчишка.

— Бил?

— Не-а, просто, — протягивает мальчишка.

— Странствий захотелось, приключений? — подначиваю я.

— Не совсем, — отвечает мальчик.

Отчетливо слышу, как парень шепчет заклятие усиления.

Вскидывает левую руку и неумело щелкает пальцами. Сейчас эта небрежность отзовется.

Заклятие материализуется, и мои руки мгновенно становятся еще сильнее. Неравномерно — в левую пошло значитель- но больше.

Морщусь и сердито кричу:

— Не умеешь — не берись! Думаешь, без заклятия гребу как угорелый?!

— Да чего такого? — отбивается мальчишка. — Быстрее будет, тебе жалко?

— Еще как! — огрызаюсь. — Смотри, как теперь плывем.

Шлюпка постоянно норовит завернуть вправо. Неудивительно — левое весло выносит больше воды. Надо принаоровится.

Пристально смотрю на Рика, подросток смущенно отводит взгляд. Вот сейчас понятно. Подмастерье рыбака, который может колдовать, вряд ли упустит шанс сбежать и попытать счастья.

Выровнял дыхание и подстроил руки. Сил теперь точно хватит.

— Мы на «Мечту моря»? — спрашивает Рик.

Киваю:

— Ага.

— Затребай вправо, а затем прямо, иначе проскочим, — дает команду мальчишка.

Не спорю. Паренъку, проводящему полдня в море, виднее, как университетскому магу управлять шлюпкой.

— У тебя неплохо получается, — говорю я.

— Спасибо, — отвечает Рик.

— Тебе сколько?

— Тринадцать с половиной, — доверительно сообщает мальчик.

«Мечта моря» почти перед нами. Крутые, напрочь зеленые бока и неуместная фигура бога огня Одина на носу — торс мускулистого мужчины с огромными кустистыми бровями.

Складываю ладони рупором:

— Э-э-эй!

— Бери на борт! — вопит мальчишка.

Шхуна начинает спускать видавшие виды синие паруса.

Под руководством Рика осторожно подплываем ближе.

Из-за борта высовывается небритая физиономия:

— Что нужно?

— Плачу пять золотых — и мчим к архипелагу! — ору что есть сил.

— Идет, — соглашается матрос.

Сверху падает толстый грязный канат. Хватаю рюкзак, подсаживаю Рика, а затем лезу сам. Ладони буквально горят, и я стискиваю зубы. Два упитанных матроса в белых застиранных рубахах и таких же штанах подходят к мачтам. Не успеваю вскарабкаться, как паруса резко натягиваются.

По выдранному полу к нам подходит, без всякого сомнения, капитан. Из-под голубой кепки выбиваются огненно-рыжие, жесткие от соли волосы. На ногах — простецкие кожаные сандалии; штаны бьют на ветру парусиной.

— Жак, — протягивает огромную ладонь мужчина. На вид — лет пятьдесят.

— Адриан, — второй раз за день представляюсь я.

Рукопожатие умеренное.

Указываю на присмиревшего паренька:

— Рик.

— Пускай, — хмыкает капитан. — С тебя семь золотых, нам нужно покрыть расходы на задержку товара.

Достаю билет.

— Кстати, стоил три серебряных.

Жак с ухмылкой берет картонку, рвет ее трижды. Затем перегибается через перила и выбрасывает клочки.

— Чтобы обналичить билет, нужно вовремя вернуться в порт.

— Хорошо, — говорю я.

Капитан не удивляется, зато Рик, смотря, как достаю из объемного на вид узелка семь золотых, восторженно вздыхает.

Прячу тряпичный мешочек, набитый теперь серебром и кучей медяков, обратно в рюкзак.

— Секунду, — сообщаю я.

Подхожу к борту и выворачиваюсь буквально наизнанку. Темень и туман уходят прочь, но тут же наваливается неимоверная усталость.

— Рино, проводи умыться, — командует Жак.

Невысокий Рино, прихрамывая на правую ногу, подходит к открытому люку в центре палубы и нетерпеливо машет.

Спускаемся по узкой неудобной лестнице. Солнечный свет падает через забранные решеткой оконца в палубе — видно дощатый некрашеный пол и по три двери с каждой стороны. В конце коридора два ответвления. Нам — налево.

Тусклый свет масляного светильника отражается в мутном зеркале.

— Ты куда? — спрашиваю я, намыливая руки.

— На архипелаг. В школу, — смущенно отвечает Рик.

Вечернее море пеной выходит из-под кормы. Мчимся к архипелагу. Учеба, Магистрат и порядком надоевшие ухоженные уложки Нарва остались позади.

В экипаже Жака три матроса. Хромой Рино, крепкий, с бритой головой Макс, и худой, с пшеничными усами и первой сединой Николай. Сейчас Николай, широко расставив ноги, стоит у штурвала в двух шагах позади нас. Остальные готовятся спать — вставать на море приходится с первыми лучами солнца.

— Ты во что веришь? — не оборачиваясь, задаю вопрос Рику.

Мы с мальчишкой стоим, облокотившись о борт, и смотрим на теплый закат.

— Стану Великим Магом, — четко говорит Рик.

— Зачем? — задаю вопрос, а сам против воли улыбаюсь.

— Чтобы сделать мир лучше. Как думаешь, у меня выйдет? Смотрю в серьезные карие глаза.

— Если будешь стараться — обязательно! — уверенно говорю я.

Мальчишка радуется:

— А еще умею колдовать «сполох»!

Паренек приоткрывает рот и вытягивает правую руку. Шлепаю Рика по губам.

— Спалишь корабль, на чем будем плыть?

Подросток смотрит виновато и обиженно.

— Не переживай, даже Великие Мастера начинали с малого. Они точно так же справляют нужду и бессовестно глазеют на молоденьких девушек.

Уши Рика запылали.

— Ты так и не сказал, куда собрался, — напоминаю я.

Похоже, мы сошлись с подростком. Наверное, во мне еще осталась частичка невесомого счастья. Дети мгновенно чувствуют тех, кто не разучился верить.

— На архипелаге есть школа для начинающих магов, — сообщает Рик. — Я хочу поступить в нее. Школа...

— Знаю, — перебиваю я. — Говорят, там неплохо учат.

— Расскажи, — с большими глазами просит Рик.

Оставляю попытки любоваться практически севшим солнцем и, облокотившись о перила, разворачиваюсь к мальчишке.

— Часть выдающихся отличников, — быстро вспоминаю сокусников — усердных Мелона, Оорта, Лену, — оканчивали в свое время школу Крыльев. В любом случае после школы без работы не останешься, — обнадеживаю подростка.

— Ух, — восторгается мальчишка. — А ты как поступил в Университет?

— Ну, было просто, — самодовольно заявляю я. — Склонность к магии обнаружил лет эдак в одиннадцать. Сумел во дворе на спор раскачать нитку с привязанным камешком. Потом начались сны, где лечу над облаками. Затем, конечно, стало казаться, что могу зажечь лучину взглядом.

— Получается? — жадно спрашивает Рик.

— Зажечь? Нет, конечно, — отвечаю со смехом. — Только Великие Маги могут поднимать горы движением брови и создавать неземные богатства мановением руки. Обычным приходится учить ночами напролет всякую абракадабру и тренировать руки.

— Ну, я постараюсь стать Великим Магом, — уверенно говорит мальчишка.

Ничего не отвечаю. Просто наслаждаюсь мечтательным выражением лица. Наверняка я точно так же верил в сказки.

— Главное, что должен запомнить маг, — он имеет право использовать силу лишь во имя добра и справедливости.

Рик вдохновенно молчит. Еще не хватало, чтобы я в его глазах превратился в гуру, но остановиться не могу.

— Хоть мы и умеем в отличие от простых людей летать во сне над облаками, мир отлично проживет и без нас. Никому из тех, у кого есть задатки мага, не стать мастеровитым сапожником или архитектором, библиотекарем или расшаркивающимся вельможей. Из нас выходят на удивление старательные булочники, талантливые художники и нищие менестрели. А еще главное — никогда не зазнаваться. Правильно я говорю, Рик?

— Да, — отвечает подросток и зевает.

— Вот что, — говорю я. — Пойдем спать.

Николай флегматично крутит штурвал, толстая папироса торчит из уголка рта. Слева на вбитой в пол деревяшке укреплен большой компас и яркий фонарь.

— Спокойной ночи, — в один голос говорим мы.

— Два морских черта в постель, — бодро и с ухмылкой отвечает рулевой.

Темень хоть глаза выколи — звезды забиты облаками, а от луны остался маленький краешек. Если бы «Мечту моря» не качало, рискнул бы спуститься так. Но лучше предостеречься. Три коротких, почти неслышных слова. Поднимаю руки на уровень лба и хлопаю прямыми ладонями.

«Сполох» — слабый огонек — повисает у меня над плечом, и под восхищенным взглядом Рика начинаю спускаться.

Резкий толчок. Бьюсь головой о стенку.

— По правому борту! — раздается истощный крик Жака.

Топот множества ног, возня, что-то падает мешком. Ни одного вскрика.

— Вставай, Адриан!

Испуганный Рик тормошит за плечо.

Утреннее солнце бодро светит из иллюминатора.

Сгребаю штаны, комом валяющиеся на стуле. Подросток тащит из-под подушки шорты и майку.

— Что происходит? — спрашивает Рик.
 — Кажется, пираты, — просвещают я.
 — Пираты? — удивляется мальчишка. На лице, и так изрядно встревоженном, появляется выражение сильного испуга.

— Откуда я знаю? — вру я.

Стоим у двери и не решаемся выйти.

Шум наверху стих. Громко заскрипела лестница в трюм.

Больше тянуть нечего.

Скороговоркой складываю формулу невидимости. Хватаю чуть теплую ладонь Рика.

Мальчик молодец, не двигается. Выбрасываю сведенные вместе указательный и средний пальцы. Встряхиваю руку. На глаза словно падает полупрозрачная шаль — паразитный побочный эффект.

Раскладываю над кроватями полки для багажа и подсаживаю мальчишку. Подросток не сопротивляется и молча забивается ближе к стене. Забираюсь наверх и сам. Смотрю на ногу — брюки и кожа исчезли, кость тает на глазах. В первый раз всегда ужасно — вид подрагивающих мускулов и сухожилий кого угодно заставит стошнить. Подтягиваю ноги и устраиваюсь в позе зародыша — иначе уместиться не выйдет.

Еле видимый палец подношу к губам. Исчезающие очертания Рика кивают.

Дверь с треском распахивается, слабенькая щеколда отлещает к столу. Тяжело дыша, вваливаются два здоровяка. Головы покрыты светлыми волосами, щеки и подбородок редко встречали бритву. В лапах — мечи. Безумные взгляды судорожно обшаривают маленькую каюту.

В дверях видно еще двоих, которые похожи на ворвавшихся как две капли.

— Где они? — рычит тот, что в дверях.

— Тут никого, — растерянно произносит один из влетевших. В подтверждение взгляд бешеных красных глаз проносится по мне и Рику. Не знаю, как подросток, а я уже забыл, как дышать.

— Ушли, — печально протягивает стоящий на пороге. — С нас Магистрат три шкуры спустит.

Пираты, понурившись, выбираются. Натужно скрипит лестница, на палубе раздается возня. Сидим, не издавая ни звука. Друг друга, конечно, не видим.

Минут через пять раздается глухой удар, и «Мечта моря» начинает раскачиваться. Чтобы не расшибиться, спрыгиваю.

— Нас топят? — хрипло спрашивает подросток.

— Вряд ли, — отвечаю я. — Появился бы крен.

— Как думаешь, пираты ушли?

Рик тяжело дышит, но слезать не решается.

— Похоже, — неуверенно говорю я. — Ты сиди здесь, схожу проверю.

Ходить невидимым — то еще удовольствие. Всегда боюсь расшибить то нос, то ноги.

Осторожно, стараясь не скрипеть ступенями, выбираюсь на палубу и иду на нос. Солнце уже почти разошлось и уверенно слепит глаза бликами на волнах. Назад, в сторону Нарва, быстро уходит двухмачтовый корабль с оранжевым разбойниччьим флагом.

Связанные по рукам и ногам матросы валяются в разных местах палубы. Жак в сбитой набок кепке развязывает Макса. Приглядываюсь — на мужчинах ни царапины, на лицах — выражение легкого недовольства. Капитан слегка помят — взбиты волосы, на левой скуле алеет свежий след.

Почти неслышный скрип лестницы.

Освободившийся Макс спешит к Николаю, который лежит на спине рядом с правым бортом. Жак внимательно смотрит на нос корабля. Затем подходит к швабре и ведру рядом со штурвалом. Чуть наклоняется, криво посаженная кепка шлепается в воду. С невозмутимым выражением Жак достает головной убор, стряхивает и надевает.

Капитан с ведром в руке уверенно направляется на нос. Корабль маленький. Всего семь шагов отделяют корму от середины.

Мыльная вода окатывает Рика. Призрачный силуэт нелепо разводит руками.

Хлопаю в ладоши. Простенькое заклятие невидимости слеет с накрытого пеной с ног до головы мальчишки. Секунда — и мои руки тоже, показав сначала мышцы и сосуды, становятся видны. Выхожу из тени мачты и киваю Жаку.

Матросы, растирая руки, идут к рулю. Макс становится у штурвала, а Николай и Рино садятся чуть позади на две старые бочки и скручивают папиросы. Словно ничего и не было. Более того, никто из них и не заметил, что мы с Риком появились буквально из воздуха.

— Объяснимся? — спрашиваю у Жака. Он довольно ухмыляется и достает из-за пазухи трубку.

— А ты обещал невидимость! — грустно сообщает подросток, стирая мыло с лица.

Жак снимает мокрую кепку и прикладывает к ссадине. Разводит руками:

— И не думал сопротивляться, а заехали, когда вас не нашли!

Подхожу к поручню и смотрю, как нос, обросший белыми и черными ракушками, стремительно разбивает морскую гладь. Если смотреть на сливающееся с морем небо, кажется, будто стоишь на месте. Но это неправда, каждая секунда на самом деле — незаметный шагок в удивительное далеко.

Но это неправда, каждая секунда, даже когда нет сил шевельнуться, — незаметный шагок в удивительное далеко.

Жак, вольготно привалившись к поручню, затягивается трубкой. Кепка сушится рядом на перилах. Губы, окутанные дымом, еле заметно шевелятся. Капитан подносит трубку к рту и левой рукой описывает размашистый круг.

Пена с мальчишки исчезает, а шорты с майкой становятся сухими.

Глаза Рика расширяются.

— Невидимость работала честно, — успокаивает подростка Жак, — я использовал заклятие.

— «Ясный взор»? — спрашиваю я, не отворачиваясь от залитого солнцем простора. Волосы на затылке ворошит легкий ветер. Сердце стучит ровно, волноваться незачем. Все. Недолго пришлось бегать.

— А ты не волнуйся, аспирант, не за тобой, — веселится Жак, рыжие усы смешно топорщатся. Улыбка вовсе не злобная или ехидная. Вполне искренняя.

Рик стоит, ошалело переводя взгляд то на Жака, то на меня. Затем смешно наклоняет голову и становится так, чтобы я был между ним и капитаном.

Поворачиваюсь к магу. Бросаю взгляд на матросов — те сидят как ни в чем не бывало, изредка перекидываются словами.

В открытую шепчу «замер». Щелкаю пальцами. Жак подмигивает, подбадривая, — мол, давай-давай. Со вкусом затягивается и выдыхает четыре аккуратных круглых колечка.

По коже продирает мороз. У капитана нет ни капли магической силы. Так бывает — заклятия, считающие капли, пасуют перед океаном.

— Рик, мальчик мой, ты готов стать королем? — вкрадчиво спрашивает Жак, отставляет руку с трубкой и задумчиво смотрит на взбитый попутным ветром парус.

— Мальчикам нельзя становиться королями, — предупреждаю я.

Жак косится на меня с усмешкой.

Прошу:

— Дай монетку.

Капитан достает из кармана штанов золотой. Щелчком по перилам отправляет ее мне. Накрываю ладонью, подношу к глазам четко выведенный профиль с известным на всю страну надменным лбом и острым, как разящая сталь, носом.

Рик что-то хочет сказать, но не решается и просто, словно прося прощение, толкает меня в плечо. На лице мальчика виноватое выражение. Внимательно оглядев подростка, бросаю монетку назад.

— Похож, — заключаю я. Снова поворачиваюсь к морю, стараясь оставаться безучастным.

— Ты сменишь ему родовой камень, — четко говорит Жак.

— Нет, — отвечаю я. — Во-первых, мы не вправе вмешиваться в жизнь ребенка. А во-вторых, ритуал слишком сложен.

Жак делает резкий шаг и дышит табаком прямо в ухо. Покрытая светлым лаком трубка с мордой зубастого дракона сильно бьет по ободранным поручням.

— С тобой не будут торговаться, мальчишка!

— Ты отлучен? — просто спрашиваю я.

Жак даже не сжигает меня на месте. Хмурится, а затем легко смеется:

— Во время войны осталось много тех, кого сочли мертвыми.

Капитан четко произносит формулу вызова и звонко хлопает в ладоши. Из его рук, опаляя мое лицо, возносится мощный столб огня.

— Вопрос исчерпан? — спрашивает уже серьезно капитан и внимательно смотрит на Рика. Подросток отвечает окаменевшим лицом с поджатыми губами.

— Дешевый трюк, — выдавливаю я. Ошибся насчет отступника. Ну ничего, волшебников обычно не магией побеждают.

— Меня не существует, просто нет, — с довольной интонацией объясняет капитан. — Еще двести лет назад в Магистрате поняли, что древний ритуал не фальшивка. Защитные *амулеты* на Горе Смерти натасканы на ауры всех сильных магов, даже умерших.

— Ты ничего не теряешь. *Свой* родовой камень тебе не сменить никогда! Не по зубам задачка! — рычит, играя желваками, капитан.

Всем все ясно. Я как на ладони. Умудренным опытом старым клячам, которые азартно заигрались в жизнь, видно заранее. Я не знаю, что хочу, — а им, видите ли, понятно.

Толкаю двумя руками. Жак отступает и падает. Почти. Левая рука легонько каsается пола, а правая и не думает выпускать трубку. Капитан выпрямляется.

Прием я отрабатывал на пустырях в Школе Боя несколько месяцев. Единственное, чему толком научился.

Жак сощуривает глаза и с наслаждением затягивается трубкой. Не успев выпустить дым, капитан прыгает.

Блокирую два в голову. Делаю мах ногой в пах.

Матросы по-прежнему у штурвала, что-то жуют и совсем не интересуются потасовкой.

Через минуту пропускаю все удары. Боли не чувствую. Жак не доводит, корректно задерживает. Я бы разозлился, но сил теперь не осталось. До мастера мне далеко.

— Все? — спрашивает, чуть отойдя, как ни в чем не бывало Жак.

Приваливаюсь спиной к борту и дышу. Пот катится градом, а мысли никак не хотят собирать что-то определенное.

Подбегает Рик и обеспокоенно смотрит на меня. Затем что-то хочет сказать, но его перебивает капитан:

— Я, конечно, могу выдрать ногти, раздробить пальцы, да и много чего еще измыслить, — задумчиво произносит Жак и прячет потухшую трубку. — Например, наслать икоту или щекотку.

Рик поежился. Я его понимаю. Перетерпеть боль еще можно, а вот всепроникающую щекотку...

— Ты проведешь ритуал. На тебя не падет подозрений. Тебя уже почти что нет. Посланные Магистратом пираты ничего не нашли, а значит, ты потонул вчера в рыбацкой лодке с неизвестным мальчишкой.

— У пиратов ведь должны быть талисманы, чтобы нейтрализовать заклятия? — задаю резонный вопрос, хотя уже и догадываюсь.

— У меня амулет. Вытягивает магию и разряжает талисманы тех, кого я *не пропустил* на судно. — Жак указал на верхушку мачты, где должен быть спрятан камешек. — Достался еще со времен войны...

— Я кушать хочу, — говорит Рик.

Мальчик уже все решил. Он станет королем.

Жак не колеблется:

— Пойдем.

Едим горячую острую уху. Морской ветер приятно овевает лицо, а тень мачты накрывает стол, укрывая от жары. После полудня солнце взбесилось.

Матросы продолжают сидеть у штурвала.

— Кто они? — жуя свежий хлеб, спрашиваю и киваю на команду.

— Они? Обычные люди, — пожимает плечами Жак и отправляет в себя ложку наваристой гущи.

Рик, кажется, понял сразу же — не зря принцам преподают магию лучшие учителя страны. Лицо мальчика вытянулось и обрело презрительное выражение. Заклятие делает людей практически безучастными к действительности. Они все помнят и понимают, но не могут вырваться из тягучей навязанной повседневности.

— Ты не бойся, — говорит Жак. — Истечет срок контракта, сниму заклятия. Тем более ежедневно силы отнимает много. Но старику хочется, чтобы в доме было все правильно.

— И как долго? — с сарказмом в голосе интересуюсь.

— Я беру команду на полгода, — говорит Жак. — У них третий месяц.

— Ты знаешь, сейчас применение «подавления» карается пожизненной каторгой, — говорю я, — а сто лет назад вешали прямо в зале суда.

— Знаю, — соглашается Жак, отодвигает пустую тарелку и откидывается на спинку стула с замысловатыми резными узорами. Нам приходится сидеть на табуретах.

— Решено? — уточняет на всякий случай капитан. — Мы приплываем завтра. До горы тебе добраться — пять часов.

Смотрю на Рика. Лицо подростка за последние несколько часов стало непроницаемым и гордым. Спина прямая, движения отточены. Взгляд бьет подобно молниям.

— Если у меня не получится? — задаю безнадежный вопрос.

— Получится, — без нажима сообщает капитан, попыхивая трубкой.

— Дам боевые талисманы, — небрежно добавляет маг.

Сводит горло. Уже слишком. Боевые талисманы способны в мгновение ока уничтожить сотню людей. Мор, холод, огонь, безумие — все по части ерундовых с виду золотых побрякушек. Они хранятся в строго опечатанных сейфах Боевого Отдела Магистрата в столице. Парочку еще можно найти в пограничных гарнизонах.

Что ж, пожизненной каторги будет маловато.

— Не бойся, — ровно говорит Жак. — никто ничего не узнает и не заметит.

— И не забудь, я тебе ставлю клеймо — каждую секунду буду знать, где находишься.

— Да, клеймо поставлю и Рику, — добавляет капитан.

— Мне?! Зачем?! — гневно возмущается принц.

— Чтобы глупый мальчишка не сбежал, — сказал с напускной заботой Жак и погрозил пальцем.

Я отхлебнул неизвестного мне сорта горьковатого чая. Сейчас я повлиять ни на что не могу.

Не зря у каждого человека неповторимый родовой камень. Неспроста каждая судьба подобна мимолетной снежинке. Вот

Жак — мощнейший боевой маг Империи, герой войны. Любовь к стране стала его кровью и судьбой.

Рик — обычный ребенок, сбежавший от родителей, когда недосягаемые сказки стали слишком уж навязчиво искушать. И что с того, что мама и папа — правители страны, вокруг горы редких игрушек и обходительные учителя, без которых не ступить ни шагу.

В детстве свойственно верить в чудеса. Наверное, только в этом возрасте удается по-настоящему примерять корону императора, рассекать воздух сверкающим мечом и отправляться за очаровательными русалками. Остальную жизнь мы лишь пытаемся вернуться туда, где плыли ласковые лучи и рука об руку шагала, легко расправив крылья, вера в лучшее.

— Решено? — жестко спрашивает Жак, отставляет фарфоровую чашку и встает из-за стола. Подходит к левому борту и лениво прислоняется к поручням.

Голый по пояс Макс бросает швабру и зовет на помощь Рино, сидящего на бочках.

Будущий правитель неохотно расстается с недоеденным десертом — желе брусники в маленькой пиале. Стол исчезает с палубы, в трюм следом отправляются кресла с табуретками.

— Я подниму Империю, — твердо и высокопарно говорит Рик, стоя у борта. Взгляд по-хозяйски вспарывает соленые просторы. Не верю. Дети тяжело расстаются с мечтами.

— Каково это, быть патриотом? — бесстрашно спрашиваю я.

Жак оборачивается и тяжело смотрит в глаза. Рику, кажется, все равно. Он уже на троне, примеряет фамильный золотой обруч с двадцатью защитными амулетами и тридцатью темносиними сапфирами.

— Каждую секунду знать, сколько навечно осталось вчера на границе, защищая страну от варваров, — просто говорит капитан. — Считать, сколько разорилось купцов, когда подняли торговые пошлины. Смотреть в глаза детям, у одиноких матерей которых достает на два куска хлеба в день? В нас убили мечту, Адриан! Рик, слышишь?!

Рик отводит затуманенный взор от мечущихся волн под начинающимся шквальным ветром.

— Империи вернется былая слава, — холодным голосом усокаивает мальчишка и равнодушно отворачивается.

Тайком щелкаю пальцами и проверяю ауру — чисто, ни одного следа, кроме моей невидимости. Неужели так просто убить мечту — подарить ярко начищенный золотой, отобрав бережно хранимый неограненный алмаз?

— Какую мечту, Жак? — стараюсь говорить мягко. Бесполезно.

— О ярком солнечном дне! О силе, когда оплот страны — могучие войска, а не кучка подростков из нищих деревень, которые не смогли откупиться от рекрутского набора. Я вижу золотые купола церквей, мощенные белым камнем города и ломящиеся от хлебов фермерские амбары.

— Все не так уж плохо, — спокойно говорю я. — Бывало и хуже.

Капитан яростно затягивается, а Рик продолжает безучастно глядеть на море. Снимаю рубашку — уж очень жарко, да и хоть загорю, а то все лето в подвале провел.

— Я готов сражаться на передовой, готов с утра до вечера стоять с косой в поле. Все что угодно. Хочу видеть мою страну, поднимающуюся с колен. Ты знаешь, аспирант, что, если через пять лет не поднять экономику, нас на корню скupит трусливое, вчера еще поджимавшее при виде наших послов хвост государство Эрин? Да у нас одна провинция дважды шире всей их территории!

Капитан переводит дух. Таких, как Жак, питает собственная тоска и бессилие.

— Наши люди больше не хотят быть честными и справедливыми, им легче стать равнодушными медузами, чтобы, перебирая отростками, двигаться по течению киселеобразной жизни. Знаешь почему? Они перестали ждать обещанных издревле летающих кораблей и слепящих золотых куполов.

— Единственная надежда — твердый, непоколебимый правитель. Я ждал момента тринацать с половиной лет. Я знал, что у императора и императрицы не хватит сил вести державу. Они устали от жизни, они больше ни во что не верят. Нужна свежая кровь! Та, что потащит вперед!

— Ты ехал в порт за Риком? — спрашиваю я.

— За вами обоими, — отвечает с ухмылкой маг. — Я подставил тебя.

— Ты нарушил триграммы?

— Думаешь, они только от пыли и сырости защищали? — Капитан громко, искренне смеется. — Глупый мальчишка! Магистрат использует триграммы *скрытия*, ты бы никогда не нашел этих книг!

Задыхаюсь. Цензура в Университете? Как? Зачем? Неужели просиженные в Зале месяцы были зря?

— Когда тебя нашли с пыльными книгами, это значило лишь одно. Ты узнал о тайне Магистрата, подобрался вплотную к *запретным знаниям*. Мало того, куда-то несколько книжек дел. Может, решил перепродать врагам Империи или мятещикам?

Мне нечего сказать. Мир, оставшийся на берегу, меняется с каждой секундой. Мягкие и нежные детские сказки уходят, обнажая костяной остов действительности.

— Я думаю, ни для кого в Магистрате не было секретом, что ты ишьешь. Мало ли, чем дитя тешится.

Хочу ответить, но удается лишь беззвучно шевельнуть губами. Моя мечта напоминает половую тряпку.

— Не потеряй! — строго говорит Жак и достает из кармана штанов что-то, завернутое в черную ткань. Рик любопытным взглядом провожает сверток. Не разворачиваю. Взвешиваю на ладони — почти не имеет веса. Убираю в рюкзачок.

— Да, и ту рукопись, — добавляет патриот.

Рино через наложенное заклятие подчинения понимает команду без слов. Матрос бросает за борт махорку и вразвалочку направляется к трюму за книгой с описанием ритуала.

Шхуна почти подошла к порту. Бесчисленные извилистые улочки, каменные домики и сотни торговых лавочек рядом с пристанью. У пирсов бросили якорь с полсотни симпатичных яхт и два шумных купеческих судна. Слева и справа белеют пляжи с вычищенным песком.

Рик стоит, заложив руки за спину и широко расставив ноги. Я держу рюкзак в руках — плечи горят после вчерашней солнечной ванны.

— Вам удастся исполнить ритуал. И не криви губы, вижу тебя насквозь. Самый обычный эгоист, кои тысячами заполонили страну.

— Сколько? — спокойно спрашиваю я.

— Двести монет, — бросает Жак.

Не торгуюсь. Хватит за глаза года на два безбедной жизни. Боевые маги не умеют врать.

Шхуна подходит к пирсу.

— Снимай обувь, — командует капитан.

Череда неизвестных слов, замысловатые взмахи руками. На правой ладони Жака разгорается зеленая пятиконечная звезда. Капитан касается левой пятки мальчика. Рик вздрагивает. Клеймо мерцает и гаснет.

Моя очередь. Ладонь мага прохладная. Удивленно гляжу на ногу — ничего. Тогда щелкаю пальцами и смотрю на ауру. Объемные, сложные, светящиеся яркой зеленью узоры. От нас с Риком к Жаку тянутся нити. Словно к ногам привязали кандалы. Так...

— Не мучай голову, — советует с усмешкой Жак. — Таких слов в школе не проходят. Умел бы развязать — сидел бы сейчас академиком в Магистрате.

Плевать. Пускай насмехается.

«Мечта моря» бросает швартовы к маленькому пирсу. Николай ловко спускается и крепит канаты. Никто из порта не спешит встречать затрапезного вида судно.

— Да, и не забудьте купить мальчику сандалии, — напутствует Жак и помогает сбросить иссохшие сходни.

— Вперед, — говорю я и подталкиваю Рика в спину. Кажется, в порту сотни кораблей. В торговый гам врезается крик чаек. Струятся ароматы пряностей и благовоний. Жак что-то кричит, но мы, словно сговорившись, не оборачиваемся.

— Ты же мечтал стать волшебником, — говорю в худую спину.

Паренек вздрагивает. Сходим с пирса и, стараясь не раствориться в пестрой толпе, идем по маленькой улочке.

Яростно выгадывают медяки приезжие, охотно борются с ними смуглые аборигены. В прохладе арок замерли рослые стражи в кожаной броне с мечами на перевязи. Порядок на курорте — дело необходимое.

Двух- и трехэтажные домики нависают над головами. На балкончиках вывешено белье, кое-где на террасах покачиваются в креслах-качалках, со стаканом или книжкой в руке, а кто и с тем, и с другим, откормленные мужчины среднего возраста. Умиротворенный взгляд все успевших людей устремлен к морю. Туда, где живут русалки и огромные дельфины.

— Глупым мечтам не свойственно сбываться, — отвечает Рик, вступая под первую арку. — Так говорит мой отец.

— Ты потратил год жизни в трущобах и провонявшей рыбой лодке. Сбежал от родителей, живя единственной мечтой — поступить в школу магии. Зря?

— Нет, — жестко произносит мальчик и обворачивается. Лицо бледное, несмотря на жаркое солнце. — Я познакомился с Николем. Я перестал быть слоняем. Я готов вести Империю.

Крепкие кожаные сандалии с деревянной подошвой ободались в серебряный. Цены на архипелаг взлетают к середине дня вместе с солнцем.

Бродят приезжие, стремглав летят чумазые ребятишки, за jakiав веревки неказистых воздушных змеев. Проплывают увличенные друг другом пары, вышагивают семьи с двумя-тремя детьми. Куда-то спешат осунувшиеся женщины. На каждом углу неизменно по два хмурых стражника.

Такой контраст встречается лишь на курортах. Одни трудятся, другие отдыхают.

Нужно выйти из города.

На главной площади никого. Утро — самое время для купания, бойкой торговли винами, коврами и розовыми ракушками, которые жители собирают зимой, когда море отступает.

Кажется, шаги по старательно выложенным булыжникам разносятся по всему кварталу. В углу площади стоит белая башня мэрии. Рядом притулилась пекарня и гостиница.

Массивная дверь завешена громадным, начищенным до блеска замком — сегодня не приемный день. Понимаю, что раз дошли сюда, значит, случиться ничего не может — мы успели раньше Магistrата. Но все равно сосет под ложечкой.

— Смотри, Рик, — камни оплавлены, — говорю, когда сравнялись с башней.

Рядом с башней булыжники мостовой напоминают застывшее стекло. Некоторые камни словно смяты великаном. Будь осторожен, путник. Ты угрожаешь мечте Империи.

Не сговариваясь, поднимаем глаза. На верхушке башни красуется сапфировое зернышко размером с добрую бочку. Лучи боевого талисмана исполосовали мостовую, сжигая повстанцев.

С тех пор минуло тридцать лет. Летнюю резиденцию императора и императрицы отдали под гостиницу для аристократов, а на уроках истории школяров заставляют зубрить перемещения горстки мятежников и доблестной армии Империи.

Доносится злой лай собак. Стражники встречаются реже, зато прохожих, причем самого затрапезного вида, прибывает.

— Моя любимая сказка — о волшебнике, который умел зажигать звезды. Маг приходил к детям, садился на край кровати и узнавал заветное желание. Затем доставал палочку, взмахивал ею, и ребенок через окошко видел, как на черный бархат неба выкатывается новая искорка. Волшебник говорил — когда подрастешь, сможешь протянуть руки и, если остался смел и чист душой, достать свою мечту. Если ты бежал от себя, лгал, переставал верить в любовь, то тебя уже ничто не спасет. Ту мечту, что однажды зажег, — больше не достать. Руки, коснувшись беззащитного света, превратятся в угольки, а звездочка вспыхнет и погаснет навсегда, — тихо говорю я.

— А уходя, волшебник наказывал — всегда будь честен, храни любовь в сердце и верь. Иначе навсегда забудешь, кто ты, — почти неслышно заканчивает принц. Мне кажется, от мальчика исходит невероятный жар. Встань ближе — и согрешишь. Так всегда пылают люди, верящие в чудеса. Я знаю.

Мне притчу рассказывала мама. До *того* дня. Я ее читал своим двум братьям. До *того* дня. А папа — научил меня читать... Но это было не здесь. В другой вселенной. В другом мире.

— Пить хочешь? — спрашиваю мальчика. Не дожидаясь ответа, бросаю две медные монетки торговцу. Толстый, высокий, с длинными усами мужчина нехотя встает из-за навеса и

ставит на прилавок два кувшина темного виноградного сока. Вкус насыщенный, явственно чувствуется масляная терпкость косточек.

— Я напросился на экскурсию в город и сбежал. Наверное, учителю сильно досталось, — грустно говорит Рик.

Если не повесили. Возвращаем кувшины и идем дальше.

— Решил поехать в Нарву, от столицы далеко. Нанялся к одному рыбаку — он предложил пожить у него. Жена умерла при родах вместе с ребенком, детей нет. Мне он понравился.

— И чем же ты занимался? — с интересом спрашиваю.

— Каждый вечер изучал магию по двум учебникам, которые взял из дома. А ранним утром мы уходили в море. Оказалось вовсе не хуже, чем сидеть в мягким кресле на уроке.

Камни белоснежной мостовой давно сменились старыми досками. Крепко сложенные дома пропали, и все вокруг заполонили хибари. На улицах — хмурые женщины с выводком ребятишек. Как выйдем из города — до горы останется меньше пяти часов. Совсем не волнуюсь.

— Поначалу было очень тяжело — рыбацкий труд не простой, — со знанием дела сообщил Рик.

— А о родителях во дворце ни разу не вспомнил?

— Я все время о них думаю, — смутился Рик. — Когда стану взрослым, буду с ними жить. Я хотел... — Мальчик споткнулся и чуть не упал. Я протянул руку, но принц помочи не принял, его лицо опять стало жестким и отрешенным. — Я хотел поступить в Школу магии, когда мне исполнится четырнадцать.

— Знаешь, Рик, — говорю я. На самом деле говорю себе, не мальчишке. — Почему-то всегда меньше всего мы думаем о родных и близких. Нам кажется — мимолетный жест, поцелуй или благодарная улыбка — ни к чему, мы уверены — всегда можно успеть.

Но мальчик не отвечает. Он в ослепляющей короне на выложенном подушками троне.

Мы выходим из города и идем по разбитой проселочной дороге. Зеленые пирамиды кипарисов и пальмовые деревья с волосатыми бочонками плодов. Вдалеке виднеются заборы первых фермерских домиков.

Если все верно — четыре часа до горы. Привал — полчаса. К вечеру дойдем. Магистрат не успеет. Не найдет.

Издали виднеется пузатая, лениво раскинувшая зеленые лапы подлесков *гора*. На самом деле она не такая уж большая и неприступная.

Там будет тропинка, но ее пока не видно. Местные жители ходят на гору набирать воду из минеральных ключей.

Воды надо будет спросить. Идти приходится в самое пекло.

Рик, которого знаю всего три дня, не будущий король, он сейчас обычный человек. А простым людям бывает весело и грустно, их одолевают сомнения и ослепляет кажущаяся все-дозволенность. Похоже, мне не безразлична его судьба. Всегда горько, когда не сбываются сны.

Неужели любого, кто идет рядом, привязываешь, не глядя? Швартуешь к себе-причалу, словно гибнущее в дикой буре судно? Такая редкость — пытаться удержать пока еще живой, не растрепленный в неистовом штурме кораблик?

Вдыхаю прибитый к земле сухой воздух, он напоен духом кипарисов и чем-то легким, абсолютно светлым.

С каждым шагом растворяюсь в окружающем мире. Отдаю себя по частичке безоблачному небу, кустам у дороги, подростку в серой майке и залатанных шортах. Меня нет. Сегодня — мой главный день.

— А ты о чём мечтаешь? — спрашивает мальчик. Он останавливается и настойчиво смотрит в глаза. Неуверенно перекидываю рюкзачок на спине.

Одновременно украдкой смотрим на ноги, но тут же возвращаем взгляд, словно невидимая зелень клейма умеет обижаться. Но Жак не виноват. Мы сами выбираем, как следовать судьбе.

— Пошли, — говорю я. — Сейчас расскажу. Полную легенду я нашел год назад в Зале Старинных Манускриптов.

Легенда, которую ребенком узнал от сказочника на ярмарочной площади, притча, рассказанная позже профессором на лекции, и мечта, в которую упорно отказываюсь не верить, оказывается, рядом. Она в величественном краснокаменном здании с четырьмя пролетами. Она ждет за дверью, где стоят дубовые шкафы с полками, заставленными свитками и книгами.

Триграммы берегут от пыли и старости не пожелтевшую бумагу и иссохшую кожу. Они хранят самое главное, что создало человечество, — мечты и сказки о мире, где мягко накатывают на белый песок волны, высятся золотые бутоны куполов, а вокруг необычные люди, в чьих глазах струится всепонимание и всепрощение.

«Ты можешь сделать все, что хочешь. Нужно забраться на Гору Смерти и провести ритуал».

Откидываюсь на спинку стула. Так просто — перебивает дыхание. На столе, заваленном бумагами, лежит книга о народе, жившем двадцать веков назад. Обложка из потускневшей кожи, посередине два золотых, почти стертых иероглифа. Корешок толщиной с кулак.

Всякий, кто живет в наших местах, любой, кто находил в лесу немало черепков, что вымывало речушками, каждый, кто не раз сбегал на древние капища, знает эту легенду. Более тысячи лет ее разносят бродячие артисты и искусные, в дорогих кафтанах, менестрели. В нее верят все мальчишки и девчонки.

Сейчас передо мной подробное изложение, записанное одним из магов прошлого. Одна из сотен историй о древних временах.

Касаюсь гладких и крепких от триграмм Магистрата странниц. Вглядываюсь в чудную вязь древнего шрифта, старательно выведенные красные знаки. Не глядя, беру словарь и начинаю неспешно, чтоб не спугнуть распластанную легенду, переводить. Иероглифы превращаются в буквы. Слова тягучим языком уводят в мир, который существовал две тысячи лет назад. Черный подвал, стол с пляшущим огоньком свечи, и я, с судорожно стиснутым пером над чистой тетрадью, исчезаем в утреннем тумане.

«Однажды бог огня Один разгневался на людей за то, что они слишком сильно жаловались на жизнь. Он изрыгнул поток огня и воздвиг неприступную Гору Смерти. И сказал — кто алчет исполнения желания так сильно, что не может больше жить, должен забраться на вершину, встать на плато и, не боясь, смотря прямо в небеса, потребовать. А затем — пожертвовать родовой камень».

Отдать судьбу и обрести взамен новую. Такую, какую захочешь. В сказках иногда все логично.

«Душа забудет прежний путь. Непризнанный менестрель станет отважным воином, мастеровитый сапожник научится выпекать невероятно вкусные пироги, а вздорная скучная жена превратится в послушную страстную хозяйку».

Закрываю конспект и щелкаю пальцами. Висящий на стенах факел загорается. Дую на огонек свечки и собираюсь. За окном уже вечер.

— А потом? — спрашивает Рик. Подростку стало так интересно, что он даже ни разу не пожаловался, что устал. Или просто не положено ему сейчас ныть? Что невзгоды для императора? А солнце старается усердно. Надо попить, иначе рухнем прямо в пересушенную землю.

— Рик, видишь домик?

Показываю рукой на стоящий справа от дороги небольшой уютный дом с черепичной крышей и двумя оконцами. Вокруг небольшая ограда и скромный сад. Всего пару деревьев — то ли вишнен, то ли яблонь.

Рядом с террасой виднеется небольшой колодец.

Достаю из рюкзака флягу.

— Пойдем.

— А что было дальше, Адриан? — настаивает Рик.

— Сейчас, — успокаиваю я.

— Древние манускрипты не лгут, — говорит Фари, пристально глядя поверх очков, — пожалуйста, Адриан, брось.

Длинные, с завитками, усы печально поникают.

Не отвечаю, сую в жилистые руки листок со стандартной формой магического заказа. Волшебник молча протягивает руку и берет пергамент.

Фари близко дружил с нашей семьей. Они с папой вместе оканчивали Университет Магии Нарва. Но отцу тяжело давалось волшебство. В итоге, когда грянул гром, мне досталась славная, одна из лучших в Нарве, булочная — прямо напротив Университета. Успешно продал ее два дня назад.

Пара пассов над столом, чуть напряженный, сквозь меня, взгляд. Побледневшее лицо и едва заметные бисеринки на лбу.

Вдруг Фари довольно улыбается и жадно отхлебывает из кружки. Откидывается в кресле. Белым шелковым платком промокает лицо. На слова сейчас сил нет.

Неприглядный серый камушек лежит среди исписанных бумаг. Он размером с чернильницу.

Огненный шарик, что пройдет навылет через массивную дверь, мне наколдовать легко. Ну что поделать, если кому-то на изучение простейшей формулы нужен день, а я щелкаю пальцами — и за мгновение сложнейший водоворот аксиом и теорем складывается в филигранное заклятие?

Но камень... Здесь нужен специалист по зельеварению. Мутная, въедливая специальность. Здесь вам не отточенные, вязкие секунды, послушно замершие на пальцах.

Камень стоил мне всего жалкого состояния. Да и всего запала, что отчаянно бросал вперед. А может, и правда стоит попытаться? Пути назад нет.

Родовой камень в древности полагался каждому человеку. Волшебники творили драгоценности, исходя из особых астрономических и сезонных таблиц.

Характер и душа отражены в родовом камне. Существует три вида. Красный, как огонь горящий рубин — душа, что мчится вперед. Зеленый, как луг, изумруд — душа, чей путь — познание и гармония. И синий, непредсказуемый словно зимнее море. Душа, мудро принимающая боль, а взамен отдающая спокойствие и надежду.

Конечно, камней чистого цвета не бывает. Или встречаются очень редко. Чаще — смешанные.

Фари крутит в руках серый.

— Серый камень редок. Неограненный алмаз. Такой человек не знает ни радости, ни боли. Он словно тень, как осеннее небо. Ограненный, чистый алмаз — символ непоколебимой основы, струна, — задумчиво говорит Фари. — Я создал около ста камней. Сейчас их заказывают купцы да жены аристократов. Бывает, не понравится цвет — требуют поменять. Я развозжу руками. Одна вернула оранжевый. Я ведь им вместе с камнями и справочник продаю, — усмехается волшебник. — Она дома овечка овечкой. И мужу улыбнется, и детей приголубит. Думала, ей голубой, перламутровый такой камушек доста-

нется на счастье... — протягивает грустно Фари. — Ах нет, значит, надо меняться самой.

Про камни мы проходили на третьем курсе в «Истории математического искусства». Но каждую строчку я знал еще до поступления в Университет. Невероятная легенда поразила меня с детства.

Оранжевый — противный цвет. Внутри человека — душевная язва, обида на мир и тех, кто рядом. Радоваться такой человек не способен. Он давно позабыл — улыбаешься тогда, когда делаешь от сердца. Пускай — глупая прогулка под звездами. Первая, сквозь череду безвкусных лет семейной жизни.

Всматриваюсь в непроницаемую ночь. Изморозь паутинкой разбежалась по окну.

Где-то там ждет моя Гора.

Фари смотрит укоризненно. Менять судьбы — не удел людей. Слишком просто.

Киваю и прощаюсь.

Дверь скрипит, и я остаюсь один. Ледяной ветер пробирает сквозь теплый мех пальто. Звезды, словно издеваясь, грозьями висят прямо над головой.

Поглубже натягиша шапку и медленно иду к спальному дому студентов и аспирантов. Три квартала. Снег скрипит под кожаными сапогами. Городские фонари сияют разогнать тьму, но не могут справиться с ночью уже в двух шагах от себя.

Мне не холодно. Со мной мечта, которая назойливо приходит днем и ночью.

У мечты нет пока сил наполниться объемом и цветом. Я лишь знаю — она о том, что бывает по-другому.

В конце концов! Сквозь перчатку камень впивается острыми гранями в ладонь.

За все, что этот мир сделал для меня! Карьера провинциального мага, вместо которой смертная дружина на границе разваливающейся Империи. Смерть родных от случайного пожара, неизменность и серое небо по утрам. Мне нужна другая жизнь!

Остатки среднего двора за плечами, невыдающиеся магические способности и совершенно никакой возможности что-либо изменить. Жизнь исчерпана, как вода в брошенном колодце.

Нет, я попробую. Я имею право! Буду биться, пока не пройду!

Оборачиваюсь и смотрю на уютный домик Фари. Два окошка на первом этаже излучают домашний свет, в рабочем кабинете темно. Волшебник живет с женой и двумя дочерьми. Никогда он не создаст родовой камень для себя или близких. Человек любит сердцем, а ему плевать на остальное.

И мне тоже плевать. Я не перестал верить в дурацкие сказки. Камень у меня. Я буду искать. С утра до вечера, пока не найду. Я прочитаю ритуал.

Приснилась серая, без лиц, толпа, тянувшая руки к горлу. Горячий, еле остывающий камень в руках и тетрадь с аккуратными конспектами старинных фолиантов. А потом пришли строчки, тлеющие на самом дне памяти, строчки, написанные в самом конце древней легенды — «И никто не вынулся с прежней судьбой из тех, кто уходил. Каждый раз била в вершину молния, каждый раз плевались дождем небеса, каждый раз бог Огня все больше суровел. И решил он, что больше не даст новую судьбу, а посвятит в великую мудрость тех, кто пожелает не для себя».

— Так камень сейчас у тебя?

Посреди полуденной жары воздух течет словно расплавленное масло. В глазах Рика детский восторг.

— Да.

Мальчик спотыкается. Поддерживаю за плечо. Подросток замирает.

— Не всегда мечты сбываются, Рик, — мягко говорю я. Убеждаю нас обоих. — Порой все поворачивается так, что деваться некуда. Как бы ни извернулся, изменить что-нибудь просто невозможно.

— И что делать? — жадно спрашивает будущий король. Правой рукой проводит по ежику волос.

— Мечту никто не в силах отобрать. Если веришь по-настоящему — сбудется. Обязательно.

— Пойдем, — хмуро говорит Рик.

— Знаешь что, — говорю я. — К мечте легких путей не выходит.

— А ты еще хочешь изменить свою судьбу? — вдруг спрашивает Рик, когда мы стоим у подножия горы. Из леса веет прохладой. Под ногами шишки и прессованные иголки.

— Да, — твердо говорю я.

— Я тоже, — сообщает тихонько подросток. В руке у него фляжка с водой, которую набрали у фермера. — Только сам.

На край неба робко вступают первые темные тучи. К ночи или к вечеру случится дождь. Лезть станет скользко. Но мы успеем раньше.

Рик идет первым. Пока легко, тропинка хорошая. Ноги с непривычки гудят. Но это ерунда.

— Хочу стать магом, — произносит вдруг подросток и обворачивается.

До отвесного подъема, где кончится лес, осталось немного. Рику не обязательно карабкаться, достаточно подождать рядом. Ритуал достанет.

— Если не станешь королем, — решают быть честным до конца, — твои родители могут погибнуть при штурме дворца. Мятеж может захлестнуть столицу в любой момент. Я не знаю, что сейчас там происходит, но явно что-то неправильное.

Чтобы отвлечься, Рик подбирает с хвойного ковра шишку и со знанием дела размахивается. Снаряд бьется о ствол векового дерева и бесшумно отлетает.

Показываю налево:

— Смотри, источник!

Шагах в десяти от тропинки прямо из-под земли бьет ключ. Высота струи — мне по пояс.

Идем медленно, стараясь не спугнуть. Земля хорошо утоптана. Видимо, жители часто сюда приходят.

Рик подставляет сначала ладони, а затем лицо.

— Ледяная! — орет мальчишка.

Наклоняюсь сам. Зачерпываю горстями, смываю с глаз, щек, губ осевшую за день пыль.

Пью.

Удивительно. В вековом, древнем лесу в небо бьет чистая, как слеза, вода. Настоящее чудо.

— Адриан, давай что-нибудь придумаем, — просит мальчик.

— Пойдем, — устало говорю я. — Сначала надо забраться.

— Честное слово!

Глаза подростка распахиваются от неожиданного признания.

— Честное слово, я хочу стать настоящим магом! Я буду помогать людям! — выпаливает мальчишка.

— Я тоже много чего хочу, Рик. Но сейчас не время. Нужно спасать Империю. Не государство, а людей вокруг нас. — Я не напоминаю ему, что выбора у нас все равно нет.

Глаза Рика потухают, мальчик отворачивается и возвращается на тропинку.

Осталось чуть-чуть.

Выходим из леса на усыпанную щебнем прогалину. Сразу же крутой подъем. Пытаясь идти — откатываешься с лавиной булыжников.

В горле встает ком.

Гора взвивается, словно башня. Прикидываю — в высоту эдак этажей девять. Лезть будет тяжело. Для верности нужно заклятие.

— Рик, мне пора. — Смотрю на мальчика и обезоруживающе улыбаюсь.

Меня ждет Гора. Я — уже там.

Будущий король, неудавшийся волшебник, серьезно кивает.

— Помочь?

Тут сильная левая рука и вовсе помешает. Качаю головой и улыбаюсь как можно уверенней:

— Нет, спасибо.

Над скалой показываются неприметные точки.

Пять. Приближаются стремительно. Не сводя глаз с неба, отступаем под защиту леса.

Белые перья, желтые хвосты с короткими кисточками, колючий взгляд черных вытянутых зрачков.

Грифоны хищно раскрывают клювы. Над землей летит хриплый вой. Крылья вспарывают кипящий от магических субстанций воздух и поднимают мелкий сор с земли.

Толкаю Рика в спину, мальчишка кубарем летит в подлесок.

— Стой! — гремит Рамус. Густая седая борода, пылающие внутренним пламенем глаза. Вот где настоящие патриоты — они сражаются ради людей, за государство и самих себя. В правой руке — магический посох с выцветшей рунической вязью. Оружие, разрешенное в исключительных случаях. Левая кисть обмотана ремнями поводьев.

На всех белые плащи с серебряной каймой. Бьет в глаза отстраненное и словно восковое лицо Ризера. Грифоны выпростали когтистые лапы, готовятся приземлиться.

Ноги сводит редкой противной судорогой.

Слышу из кустов задыхающийся крик подростка.

Кажется, щиколотку моей левой ноги сейчас разорвет. Ядовитая зелень великанскою плевка спеленывает грифонов. Существа яростно молотят крыльями. Суровые лица магов искаются. Испугом?

Рамус наводит на меня посох. Уже что-то шепчет?

— Кидай талисманы, — прямо в ухо шипит голос далекого Жака.

Срываю рюкзачок, узел не выдерживает. Содержимое лежит под ноги. Лихорадочно ищу среди камней два талисмана.

Столб пламени вгрызается в кокон. Зеленая пелена тут же становится синей и блеклой.

— Швыряй! — срывающимся голосом командует Жак.

Отбрасываю тетради с конспектами. Подхватываю два талисмана — один отливает серебром, другой светится красным.

Бросаю оба. Завеса продавливается, и магические бомбы оказываются рядом с грифонами.

Маги реагируют мгновенно. Рамус начинает беспорядочно махать посохом, а Дильгор — выписывать движения пальцами. Остальные не отстают.

— Беги! — шелестит теряющий силу голос.

Внутри вновь позеленевшего кокона раздается бесшумный взрыв. Застывший в воздухе пузырь озаряет неяркий, приглушенный серебряный свет, а затем приходит безмолвный огонь.

Забрасываю в рюкзак с нарушенной триграммой Магистрата и оба камешка. Кое-как затягиваю узел. Подхватываю рюкзачок.

Складываю заклятие «сила огра».

В зеленом коконе продолжает бушевать пламя и серебристый свет. Какую мерзость я туда бросил?

— Адриан, ты жив? — Рик выбирается из-за деревьев.

Бросаю взгляд на скалу. Добавляю «знание равновесия».

— Удирай! — ору мальчишке.

— Адриан, не забудь! — упрямо не сдается подросток. —

Про мечту!

Скала. Ни росточка, сплошной камень. Ухватиться не за что.

Последний бастион. Взять!

— Беги! — кричу мальчику. Не оглядываюсь. Хватаюсь за с виду удобную выемку. Сил хоть отбавляй. Буквально забрасываю себя до следующего уступа. Кажется, может получиться.

Алмаз искрится на солнце, протянешь руку — ощущишь задорные огоньки. Сделаешь шаг — взовьешься к небу. Закроешь глаза и — поверишь. Во все, что хочешь.

Вдох.

Видение пропадает, тугая волна врывается в легкие, и тут же до боли сводит зубы.

Вдох.

Так всегда. Мираж, что осталось чуть-чуть.

Кажется, мне не подняться.

Вдох. Дышать!

Больше злости. Яростной и неудержимой. Такой, когда темнеет в глазах, и камень, разрезая ладонь, становится не больше, чем листком бумаги.

Еще держусь. Руки побелели от натуги, но сжатые до предела пальцы цепляются за уступ.

Рывок. На горном плато лежать жестко. Прямо перед глазами возносится крохотный росток. Сосна? Одуванчик?

Воздух почему-то вязкий и липкий. С разгона бьет пронзительный ветер, выворачивает наизнанку, впечатывает в крохотное, шага на три, плато. Над головой замерли грозовые тучи. Фермеры внизу ждут дождя.

Поворачиваюсь и осторожно, чтоб не сорваться, выглядываю. В лицо плещет оглушительный порыв, но не поддаюсь. Зеленый ковер с проседями каменных насыпей. Чуть дальше — фермерские владения, аккуратно разбитые на квадратики.

— Не дури, — шелестит в голове прерывистый голос Жака.
 Чувствую, что левую ногу обнял раскаленный обруч.
 — Пусти, — шепчу сквозь зубы.
 Хватка слабеет.

Поднимаюсь и достаю из рюкзачка маленький, завернутый вшелковую тряпицу камешек. Так и есть. Изумруд с мириадами граней, разбрасывающих лучи закатного солнца, словно капельки воды. Рику повезло. У него была отличная, чистая, судьба.

Самое трудное — заставить себя верить. Лишь кажется, что со временем становится легче. Чем дольше живешь, тем сложнее толкать тяжелую повозку с дающей крен осью.

В конце легенды были слова «...не для себя». Не верю. Любой человек хочет для себя. По-другому хоть раз бывало?

Сколько раз ворошил страницы, которые без защитных триграмм рассыпались бы в пыль? Сколько ждал с того момента, как потерял семью и понял, что этот мир — не для меня? Пять, семь лет? А может, я прожил череду бесконечных жизней, раз за разом упираясь в тупик?

Детская мечта, как стакан, наполненный до краев пенящимся, игристым вином. Я вырос, стал больше и стакан, вот только чудодейственной жидкости не прибавилось. Чья вина? Того, кто давит ягоды? Пускай я никудышный винодел, зато точно знаю: если верить — мечты останутся.

Усмехаюсь в лицо небу и несущимся тучам. Надо хоть взглянуть напоследок, что теряю. Достаю книжку с ритуалом и резную шкатулку.

Взрослый человек ненамного ценнее беспомощного ребенка. Ведь у детей есть радуга, которая дарит цвета всем вокруг. У них может получиться сберечь свою звезду и научить доставать звезды других.

Пока горит звезда — есть шанс.

Кладу изумруд на плато, тряпицу уносит ветер. Рядом ложатся книжка, шкатулка и рюкзак.

Выбросить камень Рика в звенящую пропасть? Или спрыгнуть самому? Мальчик обещает стать самым добрым магом на свете.

Будет нечестно не попытаться. Я быстрее. Я успею.

Наклоняюсь.

От левой щиколотки прожигает все тело сумасшедшая молния. Хочу двинуться, но не могу. Выступает холодный пот. Кажется, превращаюсь в камень. Только внутри разлили кипяток.

Невидимые пальцы перебирают каждую жилу и каждую kostochku. Хочу умереть. Можно откусить язык, так учили в Школе Боя. Но не могу. Это не мое тело.

— Начинай! Рыпнешься — не умрешь никогда!

Накрывает ослепляющая боль. Чувствую себя первородным пламенем.

Невероятно долгую секунду мука прошивает нас kvозь.

Затихло.

Дрожат пальцы, из носа и ушей течет горячее. Щеки залиты чем-то мокрым. Кажется, штаны тоже.

Наклоняюсь и беру книгу. Руки на мгновение становятся не моими.

— Не тебе со мной тягаться, — ровно сообщает Жак. — И еще. Я читаю мысли.

Молчу. Перед глазами сгущается туман. Размазываю по лицу слезы, чтобы не мешали.

Гордо расправляю плечи, нахожу ритуал и начинаю почесумо-то охрипшим, почти неслышным из-за ветра голосом:

— Заклинаю семью морями и семью материками, слезами дождей и потоками лавы...

Говорю, не слыша собственных слов. Из горла вырывается глухой звук, внутри быстро и мощно перемешиваются магические потоки. Кладу книгу на землю, становлюсь на колени. Продолжаю читать.

Левая и правая руки сами складывают неизвестные мне пассы. Кажется, пальцы сейчас сломаются.

А заклинание все не кончается.

Встаю с колен. Прислушиваюсь к ветру и поднимаю взгляд на бесконечное, безмолвное небо.

— Давай! — орет что есть сил Жак. — Сейчас!

Раскрываю рот.

С левой щиколотки что-то слетает. И становится легче. Чувствую себя пушинкой.

Изумруд на плато лукаво сверкает в последних лучах — солнце прощается с нами на сегодня.

Все.

Сажусь на краешек скалы и свешиваю ноги. Смотрю вдаль. Жду.

— Адриан! Не делай глупостей! — Усиленный заклятием голос Олафа разносится над площадкой.

— Мы остановили Предателя! — орет Рамус. — Все в порядке, спускайся сам! Грифоны сюда не могут прилететь!

Значит, никого убить мне не удалось. Прошедшие войну маги не лыком шиты. В любом случае. Покушение на судьбу принца. Года пытка будет маловато.

А ветер здесь и впрямь не шутка.

— Все в порядке! Адриан! Спускайся! — Это Олаф. — Когда пираты вернулись ни с чем, мы все поняли! Ты амнистирован!

Может быть правдой. Империи нужны герои.

— Это мы все спланировали! Мы специально отправили тебя на Крыло, чтобы выманить Жака! У тебя был наш маячок! — доносится знакомый голос Клирона. — Мой мальчик, ты отлично справился, ты молодец! А самое главное, ты не поддался Жаку! Тот боевой маг, что нашел тебя, — это был я под лициной!

Задыхаюсь. Воздух становится нестерпимо горячим, и чудовищная пытка минуту назад кажется не страшнее щипка. Вот ведь как. «А самое главное, ты не поддался Жаку!» Чертовы старики! Да они все знают наперед и играют мной словно пешкой, а я хочу жить прямо сейчас, по-своему. Просто жить, никого не трогая.

И еще я хочу кое-что для себя. Возвращаться в этот мир? После такого жесткого обмана?

Я нарисую свой. Там не будет лживых наставников и безумных патриотов!

Начерчу свою карту.

Я! Слышите? Я!!!

Еле встаю, ноги будто не мои. Поднимаю руки. Ветер упруго толкает в спину. Представляю себя орлом. Могучим, диким зверем. По моей прихоти падают вниз леса и озера, а солнце стремительно мчится навстречу. Вижу каждую иголочку дале-

ких сосен и закатные лучи, пробивающие облака, которых не достать.

Лишь люди умеют выше, но и то — во сне. Достаю из шкатулки серый камень. Набравшее мощь, не нашедшее разрядки, свернутое в тысячи струн заклятие бьет в пальцы.

Мой камень лежит на ладони. На него падает капля. Тут же о серую грань разбивается еще одна. Дождь после пекла. Вода, как и зной, приходит с небес. Провожу по лицу — ладонь становится влажной. Дождь размешивает кровь.

Как там написано? Не выпуская камень, листаю страницы. Еще три пасса и всего одно слово.

— Не дури, мальчик! Спускайся! — Это опять кричит Рамус. Строгий, упорный вояка. Он не знает, что такое сдаться, лечь на кровать и упрямо глядеть в потолок. Он пробивался сквозь грязь и мертвые тела, когда за спиной вспыхивали кислотные облака, а из-под земли выбивались чудовищные твари. Он полз, калечился, терял друзей, но прорывался. Ему удивительно, что молодой парень искал Гору ради прихоти.

Где-то там Рик, не состоявшийся король Империи, прирожденный маг. А где-то в море бесполезно дергает ниточки оборванных печатей неудачник-патриот. Почти такой же, как Рамус.

Ухнуть бы вниз. Раскинуть руки и задохнуться от кидающегося в лицо ледяного ветра.

Через тучи пробивается уставшее солнце и бьет огненным отсветом прямо в глаза.

На самом краю лежит камень.

Замираю со скрюченными в пассах пальцами.

Здесь — ничего нельзя забыть.

Нагибаюсь. Катаю камешек в руке. Это рубин.

Дышу.

Может быть, кому-то удалось вернуться?

Что, если кто-то сумел не разувериться в себе?

Удары сердца и свист горного ветра.

Учить маленьких детей нелегко. Постоянно тыкаешь носом, а они не понимают. Грозишь пальцем, спрашивают — почему, а узнав, продолжают делать по-своему...

* * *

Но если не хватает сил — сдаваться нельзя. Что бы ни происходило.

Даже элементарное колдовство разряжать опасно.

Стряхиваю руку в прерывающем жесте.

Заклятие на прощание разрывает сердце. Отдается в кончиках пальцев, стремится выдавить глаза.

Но по сравнению с удавкой Жака — шутка.

Осторожно прячу в шкатулку изумруд Рика, подальше от греха. Не успевшие рассеяться магические поля отзываются в локте яркой болью. Пройдет.

Колдую «сполох» и безжалостно сжигаю бесценную книгу. Защитная триграмма не выдерживает, и бумага шипит под дождем.

Что прямо под скалой — не видно. Но там такие же, как я. Они ругаются, страдают, любят и улыбаются. Верят в радуги, которые создают сами. Пожалуй, мне — к ним.

А камешки... Беру оба. В левой — серый алмаз, в правой — горящий алым рубин. Аккуратно кладу рубин на середину плато, чтобы, не дай бог, не сорвало. Серый все же убираю назад в шкатулку.

Надеваю рюкзак. Подхожу к обрыву и начинаю осторожно спускаться с неприступной и проклятой скалы. Я буду одним из тех, кто не отказался от своей судьбы.

Возвращаться, оказывается, еще сложнее, чем подниматься.

Я не сорвусь. Впереди еще столько всего нужно успеть.

Для начала подружусь с Риком и попрошу за него Клирона. У мальчика тяга к магии огня.

Внизу, у подножия холма, всматриваясь в безмятежную гладь озера, я держу искру. Жжет, но я не разжимаю ладонь — словно держишь маленькое сердце.

Сижу на крутом берегу озера, свесив ноги в прохладную воду. Мир — многогранен, и он весь наш. Он и есть — сказка, мечта, то место, куда мы стремимся убежать, отражение волшебных снов о далеких землях. Если бы их не существовало на самом деле, нам бы не снились мечты — яркие и радужные,

светлые и горькие. Сны о мире, в который мы надеемся попасть, закрывая глаза в мягкой, но неудобной постели.

Гладь озера — как зеркало. Поднимаю руку, и струя воды взмывает, устремляясь за ладонью. Прыгаю вперед, на воду. Почти лечу над прозрачной гладью, и слева, и справа маленькими живыми фонтанчиками поднимаются в вихрях струйки воды, играя радугами в лучах солнца.

Каждый день — испытание, а если завтрашний день труднее, не беда. Иначе — станет неинтересно.

Раскрываю ладонь — смотрю на играющий огонек, настоящий, живой. Он горит яростно и больно, смело и гордо. Огонь, который никто не в силах погасить.

Взмываю под облака. Вижу хвойный лес и широкое озеро, замороженные горы и плавящиеся пески.

Чтобы гореть — не нужен огонь.

Огонь — ты сам.

Разжимаю руку, и камешек-искра, осколок солнца, со звонким шлепком падает на зеркало воды и замирает; не собираясь тонуть.

Я смеюсь. Это мой мир.

Здесь есть, куда идти. Здесь, где-то на одном из поворотов, ждет любовь. Здесь есть почти все, а чего не хватит — сотворим сами.

Открываю глаза. Сказочный морок рассеивается. Ноги полошутся в илистой воде. В руке — маленький серый алмаз. Ветер легонько перебирает камыши, а рядом лениво стрекочут цикады.

Булькает, и круги начинают медленно расходиться.

Обычный лес. Самый настоящий. Тут растут сосны и прыгают белки.

Поднимаюсь. Ветер, словно проверяя мое решение, упрямо дышит в лицо. Внутри вспыхивает огонь.

Размахиваюсь и что есть сил швыряю камешек. Рука срывается, и алмаз тонет почти у берега.

Отряхиваю мятые брюки и медленно иду по мокрому песку вдоль берега. Остаются следы босых ног. В руке — стоптанные туфли.

Я решил. Я сделаю все сам. И не нужны мне никакие новые судьбы.

Юлия Остапенко

ЛЮТЫЙ ОСТРОВ

*Памяти Никки (Оли Полуяновой).
Я тебя помню и очень люблю.*

1

Когда пришли нероды, я был, верно, первым, кто их увидел. Так Горьбог рассудил, что выбрал я то погожее утро для охоты, а если правду сказать, то и не для охоты даже, а так, поразмыться надумал — и понесло меня на Устьев холм, туда, где с начала весны я выслеживал тура. А если совсем правду, то и не тура, а туренка малого — скакал, глупый, по скалистому бережку, не знал, что я его дожидаюсь. Один на один против него я идти остерегался и все равно в раж вошел: а ну как одолею! Всю весну я бродил по этим холмам, наставил ловушек и в тот день решил проведать. Не очень-то верилось, что повезет, но с утра, когда сел лук править, мамка разворчалась, что опять дурным делом занят, за плуг бы взялся лучше, — вот я и удрал от нее, чтоб уши не кислила. Влез на Устьев холм, где у меня первая ловушка была, — и тогда-то увидел неродовские паруса.

Должно быть, чересчур долго я смотрел на них, приставив ладонь к глазам, — страх как долго, сердце, так и кинувшись вскачь, с дюжину ударов отгрохотать успело. Корил себя за это после, а тогда — ну ни с места двинуться, ноги словно в камень вросли. Потом уж сорвался, кинулся вниз скальной тропкой. А тропка, чтоб ее, хитрая, подниматься по ней — еще туда-сюда,

а вниз идти надо бережно, иначе костей не соберешь. Да куда уж мне было себя беречь...

Нероды!

Деревня наша стоит в далекой глуши, укрытая скалами, словно чайкино дитя материными крылами. Кто не знает — мимо пройдет, кто знает — замается вилять меж острых порогов, выискивая путь к земле. Потому живем мы и спокойно, и бедно: ни купцы нас не жалуют частыми визитами, ни налетчики. А все ж бывает, что привечаем в гостях — и одних, и других. И знают уже сельчане: если забрезжит на море зеленым — то фарийцы, от них можно откупиться. Если сизым с львиными мордами на бортах — галлады, с теми надо полюбезнее, хлебом с молоком встретить, в ноги поклониться — может, примут угощение и так уйдут. Если полыхнет на волнах алым — асторги пожаловали, станут избы жечь, скот забивать, девок портить, так что видели алое — мужики брались за ножи, а бабы хватали детей, добро и бежали кто куда.

Но если появятся под небом черные паруса — тут ни откуп, ни мольба не поможет. Да и бежать бесполезно. Не убежишь, не спрячешься — догонят, найдут, и тогда уж хоть жилы на руках грызи, а живым не дайся.

Нероды.

На моей памяти они только раз к нам приходили. Мамка говорила, я малец совсем был, в подоле еще носила меня. А я помню. Тогда их вовремя завидели, и как услышала она крик по деревне, так бросила прялку, схватила меня и кинулась в лес. Под корягу забилась и просидела два дня и две ночи, пока нероды не ушли. Когда мы в деревню вернулись, там почти никого не осталось. А избы стояли не тронутые ни огнем, ни мечом, и выла в бесхозных хлевах недоенная скотина.

Без надобности неродам наш небогатый скарб. Приходят они за людьми.

Что и говорить, резво бежал я с Устьева холма через лес — аж ветер в ушах свистел. А не успел. Неродовские корабли не стали причаливать к берегу — знали уже наши берега. Спустили на воду верткие лодки, и пока я добежал, успели высадиться. Как дозорные наши недоглядили, я так никогда и не узнал.

А только увидел, как идут нероды по нашему селу, дюжие, длинноволосые, в среблясто поблескивающих кольчугах. Хозяевами идут.

Не добежав до изб полусотни шагов, рухнул я в кусты, носом к земле, вскинул руку к плечу — и схватил пустоту. Ай, лихо! Лук-то я дома оставил! Треснул он накануне, вот я его и замазал рыбьим kleem, оставил на лавке у избы сузиться, мамке строго наказал не трогать, а она только вслед ругнулась. Мне бы его сейчас! Послал бы хоть по доброй стреле в глаза этим, что идут сейчас по моей земле, будто по собственной — с жезлом идут...

Под деревне уже стоял плач, крик и лязг стали. Мужики выбегали из дворов с топорами, с головнями горящими — да так и падали под ударами, кто мертвый, а кто оглушенный, и их тут же наклонялись вязать. Я увидел Бересту, нашего старосту, бьющегося у ворот своего двора сразу с тремя неродами. Здоров был наш Береста, на медведя в одиночку ходил, — а и тот продержался недолго, повалили старосту подвой жены его, Берестовихи, а дочку уже другой нерод за волосы волок со двора. И всюду кругом нероды кого-то да волокли: вон Ольху с женой и малых Ольховичей, а вот все Каприщево семейство, только старшего сына не видать, неужто зарубили... Я стрельнул взглядом по деревенской улице, ища обходной путь. Наша изба стоит на другом краю села; оттуда, где я в кусте залег, ее было не видать. А ведь в нее, может статься, нероды уже вошли, сапожищами топоча...

Не было времени у меня на раздумья. Да и что тут думать-то?

Мамка меня Маэм звала. Она без мужа меня родила; иных девок за такое родичи со двора гнали, да мамке повезло — не осталось у ней родичей, сирота она была, сколько себя помнила. Сельчане ее осудили, конечно, но каменьями бить не стали — далече мы от людей живем, держимся друг за дружку, все свои. Знахарка наша, Радома, даже роды у нее приняла — и мамка сказывала, как отдала меня ей на руки, еще пуповину не обрезав, сказала: «Намаешься с ним. Да и ему не жизнь теперь — маята». Мамка знала: правду старуха говорит. Так и назвала — Май.

И верно назвала. Все только горестей ей было от меня. Едва подрос, в лес повадился, на холмы — люди уже шептались, а не от волка ли лесного девка сына прижила? Оно и правда: нравилось мне в лесу, а меж людьми — не очень. Никаким ремеслом меня прельстить было нельзя, кроме охоты. Как достало силенок палку поднимать, выстругал себе рогатину, той же весной выследил кабанье семейство и заколол поросенка. Мамка сперва гордилась, потом тревожилась: почему больше ни к чему желания не имею, не все ж кабанов бить? А мне хорошо было на воле, от сельчан подальше. Не любили они меня — так, терпели милостиво. Пацанва сельская только и ждала повода бока намять, только иначе чем всемером на меня и не шли, знали — раскидаю. Бегали батькам жаловаться, и батьки меня, случалось, ловили и за чуб таскали, чтоб не обижал их чада любимые. Мамка плакала, а я отлеживался и снова в лес уходил, когда на лису, когда на кабаньих поросят. Птицу тоже стрелял, но стрелять мне не нравилось — я люблю, чтоб рогатина под рукой в жаркую плоть вошла, чтобы кровью звериной на руки брызнуло, на лицо...

Глядел я сейчас на неродов, на их щекастые морды, и думал, куда бы это сподручнее рогатиной ткнуть, чтобы на руки брызнуло. Кольчуги на них были уж больно плотные, я никогда и не видел таких — колечко к колечку, от горла аж до колен — как тут подступишься? В глаз целить — отбьет, по ногам — так не насмерть выйдет. А что ударить я смогу только один раз — то я знал. Слишком много их было.

Только пока еще они меня не заметили.

Я прополз кустами на брюхе, рогатина колотила меня по плечу. За нашим домом разрослась бузина, совсем уже на стены вылезла, мамка давно просила, чтоб я пообрезал, — а мне все недосуг было... теперь бы порадовалась. Дверь избы была настежь распахнута, перед нею нерод топтался — всего-то один. Где-то рядом, на соседнем дворе, визжала баба, кто-то шумно бранился. Мамки нигде не было. Я осторожно вытянул рогатину, подобрался ближе, так, что меж мной и двором осталась лишь завеса ветвей, приник к самой земле...

И тут увидел.

Лежала мамка моя у порога, руки раскинув — так, что одна в избе, а другая — на сырой земле. Она дышала еще, громко и

часто, глядя в небо раскрытыми глазами, и губы шевелились, словно пить просили или шептали одно и то же... На ее груди медленно расползлось красное пятно — видать, только что ее ударили. Если бы я быстрее бежал...

— Никого нет, — сказал низкий голос, и из хатки нашей ступил человек с багряным от крови мечом в опущенной руке. — За кого порог боронила, женщина? Пото в дом не пускала?

Мамка щевельнулась, будто хотела встать. Повернула голову — и встретилась со мною глазами! И знаю я, все знаю, что было в этих глазах — сиди, мол, сынок, молчи, — да как тут сидеть и молчать?!

— Вот же дура... — молвил человек, то ли мамке моей, то ли своему дружбану, стоявшему подле них во дворе, и это стало последним, что он сказал.

Охота — справное дело, в засаде тихо сидеть приучает. Когда я рванулся из кустов на двор, ни один из неродов даже обернуться не успел. Тот, что мамку мою порубил, носил волосы коротко, так что затылок виднелся под космами; в этот-то затылок, голый и беззащитный, я и всадил со всей силы рогатину — и брызнула на руки горячая неродовская кровь... а дальше плохо помнится. Знаю, кричал что-то, дергал рогатину — а из тела вражьего, валяющегося наземь, она почему-то не шла. За черную душу его зацепилась, не иначе. У меня еще нож при себе был, не очень хороший, правда, — я им кожи выделявал, для охоты он не годился. Я его выдернул, когда меня схватил тот второй; хотел всадить, но нерод увернулся, и удар пришелся вскользь по кольчуге, клинок звякнул о звенья. Тут он огrel меня по затылку — так, что у меня искры из глаз брызнули. Но ножа я не выпустил, и нерод вывернул мне руку за спину, будто тшился выдрать ее совсем из плеча. Я вроде бы дрался с ним, но вряд ли долго, и совсем не помню как. Помню только темную от крови рогатину, торчавшую в мертвом теле, и мамкино лицо с неподвижными уже глазами, с губами, застывшими в шепоте... «Май» — вот что она шептала.

Видать, шумно я дрался — сбежались к нам на двор еще нероды, тут драке и пришел конец. Повалили они меня, спустили по рукам и ногам, выволокли за ворота. Я все рвался,

даже связанный не давал себя удержать, но под конец прижали меня к земле, тяжелый сапог придавил шею, наступил на ухо, враз приглушив окружающий рев и плач. Потемнело у меня в глазах, и как ни силился я оставаться при памяти, а не сумел.

Падая в темень, все думал, что быстрей надо было бежать...

Не знаю, многих ли поsekли тогда — а взяли многих. Когда битва унялась, потащили нероды нас на корабли. Меня бросили в лодку, опять придавили шею, так что я головы поднять не мог — так и лежал, ткнувшись лицом в сырье, солью пропахшие доски и чувствуя дурноту от качки. Нероды, правившие лодками, перекрикивались, но голова у меня все гудела, слов я не разбирал. Рядом со мной кто-то плакал — ребенок или девка, я не мог понять, а посмотреть не давали.

Потом могучие руки подняли меня, передали вперед. Обвязали за пояс веревкой, вверх потащили, а тогда бросили на твердые доски. Я попытался сесть, но меня тут же сбили с ног, может, и не нарочно, — кругом стоял гвалт и суета, крепкие ноги сновали туда-сюда мимо моего лица, нероды волокли и толкали в спины других пленников... и никто из них связан не был, только я. А оно и понятно: боялись, значит. Я оскалился, едва не довольный такой честью, поднял голову — и тут будто обухом меня согрело.

Нероды закончили погрузку добычи и подняли лодки. Пленных сельчан разогнали по палубе и выстроили в два ряда. Дружный плач стоял под черными парусами, ровный и неодолимый, словно морской прибой.

Это все были дети.

— А ну вставай, малец, — раздался голос у меня над головой. Кто-то наклонился и перерезал веревки у меня на ногах. Рук не тронул. Взял за волосы, потянул вверх. Я вскочил, дернул головой. Лицо передо мной — а если правду сказать, то надо мной, — было бородатым и совсем не злым. Нерод ухмыльнулся и выпустил мои вихры.

— Смирно стой, — наказал он и отошел от меня.

Рядом всхлипывали. Я обернулся. Маленький Дарко, Ольхин сынок, сутулился рядом со мной, глотая слезы. Было ему

годков семь от силы, чего бы не пореветь? К нему жались меньшие братья, слишком напуганные, чтоб удариться в плач, — или вовсе не ведали, что творится, а Дарко понимал. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать, и слишком мелким еще, чтоб не плакать. Другие мальчишки жались тут же, по левую сторону палубы, шмыгали носами — а девки стояли справа. Их я разглядеть как след не мог, нероды между нами слишком толпились.

Наконец угомонилось. Нероды разошлись, очистили палубу для вожака, под чьей тяжкой поступью уже громыхали доски. Издали видать, что вожак — здоровенный, борода лопатой, на плечах плащ медвежьей шерсти, длинный меч колотит по ноге. Я вдруг вспомнил его: это он Берестовиху, старостину жену, со двора волок. Да где теперь Берестовиха? А Береста? Неужто всех порубили? Никого из взрослых сельчан я не видел на корабле, только детей.

Вожак прошелся по палубе взад-вперед, глядя по сторонам, не сказать на вид, доволен или не очень. Встал напротив девок. Их взяли шестерых — самой меньшей была Пастрюкова, едва ходить начала, цеплялась теперь за сестрину ногу и глядела по сторонам удивленными глазенками, вроде и совсем не страшно ей, что будет, а только любопытно. Еще четверо девчонок постарше, а последняя...

— Эх-х, — изрек вожак, встав против нее. — Хороша...

Еще б не хороша! Тяжким, ох, тяжким было то злое утро, а в тот миг что-то наново дрогнуло во мне — потому что старшей девкой из схваченных была Счастлива Берестовна, старостина дочь. Батька Счастливой нарек, надеясь дочек милую судьбу накликать, — а вон как вышло... Хотя как по мне, лучше б Гордевой ее назвал или Спесивой — больше бы подошло. Была она на два года старше меня и с прошлого лета уже принимала женихов — отбою от них не знала. Красивая девка: коса золотая, брови вразлет, руки белые, серпа и плуга не знавшие — берег Береста дочку, все мечтал за фарийского или галладского купца отдать, вдруг повезет... Она тем мечтам не противилась, знала, что не для черного труда рождена, — и не глядела даже на тех женихов, наших парней, что теперь мертвыми лежали на разоренной земле, кровью ее своей поили, девку неблагодарную защищая. А девка стоит теперь в разод-

ранной рубахе, простоволосая, голову гордо вскинув, и ни слезинки в ясных очах, какими только душу выедать... Плечи мои напряглись будто сами собой, веревки затрещали, кажется — вот-вот лопнут! Не лопнули. А все одно, думал я, глядя в покрытую медвежьей шкурой вожакову спину, только попробуй тронь ее!

Вожак не тронул. Долго смотрел на лицо Счастливино, на золото кос по плечам. Потом повернулся к стоявшему рядом нероду, сказал негромко:

— На «Волнограя» надо, к бабам. Женой будет.

Тут уж вздрогнула старостина дочь всем белым телом, с лица сошла — хоть и не сказал вожак, кому именно быть ей женой. Да не все ли равно?! Пальцы мои сжались, вцепились в путы... и вдруг поддалась, потянулась веревка! Я аж дыхание задержал. Осторожно стал разматывать, глаза опустив, боясь моргнуть лишний раз. Вожак повернулся от девок, пошел к нам. Пока глядел на мальцов, я шевельнул запястьями, еще опутанными, но теперь лишь для виду. Ну, подойди только!

Пацанят нерод смотрел внимательней, чем девок: тем, кто постарше, мускулы щупал, рты заставлял разевать, зубы считал, словно лошадям. Дарко Ольхович, как до него очередь дошла, заревел в полный голос, и вожак дал ему по уху. Дарко сразу умолк, будто теперь только поняв, что шутки шутить тут не станут, не покажешься. Нерод велел ему рот прикрыть, пока не стало лиха, — и оказался передо мной.

Равнодушное лицо его изменилось, сделалось недовольным.

— Так, — сказал, кинув взгляд через плечо. — А этого почему сюда, почему не к рабам? Кто его взял?

Из толпы неродов, наблюдавших за осмотром, ступил мухлик, с которым я дрался во дворе своего дома над теплым еще мамкиным телом. Едва увидал я его, так и заколотилось во мне все, чуть не бросился, а сдержался — до сих пор не знаю как.

— Я его взял, Могута, — подал он голос. — Ты не гляди, что рослый, все одно дитя еще.

— А, Хрум, так с этим дитем ты сцепился на берегу? После того как он Брова рогатиной ткнул? — Голос Могуты звучал сухо и холодно. — Это, что ли, по-твоему — дитя?

— Да глянь на него, ему ж поди пятнадцати нет!

— Гляжу, да лучше спросить. Ну что, щеняра, сколько тебе годков? — обратился он ко мне без всякой злобы, с прежним равнодушием.

Я сцепил зубы. Могута вздохнул.

— Не хочешь отвечать... Зубы покажи-ка.

Я набычился, нарочно показывая ему желваки — хрен тебе, мол! Могута вздохнул снова. Я думал, он даст мне по уху, как Дарко, но он решил не утруждаться — зачем, когда челюсть разомкнуть всегда можно не уговором, так железом. Могута потянулся к поясу и вытащил нож.

Этого-то я и дождался.

Тряхнул руками — и упали ослабшие пуги на доштатый пол. Я прыгнул на Могуту по-звериному, с места, распружинившись в прыжке. Грузный мужик не успел и охнуть, рухнул на палубу, а там я уже выдернул нож у него из кулака — иолоснул бы по жирному горлу, кабы сзади меня не согрели по спине веслом. Боль была такая — словно шипом огненным насеквозд прожгло. Но достало мне сил не выпустить оружие, откатиться в сторону и, подобравшись, вскочить спиной к борту. А нож уже зажат в кулаке лезвием вверх и чертит звонкие линии передо мной — ну, подходи, кто смел! Нероды бралились, выхвачивали мечи, один достал лук и натягивал тетиву.

— Не стрелять!

Я не мог оглянуться, боясь пропустить новый удар, а знал только, что крик этот, звучный и властный, издал не Могута. Тот едва подобрался с палубы, плащ медвежий сполз набок, и теперь я дивился, с чего это принял его за вожака. Разве такими бывают вожаки? Толстые губы шлепали, глаза глядели осоловело — никак не мог понять и поверить, что его мальчишка какой-то с ног сшиб, еще и на виду у всей его рати! Как дошло, багровой краской залился по самую бороду. Схватился за пояс — а нож-то у меня! Еще сильнее побагровел, кулачищи сжал — и тогда лишь повернулся туда, куда я глянуть не смел. Все туда уже смотрели — и Хрум, огревший меня по спине, и дружбаны его, и детвора, и Счастлива Берестовна — смотрела, побелев лицом, ярко сверкая глазами.

Ну тогда уж и я не утерпел, взглянул.

Корабль неродовский был велик, саженей пятнадцать в длину, всего глазами и не охватить за раз. Потому сперва я не заметил, что на корме как будто сруб деревянный стоит, а в срубе дверь, а за дверью, видать, горница. Из горницы этой и вышел теперь тот, в ком я немедля признал настоящего вожака. В бою его вроде не было — а может, и был, да только я не видел, но отчего-то мне чудилось, что не ступал он сегодня ногой на Устьев берег, не багрил железа в крови моих сельчан. Был он высок и статен, безбород и безус, и лицо у него оказалось хотя и в морщинах, а красивое — девки таких любят. Он один среди всех воинов одет был в черное, с выплавленным серебряным щитом на рубахе — немало, должно быть, весила эта одежда. Сапоги у него доходили до бедер, меч свисал чуть не к самой палубе, а волосы, того же цвета, что и щит на груди, спускались на плечи, ничем не покрытые и не перехваченные. Приди такой на наш двор с миром, пусть и незнамо откуда, — оробели бы сельчане, в ноги поклонились, хлебом с молоком угостили. Но не нужно ему было наше угощение. Даже до битвы с нами не снизошел, сучара, псов своих послал, чтоб приташили нас к нему на корабль, — а теперь судить будет? Ну его!

Не отвечая ни на один из взглядов, к нему обращенных, шагнул воевода вперед, на палубу, голову нагибая под низко опущенными снастями — тогда-то я заметил, что ходит он неуверенно, на одну ногу припадая. Потом он выпрямился и махнул рукой, веля опустить луки и оружие спрятать.

Тогда посмотрел на меня.

— Что ершишься, малой? — сказал вполголоса. — Не убежать тебе.

И так спокойно сказал, что сердце у меня на миг оборвалось — поверило. А все же скжал я зубы, чтоб тут же расцепить их с усилием и процедить:

— А мне воли не надо. Крови хочу.

— Ах ты, щеняра! — рыкнул Могута, ступая ближе, но серебряный воевода снова ладонь поднял — тот на месте так и замер.

— Чьей? — спросил, слегка прищурясь и только что не улыбаясь, на меня глядя. Взъярило это меня — мочи нету!

— А хоть бы и твоей! — крикнул я. Глуп был, конечно. Пока я с ним пререкался, меня уже десять раз и повалить могли, и вовсе прикончить. Воевода не дал бы, но почем мне тогда было это знать? Может, он просто позабавиться со мной надумал, прежде чем убить.

А тут он улыбнулся еще, и я вовсе про все забыл — так зло взяло. Ну да, ему бы и не смеяться!

— Моей? Почто моей? Разве я тебе сделал что?

— Люди твои порубили и в неволю угнали всех, кого я отродясь знал, — ответил я через силу, едва держась, чтоб не броситься на него. — Или теперь кнежи за своих людей не в ответе?

Он перестал улыбаться. Видать, не понравились ему мои слова. Нероды загадели, дескать, позволь укоротить язык мальчишке, но он теперь даже руку не поднял, только головой мотнул, и все умолкли.

— Правду говоришь, в ответе, — сказал. — Только я теперь, видишь, ранен, ногу мне давеча подрубили. Станешь драться с таким?

Почто спрашивал?! Снова глумился? Я же знал, умом нет, а нутром знал, что выйди он против меня — одним пальцем спину мне переломит, как соломинку. Но когда он про свою рану сказал, я уже не мог ему вызов бросать — малодушным я бы вышел, не он. Чтоб ему...

— Не стану, — ответил я хмуро, и воевода кивнул, слабо блеснув серыми глазами из-под сведенных бровей.

— Так что прости, но выбирай кого другого.

— Да что ты, господин мой Среблян, с пащенком разговоры ведешь? — не выдержал наконец Могута, все время стоявший в трех шагах от собственного ножа, наставленного ему в рожу. — В оковы его да под палубу, долог ли сказ?!

— Кого выберешь, малой? — будто не слыша, повторил воевода. Среблян, вон как... Шло к нему это имя — неужто таким, в серебре весь, и уродился? Или впрямь Горьбог и судьба-горемычевна подгадывают, как бы имя, человеку данное, в долю его обратить? Коли так, то недолго осталось мне жить-маяться...

Я подбородком указал на сопевшего рядом Могуту:

— Его.

Тот расхохотался. Прочие нероды подхватили, все уже смеялись, кроме устьевской детьворы, глядевшей на меня в страхе, — и кроме воеводы Сребляна.

— Почто его? — спросил, прищурясь. — Почто не Хрума? Тебя ведь Хрум полонил? Небось и родню еще порубил.

— Кто родню порубил, тот уже землю кровью своей поит, — ответил я. — А ты сказал выбрать — я и выбрал, так не спрашивай почто.

Взгляд Сребляна обратился на Хрума.

— Правду, что ли, малец говорит? Убил кого нашего?

— Брома, господин мой Среблян, — стащив шапку, проромтот Хрум. — Рогатиной...

— Рогатиной, — повторил Среблян с удивлением и посмотрел на меня как-то совсем иначе — с головы до ног окинул взглядом, словно к коню на торгу примеривался. — Ну раз рогатиной, то иди против Могуты, малой. Эй, Могута! Нож мой возьми — свой-то ты, вижу, безоружному противнику одолжил. Это мне любо, — усмехнулся он — и, выхватив кинжал, метнул его через палубу. Лезвие вонзилось в мачту у головы Могуты, задрожало. Могута зубы сцепил и выдернул нож, отвернулся от воеводы, не поблагодарив. Сказал с отвращением:

— Говорил я, к рабам паскудника надо, — и кинулся вперед резко и стремительно, будто гадюка из-под колоды.

Я едва успел вбок уйти, так что он полоснул лишь воздух около моей шеи. Я перехватил нож покрепче, рука вдруг взмокла и сделалась скользкой. Прежде я никогда на человека не ходил, а то, что сделал во дворе нашей избы, — так то словно в дымке было, как во сне, как не со мною... Могута снова пырнулся, я снова ушел от удара. Нероды стали посмеиваться. Тут во мне кровь вскипела. Чего мне бояться, что терять? Так и так — если не рабство, то лютая смерть... а то хоть продам жизнь свою подороже да честно.

Согнулся я в три погибели да кинулся кубарем Могуте под ноги. Он так и охнул, а палуба затряслась от хохота. Но рано веселились — перекатившись на бок, полоснул я ножом Могуте под коленями, целя по сухожилиям. Лезвие противно заск

рипело о дубленую кожу. Чтоб его! Совсем он ножа своего не точит, что ли?! Но что есть, то есть: не порежешь таким, колоть надо. Вскочил я на ноги, развернулся снова спиной к борту, пока Могута поднимался с проклятиями. Эх, будь на нем холщовые штаны, я б уже на груди у него сидел и горло резал! Нероды одобрительно шумели, хлопали в ладоши, подбодряли криками — меня, понял я с удивлением. Не любили, должно быть, Могуту... Даже Хрум что-то кричал — желал победы своему пленнику, видать, славно это было бы для него — такого поймать! На миг захотелось назло ему проиграть, но тут снова ярость верх взяла. Кинулся я на Могуту, целя остирем ножа ему в глаза, тот так и шарахнулся — и прямо на девок! На Счастливу Берестовну, что стояла, в борт вжавшись, и глядела на нас во все глаза. Девка пискнула, и тут Могута схватил ее, крутянул, как веретено, — и рванул рубаху на девичьей груди так, что богатство ее тайное, о каком мечталось женихам, глянуло на белый свет, всех ослепив!

Ну не знаю, всех ли... я, правду сказать, так и обомлел. А Могуте того и надо: бросил визжащую девку в сторону, в руки хохочущим дружбанам, шагнул вперед, да и заехал мне промеж глаз чугунным кулачищем. Даже ножом бить не стал.

Нероды хотели так — я думал, палуба проломится и все на дно пойдем. Даже вязали они меня, хохоча, и не будь их столько — поразбррасывал бы, а так — что уж.

Могута заливался громче всех.

— А все-таки — щеня! — сказал, утирая слезы. — Ошибся я. Верно ты его, Хрум, в чада определил. А ну вставай!

И врезал мне сапогом под дых — я так и согнулся. Встанешь тут, когда руки-ноги связаны! Могута снова мне врезал — и наклонился, чтоб поднять свой нож, который я выронил. А наклонившись, за волосы ухватил, повторил: «Ну щеня!» — и впечатал лицом в доски...

— Довольно. Оставь его. И не трожь.

Голос был теперь куда ближе, чем прежде, — прямо над гудящей моей головой. И он не смеялся. Даже тени смеха в нем не было.

— Отойди от него, Могута. И ты, Хрум.

— Помилуй... — запротестовал было тот, и Среблян спокойно сказал:

— Мой будет.

Сильные воеводины руки ухватили меня за плечи, вздернули на ноги. Я дышал тяжело, лоб мне последним ударом расекло, кровь заливала лицо. Сквозь нее я и увидел глаза Сребляна — близко увидел и прямо в них посмотрел.

— Как звать тебя? — спросил воевода — и, не дождавшись ответа, добавил будто бы про себя: — А хотя все равно. Зол ты, как я погляжу... Лютом будешь.

Я и придумать не успел, что сказать, — он толкнул меня назад, в руки своих неродов.

— Привяжите-ка его к мачте. Пусть повисит, охолонет, — сказал кнеж и, повернувшись на каблуках и больше на меня не глянув, пошел прочь — мимо других пленников, мимо стягивающей порванную рубаху Счастливы, что так и ела его глазами... Потом вдруг зыркнула на меня — и с такой злобой, будто я был в чем перед ней виноват. Обида во мне поднялась, но тут меня опять потащили, и больше я ее не видел.

Кроме большой мачты, была на неродовском судне еще одна, наклонная. Тянулась она от носа к воде, и когда судно ходко бежало вперед, волны весело рассекая, тучи соленых брызг дождем сыпались на нее — ну и на меня, после того, как примотали меня к этой мачте тугими ремнями. Висел я наискось, лицом к небу, передо мной была палуба, и если изловиться, я мог глядеть по сторонам.

По сторонам были корабли.

Тогда с вершины Устьева холма (кто б поверил, что было это нынешним утром!) я увидел только один черный корабль. Теперь я понял, что их было много больше. Под вечер спустился туман, кругобокие черные суда выныривали из него, едва подойдя на расстояние крика, и тут же прятались снова. Я насчитал их шесть, но, может, дважды счел один и тот же, а каких-то не видел — кто знает? Только теперь я понял, где остальные мои сельчане. «Этого к рабам, — сказал Могута давеча, — а та женой будет». Видать, мужчин, женщин и детвору рассадили по разным судам. Зачем только? Или дети — не рабы? Глаз у меня острый, и я изо всех сил вглядывался в другие корабли, пытаясь рассмотреть кого из сельчан, но туман был черезчур плотен, да и далеко.

Иногда какой-то корабль входил вровень с тем, на котором везли меня, — но ни разу не обгонял, отдавая дань уважения. Я понял: этот корабль был головным, на нем плыл неродовский кнеж, воевода Среблян. А Могута, как уразумел я из болтовни матросов, был на этом корабле командиром. Потому-то он заправлял всем на палубе, потому самолично досматривал пленников — я сейчас понял, все удивились, когда Среблян вышел из каюты и вмешался. Кнеж кнежем, а на судне свой хозяин. То-то Могута взъярился, когда дело к нему задом повернулось! Как ему теперь в узде держать воинов, которые видели, что я его с ног сшиб?

От этих мыслей я едва не ухмылялся, хотя было мне, признаюсь, мало приятности. Даром что близился вечер, а солнце летнее палило жестоко. Нероды то и дело отирали лбы, поливали водой из ковшей разгоряченные головы. Почти все рубахи поснимали, а я не мог. Я даже пот не мог отереть, потоком ливший у меня по спине, — вся одежда им пропиталась, прилипла к телу. Ветер под вечер совсем улегся, корабль шел тихо, и даже соленые капли из-за борта уже не долетали до меня, не освежали, не облегчали муку. Я то и дело облизывал губы, да солено было на губах. Хорошо хоть кровь из ссадины на лбу уже не текла, слепить меня перестала.

— Что, жарковато?

Я повернул одеревеневшую шею. Воевода Среблян стоял рядом, глядя не на меня, а на море. Одну руку упирал в бок, в другой держал открытую фляжку. Я так и дернулся — аж мачта заскрипела! И стыдно, а поделать ничего с собой не смог. В горло будто ржавые крючья вцепились. Среблян посмотрел на меня. Протянул флягу к самым губам:

— Пей.

И снова меня словно насквозь шипом проткнуло. Из рук его вражьих подачку принимать? Может, еще и сапоги лизать, визжа по-щенячы? Вспомнилось, как Могута меня величал — щеня... С трудом заставил я пересохшие губы сжаться, отвернулся. Ничего, снасмешничает сейчас и уйдет. А я что... ночь скоро, похолодает, полегче станет, дотерплю...

— Вижу, не только ты злой, но и гордый, — сказал кнеж — и довольно-то как сказал, будто я ему польстил чем-то! — Вот только глупым быть не надо. Пей, говорю.

А, чтобы ему... повернул я голову, вытянул шею. Припала к губам прохладная глина, полилась в горло вода, вкусней которой я в жизни не пил. Среблян фляги не отнимал, ждал, пока вдоволь напьюсь и первый голову отстранию. Тогда только руку убрал. Я сглотнул, жалея, что не могу губы утереть. Мелькнуло — не поблагодарить ли. Гордо так, надменно, будто слугу какого. Потом промолчал. К чему тявкать привязанной шавке? Вот с привязи спустят — так сразу кусну, без лишнего лая.

И сам не знаю, почему спросил:

— Кто на других кораблях?

Среблян смотрел на море. Его вроде бы не удивил и не позабавил мой вопрос. Неторопливо сунул флягу за пояс и ответил:

— Не о том думаешь, о чем надобно, малой.

— А ты мне не указ — о чем думать! — огрызнулся я. — И хватит меня малым величать! Я-то думал, ты меня Лютом назвал?

Он глянул на меня — и расхохотался.

— И верно! Вижу, что не ошибся тебе с именем. Ладно, Лют. Думай о чем пожелаешь, я тебе тут и впрямь не указ. Да только ответа не требуй.

Я прикусил губу. И чего ему от меня надо? Шел бы себе... Знает ведь, что все равно буду спрашивать.

— Скажи хоть, что с детьврой сделал.

Детских голосов и плача я уже несколько часов не слышал. Когда меня потащили привязывать к мачте, их погнали куда-то вниз. И сердце мне щемило за них, особенно за малыша Дарко и гордую Счастливу...

— Что, — сказал кнеж, помолчав, — думаешь, раз ты старший, значит, теперь в ответе за них?

Тут я растерялся. Прямо такого я не думал, но теперь, когда он сказал, — призадумался. Выходило, что так. Не знаю, жив ли Береста и другие отцы, а только на этом корабле из устьевцев я и впрямь — старший. Хотя толку ли с меня, пока тут вишу? А и снимут — что дальше?

— Не тронь их, — сказал я вслух: только это и придумалось сказать. — Если тронешь, я... я помирать стану, а тебя с собой заберу.

Не ответил ничего на это Среблян, даже смеяться не стал. Только снова поглядел пристально и как будто довольно.

— Хорошо ты тогда сказал, — заметил вдруг не к слову. — Что кнеж ответ должен держать за своих людей. Я не кнеж, но в твоем народе таких, как я, действительно зовут кнежами. И я знаю, что мой человек убил твою мать. Когда станешь готовым к схватке со мной, я не буду отказываться.

Будь на месте Сребляна Могута, я бы точно решил, что глумится. Но этот... даром что в плен забрал и к мачте велел привязать — а не убил, позволил драться с Могутой и напоил вот теперь...

Потому я сказал только:

— Хорошо.

И Среблян улыбнулся вдруг, светло и радостно почти. Ветер налетел, взметнул его белые волосы.

— А за младших своих не бойся, Лют. Зла от нас никому из них не будет, слово тебе даю.

— И за Счастливу даешь? — не удержался я.

Он поднял брови.

— Счастлива? Кто это? — И тут же понял кто, по тому, как я покраснел. Но смеяться опять не стал, кивнул серьезно: — И за нее.

Не то чтоб мне очень в его обещания верилось — а только с чего бы ему мне врать? Или, может, у него понятия о зле были не схожи с моими?

— Лукавишь ты, кнеж, — сказал я, отворачиваясь. — В рабстве ничего, кроме зла, нету.

— Нету, — согласился он. — Только с чего ты взял, Лют, что я вас в рабство везу? Рабы — они вон там.

Он повернулся, выбросил руку вперед, и я вдруг увидел, как велика она, как крепка. Вспомнилось, как он схватил меня за плечи и поставил на ноги. И еще как сказал, что ранен и оттого осторегается со мной биться. Глумился все-таки...

Я проследил взглядом направление, которое он указывал, и увидел круглобокий корабль с черным парусом, вынырнувший из тумана совсем неподалеку от нас — так близко, что я смог разглядеть людей, снующих по палубе. На миг почудилось — мелькнула средь них огнегривая голова Ольхи, отца Дарко и малышей...

И вдруг стало мне страшно. Вот взаправду грудь словно железом сдавило — и не выдохнуть, и не вдохнуть, только сердце колотится о ребра так, будто на волю рвется.

Кто они — нероды эти?

Среблян в последний раз посмотрел на меня, опустил руку и молча ушел.

С мачты меня сняли к полуночи. Развязали, дали полежать чуток на палубе, принесли поесть и попить. Я так ослаб за день, что драться уже не мог. Вспомнив слова Сребляна («Горд будь, да не глуп»), поел — силы по-любому не повредят. Едва закончил и стал вставать, схватили меня снова и опять потащили — на сей раз вниз, под палубу. Было там несколько запертых трюмов, из которых доносился шепот и плач. Я рванулся туда, но мне не позволили, проволокли мимо, бросили в тесную каморку, где встать нельзя, чтоб не треснуться макушкой о потолок. Пол был кривой, уходивший вниз углом. Туда-то меня и кинули, а после заковали в цепи, вделанные в стены. Окошек в каморке не было, щели меж досками оказались накрепко засмолены, так что я и не знал, день стоит или ночь. Изредка ко мне приходил матрос, приносил воды и прогорклой каши, отдавал все и уходил. Корабль качался на волнах, когда лениво, когда бешено, а я сидел в темноте один, изнывая от безделья, тревоги и дурноты. Иногда прикладывал ухо к дошатой стенке, но ничего не слышал. Тут-то и вспомнилось, как у нас сказывали: попался неродам — так вены грызи. Да только как грызть, когда они суровым железом схвачены?.. А если правду сказать — страх брал. Не знаю, сколько дней так прошло, я им счет потерял, да и как тут считать?

А потом судно встало, нероды спустились вниз, сняли с меня оковы и вывели наверх, и тогда увидел я остров Салхан.

2

Салхан по-нашенски означает «Черная гора». Слыхали мы про нее, гору эту, от фарийских купцов, ладных сказки сказывать: стоит, дескать, посреди северного моря гора, от дна морского до самых небес, и черна она так, что солнечный свет за-

темняет, а темная ночь рядом с нею ясным днем кажется. И кругом горы этой — семь пядей плодородной земли и семь пядей ровной, и стоит там Салхан-град, обиталище неродов, а кругом — все одни суровые скалы, непроходимые, ни травиночки на них, ни кустика, и даже гадам подколодным там житья нет. А под Черной горой, сказывали, лежат клады несметные, приходи — бери, оттого нет к северу от земли Бертанской места богаче Салхан-острова.

Ну что сказать — врали, конечно. Хотя и не во всем.

Гора и впрямь стояла, да не столь уж она была высока и черна — гранит как гранит. Берег был вроде и неприступен, а все ж далеко ему до наших устьевских порогов. Плодородной земли и впрямь мало — с моря было видать узенькую полоску полей, колосящихся пшеницей. А вот от Салхан-града, как увидал я его еще с палубы, и впрямь дыхание перехватило — тянулся он, казалось, по всему берегу и еще дальше в глубь острова уходил, и ни конца ему не виднелось, ни края! Пристань у берега была велика, камнем вымощена, грозной островерхой башней венчана — никто не подойдет к Салхану незамеченным, никому с него незамеченным не уйти.

Оно, может, было и не так страшно, как фарийцы баяли, а все одно как вошел корабль неродовский в гавань — меня холдом обдало. И чудилось, будто холод этот идет не изнутри моего, а извне, от черных этих камней, от каменных стен.

Нероды спустили на воду лодки и погребли к берегу. Я видел теперь, что не ошибся давеча, верно сосчитал: кораблей было шесть, и, вшестером стоя на якоре, не толклись они в гавани — вот как велика она была. Я посмотрел на берег, чувствуя разом и облегчение, и тревогу. Радо было думать, что перестанет меня наконец качать, кончится дурнота, ступлю на твердую землю. Только вот не лучше ли сгинуть, чем ходить по такой земле?

А неродовские домашние тем временем высыпали из-за стены на пристань, так и пестрела она от их затейливых одежд. Ярко они одевались, богато — тут не соврали фарийцы. И почему им набегами промышлять, если у них под Черной горой клады несметные?.. Я заметил, что на берегу все больше бабы были, хотя и мужики попадались, и смотрели жадно, присталь-

но, не терпелось, видать, им добычу оценить да пощупать. Меня везли в той же лодке, где ехал Среблян; встал он, руку поднял — и зашелся берег радостным криком. Ну да, им бы еще — и не радоваться...

Причалили. Стали сгружать наворованное — и оказалось, что главной добычей неродов было в тот раз не добро, а пленники. Пять кораблей из шести были ими заполнены. На двух мужики, на одном — бабы, и еще на двух — детвора. Тут-то я понял, что не только на наше селение нероды налетели — полностью они похватали люда, видать, весь Даланайский берег прошли с юга на север. И, как прежде на кораблях, снова нас стали делить: детей в одну сторону, баб в другую, мужиков в третью. Да только теперь они друг друга видели, и что тут началось! Матери выглядывали детей, мужья — жен, дети — батьку с мамкой. Как узнавали — ну подымался крик! Весь берег стоном исходил, будто ныла сама земля. Ох тяжко это было... Рядом со мной опять малые Ольховичи оказались, только Дарко не хныкал больше, зато двое его меньших ревели в голос, а он крепко их к себе прижал, и глаза у него совсем другие стали. Я невольно поглядел туда, где сгрудились взрослые, надеясь снова увидеть рыжую голову Ольхи, но не увидел. Как знать, пережил ли дорогу Дарков батька... небось с ними не так церемонились, как с нами, меньшими.

Пока разбирали пленников и выгружали из оставшихся лодок добро, неродовские домашние стояли тихо, в сторонке; неродовские мужики на наших баб поглядывали, а неродовские бабы — на детвору. Одна на меня пальцем показала и что-то тихо сказала мужу, что рядом с нею стоял. Тот нахмурился. Дивились небось, что я в путах. Ну да, как на берег меня потащили, так снова связали — не дураки, чай. Был бы свободен, передавил бы паскуд. Несть сил было смотреть, как толкают они наших девок, как мужиков кнутами стегают...

Среблян самолично следил за тем, как пленников распределяли. Подошел к бабам, посмотрел. Двух вытащил из толпы, девчонок еще совсем, до красноты зареванных, — толкнул к детям. Могучие неродовские руки их поймали, поставили к нам — без грубости. А Счастливу, напротив, к женщинам отвели. Она не противилась, плеч не сутила, спокойно пошла.

Среблян на нее и не взглянул. Я поискал среди баб Берестови-ху, мать Счастливы, — не нашел. Не довезли или еще в самом Устьеве зарубили...

Тут к Сребляну подошел Могута, что-то ему сказал, тот ответил. Мне почудилось, он на меня поглядел, хотя ни слова он мне не молвил с того самого дня, как я по его указу на мачте висел.

Почитай, немало часов прошло на том берегу — а может, меньше, я как в тумане был. Мужиков всех забили в колодки и погнали — не к городу, а прочь от него, по узкой тропе. С ними ехали несколько конников, появившихся из-за ворот. Баб погнали в город. И тут я увидел, как Могута на меня концом кнута указывает, да рожу еще так кривит брезгливо. Взяли меня, повели к воротам следом за бабами. Я обернулся было на двервору — дали мне подзатыльник, велели под ноги смотреть. Когда мимо Могуты проходил, увидел, как он ухмыльнулся. И услышал:

— Везучий ты, щеня! По мне бы — так все же к рабам!

Я не ответил ему. Что теперь отвечать? Рано. Вот погоди, руки не будут связаны — там потолкуем.

Подошли к воротам — и опять меня страх взял. Велики они все же были, больше, чем с берега казалось. Железом обитые, да и стена вокруг — каменная, гладкая, ногтем не зацепишься, от заставных башен до самых скал, что поясом огибли Салхан. А как прошли ворота — так и вовсе меня оторопь взяла. Все дома кругом были каменные! И кругом — серебро: на шпилях башенных, на ставнях, на колодезном вороте, только что не на телегах! Блестело серебро это в полуденном солнце, скучно блестело, холодно, недобро, и будто мороком от этого блеска веяло. И велико было то поселение! Люди толклись на улицах, при виде нас расступались, глазели — и с любопытством, а еще и с чем-то поболее, чем досужее любопытство. Шептались, пальцами тыкали, мужики жадными взглядами провожали полоненных баб. Я уже понял, куда нас вели: прямой, как стрела, улицей вверх, к белокаменному дому далече впереди, над которым черной громадой высилась Салхан-гора.

Белокаменный дом был, верно, княжими палатами. Баб туда не повели, завернули куда-то на полдороге. Я обернулся, и мне снова наподдали по затылку — шагай, мол.

На кнежем дворе было как будто еще свое маленькое село — домишкы помельче, чем в городе, хотя тоже каменныe, и люд там толпился еще теснее — видать, хозяина ждали. Среблян ехал впереди, и когда меня завели во двор, гвалт там стоял уже до самых небес. На воеводе с обеих сторон висели две бабы, в кольчугу лица уtkнув, — ревели, что ли. Я не стал смотреть — что они мне? Да и не дали мне засматриваться — повели дальше, мимо кнежих палат к высокой башне. Как зашли вовнутрь — снова холодом на меня повеяло, еще пуще, чем на берегу. Ох и вымораживали же эти каменные стены — да только ли оттого, что каменные?.. Чуял я тут что-то нелюдское, недоброд, и как думал об этом — так и вставала в памяти Салхан-гора и черная тень ее, лежащая на сизой морской воде...

Открыли передо мною тяжелую дверь, толкнули в спину в последний раз. Я оказался в горнице, больше и краше какой в жизни не видел. Стены белые, пол соломой мягко выстлан, а посреди — кровать! Не лавка, одеялом покрытая, а всамделишная кровать, шире лавки раза в три, — я такую только в доме старосты нашего видел, Счастлива Берестовна на ней спала. У всех прочих избы слишком тесные были, чтобы их так заставлять. Скамья в горнице тоже имелась, стояла у стены, а при ней — лучина. Всем хороша горница, а по сердцу мне все одно не приилась. Потому как окошко в ней было крохотное, да и то — забранное частой решеткой.

Развязали меня наконец. Я только вздохнул — а рано: вошел тут в горницу мужик здоровый, хмурый. Руки, говорит, давай. Я как увидел, что он принес, — ощерился, ну да им-то что, их четверо было... Надели на меня снова оковы, да не такие, как прежде, — тонкие, просторные, так, чтоб руки-ноги не натирало, и цепи были подлиннее, чем у тех кандалов, в которых я сидел на корабле. Я так и ходить мог, только медленно, малым шагом, и руками двигать. Только драться и бегать не смог бы.

Когда увидели они, что я все понял, ушли, слова не сказав. Еды принесли — свежего мяса, горячей каши, пива в кувшине. И оставили, и дверь заперли.

Я прошелся по горнице. Руки в кулаки сжимал, напрягая со всех сил, дергал — впустую. Потом сел на кровать, на мяг-

кую перину — никогда я и не гадал, что может быть что-то такое мягкое! Сел, посидел. Было мгновение, испугался — никак зареву сейчас. А потом подумал: вон Дарко Ольхович, и тот не ревел на берегу. А мне, парню здоровому, что?

Цепь-то эта на руках у меня — она хоть и коротка, а все же хватит ее, чтобы обмотать вокруг горла первому, кто ступит на порог.

Первые дни мне было не скучно коротать. Я подтянул скамью к дальней стене, влез на нее с ногами и встал у окна, взявшись за прутья решетки. Она хоть и частая оказалась — кулак не просунешь, — но виднелось через нее много чего. Я и смотрел.

Окно выходило на двор, из него видать было белокаменные палаты и четыре постройки черного люда, что жили при княжем дворе. По первому взгляду люди они были как люди, ходили себе по делам, то скот на выпас гнали, то скарб с телеги сгружали, то молот кузнецкий звенел (ох, не люб же мне стал этот звон с той поры!), то пила столярская визжала, то круг гончарный шуршал. Куры по двору бегали, кудахтали, свиньи в лужах плескались, овцы блеяли — село как село. А только что-то тут было не так. Я только на другой день понял что.

Смеха и крика детского я совсем не слыхал.

Нет, были тут дети. Хотя и мало совсем — то ли дело у нас в Устьеве, где на каждый двор по пять галдящих глоток! А тут на десяток взрослых добро если одно дитя придется. И невеселы были эти дети. Ходили, глаза долу опустив, говорили тихо, работали споро, а не играли почти. Суровы, что ли, батьки с ними были, батогами угощали чаще, чем пряниками? А и не скажешь: то и дело я видел, как мамка дитя по головке гладит, как батька ласковое слово молвит... а дитя будто и не радо. Что за дела? И любопытство меня брало, и не по себе от такого делалось. Коли дети смех позабыли, какое же тут счастье?

Дней пять прошло, когда я увидел малую Паstryковну.

Она смеялась. Бежала по двору и заливалась беспрчинным детским хохотом, от которого всякому на сердце радостней делается. Потом вдруг запнулась на ровном месте, упала —

и в рев. Подбежала к ней какая-то женщина — и, на что угодно закладусь, вовсе не была то Пастрюховиха. Подбежала, схватила дитятко и ну целовать, уговаривать, пальцами вертеть, отвlekая. Малышка успокоилась, заулыбалась снова. Ручонки потянула — будто к мамке родной! Быстро забыла... а и что ей, она ж и говорить-то еще не умела, не понимала ничего. Женщина взяла ее на руки, понесла прочь. Глядел я на них, и внутри у меня будто узлы вязали. Что ж тут делается?

Было б кого спросить...

Дни шли за днями — а не приходил никто ко мне. Не на кого было цепь накинуть, придушить — да хоть так пар выпустить. Кормили меня исправно, отворяя внизу двери заслонку и просовывая через нее миску и кувшин. Хорошо кормили — я отродясь так не едал. Будто задобрить хотели меня — а для чего, почем мне было тогда знать?

Вскоре я истомился. На корабле еще маялся, не привык сидеть так долго без движения и без дела, — а тут то же самое! Когда на исходе восьмого дня заскрипел засов на двери — я аж обрадовался. Засомневался даже, стоит ли теперь нападать — может, лучше словом перемолвиться... но одернул себя: ну еще выдумал! С изуверами этими болтать — о чем? Кинулся я к двери, быстро, как молния, а оковы мои и не звякнули — долго я тренировался, чтоб так суметь. Перехватил цепь двумя руками, большими пальцами подцепил, в кулаках сжал. Ну, только войди...

Отворилась дверь, и вошел Среблян.

Я замер на один только миг — но и мига ему хватило. Не знаю, то ли выдохнул я и он услыхал, то ли просто чутьем обладал звериным — а обернулся и вскинул руку перед лицом так, что напоролась на нее моя цепь, метившая ему по горлу. Среблян резко опустил руку, ухватился за эту цепь и швырнул меня о стену — только колокольный перезвон в голове бухнул! Ну, подумалось мне, пока переводил я дух, теперь-то убьет. Понял уже, чай, что как меня ни стреноживай — а не уймусь. И чего только хочет?

Сквозь перезвон в голове я услышал шаги. Поднял голову — и увидел над собой две расставленные ноги в высоких сапогах.

— Молодец, — похвалил меня кнеж. — Едва не достал. Только больше так не делай, а то к стене велю приковать.

— Вели, — прохрипел я. — Я еще чего выдумаю, все одно развлеченье.

Улыбнулся он краем рта, взял меня за плечо, вздернул на ноги. Я пошатнулся. Он пустил меня и, сделав три шага, сел на скамью. Я заметил, что он уже куда меньше хромает, чем прежде, — видать, хорошо заживала рана.

— Сядь, — сказал. — Поговорить с тобой хочу.

— Постою, — отрезал я, а у самого внутри так и вздрогнуло. Все одно, враг, не враг — должен же я знать, что тут происходит! Глядишь, и пойму, как выбраться...

Кнеж приказа не повторил, помолчал. Потом спросил:

— Знаешь ты что-нибудь о нас?

— О неродах, что ли? Как не знать. Носитесь по морям, хватаете добрых людей, волочете за тридевять земель, и никто их после живыми не видит. Так?

— Так, — проговорил кнеж. — Еще что?

Невозмутимость его меня малость смущила. Но я ответил, как и раньше, с вызовом:

— А еще у вас под Салхан-горой клады несметные, золото да каменья, вот и отгрохали себе такую крепость и корабли оснастили... Все-то у вас есть, все купить можете, а вам мало!

— Кое-чего за деньги не купишь, — сказал воевода. — А в остальном верно, только не золото под Салхан-горой, а серебро. Серебряные копи. Знаешь, что такое копи?

Я кивнул — больше своим мыслям, чем его словам. Так вот куда пленных мужиков повели... на копи. Станут теперь до веку скалу рубить, мертвый камень живой кровью поливать. А что — не самим же неродам на руднике горбатиться, когда всегда невольников наворовать можно.

— Раньше Салхан назывался Салрадумом — Серебряной Горой, — продолжал воевода. — Давно это было. Гора тогда была не черной, а белой, ровно целиком отлитой из серебра. Прямо на поверхности залежи были — наклоняйся да поднимай! Тогда-то далганты и пришли сюда — они нашли этот остров и выстроили город...

— Далганты?

— Мы так себя зовем. Вы нас зовете неродами.

Отчего-то мне не по себе стало, будто он меня пристыдил. Потому я смолчал, не зная, что на это сказать, а он дальше стал говорить:

— Много веков не было народа богаче далгантов, не было города богаче Салрадум-града. Со всего мира купцы плыли к нам, лучшие товары и дивные дива прощавали за наше серебро, чище какого не было на всем белом свете. Радовались далганты, богов своих восхваляли... ты, Лют, в каких веруешь богов?

Он так вдруг об этом спросил, что я от неожиданности сразу ответил:

— В Горьбога и в Радо-матерь, в кого же еще.

Кнеж кивнул, будто тоже своим мыслям, а не моим словам.

— Как и далганты, только зовем мы их иначе — Молог и Гилас. А знаешь ты, Лют, что у Горьбога и Радо-матери было десять детей?

— Тьфу на тебя! — выкрикнул я возмущенно и сделал пальцами знак-оберег — что за бесовщина?! — Да как это Светлая Матерь могла с Черноголовым лечь? Думай, что говоришь!

— А было, — сказал Среблян, словно и не слыша меня, — десять детей у них, все между собой близнецы. Пятеро добрые, материны дети, а пятеро злые, отцовы чада. Одну злую богиню-дочь звать по-бертански Яноной, а по-нашему будет — Янь-Горыня. Горыня — потому что в горе она живет. В этой самой горе.

И холодом на меня от его слов повеяло. Вот если б не холод этот — уши б заткнул и не слушал, а так понял: правду говорит кнеж. Водится тут, на Салхане, лютъ какая-то — я ее сразу почуял, еще на берег не ступив.

— Только о том, что она тут живет, далганты не знали. Спала она долго, а стук наших молотов ее разбудил, и озлилась она. Куда, говорит, добро мое выгребать? Пришли незваны, выкупа кровью не дали. Любит она кровь, да только кто же знал-то... Знали бы — напоили бы. Да поздно уж было. Осерчала Янь-Горыня. Вы, сказала, у меня украли — так и вас обкраду. Не будет, сказала, вовек потомства у всякого, кто ступит ногою на твердь, где поконится ложе мое, — на остров

Салрадум. А если уплывет он и ступит на большую землю, то лишь три ночи проживет, а потом умрет жестокою смертью. А чтоб не жаловались на мою злобу да свою незавидную долю, сказала, никто из вас не сможет обо всем том ни словечка промолвить иначе, чем на этой земле. Кинула в нас Янь-Горыня это проклятие и ушла в свою гору. Почернела в тот же час гора, изошла пеплом, и под этим пеплом скрылся Салрадум-град. Земля разверзлась и поглотила его, сгинул, словно и не стоял никогда.

Кнеж умолк. Он так говорил, будто сам видел все это, будто глядел в лицо Янь-Горыне, когда она изрекала свое проклятие. Никак хотел, чтобы я его пожалел теперь? Дудки!

— Смелы вы, далганты, если гнева божьего не испугались, — сказал я насмешливо.

— Почему же не испугались? — отозвался кнеж. — Поседели все со страха. Многие похватали скарб, что сумели спасти, кинулись в уцелевшие лодки, прочь от проклятой земли. Добрались до берега, хотели с людьми горем поделиться... А кто открыл рот для рассказа — тут же падал замертво. Прочие, кто молчал, прожили три дня и три ночи, и тогда погибли все страшной смертью. Некоторые, кто с ними сперва кинулся, а в пути одумался, все это время на якоре у береговостояли — они видели. Потом-то поняли, что она их с острова отпустила для того лишь, чтобы убедились в крепости ее слова. Сами убедились и другим рассказали, когда вернутся.

Умолк он, словно задумался. Да, невесело... Я спросил:

— Что ж делать стали?

— А что делать? Жить всем охота. Построили новый город — Салханом теперь назвали, Черным то есть, и остров стал Салхан. Серебро-то в горе не перевелось, только вглубь ушло. Нашлись отчаянные, полезли за ним — решили, что хуже богиня уже не накажет. Правы оказались. На всяк случай из первых ста пудов серебра, что вынули из земли, поставили ей на скале изваяние — вдруг польстится, смилостивится. Может, и так — больше помех не чинила. Принялись торговать, как прежде... а только когда стали умирать чужие купцы, возвратясь после того, как ступили на нашу землю, — захирела торговля. Повадились мы тогда сами в море выхо-

дить, торговать с кораблей, но все равно — пошла о нас дурная слава, стали люди проклятым называть наше серебро, плевали в него и в нас... И хоть не знали точно о нашем горе, а догадались про что-то — и вот *неродами* прозвали, не способными родить. Стоял тогда над нами воевода — его Гневом потом нарекли, и от него каждый далгантский господин зовется теперь Гневичем... Так вот Гнев сильно на то осерчал. Сам он мальцом был, когда Янь-Горыня навет сотворила, за собой вины не признавал. Не хотят, сказал, с нами по-людски — а и мы не будем. И пошел на материки с мечом... Тогда уже дети перестали рождаться у нас. Старики умирали, избы пустели — стало ясно, скоро совсем конец далгантам. Вот Гнев и порешил: брать на материки пленников и к нам привозить. Мужиков — на рудник, серебро копать. Баб — в теплые постели. А малых деток — нам в сыновья, подрастут — сами далгантами станут...

— Это что же, — выговорил я наконец, — ты, кнеж, и впрямь думаешь, что можно забыть, как вы матерей наших рутили, отцов в колодки сажали, сестер за волосы волокли? Вот попросту взять — и забыть?!

Среблян не ответил мне. Только посмотрел, устало так, равнодушно почти. Что, мол, тебе объяснять...

— А что, Лют, — спросил вдруг, — не надоело тебе на цепи сидеть?

И хоть сильно я озлился на него за этот рассказ, за ненужную мне его откровенность — а дыхание затаил. Ну, как тут ответишь: «Нет, не надоело!» Горд будь, да не глуп...

Вот только что за волю попросит?

— Идем, — сказал кнеж, вставая и беря меня за плечо. — Только вздумаешь снова куролесить — обратно кину.

Вывел он меня на двор. Медленно шел — я так и не понял, от того ли, что принаравливался к моему шагу (со скованными ногами не сильно побегаешь!), или от того, что собственная рана его еще беспокоила. Стражники ему по пути поклоны были, меня провожали долгими взглядами. Прошли мы двором за палаты, на подворье, где стояли вкопанные в песок чучела и висели щиты, истыканные стрелами. На том подворье дюжина крепких парней дралась — кто на палках, кто на

мечах. При виде кнежа остановились, расступились, примолкнув. Кнеж вывел меня на середину подворья, вынул из-за пояса ключ — и снял с меня оковы. Пока я потирал изодранные запястья, попросил у кого-то меч. Ему дали — и он протянул его мне.

— Держи, — сказал Среблян. — Сумеешь меня [^]оцарить — отпущу.

Он, видать, ждал ответа или еще чего — а только я, ни слова не сказав, на него тут же кинулся, с места, как делал всегда. Будь на его месте кто другой, да хотя бы Могута, — не успел бы отскочить! А воевода успел. Я даже глазом не уловил, как это он ушел от моего меча: только что стоял, а тут уже и нет, и через миг — за спиной очутился, кольнул легонько между лопаток, будто шутя. Хотел бы — голову бы мне снес, я бы и не понял, что случилось... Вот где меня ярость и вправду взяла. Уже и не помню, как бился — со мной и прежде, и опосля часто такое бывало: голову словно туманом окутывает, и вроде делал что, а что — не знаю... Драться-то меня никто никогда не учил. Все учителя были — кабаны да малые турията, и те за науку брали кровью — все тело у меня в шрамах от звериных когтей и клыков. И мне от них не столько мясо и шкуры были нужны, сколько эта наука. Да только понял я теперь, что драться со зверем — это вовсе не то, что с человеком. Дюжину раз воевода Среблян сшибал меня мечом плашмя наземь, по ногам лупил, по спине, когда-то по затылку, так что маки расцветали в глазах, — дюжину раз мог убить. А я до него ни разу не дотянулся даже. Правда, меч я в руке впервые держал, прежде только лук и рогатину...

Ну, словом, что тут сказывать — отколошматил меня кнеж по первое дело. Парни, которые на это смотрели, смеялись, когда я падал. А неужто, мелькнула шальная мысль, их тоже вот так, как меня, в оковах волокли на этот двор? И неужто я вот так же буду когда-нибудь смеяться, глядя, как нового пленника воевода уму-разуму учит, усмиряет? Ну нет! Назвал ты меня Лютом, кнеж, сам сказал, что с именем угадал, — так не дивись теперь!

— Добро, — сказал Среблян, отступая и опуская меч. — Довольно покамест.

— Что так? — спросил я, тяжело дыша, хотя еле держался на ногах — уж и не знаю, долго ли мы дрались, а мне казалось, что целый день. — Я не устал.

— Зато я устал, — сказал Среблян, и молодые воины засмеялись — знали, видать, что врет. Второй раз уж он уходил от схватки со мной, делая вид, будто сам того хочет — то рана его гнобила, то вот устал... Во что играешь со мною, кнеж? Думашь, оценю? Другого дурака поищи.

— Солнце еще высоко, рано ты что-то устал, — сказал я с вызовом, и молодцы примолкли. Не в обычее у них было, видеть, чтоб воеводе дерзили. А мне что, я ему не дружинник и не слуга! Среблян посмотрел на меня с нарочитой серьезностью. Потом сказал кротко:

— Сжался.

Парни так и покатились со смеху! А я стоял, все на свете проклиная, и чувствовал, что у меня даже уши горят. Ну, держите меня семеро, шестero не удержат!..

— Ладно, будет тебе, — сказал Среблян, когда я уже был готов на него кинуться, — примирительно и негромко сказал, так, словно одному только мне. — Ты славно драился, хотя и не умеешь этого делать. Вижу, охоч ты до крови...

— Не я, кнеж, меч твой охоч, сам руку жжет, — ответил я зло.

Среблян улыбнулся.

— Руку жжет? Ишь какой... Хозяину под стать. Прожором его, что ли, назови, — сказал он и кивнул своим парням на мои оковы, валявшиеся поодаль, — надеть, мол. Я бороться не стал — понял вдруг, до чего измучился, теперь меня бы любой из них скрутил без труда, а позориться лишний раз не хотелось, пусть бы и перед неродами.

Воевода смотрел на меня, щурясь против солнца.

— Уж не серчай, они тебя сами проводят, я и впрямь притомился, — сказал он, когда меня подвели к нему. И вложил мне в руку тот самый меч, которым я драился против него, — я и не заметил, как он его поднял. — Да меча своего впредь наземь не бросай. Не по чести это.

Так вот меня и у вели с подворья — скованного и с мечом в руке. А я шел, едва переступая враз отяженевшими ногами, и все уразуметь не мог, неужто все это не сон.

* * *

С тех пор каждый день стали меня выводить на подворье за кнежим домом. Сперва я думал — ну, дурак воевода! Меч мне дал острый, сохранить разрешил. А вот войдет ко мне завтра, я ему этот меч под ребро воткну, с пояса ключ от цепей своих сниму — и поминай как звали! Но назавтра не кнеж пришел за мною. Я по шагам за дверью еще услышал, что не он, и даже не стал пробовать нападать. Толку не будет, а меч заберут...

Так и повелось: приходили за мной стражники, вели к воеводе, он оковы размыкал и велел драться. Понемногу стал учить: как ногу ставить, как рукоять держать, как бить... Я сперва мимо ушей пропускал — мне бы только злость выпустить, что уж там! — а потом прислушался. И стало у меня вроде как получаться что-то. Молодцы, тренировавшиеся на подворье, уже не смеялись, да и Среблян теперь позже меня останавливал. «Нога моя, — говорил, — все лучше день ото дня, уже могу тебя подольше выдержать, зверя дикого». Так говорил, а глаза прищуренные будто насмехались надо мною. Не мог я вынести этой насмешки, все забывал, кидался на него — а он меня наземь... обидно было больше, чем больно.

Вот так шли дни, за ними недели, уже осень спустилась на остров Салхан, похолодали ночи — а я все не мог его оцарить. И так, и этак — не удавалось. И каждый раз снова надевали на меня оковы и уводили в мою темницу — теперь уже только на ночь, ибо рубился я с кнежем от зари до зари, даже и дивился, неужто нет у него других дел. Я иногда спрашивал его, что стало с моими устьевцами. Чуть было не напомнил, что он мне о них обещал, — а потом подумал: зачем? Бесчестному про честное слово не напомнишь, не пристыдишь, а честному и напоминать не надо. Кнеж сказал, живы они все. Я, правда, только про детей спросил, а что стало со взрослыми — о том и не спрашивал. Как выдавалось время — сидел у оконца, все высматривал, думал, может, кто из мелкоты мимо пробежит. Один раз увидел Дарко Ольховича. Тот знал, видать, где меня держат, прокрасться хотел — но один из неродов заметил его, палкой отогнал. Он испуганно убежал и не приходил больше. Ну да что — я ж знал, что не любили меня в селе... Попытался, и то спасибо.

Кормили меня, как прежде, исправно, ночами я спал как убитый. Про побег пока всерьез не думал: прежде прочего следовало от цепей избавиться, а для того надо кнежа в бою одолеть... и чуял я, что скоро смогу. Мышцы мои за прошедшее время отвердели, окрепли — и оковы казались чуть полегче, чем прежде, спать не мешали, я их и не ощущал почти — привык, что ли... тьфу, зараза. Сам ведь клялся, что не привыкну, — а тут к такому... да что там, должно быть, пес тоже привыкает к цепи, посидев на ней достаточно времени. Вот только я не пес. Не от пса меня мамка моя, неродами погубленная, прижила. От волка — то возможно. А волку не привыкнуть к конуре, сколько ни держи.

Потом вдруг настала неделя, когда перестали за мной приходить. Я испугался — а ну как надоело воеводе со мной баловаться? Да и с чего я вообще взял, что не шутки он со мной шутил? Но тут вспомнилось, как он рассказывал мне о проклятии далгантов, как в сторону смотрел, каким тусклым был его голос и взгляд, и даже серебряные волосы, мнилось, поблекли... нет, не может быть, чтобы врал. Верил я ему почему-то. Ненавидел люто, а верил.

Потом все объяснилось. У стражников я вызнал, что кнезья дочка занемогла, и он от постели ее не отходит. Дочка, вон оно как... небось тоже похищенная из-за моря, от любимых родителей. Жалко мне ее было, а если подумать крепко, то и кнежа жалко — самую малость. Помрет девка, будет ему наука — слишком счастливой семьи не добудешь.

В эти дни я больше прежнего тосковал — и ужасно удивился, когда ко мне пришел Хрум. Тот самый нерод, что якшался с убийцей моей матери, тот, кто веревкой меня связал и на вражий корабль поволок. Проведать пришел. Принес гостинец — сладкого пирога и малый горшочек меда. Говорил ласково и смотрел совсем без злости, как и почти все нероды смотрели — на меня и на других детей. Да уж не мыслил ли он прежде меня в дом свой взять, сыном назвать?! Потому так приуныл, когда кнеж меня себе потребовал, игрушку новую пожелал. Смотрел я на этого Хрума и не знал, что ему сказать и что сделать. Вроде и смертный враг, а не было во мне на него злости. Может, от того, что я помнил, как он на тело

моей матери смотрел тогда, во дворе моем, — растерянно смотрел, грустно... он бы не убил ее, если б она на его пути встала. Это я знал.

Вот Могута — тот бы убил без разговора, а этот — нет.

Поэтому не стал я Хрума ни мечом колоть, ни цепью душить. Взял гостинец и даже спасибо сказал. Гордо так.

Хрум уже уходить собрался, как вдруг промолвил:

— Ты господину нашему Сребляну по нраву пришелся. Не со всяким он так, как с тобой... Ты не перечь ему. Все одно лучшей доли, чем в его дружине, тебе не видать. А девки дружинников всюду любят, что на добной земле, что здесь. Да не так уж и плохо тут... ты увидишь потом.

Я ничего не ответил, и он ушел. А мне из всего им сказанного в голове одно засело — «там, на добной земле...». Добрая земля за морем осталась. А эта земля была зла, лютая...

В самый, может быть, раз для меня.

Дочка кнезья поправилась. Уж молитвами ли его или стараниями знахарей, того я не ведаю. Среблян на радостях затеял пир — да какой! У нас в Устьеве тоже, случалось, бражничали, в основном на свадьбах — всем селом собирались, вместе на зверя шли, вместе ели потом. Не знаю, водился ли зверь в здешних лесах, да и были ли тут леса — с моря я только скалы видел, — или угощенье воеводино было, как и все его добро, награбленным. А только пиршество он готовил и впрямь знатное. Челядь с ног так и сбивалась, носясь по двору, птица кричала, чуя последние свои денечки, овец на бойню целое стадо загнали, а из кухонь пар валил — коромыслом! Бабы из сундуков одежи ладные повынимали, мужчины до блеска начищали кольчуги — каждый спешил покрасоваться, воеводин взор ублажить, дочку его потешить. Кажется, весь город был зван на тот пир; ни одна палата столько народу бы не вместила, потому накрыли столы прямо в подворье кнежего дома, перед моим окошком.

Обо мне в эти дни, ясное дело, все позабыли и кормили даже через раз, но это-то не беда — дома я и не так голодал. Только скучно было, и стоял я целыми днями, с ногами на скамью забравшись, смотрел в окно, как готовится неродовс-

кая забава. Когда вечер подоспел, когда стали слуги яства носить и народ со всего Салхан-града к кнежу потянулся — только тут я со скамьи слез, лег на кровать и повернулся к стене лицом. Вот уж больше заботы нет — глядеть, как изверги напиваться-наедаться станут...

Заскрипел засов — я аж подкинулся. Никак самого воеводу ждал — но воеводе, конечно, было недосуг. Прислал стражника, передал, что на пир зовет. Пойти, что ли?.. А чего бы и не пойти? Все равно, откажусь — силком потащат. Почто срамиться?

Снизошел я. Кивнул. Любопытно было: снимут оковы, нет?.. Не сняли. Ну да и ладно, не привыкать. Меч велели оставить; оно и верно, где это видано — с мечом да на кнежий пир?

Шел я, голову высоко подняв, задорно насвистывая. Стражи мои помалкивали, не бралились и в спину не толкали. И то ладно. Привели, посадили с краю стола, близ ворот, где самые последние люди из званых разместились. Я сразу увидел, что был за воеводиным столом единственным пленником — никто больше в оковах не сидел. Одни на меня глядели с любопытством, иные, напротив, отворачивались. Ага, понял я, сами, видать, недавно попали на Салхан, а смирились уже — как же я им глаза-то колю... Бабы были тоже. Красивые бабы — ну, оно и понятно, других нероды воровать не станут. Попадались, правда, и седые старухи, хотя и мало, и сидели они близко к кнежему mestу — в почете они тут жили. Сам Среблян сидел в головном столе. Рядом с ним была немолодая, но очень красивая женщина — как я потом узнал, кнежинна, по-ихнему — госпожа; глаза у неё были черные и тоскливые, как студеная зимняя ночь, и имя она носила странное — Дурман. Дочка их, худой бледный воробышек, отощавшая и побелевшая еще более после болезни, откликалась на имя Ясенка — и ей оно вовсе не подходило. Отец часто к ней наклонялся, шутил, веселил, смотрел ласково, а она, видать, слаба была еще, улыбалась вымученно, через силу, голову русую на плечо ему клонила. Устала — это да, а что ненавидит в глубине души и ждет случая, чтобы шпильку острую нелюду-отчиму в шею воткнуть, — на то похоже не было. Тоже все забыла... И вдруг страх меня взял, жгучий страх: не-

ужто и я забуду? Сейчас креплюсь, хорохорюсь... А годы минут — как тогда? Но нет... всплыло тут само собою мамкино лицо с застывшим взглядом. Нет, вовек мне его, лица этого, не забыть. Ох, дайте только сбросить оковы!..

Всем хорош был пир у Сребляна — и кормили-поили сладко, и шуты кривлялись потешно, и дед-гусляр ладно бил по струнам да пел песню про дивные земли, про чудный град Сотлсхейм, что стоит в далеком Бертане... А не смотрел я, не слушал. Головной кнежий стол взгляд мой притягивал, сил несть. Рядом с кнежем я видел Могуту и других командиров его кораблей, таких же рослых и тоже в медвежьих шкурах. А еще там девка сидела — вся размалеванная, глаза сажей подведены, щеки нарумянены, волосы по плечам распущены, а рожа блудливая — страх! И так та девка на меня зыркала — я уж не знал, куда и деваться. Будто нет у ней, девки той, на всем свете врага страшнее меня. Вот так на меня глядела Счастлива, когда я невзначай грудь ее увидал. Только эта девка мне сраму не казала, за что ж она меня так?..

И только подумал про Счастливу — так ее и увидел, словно сама на зов пришла.

Посадили ее в середине стола, между дружинниками. Хороша она была — видать, и тут ее нашлось кому холить-лелеять. Коса уложена бережно, лента белая через лоб, глаза скромно долу опущены... да только знаю я эту скромность. Так вот она взор отводила от устьевских женихов, когда повадились. С ней рядом сидел статный усатый молодец, то и дело меду ей подливал, говорил что-то на ушко, смеялся, а она знай краснела, но видно было, что любо ей это. Ох, бабы... Да не этот ли молодец батьку твоего, Бересту, на рудник провожал?! А ты ему уже всю себя отдать готова... Бабы!.. И так вдруг тошно мне стало, так муторно — даже под палубой неродовской галеры так не было. Отодвинул хлеб, почуял — если в рот возьму, все обратно выйдет.

— А что это ты, Лют, хлеба моего не ешь?

То Среблян спросил. Меня, если только не было в обычae у него всех подряд Лютами нарекать. И как-то тихо крутом стало враз, хотя и велик, и шумен был воеводин пир. А все знали, видать, что я тут. И ждали чего-то. И только я один знать ничего не знал и не ждал поэтому.

— Хлеб, — сказал тем временем Среблян спокойно и вовсе не гневливо, но каждое слово падало в наступившей тиши тяжким камнем, — это самое ценное, что есть у нас здесь, на Салхане. Видел ты поля наши — малы они, а ртов много. У нас, Лют, можно отказаться от мяса и меда, но не от хлеба.

— А я к тебе в гости не просился, — ответил я звонким от злости голосом. И екнуло внутри: побьют ведь — а несть сил было удержаться. — Я тебе пленник, а не гость, и не добрый ты мне хозяин, чтоб я обычай двора твоего уваживал. А коли много ртов — так меньше невольников хватать надо было, глядишь, и прокормил бы.

Тиши стояла на княжем дворе в опустившейся темной ночи — хоть ножом ее режь, такая густая. Никто и шептаться не смел, а все смотрели кто на меня, кто на Сребляна — ну, велит теперь выпороть или сразу зарубит, как давно было след?

Но Среблян ничего не сделал. Только слегка прищурился, глядя мне прямо в глаза, даром что далеко сидел, — и сказал:

— Не слышал я от тебя таких речей, когда прежде ты ел мой хлеб.

Тут мне кровь в лицо бросилась. А и верно, рабы на каторге — и те харч отрабатывают... а я что делал? Знай, лежал на неродовских перинах да неродовскую снедь лопал, когда с воеводой не дрался. Почто решил, что задаром?

Все молчали — ждали, что скажу. А мне все одни проклятия в голову лезли. Что ж они со мной так? Убили бы сразу, а нет — на рудник бы сослали, к сельчанам моим. А так мучают только, в клетке держат, сюда привели вот, будто зверя на пощечу...

Среблян встал. Знак подал, меня тоже на ноги поставили. Сказал:

— Принесите сюда его меч.

Пока ходили, никто словечка не проронил. Меня ноги едва держали, стыдно мне было, что не нашел чем упрек неродовский отбить. А Среблян знай смотрел на меня и щурился. И дочка его смотрела тоже. И та девка размалеванная — ну и зло смотрела! Как же ей хотелось, чтоб голову мне срубили! А смотрела ли Счастлива — не знаю. Боялся я в ее сторону глядеть, ну и не глядел.

Принесли мой клинок, Прохором названный. Сунули в руки, вытолкнули меня на середину двора, между столами. Кнеж тоже вышел и подошел ко мне. Я увидел, что на бедре у него меч — у него одного во всем дворе. Неужто драться будем?! А как знать... может, теперь и оцарапаю его, удальца. Среблян вынул из-за пояса ключ от моих цепей, что всегда был при нем, освободил меня. Как упали оковы наземь, посмотрел пристально. Меня как ударило — я стою с мечом в руке, а он — передо мной! И даром что с оружием — не успеет выхватить. Так бей же, Лютом прозванный, бей люто и не думай ни о чем — отмаялся...

Не ударил. Не знаю почему — и не спрашивайте. Стоял молча и ждал.

Кнеж спросил:

— Кого, парень, более других средь сидящих здесь ненавидишь?

Я оглядел пирующих. Сидели они тихо, вполголоса переговариваясь между собой, бороды поглаживали. Я скользнул взглядом по лицу Хрума, тоже бывшего тут, задержался на миг... поглядел дальше.

Указал мечом и сказал, как прежде на неродовском корабле:

— Его.

— Ах ты, щеня дурное! — воскликнул Могута — похоже, слова мои весьма его позабавили. — Или забыл уже, как я тебя на «Быстряке» приложил?

— Уверен, что его? — спросил кнеж. — Думай, парень, другой раз не спрошу.

— Уверен, — сказал я. И впрямь, мало в чем я был так уверен. Особливо когда вспоминал, как встал Могута против Счастливы, в гордые глаза ее посмотрел, обвел слашавым взглядом стройный стан и молвил: «Женой будет...»

— Уверен! — крикнул я снова — и, видать, все, что чувствовал и высказать не умел, вложил в этот крик.

Могута перестал улыбаться и медленно встал. Среблян повернулся к нему, встав ко мне спиной, отцепил свой меч, протянул молча. Могута ухмыльнулся, пошел на нас. Принял у кнежа меч с поклоном.

— Что же, угодно тебе потешиться, господин мой Среблян, — так потешу, — сказал, скалясь в усы. — Только теперь, не взыши, руки моей даже ты не остановиши.

— Не остановлю, — сказал кнеж спокойно. — Насмерть будете биться.

Загудел тут кнежий пир. А во мне будто костер развели. Насмерть! Стало быть, зарублю Могуту — не убьют, не накажут? То добро!

— Отец, не надо... — подала вдруг голос бледная Ясенка, но Среблян к ней даже головы не повернул. Посмотрел на меня.

— Победишь — вольным будешь, — сказал вполголоса — и пошел прочь, к головному столу. Я проводил его взглядом. Неужто думает, что мне Могуту убить — проще, чем самого воеводу на учении оцарапать? А если так — еще лучше! Смогу.

Факелы горели ярко, светло было на подворье, как днем, — потому и заметил я краем глаза метнувшуюся тень. Было б темно — лежать бы мне мертвым на черной салханской земле. А так — увернулся. Теперь я только понял, что быстр и ловок был Могута, хотя и велик. Тогда, на корабле, дрался он со мной едва в полсилы — дитем неразумным считал, проучить хотел... Мыслил ведь: пообломится парень — в племя наше войдет, мне с ним вместе брагу пить. Все они так думали, потому и глядели незло. А ныне я был им враг.

И бился со мною Могута, как с врагом.

Быстр он был — а я на малость, да быстрее. Ноги, к оковам привыкшие, без цепей летали, будто крыльями обзавелись. Руки, кандалами измученные, без кандалов едва ощущали вес меча. А более всего облегчало меня слово, оброненное Сребляном, — воля! Только и осталось до нее, что грязная Могутина кровь. А что Могута — Могута был тур, медведь, старый зверь вроде тех, на которых я ходил с рогатиной. Ну, если правду сказать, то на такого большого и матерого — не ходил... но бывает же что-то в первый раз, а иначе — никак.

Только с ним надо было иначе, чем с медведем. С людьми не так нужно, как со зверем, — это в меня Среблян накрепко вбить успел. Бегал я вокруг Могуты, дразня уколами, разъяряя, уходя из-под занесенной когтистой лапы. Уморить хотел — и

ведь вышло у меня. Я еще дыхание не сбил, а он уже запыхался, стал с шага сбиваться. Раз я его чуть не достал — он ответил на удар ударом с такой силой, что я полетел навзничь. Пир кнежий так и ахнул, люди с лавок повскакивали — зарубит?! Не зарубил — вывернулся я снова из-под самого клинка. И ну дальше кругами плясать. Могута рычал, плевался, сыпал проклятиями — а достать меня не мог. Вот точно так я не мог достать Сребляна — а теперь сам будто очутился на его месте и знай уходил от ударов...

А потом вдруг Могута покачнулся, и шея его открылась. Уж не знаю как — я и подумать об этом не успел, только увидел полоску кожи, блеснувшую меж бородой и горловиной кольчуши. Ёкнуло во мне, как бывало, когда знал — или сейчас стрелу пускать, или не пускать вовсе! — я и ударил. И будто вернулся на Устьев берег, к родной избе, и снова кровь Брова-убийцы плеснула мне на руки, на лицо... Только тогда рогатина застяла. А сейчас я меч выдернул и отступил.

Рухнул Могута. Баба какая-то закричала — жена небось, которую он в дом свой за косы приволок. Знать бы — рада ли за меня Счастлива? А только не стал я на нее смотреть. Рукой, от меча свободной, пот со лба утер, вихры от глаз убрал. И повернулся к воеводе.

Воевода глядел молча. Люди его возбужденно переговаривались, а он молчал.

— Что, кнеж, — спросил я едва не весело, — слово помнишь свое?

И почто спросил — честныйпомнит, бесчестного не засовестишь...

— Меч оботри, — сказал Среблян.

Веселье мое как рукой сняло. Посмотрел я на лезвие, багровое от вражьей крови, на тело Могутино у моих ног. Не впервые человека убил, не впервые помстился — а рука враз ослабла, будто никогда прежде крови не лила. Встал я на одно колено, вонзил клинок в землю. После выдернул, отряхнул. Подумал, не поклониться ли воеводе — гордо, насмешливо, — но ноги сами уже повернули и несли со двора...

У самых ворот обернулся. Оглядел в последний раз двор. Молчали нероды, ни один не пошел Могутино тело обнять на-

последок, только жена подбежала к нему, бухнулась на колени и горько заплакала...

Сплюнул я себе под ноги — и ушел.

3

Эх, Май-Маята, Лютом названный... Выборол себе волю вольную, кровью сполна оплатил — дальше что? Куда теперь-то пойдешь?

Кнежий двор стоял высоко, и отсель было видно, что пристань внизу пуста. Седоголовые волны сердито дрались с каменистым берегом, отступали, кидались снова... Я пытался припомнить, что надумывал сделать, когда сброшу оковы, — и не мог. Стоял, меч опустив, и глядел на море. Далеко ли отсюда до моего Устьева? Долго ли плыть? Гложило чувство, будто забыл сделать что-то, а что — не понять...

Сзади раздались шаги. Никак воевода передумать успел, назад меня потребует? Я крутанулся волчком, как у самого Сребляна и научился, перехватил меч, выставил — теперь-то меня так просто не взять!

Деревянные гусли со стуком упали наземь, грохотнули о камень, жалобно дзенькнув струнами.

— Ай, не казни, добрый молодец... пощади старика...

Дед-гусяр, что пел на кнежем пиру о дальней земле, стоял передо мной, умоляюще подняв сухощавые руки. Белая как снег борода реяла на ветру, мешалась со столь же белыми волосами, цеплялась за поднятую клюку. Лицо — что яблочко сушеное, все в морщинах, под мохнатыми бровями глаз почти не видать. Я еще на пиру удивился мимоходом — как это люди до таких лет доживают. Убрал я меч. Дед вздохнул облегченно и руки опустил — неспешно так, величаво. И что-то опять кольнуло меня — странно он как-то на меня глядел...

— Вот притомился от шуму-гаму, вышел передохнуть, — будто извиняясь, сказал дед. И взгляд у него хитрый какой, Горьбога бы по его душу! Не понравился он мне. Да и что мне тут нравилось?

— Прости, дед, не хотел напужать, — проворчал я, и сердясь, и смущаясь. Ну не дадут уйти, не дружину вслед пошлют, так деда столетнего!

Он все стоял, на клюку обопрясь, не шел. Я вдруг понял, что гусли его так и валяются на земле. Поди и треснули... Ну, что делать? Наклонился я, поднял их. Отряхнул от грязи, протянул деду. Уж почто я мамку свою не слушал, а старость уважать был приучен.

— Держи, дед...

— Ай, спасибо, дитятко, — хитро жмурясь, сказал гусляр. Протянул руку — и вцепился в гусли ловкими, сильными пальцами. Дернул — и я чуть башкой вперед не полетел, до того сильна была эта рука! Да он щелчком мог бы прибить меня, когда б захотел! Я пустил гусли, отскочил, схватился за меч. Дед не шелохнулся. Борода его так и стелилась по ветру, а глаз видно не было совсем.

— Спасибо, родненький, уважил старого Смеяна, — пропел дед сладко. — А раз уважил, то старый Смеян тебе вот что присоветует: коли в море идти надумаешь, бери ту лодку, что стоит у пристани справа, с самого краешку. Так оно лучше будет.

Я поколебался. Потом поблагодарил неуверенно, не зная, что еще сказать, поправил меч на боку, пошел от ворот...

— Сохрани тебя Радо-матья, дитятко, — сказал дед мне в спину.

А все ж таки осень на землю пришла. В темнице моей, на мягкой-то перине, и в горячке драки на подворье это не очень чувствовалось. А теперь шел я пустыми темными улицами Салхан-града (ни души кругом — и впрямь всем миром к кнежу ушли), и ярым ветром с моря меня едва с ног не сшибало. Но я шел уперто, сколько остров меня ни держал, сколько ни гнал назад в уют да тепло моей конуры. По морю валы ходили, вздымались и падали, будто грудь умирающего, — море лихорадило, кидало в тяжком бреду, волны бессильно кусали камень и с ревом откатывались назад.

На пристани впрямь почти никого не было. Рыбацкие лодки, собранные в дальнем ее конце, сторожил один-единственный парень, немного постарше меня. Сидел на одной из лодок, в плащ кутался, ежился, ругался себе под нос. Оно и верно — другие там у кнежа на пиру веселятся, а ему тут скучать, мерз-

нуть... Я придержал шаг, раздумывая, что бы сделать, но тут он сам меня заметил — и вскочил.

— Ну, наконец изволили! Я уж думал, совсем про меня забыли! — сказал он запальчиво — и, без разговора сунув мне в руку копье, торопливо кинулся вверх по пристани, к городу. Я так с открытым ртом на него и смотрел — и тут только до меня дошло, что он меня за сменщика своего принял! Сам тут недавно, видать, не всех еще знает в лицо — а увидел, что я от города иду, меч на боку у меня приметил... Я бросил наземь копье, которое он мне сунул, и посмотрел наверх, на огни сторожевой башни. Как знать, не смотрят ли на меня, не поднимут ли тревогу? А хотя все равно — попытаться надо.

Лодки лежали вдоль берега, повернутые днищами кверху. Поколебавшись, я пошел к крайней правой, как дед присоветовал. Смотрелась она не хуже прочих, дно просмолено было надежно — я проверил. Сташил ее в воду; волны меня так и лупили по ногам, будто назад гнали, но что мне волны, когда оковы сбросить сумел? Забрался я в лодку; дважды она переворачивалась, выкидывала меня, но потом я ее все-таки одолел. Уперся ногами в дно, наклонился вперед, держа равновесие, раз, другой ударил веслами — и вышел на глубокую воду. После легче пошло: дальше от берега море волнилось меньше, лодку качало, но больше не выворачивало. Я налегал на весла что было мочи, не жалея сил, — и стал, стал наконец отдаляться проклятый остров Салхан! Уменьшилась пристань, помутнела, город расплылся в серую глыбу, а потом и огни на кнежем дворе померкли, погасли в тумане. Жаль, небо затянуло осенней тучей — не видел я звезд, не знал, где нахожусь, куда плыть. Да только все одно мне было куда — лишь бы подальше отсюда, подальше от черного шпиля Салхан-горы, вонзающегося в смурное небо...

Долго я греб. Уже и волны улеглись, и лодка вроде быстрее шла — а все стояла и стояла предо мной Салхан-гора и меньше не становилась. Я бросил весла, глянул на небо. Тучи стали пореже, вон вроде бы звезда-Горевна, что север указывает... Я снова стал грести. Развернул лодку, думал остров обогнуть... греб и греб, а гора где стояла, там и стоит! Уже, кажется, и светать должно бы — но не светало, и звезда-Горевна,

только что блестевшая впереди, как-то вдруг слева очутилась... и волны набежали снова, стали резче лодку вертеть, с гребли меня сбивать. Плюнул я со злости — да что ж за напасть?! Будто остров этот треклятый пускать меня не желает! Опять лег на весла... Да все без толку. Чем дольше я теперь греб, тем темней становилось небо, тем выше поднимались волны, а звезда-Горевна так и скакала по небосводу, словно в пляс пустилась или вздумала поизмываться надо мною... И только Салхан-гора как стояла посреди мира черной тенью, так и стоит.

Что делать было? Бросить весла, сесть да помирать? Нет уж! Нет, Янь-Горыня, никакого зла я тебе не чинил, за так не возьмешь! Греб и греб, яростно, люто, уже ни на что не надеяясь, ничего не желая, только б грести... А потом вдруг перевернулся мир, и очнулся я в холодной воде. Кое-как вынырнул — да чуть не врезался теменем в борт лодки, что скакала по волнам днищем кверху, болтая веслами в черных волнах. Не знаю, как добрался я до берега, не захлебнувшись, не напоровшись на подводный камень, — видать, помогала память о родном Устьевом берегу, где еще и не из таких волн выплывал. Мамка все ругалась, что бегаю на море в шторм, — говорила, потону однажды. Не потонул... Почувствав под ногой твердое, толкнулся — и дал волне вынести себя на каменный берег.

Волна согрела по спине напоследок — и ушла себе в море.

Долго лежал я на мокром камне лицом вниз, откашливаясь, тяжко дыша. Не хотелось вставать, ничего больше не хотелось. Опустил руку к бедру — надо же, а меч-то остался при мне. Мог бы и под воду меня утащить, что ж я его не отцепил, дурень... хотя не утащил — и то ладно. Оперся я скользящей рукой о камень, стал подниматься.

Дед-гусяляр стоял надо мной, опираясь на клюку, поджимая локтем свои гусли.

— Ай, Радо-матерь! Сберегла-таки! Ну, слава тебе! — сказал и прижмурился хитро.

Я встал на ноги. Меня шатало, я вымок до нитки, ветрище пробирал меня до костей, я дрожал весь так, что зуб на зуб не попадал. До рассвета было еще невесть сколько — будто, пока я плыл в лодке, время вовсе остановилось.

— Проклятая ваша земля, — сказал я хрипло, глядя на деда ненавидящим взглядом. — Почто меня не пускает?!

— А потому, что ты теперь нерод, дитятко, — ответил старик — спокойно-спокойно.

Я как стоял, так и обмер.

А ведь впрямь... мне и в голову прежде это не приходило! Я только о том думал, чтоб от людей вырваться, — и совсем позабыл про злую богиню, Горьбогову дочь... Что там говорил Среблян? Раз ступивший на этот остров уже его не покинет, а покинет — три дня и три ночи отпущенено ему на добной земле. Да я и тому был бы рад — пусть умереть, но хоть меж людей, не между нелюдей... только пусти!

Воет волна за спиной, ветер свищет, тучи гоняя, скакет звезда-Горевна, хохочет, и черная тень Салхан-горы лежит на море — и на мне...

Вот тут меня и прижало. Вот тут думал — впрямь сейчас зареву белугой, по-бабы. Меч на бедре сделался постыл и тяжек, хуже, чем оковы. Что оковы... их сбросить можно. А эту погань — как сбросишь?!

Спас меня дед Смеян. Видать, что-то по лицу моему понял, ступил вперед и взял меня рукой за плечо — страсть как похоже вышло на то, как делал это Среблян. И рука у него была сильной, как у Сребляна, и не причиняла боли, если не чаяла причинить.

— Пойдем-ка ко мне в избу, дитятко, — молвил дед негромко. — Обсохнешь, обогреешься... а там поглядим.

Вовремя молвил. Сглотнул я то, что так и не пролилось, — и пошел за дедом побитым псом, что, как дождь зарядит, послушно себе трусит в родимую конуру.

Изба у деда Смеяна была и не изба вовсе — хоромы. Стояли они наверху, совсем близко к княжemu двору — опять через весь город идти пришлось. Я напрягся, подумал, что он обратно к воеводе меня ведет — ну как знать, вдруг обманет, завлечет в ловушку? — но тут дед свернулся на подворье, и я успокоился. Домина у него был таков, что три избы устьевского старосты в нем бы поместились, еще бы и место для нашей с мамкой хатки осталось. И не изба была — загляденье! Стены и балки

расписные, по полу — ковры фарийские, подушки мягкие на лавках... в почете, видать, жил дед. Даже странно было, что на пиру не рядом с кнежем сидел, гуслями гостей его развлекал. А хотя, правду сказать, я тогда не заметил, где он сидел, — не до того мне было.

— Проходи, дитятко, будь как в доме родном, — приветствовал меня дед Смеян и с дивной для старца его годов прытью принялся растапливать очаг. Жил он, похоже, один, слуг не держал. Как спровался?.. А впрочем, не моего ума дело.

Очаг растопился, затрещали весело в пламени березовые поленья. Сел я на скамью у очага, нагнулся к огню поближе. Дед принес мне теплой овчины, велел раздеться и вытереться досуха, потом плечи мне укрыл. Вытянул я ноги к юркому огоньку, и так мне вдруг спокойно и сонно стало, и все равно, что дальше будет... Но только не позволил я себе в ленивой неге задремать, вскинулся. «Что, Лют, не лют ты больше? Скоро к хозяину побежишь руки лизать?» — спросил себя зло — и будто сгинул дурман.

— Околдовать ты меня, что ли, пытался? — спросил я деда. Тот сидел рядом, грел над очагом котелок. При вопросе моем прижмурился, и я понял вдруг, что и прижмур этот мне в нем напоминает Сребляна. Ровно тот ему сын или внук родной...

— Никто тут колдовать не может, окромя Янь-Горыни, — сказал дед. — А ты, малой, я погляжу, зол больно. Неужто совсем добра от людей не видал, уже и не чаешь увидеть?

— Добра? От неродов-то? Нет, не чаю, — сказал я резко. Дед покачивал рукой с котелком, глядел на огонь, а в то же время будто и на меня — и как ему только это удавалось?

— Не ершился б ты так, — сказал негромко Смеян. — Толку-то с того не будет, одна маята.

Я выпрямился и сбросил овчину — что-то вдруг в жар меня кинуло. Встал.

— Знаешь что, дед, — сказал я до того ровно и тихо, что самому жутко стало, — ты вот небось сто весен уже прожил и давно успел позабыть, как на острове этом бесовском очутился. Как родных твоих на глазах у тебя убивали, как кидался ты на убивцев проклятых, а они тебя хватали и на судно свое волокли. А я помню. Для тебя это все давно было, а для меня —

вчера. Так и не говори мне, чтоб не ершился. Моя маята, не твоя.

Дед ничего не ответил. Даже головы не повернул, ни волосинки не шелохнулось в его бороде. Я уже повернулся уйти, как вдруг он сказал:

— Справедлив твой упрек, мальчик. Ты и сам не ведаешь, до чего справедлив. Сядь, прошу тебя. Прости старика. Не буду больше тебя совестить. Простишь?

Как-то так сказал, что я не смог отказать. Да и стыдно мне стало — старый дед передо мною винился... Сел я обратно. Овчина мягкая была, и от очага веяло теплом, треск дров заглушал вой ветра снаружи. Будто целый мир — здесь, а что за дверью — того и знать незачем.

— Слыхал про проклятие? — помолчав, спросил дед.

— Еще б не слыхать, — отозвался я. — Кнеж ваш в красках расписал. Ему б только песни слагать, а ты б их на музыку положил да спел!

— Среблян? — Почудилось мне, будто голос старика изменился. — Среблян сам тебе рассказал?

— А то. Думал, видать, я от жалости расплачусь. Да только не вышло, как я ни старался.

— А сказал он тебе, как проклятие снять?

Тут все глумление с меня разом сошло. Воззрился я на деда, пораженный. Так проклятие снять можно? Что ж до сих пор не сняли!?

— Когда уходила Янь-Горыня в Салхан, — продолжал дед негромко, все глядя на огонь да покачивая над ним котелком, — напоследок обернулась через плечо и сказала: «А снять мое слово с вас сможет чужак, который на землю мою придет. Придет в путах, а навет мой развеет по доброй своей воле». Так сказала и ушла.

Я только вдохнул полной грудью — а выдох не шел. Придет в путах... так вот еще от чего нероды повадились людей воровать! Потому что сказано им было, что их от проклятия пленник избавит. По доброй воле...

— Погоди-ка! — воскликнул я. — Так что же, воевода решил, что я с вас проклятие сниму? Потому и пощадил меня? Думает, я знаю, как это сделать?

И дико мне сделалось, и смешно. А и знал бы я, как неродам помочь, — не стал бы! Уж по доброй воле точно не стал!

— Дурень ты, — сказал дед и поглядел на меня с усталой усмешкой. — Он и сам знает, как это сделать. И любой знает, кто пробыл на Салхане достаточно долго.

Тут я уж вовсе растерялся. Да и обидно стало, что дурнем назвали. Решил, что лучше помалкивать.

А дед уже отвернулся и снова глядел на танцующее пламя.

— Когда Среблян попал сюда, — заговорил негромко и медленно, точно былину баял, — он был моложе тебя. Двенацать весен ему едва исполнилось. Тогдашний наш господин, Бушуй Гневич, всю его родню поубивал у него на глазах. Отца с матерью, старших братьев, меньших сестер. Зол был за что-то на его род, за что — того и сам Среблян не ведает. А его с собой взял. В ту ночь у него, у мальчионки тогдашнего, вся голова поседела — такой стала, как ты теперь видишь. Потому и назвали Сребляном. Бушуй его на Салхан привез и четыре года в цепях держал, в той самой клети, в который ты сидел последний месяц. Эту клеть для Сребляна и обставили.

Я не знал, что сказать. Попытался представить, что все правда, — и не смог, чересчур это было. Всплыло вдруг в языках пламени мамкино лицо... Того, кто убил ее, я в тот же час жизни решил — и, верно, полегче мне теперь от этого было. А каково пришлось Сребляну, пацаненку мелкому, каждый божий день душегуба и кровопийцу перед собой видеть, в полной воле его быть? Не мог я себе этого представить, да и не хотел.

Только зачем дед Смеян мне это рассказывает?

— А потом что? — спросил, все ж не удержавшись.

— А потом Бушуй решил, что усмирил мальца, да с цепи его и спустил. В тот же день Среблян его убил, на куски изрубил. Многие ему за то спасибо сказали — недолюбливал наш люд Бушуй. Так и стал Среблян господином.

Вон оно как... Порешил изверга, за родню помстился — и сам извергом стал не хуже убитого ворога. Жалость к Сребляну, шевельнувшаяся было на миг, тут же притухла во мне, ровно искра, присыпанная золой. Судьба-горемычевна и Горьбог-злодей вся кому отплачивают поделом.

— Почему он может ходить в море, а я нет? — спросил я, вдруг впервые об этом подумав. Дед глянул на меня искоса, будто совсем другого вопроса ждал. А ну его, в загадки с ним играть... не до того мне нынче. Но ответил:

— Янь-Горыня знает, что не смирился ты с наветом ее, потому тебя и не пускает. Кто покорился ей, тому она даст до дальнего берега доплыть, до добной земли. И ступить на нее тоже даст. Некоторые и ступают.

Некоторые... почто ж не все?

— Скажи мне, дед, неужто каждый смиряется? Неужто никто не бьется, не сохраняет чести, не выбирает гибели? Неужто?

Я спрашивал и страшился ответа. Потому как скажет — «Так и есть», и будет это значить, что и мне общей доли не миновать... а я того не хотел.

Но дед ответил такое, что от души у меня разом отлегло.

— Не каждый, вестимо. Многие борются... не умеют судьбу свою принимать. Кого-то и силой усмирять приходится, по злому. Кормятся их душами море да Янь-Горыня... — Дед промолк, будто задумавшись. После добавил: — Многие еще гибнут от тоски. В основном женщины. Дети тоже, но они если умирают, то на кораблях, до того еще, как ступают на Салхан. Если уж доплыли, то живут...

Я вспомнил, что, когда мы причалили, на берегу среди полоненных я не видел ни одного младенца. И плача детского не слышал. То странно было: ведь, если рассудить, младенчиков как раз нероды должны были перво-наперво хватать. Те вырастут и вовсе знать не будут, где родились... И хватали ведь не бось. Только труден путь на Салхан-остров, немногие переживают дорогу. Что уж дети...

Я обхватил плечи руками, зябко мне что-то стало, так же, как прежде кинуло в жар. Сказал:

— То хорошо, что не все смиряются. Утешил ты меня... спасибо.

Дед посмотрел на меня искоса. Хотел будто сказать что-то — и не сказал. Меня вдруг любопытство разобрало.

— А тебе, дед Смеян, самому сколько годков было, когда неродам попался?

Молчит. Али и вправду забыл? Ну, за его-то лета — немудрено...

— Нисколько, — сказал дед. — Родился я здесь.

Я рот так и открыл. А он снял котелок с очага ловкой рукой, подул — и мне протянул.

— На-ка выпей. Снаружи ты вроде согрелся, а изнутри теперь тоже не повредит.

Я взял. Обжег ладони о горячие стенки, а едва то заметил — так деда глазами поедом ел. Это сколько ж лет ему?! Сколько веков? И разве живут столько?

— Так что, — спросил, не в силах унять любопытство, — ты видел Янь-Горыню?!

— Видел.

— И какая она?

— Такая, что раз увидишь — другой не захочется. Пей, говорю.

Я выпил залпом. Нутро мне так и ожгло, но хороший это был огонь, ладный. Поставил я котелок на скамью. Дед Смеян наклонился, согнув старую свою спину, и ворошил угли в очаге. Я потянулся, забрал у него кочергу.

— Дай я...

Пока угли разгребал, не знаю, глядел он на меня или нет. Потом он спросил:

— Что делать теперь будешь, Лют?

Прикипело ко мне это имечко... а что, не хуже родного. Вернее даже. Хотелось бы, чтоб было вернее. Лютивать всяко лучше, чем маяться.

Только вопрос старика совсем не по нраву мне пришелся. Не хотел я о том думать, а пришлось. Ответил я нехотя:

— Не знаю... что присоветуешь?

— Пока у меня поживи. Видишь, один я остался на страсть... Оставайся покамест. А там видно будет.

Что тут сказать? Все равно мне идти было некуда. Дед поднялся со скамьи, тяжко опервшись на мое плечо.

— Горниц много, выбирай любую. А только не эту, в этой я сам сплю, старииковских привычек не изменишь.

Я оглянулся на него. И тут вспомнил, что он мне сказал у кнежего двора.

— Слушай, дед... а почему ты мне тогда велел крайнюю лодку справа взять?

— А она самая старая, — отозвался дед спокойно. — Ее забить меньше всего было жаль. Ложись-ка, парень, спать. Долг был у тебя день.

Ох и странен, ох и дивен был дед Смеян... С первого взгляда не по нраву он мне пришелся, а чем дальше, тем меньше я в нем понимал. То, что он един среди всех неродов был свободным человеком, то, что своими глазами видел злую богиню и своими ушами слыхал ее проклятие, то, сколько боли чужой перевидал на своем долгом веку... все это мне чудно было, и робел я перед ним — и не я один. Понял теперь, отчего люди его и уваживали, и чурались: он ведь один из тех, кто беду на них всех накликал, и он же — последняя память о том, что прежде иначе жилось на Салхане. Этот дед еще застал чудный град Салрадум, Серебряный Город, и видел Салхан-гору белой. Я спросил его как-то, отчего он песен про это не складывает — красота ведь была небось! А он ответил:

— Я, дитятко, не умею складывать песен. Чужое пою, а чтобы свое — так Радо-матерь не одарила голосом.

Мне почудилось тогда, что лукавит, но расспрашивать не стал. Боялся я деда. Вроде он ласково со мною держался и приветливо, а было что-то в этой ласке, от чего душу мне выворачивало. И хитер был дед... не по-доброму хитер. Это я потом понял, когда дошло до меня, зачем он мне свой кров предложил.

Я думал — работать на него стану. А не давал он мне работы. Вставал до зари, а порою мне чудилось, что и вовсе не ложился. Сам дрова колол, воду таскал, еду на очаге грел. И откуда силы в нем были, и как все успевал? Я помогал ему, как мог, да только видел, что не нужен я ему, он и сам без меня справится. И стало мне худо. Совесть меня ела — за так старицкий кров и харч принимать. И знал он это, изувер, когда к себе меня звал. Знал, что затоскую скоро и за ворота глядеть начну. Я же из дому почти и не выходил — сил несть было смотреть на Салхан-град, на лица неродов, на их печальных детей... а ну как еще кнежа встречу на улице или Счастливу? Нет...

Так неделя, почитай, прошла. Как-то раз я взялся дрова рубить — глядь, а топора нет. Пошел к деду просить. А он глаза прижмурил: не надо тебе топора, дитятко, вон, глянь, солнышко на дворе, чай последнее в этот год, иди посиди, погрейся... Тогда я не выдержал, накричал на деда — почто, говорю, в дом к себе взял, а работать не даешь? Дед руками развел — уж прости, родненький, а так привык, все сам, старииковских привычек не изменишь...

Ну, что делать? Был бы на Салхан-острове лес — убежал бы в лес, глядишь, как-нибудь прокормился бы. А только не было почти леса, так, редкие кустики да хилые деревца, понатыканые промеж скал. Березу на растопку — и ту нероды торговали на материке. В работники к кому-нибудь наняться? Так все равно враги, ни к одному нету мочи идти на поклон... да и неизвестно еще, возьмут ли. Я готов уже был сам проситься на рудники, да только дед, услышав про то, засмеялся. Он редко смеялся, даром что имя такое носил, и от того его смех звучал особенно обидно. Не возьмут тебя, сказал, и не просись. Ты дитя еще, а детей на Салхане ценят не за то, что киркой махать горазды — пусть бы даже и горазды.

Тут уж я озлился всерьез. Дитя, говоришь? Могута тоже так говорил, да где теперь Могута? Поди его спроси! И лишь только я Могуту помянул — сверкнули дедовы глаза так, будто он все время только того и ждал, что я первый об этом заговорю.

— А не пойти ли тебе к господину нашему Сребляну, дитятко? — спросил нараспев, хитро жмуясь. — Он-то видел, как ты свалил Могуту. Попросись — авось возьмет, найдет для тебя какое ни есть дело.

Что-о? Мне — просить? ЕГО?! В ноги кланяться, шапку в пыли полоскать — снизойди, мол, светлый кнеж... Еще чего! Крепко помню, как в оковах у него сидел, — и долго помнить буду, уж не сомневайся!

Так я на деда кричал, ногами топал, а дед стоял, на клюку оперевшись, и жмурился.

Накричавшись, со злости я ушел со двора, дверью хлопнул. Зарок себе дал — не вернусь к Смеляну. Бегом почти пересек улицу, ни на кого не глядя, вышел за ворота, побрел по тропе... а кругом скалы и скалы. Залезть на них, что ли, да кинуться вниз? А только страх брал. Вот тот самый, который не дал мне

под палубой на неродовском корабле жилы себе перегрызть. Жизнь — маята, да кто сказал, что по Ту Сторону лучшая доля ждет? Проверить всегда успеется...

Побродил я так, побродил. Дождь прошел проливной — мне и укрыться было негде. Сидел на камне злой, как бес, мокнул и неродов проклинал. Да что толку? Мое проклятие всяко не сильнее слова Янь-Горыни...

Горд будь, да не глуп.

Белокаменные кнежьи палаты стояли среди скал громадой, как и прежде, — никуда не делись, николечко не изменились. Думал ли я, что войду еще раз в эти ворота — да не в путах, не в оковах, сам войду? Ох, лихо мне, лихо... Шел я, глядя себе под ноги, глаз поднять не смел. Знал — узнавали меня, шептались, пальцами вслед показывали. Знаю, что говорили: пришел... позлился, да и пришел, как всяк приходит. Худо мне было тогда, так худо, что и вспомнить тошно. И кнежа нигде не видать, будто назло. Вдруг под ногами мелькнуло знакомое лицо, блеснули знакомые глазенки — малая Пастрюковна! Посмотрела удивленно, а потом как заорет — и кинулась на меня, в ногу вцепилась, ну тискать да реветь от счастья! Признала родное лицо... Я растерялся, да что делать было? На руки ее взял. Тут ко мне женщина подлетела — я ее уже видел. Глянула лютой волчицей, словно я забрать дитя у нее пытался. Я молча отдал, хотя Пастрюковна и ревела, хватала меня за шею. Я тихо спросил женщину, где кнеж. Она вдруг тоже будто растерялась, злость из нее вся ушла. Отвела взгляд, сказала где. Я поблагодарил. Она отошла молча.

Пошел я на заднее подворье, где воевода меня мечу обучал.

Дрался нынче Среблян; я понимал теперь, почему даже оцарапать его ни разу не смог. Когда не был он в походе и не сидел у постели больной дочери, то в военной науке время проводил. Вот и ныне — рубился разом с пятью молодцами, и не сказать, что очень уж легко это ему давалось. Волосы он ремешком кожаным подвязал, а так и катил по лицу градом пот, на перевязи не задерживаясь, — загоняли молодцы Сребляна! Я остановился, стал смотреть на него, не решаясь прервать. Наконец он увидел меня, сам встал, руку поднял. Воины оглянулись. Все смолкли разом.

— Ну? — сказал воевода. Дух перевести еще не успел, а потому голос его прозвучал не так спокойно, как обычно. — Чего тебе?

Я подошел ближе. Встал против него. Поколебался, потом понял — чем раньше кончу, тем лучше. Сказал:

— Дай мне дело, кнеж.

— Вон как, — отозвался Среблян. — Сперва хлеб мой ел за так, потом за так отказывался, а теперь дело ему дай.

— Дай, — повторил я настойчиво. — А нет — так убей сразу. Не томи только, довольно уже.

Среблян молчал, оперевшись на меч, как дед Смеян на клюку. Волосы его белые по плечам стелились, дергал их лихой осенний ветер. И так похожи были они с дедом, что не знай я всего, решил бы — точно родичи... Видать, подумалось мне вдруг, со временем все тут друг на друга походить начинают.

— В дружины пойдешь, — сказал воевода. Не спросил — приказал.

Меня так и шатнуло.

— Не пойду, — ответил непослушными губами. — Ты прости... но не стану рубиться за тебя. Охотиться буду, камни таскать, хоть на рудник сошли... а в дружины не пойду.

— Другой работы для тебя у меня нет, — сказал кнеж равнодушно и, подняв меч, кивнул своим молодцам — за дело, мол. У меня перед глазами так и поплыло. В дружины идти... спину ему, нелюдю, прикрывать, вражин его сечь, как своих. Смогу ли? А хотя... Вспомнилось, что сказывал Смеян о Бушуе Гневиче, звере лютом. Если таковы враги Сребляна — как знать, может, и смогу?

А к тому же — дружины неродов ходит в море. Набегами промышляет на добрую землю... Пойду с ними — неровен час отпустит меня лютый Салхан-остров от своих берегов. А доберусь до материка — что ж... На доброй земле и смерть добре будет.

— По рукам, кнеж, — сказал я. — Бери меня в дружины, коли не передумал.

Он обронил на меня взгляд — будто плетью хлестнул.

— Невзора найди. Пусть кольчугу тебе даст и покажет, где станешь жить, — сказал и отвернулся от меня.

С тем я и ушел.

* * *

И дивное ж это дело — житье-бытье... Кто б еще летом сказал мне, что стану носить ту самую кольчугу, меж звеньями которой рогатиной метил, хлеб преломлять с теми, кто сельчан моих рубил, меня неволил... Смех, да и только! Или горе — то как посмотреть. Одно меня держало: знал я, что не по своей воле среди них оказался прежде, не по своей воле сидел с ними и теперь. И хоть не держали меня нынче силой, а я сам себя силовал. Знал — так надо. Покамест, а там поглядим...

Кнеж, когда я копье его принял, оттаял ко мне. Снова стал поглядывать ласково, как прежде. Не то чтобы я ласки его хотел, но только лучше него воина не было на Салхане — и я мог только радоваться такому учителю. Снова он стал звать меня на подворье да гонять от зари до зари. Все взад вернулось — только на ночь шел я не в темницу, а в белые палаты, где стояли в ряд скамьи для кнежьих воинов. Дружинники на меня сперва косо глядели, потом первые позвали хлеб преломить. Будь среди них хоть одно знакомое лицо, хоть один из тех, кого я помнил по набегу на Устьев, — отвернулся бы. А так... чего волниться? Всех их, как и меня, когда-то в полон угнали, каждый кнежа Гневича сперва врагом почитал, а потом пришел к нему на поклон. Мне ли перед ними нос задирать?

Так и пошло...

Люд среди неродов самый что ни на есть разный собрался. И бертанцы тут были, и галлады, и мартеляне, и асторги даже, и такие, как я, кмелты с Даланайского берега. Кто давно был, тот улыбался чаще, шутки шутил, за воеводой радо на битву шел. Прочие больше отмалчивались, реже глаза поднимали. Все они попали на Салхан детьми, кто постарше был тогда, кто помельче, а равно — много воды с тех пор утекло, и чем отличались когда-то друг от друга, из-за чего народы их между собой вражду водили — того и не помнили. Не принято было среди неродов прежнюю жизнь поминать. Что, дескать, воротить старое, когда ему давно конец — так судили; а мне все казалось, кривят душой.

Среблян часто пиры затевал для дружины. Дед Смеян на них песни баял. Я не глядел на него, стыдно мне было, сам

не знаю отчего, да и он не особо на меня посматривал. Я на тех пирах сперва с самого краю скамьи садился, ото всех поодаль. А ничего, подвигались молча, давали место, не гнали, с разговорами не лезли... Потом как-то пошло, что стали разговаривать. Слово за слово — перестал я дичиться. Не то чтобы радо всякого привечал, но словом теперь мог перемолвиться и не чувствовал лютой тоски. Сам не знаю, как вышло, что перестал с краю скамью садиться и к середине пересел.

А потом кнеж меня однажды позвал к себе на пиру, посадил рядом. Я растерялся, а пошел — что было отказываться? Долго он меня расспрашивал про то, откуда я, чем в Устьеве прежде занимался. Никогда его прежде это не заботило, я уж не знал, что и думать — зачем это ему? А еще смущался я от того, что дочка его на пирах всегда с ним рядом сидела. Кнежинна Дурман — через раз, а дочка всегда, словно он пустить ее от себя боялся. Я на ту девку не глядел — не больно-то ладна была, да и осторегался, еще кнеж что не то подумает, по шее надает... Мне не страшно было, просто не хотелось, чтоб люди на смех лишний раз поднимали. Пусть бы и не люди даже, а нероды... а все равно не хотелось.

А еще рядом со Сребляном вечно была та девка размалеванная, которую я на самом первом пиру увидел. И раньше она мне смерти желала — а как вошел я в кнежью дружину, казалось, своими руками замыслила придушить. Только где там, ручонки тоненькие... и некрасивые вовсе, лопаты, а не руки, — мужику бы такие больше подошли. Ох и не нравилась она мне, я все старался от нее подальше держаться — почто мне дикая девка? А раз не вышло-таки — когда кнеж меня рядом с собой посадил. И с тех пор часто стал сажать, так что меня и эту девку — Ивкой ее звали — всего только несколько голов разделяло. Раз я сидел, а она мимо меня шла — и вдруг как ушипнет сзади за шею! Чуть клок кожи с волосами вместе не выдрала, я думал, взвою. Ну, это уж было слишком — чего ей надобно от меня?! Как пир кончился, она к кнежу стала ластиться, а он что-то сказал ей, и она отошла обиженно — видать, услал на сегодня. Мне все любопытно было — как на то кнежинна Дурман смотрит? Хотя иные нероды и брали по две, а то и по три

жены, у Сребляна была только Дурман — и это чучело патлатое. И что в ней нашел?

Приметил я, что Ивка одна осталась. Проводила Сребляна злым взглядом, вышла в сени. Тут я подвелся — и за ней. Спроси, чем не люб, а то сколько можно?! Догнал я ее в пустом проходе, сграбастал за руку, крутанул. Девка вскрикнула... и что-то мне тут показалось не так. Я прежде голоса ее толком никогда не слыхал — она говорила тихо и все только с кнежем, да и сидел я далече. А тут как заорет, да прямо рядом со мной! И странным таким голосом, низким слишком, как для девки, — и то не взвизгнула, как обычно бабы визжат, а крикнула в полную силу...

— Слушай, ты, — сказал я, тяжело дыша. — Ты почто меня изводишь? Чем я тебя обидел? Прости, коли так, не со зла я...

Она глазищами, углем подведенными, так и сверкнула — палец не суй, откусит!

— А не со зла, — рявкнула, — так пропади пропадом, и руки прочь от моего Сребляна!

Да так рявкнула... я отпрянул, знак-оберег сотворил. И понял уже, а поверить не мог.

Не девка это была. Парень!

Теперь, вблизи, я видел и в толк взять не мог, как сразу не раскусил. Мне такое в голову не приходило, вот и не раскусил. Чтобы парень в бабском платье ходил, рожу себе малевал... к кнежу ластился... фу, срамота! И это что же он, решил, что мне кнежья милость нужна? Ревновать ко мне удумал? Я не знал, то ли смеяться, то ли ругаться, то ли кнежа найти и по морде ему надавать за то, что сотворил с парнем...

— Пусти, — сказал пацан плаксиво и дернул руку. Я пустил. Теперь видел ясно: он ровесником мне был, даром что щуплый и ниже меня на полторы головы. Драться с ним я не мог — пришибил бы одним ударом, не рассчитав.

— Не надо мне твоего Сребляна, — сказал я с трудом. — Близко не надо.

И все, ничего больше не смог сказать. Повернулся и пошел вон. Лицо у меня так и горело. Я все в толк взять не мог, с чего Ивка так обо мне думал. И давно ведь думал, еще с той поры, как я у Сребляна под замком сидел. Тошно мне было от этих

мыслей, так тошно, что я их гнал от себя. Наружу бы поскорее, чистого воздуха глотнуть, дурь из головы выветрить...

Вышел я на двор — и столкнулся с кнежем.

— Гляди, куда ступаешь, — сказал тот недовольно. Кажись, не в духе был. Из-за меня? Нет, с чего бы из-за меня... В другое время я б язык прикусил, но тут чересчур уж был потрясен и сердит. Шагнул к кнежу близко, ухватил его за рукав — он так и вскинул на меня расширившиеся глаза, похоже, себя не помня от удивления на мою смелость. А я глянул ему в лицо и сказал сквозь зубы:

— Дед Смелян меня дурнем назвал, а и то правда. Я уже было подумал — суров был к тебе, не так ты плох, как мне наперво показалось. А теперь не знаю, то ли просить тебя погнать меня из дружины твоей, пока я сам тебя не убил, то ли что...

— Что такое? — Среблян был не на шутку удивлен и встревожен даже. Я его таким прежде никогда не видел. Народу вокруг нас не было, и я процедил:

— Я думал, мужчине служить иду. А как мужчиной назвать того, кто мальчишек, ровно девок, в постель к себе кладет?

Как он разом с лица сошел! Будто я тайну его узнал. Хотя разве же это тайна? Я один во всем Салхан-граде, почитай, до сегодня не знал, что Ивка — пацан! И кнеж думал, видать, что знаю. И огорчился теперь на мою нежданную злость.

Я еще держал его за рукав, и он не вырвался, но вдруг взял меня другой рукой за плечо. Взял и так сжал, что у меня в глазах враз помутнело. Думал, сломает он мне кости, вот-вот захрустят. Смятения больше не было в Сребляновых глазах, только тихая злость.

— А знаешь ли ты, — сказал он чуть слышно, — что это такое, когда берешь женщину — и понимаешь, что все впустую? Что, как ни тщись, не сможешь посеять потомство в лоне ее? И что ни делай, мысль эта из головы никак неайдёт? Знаешь?

Я только хрюплю выдохнул, боясь, что не выдержу боли и закричу. Он меня пustил, отступил на шаг. Я схватился за плечо, думал, выдернул мне руку воевода.

— Не знаешь, — проговорил он медленно. — А не знаешь — так молчи.

И не то чтобы оправдали его передо мною эти слова... а только больше я про то никогда с ним не заговаривал. Да и Ивку не трогал, и сам пацан-девка, кажется, с того дня меньше на меня коситься стал.

Как пошел первый снег, Счастливу Берестовну выдали замуж.

Уж и не знаю, отчего ждали так долго. С самого лета она женихалась — то с одним, то с другим, а все больше с тем усатым молодцем, что на ухо ей шутки шутил на большом кнежем пиру. Молодца этого Тяготой звали. Силен был, что твой тур, и хоть с другими угрюм, а при ней расцветал и все баxвались удастью. Счастлива глаза опускала да рделась... люб он был ей, видать. Ну, так люди сказывали — славилась красотою своей устьевская Берестовна на весь Салхан-град, вот и болтали о ней. Сам я ее не видал — на дружинных пирах делать ей было нечего, пока не мужня жена. Одно меня радовало: сдержал слово Среблян, не дал девку за косу уволочь первому, кто позарится. Позволил выбрать самой. Летом, как только я в дружину вступил, ушел Тягота на корабле за море, с фарийцами торговать. Да, бывало и такое — не всё нероды ходили с набегами. Я узнал теперь, что за пленниками они отправлялись только раз в год, в начале лета. В прочее время возили за море салханское серебро, а из-за моря — дрова, одежду, скот и зерно. Одним наворованным сыт не будешь, а на частые набеги, видать, людей не хватало — в цене были люди на Салхан-острове, в дружину ли шли, на рудники ли в колодках...

Хорошо себе выбрала Счастлива Берестовна — кнежего воина, до поживы охочего. Вернулся он из-за моря, привез ей нитку бус гранатовых. Чего еще бабе надо? Пошла за него.

Свадьбы в Салхане были не то чтоб редкостью. Иные, как я уже сказывал, и по две, и по три жены себе брали. Только морока это была: на добной земле ведь как — чьей первенец, та и старшая, остальные — в младших ходят. А тут, когда не рожают бабы, — как рассудить? По возрасту разве, а если погодки? Погодок старались не брать, конечно, а все одно морока. Одна с другой сцепится, каждая орет на мужа: чем, мол, она тебе красиве меня, чем лучше, чем дороже? Потому брали одну жену, а с

прочими девками бегали на сеновал. А что? Нет детишек-безотцовщин, нету и срама.

Да только не для того хранил Береста наш Счастливу-красавицу, чтоб по сеновалам бока мяла.

Тягота высоко стоял в кнежьей дружине, и свадьбу гуляли, как прежде, всем миром. Нарядили Счастливу в зеленые невестины одежды, зерном посыпали, руки суженым перевязали колосьями, песни пели за здоровье и долгие лета. Смотрел я на то и дивился: у нас в Устьеве точно так же делали, только стояло за этим пожелание молодым ладного и скорого потомства. А тут не было его и быть не могло, и все о том знали — а все одно просили у Радо-матери благословить союз, будто надеялись на что...

Только стояла над свадебным пиром, над развеселым гулом черная Салхан-гора, кидала лютую тень на город. Зря надеялись.

Я в тот день крепко напился браги. Славную брагу варили Тягота, у фарийцев научился — с ног на раз валила. Песни я пел, плясал — один раз даже саму кнежевну, Среблянову дочку Ясенку, за пояс обнял, закружила. Смеялась Ясенка, глаза ее так и горели, ручонками тонкими сжимала мои отвердевшие от учения плечи — а не видел я ее. Никого не видел, кроме Счастливы Берестовны, розовощекой, глаза долу уж не опускавшей, глядевшей кругом гордо, победно — вот, мол, любуйтесь, какая! Смотрел... и хоть бы глаза мои не видали ни ее, ни Тяготу, ни все неродовское застолье.

Ох, ненавистен мне в тот вечер стал кнежий двор — сильней! Хуже, чем в тот давний день, когда сидел я на этом самом дворе на этой самой лавке в цепях. Когда стали молодых в горницу провожать — не выдержал, порешил: хватит с меня. Ушел со двора, стал над городом, на море глянул, как волны бушуют. Зимой море кругом Салхан-острова делалось вовсе злым, непроходимым, затягивало еще надежнее путы, которыми землю эту несчастную и так с ног до горла обмотало... А что — зима? Зима пройдет. Выглянет солнце, прогонит Горьбога, Радо-матерь снова ладони свои протянет — и сюда тоже... Выйдут корабли неродовские опять в море. И, как знать, может, я тоже на них пойду.

Я услышал шаги и увидел кнежа. Он тоже вышел со двора, стоял один, смотрел, казалось, туда же, куда и я. Меня он не заметил. Я хотел уйти, но потом вдруг плюнул, сдернул шапку, подошел к нему. Пьян я был, и тоска вусмерть заедала, как вспоминал про Счастливу, — так бы и не знаю, когда бы в другое время решился к Сребляну подойти. Обернулся на меня Среблян — говори, мол. Я сказал:

— Как придет лето — возьмешь меня за море? В поход возьмешь?

Он посмотрел на меня прищурясь, как делал иногда. И вот сколько уже знал я его, жил бок о бок — а все никак не мог в толк взять, что такой взгляд означает.

Я стоял, качаясь от хмеля, шапку зло в кулаках мял. Кнеж долго на меня смотрел. Потом ответил коротко:

— Поглядим.

И ушел обратно на двор, словно не хотел больше рядом со мной стоять.

Как-то добрался я до дружинной палаты — сам не помню как. Рухнул и уснул. Недолго проспал, кидало меня во сне, дурное снилось. Как вскинулся, еще темень ночная стояла, а вокруг кнезьи воины дружно похрапывали. Хмель у меня весь из головы вышел, как не бывало. Понял — не уснуть больше. Встал тихо, вышел на двор. Ночь холодная была, но ясная, поскрипывал первый снежок под ногами, звезда-Горевна ярко светила в небе, указывая на север. Что ж ты так не светила, когда я прочь от острова греб... бездушная ты, вероломная, точно все бабы...

Во дворе тихо и пусто было, только перекликался изредка дозор на стене, да сторожевые огни дрожали на башнях, ветер вязал их узлами. Прошелся я по двору. Думал уже назад идти — что бродить без толку? — ступил к двери...

Как вдруг увидел — стоит кто-то. У самой двери стоит молчаливой тенью. Кольнуло меня что-то внутри, как бывало уже прежде. Шагнул я, руку протянул...

— Май... Маюшко...

И схватила мою руку, кинулась, к груди прижалась. Я почувствовал — вся дрожит, будто лист осиновый на ветру. Так обомлел, что поднял другую руку, обнял, только бы перестала дрожать.

— Не гони меня, — прошептала Счастлива и зарылась лицом мне в сорочку.

Что ж я, изверг какой? Не прогнал, конечно. Только куда же ее? Не в дружинную ведь палату. Повел коридором, кое-как отыскал пустую горницу — светлицу для рукodelья, как понял, когда запалил лучину; кнежинна с дочкой тут в ясный день с прялками сидели, а сейчас стояли прялки ровно в уголке, скамьи пустовали, никого не было.

Посадил я на скамью Счастливу Берестовну — а она так и рухнула, словно ноги у ней враз подкосились. Она куталась в плащ, сшитый из соболей, — тоже богатая мужнина добыча, свадебный подарок. Только отчего не с ним сейчас, не благодарит по-своему, по-бабы, за гостинцы? Почему пришла, и дрожит, и слова не выдавит?

Надо было сказать ей что, а только голова у меня враз опустила. Сел с ней рядом и молчал, ждал, может, сама чего скажет.

Вздохнула Счастлива прерывисто — и голову мне на плечо склонила.

Мог ли мечтать о том Май-Маята, заглядываясь в Устьеве издали на старостину избу? А только нету Мая. Сгинул.

— Почто не с мужем? — спросил наконец. Знал, что обижу вопросом, а спросил. Вот злость какая во мне сидела: хотел ей больно сделать хоть раз, отплатить за все ночи, что простоял, в окошко ее запертое глядя, надеясь хоть разок лицо ее в нем увидеть.

Вздрогнула она, как я и ждал. Но не отстранилась от меня, только теснее прижалась. Прошептала:

— Не муж он мне.

Озлился я тут. Вероломная баба!

— А если не муж, зачем за него пошла? — спросил резко.

Другая на ее месте уже в рев бы давно пустилась. Но не такова была дочка нашего Бересты. Не зря отец ее на медведя ходил — эта девка и медведя одним взглядом могла в страх и бегство обернуть. Медведя могла — а Тяготу, видать, не осилила.

— Дура была, — сказал, гордо голову вскинув. — Ну, дура! Это ты от меня услышать хотел?

А и хотел... да только теперь, как услыхал, не знал, куда глаза девать. А она больше взгляда не отводила. Смотрела на

меня невыносимыми своими очами, и так блестели они в свете луцины, что никакого солнца не надо.

— Прельстилась речами его, подарками... силой его тоже, — сказала Берестовна и горько усмехнулась, будто бы над собой. — Думала, что ж? Батька не смог защитить, позволил забрать в полон — так хоть мужа сильного получу, не батьке чета — при таком кто меня обидит? А что сам он обидит,proto не думала... Он до того, как за море ушел, не трогал меня. Хотел, но я сказала: попробуй только — со скалы кинусь. А хочешь меня — так в жены бери. Обещался взять... а пока его не было, я тут к другим приглядывалась, все думала — Тягота Тяготой, а может, кто и получше найдется... Он вернулся, все спрашивал, на кого я глядела. Я и сказала. Думала, взревнует — его же любовь окрепнет. — Она смолкла, отвернулась от меня. Я молча ждал, что дальше скажет, хотя вроде уже и сам догадался. — Пока в девках была, он не касался меня, как обещал. Не мне... он господину Сребляну обещал. Сказал мнеproto сегодня, как нас в горницу проводили. А теперь, говорит, моя ты вся, с потрохами, как если бы собственной рукой тебя из дома батькиного за косу уволок. Случись, говорит, мне быть в вашем Устьеве — не стала бы ты мне лясы точить да грозить со скалы кинуться... короток был бы разговор. А теперь, говорит, раз вертела мною и за спиной у меня шашни крутила — знай, чья жена.

И замолчала, оборвался голос. Захотелось мне обнять ее, по волосам распущенными погладить — а только не знал, примет ли, не оттолкнет ли. Лицо у нее совсем спокойное было, и глаза сухие. Если б ревела — обнял бы, а так...

— Что, — спросил я с трудом — губы не слушались, — груб он с тобой был?

Вместо ответа она повернулась ко мне — и распахнула соролинный свой плащ.

На ней была только ночная сорочка, вся разорванная — и в темных пятнах. Я сперва подумал, это ее первая замужняя кровь, и залился краской — а потом присмотрелся, приметил, что не там она, где положено. Не на подоле — на вороте, на груди... Пригляделся... а у нее вся грудь в ранках. Мелкие ранки в сизых ободках синяков. У меня язык так к небу и присох.

— Ножом меня колол, — спокойно сказала Счастлива. — Говорит: детей тебе все одно не рожать, нечего тебя беречь... Май, почему он так сказал? Почему мне детей от него не рожать? Чем я ему плоха?

Я сперва поверить не мог, что она не знает. Потом подумал — а и верно, откуда ей знать? Умыкнули и умыкнули девку, за что, про что — ее ли дело? А что не так просто тут все — не женского ума забота...

И надо же, что именно мне выпало ей правду сказать. Эх, мало было печали — еще и эта...

Что делать — рассказал, как сумел: и про то, что от Сребляна узнал, и про то, как с острова уплыть пытался, да не смог.

Молча выслушала меня Счастлива. Только глаза ее невыносимые, жгучие, все шире раскрывались, пока я говорил. Под конец она меня за руку взяла — я того и не заметил, пока не закончил. Долго мы так сидели молча, в полутьме, за руки держась. Тогда она спросила тихонько:

— Что ж мы теперь... навсегда тут?

Я смолчал. Не знал, что ответить, а врать не хотел — да и не люблю я врать.

Сколько так сидели, не знаю. Потом она вдруг улыбнулась краешком губ, лукаво так.

— А что, Май, — спросила тихо, — я же тебе всегда по нраву была?

И зачем спросила?!

Стряхнул я ее руку. Вероломная баба... Пришла заступничества просить — то еще понятно. Хотя и не кнеж я, чтоб ее от законного мужа защищать. А попросила бы — сделал бы все, что мог. Просто так сделал бы — устьевские ведь мы оба, бок о бок росли, вдвоем оказались во вражьем плену. Что бы я не сделал для нее? Но для бабы разницы нет. Она Тяготе своему тело готова была отдать за подарки — так и мне то же самое теперь предлагала за защиту. Я откажу — к кому другому пойдет, ей не все ли равно!

Думал я все это и сказать хотел, так слова в груди и клокотали, — а рта раскрыть не мог. Потому как знал, раскрою — кричать начну. Услышат, сбегутся... увидят ее, схватят и к мужу отведут. Потому что пока суд да дело, а жена при муже быть должна.

— Иди к деду Смеяну, — сказал я и сам чуть не обмерз от холода, каким от слов моих повеяло. Счастлива это тоже почучяла — с лица сошла, перестала улыбаться. — Он тебя спрячет, приютит, пока я с кнежем о тебе поговорю. И носа за ворота не суй. Не то попадешься мужу — тогда уже не спасу.

Она встала, и глаза у нее были такие громадные — всей Салхан-горе проклятой в них ухнуть и пропасть без следа! Потянула руку:

— Маюшко...

— Нет больше Мая, — сказал я. — Лютом меня зовут. Или не слыхала? Все, иди, пока не светает.

И набросил ей плащ на плечи, чтоб сорочку прикрыла. Она вздрогнула — может, я раны ее ненароком задел? Все сжалось во мне, но стиснул я зубы, велел сердцу умолкнуть. Довел ее до ворот Смеянова дома. Она обернулась напоследок, сказать что-то хотела, но я уже прочь шагал. Несть сил мне было смотреть на Счастливу Берестовну, как прежде, так и теперь, и никакое время того не излечит.

Не помню, как обратно шел. Голову мне снова мороком затянуло, как полгода назад, когда увидел мамку мою порубленную на пороге нашей избы. Вот так и теперь — стояла перед взглядом Счастлива с исколотым белым телом, с темными пятнами на свадебной сорочке. Как представил себе Тяготу с ножом в кулаке — земля из-под ног поплыла. Думал сперва — прямо сейчас кинусь, найду его, глотку голыми руками порву.

Не успел.

Как додел до двора, светало уже. У входа в палаты стоял Хрум. Я его видел временами в эти полгода, но словом ни разу не перемолвился с тех пор, как он в тюрьме моей меня проведывал.

— А, вот ты, — сказал он и окинул меня взглядом. — Пойдем, господин наш Среблян тебя требует к себе.

Что делать — пошел.

Воевода то ли уже встал, то ли совсем не ложился. Сидел он в большой палате, где суд судил и советы держал. И народу в той палате было невидимо, даром что рань такая стояла. Все шептались, а меня завидели — перестали. Толкнул меня Хрум

в спину — ну, ровно снова я оказался на неродовском корабле! Только теперь уж время прошло, кое-что оно переменило. Развернулся я к нему круто, схватился за бок — а меча-то и нет! Не взял, когда Счастливу повел к деду Смеяну... а зря...

— Все-то ты прыток и скор на расправу, — раздался надо мною голос Сребляна — ровный, негромкий, как и всегда. — Сможешь потерпеть еще чуток, или велеть связать тебя, пока дожидаешься?

Славно же он мне напомнил, кто я таков да где нахожусь! А и впрямь ведь — неровен час стал забывать... Спасибо, кнеж, вовремя одернул. Повернулся я к нему, поклон глубокий отвесил: гляди, мол, покоряюсь. Выпрямился и в глаза ему посмотрел. Кнеж улыбнулся краем рта. Все стояли молча, как будто ждали чего-то. Хрум отошел и оставил меня одного посреди горницы, под недобрными взглядами. За что судить станут?

Прошло еще какое-то время, не знаю, долгое ли — я не считал. Потом дверь распахнулась, и кнежьи воины втащили Счастливу.

Я глянул на нее и понял сразу: дралась она с ними! Как я в первые дни — насмерть дралась! А только силенок у ней было еще меньше, чем тогда у меня. Плащ соболиный потеряла где-то, сорочка ее окровавленная мешком на ней болтала. Втащили ее, к кнежим ногам на пол бросили. Я рванулся — а и меня схватили, вывернули руки за спину.

— Ты, — спросил кнеж спокойно, — у Тяготы нынче nocto жену увел?

И тут заприметил я Тяготу! Стоял он прежде в тени за воеводинным креслом, молча стоял, ускусал. Теперь вышел. Глянул на Счастливу один раз. Потом на меня. И такую тьму, такой морок я в глазах его увидал — холодом меня обдало. Некстати вспомнились Смеяновы слова: видал Янь-Горыню однажды, больше не хочется... Вот и мне не хотелось долго в глаза Тяготы глядеть, словно из них на меня в упор смотрела сама Янь-Горыня. Смеян... эх, Смеян, почто девку не сберег? А хотя с чего я взял, что сбережет, не выдаст? Кто она ему? А кто ему я?

— Не уводил я. — Голос мой твердым был, потому что я знал, что не вру, а что еще для веры в себя надо? — Она сама ушла от него. И пришла ко мне. Я гнать не стал.

— Еще бы ты стал гнать такую девку, — сказал Тягота хрипло. На скулах его желваки гуляли. Я посмотрел на него спокойно, даром что жутко мне было в глаза его заглядывать.

— Не гнал, потому что землячка она мне. Нас с ней вместе ты, кнеж, полонил минувшим летом. Да и не любо мне, когда мужик слабую бабу ножом штыряет, жена она ему или не жена.

Среблян голову к Тяготе повернул — и я понял, что в первый раз он шелохнулся с тех пор, как я вошел.

— Почему жена от тебя ушла? — спросил. — Знаешь?

Тот растерялся, словно не ждал такого вопроса. Гляди-ка, с жалобой побежал — постель супружья остыть еще не успела, а теперь теряется, ровно дитя малое. И знал ведь, на кого жаловаться... Меня словно огнем ожгио — да уж не поминала ли ему Счастлива прежде мое имя? И как поминала, раз он теперь первым делом на меня подумал?..

— Ты его не спрашивай, кнеж! — крикнул я, хотя меня и дернули те, кто держал за руки. — Ты на нее погляди! Чай глаза не слепые, сам поймешь.

Кнеж не смотрел на Счастливу. Он на меня смотрел. А Берестовна стояла перед ним на коленях молча, спину распрымив, не ныла, будто ранами своими гордилась, даром что подол так задрался — белы ноги каждому видать. Бесстыжая девка...

— Коли так, — сказал коротко кнеж, — назначаю вам суд через меч. А мечи пусть вам судьба сама даст, какие выпадут.

Пустили меня наконец. Я плечами тряхнул, шагнул вперед. Тягота тоже вышел. Выдвинули нам корзину, в которой клинками вниз стояло десятка два мечей. Я не глядя вынул один — мне все равно было, с каким драться. Тягота выбирал дольше, по рукояти старался определить, какой подойдет. Потом тоже вытянул. Меч у него вышел немного длинней моего и потяжелее, но и сам Тягота был тяжелей меня на пару пудов. Все расступились, несколько воинов встали по сторонам, определяя границы поединка. Ступи кто из нас за такую границу — враз голову снесут. Счастлива повернулась к нам — простоволосая, глаза сверкают, лицо горит... не стал я на нее смотреть. К чему мне, чтоб сердце чаще стучало? Ни к чему.

Среблян подал знак. Сошлись.

Хорош был Тягота — я потом узнал, кнеж его тоже сам учил, как меня. А то ли Тягота плохо учился, то ли Среблян ему меньше сил уделял, а неповоротлив был Счастливин супружник, медлителен, будто боров. Куда ему до Могуты! А Могуту я еще летом уложил, ничего толком тогда не умеючи...

Словом, поверил я в скорую и легкую победу — и поплачился за то.

Сперва он один раз меня достал, несильно — едва полоснул клинком по плечу. Кожу пропорол, и только; я едва поморщился и тут же об этой ране забыл. А зря. Скоро почувствовал, как немеет рука. Еще немного — и перекинул меч в левую, правая так и обвисла. Гул прошелся по горнице, только я его едва услыхал. Сосредоточился, стал думать, куда ударить да какступить, — и это едва не сгубило меня. Не думать надо было, себя слушать: когда внутри скнет, когда кольнет, — а я не стал... я, если правду сказать, испугался тогда. Видел теперь, что Тягота старше меня на десяток лет, и весь этот десяток лет он в набеги ходил и с врагами рубился. А у меня это был только второй взаправдашний поединок. И когда бился я в первый раз, не горели за вражьей спиной жгучие очи Счастливы Берестовны... А к тому же тогда я думал — дерусь за волю. Не холодила мне тогда еще сердца Салхан-гора.

Когда Тягота дотянулся до меня во второй раз, я думал — все, конец мне. Глубоко он рубанул по боку, так что кровь струей ударила. Все тут же вскочили, я увидел краем глаза — кнеж рукой подлокотник кресла стиснул. А может, померещилось... Тут я понял, что совсем близко подошел к границе поединка, еще шаг — и заступлю. Изловчился, вернулся на середину палаты. Тягота, похоже, такого от меня не ждал, напал с новой силой...

И тут подумалось мне про мамку. Не знаю, чего вдруг — а подумалось. Может, оттого, что смерть слишком близко ко мне подошла, и смог я соприкоснуться с Той Стороной, а мамка почуяла это и пришла выглянуть на сыночка, дотронуться... И мнилось мне, я слышу голос ее: «Так-то, Маюшко... Так тебе за то, что и года не прошло — а покорился. Хлеб с вражиной лютым надломил, надежду потерял... смирился. А говорил: нет, не смирюсь. Почто обманывал, милый?»

Нет! Не обманывал, мать. И крепко слово мое: умру, но на добной земле!

А дальше не помню, что было.

Пелена с глаз моих спала, только когда я услышал, как все кричат. Подумал — ай, славно провожают лютого Лята на Ту Сторону, не ожидал... А после понял — живой. Живой я и в крови весь, с ног до головы. И как-то не мило, не радостно мне в тот раз было чувствовать ее на себе. Сам не знаю отчего.

У моих ног лежал мертвый Тягота. Клинок мой, в крови от острия до рукояти, глядел в пол кнечьей судной палаты.

Разжал я руку и бросил меч.

Кнеч встал и шагнул вперед. Ко мне подбежали, но я чужие руки оттолкнул. Будет меня хватать! Смотрел, как Среблян поднимает с пола Счастливу — глаза, Горьбога бы по мою душу, глаза ее невыносимые, почто ж сердце мне и теперь рвете?! — как берет ее за руку и ведет ко мне. Подвел, остановился. Толкнул, и она так и села у моих ног, рядом с Тяготиным телом.

— Держи, — сказал кнеч. — Твоя теперь.

На том и кончился суд.

Дальше тоже плохо помню. Сперва я сам шел, потом меня понесли. Положили в горницу, где только одна кровать стояла, — я решил, что опять меня в темницу заперли, но потом увидел, что нет решетки частой на окне, и успокоился. Счастлива со мною рядом была. Я все понять не мог, зачем, для чего. Отплатить хотела? Так не для того я вступался за нее...

— Май, Маюшко, — шептала, гладя меня белыми ладонями по лицу, по волосам, — ты прости, прости меня, глупую, навек тебя любить стану, только не умрай.

Кого звала? Нет больше Мая. Зарубил его Тягота, а сам от Лютова меча полег. Май отмаялся, но за Лютом лютая смерть пока еще не пришла...

Счастлива целовала меня. Помню, слезы ее мне на грудь так и лились, и я злился: чего теперь-то ревешь, дура? Как нероды за волосы волокли, как муж-изувер ножом колол, как

перед всем народом полуголой стояла на кнежем суде — не ревела...

— А помнишь, — сказал я Счастливе, — помнишь, прошлой осенью, когда ты у нас в Устьеве женихалась, тебе на порог чернобурую лису положили? Со шкуркой непопорченной, со стрелой в глазу. Помнишь?

Сказал — и тут же пожалел. И кто за язык тянул?! Никогда не бахвалился, а тут вот...

Она так и ахнула:

— Ты?!

Эх, что было теперь отпираться, назад глупую похвальбу брать. Буркнул только:

— Ну...

Она почему-то опять заплакала, смеясь сквозь плач, лбом к моему лбу прижалась:

— А я думала, это Ладко Соснович, его благодарила...

Так-то.

Ну, что сказывать — не помер я в тот раз. Долго оклемывался, снег уж глубоко лежал, когда я бредить перестал и в себя пришел. И тогда только понял, как услужил мне кнеж. Отдал мне Счастливу Берестовну — совсем отдал. Недолго она во вдовах ходила — на Салхан-острове бабе вдовствовать не дадут. Да и велика ли невидаль — одовдоветь: зима здесь суровая, люди умирают, как везде... Тягота умер, я — нет. Как выпал глубокий снег, стала моей Счастливы Берестовна. Я до самого утра в ту ночь думал — мне теперь впору снова имя сменить, самому Счастливом прозваться. Так и заснул, радуясь, как дурак. Утром только одумался, понял...

И без того был я накрепко привязан к проклятому Салхан-острову. Теперь же узы эти вдвое крепче стали. Вот возьмет меня кнеж летом в поход, доберусь до доброй земли, ступлю на нее... а смогу ли остаться, смерть принять, прежде такую желанную? Нет, не смогу. Потому как умру я — что со Счастливой станет? К кому в дом войдет, как с ней там обойдется? Как она будет здесь без меня...

Ну, кнеж, благодарствую. Услужил, хитрец проклятый. Успокоишься наконец: теперь не сбегу. Оковы — что оковы! Их сбросить можно.

А это — как сбросишь?

Бывает, время тянется что добрая тетива — хоть на кулак мотай. А бывает, обернуться не успеешь — куда подевались недели, месяцы? Как стала Счастлива моей, о времени я забыл. Раны мои скоро затянулись, уже и не вспоминалось о них. В ту зиму мне шестнадцать исполнилось. Было бы дело дома, в Устьеве, — раздели б меня мужики наши донага, зарыли бы в землю по пояс, палками отколошматили. Потом пустили бы в лес на три дня, бродить-голодать. Потом бы поставили у старостиного порога и заставили б стоять целый день, каждому мимо прошедшему в ноги кланяться. А после назвали бы взрослым мужчиной, пригласили бы на пир, позволили бы сесть рядом с собой. Ну, я так думаю, было бы, — случалось такое со всеми в Устьеве, едва миновал им шестнадцатый год. А со мной, может, и по-другому бы поступили — не любили ведь там меня...

Ну да что судить? Иначе вышло.

Никем не замеченной прошла моя шестнадцатая весна, потому как уже я был в Салхан-граде кнежим дружинником и жену молодую успел в дом привесть. Отдали нам домишко малый, прибившийся к скале, — и как ни был он мал, а в Устьеве я и мечтать о таком не мог. Только теперь от богатства этого мало было мне радости. Счастлива, как за меня пошла, изменилась — не узнать: тихой стала, кроткой, на чужих мужиков глядеть перестала, говорила со мной всегда учтиво и ласково. Я дивился на нее: как подменили девку! И как мог старался, чтобы не жалела она о выборе своем, не горевала о Тяготе. Если и горевала — не замечал я того.

Как время прошло — не знаю. А только зима кончилась, за нею весна пролетела, как ласточка — не ухватить. Утихомирилось море кругом Салхан-острова, присмирело, ровно как моя Счастлива. Пришел день, и спустили нероды на воду крутобокие свои корабли. Пора было в поход выступать.

Выступили, да без меня. Не взял меня кнеж.

Я за весну у него трижды просился. Он смотрел на меня взглядом долгим, подбородок свой гладил задумчиво. И всякий раз отвечал: «Поглядим». Бился я к тому времени уже

почти совсем хорошо — хотя, правду сказать, оцарапать его так и не смог. А видел, что он доволен мной — и не похоже, будто скорбел о воине своем славном, о Тяготе. И то верно, что это за славный воин, если я его одолел? Одобрял, хвалил меня Среблян...

А только в море не взял.

Пять недель они ходили. И я все пять недель ходил — волком лютым по берегу, только что на луну не выл. Счастлива сперва меня отвлечь пыталаась, но я на нее зыркнул пару раз — перестала, умолкла. И как же тянуло меня за море, слов несть... Одним глазком хоть выглянуть на добрую землю, на родной край, где люди живые, честные, по твердой земле ходят, где не висит в небе вечная тень Салхан-горы... Думал — умом тронусь. Еще и от безделья томился страшно; кнеж меня к тому времени в свою личную охрану определил — а как уехал он, я без работы опять остался. В соседях у нас женщина одна была, овдовела недавно, нового мужа не выбрала еще, так я чего только ей не переделал! Только что избу не перестроил от основания. Счастлива сердилась, лучше б, говорила, в собственном доме что подлатал, вон и крыша течет... Мамка еще меня за то браница, что вечно занимался незнамо чем, а на родной дом нельзя было заставить работать.

Да только, руку на сердце положа, — разве ж родной тут был дом?

Через пять недель показались на горизонте черные неродовские корабли. И словно заново я стоял на Устьевом холмѣ и видел их вдалеке — призрак страшной тени Салхана, что к чужому берегу руку тянет... Год назад ринулся я бегом к берегу — а теперь повернулся и прочь пошел. Люд неродовский уже на пристань бежал, кричали все, суетились, толклись. А я не мог смотреть, как станут невольников новых на берег выгружать. Крепка моя память была... ох и крепка.

Пришел домой — вижу, Счастлива торопится куда-то от ворот. Надо же, думаю, какая, мужа пошла встречать... А она завидела меня и крикнула: «Май!» Она когда Маэм меня звала, когда Лютом — я уж махнул на нее рукой, пусть зовет как хочет. Подошел ближе. Смотрю — она платком плечи обернула, будто на праздник какой.

— Ты куда, — спрашиваю, — собралась?

— Да как же! — сказала моя Счастлива, а очи ее так и горят огнем, ох, знаю я этот огонь! — Как же, ты разве не слышал? Господин наш Среблян домой идет! И с поживой богатой. Пойдем на берег, Май, поглядим, может, ребеночка себе возьмем...

И тут... не помню, что было. Будто захлестнуло меня снова черной волной. А очнулся — глядь, Счастлива сидит на земле и ревет в три ручья. И уж как редко она ревела — а тут пошла, не унять... На скуле у нее синячище расплывался, багровел уже.

Я сжимал кулак, и он ходуном у меня ходил, словно дергал кто меня за локоть.

— Май... ох, Май, не надо, не бей меня...

— Пожива? — прохрипел я, разом придя в себя и разозлившись, кажется, еще больше — хотя уж и не ведал, что можно сильнее злиться. — Поживу, говоришь, кнеж тебе привез? А помнишь ты, что сама год назад была такой вот поживой? Как смотрела на неродов, что на берегу сгрудились, за зад тебя хватали, — помнишь? Ребеночка ей!

— Но как же иначе... — всхлипнула Счастлива, прижав ладонь к лицу — щека у нее уже начала опухать. — Как же по-другому... хоть так...

Вот тут я пожалел про все. Вправду — пожалел, что не кинулся со скалы, что жилы себе не сгрыв в сырому трюме. Все, пропала моя Счастлива. Стала неродом. Так вот оно, значит, бывает. Ну что теперь, повернуться спиной к ней, прочь пойти? Так любил же я ее... вот хоть тресни, любил, себе на беду.

Присел перед ней, руку ее от лица отнял. Она вздрогнула, отшатнулась. Ох и успел же на нее страху нагнать Тягота... на гордую мою Счастливу... Или то не Тягота, то я, Лют?

— Не бойся, — пробормотал, бережно тронув синяк пальцами. — И не реви... что уж, пойдем.

На берегу уже выгружались. Еще не дойдя, я понял, что поспешила с радостью Счастлива: пожива в тот раз выдалась небогатой. Лишь в двух лодках везли пленников, баб и детей, совсем не было мужиков. И тут я заметил, что двух кораблей не хватает — ушло шесть, воротилось четыре. Оказалось — в лихую бурю

попали по дороге нероды, едва уцелели, два судна потеряли, а на них как раз пленников везли. Мрачен был Среблян, сойдя на берег. Ясно было: снова в поход идти, новые корабли добывать, новых людей... Я ему поклонился. Он посмотрел на меня, будто не видя. Я вдруг увидел, что сам он уже немолод, не больно-то и рад в походы ходить. А и не ходил бы, кто ж ему велит... нет, не пожалел я его. Что заслужил, то имеет.

Вдруг услышал я звук странный, почти забытый — собачий лай! На Салхане собаки водились, да только мало их было, не то что на доброй земле, — часто дохли они, как и любая живая тварь, что попадала на Салхан. Оглянулся — и впрямь псы. Десяток щенят вывалился из лодки и вертелся на бережку, а местная детьвора, в числе которых и кое-кто из наших устьевцев, визжала от восторга, копошась рядом. Там я увидел и мою Счастливу... встала на колени перед щенком, на руки взяла, он лицо ей принял лизать. Она голову подняла, умоляюще на меня посмотрела. Я рукой махнул — а что там, бери! Щеня — оно и есть щеня...

Только тут я увидел детей, что сгрудились у другой лодки. Кнэжьи воины ходили меж них, пересчитывали, одну девчонку к бабам кинули — та кричала и из рук рвалась, да что она против них... Глядел я — и ног под собой не чуял. Да как я могу смотреть на это? Как могу? Спрашивал себя — и ответа не знал, а все одно стоял на месте и смотрел.

Отчего-то, когда домой шли, не мог я глядеть на Счастливу. Та щенка к груди прижимала, гладила его, болтала ласково, ровно с дитем. Я подумал, что никогда ей так свое дитя к груди не прижать, — и едва не завыл в голос. Щенок нос ей лизнул, она засмеялась. Посмотрела на меня радостно, благодарно, будто я сам ей этого щенка принес и подарил.

А я глядел и думал: нет, взвою, Горьбога бы по мою душу, точно взвою сейчас!

Слов нет, как рад был, когда кнэж меня потребовал в свои палаты, в дружины назад, караул при нем держать.

Едва сойдя на берег и кончив обниматься с женой и дочкой, кнэж скликнул совет.

На совет тот явилась вся его дружина. Спрашивал он, правда, только командиров своих, остальные стояли вдоль стен,

помалкивали, кнезьи слова на ус мотали. Озабочен был Среблян, по лицу его тучи ходили, в глазах молнии посверкивали. Сошлись на одном: в поход идти надо, причем скоро. На судах, что море себе в дань забрало, зерно везли — неровен час будет Салхан-град голодать. Полей, что меж городом и скалами лежат, все одно не хватит, чтобы и город, и рудники прокормить. Беда была в том, что и уцелевшие корабли сильно потрепало в буре,чинить их было надобно, на то требовалось много дерева, а где его взять? Порешили один корабль починить, на нем пойти к Даланайским берегам, напасть там на поселение, привезть все, что надобно... Слушал и хмурился кнезь. Я стоял близ его кресла, где мне теперь по уставу было место отведено, и больше на него смотрел, чем слушал, что люди его говорят. Не любо ему было то, что они говорили. Видел я, что не хочет он снова этим летом ходить в набег — не хочет, а надо. Любопытно, один ли я это заприметил или нет? До того Сребляна все это встревожило, что не усидел он на месте, встал и стал прохаживаться по горнице, пока люди его наперебой говорили, сильными пальцами рассеянно волосы назад убирал. И чудилось мне, будто мыслью он далеко...

Может, оттого и случилось то, что дальше было. Среблян, как я сказывал, был среди неродов лучшим воином, а как быстр он и как трудно его врасплох застать — то я по собственному опыту знал. Никто не мог обернуться на опасность быстрей него. Никто и не обернулся.

Я тоже не обернулся, куда мне в скорости со Сребляном тягаться? А только вдруг что-то екнуло во мне. Что-то кольнуло внутри, как было, когда с Могутой дрался. И как кольнуло — я выхватил меч. Сам не ведаю, для чего, — а вот почуял лихо, еще никем не замеченное, и выхватил.

Среблян, меряя горницу шагами, как раз до дверей дошел и спиной к ним повернулся. И в тот же миг в проходе появился человек. Я успел заметить только, что он лыс и ободран, увидел блеснувшее на свету лезвие — то ли нож, то ли копье... Возник он у Сребляна прямо за спиной. Бросился молча — никто ни крикнуть не успел, ни оружие выхватить. Да только я-то меч в руке уже держал. И бросил его вперед, метя клинком человеку в грудь.

Потом-то я понял, как это со стороны смотрелось. Ходит себе кнеч по палате, а тут один из его людей обнажает меч и прямо в кнежа кидает. Немудрено, что на меня тут же кинулись. Гвалт поднялся — страшное дело. Я думал, сразу зарубят — а ведь даже не знал, достиг ли мой клинок цели, да и в самом деле не попал ли я ненароком в Сребляна... И тут только до меня дошло, что я сотворил.

— Отпустите его! Да пустите же! — Голос воеводы отдался громом, все так и смолкли, будто онемев разом. Пустили меня. Я вырвался, тяжко дыша, глянул вперед.

Среблян, живой и невредимый, стоял у двери и смотрел вниз. У ног его лежал, корчась и загребая руками воздух, тот самый мужик, которого я заприметил в дверях. Меч мой торчал у него в груди, насквозь ее пробив, — я аж удивился, и где у меня сила взялась так метнуть? Мужик хрюпел, кровавые пузыри губами пускал, взглядом затуманенным, будто у бешеного пса, глядел на Сребляна и все силился сказать что-то, да только сипел. Вид у него был жуткий, глаза запавшие, щеки ввалились так, что кости черепа проступали, и пахло от него, будто он последние лет десять просидел в яме, — землей и нечистотой. И вдруг увидел я широкие вмятины, темнеющие у него на запястьях. Следы от оков...

То каторжник был. Один из тех мужиков, кого нероды отправляли на рудник в гору Салхан, кровавое серебро копать.

И тут пронесся над горницей вой, страшней которого я в жизни не слыхал. У меня аж волосы дыбом встали — так собака воет, которой злые дети хвост отрубили. Услышишь его — и сердце в миг на куски порвется, столько горя и муки нечеловеческой в этом вое.

Из угла метнулся не кто-нибудь — Ивка. Как есть, в бабьей своей одеже — да иначе я его и не видел никогда. И откуда он взялся там, как проник, зачем в тени прятался, что вынюхивал? То мне поныне неведомо, а тогда я о том и вовсе не подумал. Кинулся он к каторжанину, что последние мгновения свои доживал, рухнул перед ним на колени. Никого, казалось, вокруг не видел — ни дружиныхников, ни Сребляна, что в двух шагах стоял и смотрел на него.

— Батька! — закричал Ивка таким голосом, будто сам собирался упасть замертво. — Батька!

Каторжанин повел налившимися кровью глазами, лицо его измученное озарилось удивлением. В толк, верно, не мог взять, что это за девка над ним воет, за руку хватает, батькой зовет? А потом так и застыл, даже судорога его бить перестала. Поднял руку неверную, Ивке на щеку положил, провел, будто ощупью надеялся вызнать то, в чем глаза отказали. Ивка ревел, черные от сажи слезы катились по нарумяненным щекам и капали его отцу на разрубленную грудь.

— Батька...

— Отрадко... сынок... — прошептал каторжанин и провел ладонью по его лицу, размазывая свою кровь и его румяна. — Что ж они с тобой сделали, изверги?

И так удивленно он это сказал, не зло, не презрительно совсем. Я б на его месте из последних сил бранью такого-то сына покрыл, с проклятием отцовским на Ту Сторону отошел. А он только молвил снова: «Что ж ты, сынок...» И умер.

Ивка рыдал, обхватив отца поперек груди, перемазанный весь в отцовской крови, в голос рыдал. И те, кто стоял кругом него, молчали, словно земли в рот набрав, сырой, холодной земли.

Я подумал — не подойти ли, не забрать ли мой меч Прожор, до крови охочий. Почему бы и не забрать? Глядел на Ивку и думал об этом: хорошо ли то будет, достойно ли, если подойду, оттолкну пацана, упрусь ногой в тело его отца, да и выдерну свой клинок. И что почувствую, когда так сделаю? Пойму ли, что вот наконец стал неродом, как всегда боялся? Ох, руки мои дурные, проклятые, что ж вы вечно вперед лезете, делаете прежде, чем голова думает?! А и поделом бы в оковы вас, не творили бы этакого зла! Подумать ведь сил несть, что пережил человек этот, Ивкин отец, чтобы досель дойти. Как сrudников бежал, как в город проник, в кнежий двор прокрался, миновав стражу... Сколько людей на пути своем убил, чтоб добраться до воеводы, своими руками забить нелюдя, который жизнь ему поломал, сына его отнял... а даже не знал ведь, что хуже, чем отнял, — облика человеческого лишил. И коли верно Горьбог дает каждому по заслуге — достоин был господин наш Среблян такой смерти от злого удара в спину. Достоин! И лежал бы сейчас на этом полу вместо Ивкиного отца, кабы не я. Так должно

было быть, да кто-то за руку дернул меня, проклятого, — не иначе Янь-Горыня, чтоб пусто было ей...

Под нестихающий Ивкин вой кнеж обернулся и поглядел мне в лицо.

Не ведаю, долго ли смотрел — мне мнилось, что целый год. Потом сказал:

— Мертвяка вон. Прибрать тут.

И ушел, не стал продолжать совет, ни на кого больше не посмотрел.

Наутро нашли Ивку в его собственной горнице за запертymi дверьми. Повесился Ивка.

Счастлива, как узнала об этом, горько плакала. Часто что-то стала плакать моя зазноба, как за меня пошла... Оказалось, она тайком от меня с Ивкой дружбу водила. Уж не знаю, в чем была та дружба — платьями они, что ли, менялись? — да мне и недосуг было вызнавать. Я не сказал ей, как все вышло, но она и без меня узнала — люди болтать принялись, язык им узлом не завяжешь. Думал — озлится Счастлива. А не озлилась вроде, наоборот. Гладила мои волосы, и целовала меня, и ни словечка не говорила. Не знаю, что думала — я боялся спросить.

Тело Ивкиного отца сбросили со скалы — каторжанин и убийца, как ни суди. А Ивку хоронили с честью, не так, как жить силовали. Как мужчину хоронили. Смыли с него краску и кровь батькину, от которой он так и не успел отереться, одели в мужскую одежду, меч меж сомкнутых рук поклали — хотя уверен я, никогда он меча не держал. Так я понял, что было уже Ивке шестнадцать лет — с железом только взрослых хоронят. После сколотили плот, сложили костер, положили Ивку на него. Подожгли — и пустили на волны. Как знать, теперь, может, отпустит Янь-Горыня своего пленника — отмучился... Я глядел на пламя это, полыхавшее над темной водой заревом, будто в ночи солнце взошло, и думал — что ж за человеком он был? Сколько лет так вот жил, и ничего, вроде не жаловался. А как предстал перед отцом умирающим, как открыл ему весь свой позор — не выдержал, не смог жить? А может, он все надеялся, что вот вырвется с каторги батька,

вернется за ним, спасет — а теперь не стало этой надежды? Как узнать, кто скажет теперь? И не было б ничего ведь, если б не я. Может, думалось мне, удержи я тогда руку свою, подумай прежде — был бы мертв теперь Среблян, а Ивка с отцом его живы. Может, так и снимается проклятие — с кнежьей гибелью от руки им замученных? А я мог снять, да не снял... Только ведь дед Смеян говорил, Среблян тоже убил Бушуя — а не изменилось ничего.

Ох, голова моя, голова, что ж ты думать горазда, когда поздно думать...

— Май, — говорила Счастлива, гладя мои волосы, заглядывая мне в глаза, — Маюшко, что с тобой? Сам не свой ходишь... на меня не смотришь... есть перестал... Что случилось, скажи?

А как сказать?

Не знаю, что бы я делать стал — все в мыслях у меня совсем перемешалось, — а только Среблян прислал своего человека, позвал меня к себе. Я встал и пошел. Думай — не думай, а не сдержал я слова, матери данного, прижился на острове, стал-таки рубить за кнежа его врагов. Сделанного не воротишь.

Среблян меня встретил один на один. Долго на меня смотрел, молчал. Не умел я взгляды его разгадывать, так и не научился.

— Что за службу хочешь? — спросил наконец воевода.

И тут во мне будто проснулось что-то — или ожило. В черной темени, что со всех сторон меня застила, словно луч света мелькнул.

И сказал я твердо, четко и громко:

— Возьми в поход!

Скривился кнеж, словно в рот кислое взял. А какого ответа он ждал от меня? Думал, затаща да девок попрошу? На что оно мне!

— В поход, — повторил Среблян — будто выплюнул. — И что же ты — станешь мужиков невинных резать? Баб неволить? Сопляков таких, как ты сам, вязать да в лодку волочь? Станешь?

— Стану! — ответил я яростно, а сам в лицо ему смотреть не мог, глаза отводил.

Долго молчал кнеж. Я уж не знал, куда мне деваться, что еще ему сказать, чтоб послушал.

— А ведь и вправду станешь, — сказал воевода тихо. — Только не теперь еще. Слишком мало ты тут пробыл.

Мало? Мало, говоришь, кнеж?! Вправду мало того, что я давеча жизнь тебе, паскуде, спас, что зарубил несчастного раба твоего, а другого — все равно что своими руками в могилу свел? Мало тебе этого? Ну а мне — так вполне довольно!

Выдернув я меч мой Прожор из ножен, грохнул оземь Сребляну в ноги.

— Ты меня Лютом назвал?! Так как доказать тебе, что и впрямь я таков? Возьми, говорю, в поход! А не возьмешь — так мне все одно, где кровь лить! Убей тогда сразу, не то пожалеешь!

— Меч, — сказал кнеж, — подними.

Я долго стоял, глядя на него, дыша тяжело и шумно. Потом все же поднял, хотя и жгло мне ладонь железо это проклятое. Среблян странно смотрел на меня, и глаза у него блестели таким блеском, какого я прежде в них не видел.

— Добро, — сказал он. — Испытаю тебя. Выдержишь — возьму.

И вроде того я и хотел, того добивался — а грудь мне сдавило от этих слов.

Но сказанного не воротишь, как и сделанного.

То, что с рудников раб сбежал и на воеводу покушался, было тут, видать, делом нешуточным. Долго и тщательно кнеж разбирался, как так случилось, почему допустили. Виноватых нашли, наказали. А и того ему было мало — порешил кнеж отправиться самолично к Черной горе, к руднику, на месте расследовать, кто там недоглядел. С собой взял дюжину дружинников — и меня.

Я прежде только дважды за ворота Салхан-града выходил. Первый раз — когда в лодке сбежать с острова пытался, другой — когда от деда ушел, бродил ущельем, слушал, как коршуны крыльями бьют, добычу стеклянным взором высматривая. И кого им было тут ловить? Ничего живого, казалось, не несли в себе эти скалы. Стояли и стояли недвижимой твердью, вол-

нами омываемые, и все одно им, кто по ним ходит, кто и чью кровь проливает. Я сам в гористом месте всю жизнь прожил, знаю я, что такое горы — высь, величие, сила, краса! А ничего этого не было на острове Салхан. Только тишина, неподвижность и мертвенный холод, каким, казалось, дышал каждый камень, каждая горсть земли.

Не по нраву мне было все это, потому и не ходил я за ворота. Но теперь уж пришлось. Ехали мы каменной тропою в гору, гуськом — больше она была узка, больше чем двум всадникам бок о бок на ней не уместиться. Долго ехали, с утра до самого вечера. Солнце в горах и без того рано заходит, а в Черной горе оно, казалось, вовсе никогда не показывалось. Не жаловала Радо-Матерь злую свою, нелюбимую дочь Янону, не дарила светом ее палаты. Когда кругом еще были только голые скалы, услышал я гул — далекий еще, протяжный, непрестанный. Так и не понял — то ли молоты и кирки то били глубоко под землей, то ли стон стоял невольничий, то ли плакала сама земля, устав от векового проклятия. Никто другой из дружинников, равно и сам Среблян, на этот гул внимания не обратил — или виду не подал. Смолчал и я.

Как добрались до места, уже почти совсем стемнело — а работа все велась. Я после узнал, она никогда не прекращалась: невольники в руднике трудились в две смены, пока одни отлевались, другие скалу рубили. Богата была Салхан-гора, казалось, вовек не иссякнет в ней серебро, пока его кровью людской поливают, будет давать всходы...

У входа в шахту ярко горели огни — десятки факелов освещали подъезд. Алые отблески их так и плясали по глади серебряного изваяния, высившегося на скале. Из ста пудов серебра отлили Янь-Горыню — страшную деву со змеящимися по ветру волосами, с раскинутыми руками, точно весь мир онаими схватить и удушить хотела, с темным, прекрасным и жестоким лицом... Такой ли она взаправду была? Дед Смеян ее видел — будь он тут, сказал бы. А только не думал я, что, окажись он здесь, я и вправду стал бы расспрашивать.

Мы остановились, спешаились. Среблян ждали, встретили с поклоном, стали зазывать в дом на угощенье. К скале туились домишками, грубые, тесные, — там невольники ютились.

Выше по тропе стоял большой, удобный с виду дом — в нем жили надсмотрщики и начальник рудника. У домишек курился дым, теплились огни, а у штольни кипела работа.

— Ты погоди с угощеньем, — услышал я спокойный княжий голос. — Сперва ответишь, а там посмотрим, приму ли его от тебя.

Мужик, с которым он говорил — тучный, богато одетый, — лебезил, в пояс кланялся — знал, чем завинил, клялся, что ведет уже следствие, что страшно покарает виновных. А в чем виновных — в том, что, может, сжалились, позволили человеку на волю бежать? Слушал я, кусая губы, а серебряная Янь-Горыня, казалось, скалилась мне насмешливо, пряча ухмылку в зыбкой тени...

— Ладно, ладно, Крепляк, поздно уже, про то говорить завтра станем. А хотя есть на сегодня еще одно дело... Лют! Подойди-ка.

Я опомнился, пошел. Кнеж стоял ближе к шахте, чем к поселению, в нескольких шагах всего от того места, где кипела работа. Невольники толкали из шахты тачки с непромытой рудой, тяжко надрывались, пока тащили в гору, — вход в штолнию шел под откос. Вдоль хода стояли копейщики в низко надвинутых на глаза шлемах, недвижимо стояли, на всякий случай, — а за тем, чтоб работа шла ходко, глядели надсмотрщики. Крик стоял в душной вечерней глухи, хлысты так и свистели, перебивая стоны и дальний гул отбойных молотов.

Как я подошел, Среблян шагнул к одному из надсмотрщиков — тот тут же в ноги ему склонился, — забрал у него кнут. Не говоря ни слова, вложил мне в ладонь. Повернулся и так же молча, не глядя, указал на раба, что как раз остановился с тачкой против нас.

Я не понял сперва, что он хочет. Посмотрел на человека. Тот уже много часов работал, был измучен, грязен с головы до ног. На меня и не взглянул — он вообще плохо разумел, что вокруг творится, ему бы только смену отработать и прилечь — вот что на лице его ясно читалось. Не молод он был уже, в отцы мне годился...

Присмотрелся я к нему — и в пот меня бросило.

То был Береста, устьевский староста, батька моей Счастливы!

— Чего ждешь? — Голос Сребляна будто меня самого кнутом огrel — было уже так прежде, помнилось мне, когда я пришел к нему на службу проситься. — Говорил, лютовать со мной в походе станешь, людей рубить. Как рубить, если даже удастся не можешь?

Стиснул я зубы так, что челюсть судорогой свело. Повернулся к воеводе, переступил негнущимися ногами.

— Кого другого дай, — сказал хриплым голосом, который сам едва узнал. — А этого не могу. Это отец жены моей. Не могу.

И как встрепенулся от моих слов Береста! Как зажглись снова глаза его потухшие, как пламенем полыхнули — враз вспомнилось, в кого дочка его норовом да гордыней пошла. Только где ж теперь Счастливина гордыня, где гордыня нашего Бересты...

— Май? — переспросил недоверчиво. Выпрямился, руку к глазам приложил, будто так легче было рассмотреть. — Май, ты, что ли? Живой? А Счастлива моя...

— А ну примолкни! — рявкнул на него надсмотрщик — и привычно руку занес, да кнут-то у меня. А нет кнута — и не надо ему, рука враз в кулак сжалась, еще привычнее. Только я ему опустить тот кулак не дал. Рванулся вперед да как врежу рукояткой кнута ему по локтю. Тот так и взвыл. Копейщики переглянулись, но, видя, что кнеч смотрит спокойно, ничего не сказали. Привез парня, что же — воля его, пусть тешится...

Я обернулся к Бересте, тяжело дыша. Сказал:

— Со мной Счастлива. В порядке она. Ты за нее не бойся, отец, я ее берегу.

Береста не ответил, только на меня посмотрел. Не любил он меня, то я помнил, и мамку мою ведьмой, случалось, звал... а только теперь помнит ли кто о том? Я не помнил; помнил только, что с одной мы земли и что дочка его — последнее, что жизнь мне теперь скрашивает.

— Что ж, — раздался у меня за спиной ровный голос воеводы, — и то правда, на жениного отца негоже руку поднимать. Вон того бери.

Я посмотрел, куда он указывает. Другой раб, низко опустив голову, вытряхивал рядом из тачки руду. Рубаха на нем была

так изодрана, что видны были все ребра, торчавшие под кожей, и кривые красные рубцы на них, не зажившие еще. Этого человека я не знал. И по всему видать, часто его стегали, не привыкать. Ударом больше, ударом меньше...

Только Береста бы отвернулся, не смотрел — мне бы легче было.

— Ну, бей, — сказал кнеж. Я слышал по голосу, теряет он терпение. И то правда — целый день провели в пути, притомились, а тут еще сопляк этот шутки шутить надумал, заартачился... а сам ведь просил: возьми! испытай лютость мою!

Стиснул я зубы. Прижмурился, так что смазалось все кругом, лиц стало не разглядеть, одни тела безликие. Что уж...

Взмахнул рукой, поднял и опустил кнут. Услышал свист плети, треск рассеченной кожи, глухой стон. Услышал недоуменное, мучительное: «За что?..»

— Еще, — сказал Среблян.

Рукоять кнута в руке у меня взмокла — меч так никогда не взмокал. Зубы были сцеплены так — я думал, никогда уже не смогу расцепить. Взмахнул снова...

— Еще, — повторил Среблян.

Еще... еще... ну ударю я еще твоего невольника, кнеж, ударю за так, ни за что — сколько раз повторишь «еще»? Стану в походы ходить, умереть не повезет, к Счастливке вернусь, буду для тебя людей воровать — сколько раз повторишь: еще, еще, еще? Когда, нелюдь, насытишься?!

— Сам бей, — сказал я и швырнул кнут ему к ногам.

Он, кажется, сказал мне что-то в спину, да я не услышал. Шел вперед, сам не знаю куда. И злую усмешку чуял на себе, глумливую: что, оскоромился, щеня? Ну, как есть щеня! Кем себя возомнил?

Да только не было стыдно мне. Тогда в палате, когда спас Сребляна, зарубил каторжанина — было. А сейчас нет.

Не буду неродом. Не заставиши!

И вдруг обнаружил, что у самого серебряного изваяния стою. Не знаю, сам ли подошел, ноги ли поднесли, или она меня к себе позвала... Только понял я, что это ее голос только что слыхал, это она надо мной смеялась, щенем сопливым звала. Что тебе с меня, Янь-Горыня? Потому ненавидишь меня так

жгуче, так беспросветно? Чем я перед тобой завинил? Ничего я не брал у тебя и на землю твою ступать не имел охоты, силой меня сюда привезли — так за что твое проклятие на мне? И как избавиться от него?!

И тут — точно пламенем ожгио меня изнутри, испепелило! Белым пламенем, беспощадным, лютым, как эта земля. Как на ногах устоял — не знаю, думал — разверзлась подо мною твердь, сейчас проглотит, совсем заберет! Не разверзлась. И ничего не случилось, никто ничего не увидел. А я услыхал одно только слово, сказанное тяжким, громоподобным голосом:

— ОТДАЙ.

Отдай?.. Что отдай? Что есть у меня, кроме жизни моей — маяты? Разве Счастлива...

Вот Счастливи и отдай, Май-Маята, Лютом названный.

Ограбили дерзкие люди злую богиню — то она помнила. И мало ей было, что сама их ограбила — дальше некуда. Теперь велела отдать — все, что ни есть, самое дорогое, последнее. Ты, у меня ничего не бравший, все свое мне отдай — иди. Иди вольно, пущу, на доброй земле жить сможешь, не погибнешь, детей родишь... позабудешь, что было — старую жизнь ведь позабыл? И эту забудешь...

И знал я, что не лжет. Хуже, страшней всего было, что я это знал, когда стоял перед темным лицом Янь-Горыни, у хладных серебряных ног ее, маленький и голый, глупый, проклятый ею человек.

Трудно мне было глаза открыть, повернуться, сделать шаг прочь от искушительницы. Только слово ее — *отдай* — так в голове и гудело, вилось, жалило. Я шагнул вперед. Кнеж с дружинниками уже в поселенье ушли, наверх, в дом. Я прошел еще немного и сел наземь передохнуть. Решил: в дом надсмотрщика не пойду. И никуда не пойду, буду сидеть тут на земле, пока воевода назад не поедет... А в голове звенело: отдай, отдай. Отдай — и пущу, не надо тебе будет больше на брюхе ползать, Сребляна умолять, зверем для него делаться, чтоб хоть раз на море взял. Сам сможешь уйти. Только отдай...

Я ее слушал — не мог не слушать — и знал: не смогу. Да и как же это — проклинала сразу весь род, а платить каждому за себя самого? Нечестно это!

И как-то попустило меня от этой мысли. Сказал себе: нечестно! Быть того не может. А если и может — так все равно не должно. На том и конец.

Пробыл Среблян на руднике всего еще один день, назавтра же обратно поехали. Мне подумалось даже — может, он только из-за меня этот путь затянул. Хотел, чтобы я увидел что-то... а что, не знаю. Не рабов же? И не эту ведь металлическую бабу, что в мыслях наживо ковыряться умеет?.. Хотя что-то сказала мне: не знает он, что она это умеет. Она с ним так вот никогда не говорила. И ни с кем не говорила, только со мной. А может, и говорила, да только другие не слышали?

Сам не знаю — с чего взял.

Как тронулись обратно, кнеж ко мне только один раз обратился. Я ничего не спрашивал, он сам сказал коротко:

— Не возьму. А взял бы — она тебя не пустит.

И уехал вперед.

5

Скоро ушел Среблян в новый набег, на единственном корабле. Меня не позвал, да я и не просился уже. Ничего мне больше не было надо — даже за море смотреть перестал. На свой дом взгляд обратил, стал Счастливе помогать, в чем просила. Иногда смотреть на нее пытался, как со щенком своим она баловалась, отраду в том искал... Вспомнилось некстати, как Ивку звали на самом деле — Отрадом. Только не стал он отрадой отцу своему. Не всякое чадо, видать, сердце радовать может. Что уж, как-то переживу...

Так себе говорил. А что еще было сказать?

Кнеж вернулся из набега, привез добычу. На время все заняты были — латали да чинили корабли. Я тоже пошел. Что было не пойти? Я по-прежнему числился в Сребляновой дружине, да только теперь он снова переменился ко мне. Перестал вызывать на подворье, с мечом тренировать, на пиру уже не велел садиться рядом. А я не рвался — мне и без того тошно было глядеть на опустевшее Ивкино место... Все думал: возьмет себе теперь кнеж новую такую «девку»? Не взял. И вообще после Ивкиной смерти, после поездки нашей на рудники будто что-то ушло из него. А может, не ушло, а только переломи-

лось... не знаю. Потускнел кнеж лицом и волосом серебряным потускнел. Говорить стал мало, на пирах почти не пил. Кнезинна Дурман теперь чаще его за руку брала, говорила что-то тихо, с таким точно лицом, с каким ко мне порою наклонялась Счастлива, уговаривая меня хоть немного поесть. Казалось, будто разом обрыдло Сребляну все, и я ему обрыд, и сам он себе обрыд. И вот дивно — в те дни как будто впервые я перестал ненавидеть кнежа. Нет, не из жалости к нему... какая тут жалость? Просто мне было худо, и ему худо — когда худо людям вместе, их это как бы роднит.

Вот только если так судить, то всем одинаково худо было на острове Салхан — а все равно были тут и хозяева, и рабы, и мучители окаянные, и погубленные безвинно...

Только одно еще могло вернуть кнежу улыбку на уста — дочь его Ясенка. Как смотрел на нее — враз плечи распрямлялись. Из последнего набега привез ей целый сундук шелков — не нарадуешься. Только радовалась ли она, того понять было нельзя — она всегда тихая ходила, неприметная, глаза долу опущены, да не как у моей Счастливы в девичестве, а по-настоящему — будто и впрямь ей боязно и неловко на людей глянуть. И в радости она оставалась такой, и в горести. И уж как часто рядом с кнежем была — а как будто и не было, неприметная совсем. И как же сильно он ее любил...

Злым вышло то лето для воеводы Сребляна. Сперва корабли и людей потерял, потом жизни едва не лишился. А как зарядили дожди — слегла Ясенка. Она слабенькая была, болела часто, чуть ветерком на нее подует — уже кашляла. Он ей все меха соболиные с материка возил, кутал в плотный бархат, горницу ее, сказывали, коврами завесил — так, что окошки едва видать. А не сберег. Год назад, когда я еще в темнице у Сребляна сидел, она тоже болела. Тогда оклемалась. А тут — люди шептались, не поднимется уже. Все на том сходились, и знахари местные только руками разводили — не взыши, мол, кнеж, сделали, что могли.

Мертвая тишина легла на Салхан-град. Черное облако зависло над кнежим домом. Люди ходили чуть не на цыпочках, детям расшалившимся ладонями рты прикрывали: цыть! Никто без особой надобности в кнежьи палаты не ходил. Сказывали — совсем почти помешался Среблян, у Ясенки в горнице

заперся, не отходит от нее. Осуждали, головами качали: почто к девочке прикипел, отпустил бы ее уже на Ту Сторону, раз пора пришла, а вот так, чуть не силой на белом свете держать, — не добро... Да только уж больно привык он, неродовская его душа, силой держать то, что силой же взял. Не давал ей умереть, все выискивал способы, поил травами, из последних сил держал душу в слабеньком, истаявшем теле. Со двора он не выходил, но люди говорили — кто видел его мельком, не узнавали. Так постарел.

Однажды выдалась особенно ненастная ночь — осень наступала на Салхан. Ветер злобствовал, швырял по берегу мелкие камни, с корнем рвал хилые деревца, а те, что покрепче, — гнул жестоко. Хлынул ливень, такой — что казалось, смоет сейчас весь город в море, за ливнем — град повалил величиною с кулак. Добро, успели пшеницу с полей собрать — а иначе бы голодная смерть или снова набеги... да только знали все, что не пошел бы нынче Среблян в набег, и не потому, что море люто-вало. Ничего он уже не хотел — ровно как я.

В ту ночь все по домам попрятались. Счастлива уснула, прижавшись ко мне комочком, в ногах у нас сопела ее собака. Я лежал, слушал, как воет непогода, понемногу и сам задремал.

Проснулся от света. Лучина теплилась в горнице, пламя металось под налетами сквозняка. Кто-то открыл дверь, и от нее тянуло стылым холодом.

— Лют, — позвал меня Счастливин голос.

Я приподнялся на локте, сонно моргая. Что стряслось? Или кнеж требует?

— Тут пришли к тебе, — сказала. Странным таким голосом, чужим и недобрый, сварливо даже. Давненько я от нее такого не слыхивал — аж любопытство меня разбрало, что ж там такое? Поднялся, глянул...

На пороге, накинув на голову насквозь вымокший платок, стояла госпожа наша Дурман, кнежья жена.

Она женщиной молчаливой была, нелюдимой даже. Я редко видал, чтоб она кому улыбалась, а уж смеющейся не видал вовсе — но не дивился этому, на Салхане мало кто смеялся, если только не спьяну. Она и теперь стояла спокойная, с лицом неподвижным, белым, как известь, только глаза ее черные, буд-

то колодцы, на бледном лице горели. И как посмотрела она на меня — что-то дрогнуло вдруг в них, словно рябью пошла вода. Когда заговорила, я увидел, что губы ее дрожат.

— Лют, я за тобой. Ясенка моя кончается. Окажи милость, приди, подержи бедную за руку. А прикажешь — на колени перед тобой встану.

И как спокойно, как тихо она это сказала! Ну ровно ненастье со мной обсудить вздумала, на ломоту в костях пожаловаться. Да только то ненастье не унять, лучом солнечным не развеять... Смотрел я на нее и не знал, что ответить. Не понимал я — чего ко мне пришла? Я тут при чем? А только не смог отказать. Пробормотал: погоди, дескать, чуточку, госпожа, сапоги обую... Вернулся в горницу к Счастливе.

— Что, — спросила та, — к ней тебя зовет?

Я аж на месте крутанулся. И что я там говорил, будто переменилась она за эти полгода? А теперь увидел — вовсе не переменилась! Снова сталь в голосе, презренье гордое на лице, и взгляд ее этот злой и холодный — так вот на неродовском корабле на меня зыркала! И, главное, с чего вдруг?! Чем завинил? Я к ней шагнул было, хотел за руку взять, но она так глянула — ровно ледяной водой окатила. Обронила голосом чужим, далеким:

— Иди, что уж...

И сапоги мои поставила за порог.

Я вниз спустился, ничего уже не понимая, на ходу подпоясывая меч — привык я к нему... Дурман стояла, где оставил, по-прежнему недвижимым камнем. Я увидел, что платок на ней черный — словно уже жалобу приготовила. Сказал я ей:

— Веди.

Сквозь бурю, сквозь град и ветер ярый повела меня кнезинна к своей дочери на смертный одр — и мнилось мне, проклятая Янь-Горыня и туда меня пускать не хотела, все норовила с ног сшибить, наземь кинуть. Да только тут она не смогла меня остановить, как ни тщилась. Когда вошли в кнезьи палаты, я плащ, отяжелевший от воды, на пол скинул, не сбавляя шага. Кнезинна шла впереди. Поднялись по лестнице, она сделала мне знак встать, обождать — молча сделала, как в доме, где покойник лежит. Пошла вперед, тихо дверь приоткрыла,

потом прикрыла за собой... Я услышал ее голос. Слов не разбирал, но по тому, как говорила — чуть слышно, ласково, а все одно твердо, — понял, что говорит она с кнежем. Немало времени прошло — и он вышел, тяжко опираясь ей на плечо. Прешел мимо меня, не заметив, лицо у него было серым, как пепел, засаленные волосы свисали на глаза. Дурман мне только кистью руки указала — иди, мол...

Я вошел.

В большой, просторной, в иную погоду светлой горнице на широкой мягкой постели лежала, угасая, кнежевна Ясенка. Я сперва даже взглядом ее не нашел в мехах и подушках — она и без того маленькая была, а так и вовсе истончилась вся, будто тень от нее осталась одна. Я шагнул вперед неуверенно, сам не зная, что делать теперь. А она вдруг рукой шевельнула, и я понял — при памяти она, при памяти и глядит на меня...

Глядит — и так глазами меня жжет, что смотреть больно, будто на яркий свет!

— Лют, — прошептала чуть слышно, так, что я едва разобрал. — Пришел...

Я сел с нею рядом. Ручка ее тоненькая потянулась ко мне, и я ее взял. Чувствовал себя, правду сказать, дурак дураком. Что я тут делаю? Почему отца безутешного от одра дочери отогнал, почто не он тут с ней сидит, почто я?

— Что ж ты, — говорю, — разболелась...

Говорю — а щеки так и горят! Потому что знаю — чушь горожу, но надо ж сказать что-то, не молчать ведь... Она улыбнулась слабо, тень легла на иссохшее, тонкокожее лицико.

— То не беда, — сказала, — я давно болела и знала всегда, что умру. И батюшка тоже знал, а все не верил... говорил: вылечу тебя... А я его не разуверяла — что уж, пусть верит. Теперь вот только огорчится.

Я так поразился — враз онемел. Она еще о кнеже думает! Он ее поневолил, привез сюда, может, здесь-то она и стала хворать — тут кто хочешь захворает, я и сам не знаю, как меня ноги носят до сих пор! И, гляди ж, батюшкой зовет, жалеет... Я вдруг понял, что она, девочка эта, еще меньше в чем-то повинна перед Янь-Горыней, чем я. Она ведь отродясь никому никакого зла не то что не сделала — даже не пожелала. Так почто умирает она, а я живой?

Подумал я так — и сжал ее руку. Крепко сжал, не подумал, что больно сделать могу. А она не вздрогнула, только сцепила слабые пальчики в ответ. Я сказал:

— Не дело это... не дело, чтобы ты уходила вот так. Слышишь? Не смей!

Не знаю, что говорил. Где знахарские снадобья не спасли, разве словом поможешь? А только глядел на нее, на лихорадочный румянец, алеющий на щеках, и думал: не должно так быть. Нечестно! Слышишь, Янь-Горыня проклятая, — нечестно, чтобы вот так!

— Что, — спросила Ясенка, а глаза так и горят, так горят, как у Счастливы никогда не горели, — не хочешь ты, чтобы я умирала?

— Не хочу! — ответил я горячо — и не покривил душой ни на вот столечко.

И тут она руку мою еще крепче сжала, подвела вся, приподнялась с подушки и спросила, глядя мне в глаза:

— Любишь?

Тут-то я, дурень, все и понял.

Вон оно как... кто ж подумать мог... да и когда успела? Вспомнилось вдруг, как она год назад на кнежем пиру, куда меня в цепях притащили, отцу крикнула: «Не надо!» За меня побоялась тогда, а я мимо ушей пропустил. Глядела на меня изредка... а я отворачивался — что, думал, зыркать попусту на кнежью дочку. Да и в голове у меня одна Счастлива была. А этой бедненькой — никогда не было, как ни посмотри. Жалел я ее, это правда... а любил ли? Нет.

А и врать я тоже не любил. Не любил, и не умел никогда, и считал — до смерти не выучусь. Но только пробуждает дурное в сердцах злая земля Салхана. Я и людей-то тут научился убивать, что мне теперь вранье... Стиснул я крепко Ясенкину руку, в глаза ее честные посмотрел. И ответил твердо, недрогнувшим, громким голосом:

— Люблю!

Сперва она, я видел, не поверила мне. Недоверчиво посмотрела, я испугался — переспросит. Другой раз могло уж не выйти так твердо. А только не стала Ясенка переспрашивать. Откинулась назад на подушки, вздохнула шумно, всей гру-

дью — почти что застонала, а не вздохнула. Я подумал было — все, отошла. А нет, вздохнула снова, и даже щеки, кажется, зарумянились — хотя то, может, горячка была. Посмотрела в потолок и губами шевельнула, точно молилась.

— Побудь со мной, Лют... не уходи...

— Никуда не уйду, — обещал я и накрыл ее руку другой ладонью.

Так и сидел до самого утра, пока дождь за окнами свирепствовать не перестал, и смотрел, как она спит.

Мне потом сказывали — кнеж все время, пока я с Ясенкой был, зверем загнанным метался по соседней горнице. То и дело рвался войти — а не пускала его Дурман, твердила, что так лучше, как есть. Когда забрезжил в окошке неверный свет нового дня, а у меня уж стали слипаться глаза — скрипнула дверь. Я оглянулся — и увидел кнежинну. Платок ее черный с головы на плечи сполз, оголил растрепанные темные кудри. Лицо у ней было — саму в пору на погребальный костер класть.

— Уже?.. — спросила одними губами, на постель даже не глядя, словно страшась.

Я ответил:

— Жива. Спит.

Она остолбенела. Но только на миг — потом кинулась коршуном, я думал, схватит меня и в стену швырнет. Я встал, пуская ее к дочери. Та и впрямь спала, спокойно, крепко, и во сне ровно дышала, хрюпло еще, но глубоко. И щеки ее теперь были не той уж восковой прозрачности, как в ночи мне казалось, — а то ли и впрямь полегчало ей... Дурман ощупала ее лоб, руки, шею. Потом села на край постели и заплакала. Долго плакала эта молчаливая женщина, а я стоял, теребя свои пальцы, не зная, куда глаза девать, и все никак не решался — то ли уйти мне уже, то ли что?.. Аж вздрогнул, когда Дурман за руку меня схватила — так, что у меня потом синяки от ее пальцев остались.

— Иди, — прошептала, обратив ко мне залитое слезами лицо, — иди, ему скажи... а хотя нет. Стой! С ней еще побудь, я сама скажу, тут надо так...

И опять сорвалась с места, убежала. Я снова сел. Ох, ну и ночка же... а только теперь другими глазами как будто на дев-

чонку посмотрел. И подумал: а и впрямь ведь, если этакую-то ночь пережила, может, и оклемается.

Как кнеж закричал — я сам услышал. Потом шум, гам — рвался к дочери, видать, но его опять не пускали, чтоб не будил болезнью. Еле угомонили. Я слыхал, как его по коридору вели, — и почудилось мне, плакал кнеж. А может, то моя голова, после бессонной ночи тяжкая, путала уже, что она и впрямь слышит, а что ей только мнится. Вернулась Дурман, за собой меня поманила. Я вышел, она поручила меня своим дворовым девкам, а сама к Ясенке пошла, только руку мне снова напоследок стиснула. Девки повели меня на кнежью кухню, где уже ждала теплая снедь и добрая брага. Я накинулся на еду, точно зверь лесной после зимней спячки. Девки весело шебетали, пихали друг другу в бока, чего-то от меня, видать, хотели — да я на них не смотрел. Устал больно. Они обиделись, ушли от меня, а я был только рад. Что же теперь, ждать, пока уйти дозволят, или как? Счастлива-то извелаась уже небось... Счастлива! Так она знала все! Оттого так сухо меня давеча проводила... Подумал я об этом — и не почувствовал к ней привычного тепла. Что же она, совсем сердцем очерствела — не понимала, что девка лежала при смерти, только и хотелось бедной, что руку мою напоследок подержать? Ох, Счастлива моя, Счастлива, как мало надо, чтоб счастье твое порушить...

Я уж доедал, когда на кухню вошла Дурман. Черный платок свой она скинула, обернулась белым — праздник в доме. Подошла ко мне, улыбаясь. Никогда я такой улыбки на лице у нее не видел. Я встал было, но она рукой указала — сиди, мол. Я быстро доел, отодвинул миску, поблагодарил за угощение.

— Это мне тебя до конца своих дней благодарить, — сказала на то кнежинна. — Если б не ты, ушла бы сегодня моя девочка. И не спорь, сердце мое так чуяло. Знаю, что ты ей сказал. Не бойся, не подслушивала, — добавила, увидев, как я краской залился. — Я знала, что она тебя любит. И Среблян знал, только не нравилось это ему. Он противился, чтобы я тебя сегодня позвала... чуть было сам не загубил родной дочери.

Покоробило меня это — какая ж она ему родная? Но как вспомнил звук этот странный из коридора, на плач похожий... а как знать, может, и родная?

— Ты не кори себя, что ей солгал, — продолжала Дурман. — Иная ложь целебнее правды и уж паче любого зелья целебнее. Ей надо было это от тебя услышать. А что теперь она тебя этим словом твоим свяжет, про то не тревожься. Она у меня девочка умная, все понимает сама. Раз тебе поверила, позволила себе поверить — того и довольно.

И тут нагнулась ко мне Среблянова жена, взяла мои руки, голову склонила — и прижалась лбом к рукам моим, точно благословения испрашивала.

— Спасибо тебе, Май, Лютом прозванный, за доброту твою.

Не помню, как ее поднимал, что в ответ бормотал — так стыдно было. Встал, стал кланяться, глазом на двери кося. Обмолвился, дескать, теперь и кнежу полегчает...

— Может, и так, — сказала Дурман и примолкла. Вдруг, хоть я ни о чем не спрашивал, добавила: — Я вижу, как ты смотришь, когда я его отцом Ясенкиным называю, а себя — ее матерью. Я не знаю, может, тебе не сказывали... Пятнадцать лет тому я, в родной деревне жившая, понесла без мужа. Мне самой тогда было как теперь Ясенке, я в лес по ягоды пошла, а сынок нашего старосты подкараулил меня, взял силою. Грозился братьев моих убить, если кому скажу. А у нас с этим строго было. Судили меня наши старейшины, порешили забить камнями. Уже на казнь повели — и тут на море показались черные неродовские паруса. То Среблян пришел... пришел и забрал меня оттуда. Братья мои яро с его людьми дрались, не дались живыми. А меня Среблян достал из клетки, в которой я расправы ждала. Увидел живот мой... спросил, пойду ли к нему. Сам спросил, не силовал. Я пошла. Он нарочно ради меня держал свое судно в море еще два месяца, пока мне срок не пришел. На его корабле родилась Ясенка, и он принял ее на руки, как отец родной. Да и разве он ёй не родной, когда, если б не подоспел, убили б меня, а со мной и ее, нерожденную?

Она примолкла, взгляд затуманился — в море памяти ее на волнах этих слов унесло. Я молчал, не смея ей мешать. Да и что сказать на то было? Второй раз уж мне о Сребляне рассказывали такое, что я не знал, что и думать, а тем паче — ответить.

Дурман, глаза прикрывшая было, снова их распахнула. Поглядела на меня — и понял я, что знает она про это место, про людей и про мир что-то такое, чего мне вовек не узнать.

— Видишь как бывает, Лют, — сказала кнежинна. — Там, на доброй земле, добрые люди меня и дочь мою хотели отправить на Ту Сторону за то лишь, что я насилию противиться не смогла. А здесь, на проклятом острове Салхане, я от Сребляна за все годы не видела ничего, кроме ласки. А что он мальчика себе взял... так как еще я могла ему отплатить за все, что он мне сделал, если не своим терпением? То не земля добрая или злая, Лют. То люди такие, какие есть.

Замолчала — и я молчал, и так вот долго, видать, молчали, на дворе уж петух трижды крикнуть успел. Потом подошла, погладила меня по щеке, сказала:

— А теперь иди. Среблян тебя ждет.

Постарел господин наш Среблян, неродовский воевода.
— Теперь я понял, что был он уже ой как не молод, а все молодился — стать его удалая, да волосы дивные, да прищур насмешливый ему разом двадцать лет скидывали долой. Теперь сгорбился, свалялись волосы, пропали из глаз веселые искры. А не потухли совсем глаза — лихое пламя горело в них, как я вошел в горницу, где он один меня ждал. Встал воевода, вышел мне навстречу. Я едва дверь прикрыть успел — а он подошел, взял меня обеими руками за плечи. И сказал:

— Прости меня, сынок.

Ну и что на такое сказать?

— Радо-матерь тебе простит, — вот что сказал, не хотелось врать. Довольно уж, один раз сегодня соврал — привыкать не собирался.

Кнеж засмеялся. Странно радостным, легким смехом.

— Лют ты, горд и честен. То я сразу в тебе заприметил, как только Могута тебя задирать стал на корабле... помнишь?

— А ты все надеешься, что забуду?

— Нет. Не надеюсь. Идем сядем.

Стол в горнице был накрыт — Дурман, видать, обрадовалась, что кнеж наконец ожил, от пиши перестал отказываться, вот и завалила яствами. Да только он не ел. Усадил меня, а сам

стал мерять горницу шагами, волосы седые сильными пальцами назад зачесывать.

— Я в тебе дважды ошибся, — заговорил быстро, на меня не глядя. — Раз — когда счел зверем лютым. Другой раз — когда подумал: нет, недостаточно ты лют, и пожалел о том. Пожалел, веришь?.. Я чего ж так поостыл к тебе... разочаровал ты меня. Верилось мне: сможешь ты быть вправду зол, если как следует тебя обозлить. Натащать тебя хотел, будто пса, чтоб кидался на людей без разбору, за то только, что землю топчут. Злую землю эту... Слышишь, Лют? Слышишь, мальчик, что сделать с тобой хотел?

Я слышал, а все еще не до конца понимал. Он увидел это и засмеялся стеклянным смехом.

— Не понимаешь... Помнишь, год назад, когда сидел ты у меня под замком, я говорил, что-де оцарапаешь меня — отпуши? Врал я тебе. В глаза глядел и врал, ну, да мне ли не привыкать? Я часто подолгу с людьми говорю, с другими, теми, кто на большой земле, и ни одному не обмолвился про проклятие далгантское. Что уж мне было тебя провести... Нет, парень. В тот день, когда бы ты меня оцарапал — а правду сказать, на то не один год бы ушел, — не снял бы я с тебя цепей. Решил бы, что достаточно научил, хорош ты стал бы воин по уменью, но не по сердцу. Чтоб хорошо убивать по сердцу, надо злобу иметь — больше, чем есть у тебя. Закалив твоё тело, стал бы я закалять лютость твою, кормить ненасытную. Под домом моим есть темница — про нее никто не знает, глубоко она, ни звука оттуда наружу не пробьется... Я бы тебя туда отвел. Я бы мучил тебя, пока бы тебе свет белый стал не мил, пока бы ты не возненавидел одно уже имя мое так, как прежде не чаял ненавидеть... пока не готов бы ты стал убивать все, что ходит по этой земле, за одно только то, что оказался здесь. Вот что я сделать с тобой решил, едва увидел тебя в первый раз.

Не знаю, как губы я сумел разлепить — будто льдом их сковало. А сумел и сказал хрипло:

— Так я ведь убил бы тебя. Убил бы за то первым делом, как ты Бушуя.

Среблян вздрогнул, резко остановился, перестал ерошить волосы. Глянул на меня запавшими глазами быстро и внимательно.

— Смейся тебе рассказал?.. Ну... Нет, сперва бы не убил. Я бы так тебя поломал, что ты какое-то время мне покорялся бы. А потом — да, убил бы. Да только умер бы я успокоенный, зная, что раз ты меня смог одолеть — то и каждого на Салхане одолеешь. Умер бы, зная, что сделал я все, что мог, чтобы проклятие это снять окаянное... сам не сумел, но хоть вырастил бы того, кто сумеет...

— Проклятие снять? — Я все еще хрюпал. — Как?.. Что ты говоришь, княж?

— А ты не понял до сих пор? — спросил Среблян — и так спросил, что если бы и не понял я — то теперь все стало бы вовсе ясно.

А ведь и впрямь — все так просто было. Проклятие ведь кто несет? Люди несут. Как уничтожить проклятие? Людей изничтожив. Всех неродов убить — всего и дела. Чтобы некому было больше руду копать, за море ходить, людей неволить и в новых неродов обращать... Снять заразу, выжигая каждую ее пядь, камня на камне не оставляя. Всех убить — Сребляна, жену его Дурман и дочь Ясенку, всю его дружину, всех баб и детей малых, Счастливи мою... а в конце — и самому грудью на меч кинуться. Потому что пока хоть один нерод жив — будет проклятие за него цепляться, дальше идти, будто мор. И еще потому, что как жить, если такое совершишь?

Да только за все века не нашлось человека, у которого на то поднялась бы рука. Ни один из них не тяготился проклятием настолько, чтоб от себя самого навек отказаться. Да и не бывает лютости такой. Разве что ее в человеке нарочно взрастить, как злое, ядовитое семя... болью, мукой и ненавистью взрастить, чтобы не думала уже голова — руки сами делали, потому что не желалось бы сердцу ничего иного...

Вот в кого меня хотел превратить Среблян. А уже и взялся за дело, как вдруг передумал...

— Почему ж не сделал ты этого, господин мой Среблян? — спросил я — Горьбога бы по мою душу, да неужто теперь хрить буду до конца дней, голоса ровного никогда не возвращу? — Неужто совесть взыграла? Али съел тогда чего?

Исказился Среблян лицом.

— Смейся... имеешь право. А только тогда меня Ясенка отговорила. Нет, не знала она о том, что я замыслил, как знать

могла... Но она тогда тоже болела, помнишь? И хоть не так тяжко, как сейчас, а я решил — недолго ей осталось. И она попросила меня, чтобы я тебя отпустил. И так просила... что же я — вовсе зверь, последней просьбы дочери любимой не уважить? А как она поправилась, поздно было слово обратно брать. Отпустил я тебя... крепко злился, что все сорвалось, а что делать было? С досады выставил против тебя Могуту, в душе надеялся, что он тебя зарубит. Не будешь моим, не послужишь мне, так и вовсе помирай... а ты не захотел. Ты выжил. И вот не верь мне теперь, после всего, — а я рад тому был. Рад, что не убил тебя, что душу тебе не успел искалечить, как мне искалечили... Вижу, как смотришь на меня. Правильно смотришь. Трус я, Лют. Трус и сердцем слаб, малодушен. Не хватило мне самому сил поднять меч на родных и близких, на народ свой... так же, как Бушую когда-то не хватило... делает что-то Янь-Горыня с душами нашими, страх в них поселяет, честную смерть отбирает так же, как честную жизнь. А только хитра, бестия, — знает, что слаб человек, как бы ни лютовал, не поднимет меч на родное. На том и попались...

Так говорил, скоро, торопливо — да сам ли помнил, что говорил, в себе ли был мой кнеж? А я слушал его, и сердце билось в горле моем тяжко, мучительно. Так и хотелось крикнуть: неправда твоя! Не знаешь ты, не понимаешь ничего — и Бушуй-изверг, что тебя терзал, и тот, кто был до Бушуя, — все вы не поняли! Есть, есть другой способ! Мне его Янь-Горыня сама в рудниках показала, я видел... Не надо всех убивать. Довольно тех, кого больше всего любишь. Это же проще, кнеж, это легко... легко ведь?.. Кто-нибудь да сумеет.

— Я надеялся, — продолжал Среблян, кривя рот в улыбке, — ты будешь тем, кто снимет проклятие с нас. Думал опосля, когда сломаю тебя, сыном своим при всех назвать, оставить завет — тебя после смерти моей господином над всеми поставить. А ты меня подвел, парень. И уж как подвел! Я как увидел, что ты на руднике отца жениного ударить не смог, — так враз надежда во мне и потухла. До того теплилась еще, а в тот миг потухла. Не сможешь... как я не смог, и никто... а другого пути-то и нет.

«Есть! — кричало во мне. — Есть другой путь! Да только как сказать тебе о нем... Как сказать: убей, мол, Дурман и Ясен-

ку — освободишься. Скинешь бремя, сможешь уйти, забыть все... а забудешь ли?»

— Ну да что уж теперь, — сказал Среблян, будто и не смущаясь вовсе моим молчанием. — Прости, что все это тебе наговорил, ошарашил тебя, беднягу, а себе вот душу облегчил. Потому что рад я, Лют, слов несть как рад, что все было зря, что ошибся я в тебе. Рад, что ранен был, как к деревне твоей подошли, не смог ступить на берег, не был твоих родичей. Потому что иначе — как знать, не была ли бы теперь твоя ненависть ко мне еще больше? Не захотел ли бы ты помститься мне той же монетой? Не пришел бы нынче к моей Ясенке... не сказал бы ей слова доброго... не спас бы ее. Кем бы я тогда стал, когда бы мне за это пришлось одного себя винить? Ну да что уж... Есть как есть. Прости за все, и спасибо тебе за твою доброту.

И эти его слова — те самые слова, которые мне всего час назад жена его сказала, — слова эти стали последним, что смог я выдержать. Не мог молчать больше, сидеть, слушать все это... жить — и то не знаю, как мог.

Встал я — и Среблян посмотрел на меня удивленно, будто не зная, чего ждать. А я сказал — и не хрепел больше, ясно, во весь голос сказал:

— За что благодаришь, кнеж?! За простое слово, которое мне ничего не стоило, за одну бессонную ночь? Да разве же любой не сделал бы такой малости для бедной умирающей девушки? Что ж мы за люди-то, когда за такое поклоны друг дружке бьем, за милость великую мним?! Не люди словно — а нелюди!

Побледнел кнеж. Хотел сказать что-то, руку протянул — да так и упала рука. Нет! Не скажу я ему, как проклятие снять. Потому что такою ценой — а хоть бы провалилось оно, проклятие это! Согласен я его на себе нести — как есть! И пусть навек привязан к острову этому, пусть потомства лишен — а не стану зверем, не признаю за зверье тех, кто рядом ходит. Как Дурман давечка сказала: то не земля добра или зла, то человек...

И сей же час мне все стало ясно. Так ясно, как день божий, как небо вольное, как очи моей Счастливы. Так ясно, что я речи лишился на миг, негсдуя — и как раньше того не уразу-

мел?! Не в том проклятие далгантское, что не рождаются дети. В том проклятие, что сердца очерствели. Не неродами сделала нас Янь-Горыня — нелюдями. Вот какое проклятие на самом деле снимать надо, а с ним и другое само спадет. Да только как его снять? Как людей, что облик людской добровольно утратили, назад повернуть? В страшную ловушку загнала нас злая богиня. Нельзя навет разогнать, не затянув петлю еще туже. Но и я, когда был в оковах, понимал, что не сбросить их, а все одно дрался... И знал потому: если что и нельзя сбросить, то все равно можно противиться!

Среблян, видать, что-то понял по лицу моему. Но прежде, чем он слово успел вымолвить, я сам руку вскинул — и стиснул его плечо, с такой силою стиснул, какой прежде в себе не знал. Мысль моя, раньше за рукою не поспевавшая, ныне мчалась вперед, точно добрый конь, летела быстрее ветра. И обогнала, опередила-таки гнилое дыхание Янь-Горыни.

Хлопнул я по плечу Сребляна и сказал:

— Не горюй, кнеж! Знаю я, как проклятие снять. И не так, как она того хочет. И не так, вовсе не так, как вы, бедные, себе надумали... Совсем снять, и все живы будут!

Он моргнул удивленно — ну ровно как дочь его, когда услышала, что я ее люблю. Я не дал ему возразить, сжал плечо его крепче. И попросил:

— Верь мне. Я тебе верил — и ты мне верь.

Перво-наперво следовало освободить невольников на руднике. А это значило — рудник вовсе закрыть, по крайней мере — на время, пока все не утрясется, пока не придут на место пленных вольные работники, по собственному хотению выбравшие тяжкий труд. Едва Среблян то услышал — стал спорить. Я говорю ему: не спорь, кнеж, ты мне верить обещал. Он примолк. Но видел я, тревожно ему. А еще бы и не тревожно... я сам так боялся — сердце в пятки улетало. Никогда в жизни еще такого страха не знал, даже когда помирал, мечом Тяготиным изрубленный. А ну как не выйдет?..

После сказал: прекратить набеги. Неходить к материку иначе, чем для торговли. Иначе, чем за горное серебро, чужого добра не брать. И серебро-то начало уходить быстро — рудник ведь стоял закрытый. Дружина кнезья волновалась, лбы мор-

шила, разговоры разговаривала, но пока не бунтовала — верили Сребляну, любили его в народе. Я только на то и надеялся, что любили. Что были способны еще любить.

Но то было малым началом большого дела. Трудно? А кто говорил, что легко дастся. Дальше стало хуже: бывшие рабы, отпущеные с рудников, хотели есть, спать где-то, а пуще про-чего хотели крови. Взяли ножи, стали мстить — кровь опять потекла, еще большим потоком, чем прежде. Тут дружина кнезья вконец заволновалась, пришла к Сребляну на поклон, а сама стоит, усы крутит: что, мол, вытворил, воевода? Спокойно жили — а ты что чудишь? Но Среблян верил мне. А я был тверд и ни пяди не уступал. Осерчали тогда кнежьи воины. Пополам поделились: одни остались верны Сребляну, другие плонули, шапки бросили, со двора ушли, стали примеряться, кому из них быть на Салхане новым господином, да кто лучше... Между собой перегрызлись, а чуть шаг за ворота — там их ждали ножи и кирки вчерашних невольников. Много крови лилось... а только знал я, что не та это кровь, которая люба и сладка Янь-Горыне. И Среблян это тоже, видать, знал, потому что не бросил все, не махнул рукой, не повернулся взад.

Что уж, пошли — так идем до конца.

Бывших рабов кнеж повелел пустить в город. Созвал весь честной народ, сам вышел, шапку снял, повинился перед ними. Прощения просил — за себя и за всех своих воинов. Оборванные, измученные, обозленные люди слушали его, хмурясь, то-поча, гневным гулом исходя — еле-еле слушали, правду сказать, и разве мог я их осудить? Но тут вдруг вскрикнул кто-то — тонко, радостно, — по имени другого позвал. Выбежала из избы одна баба, другая, дети малые побежали — узнавали отцов, братьев, любимых... Что тут началось! Слезы, ахи, объятия, стоны... Только раз в год так стонала земля Салхана — когда новых пленников привозили. И теперь рыдала снова, но не от горя на сей раз — от радости.

Тут началось самое трудное. То, с чем едва потом совладали.

Встретились мужья с женами, батьки с детьми. А у тех уже давно — другие мужья, другие батьки. Как делиться? Те, кто сами детьми попали на Салхан, в городе выросли, себе чужих детей взяли, настоящего зла и горя здесь так и не увидели, — те

теперь тоже разозлились на Сребляна. Жили уж, как-никак, а жили — а он тут снова все перемешал! Жена из дома пошла, дите, родным ставшее, руки к другому тянет и плачет: «Батька!» Как тут быть? По справедливости — отдать надо. А как отдашь?

Иным хватало на это мужества и великодушия. Иным — нет. А бывало и так, что новый муж бабе был милее старого, на руднике годами спину гнувшего, и она к нему не хотела назад идти. Словом, снова передрались. Кто-то не выдерживал предательства, своими руками убивал неверных родичей, кто-то сам со скалы кидался — чем такая жизнь, лучше каторга, а то и гибель! Много слез тогда пролилось, не меньше, чем крови. А кто говорил, что легко будет?

И только я один, казалось, замечал, что черная тень Салхан-горы, веками на море лежавшая, бледнела и укорачивалась с каждым днем.

Бытовать тоже труднее стало. Как прекратились налеты, а торговля еще не наладилась, шла, по старой памяти, вяло, — так пришлось пояса подтянуть. Когда угомонились бывшие каторжане, поделили кое-как с городскими своих жен и детей, стало ясно, что жилья на всех теперь не хватает. Поселение у рудника пустовало, да только возвращаться туда никто охоты не имел. Стали селиться в одной избе по несколько семейств; ругались опять, ссорились, бывало, что и за ножи хватались. Кнежий двор гудел точно улей. Дружина, стесненная нынче в средствах так, как прежде и не чаяла, снова раскололась, снова затянулся бунт — и снова его подавили. Твердо стоял на земле своей Среблян, обеими ногами стоял. В те смутные, неверные дни он снова переменился. Снова плечи его распрямились, глаза горели не прежним больным блеском, а так, как в тот день, когда я впервые его встретил. Надежда проснулась в нем снова. И видел я: не жалеет он, что мне поверил.

Тоже, видать, понял, в чем был подвох.

Ясенка тем временем совсем выздоровела. Я, правду сказать, побаивался немного встреч с ней, но она мне улыбалась, как брату родному, ничего не спрашивала, ни о чем не просила. Меня совесть мучила: не хотелось девке сердце разбивать. Но вроде бы ничего, обошлось как-то. Я видел — любо ей то, что стал делать ее отец. И хотя пришлось ему продать нарядные

платья ее и каменья, которыми прежде баловал, и не было никакой надежды, что скоро добудет новые, — а не похоже, чтобы это ее печалило. Было время — я подумывал даже, не взять ли ее второй женой. Правда, помыслить страшился, что на то скажет моя Счастлива, и все же... А после приметил — Ясенка стала поглядывать на одного парня, с каторги возвратившегося, а ныне вошедшего в дружину Сребляна. Улыбалась ему, да и он на нее глядел ласково. Тут уж я вздохнул — ну и пусть их, храни ее Радо-мать.

А сам я, что ж... в тот день тяжкий, как домой воротился, Счастлива меня не встретила. Я ее в дальней горнице нашел: сидела в углу, зареванная вся, а глаза злющие — только тронь! Я тронул, не побоялся. За плечи ее обнял, сказал: «Ну, почему злишься, глупая? Тебя люблю...» Она аж вскинулась, и тогда только дошло до меня, что никогда прежде я ей этого не говорил. И почему?..

Отец ее, Береста, как вернулся с рудников и все утряслось, стал у нас жить. Надломил его тот год, что он в шахте провел, — хворать он стал сильно, ноги ему то и дело отказывали. А меня, как и прежде, не любил. Оно и понятно — не для такого, как я, сопляка злого, дочку-красавицу берег. Ну уж как вышло, так вышло... Я ему сильно в ответ не рыкал, так, мимо ушей пропускал. Мамкину брань всю жизнь терпел — что ж тестя не потерпеть?

Еще из наших наладилось у Ольховичей. Они всей семьей на Салхан попали: самого Ольху, вестимо, сослали на рудник, жену его силой взял Среблянов друженник Лось, а детей у нее отняли и раскидали по разным семьям. Когда дружина раскололась, Лось на сторону бунтовщиков встал, потом в сече полег. Осталась вдовой Ольховиха — а тут и прежний муж подоспел, утешил. Я сам видел, как они потом по дворам бродили, в каждый дом заглядывали, детишек своих искали. Повезло — все попали к незлым людям, все согласились, что с настоящими родителями малым лучше будет. Как Дарко Ольхович ревел! Ну ревел — эхо стояло меж скал! Мал был еще, как ни крути, что с него взять.

А вот у малой Паstryковны так и не нашлось никого. Мать еще в пути на Салхан в трюме померла, отца за год на руднике уморили, старшая сестрица, затосковав, руки на себя наложи-

ла. А малая Пастрюковна знай себе бегает и хохочет. Смешливая росла, никакой не хотела ведать беды. Новые родители так и назвали ее — Смешиной. Вроде любили.

И сколько других еще было: Кожевичи, Сосновичи, Вороновичи... и много, много прочих, кто был не моего племени и кого я ни в лицо, ни по имени не знал. У кого-то наладилось, у кого-то нет. Но кто погиб — тот либо сам такую долю выбрал, либо знал, за что помирает. То уже было лучше, чем участь, накликанная далгантам Янь-Горыней.

Мне-то, правду сказать, легче пришлось, чем остальным. Некому мне уже было зло прощать — всем, кому должен был, я помстился. Оставалась малость — мною же причиненное зло отмаливать. Повинился я перед Счастливой за измену, за то, что в ту ненастную ночь сказал Ясенке. Зазноба моя норова не сдержала — рожу мне расцарапала. Ходил я неделю хмурый — собратья мои по дружине пальцами тыкали, ухохатывались. Потом простила. К жене Могуты сходил, той, что над ним пла-кала. Она к тому времени нового мужа себе взяла — бывшего каторжанина, из одного с нею села. Она ласково приняла меня, сказала, что зла не держит. Еще я ходил в дом к Тяготе. Были у него приемные родители, взяли его, когда попал он на Салхан несмышенышем, как родного растили. Те слушали молча. Отец его ничего не ответил, а мать сказала только: «Иди себе с миром». Я и ушел.

Другие еще были... ну да про всех поминать не буду. А только кажется, что целый год только и делал, что ходил и винился. И передо мной ходили винились. Хрум приходил. Мы с ним в корчме браги вместе выпили, надрались так — ноги не держали. Он меня потом до дому еле дотащил, я на пороге так и лег. Счастлива ругалась, Береста головой качал: выбрала в мужья пьянчугу, ничего не скажешь, выросла разумница!

А еще я часто думал про Ивку. Как тут повинишься, перед кем, когда даже праха не осталось? Просто думал. И теперь иногда думаю, до сих пор.

Так вот и жили... дивно то было, но всяко не более дивно, чем житье, которое вели далганты последние два с половиной века.

А как пришла весна, вышел в море первый торговый ко-рабль неродов. Не для грабежа вышел, не для лиха — для доб-

рой торговли. Кнеж меня на сей раз взял с собой — сказал: ты ничего не делай, только рядом стой, чтобы я вдруг не забыл, зачем в море иду, не взялся по привычке за старое. Говорил, а глаза смеялись. Научились опять смеяться кнежьи глаза... Правда, потом, как дошли до фарийцев, — не до смеху стало. Серебра у нас теперь было меньше, ртов больше, а в добрые помыслы наши купцы не особенно верили. Да и разве можно их в том упрекнуть? Тugo шла торговля... а кто говорил, что легко пойдет?

Началом это было, самым только началом долгого-предолгого пути.

Как вернулись назад, узнали, что помер дед Смеян. В городе никто и не знал, а приметили — перестал выходить поутру дрова колоть. Думали, занемог, да все забегались — никто не зашел... В конце концов забежал Дарко Ольхович глянуть. И нашел деда сидящим у очага, опиравшимся на свою клюку, мертвым уже несколько дней. Гусли его с ним рядом на скамье лежали. Дарко сказал, улыбался дед. Спокойно улыбался, радостно. Будто сбросил тяжкий груз с давно утомившихся плеч. Я пожалел, что так и не удосужился к нему зайти — повиниться за грубости и ему сказать: прощаю тебе, дед, то, что Счастливу мою кнежу на суд выдал. Теперь понимаю — правильно он тогда поступил, да и не умел иначе. Неродом ведь был, как и мы все.

Через месяц примерно после того, как вернулся я из-за моря, посередине лета (то было второе мое лето на Салхане), Счастлива однажды подметала избу, пока я стрелы стругал, и вдруг как охнула, как выронила метлу, как ухватилась обеими руками за живот! Глаза у нее круглыми стали, будто плошки, смешными прямо. «Лют! — закричала не своим голосом. — Лют!» Я все бросил, побежал к ней. Что, спрашивая, стряслось, али заболела?! А она вместо ответа глянула на меня круглыми этими глазами, руку мою схватила — и прижала ладонью к своему животу.

И тут почувствовал я, как шевелится там у нее, внутри. И услышал, вот ей же богу, услышал, как ударило раз, другой, третий под рукой у меня маленько новое сердце.

А Счастлива все смотрела на меня и смотрела, ошалело моргая.

— Лют, — спросила шепотом страшным, — что это?

Ну, как объяснить ей, дурехе?

Как кончил я ее обнимать-целовать, смог наконец руки расцепить, так сразу поверх головы ее на море посмотрел. Все, Янь-Горыня, отпустила, сдалась, проклятая. Не держит больше, можно ехать домой... можно... да нужно ли ехать?

— Ты куда? — окликнула меня Счастлива. Она все еще держалась обеими руками за разом как будто отяжелевший живот, и глаза ее никак не становились обратно такими, как были, — словно век теперь проходит, широко-широко распахнув их. Я улыбнулся. До ушей улыбнулся, хоть и боялся ее обидеть — а несть мочи было терпеть!

— К Окуню, — ответил; Окунем кузнеца звали, того самого, который два года назад оковы для меня ковал — а словно вчера это было! — Спрошу, может, коса или серп у него найдется.

И пошел, пока она не спросила зачем.

Шел, и солнце над головой у меня светило, Радо-матья тянула ко мне теплые руки. И больше всего на свете хотелось мне в то мгновение, чтобы сын мой, что по весне родится, первым съел хлеб, который я выращу собственными руками. Уж и не знаю отчего, а это казалось мне очень важным.

Елена Медникова

НЕ-ГЕРОЙСКИЕ ДОРОЖКИ*

*Вот так пропел небесный шансонье.
Вот так решили каверзные боги.
Три брата было нас в одной семье,
И каждый шёл по собственной дороге.
Один мой брат решил стать моряком
И бороздить земные параллели.
Другой увлёкся карточным столом,
А я в любви признался королеве.*

«Песня пажа» Б. Щербаков

С рассветом город покинули кошки. Сгинули разом, словно ни одного духа-хранителя в облике хвостатом, усатом и мурлыкающем никогда тут и не видели.

В полдень по всему городу завыли и зарычали собаки. Большие и маленькие, бездомные и цепные — псы словно взбесились все. Ощетинились, роняя пену из оскaledенных пасть. Они кидались на людей, друг друга, заборы и двери. Закричали напуганные и покусанные дети. Мужчины взялись за оружие. В городе полилась кровь.

Очнувшись от длившегося сутки транса жрец Дракона-Молнии вышел на ступени храма. Над городом клубилось нечто... тёмное. Или... нет, не тёмное, но чуждое невообразимо. Чуждое до мороза по коже, до отвращения и тошноты. Мужчина с трудом подавил рвоту. Хорошо, что двое суток без пищи. Бегом вернулся в храм. Выдернул из прессовальной машины первый попавшийся лист. Схватил угольный карандаш.

© Е. Медникова, 2007.

* Здесь «герой» — происхождение и образ жизни.

**Имя. Как его имя?!! Кто оно? Откуда взялось? Или его на-
слали люди Тёмных Вод? Молния! Нет времени! Где, куда маль-
чишка запрятал эту книгу??!**

Мужчина метался по келье, расшвыривая книги и свитки. Натыкался на углы, на пол летели посуда и оружие. Он не успевал. Катастрофически.

Клубы тяжёлого маслянистого тумана заполнили улицы. Они несли с собой удушливую, ни на что не похожую вонь и парализующий страх. Туман поднялся из Нижнего города. Против всякого естества и всех законов природы.

До Верхнего города крики взрослых и детский плач долетели не сразу. А потом стало поздно. Воинов Дракона-Молнии и городскую стражу нечто лишило воли и сил. Мечи и копья выпадали из слабеющих рук. Клинки проходили сквозь вязкие клубы, не принося вреда.

Туман, обретающий на глазах плотность и формы, вонь и ужас поглотили город. Так крупная рыба заглатывает целиком мелкую рыбёшку.

Жрец последним усилием воли бросил лист папируса в ритуальный огонь. На папирусе торопливым размашистым почерком были начертаны три слова: название города и имя поглотившего их существа.

*Вэрисс.
Неназываемая тварь.*

— Убить такую редкую и, возможно, вымирающую Тварь?! — Кетарн наскакивал на главу пантеона драконов и брызгал слюной. — Ни за что!! Это недопустимо!! Мы должны её отловить и нетравматично оттранспортировать в место обычного пребывания! Только так!!

Боги безмолвствовали. Делали вид, что им это не смешно. Или что их вообще тут нет. Дракон-Молния наливался бешеным. Бесполезным в данном случае, потому и сдерживался.

— И как ты предлагаешь её переправить туда? — Повторить выкрикнутое сыном богини Разрушения слово Несущий Молнии не решился.

— Очень просто! — Кетарн приосанился. Богиня Разрушения прикрыла глаза ладонью. — Поймать её Сетью Фенрира и оттащить за Грань. Ну или где она там живёт обычно?

— Очень хорошо. — Хозяин Молний помолчал. — Ты знаешь заклинание Сети Фенрира?

— Нет, — легкомысленно ответил Кетарн, — но я знаю того, кто знает.

Богиня Разрушения закатила глаза. Этот мальчик безумнее его отца. Определённо!

— И кто же это? — почти ласково продолжил Отец Молний.

Кетарн взглянул на него, как на душевнобольного.

— И вы полагаете, я вам скажу?

Богиня Разрушения приподняла брови. Весьма кстати, малыш проявляет признаки благоразумия. Удивительно!

— А ты не скажешь? — Под пальцами Дракона крошечными змейками поползли молнии.

— Разумеется, нет. — Во взгляде Полукровка отблесками на стали вспыхнуло безумие Разрушения, унаследованная им сила его матери.

Пространство вокруг богини задрожало, готовое прорвать-ся не-реальностью.

— Хорошо. — Молния-во-Плоти взял себя в руки. Битва между богами сейчас не ко времени. — У тебя есть пол-луны времени тварного мира.

Кетарн поклонился в ответ. Как младший старшему. Как положено Полукровку приветствовать Бессмертного.

Из дворца Змея Неба их вымело словно поганой метлой. Содрало с Кетарна человеческий облик. Разлохматило затейливо уложенные волосы богини.

Чёрный дракон проскрежетал когтями по плитам пола материнского дворца. Остановился, загнув кончик хвоста боевым наконечником вверх. Посмотрел на женщину. Богиня Разрушения смеялась, как девчонка.

— Что тебя развеселило, мама? — Дракон наклонил голову к правому плечу.

— Хороший мальчик, — богиня подошла к сыну, — умный мальчик. Правда, немножко сумасшедший.

— Разве ты хочешь, чтобы я стал героем?! — Кетарн искренне удивился.

— Нет, конечно. В чём разница между чудом и чудовищем? Нет её. Это только взгляд смертных. И некоторых любителей

наводить порядок. — Богиня фыркнула. — Ты действительно уверен, что сможешь?

— Один — нет. Но я же один не пойду. — Дракон задрал голову, шагнул вперёд, возвращая себе человеческий облик. — Заклинания я не знаю, сил волочь Неназываемую у меня не хватит. Но у меня есть мысль, кого можно позвать на помощь.

— Ты не поделишься со мной этой мыслью?

— Извини, мама, нет, — Кетарн подошёл к богине, поцеловал ей кончики пальцев, — здесь слишком много ушей.

— Жаль. Мне до смерти любопытно.

— Я расскажу потом. Обязательно, мама.

— Хорошо. Иди. — Богиня поцеловала сына в переносицу. — Возвращайся скорее.

Полукровок сделал первый шаг, перетекая в облик дракона, и второй закончил уже в тварном мире. Взглянул на солнце, определяя, где он и когда. Щёлкнул хвостом недовольно. Пол-луны тварного мира! Это четырнадцать дней! Скуп Пастух Молний, скуп до неприличия!

Дракон прищурился. Верхние ветры дули в нужную сторону. Кетарн прыгнул, разворачивая крылья.

Молодой дракон был на удивление вежлив и церемонен. Он говорил негромко, и каждая его фраза напоминала реплику фехтовального поединка. Глава военно-монашеского ордена Замка выслушал юношу благосклонно. И позволил ему поговорить с оружейником ордена.

Ради такого случая с оружейника пришлось снять обет молчания, принесенный им сразу по окончании последней Тысячелетней Войны. Но потомки богов просто так не приходят в затерянный на окраине Веера орден. Даже три года спустя после Войны.

Запахи огня, металла и масла заставили Кетарна улыбнуться. Огонь он любил, как свойственно дракону. А металл и разогретое масло навевали воспоминания о детстве. Сын богини Разрушения всё свободное время проводил в кузнице Мастера Оружия Дракона-Молнии.

Невысокий кряжистый мужчина стоял у окна, разглядывал широкий плоский клинок. На звук шагов Кетарна он неторопливо обернулся. И вопросительно поднял бровь. Юноша показал выданную секретарем главы ордена фибулу.

— Здравствуйте, мастер, — Кетарн поклонился так же, как совсем недавно кланялся Змею Неба, — вам дано разрешение говорить, если пожелаете.

Мужчина кивнул, бережно опустил клинок на подставку.

— Меня зовут Кетарн, я пришел просить помощи.

— Помощь? — Оружейник прищурился. — Дракон просит помощи?

— Да.

— Угм... Меня называют Уртальв. Какая помощь тебе нужна, дракон?

— Вы знаете о Неназываемых тварях?

— Слышал. — Мастер оперся кулаками о стол. Стол жалобно скрипнул.

— Одна из Неназываемых пришла в тварный мир. Меня хотели заставить убить её, но я не ишу судьбы героя. Я хочу поймать её и отправить обратно.

— Отправить обратно? — Казалось, оружейник не понял сказанного. — Не убивать?

— Да. — При необходимости Кетарн умел быть краток.

Уртальв прошелся по кузнице. Оглядел юношу с головы до ног. Ушипнул себя за локоть. Не исключено, что он ушипнул бы для проверки и Кетарна, но сын богини Разрушения опередил его.

— Только что закончилась Война, мастер. По-моему, достаточно смертей. Тем более не хочу быть охотничим псом богов.

— Почему ты пришел ко мне, дракон?

— Вы должны помнить те времена, когда Неназываемые приходили в тварный мир часто. Я думал, вы кого-то из них видели или убили. Мне нужен ваш опыт. Ваша сила. Вы старший из живущих сейчас Полукровок.

— М-м... — Мужчина отвернулся, глядя в окно.

Прошло несколько минут. Кетарн ждал — молча и неподвижно.

— Хорошо, — Уртальв повернулся к собеседнику, — я иду с тобой.

— Благодарю, — Кетарн поклонился, — сегодня вы успеете завершить срочные дела? Мы будем отсутствовать примерно десять дней.

— Да.

— Я приду за вами завтра на рассвете, мастер.

— Буду ждать. — Мужчина усмехнулся.

В самой глубине зрачков человека проявилось и ожило нечто: Та часть его крови, личности и силы, которой Кетарн не знал названия. Этот Полукровка был потомком ушедших богов.

Пощелкивание клавиш ноутбука стихло. Тесса прислушалась. Неужели Мордред вылез из-за компьютера?! Чудо! Вот истинное чудо!

— Душа моя, к нам гости, — сообщил с кухни бывший герой, — ты ждешь кого-то?

— Нет, — Тесса отложила книгу и подошла к окну, расправляя в шаль, — скорее это к тебе. — Своим зрением ворона-оборотня она различила ауры двух Полукровок.

— Хм... — Мордред возился с заварочным чайником из знаменитой исинской глины, гости ему сейчас были совершенно не ко времени.

— Ты текст сохранил?

— Нет. Сохрани, пожалуйста.

Тесса нажала комбинацию клавиш. Ноутбук послушно загурчал. Девушка вернулась к окну. Гости благоразумно ждали у границы охранных заклинаний.

Дом стоял на далеко вдающейся в озеро косе. Защитить его было легко. К тому же, через день прилив отрезал дом от суши.

— Они ждут.

— Да? — Мордред не желал прерывать ритуал заваривания чая.

— Да. Радость моя, разреши им войти. Два полукровки под окнами — это слишком для моих нервов!

— Гм! — Бывший герой накрыл разогретый чайник полотенцем.

Мордред подошел к двери и замер на секунду. Тесса почти услышала его беззвучный диалог с пришедшими. Она передернула плечами. Эти вспышки ихора в его крови не нравились ее собственной магии. Как иголкой царапало, тонко-тонко.

— Я их пригласил. — Мужчина уже вернулся к чаю и ритуалу.

— То есть я могу изображать гостеприимную хозяйку и светскую даму? — Тесса подбоченилась.

— Как хочешь, душа моя. — Мордред усмехнулся.

Он прошел на кухню. Тесса задумчиво посмотрела на дверь. Судя по поведению бывшего героя, гости не угрожали. Чего же они тогда хотят? Полукровки просто наносят визиты? С каких это пор?

Гости старательно протопали по крыльцу. Вежливо, не рывком, открыли дверь. И осторожно вошли. Тесса повернулась к ним.

Сначала юноша, явный дракон (а кто еще?) по виду. Второй — мужчина возрастом на вид около сорока лет. Герой. Этот фон от Полукровки ворон-оборотень не спутала бы ни с чем. А вот юноша... Он был совсем другим по ощущениям Тессы. Почему?

Движение сзади. Словно замковая стена, нагретая солнцем, возникла за спиной — подошел Мордред. И Тесса чувствовала, как принююхивается его ипостась Волка Войны. Его тоже заинтересовал этот мальчик?

— Приветствую вас, благородная госпожа, — юноша поклонился девушке, потом — хозяину дома, — прошу прощения, если мы не ко времени.

— Ничего, — Тесса решила обуздить пока своё любопытство, — входите. Располагайтесь. Кофе? Или чай?

На кофе согласились оба. Мордред фыркнул и вернулся к своему чаю. Тесса показала ему язык.

Юный дракон легко и непринужденно поддерживал беседу. Его спутник молчал, просто присутствуя. Тесса сдерживала вопросы на кончике языка. Волк Мордреда смеялся. Девушке очень хотелось ткнуть своего супруга острым локтем в бок и потребовать объяснений. Что-то же развеселило Волка Войны. Но что? ЧТО??

И что все-таки хочет эта странная парочка?

Наконец и кофе, и светский разговор закончились. И Кетарн приосанился, явно готовясь изложить свои мысли. Тесса насторожилась. Что им нужно от Мордреда? Вернуть его в стройные ряды героев? Фигушки!! Благородная госпожа приготовилась дать просителям достойный отпор. Но...

— Простите, госпожа Тесса, если мой вопрос покажется вам странным. — Дракон обращался вовсе не к Мордреду.

— А? — удивилась девушка.

— Я слышал, вы знаете действующее заклинание Сети Фенрира.

— От кого? — моргнула Тесса. Ну вот, а с виду такой хороший и воспитанный молодой человек, тыфу ты, дракон!

— Сороки на хвостах принесли, — уклонился от ответа Кетарн.

— Гм, — решил поучаствовать в беседе Мордред.

Старший Полукровка молчал, как заколдованный.

— Так вы в самом деле знаете это заклинание? — не унимался Кетарн.

— Возможно, — приняла невинный вид Тесса.

Она чувствовала, как Волк Мордреда насторожился и предупреждающе вздыбил шерсть на загривке. Вот только боя двух потомков богов не хватало ей в этом доме!

— Дело в том, что в тварный мир вышла одна из Неназываемых Тварей. И меня заставляли ее убить. Ну а я отказался. Но мы можем ее нетравматично оттранспортировать в место ее обычного пребывания. Для этого мне нужна Сеть Фенрира.

— Что сделать? — переспросила Тесса.

— Нетравматично оттранспортировать, — повторил юноша.

Мордред трясясь от беззвучного смеха. Спутник дракона по-прежнему изображал камень. Тесса на всякий случай осмотрелась. Может, она спит? И видит странный сон? Два Полукровки приходят к ней, чтобы *не* убить какое-то там чудовище. Невероятно!

— И он это без запинок выговаривает... — задумчиво сквозала девушка.

— Угу, — согласился супруг.

— Так вы знаете заклинание? — осторожно переспросил Кетарн.

— Знаю, — вздохнув, призналась Тесса.

— И вы мне поможете? — оживился юный дракон.

— Нетравматично что-то там сделать? — Девушка обменялась взглядами с бывшим героем. — Ладно. Пошли.

— Вот прямо сейчас? — удивился Мордред.

— Мне же интересно, что там в наш мир выползло, если собирают штурмовой отряд Полукровок. — Тесса легко поднялась и отправилась переодеваться.

— Ты уверена? — Волк Войны вилял самым кончиком хвоста, что у него всегда означало большой интерес.

— Абсолютно! Выключай ноут!

— Хорошо. — Мордред удалился.

Через семь минут потомок бога Войны и благородная госпожа Тесса были готовы выступать. Кетарн как раз успел отнести кружки и блюдца на кухню.

На Дорогах Тени время течет незаметно. Может, они шли час. Может, неделю. Замерзнуть или устать Тесса не успела. Казалось, всего через несколько шагов юный дракон вывел их в обычную реальность.

Стояли сумерки, скорее вечер, чем утро. Место оказалось странно *тусклым*, иначе не скажешь. И здесь *воняло*. Совершенно неописуемо *воняло*. Девушка закашлялась. Мордред покрхнулся. Кетарн сморщился. Только Уртальв остался невозмутим.

— Что это? — прохрипела Тесса.

— Она. Тварь, в смысле.

— Так воняет?! — Мордред вытер слезящиеся глаза.

— Да. — Кетарн съежился. Кажется, он впервые усомнился в своем замысле.

— По-моему, это проще убить. — Рядом с бывшим героем, почти проявившись в реальности, замерцали два его меча.

— Нет уж! — Девушка огляделась.

Позади была опушка леса, перед ними — гряда холмов. Никаких видимых признаков Твари, кроме этой чудовищной вони.

— И где она?

— Где-то там, — махнул рукой юноша.

— Ты можешь перейти в Облик? — Тесса оглядела юношу с головы до ног.

Вместо ответа он шагнул вперед. Крупный для обычных размеров своего клана черный дракон вопросительно взглянул на девушку.

— Найди ее.

Дракон взмыл в воздух. Мордред проводил его завистливым взглядом.

— Душа моя, эта Тварь должна так вонять? — спросила его Тесса.

— Не знаю.

— Она пахнет для каждого по-своему, — сказал старший Полукровка.

— Почему? — в один голос спросили бывший герой и ворон-оборотень.

— Такова ее природа, — объяснил Уртальв.

Из-под облаков спикировал дракон. Чешуя у него стояла дыбом.

— Она там, — Кетарн указал крылом, — думаю, там был город. Она большая. Сеть Фенрира может растянуться настолько?

— Насколько большая? — уточнила Тесса.

— С город. — Дракон развел крылья на полный мах, тут же плотно прижал к телу.

— Что с тобой? — поинтересовался Мордред.

— Эта Тварь — страх для всех живущих в тварном мире. Самый большой страх.

— Я же сказал, это проще убить! — Бывший герой потянулся к мечам.

— Нет, радость моя! — Тесса ни за что не позволила бы Мордреду убить эту невиданную жуть. Кто гарантирует, что её не призвал кто-то из богов? Хороший способ вернуть Мордреда на проторченную тропку героя! — Нет, мы не должны! — Дракон раскинул крылья. — Только нетравматично переправить обратно!

— Почему? — Потомок бога Войны недоумевал.

— Это чудовище, — пояснил Кетарн, чувствуя полное одобрение Тессы. — А работа таких, как ты и Уртальв, — убивать чудовищ. Меня тоже пытались заставить это сделать.

— И что же? — спросила девушка.

— Я никогда не искал судьбы героя, — хмыкнул юноша, — мои собственные пути меня привлекают больше.

Тесса улыбнулась дракону. Кто бы ни воспитал тебя, он был воистину мудр. И почему Мордреду не достался такой воспитатель?

А потом ей вспомнилась кое-что. И она мысленно произнесла имя. Вслух носитель имени просил его не называть.

Нечто черное, чернее самой лучшей китайской туши, проявилось рядом с Тессой. Оно сейчас имело облик очень большого кота. И было довольноым и сытым, как настоящий кот.

Уртальва как-то неуловимо поменял позу. Перетек, словно вода или ртуть. И от этого изменения кряжистый, выглядящий неуклюжим мужчина стал похож на вскинувшуюся в стойке угрозы кобру.

Черный дракон сложил крылья боевыми когтями наружу. Мордред приподнял брови. Из троих Полукровок только он был знаком с пришедшим.

— Странно пахнет, — промурлыкал кот.

— Здравствуй, сокровище. — Девушка хитро прищурилась.

— Мы развлекаемся? — Кот изучил троих Полукровок.

— Скажи, ты чего-нибудь боишься? — Тесса сделала честные и круглые глаза.

— Не знаю. — Кот зевнул.

— Хорошо! Вон там Неназываемая Тварь. Нам надо ее поймать и утащить отсюда. Дракон утверждает, что она — страх для всех живущих.

— Орлов! — Кот заинтересовался.

Черное существо слилось с тенями сумерек и исчезло. Вернулось оно минуту спустя. Шерсть — или что там у него вместо шерсти — стояла дыбом. Кот отфыркивался.

— Ты боишься! — Тесса была в восторге. — Ты все-таки чего-то боишься!

— Да, — неохотно признал кот.

— Может, мы уже пойдем ее ловить? — Мордреда ждала недописанная книга.

— Хорошо, — мрачно согласился дракон, — значит, мы к ней подкрадываемся, Тесса бросает заклинание. И мы быстро-быстро тащим ее за Грань.

— Вопросы есть? — Тесса оглядела «штурмовой отряд Полукровок».

Все покачали головами. Мордред и Тесса сделали шаг, и вот уже волк, ворон, дракон и черный кот стояли рядом с Уртальвом. Старший Полукровка не имел Облика. Или желания принимать его.

Дракон и ворон взлетели, кот спрятался в тенях, а человек побежал рядом с волком. Что-то на грани восприятия пронеслось над ними, когда Тесса бросила на Тварь Сеть Фенрира. И только Мордред чувствовал, насколько тяжело девушке контролировать и свой страх, и своё заклинание. А потом на него удушиловой волной накатил ужас.

Все-таки Тварь проще было убить — мысль мерцала на самом краешке сознания бывшего героя. Самый сильный страх. Не разбираться в его сути и происхождении. Не заглядывать внутрь себя. Не следовать урокам старого учителя. Просто броситься навстречу ему и уничтожить. Как физически уничтожают кровного врага. Даже зная, что это — не выход.

Мерцающие пути Сети стянули тело невероятного существа. Оно тяжело ворочалось, то ли просыпаясь, то ли пытаясь освободиться. И приблизиться к нему оказалось самым трудным в их жизни.

Волк со вздыбленной шерстью и поджатым под брюхо хвостом. Дракон, больше похожий из-за вставшей дыбом чешуи на странного ежа. Ворон, круглый из-за торчащих в разные стороны перьев. Сдавленно шипящий кот. Бледный до синевы человек.

— Ребята, давайте быстрее, — слабеющим голосом попросила девушка, — я это долго не удержу.

Зубы, лапы и руки уцепились за Сеть. Дернули все вместе и потащили, куда указал дракон. Шаг за шагом. Обливаясь холодным потом. Забывая все ругательные слова. Напрягая все силы, чтобы просто идти и дышать. От ужаса сводило все мышцы. Вонь выедала глаза и прерывала дыхание. Они потом так и не смогли вспомнить, была ли Тварь тяжелой. И страх или физическое напряжение скрутило мышцы так, что почти невозможно стало шевелиться.

Найденная Кетарном щель в реальности спружинила, принимая спеленутую Тварь. В последний миг Тесса сдернула заклинание. И словно лопнула перетянутая струна, ударила по нервам. Дракон от неожиданности плонул огнем. Ворон чуть не упала с высоты. Волк прижался к земле, словно перед прыжком. Кот свернулся в черную точку.

— Все, — сказал Уртальв.

Тварь исчезла. Щель между мирами закрылась, словно зажившая рана. И камнем скатился со всех ужас. Тесса все-таки плюхнулась волку на спину. Тяжело задышала, широко раскрывая клюв.

- Жуть какая, — выдавила девушка.
- Мне нужно теплое море, — простонал дракон.
- Море, — мечтательно мурлыкнул кот.

Волк распластался на земле. Тесса сделала маленький шажок, возвращая человеческий облик. Зарылась лицом в густую шерсть. Как это, оказывается, хорошо — не бояться! Не даваться каждым глотком воздуха.

- Оно того стоило? — судорожно зевнул волк.
- Что? — переспросила девушка ему в шерсть.
- Не становиться героем. Стоило оно этого?
- Да, — дракон с усилием сложил крылья, — право выбора этого стоит.

— Хорошо. — Волк изогнулся, коснулся плеча девушки носом.

- Море! — потребовал кот.
- Это не очень героично, — хихикнула Тесса.
- Зато жизненно!
- Но сагу про нас не сложат. — Девушка оседлала волка.
- Хватит уже саг. — Мордред вильнул хвостом.
- Морррее! — потребовал кот еще громче.

И Кетарн повел их Дорогами Тени.

Два дня спустя в мертвый город вошли посланцы жреца Змея Неба. Они появились в полдень, а покинули Верисс на закате. Посланцы искали следы атаки, хоть техногенной, хоть магической. И настоящие причины смерти города и людей. То, как их убила Неназываемая Тварь.

Вердикт людей Дракона гласил: «Город убил страх».

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА *акт*
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ**

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

**Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

ДВА КРЫЛА
Русская фэнтези
2007

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина

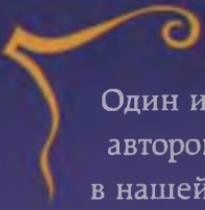
Общероссийский классификатор продукции
OK-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО « Типография издательско-полиграфического
объединения профсоюзов Профиздат»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Один из самых любимых жанров авторов и читателей фантастики в нашей стране. Фэнтези – во всем ее многообразии. Озорной юмор – и вполне серьезные проблемы. Увлекательные приключения – и оригинальные философские концепции. Миистические городские легенды – и неожиданные, таинственные повороты истории... Многообразие сюжетов и образов, персонажей и ситуаций. Повести и рассказы, относящиеся ко всем возможным стилям и направлениям фэнтези.

Звезды отечественной фантастики и молодые таланты – в сборнике «Русская фэнтези 2007»!

ISBN 978-5-17-046465-4

9 785170 464654